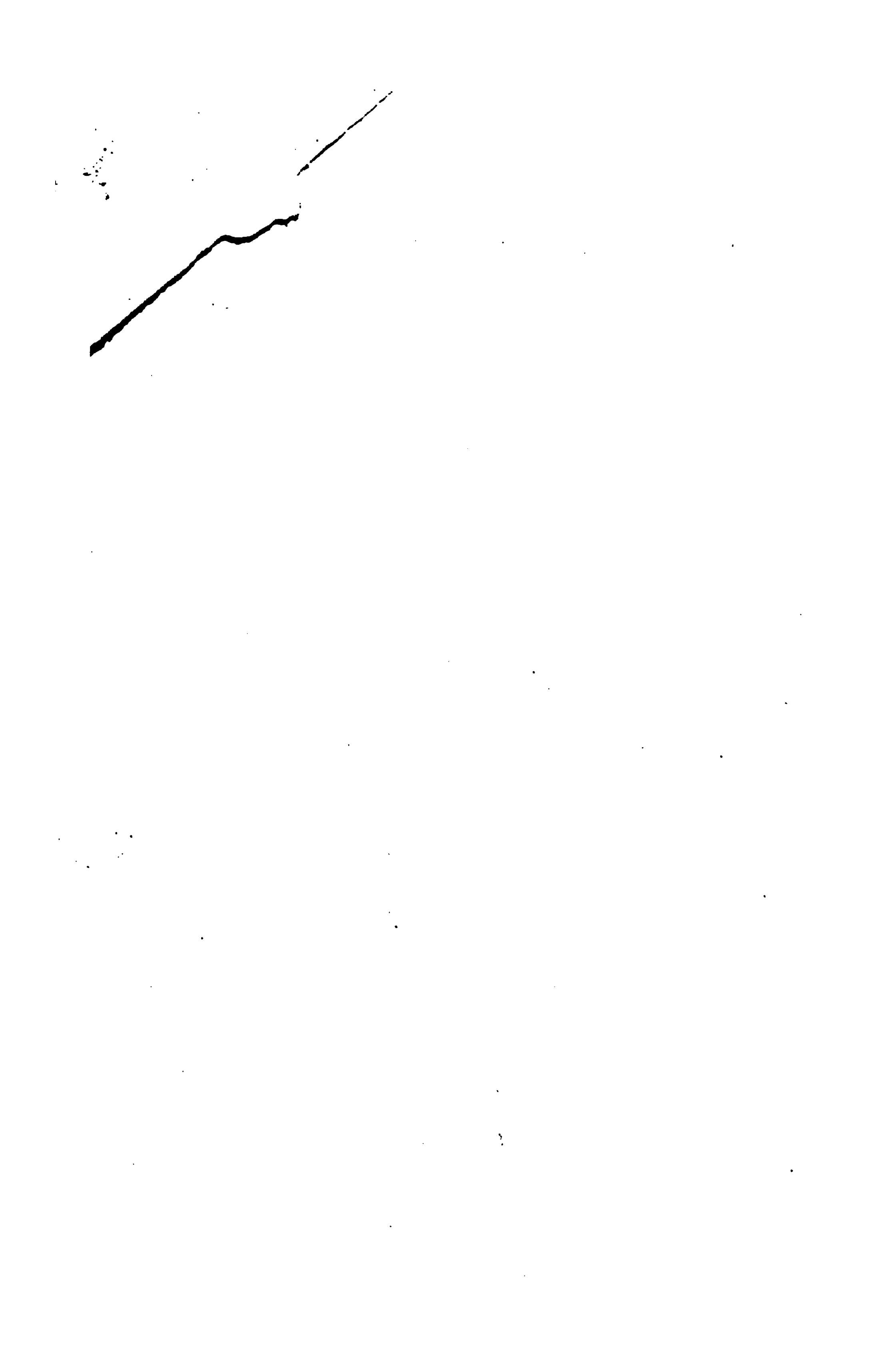


Д. И. ЭВАРНИЦКІЙ.

ВОЛЬНОСТИ

ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литогр. и фот. П. И. Бабкина. Уг. Оф. ул. и Англ. пр., д. 28/58.
1898.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Авторъ настоящаго труда имѣлъ цѣлью описать земли запорожскихъ козаковъ, обыкновенно называемыя вольностями низоваго товарищества, въ историко-топографическомъ отношеніи. Нельзя сказать, чтобъ это была легкая задача; напротивъ того, надъ подобной работой довольно сложной и, вслѣдствіе отсутствія собранныхъ воедино матеріаловъ и новизны темы, далеко не легкой, пришлось не мало потратить времени. Для подобной работы прежде всего нужно было пересмотрѣть мелкія статьи и замѣтки въ разныхъ органахъ печати юго-западнаго края и, самое главное, изучить на мѣстѣ топографію края. Авторъ уже въ теченіе десяти лѣтъ изучаетъ мѣстность бывшихъ вольностей запорожскихъ козаковъ; въ теченіе этого времени имъ просмотрѣно было достаточно различнаго рода документовъ въ архивахъ московскомъ, петербургскомъ, харьковскомъ и екатеринославскомъ, въ архивахъ монастырскихъ и церковныхъ и въ различныхъ собраніяхъ рукописей у частныхъ лицъ Екатеринославской и Херсонской губерній. Часть этого матеріала уже напечатана, часть хранится у автора въ подлинникахъ и копіяхъ. На основаніи этого матеріала, и не менѣе того на основаніи печатныхъ данныхъ, и сдѣлана попытка представить вольности запорожскихъ козаковъ въ историко-топографическомъ очеркѣ. Въ этомъ трудѣ указаны границы запорожскихъ вольностей, перечислены рѣки, вѣтви, пороги, заборы, камни, пещеры, острова, балки, байраки, шляхи, броды, перевозы, лѣса и т. п. Особенную трудность составляло собрать названія островов и пріурочить ихъ къ теперешнимъ именамъ;

трудность эта зависитъ частію отъ исчезновенія нѣкоторыхъ старыхъ острововъ и появленія вмѣсто нихъ новыхъ, частію отъ измѣненія ихъ величины и очертанія, частію отъ разныхъ наименованій, существующихъ для одного и того-же острова. Главными пособіями при описаніи острововъ автору служили два рукописныхъ плана: «Планъ рѣки Днѣпра съ раздѣленіемъ острововъ 1780 года» Арапова, собственность екатеринославскаго нотаріуса А. И. Егорова, и «Атласъ рѣки Днѣпра 1876 года» адмирала Петра Ивановича Пущина, собственность Императорской публичной библіотеки (рукописный отдѣлъ, T. IV, 267); оба плана unicum. Почти такого-же труда стоило найти и пріурочить бывшіе запорожскіе шляхи къ теперешней топографіи Для всѣхъ историческихъ запорожскихъ трактовъ, носившихъ въ свое время извѣстныя названія, теперь существуетъ одинъ общій терминъ «шляхъ» безъ собственнаго названія. Чтобы опредѣлить направленія запорожскихъ шляховъ и пріурочить ихъ къ современной топографіи, нужно было взять въ руки военные планы Миниха и Ласси и по нимъ изъ края въ край проѣхать каждый шляхъ. Для ознакомленія съ другими особенностями вольностей запорожскихъ козаковъ авторъ располагалъ картами Риччи Заннони 1772 года, на польскомъ и турецкомъ языкѣ; Ивана Исленьева 1779 года на русскомъ языкѣ; рукописнымъ планомъ города Екатеринослава 1786 года, unicum, составляющимъ собственность екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства А. П. Струкова; рукописными планами, хранящимися въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, подъ названіемъ «Екатеринославская губернія», №№ 17 и 18; картой Азовской и Новороссійской губерній 1778 года, находящейся въ томъ-же архивѣ. При объясненіи тюркскотатарскихъ словъ авторъ пользовался указаніями профессоровъ и оріенталистовъ Шерцля, Смирнова, Никольскаго, Остроумова, Вышнегорскаго, Корша и др.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Границы вольностей запорожскихъ козаковъ. Трудность опредѣленія точности границъ запорожскихъ вольностей. — Указанія малороссійскихъ лѣтописцевъ на границы запорожскихъ вольностей при короляхъ Сигизмундѣ I, Стефанѣ Баторіи и при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ.—Указанія границъ въ договорахъ бучацкомъ 1762 и карловичскомъ 1699 годовъ между Польшей и Турціей; бахчисарайскомъ 1671, константинопольскомъ 1700, межевой записи 1705, прутскомъ 1711 и пограничномъ инструментѣ 1740 и 1742 между Россіей и Турціей, въ указахъ 1751—1753 годовъ.— Опредѣленіе границъ вольностей въ 1766, 1772, 1774 годахъ и наканунѣ паденія запорожской Сичи.—Примѣненіе запорожской территоріи къ девяти уѣздамъ екатеринославской губерніи, тремъ херсонской, одному харьковской и одному таврической.

Границы вольностей запорожскихъ козаковъ въ разное время и отъ различныхъ обстоятельствъ постоянно мѣнялись. Отсюда, опредѣлить съ точностью предѣлы запорожскихъ вольностей, въ особенности на первыхъ порахъ исторической жизни козаковъ, довольно затруднительно, а иногда, при отсутствіи точныхъ на этотъ счетъ данныхъ, и совершенно невозможно. Первыми указателями въ этомъ вопросѣ являются малороссійскіе лѣтописцы; но наиболѣе достовѣрные и точные изъ нихъ ограничиваются въ этомъ случаѣ слишкомъ общими и неопредѣленными указаніями: «Поляки, принявъ въ свою землю Кіевъ и малороссійскія страны въ 1340 году, спустя нѣкоторое время всѣхъ живущихъ въ ней людей обратили въ рабство; но тѣ изъ этихъ людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владѣть мечомъ и не признавали надъ собой рабскаго ига, тѣ, не вынесши гнета и порабощенія, стали самовольно селиться около рѣки Днѣпра, ниже пороговъ, въ пустыхъ мѣстахъ и дикихъ поляхъ, питались рыбными и звѣриными ловлями и морскимъ разбоемъ на бусур-

все непорушно во вѣкы при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская мосць тоею грамотою своею козакамъ запорожскимъ укрѣпилъ и утвердилъ» [1]).

Взятая въ частностяхъ, грамота эта тщательно разобрана была русскимъ исторіографомъ XVIII вѣка, Григоріемъ Милиромъ, и оказалась наполненной позднѣйшими вставками и дополненіями, несоотвѣтствущими хронологическимъ даннымъ. Такъ, въ ней говорится о томъ, что за козаками оставленъ былъ ихъ старинный городъ Чигиринъ, со всѣми въ немъ запорожскими складами; но изъ документальныхъ данныхъ, а именно изъ грамоты короля Сигизмунда III черкасскому старостѣ Александру Вишневецкому «объ основаніи на пустомъ урочищѣ, называемомъ Чигринъ», извѣстно, что этотъ городъ основанъ въ 1589 году, тогда какъ грамота помѣчена 1576 годомъ [2]). Также несвоевременно было пожалованье королемъ Стефаномъ Баторіемъ козакамъ и стариннаго города Самары, такъ какъ этого города въ 1576 году и даже значительно позже этого времени не существовало. Въ 1583 году мимо устья города Самары шелъ козацкій вождь Самоилъ Зборовскій, и его біографъ Папроцкій, ничего не говоритъ о существованіи на Самарѣ города. При устьѣ Самары Зборовскій нашелъ только 200 человѣкъ «рѣчныхъ» козаковъ съ ихъ атаманомъ, занимавшихся охотой, рыболовствомъ и звѣроловствомъ и отсылавшихъ за пороги къ жившимъ тамъ козакамъ мясо убитыхъ звѣрей, для себя-же оставлявшихъ кожи съ нихъ [3]). Въ 1594 году ѣхавшій по Днѣпру къ запорожскимъ козакимъ германскій посолъ Эрихъ Ласота и останавливавшійся у устья рѣки Самары, также ни слова не говоритъ о существованіи у береговъ этой рѣки города Самары, хотя обо всѣхъ выдающихся мѣстахъ и урочищахъ на всемъ протяженіи своего пути Ласота говоритъ съ особенною подробностью и рѣдкою точностью [4]). Поэтому академикъ Григорій Миллеръ думаетъ, что городъ Самарь запорожцы получили уже при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Кромѣ того, странно допустить существованіе зимовниковъ

[1]) Полностью грамота приведена въ нашемъ трудѣ Исторія запорожкихъ козаковъ, Спб. 1895, II, 58—60.

[2]) Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

[3]) Paprozki, Panosza rycerstwa polskiego, Krakow, 1584, 103—111.

[4]) Кіевская Старина, 1884, сентябрь, X, 43, примѣч. 2

въ Запорожьи при гетманѣ Предславѣ Ландскоронскомъ, т.-е. около 1506—1512 годовъ,—существованіе ихъ возможно было лишь при условіи осѣдлости козаковъ, а во время Ландскоронскаго о такой осѣдлости не могло быть и рѣчи. Нельзя не обратить вниманія также и на то, что въ этой грамотѣ козаки, жившіе въ малороссійскихъ городахъ, и козаки, жившіе въ низовьяхъ Днѣпра, смѣшиваются въ одно, и центральный городъ первыхъ отдается вмѣстѣ съ тѣмъ и вторымъ, тогда какъ запорожцы не могли доказать своихъ правъ владѣній впослѣдствіи даже на рѣку Самарь, не говоря уже о земляхъ выше Самари, а тѣмъ болѣе о мѣстечкѣ Трехтемировѣ, находившемся выше Черкасъ и Бѣлой-Церкви и нѣсколько ниже Кіева. Наконецъ, въ грамотѣ Стефана Баторія указываютъ и на явное противорѣчіе: грамота то даетъ земли козакамъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ они издавна владѣли ими по Днѣпру, то въ позднѣйшихъ границахъ, когда козаки сосѣдили съ татарскими кочевьями ¹).

Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ универсалѣ 1655 года, января 3 дня, повторяетъ только грамоту короля Стефана Баторія и даруетъ запорожскимъ козакамъ земли въ размѣрахъ, означенныхъ королевскою грамотой ²). Но какъ весь гетманскій универсалъ и приводимая въ немъ королевская грамота дошла до насъ въ копіи, а не въ подлинникѣ, то брать ее за достовѣрный документъ не приходится, а потому границы вольностей запорожскихъ козаковъ, по неимѣнію документовъ, ни въ XVI, ни въ первой половинѣ XVII вѣка установить невозможно.

Первыя документальныя указанія на границы вольностей запорожскихъ козаковъ относятся къ 1681 году, когда поднятъ былъ вопросъ о бахчисарайскомъ перемиріи между Россіей и Турціей: въ то время южною границею между вольностями запорожскихъ козаковъ и кочевьями татаръ опредѣлялись рѣки Днѣпръ и Бугъ. «Въ перемирные лѣта отъ рѣки Буга и до помянутаго рубежа рѣки Днѣпра турки не должны были строить новыхъ городовъ и возобновлять старыхъ козацкихъ разоренныхъ городковъ и мѣстечекъ, оставить ихъ впустѣ и не принимать перебѣжчиковъ, крымскимъ, очаковскимъ и бѣлогородскимъ

¹) Миллеръ, Историческія сочиненія, 48; Кіевская Старина, 1886, X, 44.
²) Мышецкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1805, II, 59, 60.

татарамъ кочевать со своими стадами по обѣ стороны Днѣпра (и по сей и по той сторонѣ Днѣпра быть берегу и землямъ салтанова величества турского), на степяхъ около рѣчекъ, запорожскимъ и городовымъ козакамъ, промышленнымъ людямъ для рыбной ловли, звѣриной охоты и солянаго промысла Днѣпромъ и всѣми степными рѣчками обоихъ сторонъ Днѣпра до самаго устья Чернаго моря плавать вольно» [1]). Въ 1686 году Польша, заключая тринадцатилѣтнее перемиріе съ Россіей и уступая ей Кіевъ, Смоленскъ и другіе города, въ-то же время отказывалась и отъ всего Запорожья. «А внизъ реки Днепра, что іменуютца Запороги живущіе в Сече и в Кадаке и выныхъ мѣстехъ по Запорожию обрѣтающиися казаки в какихъ они тамо островахъ и поселенияхъ своихъ отъ Сечи въ верхъ Днепра на устьѣ реки Тясмина, которая впадаетъ в Днепръ, имѣютъ быти по сему жъ вѣчному договору во владѣніи и вдержаве великихъ государей, ихъ царского величества, такъ же вѣчно со всеми при нихъ будучими стародавными волностями и мѣстами, гдѣ они, запорожцы, всякое удоволствованіе какъ влѣсахъ, такъ взвериныхъ и рыбныхъ ловляхъ и соляныхъ промыслѣхъ добычи себѣ получали изстари, а отъ устья рѣки Тясмины рубежъ имѣетъ быть вверхъ вполе прямою чертою веденъ, Чигирина незаймуя и лѣсу, которой называется Черной, всторону іхъ царского величества імѣетъ належать» [2]). Въ концѣ этого-же столѣтія, по карловицкому миру, заключенному въ 1699 году, 26 января, между Австріей, Венеціей, Турціей и Польшей, послѣдняя получила обратно Украйну, Каменецъ и Подолію, но западною границею владѣній запорожскихъ козаковъ попрежнему считалась рѣчка Синюха, впадающая въ Бугъ [3]).

Мало данныхъ представляетъ для рѣшенія вопроса о предѣлахъ запорожскихъ вольностей и трактатъ 1700 года о тридцатилѣтнемъ перемиріи между Россіей и Турціей: здѣсь находятся указанія только на южную границу запорожскихъ владѣній. «Поднѣпровскіе городки всѣ разорить, мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ

[1]) Статейный списокъ Зотова и Тяпкина: Записки одесскаго общества исторій и древностей, II, 613, 623.

[2]) Архивъ министерства юстиціи; дѣла правит. сената по малорос. экспедиціи, 1843 годъ, № 132—1859, стр. 737.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XII, 127.

султановой сторонѣ пустымъ, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи запорожской до Очакова быть пустыми-же, только на половинѣ между Очаковомъ и Кизыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей, быть около того населенія окруженію съ ровикомъ и крѣпостцою, селу приличному, а вида городовой крѣпости и никакой обороны то окруженіе въ себѣ не имѣло-бы. Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царского величества, а отъ Перекопа и отъ края моря перекопскаго до перваго новаго азовскаго городка—Міюсскаго—землямъ быть праздными» [1]). Въ то время «барьеромъ» между вольностями запорожскихъ козаковъ и кочевьями ногайскихъ татаръ признаны были земли отъ рѣки Большой-Берды до города при устьѣ рѣки Міюса, гдѣ она впадаетъ въ Азовское море, и отъ рѣки Міюса къ рѣкѣ Дону [2]); ниже этого «барьера» запорожцамъ воспрещалось переходить на морскія косы, лиманы и озера для рыбной ловли.

На сѣверѣ запорожцы считали въ это время границей своихъ вольностей рѣчку Самарь, и въ 1703 году возбудили ходатайство черезъ гетмана Мазепу о выдачѣ имъ царской грамоты на владѣніе рѣкой Самарой на основаніи присланной войску грамоты во время построенія Новобогородицкаго городка. Мазепа, находя такое требованіе незаконнымъ, по этому сдѣлалъ такое донесеніе царю Петру. «О Самарѣ гетманъ доносилъ, что запорожцы, напрасно о томъ вымышляя, непристойно присвояютъ ее, потому что на то они не имѣютъ никакого права. Къ нимъ послана была лишь указная грамота великого государя во время построенія города съ увѣщаніемъ, чтобы они не дѣлали никакихъ шатостей. Привилейной-же государевой грамоты они вовсе не имѣютъ, и первая грамота, писанная къ нимъ, сдѣлана по отпискѣ Неплюева, но онъ, покойный, въ воинскихъ случаяхъ былъ сомнительный человѣкъ. А что до того, будто-бы они выпросили себѣ привилейную грамоту у польскаго короля, то король далъ имъ то, чего самъ не имѣлъ. Та рѣчка Самара взята гетманомъ Хмельницкимъ, находилась въ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи. Москва, 1879, XIV, 302.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 152.

гетманскомъ распоряженіи и всякая добыча (отъ нея)—десятая лисица, рыбная ловля, степная добыча—шла на гетмановъ. Запорожцы-же, взявши ее съ пасѣкой при Брюховецкомъ, и только по урочище Быкъ, присвоиютъ себѣ теперь всю степь и владѣютъ ею. Если на ту Самарь будетъ, по монаршескому соизволенію, пожалована грамота, то дать грамоту повелительную, но и то не на все владѣніе, по той причинѣ, что татары еще мало слушаютъ турокъ, и только послѣ того, когда турки окончательно приведутъ татаръ къ повиновенію, чтобы они не вздумали учинить краю (малороссійскому) какого-нибудь бѣдствія».

На такое представленіе гетмана Мазепы послѣдовала царская резолюція: въ «грамотѣ на владѣніе рѣчкой Самарой запорожцамъ отказать» [1]).

Въ 1705 году, іюля 26 числа, при новой размежевкѣ границъ между Россіей и Турціей, запорожцы писали гетману Мазепѣ: «Какъ было вѣку старожитного (отъ старожитнаго вѣка) укрѣпленіе границѣ (=границы) съ Портою, такъ чтобъ и нынѣ на томъ же было поновлено: преславной памяти антецессоръ королей полскихъ король Витултъ [2]), тотъ не сытому змію крови христіянской въ разширеніи его панства уста заградивши, и збивши съ охочимъ войскомъ запорожскимъ, которые въ то время обрѣталися Кошемъ у Семенова Рогу, у Бога (Буга), Старый Очаковъ, гдѣ теперь именуется Сто Могилъ и разоренію до часу сего подавши, постановилъ, а водою въ Днѣпрѣ границу таковымъ утвердилъ способомъ, естли кто хочетъ вѣдати наданные грунты войсковые водою въ Днѣпръ, пусть пустится верхо̂мъ въ море съ берега по та, даже пока конемъ не можетъ земли достигнути, по та мѣста отъ того же вышереченного короля водою есть назначена, которая граница изрядно бы то за дѣло подлинное устроено было гдѣ бъ по указу царского пресвѣтлого величества, а вашимъ радѣніемъ, яко ближняго сенатора боку царского, давно поставленная рѣчь была поновлена, дабы отъ всего народа россійского и насъ, войска, здѣсь въ Днѣпрѣ обрѣтающагося, царскому вели-

[1]) Письма и бумаги Петра В., СПБ. 1894, II, 195—202.
[2]) Витултъ или Витольдъ, великій князь литовскій, 1392—1430.

честву и велможности вашей къ вѣчной памяти были слава и и похвала» [1]).

Разграниченіе русско-турецкихъ границъ установлено было осенью 1705 года, и въ «межевой записи» этого-же года, 22 октября, между Россіей и Турціей, учиненной у рѣки Буга русскимъ думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцовымъ и турецкимъ пашей Эффенди Кочъ Мегметомъ, мы впервые встрѣчаемся съ точнымъ опредѣленіемъ границъ запорожскихъ вольностей, хотя впрочемъ съ одной лишь юго-западной стороны, отъ рубежа Польши. «Початокъ границъ отъ польскихъ концевъ, гдѣ польская граница скончалась, внизъ рѣкою Бугомъ до нашихъ коммисарскихъ обозовъ, и отъ нашихъ коммисарскихъ обозовъ паки рѣкою Бугомъ за два часа до Ташлыка, который называется потурецки Великій-Конаръ [2]), и отъ Великаго-Конара полемъ поперекъ рѣку Мертвово (Мертвоводъ), а перешедъ Мертвово полемъ черезъ Еланецъ, который потурецки называется Енгулою, гдѣ впадаетъ Великій-Ингулъ [3]); потомъ перешедши Великій-Ингулъ, полемъ до Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ черезъ бродъ Бекеневскій, который отъ Кизикерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того броду полемъ прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ оная впадаетъ въ Днѣпръ, а отъ Кизикерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончится граница» [4]). Впрочемъ, въ этой-же самой записи сдѣлана оговорка, что «подданные его царского величества вольно могутъ ходить на Лиманъ и на Черное море для всякихъ своихъ пожитковъ, токмо смирно и безъ оружія». Такъ опредѣлялась юго-западная граница запорожскихъ вольностей. Что касается юго-восточной границы, то она, какъ это видно изъ генеральной карты де-Боксета 1751 года, шла отъ устья рѣчки Каменки вверхъ по Днѣпру, гдѣ впервые въ него впадаетъ рѣка

---

[1]) Архивъ министерства иностр. дѣлъ въ Москвѣ; малороссійскія дѣла, 1734 и 1735 годъ, связка 69, № 6.

[2]) Какъ справедливо думаетъ Ястребовъ, до балки Большаго-Сухого-Ташлыка: Объяснительная записка къ картѣ елисаветград. провинціи 1772—1774 года въ Запискахъ одес. общ. ист. и древн., XIV.

[3]) Явная ошибка: здѣсь разумѣется рѣчка Сухой-Еланецъ, но она впадаетъ не въ Ингулъ, а въ Бугъ.

[4]) Полное собраніе законовъ, томъ IV, статья 2077, стр. 324.

Конка съ Плетеницкимъ лиманомъ, отсюда вверхъ по Конкѣ противъ теченія, потомъ по-надъ верховьями рѣчекъ Бердивки, Средней-Берды, Крайней-Берды и наконецъ по рѣкѣ Большой-Бердѣ до самаго устья ея, изливающагося въ Азовское море.

Съ 1709 по 1733 годъ запорожскіе козаки жили на земляхъ татарскихъ, сперва въ Алешкахъ, за рѣками Конкой и Чайкой, съ лѣвой стороны Днѣпра; а потомъ на границѣ русско-татарскихъ владѣній, при устьѣ рѣчки Каменки, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны въ тридцати верстахъ выше города Кызыкерменя. То было время, когда запорожцы, съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ во главѣ, желая видѣть «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городовое и низовое, не тилько въ ненарушимыхъ, лечь и въ расширенныхъ и размноженныхъ вольностей квѣтнучую и изобилуючую, отдалися въ оборону найяснѣйшаго короля его милости шведскаго, Карла XII» [1]); тогда они поплатились за то лишеніемъ своихъ вольностей въ предѣлахъ Россіи, должны были перейти на жительство въ турецко-татарскія земли и отдаться въ подданство крымскаго хана и турецкаго султана. Но такое лишеніе стародавнихъ вольностей продолжалось, однако, всего лишь два года. По несчастному для Россіи въ 1711 году прутскому миру, царь Петръ Алексѣевичъ долженъ былъ уступить Турціи большой уголъ земли, начиная внизу отъ Азова и идя вверхъ къ сѣверу до половины теченія рѣки Орели, отсюда, поворотивъ подъ тупымъ угломъ до устья рѣки Орели, изливающейся въ Днѣпръ; отъ устья рѣки Орели, перейдя Днѣпръ, вверхъ по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до мѣстечка Крылова; отъ мѣстечка Крылова, поворотивъ отъ сѣвера къ югу, по верховьямъ рѣкъ Ирклея, Ингульца, Ингула и до верховья рѣки Выси; отъ рѣки Выси по рѣкѣ Синюхѣ и до ея устья при рѣкѣ Бугѣ. Отдавъ туркамъ этотъ огромный уголъ земли, Петръ I въ то-же время долженъ былъ разорить собственными силами устроенныя русскими въ запорожскихъ вольностяхъ крѣпости Но-

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1822, IV, 318.

[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 302.

при тѣхъ, перешедъ тое рѣку Ингулъ, напротивъ поставлено два-жъ знака, а отъ тѣхъ, идучи къ Бекенейскому броду въ разстояніи тридцати девяти верстъ перейдена рѣка Исунь и сдѣлано два-жъ знака; а оттуда идетъ граница черезъ Малый-Ингулъ на Бекенейскій бродъ, которой, какъ въ трактатѣ 1705 года гласитъ, въ разстояніи десяти часовъ отъ Кизыкерменя; а отъ того брода идетъ граница полемъ прямо на устьѣ рѣки Каменки, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ въ разстояніи четырехъ миль отъ реченнаго Кизыкерменя [1]).

Съ восточной стороны владѣнія запорожскихъ козаковъ оставались въ предѣлахъ межевой записи 1705 года: начавъ отъ рѣки Конки, впервые впадающей въ Днѣпръ, противъ Каменнаго-Затона и Плетеницкаго лимана, далѣе вверхъ по ея теченію и отсюда, поворотивъ съ запада на востокъ, по степи прямо линіею по-надъ вершинами рѣкъ Токмака, Бердинки, Средней-Берды, Крайней-Берды до рѣки Большой-Берды и, наконецъ, по теченію этой послѣдней до самаго устья ея, впадающаго въ Азовское море [2]). Однако и для опредѣленія границъ запорожскихъ владѣнія съ восточной стороны потребовалась также особая коммиссія съ русской и турецкой стороны. По новому «инструменту», учиненному въ 1742 году русскимъ уполномоченнымъ княземъ Василіемъ Аникитичемъ Репнинымъ и турецкимъ коммиссаромъ пашею Хаджи Ибрагимомъ Капыджи, границы запорожскихъ вольностей съ восточной стороны опредѣлились слѣдующимъ образомъ. «Начавъ отъ вершины рѣки Конки, съ обѣихъ сторонъ поставили по одному кургану; отъ тѣхъ кургановъ прямою линіей разстояніемъ четверть часа—по такому-же кургану; оттуда тою-же линіей и въ томъ-же разстояніи еще по одному кургану; при западной вершинѣ рѣки Большой-Берды также по одному кургану; отъ вершины рѣки Конки до западной границы Большой-Берды разстояніемъ всего три четверти часа; между помянутыми рѣками, къ полуденной сторонѣ, вся земля отошла къ оттоманской имперіи; а съ полуночной стороны вся земля отошла къ россійской имперіи; а отъ раввинъ къ рѣкѣ Большой-Бердѣ и до новаго города—Міюсскаго,—находящагося въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Азовское море впадаетъ

[1]) Полное собраніе законовъ, т. XI, стр. 291, № 8276.

[2]) Смотри «Генеральную карту» де-Боксета и Каписта 1751 года.

рѣка Міусъ, во всемъ быть безъ перемѣны по тракту и конвенціи о границахъ 1700 года; рѣка-же Конка, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, утверждается вмѣсто пограничныхъ знаковъ и оставляется обѣими имперіями отъ впаденія ея внизъ рѣки Днѣпра; въ помянутыхъ рѣкахъ дозволяется пользоваться подданнымъ обѣихъ имперій безъ нарушенія. И по тому разграниченію начало границъ отъ вершины рѣки Конки, а конецъ у новаго города, который стоитъ при впаденіи рѣки Міуса въ Азовское море» [1]).

Этимъ договоромъ «опредѣлены были новыя границы, дававшія Россіи право провести за рѣкою Самарою новую линію, болѣе удобную и короткую, нежели прежняя, для прикрытія Украйны отъ набѣговъ татаръ, и болѣе близкую для того, чтобы предпринять завоеваніе Крыма, напасть на Очаковъ и дѣйствовать на Черномъ морѣ» [2]).

Тѣмъ-же договоромъ, по указу сената 1743 года, 16 ноября, дозволено было малороссіянамъ строить хутора и пользоваться землею по рѣку Самару; этимъ воспользовались жители полтавскаго полка и заняли полосу земли между лѣвымъ берегомъ Орели и правымъ Самары, которую искони вѣковъ запорожскіе козаки считали своей землей; для большей крѣпости, полтавцы захватили даже городъ Старую Самару и поставили въ ней свою сотню; но, по предписанію сената 1744 года, августа 23 дня, «старосамарцамъ въ вольности запорожскія мѣшаться запрещалось» [3]), а городъ Старая-Самара войску запорожскому возвращалась и впослѣдствіи (съ 1762 года) разорена была запорожскими козаками. Въ 1745 году велѣно было поселить на границѣ Украйны девять ландмилицкихъ полковъ; для чего опредѣлялось взять отъ юго-восточной границы Украйны внутрь линіи на 40, и за линію на 30 верстъ земли; тогда украинцы, перешагнувъ Орель, заняли здѣсь на 30 верстъ къ востоку отъ лѣваго берега ея луговыя мѣста, завели хутора и селенія, между прочимъ, слободу Куриловку, основанную китай-городскимъ сотникомъ Семеновымъ, которую потомъ запорожцы, занявъ орельскія мѣста войсками, перенесли въ

---

[1]) Записки одесскаго общества ист. и древн., т. II, отд. II, III, стр. 835
[2]) Записки графа Миниха, С.-Петербургъ, 1874, 56.
[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 49.

рдугое мѣсто и назвали ее, по имени кошевого Петра Калнишевскаго, Петровскою или Петриковскою [1]). Съ этихъ поръ начался продолжительный и ожесточенный споръ между старосамарцами съ одной стороны и запорожцами съ другой.

Въ это-же время возникъ споръ за пограничныя владѣнія на восточной границѣ запорожскихъ вольностей между запорожскими и донскими козаками. Чтобы покончить распри между донцами, старосамарцами и запорожцами, правительство Елисаветы Петровны издало особый указъ 1746 года, апрѣля 15 дня, считать границы запорожскихъ вольностей, съ сѣверной и восточной стороны, отъ рѣки Днѣпра рѣчками Самарою, Волчьей, Бердою, Калчикомъ, Калміусомъ и «прочими, впадающими въ нихъ рѣками и принадлежащими къ тѣмъ рѣчкамъ косами, балками и всякими угодьями по прежнюю 1714 года границу, которая оставлена въ сторонѣ россійской имперіи и по послѣднему разграниченію съ оттоманскою Портою» [2]).

Однако, споры за пограничныя владѣнія на сѣверной сторонѣ продолжались и послѣ этого. Въ 1752 году, октября 5 дня, запорожскіе козаки подали жалобу на высочайшее имя императрицы Елисаветы Петровны, что полтавскій полковникъ Горленко представилъ гетману графу Кириллу Разумовскому, будто-бы старосамарцы владѣли обоими сторонами рѣки Самары, со всѣми ея лѣсными и другими угодіями, начиная отъ устья ея и дальше вверхъ на 50 верстъ и болѣе, и просилъ гетмана тѣ земли у запорожскихъ козаковъ отобрать. Запорожскіе козаки, напротивъ, доказывали, что хотя старосамарскіе жители въ тѣхъ вольностяхъ и лѣсъ рубили, и сѣно косили, и рыбу ловили, и землю пахали, и пчелу разводили, но дѣлали то по дозволенію войска запорожскаго и самарскихъ полковниковъ за извѣстную, отбираемую отъ нихъ въ пользу войска, десятину [3]). Тогда отъ запорожскихъ козаковъ потребовали подлинныхъ документовъ на право владѣнія ихъ вольностей. По этому требованію кошевой Данило Стефановъ Гладкій, 1753 года, октября 6 дня, отправилъ въ войсковую ма-

[1]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 53.
[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 135.
[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 47.

лороссійскую генеральную канцелярію копію съ универсала гетмана Богдана Хмельницкаго, 1655 года, и указа императрицы Елисаветы Петровны 1746 года и просилъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, чтобы и онъ «по силѣ того гетмана Богдана Хмельницкаго унѣверсалу», подтвердилъ собственнымъ универсаломъ-же права запорожцевъ на владѣемыя ими земли. Но гетманъ Разумовскій, на основанін однихъ копій съ крѣпостныхъ документовъ, а болѣе всего на основаніи копіи съ универсала Хмельницкаго, никѣмъ не засвидѣтельствованныхъ, исполнить просьбу запорожцевъ отказался. Онъ потребовалъ, чтобы запорожцы, а съ ними вмѣстѣ и старосамарцы, представили подлинные документы, выслали депутатовъ отъ войска, назначили слѣдователей съ той и другой стороны и законно указали, «по какія точно мѣста владѣніе запорожскаго войска должно простираться, и какими землями старосамарскіе жители испрежде владѣли и нынѣ имъ владѣть надлежитъ» [1]). Созванные по этому поводу запорожскіе сторожилы также подтвердили, что войско запорожское издавна владѣло угодьями по Самарѣ до рѣчки Орели, почему Кошъ вновь просилъ черезъ гетмана императрицу Елисавету Петровну, «чтобъ полтавскому полку въ Самарѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ владѣніе, по силѣ означеннаго 1746 года правительствующаго сената указа, отказать и туда въ Самарь ни за чѣмъ тому полку и старосамарскимъ жителямъ мѣшаться не велѣть» [2]). На эту просьбу запорожскихъ козаковъ послѣдовалъ въ 1756 году, августа 10 дня, слѣдующій отвѣтъ: «Хотя войско запорожское просило объ отказѣ старосамарскимъ жителямъ во владѣніи самарскими мѣстами и о дачѣ тому запорожскому войску на всѣ владѣемыя ими изъ давнихъ временъ земли и угодья грамоты, то понеже о всѣхъ владѣемыхъ ими, запорожцами, земляхъ и угодьяхъ, кромѣ выше реченныхъ въ 1746 году опредѣленныхъ мѣстъ, въ нашемъ правительствующемъ сенатѣ точнаго извѣстія и описанія нѣтъ, а грамоты 1688 и универсалы 1655 годовъ, на которые они, запорожцы, ссылаются какъ здѣсь въ малороссійскихъ дѣлахъ такъ и въ Москвѣ, въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 78.
[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 132, 133.

нашлося, тако-жъ хотя отъ запорожскаго войска въ 1752 году отъ 5 октября писано, что когда гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ подъ всероссійскую державу поддался, въ то время и еще напредь и послѣ того войско запорожское рѣкою Днѣпромъ отъ Переволочной и впадающими по обѣ стороны въ оную рѣку Днѣпръ всѣми рѣчками и другими угодьями, а паче рѣчкою Самарою и имѣющимися въ оной лѣсами, степями и протчими угодьями владѣли, а малороссійскіе жители якобы никогда тою землею не владѣли, то оное войско запорожское представляетъ весьма напрасно, и имъ, запорожцамъ, толь многихъ земель, какъ они пишутъ, даже по самую Переволочну присвоивъ, допустить не слѣдуетъ, ибо когда гетманъ Богданъ Хмельницкій съ народомъ малороссійскимъ подъ высоковластную державу россійской имперіи въ подданство пришелъ, въ то время всѣ городы, села и деревни и оное войско запорожское состояли въ одной дерекціи гетманской и между Малою Россіею и войскомъ запорожскимъ границъ не было, но гдѣ имѣлись незанятыя поселеніемъ пустыя земли и лѣсныя угодья, тамъ какъ запорожскимъ, такъ и малороссійскимъ козакамъ въ пристойныхъ мѣстахъ пасѣки держать, рыбу и звѣрей ловить было невозбранно, а къ Сѣчи запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало» [1]).

Въ 1751 году границы вольностей запорожскихъ козаковъ еще болѣе сократились, вслѣдствіе отдачи нѣкоторой части ихъ подъ поселенія вышедшихъ въ Россію сербовъ и румынъ. Сперва, въ 1752 году, явились въ Россію сербы съ Иваномъ Хорватомъ отъ-Куртичемъ во главѣ; они заняли сѣверозападную окраину запорожскихъ степей и образовали здѣсь такъ называемую Новую Сербію съ крѣпостью св. Елизаветы, названною въ честь имени императрицы Елизаветы Петровны, состоявшею изъ правильнаго шестиугольника и имѣвшею вмѣстѣ съ внѣшними укрѣпленіями до 6 верстъ въ окружности. Новосербамъ даны были лучшія земли теперешней херсонской губерніи по рѣчкамъ Тясьмину, Выси, Синюхѣ и верстъ 60 южнѣе степи между Бугомъ и Днѣпромъ. Цѣлью поселенія новосербовъ была охрана окраины

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 136, 137.

русскихъ земель отъ запорожцевъ и татаръ. Охрана эта состояла въ томъ, что новосербы строили рядъ земляныхъ шанцевъ и форпостовъ, въ которые сажали милицію, наблюдавшую за всякимъ движеніемъ козаковъ и татаръ. Такъ, въ Тресагахъ, на рѣчкѣ Выси, у польской границы, устроена была пятиугольная крѣпость, а разныя другія селенія укрѣплены были четыреугольными шанцами и названы вмѣсто русскихъ именъ именами крѣпостей австрійской военной границы: Ольховатка—Панчовымъ, Нестеровка — Вершацомъ, Стецовка — Шолмошемъ, Андрусовка — Чонградомъ, Плахтіивка — Зимунемъ и т. п. Для того, чтобы предупредить набѣги запорожцевъ и татаръ на Новосербію и дальше, поселенцы ставили на высокіе курганы обвязанные соломой шесты и, при первыхъ признакахъ опасности, зажигали ихъ огнемъ и тѣмъ самымъ ставили жителей въ оборонительное положеніе [1]).

Въ слѣдъ за сербами Ивана Хорвата и отъ—Куртича пришли въ Россію, въ 1753 году, изъ Австро-Венгріи славяносербы съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ де-Прерадовичемъ во главѣ: они заняли сѣверовосточныя окраины запорожскихъ степей и образовали здѣсь такъ называемую Славяносербію съ крѣпостью Бахмутомъ, получившею названіе отъ рѣчки Бахмута, притока Сѣвернаго Донца. Тогда отъ вольностей запорожскихъ козаковъ отошелъ съ одной стороны, въ сѣверовосточномъ углу, участокъ земли, заключенный между рѣчками Сѣвернымъ-Донцомъ, Бахмутомъ и Луганью, и съ теченіемъ времени все пространство земли почти до самой вершины лѣваго притока Днѣпра Самары; а съ другой, въ сѣверозападномъ углу, отъ вольностей запорожскихъ козаковъ отошелъ большой участокъ земли, начиная отъ устья рѣчки Кагарлыка [2]) и идя далѣе прямою линіей до верховья рѣчки Турьей, а отъ верховья рѣчки Турьей по устью рѣчки Каменки, лѣваго притока рѣки Ингула; отъ устья рѣчки Каменки на устье рѣчки Березовки, лѣваго притока тогоже Ингула; отъ верховья Березовки на вершину рѣчки Омельника [3]) и отсюда

[1]) Матеріалы для статистики россійской имперіи, Спб., 1839, 170.

[2]) Теперь херсонской губ. елисаветградскаго уѣзда.

[3]) Теперь херсонской губ., александрійскаго уѣзда.

нимъ по рѣчкѣ Омельнику до самаго устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, уступя отъ польскихъ границъ на 20 верстъ [1]).

Въ тоже время, въ 1752 году, апрѣля 20 дня, у запорожскихъ козаковъ отдѣленъ былъ еще участокъ земли отъ рѣчки Омельника внизъ по рѣчкѣ Самоткани для поселеній тѣхъ-же новосербовъ. «Хотя къ Днѣпру на нѣкоторое небольшое разстояніе въ число тѣхъ опредѣленныхъ мѣстъ (новосербскихъ) рѣчка Самоткань и не пришла, но уже къ вѣчному поселенію тѣхъ обывателей границей ихъ владѣній, для живаго рубежа, положена по самую рѣчку Самоткань, рѣчки-же Бешка въ новосербскомъ и козачьемъ, а Верблюжка почти вся въ слободскомъ поселеніяхъ состоять». Въ силу этого указа всѣ запорожскіе зимовники, находившіеся по лѣвому берегу рѣки Самоткани, велѣно было, въ виду прекращенія ссоръ, воровства, грабительствъ и разбоевъ со стороны запорожскихъ гайдамакъ, перенести на другія удобныя мѣста, въ запорожскихъ-же дачахъ состоящія [2]).

Къ двумъ поселеніямъ, Новосербіи и Славяносербіи, въ то-же время, въ 1752 году, ноября 20 дня, по именному указу императрицы Елисаветы Петровны, прибавилось еще и третье, на границѣ вольностей запорожскихъ козаковъ, поселеніе слободскаго малороссійскаго полка. Опредѣленіемъ сената, отъ 18 августа, 1752 года, велѣно было водворить это поселеніе слободскаго малороссійскаго полка въ той-же сѣверозападной окраинѣ запорожскихъ земель, на 20 верстъ ниже новосербской границы, «учредить ихъ козаками такъ, какъ слободскіе полки состоятъ, и быть въ вѣдомствѣ крѣпости святыя Елизаветы коменданта» [3]). А указомъ 1756 года, іюня 16 дня, на имя коменданта крѣпости св. Елизаветы, Глѣбова, за слободскимъ малороссійскимъ полкомъ утверждались рѣчки—Самоткань, Бешка и Верблюжка, запорожцамъ-же велѣно было владѣть по границу 1714 года, а всѣ запорожскія земли приказано было снять и положить на карту; но такъ какъ послѣднее не было исполненно, «то положена была только черта границы тогдашней Новосербіи и поставлены, въ немаломъ отда-

---

[1]) Карта де-Боксета 1751 года; грамота Разумовскому 1751 года.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, СПБ., 1888, 184—186.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 192, 144,

леніи, подаваясь къ Сѣчи, компанейскихъ и малороссійскихъ полковъ форпосты» [1]). Въ 1758 году по снимку геодезиста Семена Леонтьева, сѣверозападная граница вольностей запорожскихъ козаковъ, со стороны поселенія слободскаго малороссійскаго полка, ограничивалась чертой, начиная отъ устья рѣчки Чернаго-Ташлыка, притока рѣчки Синюхи, потомъ вдоль рѣчки Сугаклея-Камышеватаго, праваго притока рѣки Ингула, далѣе черезъ рѣку Ингулъ, лѣвый притокъ Ингула, рѣчку Аджамку, между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки, и кончая прямою линіей у лѣваго берега рѣки Днѣпра [2]). Въ слѣдующемъ году, марта 17 дня, сдѣлано было запорожскими козаками «крѣпкое подтвержденіе изъ селеній Новосербіи уходящихъ козаковъ отнюдь не принимать». Возникшіе пограничные споры между запорожцами и поселенцами слободскаго малороссійскаго полка заставили русское правительство выслать въ 1760 году, января 19 дня, геодезиста Ивана Исленьева, для размежеванія запорожскихъ земель, но запорожцы нашли въ размежеваніи Исленьева нѣкоторыя невѣрности, подали о томъ письменное прошеніе и тѣмъ удержали высланнаго геодезиста отъ дальнѣйшихъ его дѣйствій. Въ 1763 году для размежеванія границъ между владѣніями запорожскихъ козаковъ и поселянъ слободскаго малороссійскаго полка высланы были запорожскіе депутаты, но, за спорами, противники вновь не пришли ни къ какому соглашенію [3]).

Спустя три года, въ 1766 году, границы вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись со всѣхъ сторонъ слѣдующимъ образомъ. «Земли запорожскихъ козаковъ, состоящія большею частью изъ пустой и дикой степи и простирающіяся въ окружности около 1700 верстъ, распространяются отъ Сѣчи по правой сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кызыкерменю до рѣки Каменки, гдѣ начинается турецкая граница къ Очакову, около 100 верстъ. Отъ устья этой рѣки Каменки земли идутъ по рѣкѣ Бугу черезъ рѣчки Ингулецъ, Висунь, Ингулъ, Громоклею, Еланецъ, Солоную, Мертвоводъ, Гарбузинку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной границѣ съ турец-

[1]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 35.
[2]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., приложенія, карта де-Боксета
[3]) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 54.

или областью, болѣе 160 верстъ. Съ другой стороны Сѣчи земли шли вверхъ по Днѣпру до устья рѣки Самоткани, потомъ по рѣчкѣ Самоткани и черезъ степь по границѣ Новороссійской губерніи до рѣчки Буга, разстояніемъ болѣе 550 верстъ. Съ лѣвой стороны рѣки Днѣпра земли запорожскихъ козаковъ идутъ отъ устья рѣки Самары, потомъ вверхъ по Самарѣ до рѣки Конки, далѣе по-надъ Конкою до устья ея въ Днѣпръ ниже Каменнаго-Затона, что противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскіе козаки содержатъ черезъ Днѣпръ перевозъ на крымской дорогѣ; въ этой окружности болѣе 550 верстъ» [1]).

Въ 1766 году, когда пограничные форпосты украинской линіи «переведены были на самую черту», запорожцы вновь подняли вопросъ о неправильномъ захватѣ ихъ земель новосербами и требовали новаго размежеванія границъ. А спустя два года, когда учрежденъ былъ постъ изъ запорожскихъ козаковъ въ слободѣ Желтой, для защиты поставщиковъ провіанта во время второй турецкой войны, запорожцы захватили эту слободу въ свои руки, устроили въ ней паланку, а около нея постепенно забрали нѣкоторыя другія селенія съ ихъ людьми, и потомъ объявили, что и Елисаветградская провинція поселена на ихъ землѣ [2]).

Съ 1772 по 1774 годъ на картѣ Елисаветградской провинціи владѣнія запорожскихъ казаковъ по западной границѣ опредѣлялись линіей, начиная отъ устья рѣки Мигейскаго-Ташлыка, впадающаго въ Бугъ съ лѣвой стороны, и кончая устьемъ рѣки Самоткани, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, границей, установленной въ 1764 году; на южной границѣ отъ рѣки Буга ниже Мигейскаго-Ташлыка черезъ Гарбузинку, Мертвоводъ, Солоную, Еланецъ, Ингулъ, по-надъ правымъ берегомъ Доброй, черезъ Висунь, Ингулъ и къ устью рѣки Каменки, впадающей въ Днѣпръ выше Кызыкермена [3]). На сѣверо и юговостокѣ въ это-же время, въ 1772 году, запорожскіе козаки показывали границу своихъ вольностей слѣдующимъ обра-

1) Чернявскій, въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 80.
2) Григорій Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1847, 54.
3) Ястребовъ, Объяснительная записка къ картѣ елисаветградской про-винц., 1885 г.

зомъ: «Отъ вершины Орели, съ-подъ крѣпости Тройчатой, до вершины Береки, а оною прямо по-подъ линіею противъ Петровской крѣпости въ Донецъ упавшей на устье оной (т. е. отъ вершины Береки до устья ея), въ которую Береку впадаютъ рѣчки Бритай и Комышеватая; отъ устья Береки прямо Донцемъ до Товалскаго байрака по зовемой новой чертѣ Княжемъ Косоговымъ рвомъ, дѣланной до Теплянского Святогорскимъ монастыремъ владѣемаго лѣса; оттоль-же по той чертѣ Голою долиною на гору до урочища Сѣрковой могилы, гдѣ нынѣ фарпостъ состоитъ; отъ той могилы въ Сухой-Торецъ на Сѣркову гатку; отъ гатки до урочища рѣчки Бычка, зовемаго нынѣ Клибыного; чрезъ оный же Бычокъ въ Кривой-Тиръ на Песчаный бродъ и чрезъ вершину рѣчки Кринки на пограничныя поблизу Міуса двѣ могилки отъ могилокъ чрезъ Міусъ на вершину морского Чулека [1]; отъ Чулека на устье Темерника, впадающаго въ рѣку Донъ, до граничныхъ могилъ» [2]).

Въ 1774 году, послѣ мира Россіи съ Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи, 10 іюля, владѣнія запорожскихъ козаковъ увеличились съ одной стороны, по лѣвому берегу Днѣпра, большимъ участкомъ земли противъ бывшей турецкой крѣпости Кинбурна, а съ другой стороны, по правому берегу Днѣпра, тѣмъ угломъ земли, который находился между устьями рѣкъ Каменки и Буга и рѣчки Ташлыка. Тогда границы запорожскихъ владѣній установлены были въ такихъ граняхъ. По лѣвой сторонѣ Днѣпра пограничная линія шла, начиная снизу вверхъ отъ мыса Кинбурна [3]), отдѣляющаго Черное море отъ Днѣпровскаго лимана, по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра мимо Збурьевскаго кута до урочища Голаго перевоза и нарочно насыпаннаго съ углями при перевозѣ кургана, разстояніемъ семьдесятъ пять верстъ. Отъ этого кургана, отъ юга къ западу, на твердую землю прямою линіей три версты и сто девяносто четыре сажени до стоявшаго на дорогѣ кургана; отъ этого втораго кургана, отъ юга къ западу, прямою линіей длины

---

[1]) Турецкое чулек—круговое движеніе воды, водоворотъ.

[2]) См. XXI дѣло въ первомъ изданіи настоящей книги.

[3]) По-татарски «Кылбурунъ»—что значитъ «волосяной мысъ», т. е. мысъ тонкій, какъ волосъ.

семь верстъ и двѣсти девяносто саженъ до третьяго нарочно насыпаннаго съ углями кургана; отъ этого мѣста прямою линіей, отъ юга къ западу, длины пять верстъ и сто шестнадцать саженъ на случившійся курганъ Мезарлы-Тепе; отъ кургана Мезарлы-Тепе, повернувъ отъ запада къ сѣверу, прямою линіей чрезъ Копъ-Кую или Каменный-Колодезь до Чернаго моря, длиною двадцать восемь верстъ до нарочно насыпаннаго у берега кургана; берегомъ-же Чернаго моря отъ повторяемаго колодца до Кинбурна сорокъ шесть верстъ, чѣмъ и замыкается вся окружность земли къ Кинбурну.

Въ соотвѣтствіе этому на правомъ берегу Днѣпра пограничная линія шла по рѣкѣ Бугу отъ Гарда или отъ устья рѣчки Ташлыка при Гардѣ, тамъ, гдѣ лежитъ камень для означенія границы, до самаго устья Буга при урочищѣ Скелевской-Рогъ, ниже Семенова-Рога, и отсюда вверхъ по Днѣпру до того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ рѣчка Каменка. Соединеніе водъ Днѣпра и Буга дѣлало живую границу между владѣніями турецко-татарскими и запорожскими. Разстоянія отъ Гарда или отъ прежней границы при устьѣ впадающей въ Бугъ незначительной рѣчки Ташлыка, по лѣвому берегу Буга до Скелевскаго-Рога—сто семьдесятъ девять верстъ, а исключая разные повороты, слѣдуя по дорогѣ, хотя также не прямою линіей—сто тридцать верстъ. Отъ пограничнаго камня при Гардѣ или рѣчкѣ Ташлыкѣ граница шла внутрь земли черезъ рѣчку Гарбузинку на сдѣланные нарочно при ней два кургана отъ юга къ востоку, разстояніемъ десять верстъ и двадцать саженъ; отъ тѣхъ кургановъ на урочище Сагайдакъ [1]) при рѣчкѣ Мертвоводѣ чрезъ рѣчку Гарбузинку, отъ юга къ востоку, длиною десять верстъ и сто пятьдесятъ саженъ, а перейдя Сагайдакъ, къ рѣчкѣ Солоной на каменную мечеть, отъ юга къ востоку, длиною десять верстъ и восемьдесятъ саженъ до нарочно насыпанныхъ кургановъ; отъ кургановъ чрезъ рѣчки Солоную и Еланецъ, отъ юга къ востоку, на Аргамаклысарай («дворецъ на Громоклеѣ»), длиною двадцать семь верстъ и четыреста пятьдесятъ саженъ до двухъ кургановъ; и тою-же линіею чрезъ рѣчку Аргамаклы, (Громо-

[1]) «Каменный берегъ фигурою лука вышелъ, потому отъ татаръ тѣмъ чище зовется».

клею), надъ которой насыпаны два кургана; отъ сарая разстоянія двѣ версты и пятьдесятъ саженъ. А всего по этой линіи тридцать верстъ, и отъ всѣхъ кургановъ по-надъ берегомъ внизъ этой рѣчки Аргамаклы, отъ юга къ востоку, длина четыре версты и триста двадцать саженъ на такіе-жъ два кургана; отъ двухъ кургановъ по тому-жъ направленію, отъ юга къ востоку, на два новыхъ кургана длиною пять верстъ и полтораста саженъ; отъ этихъ двухъ кургановъ къ рѣкѣ Ингулу на такіе-жъ два кургана, отъ юга въ востоку, длиною пять верстъ; отъ этихъ кургановъ черезъ рѣку Ингулъ на два кургана, отъ юга къ востоку, длиною одна верста и триста пятьдесятъ саженъ; а отъ этихъ кургановъ степнымъ подомъ или ровнымъ мѣстомъ къ вершинѣ рѣчки Доброй, отъ юга къ востоку, длиною тридцать пять верстъ и четыреста саженъ, гдѣ на случившемся тутъ курганѣ выкладены камнемъ два малые кургана, подобные граничнымъ; и отъ того большаго кургана, отъ юга къ востоку, черезъ рѣчку Вулсунъ (Висунь) на сдѣланные граничные два кургана, длиною пять верстъ и триста саженъ; а отъ тѣхъ кургановъ до Бѣлыхъ-Криницъ отъ юга къ востоку длиною шестнадцать верстъ и четыреста пятьдесятъ саженъ; а отъ Криницъ двадцать восемь верстъ черезъ рѣчку Ингулецъ, отъ юга къ востоку, на курганъ, который случился передъ устьемъ Каменки, не доходя одной версты [1]), а на самое устье Каменки до Днѣпра отъ тѣхъ Криницъ, отъ юга къ востоку, разстояніемъ сорокъ девять верстъ, чѣмъ и оканчивается граница угла степи, по землѣ, дѣлая отъ Гарда длины сто девяносто три версты и двѣсти двадцать пять саженъ; а весь округъ угла степи, считая по берегамъ Днѣпра, обоихъ лимановъ и Буга, составляетъ пятьсотъ двадцать четыре версты и четыреста семьдесятъ пять саженъ [2]).

Выше показанныхъ пунктовъ, Мезерлы-тепе и устья Каменки,

---

[1]) «Отъ сихъ Криницъ, объявляли запорожцы, гранитный курганъ отъ юга къ востоку длиною 40 верстъ и 350 саж., а отъ него уже къ устью Каменки тожъ на курганъ отъ юга къ востоку длиною 8 верстъ и 150 саж., но какъ при тѣхъ курганахъ не видно знаковъ граничныхъ, какіе есть въ прочихъ мѣстахъ, то и граница отъ Криницъ назначена прямо на устье Каменки».

[2]) Записки одес. общ. истор. и древн., VII, 166, 171—173.

ґраница запорожскихъ владѣній оставалась прежняя. Съ восточной стороны она шла рѣкою Конкою и другими рѣками, составлявшими живую границу Россіи съ Турціей, параллельно «Новоднѣпровской линіи», учрежденной въ 1770 году съ ея семью крѣпостями: начиналась крѣпостью Александровской, шла по-надъ рѣками Конкой и Бердой къ Азовскому морю, и оканчивалась при устьѣ Берды крѣпостью Петровскою. Съ западной стороны, отъ Польши, запорожскія владѣнія ограничивались рѣкою Синюхой, отъ устья которой теченіе Буга внизъ составляло границу россійской имперіи съ турецкой [1]).

Наканунѣ паденія Сичи владѣнія запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Отъ рѣки Бахмута, ниже «Старой украинской линіи», учрежденной въ 1733 году и тянувшейся отъ устья рѣки Орели къ верховью Сѣверпаго-Донца, до рѣки Буга въ длину шестьсотъ верстъ, отъ устья Бердъ до «Старой или украинской линіи» въ ширину—триста пятьдесятъ верстъ; на востокѣ съ землею Войска Донскаго; на югѣ и западѣ съ землей турецкой — Очаковомъ и Крымомъ, а противъ Кубани по Азовское море [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что запорожскіе козаки весьма часто выходили за предѣлы своихъ владѣній, считая свои границы гораздо шире указанныхъ трактатами и постановленіями. Такъ, на западѣ они считали границею своихъ вольностей рѣку Случъ; на востокѣ рѣки Чабуръ [3]), Ею и даже Кубань [4]).

Взятыя въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ запорожскія вольности въ примѣненіи къ современной географіи составляли всю екатеринославскую губернію съ ея девятью уѣздами: екатеринославскимъ, верхнеднѣпровскимъ, новомосковскимъ, александровскимъ, павлоградскимъ, бахмутскимъ, славяносербскимъ, ростовскимъ [5]) и маріупольскимъ, и значительную часть херсонской по рѣку Бугъ съ ея тремя уѣздами: херсонскимъ, александрійскимъ и елисавет-

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и др., VII, 173, примѣчаніе 30; 179; XI, 225.

[2]) Калачовъ, Архивъ историческ. и практическихъ свѣдѣній, Спб., 1861, 5.

[3]) Потюркски «чабар»—скачущій, чабмак—скакать.

[4]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1882, 152.

[5]) Ростовскій уѣздъ въ 1889 году отошелъ къ землѣ Войска Донского

градскимъ, исключая тѣхъ, которые находятся по правую сторону Буга: одесскаго и ананьевскаго; кромѣ того, къ запорожскимъ вольностямъ принадлежала нѣкоторая часть днѣпровскаго уѣзда теперешней таврической и нѣкоторая полоса земли, 66 верстъ длины и столько же ширины, изюмскаго харьковской губерніи, съ центральнымъ селеніемъ Барвинковой-Стѣнкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рѣки, пороги, заборы, камни въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Рѣки запорожскихъ вольностей принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—черноморскому и азовскому; рѣки черноморскаго бассейна—Днѣпръ съ его древними названіями, длина, теченіе, глубина, ширина, особенность береговъ и свойство воды Днѣпра въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей; особенности Днѣпра—пороги, заборы, острова, плавни и холуи.—Днѣпровскіе пороги—Кодацкій, Сурской, Лоханскій, Звонецкій, Ненасытецкій Волниговскій, Будиловскій, Лишній и Вильный; ихъ древнія названія, длина, паденіе воды и особенности; переправа черезъ нихъ древнихъ руссовъ и запорожскихъ козаковъ; расчистка при Екатеринѣ II и Николаѣ I; причины негодности устроенныхъ въ порогахъ каналовъ; заборы на рѣкѣ Днѣпрѣ—Волошинова, Стрѣльчья, Тягинская, Воронова, Кривая, Таволжанская и другія; камни на рѣкѣ Днѣпрѣ—Богатыри, Монастырько, Сцыкуха, Гроза, Цапрыга, Гаджола, Разбойники и другіе.

По своему географическому положенію рѣки запорожскихъ вольностей принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—бассейну Чернаго и бассейну Азовскаго моря. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ Черному и Азовскому морямъ, непосредственно прилегающую къ Азовскому морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и балками, область запорожскихъ козаковъ почти черезъ самую середину свою, отъ сѣвера къ югу, пропускаетъ одну изъ самыхъ большихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ черноморскаго бассейна, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ ея, несущихъ въ нее свои воды; недаромъ запорожцы, воспѣвая въ думахъ свои луга, берега и славныя рѣки, говорили, въ ихъ вольностяхъ протекало:

«За ўстя Днипра тай до вершины—
Симъ сотъ ричôкъ ще й чотыри».

Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы и самая священная у запорожскихъ козаковъ рѣка. Борисѳенъ, Данаприсъ, Данпаръ, Эллексе, Леллексе, Эресе, Эрексе, Люссомъ, Люксони, Луѳсенъ, Экси, Узу-су, Узу, Узи, Ози, Озу, Іоза, Юзенъ, Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горынычъ, Рѣка-Славута—вотъ болѣе или менѣе извѣстныя названія этой знаменитой и прославленной рѣки въ древнѣйшія времена.

Названіе «Борисѳенъ» мы встрѣчаемъ еще у отца исторіи Геродота: «Четвертая рѣка Борисѳенъ—изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра наибольшая и, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ впрочемъ египетскаго Нила, съ этимъ послѣднимъ не можетъ идти въ сравненіе никакая другая рѣка... До мѣстности Герра, куда сорокъ дней плаванія, Борисѳенъ течетъ, какъ извѣстно, съ сѣвера; страны, чрезъ которыя онъ протекаетъ выше этого пункта, никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области скиѳовъ-земледѣльцевъ онъ протекаетъ черезъ пустыню, а скиѳы эти живутъ вдоль его на десять дней плаванія. Не только я, но кажется, и никто изъ эллиновъ, не можетъ опредѣлить истоковъ только Борисѳена да Нила. Вблизи моря съ нимъ сливается Гипанисъ и впадаетъ въ общее съ нимъ озеро» [1]).

По мнѣнію однихъ ученыхъ, слово «Борисѳенъ» имѣетъ эллинскую физіономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива—«boreo stenus» [2]). А по мнѣнію другихъ, мнѣнію болѣе основательному и болѣе вѣроятному, Борисѳенъ есть славянское слово, до неузнаваемости передѣланное на греческій манеръ; основа этого названія «Берестъ», отсюда имя рѣки произносилось у славянъ «Берестенъ» или «Берестина», обратившееся на языкѣ грековъ въ «Борисѳенъ». Вообще, у славянъ было въ обычаѣ давать названія рѣкамъ, вытекающимъ изъ лѣса, напоминающія имена деревьевъ, росшихъ въ этомъ самомъ лѣсу; таковы названія: Березина, Брезовица, Дубрава, Яворикъ, Клёница, Липница или Липовица, Ракитница, Сосна, Брусница, Гра-

---

[1]) Геродотъ, Исторія, переводъ Мищенка, Москва, 1885, 1, 321.

[2]) Мнѣніе Надеждина, Геродотова Скиѳія, Записки одес. общ. истор. и древн., I.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рѣки, пороги, заборы, камни въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Рѣки запорожскихъ вольностей принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—черноморскому и азовскому; рѣки черноморскаго бассейна—Днѣпръ съ его древними названіями, длина, теченіе, глубина, ширина, особенность береговъ и свойство воды Днѣпра въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей; особенности Днѣпра—пороги, заборы, острова, плавни и холуи.—Днѣпровскіе пороги—Кодацкій, Сурской, Лоханскій, Звонецкій, Ненасытецкій Вольниговскій, Будиловскій, Лишній и Вильный; ихъ древнія названія, длина, паденіе воды и особенности; переправа черезъ нихъ древнихъ руссовъ и запорожскихъ козаковъ; расчистка при Екатеринѣ II и Николаѣ I; причины негодности устроенныхъ въ порогахъ каналовъ; заборы на рѣкѣ Днѣпрѣ—Волошинова, Стрѣльчья, Тягинская, Воронова, Кривая, Таволжанская и другія; камни на рѣкѣ Днѣпрѣ—Богатыри, Монастырько, Сцыкуха, Гроза, Цапрыга, Гаджола, Разбойники и другіе.

По своему географическому положенію рѣки запорожскихъ вольностей принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—бассейну Чернаго и бассейну Азовскаго моря. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ Черному и Азовскому морямъ, непосредственно прилегающую къ Азовскому морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и балками, область запорожскихъ козаковъ почти черезъ самую середину свою, отъ сѣвера къ югу, пропускаетъ одну изъ самыхъ большихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ черноморскаго бассейна, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ ея, несущихъ въ нее свои воды; недаромъ запорожцы, воспѣвая въ думахъ свои луга, берега и славныя рѣки, говорили, что въ ихъ вольностя[illegible]

Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы и самая священная у запорожскихъ козаковъ рѣка. Борисѳенъ, Данапрись, Данпаръ, Эллексе, Леллексе, Эресе, Эрексе, Люссомъ, Люксони, Луосенъ, Экси, Узу-су, Узу, Узи, Ози, Озу, Іоза, Юзенъ, Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горынычъ, Рѣка-Славута—вотъ болѣе или менѣе извѣстныя названія этой знаменитой и прославленной рѣки въ древнѣйшія времена.

Названіе «Борисѳенъ» мы встрѣчаемъ еще у отца исторіи Геродота: «Четвертая рѣка Борисѳенъ—изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра наибольшая и, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ впрочемъ египетскаго Нила, съ этимъ послѣднимъ не можетъ идти въ сравненіе никакая другая рѣка... До мѣстности Герра, куда сорокъ дней плаванія, Борисѳенъ течетъ, какъ извѣстно, съ сѣвера; страны, чрезъ которыя онъ протекаетъ выше этого пункта, никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области скиѳовъ-земледѣльцевъ онъ протекаетъ черезъ пустыню, а скиѳы эти живутъ вдоль его на десять дней плаванія. Не только я, но кажется, и никто изъ эллиновъ, не можетъ опредѣлить истоковъ только Борисѳена да Нила. Вблизи моря съ нимъ сливается Гипанисъ и впадаетъ въ общее съ нимъ озеро» [1]).

По мнѣнію однихъ ученыхъ, слово «Борисѳенъ» имѣетъ эллинскую физіономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива—«boreo stenus» [2]). А по мнѣнію другихъ, мнѣнію болѣе основательному и болѣе вѣроятному, Борисѳенъ есть славянское слово, до неузнаваемости передѣланное на греческій маперъ; основа этого названія «Берестъ», отсюда имя рѣки произносилось у славянъ «Берестенъ» или «Берестина», обратившееся на языкѣ грековъ въ «Борисѳенъ». Вообще, у славянъ было въ обычаѣ давать названія рѣкамъ, вытекающимъ изъ лѣса, напоминающія имена деревьевъ, росшихъ въ этомъ самомъ лѣсу; таковы названія: Березина, Брезовица, Дубрава, Яворикъ, Клёница, Липница или Липовица, Ракитница, Сосна, Брусница, Гра-

---

[1]) Геродотъ, Исторія, переводъ Мищенка, Москва, 1885, 1, 321.

[2]) Мнѣніе Надеждина, Геродотова Скиѳія, Записки одес. общ. истор. и древн., I.

семь верстъ и двѣсти девяносто саженъ до третьяго нарочно насыпаннаго съ углями кургана; отъ этого мѣста прямою линіей, отъ юга къ западу, длины пять верстъ и сто шестнадцать саженъ на случившійся курганъ Мезарлы-Тепе; отъ кургана Мезарлы-Тепе, повернувъ отъ запада къ сѣверу, прямою линіей чрезъ Копъ-Кую или Каменный-Колодезь до Чернаго моря, длиною двадцать восемь верстъ до нарочно насыпаннаго у берега кургана; берегомъ-же Чернаго моря отъ повторяемаго колодца до Кинбурна сорокъ шесть верстъ, чѣмъ и замыкается вся окружность земли къ Кинбурну.

Въ соотвѣтствіе этому на правомъ берегу Днѣпра пограничная линія шла по рѣкѣ Бугу отъ Гарда или отъ устья рѣчки Ташлыка при Гардѣ, тамъ, гдѣ лежитъ камень для означенія границы, до самаго устья Буга при урочищѣ Скелевской-Рогъ, ниже Семенова-Рога, и отсюда вверхъ по Днѣпру до того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ рѣчка Каменка. Соединеніе водъ Днѣпра и Буга дѣлало живую границу между владѣніями турецко-татарскими и запорожскими. Разстоянія отъ Гарда или отъ прежней границы при устьѣ впадающей въ Бугъ незначительной рѣчки Ташлыка, по лѣвому берегу Буга до Скелевскаго-Рога—сто семьдесятъ девять верстъ, а исключая разные повороты, слѣдуя по дорогѣ, хотя также не прямою линіей—сто тридцать верстъ. Отъ пограничнаго камня при Гардѣ или рѣчкѣ Ташлыкѣ граница шла внутрь земли черезъ рѣчку Гарбузинку на сдѣланные нарочно при ней два кургана отъ юга къ востоку, разстояніемъ десять верстъ и двадцать саженъ; отъ тѣхъ кургановъ на урочище Сагайдакъ [1]) при рѣчкѣ Мертвоводѣ чрезъ рѣчку Гарбузинку, отъ юга къ востоку, длиною десять верстъ и сто пятьдесятъ саженъ, а перейдя Сагайдакъ, къ рѣчкѣ Солоной на каменную мечеть, отъ юга къ востоку, длиною десять верстъ и восемьдесятъ саженъ до нарочно насыпанныхъ кургановъ; отъ кургановъ чрезъ рѣчки Солоную и Еланецъ, отъ юга къ востоку, на Аргамаклысарай («дворецъ на Громоклеѣ»), длиною двадцать семь верстъ и четыреста пятьдесятъ саженъ до двухъ кургановъ; и тою-же линіею чрезъ рѣчку Аргамаклы, (Громо-

[1]) «Каменный берегъ фигурою лука вышелъ, потому отъ татаръ тѣмъ урочище зовется».

клею), надъ которой насыпаны два кургана; отъ сарая разстоянія двѣ версты и пятьдесятъ саженъ. А всего по этой линіи тридцать верстъ, и отъ всѣхъ кургановъ по-надъ берегомъ внизъ этой рѣчки Аргамаклы, отъ юга къ востоку, длина четыре версты и триста двадцать саженъ на такіе-жъ два кургана; отъ двухъ кургановъ по тому-жъ направленію, отъ юга къ востоку, на два новыхъ кургана длиною пять верстъ и полтораста саженъ; отъ этихъ двухъ кургановъ къ рѣкѣ Ингулу на такіе-жъ два кургана, отъ юга въ востоку, длиною пять верстъ; отъ этихъ кургановъ черезъ рѣку Ингулъ на два кургана, отъ юга къ востоку, длиною одна верста и триста пятьдесятъ саженъ; а отъ этихъ кургановъ степнымъ подомъ или ровнымъ мѣстомъ къ вершинѣ рѣчки Доброй, отъ юга къ востоку, длиною тридцать пять верстъ и четыреста саженъ, гдѣ на случившемся тутъ курганѣ выкладены камнемъ два малые кургана, подобные граничнымъ; и отъ того большаго кургана, отъ юга къ востоку, черезъ рѣчку Вулсунъ (Висунь) на сдѣланные граничные два кургана, длиною пять верстъ и триста саженъ; а отъ тѣхъ кургановъ до Бѣлыхъ-Криницъ отъ юга къ востоку длиною шестнадцать верстъ и четыреста пятьдесятъ саженъ; а отъ Криницъ двадцать восемь верстъ черезъ рѣчку Ингулецъ, отъ юга къ востоку, на курганъ, который случился передъ устьемъ Каменки, не доходя одной версты [1]), а на самое устье Каменки до Днѣпра отъ тѣхъ Криницъ, отъ юга къ востоку, разстояніемъ сорокъ девять верстъ, чѣмъ и оканчивается граница угла степи, по землѣ, дѣлая отъ Гарда длины сто девяносто три версты и двѣсти двадцать пять саженъ; а весь округъ угла степи, считая по берегамъ Днѣпра, обоихъ лимановъ и Буга, составляетъ пятьсотъ двадцать четыре версты и четыреста семьдесятъ пять саженъ [2]).

Выше показанныхъ пунктовъ, Мезерлы-тепе и устья Каменки,

---

[1]) «Отъ сихъ Криницъ, объявляли запорожцы, гранитный курганъ отъ юга къ востоку длиною 40 верстъ и 350 саж., а отъ него уже къ устью Каменки тожъ на курганъ отъ юга къ востоку длиною 8 верстъ и 150 саж., но какъ при тѣхъ курганахъ не видно знаковъ граничныхъ, какіе есть въ прочихъ мѣстахъ, то и граница отъ Криницъ назначена прямо на устье Каменки».

[2]) Записки одес. общ. истор. и древн., VII, 166, 171—173.

граница запорожскихъ владѣній оставалась прежняя. Съ восточной стороны она шла рѣкою Конкою и другими рѣками, составлявшими живую границу Россіи съ Турціей, параллельно «Новоднѣпровской линіи», учрежденной въ 1770 году съ ея семью крѣпостями: начиналась крѣпостью Александровской, шла по-надъ рѣками Конкой и Бердой къ Азовскому морю, и оканчивалась при устьѣ Берды крѣпостью Петровскою. Съ западной стороны, отъ Польши, запорожскія владѣнія ограничивались рѣкою Синюхой, отъ устья которой теченіе Буга внизъ составляло границу россійской имперіи съ турецкой [1]).

Наканунѣ паденія Сичи владѣнія запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Отъ рѣки Бахмута, ниже «Старой украинской линіи», учрежденной въ 1733 году и тянувшейся отъ устья рѣки Орели къ верховью Сѣвернаго-Донца, до рѣки Буга въ длину шестьсотъ верстъ, отъ устья Бердъ до «Старой или украинской линіи» въ ширину—триста пятьдесятъ верстъ; на востокѣ съ землею Войска Донскаго; на югѣ и западѣ съ землей турецкой — Очаковомъ и Крымомъ, а противъ Кубани по Азовское море [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что запорожскіе козаки весьма часто выходили за предѣлы своихъ владѣній, считая свои границы гораздо шире указанныхъ трактатами и постановленіями. Такъ, на западѣ они считали границею своихъ вольностей рѣку Случъ; на востокѣ рѣки Чабуръ [3]), Ею и даже Кубань [4]).

Взятыя въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ запорожскія вольности въ примѣненіи къ современной географіи составляли всю екатеринославскую губернію съ ея девятью уѣздами: екатеринославскимъ, верхнеднѣпровскимъ, новомосковскимъ, александровскимъ, павлоградскимъ, бахмутскимъ, славяносербскимъ, ростовскимъ [5]) и маріупольскимъ, и значительную часть херсонской по рѣку Бугъ съ ея тремя уѣздами: херсонскимъ, александрійскимъ и елисавет-

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и др., VII, 173, примѣчаніе 30; 179; XI, 225.

[2]) Калачовъ, Архивъ историческ. и практическихъ свѣдѣній, Спб., 1861, 5.

[3]) По-тюркски «чабар»—скачущій, чабмак—скакать.

[4]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1882, 152.

[5]) Ростовскій уѣздъ въ 1889 году отошелъ къ землѣ Войска Донского

градскимъ, исключая тѣхъ, которые находятся по правую сторону Буга: одесскаго и ананьевскаго; кромѣ того, къ запорожскимъ вольностямъ принадлежала нѣкоторая часть днѣпровскаго уѣзда теперешней таврической и нѣкоторая полоса земли, 66 верстъ длины и столько же ширины, изюмскаго харьковской губерніи, съ центральнымъ селеніемъ Барвинковой-Стѣнкой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рѣки, пороги, заборы, камни въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Рѣки запорожскихъ вольностей принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—черноморскому и азовскому; рѣки черноморскаго бассейна—Днѣпръ съ его древними названіями, длина, теченіе, глубина, ширина, особенность береговъ и свойство воды Днѣпра въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей; особенности Днѣпра—пороги, заборы, острова, плавни и холуи.—Днѣпровскіе пороги—Кодацкій, Сурской, Лоханскій, Звонецкій, Ненасытецкій Волнигонскій, Будиловскій, Лишній и Вильный; ихъ древнія названія, длина, паденіе воды и особенности; переправа черезъ нихъ древнихъ руссовъ и запорожскихъ козаковъ; расчистка при Екатеринѣ II и Николаѣ I; причины негодности устроенныхъ въ порогахъ каналовъ; заборы на рѣкѣ Днѣпрѣ—Волошинова, Стрѣльчья, Тягинская, Воронова, Кривая, Таволжанская и другія; камни на рѣкѣ Днѣпрѣ—Богатыри, Монастырько, Сцыкуха, Гроза, Цапрыга, Гаджола, Разбойники и другіе.

По своему географическому положенію рѣки запорожскихъ вольностей принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—бассейну Чернаго и бассейну Азовскаго моря. Представляя изъ себя обширную равнину, наклонную къ Черному и Азовскому морямъ, непосредственно прилегающую къ Азовскому морю, въ разныхъ направленіяхъ изрѣзанную оврагами и балками, область запорожскихъ козаковъ почти черезъ самую середину свою, отъ сѣвера къ югу, пропускаетъ одну изъ самыхъ большихъ на всемъ русскомъ югѣ рѣкъ черноморскаго бассейна, рѣку Днѣпръ со множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ ея, несущихъ въ нее свои воды; недаромъ запорожцы, воспѣвая въ думахъ свои луга, берега и славныя рѣки, говорили, что въ ихъ вольностяхъ протекало:

«За ўстя Днипра тай до вершины—
Симъ сотъ ричо́къ ще й чотыри».

Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы и самая священная у запорожскихъ козаковъ рѣка. Борисѳенъ, Данапрись, Данпаръ, Эллексе, Леллексе, Эресе, Эрексе, Люссомъ, Люксони, Лурсенъ, Экси, Узу-су, Узу, Узи, Ози, Озу, Іоза, Юзенъ, Змѣя-Дѣвица, Змѣй-Горынычъ, Рѣка-Славута—вотъ болѣе или менѣе извѣстныя названія этой знаменитой и прославленной рѣки въ древнѣйшія времена.

Названіе «Борисѳенъ» мы встрѣчаемъ еще у отца исторіи Геродота: «Четвертая рѣка Борисѳенъ—изъ скиѳскихъ рѣкъ послѣ Истра наибольшая и, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ впрочемъ египетскаго Нила, съ этимъ послѣднимъ не можетъ идти въ сравненіе никакая другая рѣка... До мѣстности Герра, куда сорокъ дней плаванія, Борисѳенъ течетъ, какъ извѣстно, съ сѣвера; страны, чрезъ которыя онъ протекаетъ выше этого пункта, никому невѣдомы; несомнѣнно только, что до области скиѳовъ-земледѣльцевъ онъ протекаетъ черезъ пустыню, а скиѳы эти живутъ вдоль его на десять дней плаванія. Не только я, но кажется, и никто изъ эллиновъ, не можетъ опредѣлить истоковъ только Борисѳена да Нила. Вблизи моря съ нимъ сливается Гипанисъ и впадаетъ въ общее съ нимъ озеро» [1]).

По мнѣнію однихъ ученыхъ, слово «Борисѳенъ» имѣетъ эллинскую физіономію и весьма удобно можетъ быть изъяснено по эллински въ значеніи сѣвернаго пролива—«boreo stenus» [2]). А по мнѣнію другихъ, мнѣнію болѣе основательному и болѣе вѣроятному, Борисѳенъ есть славянское слово, до неузнаваемости передѣланное на греческій манеръ; основа этого названія «Берестъ», отсюда имя рѣки произносилось у славянъ «Берестенъ» или «Берестина», обратившееся на языкѣ грековъ въ «Борисѳенъ». Вообще, у славянъ было въ обычаѣ давать названія рѣкамъ, вытекающимъ изъ лѣса, напоминающія имена деревьевъ, росшихъ въ этомъ самомъ лѣсу; таковы названія: Березина, Брезовица, Дубрава, Яворикъ, Клёница, Липница или Липовица, Ракитница, Сосна, Брусница, Гра-

---

[1]) Геродотъ, Исторія, переводъ Мищенка, Москва, 1885, 1, 321.

[2]) Мнѣніе Надеждина, Геродотова Скиѳія, Записки одес. общ. истор. и древн., I.

бова, Ясеница, Топольница, Трнава отъ корня «теренъ» и т. п. [1]). Названіе «Данаприсъ», изъ котораго вышло потомъ «Днѣпръ», первѣе всего встрѣчается у Іорнанда въ V вѣкѣ; потомъ въ пѣсняхъ Эдды VI—VIII вѣка (Данпаръ); далѣе у византійскаго императора Константина Багрянороднаго X вѣка [2]); затѣмъ въ Супральскомъ сборникѣ XI вѣка (Дьнапръ), наконецъ у путешественника Кантарона XVI вѣка (Danambre). Это слово также имѣетъ нѣсколько толкованій. По мнѣнію однихъ, это слово сложилось изъ санскритскаго корня «дун»—означающаго рѣку и общеарійскаго слова «апер»—козелъ; отсюда «Данаприсъ»—рѣка дикихъ козъ [3]). По мнѣнію другихъ, «Данаприсъ» имѣетъ санскритскій корень «дун» (или «дън) и греческое окончаніе «прис», взятаго изъ «Борис-ѳенъ» (борис- порис- прис); отсюда «Данаприсъ» значитъ рѣка сѣвернаго вѣтра или вообще сѣвера [4]). По мнѣнію третьихъ, «Данаприсъ» сложено изъ санскритскаго корня «данъ» или «донъ»-рѣка и фракійскаго или готскаго «парис» или «перес»—токъ, потокъ; отсюда «Данаприсъ» значитъ рѣка потока или текучая вода [5]). По мнѣнію четвертыхъ, «Данаприсъ» есть скиѳское, т.-е. иранское, слово, усвоенное нашими предками славянами-язычниками; оно состоитъ изъ двухъ корней «дон», означающаго рѣку, и «п'рх» (*п* съ придыханіемъ и *х* едва слышно), означающаго брызги, пѣну. Отсюда «дон-прх» или Днѣпръ значитъ рѣка брызговъ, брызжущая, пѣнящаяся [6]). По мнѣнію пятыхъ, въ словѣ «Данаперъ» нужно видѣть или Данапрагъ, что значитъ «рѣка-порогъ», или «порожистая рѣка», или имя божества Перуна [7]). Какому изъ этихъ объясненій нужно отдать преимущество—на это можетъ дать отвѣтъ только хорошій спеціалистъ филологъ. Изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній намъ кажутся менѣе искусственными и потому болѣе

[1]) Мнѣніе Шафарика, Славянскія древности, Прага, 1862, I, 545.

[2]) У арабскаго писателя Ибнъ-Саида X вѣка «Такабаръ» или, по мнѣнію г-на Никольскаго, правильнѣе «Танаборъ».

[3]) Мнѣніе Безсонова, высказанное на VI археологич. съѣздѣ въ Одессѣ.

[4]) Мнѣніе Надеждина, Геродотова Скиѳія, тамъ-же.

[5]) Мнѣніе того-же Шафарика, Славянскія древности, 545.

[6]) Мнѣніе Никольскаго, Филологическій вѣстникъ, 1892, V, 13.

[7]) Мнѣніе Иловайскаго, Разысканія о началѣ Руси, Москва, 1882, 72.

правдоподобными третье--Данаприсъ—текучая вода и пятое—Данаперъ или Данапрагъ—порожистая рѣка.

Въ общемъ всѣ пять мнѣній расходятся въ толкованіи окончанія «прис»; относительно-же корня «дан» или «дон» всѣ согласны, что это или санскритское «дун», или скиѳское «дон» означающее вообще текучія воды и служащее корнемъ не только для имени Данаприсъ и передѣланнаго изъ него слова Днѣпръ, но и для имени Донъ, Днѣстръ, Дунай; отсюда понятно, почему въ одной изъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ слово Дунай употребляется даже въ нарицательномъ значеніи:

«Якъ пиду я, якъ пиду я по-падъ дунаями,
А тамъ стоитъ вода, вода стоянами».

Отсюда-же становится ясно употребленіе слова «дунай» въ смыслѣ весеннихъ разливовъ. Такъ, въ екатеринославской губерніи придпѣпровскіе жители на вопросъ, можно-ли переѣхать какую-нибудь изъ балокъ, впадающую въ Днѣпръ, отвѣчаютъ: «Ни, тіеи балки переихаты неможно, бо теперь скризь по балкахъ дунаи», т.-е. теперь всѣ днѣпровскія балки вездѣ залиты водой. Названія Днѣпра «Еллексе, Леллексе, Ересе, Ерексе, Люксомъ, Люксони, Луосенъ, Экси» даны были ему венеціанцами и генуэзцами, имѣвшими съ XIII вѣка въ низовьяхъ его собственныя колоніи и занимавшимися тамъ торговлею и промыслами; съ этими-же названіями Днѣпръ извѣстенъ былъ и итальянскимъ странствующимъ монахамъ и купеческимъ агентамъ разныхъ временъ, начиная съ XIV и кончая XV столѣтіемъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстные слѣдующіе: Піетро Висконти, Францискъ и Доминикъ Пицигани, Николо Пасквалини, Андрей Біанко, Граціозо Бенинказа, Готоманъ Фредуцій и Жанъ де-Люкъ [1]). Первыя изъ этихъ названій— «Эллексе, Л-еллексе, Эресе и Эрексе» суть искаженныя имена города Алески или Олешья, теперь Алешекъ, получившаго свое названіе или отъ русскаго слова «ольха» [2]), или отъ греческаго слова ἐλίσσειν [3]). Другія три: «Люксонъ, Люксони и Люосенъ» имѣютъ

[1]) Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, I, 74—77; Записки одес. общ. истор и древн., XI, 476.

[2]) Феодоръ Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, I, 78.

[3]) Древности Геродотовой Скиѳіи, Спб., 1872. II, 27.

иными корнемъ «уз» или «оз» съ членомъ спереди—L'oso, L'usen и напоминаютъ собою или имя народовъ «узовъ», или-же монгольское слово «узун», означающее рѣку, воду [1]). Послѣднее названіе «Аксу» есть, можетъ быть, искаженное турецкое имя «аксу», что значитъ «бѣлая вода». Названія «Узу-су, Узу, Узи, Озн, Озу, [illegible]» даны Днѣпру турками; всѣ они состоятъ изъ двухъ словъ: «Узу» и «су». Слово «су» или «сую» есть турецкое слово, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «вода»; оно очень часто прибавляется, въ видѣ окончанія, къ именамъ рѣкъ· «кара-су»—«черная вода», «ак-су»—бѣлая вода», «гек-су»—«синяя вода», «[illegible]-су»—«[illegible] вода» и т. п. Слово же «Узу», «Озу» или [illegible] отъ собственнаго имени народовъ узовъ, иначе торковъ или берендѣевъ, жившихъ въ низовьяхъ Днѣпра уже съ 914 года по Р. Х. и передавшихъ свое имя этой рѣкѣ, или-же передѣлано изъ монгольскаго «узунъ, угунъ, усунъ, усу», которое на [illegible] монгольскихъ діалектахъ значитъ «рѣка» или «вода» [2]). У турокъ и печенѣговъ рѣка Днѣпръ носила названія, кромѣ Узу, еще [illegible] и Варухъ [3]). Наконецъ, что касается названій Днѣпра: «Днѣпръ Славутичъ, Днѣпръ-Горынычъ и Рѣка-Славута», то, очевидно, они относятся не къ случайнымъ именамъ, къ тѣмъ, что называются въ поэтической рѣчи украшающими эпитетами. Такъ Днѣпръ именовался въ сказаніяхъ и былинахъ, такъ величался онъ въ козацкихъ думахъ и пѣсняхъ; у запорожцевъ кромѣ того онъ назывался «[illegible]».

Днѣпръ беретъ свое начало изъ болотъ у подошвы валдайской возвышенности, въ теперешней смоленской губерніи, и впадаетъ въ Черное море. Все теченіе Днѣпра, слѣдуя по извилинамъ, имѣетъ [illegible] пятьдесятъ верстъ; изъ нихъ почти шестьсотъ верстъ приходилось на долю запорожскихъ вольностей, причемъ въ предѣлахъ запорожскихъ Днѣпръ имѣлъ и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину и наконецъ наибольшее отъ одного берега къ другому разстояніе. Общее направленіе Днѣпра отъ сѣвера на югъ. Но въ предѣлахъ Запорожья

1) Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, I, 22.
2) Брунъ, Черноморье, Одесса, I, 21, 22.
3) Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси, Москва, 1882, 137.

онъ дѣлалъ нѣсколько уклоновъ то въ одну, то въ другую сторону. Сперва отъ праваго притока своего рѣчки Пселскаго-Омельника и до лѣваго притока рѣки Самары онъ шелъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ; здѣсь Днѣпръ имѣлъ неодинаковую ширину и глубину: отъ рѣчки Пселскаго-Омельника и до рѣчки Ворскальскаго-Омельника въ «лѣтнее жаркое время» 450 саженъ ширины и 3 сажени глубины; ниже Ворскальскаго-Омельника 400 саженъ ширины и 3 сажени глубины; отъ рѣки Домоткани—500 саженъ ширины и 4 сажени глубины; отъ Герасимовки-Щуровки 400 саженъ ширины и 3 сажени глубины; близъ селенія Каменскаго—430—480 саженъ ширины и 4 сажени глубины; отъ вѣтки Домахи—330 саженъ ширины и 4 аршина глубины; ниже рѣчки Тритузной 500 саженъ ширины и 1 сажень глубины; ниже рѣчки Сухой Суры—400 саженъ ширины и 1 сажень глубины [1]). На всемъ этомъ пространствѣ лѣвый берегъ Днѣпра вездѣ низменный, а правый почти вездѣ возвышенный, въ особенности-же у Мишурина-Рога, Тарамскаго мыса и Монастырскаго острова; между возвышенной материковой стѣной и берегомъ самой рѣки тянулись по мѣстамъ низкіе луга, покрытые травой, лѣсною растительностью изрѣзанные рѣчками, лиманами, озерами и ериками, а по самому Днѣпру шли, одинъ за другимъ, большіе и малые острова, покрытые лѣсомъ и травой. Отъ рѣки Самары Днѣпръ прямо поворачивалъ на югъ и такъ текъ до острова Большого-Дубового, гдѣ дѣлалъ крутой поворотъ къ западу до порога Будиловскаго; отъ порога Будиловскаго опять круто поворачивалъ къ востоку и шелъ въ такомъ направленіи до острова Таволжанки; отъ острова Таволжанки принималъ направленіе къ югу и въ этомъ положеніи шелъ до рѣки Мокрой-Московки. На всемъ этомъ пространствѣ онъ текъ между громадными гранитными скалами, выступавшими какъ по берегамъ, такъ и по самому руслу его, и носившими въ послѣднемъ случаѣ названія пороговъ, заборъ, скель. Между порогами Днѣпръ имѣлъ различную ширину и глубину: ниже Кодацкаго порога и противъ Лоханскаго—500 саженъ ширины и 1 сажень глубины; противъ Звонецкаго порога 420 саж. ширины и 4 саж. глуби-

[1]) Экономическія примѣчанія къ геометрическимъ планамъ Новороссіи прошлаго столѣтія, въ екатеринославской губернской чертежной.

ны, противъ Волниговскаго порога—320 саж. ширины и 3 саж. глубины, у островов Винограднаго и Шалинскаго, противъ деревни Игнатьевки—120 саженъ ширины и 3 сажени глубины, у Кухарева острова Днѣпръ имѣлъ до 850 саженъ наибольшей ширины, отъ 100 до 150 саженъ наибольшей быстроты; ниже пороговъ—98 футовъ наибольшей глубины и 75 саженъ, у Кичкаса, наименьшаго отъ берега къ берегу разстоянія; противъ рѣчки Верхней-Хортицы 150 ширины и 2 сажени глубины; по самой-же рѣкѣ—нѣсколько большихъ и малыхъ, скалистыхъ и песчаныхъ, покрытыхъ растительностію и обнаженныхъ островов. Отъ рѣки Мокрой-Московки Днѣпръ постепенно уклонялся къ западу, особенно отъ Плетеницкаго лимана и Каменнаго-Затона на лѣвой до Никитинскаго перевоза на правой сторонѣ. На этомъ пространствѣ онъ шелъ и гораздо свободнѣе, и гораздо тише, чѣмъ тотчасъ ниже пороговъ, имѣлъ довольно много песчаныхъ островов, иногда обнаженныхъ, иногда покрытыхъ лѣсомъ; въ глубину, между островами, достигалъ отъ 8 до 13 футовъ, въ ширину въ обыкновенное время въ берегахъ отъ 300 до 400 саженъ. а въ полую воду, когда лѣвый берегъ соединялся съ рѣкою Конкой, до 16 верстъ. На этомъ же пространствѣ, съ правой стороны, Днѣпръ имѣлъ луговыя мѣста, носившія названія у запорожскихъ козаковъ блуквы, незаливавшіяся водой и потому заселенныя зимовниками и на пригоркахъ имѣвшія вѣтреныя мельницы. Тутъ-же, на правомъ берегу Днѣпра, противъ Плетеницкаго лимана, начинались камыши и болота, въ которыя впадали рѣчки Марковка, Червоная и Каменка, вытекавшія изъ болотъ верстъ около 15 отъ того залива, въ который они впадали, и въ лѣтнее время пересыхавшія вмѣстѣ съ лиманомъ. Противъ Плетеницкаго-же лимана высокій материковый берегъ земли удалялся отъ низменнаго наноснаго праваго берега Днѣпра на шесть верстъ, самый-же Днѣпръ поворачпвалъ къ западу, а его излучины уклонялись даже къ сѣверу. Съ лѣвой стороны на пространствѣ отъ рѣки Мокрой-Московки и до перваго впаденія рѣки Конки, Днѣпръ окаймлялся такъ называемымъ Великимъ Лугомъ или большой плавней, въ общемъ имѣющей сходство съ тѣми лугами, которые сопровождаютъ его берега еще выше пороговъ. Отъ рѣки Мокрой-Московки и до Никитинскаго перевоза по правому берегу считалось 65 верстъ, а по лѣвому дорогой—133

версты. Принявъ Конку у Каменнаго-Затона, Днѣпръ соединялся съ материковой землей, голой и песчаной, достигалъ здѣсь до 22 футовъ глубины и до 450 саженъ ширины. Отъ Никитинскаго перевоза и немного ниже Каменнаго-Затона Днѣпръ текъ между камышами и болотами верстъ болѣе 30, постепенно склоняясь отъ запада къ югу до рѣки Базавлука или до такъ называемаго лимана Великихъ-Водъ, ниже Новой Сичи, отдаляясь съ правой стороны отъ материковой земли на цѣлыя 20 верстъ, а съ лѣвой стороны имѣя параллельно рѣку Конку, текущую въ камышахъ; здѣсь Днѣпръ имѣлъ въ лѣтнее время 180 саженъ ширины и 2 сажени глубины. Отъ Великихъ-Водъ, на протяженіи 12 верстъ, Днѣпръ идетъ прямо на югъ, принимая съ лѣвой стороны рѣку Рогачикъ; отъ рѣки Рогачика онъ склоняется отъ юга къ западу и въ такомъ направленіи идетъ на протяженіи 25 верстъ до рѣки Дутчаной, имѣя на правомъ берегу одни камыши. Отъ рѣки Дутчаной правый берегъ Днѣпра становится каменистымъ и высокимъ, особенно у самаго устья рѣки. Далѣе Днѣпръ идетъ до праваго притока своего Мѣловой, имѣя небольшіе острова, мѣстами камыши; отъ Мѣловой до рѣчки Каменки, имѣя правый берегъ голый, каменистый и довольно возвышенный, отвѣсно до 40 футовъ, а пологого до 150 футовъ; всего пространства отъ Дутчаной до Каменки—16 верстъ. Ниже Каменки Днѣпръ, склоняясь отъ юга къ западу, течетъ въ такомъ направленіи 19 верстъ и потомъ поворачиваетъ окончательно на западъ и въ этомъ направленіи идетъ до самаго устья. На этомъ протяженіи Днѣпръ имѣлъ много мелкихъ и большихъ острововъ, дѣлалъ небольшія кривизны и имѣлъ отъ 250 до 400 саженъ ширины и отъ 12 до 28 футовъ глубины. Лѣвый берегъ его отдалялся отъ твердой земли верстъ на 10 и состоялъ изъ песчаныхъ кучугуръ и болотистыхъ озерковъ, правый берегъ каменистъ, крутъ и на столько высокъ, что вверхъ его нельзя и веревки протянуть, чтобы вести противъ теченія лодки; мѣстами онъ отдѣлялся отъ воды камышами, имѣлъ значительную мель. Такъ течетъ Днѣпръ отъ означеннаго поворота на западъ до рѣки Ингульца на протяженіи 60 верстъ, а отъ рѣки Ингульца внизъ на протяженіи 10 верстъ до балки Верхней-Веревчиной; тутъ правый берегъ его хотя и каменистъ, но уже менѣе высокъ и нѣсколько наклоненъ; отъ балки Верхней-

Веревчиной Днѣпръ шелъ на протяженіи 6 верстъ до крѣпости Александръ-шанца; здѣсь берегъ Днѣпра становился иловатымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно крутымъ, обрывистымъ и высокимъ, отъ 9 до 10 саженъ высоты: подъ Александръ-шанцемъ начинались днѣпровскія гирла, отъ Голаго перевоза и Кинбурна рѣчками Кошевою, Ольховою-первой, Корабельной, Борщевкой, Ольховой-второй, Бубликовою и Бубличкою — съ правой стороны; Конкою, Срединою, Срединкою и Бѣлогрудовскимъ бакаемъ — съ лѣвой стороны. Днѣпровскія гирла шли отъ Александръ-шанца до Кызымыса на протяженіи 25 верстъ. У Кызымыса отъ берега Днѣпра шла равнина въ ширину до 4 верстъ съ малымъ скатомъ въ степь, а въ длину по берегу до 8 верстъ, а противъ самаго мыса выдавалась коса, которая отдѣляетъ рѣку отъ морской и лимановой водъ, отчего въ заливѣ, называемомъ Кызы-Кутъ, имѣлась всегда прѣсная вода. Ниже Кызымыса начинался уже Днѣпровскій лиманъ, простирающійся въ 60 верстъ длины и отъ 2 до 10 верстъ ширины [1]). Отъ Кызымыса до Бугскаго лимана, на протяженіи 33 верстъ, правый берегъ Днѣпра глинистъ, обрывистъ, почти вездѣ крутъ, точно стѣна, отъ 10 до 12 саженъ высоты, но близъ самой воды имѣлъ низкія мѣста, поросшія камышомъ, въ ширину отъ высокаго берега къ рѣкѣ до 10 саженъ, въ самой рѣкѣ имѣлись три песчаныя косы, а по скату высокаго берега приходились три большія балки: Верхніе-Солонцы на пять верстъ ниже Кызымыса, Широкая на пять верстъ ниже Верхнихъ-Солонцовъ и Нижніе-Солонцы черезъ Станиславовъ мысъ на десять верстъ ниже Широкой. Кромѣ большихъ балокъ были и малыя, но онѣ по своей узкости едва примѣтно спускались съ высокаго берега къ рѣкѣ. Всѣ эти балки шли къ Днѣпру изъ степи по разнымъ незначительнымъ отъ горъ углубленіямъ; отъ дождевой или снѣжной воды онѣ соединялись вмѣстѣ, круто спускались къ Днѣпру у Солонцовъ и очень полого у Широкой. У самаго соединенія Буга съ Днѣпромъ выдѣлялся Скелевской мысъ; тотчасъ ниже этого мыса Днѣпровскій лиманъ, соединившись съ Бугомъ, разливался на 17 верстъ ширины. Правый берегъ Днѣпра ниже Буга

[1]) Лиманъ одного корня съ греческимъ «λίμνη» — озеро, русскимъ «ильмень».

глинистый; надъ нимъ шли суда, потому что въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣла до 42 футовъ глубины.

Инымъ характеромъ отличался лѣвый берегъ Днѣпра въ его нижней части. Начиная съ послѣдняго поворота Днѣпра на западъ, въ него впадала рѣка Конка; ниже этого мѣста на протяженіи 6 верстъ до Шангирейскаго ретраншемента, построеннаго въ 1771 году на сѣверной головѣ острова Тавани, лѣвый берегъ Днѣпра каменистъ, голый и не имѣлъ даже камыша; противъ Шангирейскаго ретраншемента отъ лѣваго берега Днѣпра вновь отдѣлялась рѣка Конка и текла параллельно ему на протяженіи семи верстъ до Голой пристани, отдѣливъ къ Днѣпру большой островъ Тавань, подававшійся своимъ положеніемъ къ Кызыкерменю и оставлявшій свободный черезъ Днѣпръ перевозъ. Отъ Шангирейскаго ретраншемента лѣвый берегъ Днѣпра на протяженіи пяти верстъ шелъ каменистою горой; затѣмъ къ Днѣпру вновь приближалась рѣка Конка; она отдѣляла его отъ твердой земли до Голаго перевоза камышами, озерами и протоками въ ширину отъ 2 до 5 верстъ; ниже Голаго перевоза начинался мысъ Кинбурнъ и днѣпровскія гирла; тутъ вездѣ лѣвый берегъ Днѣпра низкій, камышеватый, неудобный для перевоза; здѣсь только и можно было переправляться съ праваго берега Днѣпра на лѣвый черезъ рѣку Конку посредствомъ рѣчки Чайки: такимъ-же способомъ и съ лѣваго берега на правый, на 2 версты ниже рѣки Ингульца, что называлось Высшимъ перевозомъ.

Таково въ частности теченіе Днѣпра съ его особенностями въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей.

Что касается воды Днѣпра, то въ общемъ она чиста, но на видъ нѣсколько желтовата; только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по берегамъ его росли большіе камыши, вода въ Днѣпрѣ въ лѣтнее время зацвѣтала, имѣла видъ нѣсколько зеленоватый, отчего дѣлалась нездоровой для питья. Наибольшая прибыль воды въ Днѣпрѣ весною до 9 мая, когда уровень ея противъ обыкновенной нормы поднимается до 10 футовъ, и иногда осенью, когда уровень ея достигаетъ до 4 футовъ противъ нормы [1]).

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. VII, 175—179.

Особенность Днѣпра въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей составляютъ пороги, заборы, острова, плавни, корчи и холуи.

Днѣпровскіе пороги. Названія днѣпровскихъ пороговъ впервые встрѣчаемъ мы у греческаго императора Константина VII Багрянороднаго (905—959), затѣмъ у посла германскаго императора Рудольфа II, Эриха Ласоты (1594), въ книгѣ большаго чертежа (XVI вѣка), у французскаго инженера де-Боплана (1650) и у другихъ.

Образованіе днѣпровскихъ пороговъ объясняется встрѣчей рѣки Днѣпра въ его нижнемъ теченіи съ отрогами Карпатскихъ горъ, проходящими въ направленіи отъ запада къ востоку чрезъ всю южную окраину днѣпровскихъ степей. Днѣпръ до лѣваго своего притока, рѣки Самары, течетъ параллельно направленію массивныхъ кристаллическихъ породъ, т.-е. съ сѣверо-запада на юго-востокъ; но близъ Самары онъ встрѣчаетъ неодолимое препятствіе въ породахъ, имѣющихъ направленіе перпендикулярное почти вышеупомянутому, т.-е. съ юго-запада на сѣверо-востокъ; почему прорытіе кристаллической площади становится неизбѣжнымъ и необходимымъ. Оно совершается по направленію равнодѣйствующей двухъ силъ, изъ которыхъ одна сила—теченіе рѣки — стремится отклонить днѣпровскія воды на юго-востокъ, а другая сила—поперечныя гряды камней—на юго-западъ. Отъ этого образуются днѣпровскіе пороги. Такимъ образомъ днѣпровскіе пороги суть кристаллическія породы, пересѣкающія подъ угломъ все русло рѣки Днѣпра въ девяти мѣстахъ на протяженіи шестидесяти пяти слишкомъ верстъ отъ лѣваго притока Днѣпра, рѣки Самары, внизъ [1]). Ошибочно думать, что днѣпровскіе пороги суть водопады, подобно водопадамъ Иматры, Ніагары и другимъ въ этомъ родѣ; это—рядъ постепенно понижающихся уступовъ, состоящихъ изъ гранитныхъ камней, брошенныхъ поперекъ русла рѣки въ нѣсколько рядовъ или лавъ, на довольно большомъ другъ отъ друга разстояніи, то лежащихъ подъ водой, то въ уровень, то надъ уровнемъ ея. Отъ этого вода, идущая черезъ днѣпровскіе пороги, вовсе не имѣетъ здѣсь вида низвергающагося съ высокихъ крутизнъ потока, а

---

[1]) Леваковскій, О выступахъ кристаллическихъ породъ по Днѣпру, Харьковъ, 1871.

только видъ неудержимо движущейся массы воды, попавшей между естественными запрудами рѣки, преградившими ей путь, стремящейся вырваться изъ этихъ тисковъ и то восходящей на нихъ, то нисходящей съ нихъ. Отъ встрѣчи съ порогомъ текущая въ рѣкѣ вода неминуемо стремится подняться выше преграждающей ей путь поперекъ русла гранитной лавы, и отъ этого получается большій или меньшій подъемъ воды на каждомъ изъ пороговъ; но при значительномъ протяженіи каждаго изъ пороговъ подъемъ этотъ едва уловимъ для глаза; всего лучше можно видѣть высоту паденія воды въ порогѣ, если стать противъ теченія воды въ рѣкѣ. Отъ волнообразнаго-же движенія воды между камнями рѣки, ниже каждаго порога образуется особенно глубокое мѣсто, называемое плесомъ. Каждый изъ пороговъ непремѣнно пересѣкаетъ рѣку отъ одного берега къ другому и тянется въ длину или лишь нѣсколько шаговъ, или даже болѣе, чѣмъ версту.

По точному измѣренію, все порожистое пространство Днѣпра, въ запорожскихъ предѣлахъ, занимаетъ шестьдесятъ пять верстъ и двѣсти семьдесятъ шесть съ половиной саженъ. Первый порогъ начинается на 50 географическихъ миль ниже города Кіева, на семь верстъ ниже бывшаго запорожскаго селенія Половицы, теперь города Екатеринослава, противъ крѣпости Стараго-Кодака у праваго берега рѣки Днѣпра, и на двѣ версты ниже устья рѣки Самары у лѣваго берега Днѣпра; послѣдній порогъ кончается выше острова Малаго-Дубоваго, иначе Курисова, или противъ теперешняго хутора Маріенталя, стоящаго на правомъ берегу Днѣпра, на восемь верстъ выше крѣпости Александровской, теперь города Александровска, екатеринославской губерніи. Число всѣхъ днѣпровскихъ пороговъ у различныхъ писателей показывается различно: у греческаго императора Константина Багрянороднаго—семь, у Эриха Ласоты, Гильомъ де-Боплана, въ «Древней россійской идрографіи», «Сказкѣ запорожскихъ черкасъ» и «Книгѣ большаго чертежа» — тринадцать, на «Атласѣ Днѣпра 1786 года» адмирала Пущина—одиннадцать, въ «Изслѣдованіяхъ» Леберга—двѣнадцать, на «Гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ»—девять. Такая разница въ показаніяхъ числа пороговъ происходитъ отъ того, что многіе изъ писателей принимали заборы за пороги, тогда какъ другіе наоборотъ считали нѣкото-

рые изъ пороговъ заборами. Въ дѣйствительности-же всѣхъ пороговъ—девять; порядокъ ихъ слѣдующій.

Кодакъ, Кудакъ или Гудакъ, Кайдацкій по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Старо-Кайдацкій у Лерберга и на атласѣ Днѣпра; Кодакъ въ древней россійской идрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Ессупи, пославянски, у Константина Багрянороднаго. Названіе порога Кодакъ, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, нежели названіе Ессупи: вѣроятнѣе всего, что оно усвоено отъ одного изъ тюрко-татарскихъ народовъ, хозаръ, печенѣговъ или половцевъ; оно напоминаетъ своимъ названіемъ татарское слово «кадакъ», что значитъ гвоздь; отъ этого-же корня алтайское кадалгак—утесъ, монгольское хада—также утесъ. Кодацкій порогъ расположенъ на Днѣпрѣ противъ села Стараго-Кодака, стоящаго съ правой стороны, и деревни Чапель, находящейся съ лѣвой стороны рѣки; онъ имѣетъ, при ширинѣ Днѣпра едва въ версту, ширины 155, длины справа 240, слѣва 255, паденія воды 0,91 саженъ; падаетъ четырьмя лавами—Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мышиной; имѣетъ старый каналъ изъ накиднаго камня 12 саженъ длины, справа у самаго берега Днѣпра, и новый каналъ среди самой рѣки; фарватеръ Днѣпра выше порога 8, ниже порога, въ плесѣ, 12,5 саженъ. Кодацкій порогъ, послѣ Ненасытецкаго, считается однимъ изъ опаснѣйшихъ пороговъ.

Сурской порогъ у всѣхъ писателей, кромѣ Константина Багрянороднаго, у котораго онъ совсѣмъ пропущенъ, и атласа Днѣпра, гдѣ онъ считается заборой; расположенъ на семь верстъ ниже Кодацкаго, между южнымъ концомъ острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра; имѣетъ длины справа 48, слѣва 34, паденія воды 0,24 сажени; падаетъ двумя лавами—Чугунной и Бондаревой; имѣетъ каналъ у праваго берега изъ накиднаго камня въ 50 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога одна сажень, ниже порога—восемь футовъ.

Лоханскій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и изслѣдованіямъ Лерберга; Лоханной въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Ульворси порусски и Островунипрагъ пославянски у Константина Багрянороднаго; неизвѣстно, ошибочно или сознательно этотъ по-

рогъ называется у Зуева Сохансвимъ, хотя онъ упоминаетъ о Лоханномъ порогѣ [1]). Находится на полверсты ниже Сурскаго порога; имѣетъ ширины около 60, длины справа 127, слѣва 78, паденія воды 0,77 сажени; падаетъ тремя лавами—Куликовскою, Плоскою и Черепашиной; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня у лѣваго берега въ 60 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога—одна сажень, ниже порога—восемь футовъ.

Звонецкій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ и по атласу Днѣпра; Звонецъ или Звонецкій у Лерберга; Звонецъ въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа (въ обѣихъ поставленъ вторымъ по счету, тотчасъ послѣ Кодацкаго); Геландри порусски, Шумъ-порога пославянски у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Лоханскаго, противъ балки своего имени; имѣетъ длины справа 87, слѣва 102, паденія воды 0,72 сажени; падаетъ четырьмя лавами—Плоской, Черной, Глухой и Кобылиной; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня въ 100 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога—девять, ниже порога—десять футовъ. Звонецкій порогъ, по удобству мѣстъ и обилію рѣкъ, всегда привлекалъ къ себѣ запорожскихъ козаковъ: уже въ 1781 году, послѣ паденія Сѣчи, русскій путешественникъ академикъ Зуевъ, видѣлъ у Звонецкаго порога, съ правой стороны, мельницу какого-то запорожца, который отогрѣлъ заблудившагося въ степи путешественника, предложивъ ему дровъ и огня [2]).

Ненасытецкій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и по изслѣдованіямъ Лерберга; Ненасытецъ въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Ревучій въ письмахъ Жолкевскаго 1600 года [3]), Айфаръ порусски, Неасить пославянски у Константина Багрянороднаго (Ρωσιστι μεν Ἀειφάρ Σκλαβινιστι Νεασήτ). Названіе Νεασήτ усвоено этому порогу отъ птицы неасити или неясити, родъ пе-

---

[1]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 258, 253.

[2]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 253.

[3]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1895, 169.

ликана, бабы, пучага [1]), которая въ старину во множествѣ водилась на немъ; еще въ концѣ XVIII вѣка оффиціальныя свѣдѣнія сообщали, что на бывшихъ запорожскихъ степяхъ и рѣкахъ водились—въ поляхъ жаворонки, перепела и коростели, при водахъ *бабы*, дикіе гуси, утки, кулики и бекасы [2]); у позднѣйшихъ писателей онъ сталъ именоваться Ненасытцомъ—отъ слова «не насыщаться», потому что никогда не насыщается человѣческими жертвами; у мѣстныхъ жителей называется Дидомъ, потому что считается всѣмъ порогамъ порогъ. «Онъ не любитъ шутить, онъ никому не свертаетъ шляху». Въ немъ одно Пекло чего стоитъ? То бездонная пропасть! «Попавсь у Пекло, буде тоби и холодно и тепло»!..

Ненасытецкій порогъ находится на шесть верстъ ниже Звонецкаго порога; онъ имѣетъ протяженія справа 1,150, слѣва 499, паденія воды 2,78 саженъ; падаетъ двѣнадцатью лавами: Рваной, Службой, Остренькой, Одинцовской, Рогожной, Буравленной, Булгарской, Богатырской, Долгополой, Казенцовой, Мокрыми-Кладями и Рогатой; имѣетъ одинъ проходъ у праваго берега 200 саженъ длины и 15 саженъ ширины, огражденный каменной плотиной на лѣвой сторонѣ, и непосредственно за этимъ проходомъ «старый» каналъ въ 150 саженъ длины со шлюзами, проведенный прямо черезъ твердый гранитъ каменистаго берега; среди самой рѣки имѣетъ другой каналъ, «новый», изъ накидного камня съ гладкими по обѣимъ сторонамъ стѣнками 700 саженъ длины; фарватеръ рѣки ниже порога въ пучинѣ, называемой Пекломъ, за мысомъ Монастырькомъ, 20 саженъ глубины.

Ненасытецкій порогъ—самый большой и самый страшный на всемъ Днѣпрѣ. Страшнымъ дѣлаютъ его своеобразное движеніе воды и тѣ громадные камни, которые частію торчатъ среди самаго по-

---

[1]) Профессоръ Будиловичъ производитъ слово «неясыть» отъ славянскаго корня «сыт», префиксованнаго отрицательной частицей,—въ церковно-славянскомъ ему соотвѣтствуетъ нє-ѩсыть vultur, pelecanus, несыть, pelecanus въ русскомъ неясыть, птица баба, пеликанъ, видъ пугача, сказочная ненасытная птица; въ хорватскомъ nenasit platea, pellicano; въ чешскомъ nedosyta, nesyt. Первобытные славяне, въ Кіевскихъ извѣстіяхъ, 1878, I, 177.

[2]) Экономическія примѣчанія екатеринославскаго уѣзда, по рукописи стр. 38, Екатерин[illegible] Казенная палата.

рога, частію отдѣляются отъ береговъ рѣки и выступаютъ далеко впередъ. Выше порога на двѣ версты Днѣпръ расширяется почти до двухъ съ половиной верстъ; тутъ среди него протянулись два большихъ острова Козловъ и Ткачевъ, покрытые лѣсомъ; до этихъ острововъ теченіе Днѣпра сравнительно тихое, потому что оно идетъ по руслу съ обѣихъ сторонъ ничѣмъ нестѣсненному; ниже острововъ правая сторона остается попрежнему свободной, зато лѣвая покрывается многими небольшихъ размѣровъ островами. Вслѣдствіе этого Днѣпръ, обойдя острова Козловъ и Ткачевъ и встрѣтивъ у лѣваго берега препятствіе въ значительномъ числѣ скалистыхъ острововъ, поворачиваетъ, въ видѣ змѣи, отъ лѣваго берега на средину, усиливаетъ свое теченіе и тутъ стремительно наскакиваетъ на гряды лавъ и подводныхъ камней. Пробившись черезъ эту гряду и дойдя до праваго берега на одну версту ниже острова Ткачева, Днѣпръ вдругъ встрѣчаетъ большой мысъ, отдѣлившійся отъ праваго берега и выдвинувшійся, посредствомъ примыкающей къ нему каменистой косы, на средину рѣки. Ударившись въ этотъ мысъ, Днѣпръ отскакиваетъ снова влѣво, тутъ встрѣчается съ каменистой косой отъ береговаго мыса, за мысомъ наскакиваетъ на два соединенныхъ между собою переборомъ каменистыхъ острова, и только послѣ этого доходитъ до лѣваго берега. Пройдя небольшое разстояніе по-надъ лѣвымъ берегомъ, Днѣпръ вновь встрѣчаетъ поперечную гряду скалъ и во второй разъ бросается отъ лѣваго берега къ правому; но здѣсь онъ встрѣчаетъ еще большія затрудненія: крутую каменную стѣну, острыя несокрушимыя скалы, до семи футовъ высоты, массы гранитныхъ лавъ и наконецъ у самаго праваго берега высокій, массивный, отдѣлившійся впередъ мысъ, носящій названіе Монастырька или Царицыной скели. Отсюда Днѣпръ снова отскакиваетъ на средину и только послѣ этого свободно и безпрепятственно стремится далѣе внизъ. Отъ всего этого рѣка, свободно и плавно несущая свои воды по руслу выше Ненасытецкаго порога, дошедшая потомъ до самаго порога и встрѣтившая здѣсь несокрушимыя препятствія въ видѣ лавъ, скалъ, грядъ и мысовъ, съ непостижимой силой ударяется въ разныя стороны, бросается съ одного камня на другой, вслѣдствіе этого страшно волнуется, вздымаетъ вверхъ огромные валы серебристаго бука, разбивается цѣлыми милліонами милліоновъ

[illegible] брызгъ, [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] водяной пыли, [illegible] между скалъ [illegible] пучины и всѣмъ этимъ производитъ такой страшный шумъ и стонъ, который слышится еще за дальнихъ [illegible] отъ порога и который поглощаетъ собой всякій другой звукъ,—и крикъ птицъ, и голосъ человѣка. Картина и страшная, и вмѣстѣ съ тѣмъ по истинѣ могучая, [illegible] [illegible] [illegible] и никакой кисти для изображенія ея, никакія [illegible] [illegible] не достанетъ силъ, а воображенія [illegible]... И вотъ [illegible] [illegible] [illegible] же былъ Ненасытецъ, если еще не страшнѣе и величественнѣе, [illegible] до появленія близь него запорожскихъ [illegible], [illegible] [illegible] въ этомъ пустынномъ мѣстѣ Днѣпръ, стѣсненный съ обѣихъ сторонъ громадными, [illegible] и [illegible] скалами, [illegible] шелъ въ своемъ руслѣ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, какъ [illegible] онъ выше и ниже своихъ пороговъ послѣ каждаго [illegible] усилія воды. Особенно величественнымъ и особенно чарующимъ кажется Ненасытецъ съ высоты [illegible] мыса праваго берега въ большой разливъ воды, когда вся поверхность его засеребрится бѣлой жемчужной пѣной, а громадные, изъ-подъ воды торчащіе, камни покроются множествомъ гнѣздъ крячковъ, безпрестанно снующихъ надъ порогомъ, ярко блестающихъ на солнышкѣ и поминутно трепещущихъ своими крылышками въ воздухѣ; когда онъ шумно и реветъ, и стонетъ, и высоко взмываетъ свои воды, а потомъ сразу обрывается и на столько стихаетъ, что слышатся даже переливы воды, идущіе съ камня на камень, съ одной лавы на другую и дающіе возможность мѣстнымъ обывателямъ тѣмъ самымъ предугадывать перемѣну погоды. Здѣсь у этого завѣтнаго порога, въ виду огромныхъ скалъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ и по руслу рѣки, и по ея берегамъ, въ виду множества могилъ, поднимающихся въ степи съ обѣихъ сторонъ рѣки и невольно наводящихъ на многія о прошлыхъ судьбахъ человѣчества грустныя думы, здѣсь, въ виду этого грознаго порога, часто сиживали и часто любовались съ высокаго мыса на мчавшіяся по скатамъ порога кипящія волны Днѣпра истинные цѣнители красотъ природы, мечтатели въ душѣ, поэты въ рѣчахъ, художники въ пѣсняхъ, запорожскіе козаки... Любо имъ было смотрѣть на бѣ[illegible]строту воды въ Ненасытцѣ: дос-

чайная барка пробѣгала все пространство его, двѣ слишкомъ версты, въ четыре минуты, а лёгкой плотъ—съ небольшимъ въ одну минуту.

Волниговскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра; Вольный и Волнинскій по изслѣдованіямъ Лерберга; Вольнигъ въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Варуфоросъ порусски, Вулниирагъ пославянски у Константина Багрянороднаго; находится на тридцать верстъ ниже Ненасытецкаго и на три съ половиной версты ниже острова Большого-Дубоваго, имѣетъ ширины 50, длины справа 270, слѣва 235, паденіе воды 1,14 сажени; падаетъ четырьмя лавами—Близнючками, Плоской, Гряной и Помыйницей; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня съ гладкими стѣнами 200 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога восемь, ниже порога—семь футовъ. Послѣ Ненасытецкаго порога Волниговскій порогъ самый большой; на языкѣ мѣстныхъ жителей онъ носитъ названіе Вовниги, Вовнизького, Внука.

Будиловскій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Дубильскій въ атласѣ Днѣпра; Будильскій или Будинскій у Лерберга; Будило въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Леанти порусски, Веручи («Кипѣніе воды») пославянски у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Волниговскаго; имѣетъ длины справа 187, слѣва 102, паденіе воды 0,49 сажени; падаетъ двумя лавами на 100 саженъ одна ниже другой—Тыриной и Сазоновой; имѣетъ небольшой каналъ изъ накиднаго камня; фарватеръ рѣки выше порога—семь, ниже порога девять футовъ.

Лишній порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Личной по атласу Днѣпра; Личный по изслѣдованіямъ Лерберга; Лычна въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большого чертежа; Струвунъ порусски, Напрези, пославянски («что означаетъ маленькій порогъ») у Константина Багрянороднаго; находится на четырнадцать верстъ ниже Будиловскаго порога, противъ большаго острова Кухарева, имѣетъ длины справа 220, слѣва 87, паденія воды 0,21 сажени; фарватеръ рѣки выше порога десять, ниже порога—шесть футовъ.

Вильний порогъ по гидрографической картѣ днѣпровск
пороговъ; Вольной по атласу Днѣпра, древней россійской ги

рые изъ пороговъ заборами. Въ дѣйствительности-же всѣхъ пороговъ—девять; порядокъ ихъ слѣдующій.

Кодакъ, Кудакъ или Гудакъ, Кайдацкій по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Старо-Кайдацкій у Лерберга и на атласѣ Днѣпра; Кодакъ въ древней россійской идрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Ессупи, пославянски, у Константина Багрянороднаго. Названіе порога Кодакъ, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, нежели названіе Ессупи: вѣроятнѣе всего, что оно усвоено отъ одного изъ тюрко-татарскихъ народовъ, хозаръ, печенѣговъ или половцевъ; оно напоминаетъ своимъ названіемъ татарское слово «кадакъ», что значитъ гвоздь; отъ этого-же корня алтайское кадалгак—утесъ, монгольское хада—также утесъ. Кодацкій порогъ расположенъ на Днѣпрѣ противъ села Стараго-Кодака, стоящаго съ правой стороны, и деревни Чапель, находящейся съ лѣвой стороны рѣки; онъ имѣетъ, при ширинѣ Днѣпра едва въ версту, ширины 155, длины справа 240, слѣва 255, паденія воды 0,91 саженъ; падаетъ четырьмя лавами—Плоской, Остренькой, Вишняковой и Мышиной; имѣетъ старый каналъ изъ накиднаго камня 12 саженъ длины, справа у самаго берега Днѣпра, и новый каналъ среди самой рѣки; фарватеръ Днѣпра выше порога 8, ниже порога, въ плесѣ, 12,5 саженъ. Кодацкій порогъ, послѣ Ненасытецкаго, считается однимъ изъ опаснѣйшихъ пороговъ.

Сурской порогъ у всѣхъ писателей, кромѣ Константина Багрянороднаго, у котораго онъ совсѣмъ пропущенъ, и атласа Днѣпра, гдѣ онъ считается заборой; расположенъ на семь верстъ ниже Кодацкаго, между южнымъ концомъ острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра; имѣетъ длины справа 48, слѣва 34, паденія воды 0,24 сажени; падаетъ двумя лавами—Чугунной и Бондаревой; имѣетъ каналъ у праваго берега изъ накиднаго камня въ 50 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога одна сажень, ниже порога—восемь футовъ.

Лоханскій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и изслѣдованіямъ Лерберга; Лоханной въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Ульворси порусски и Островунипрагъ пославянски у Константина Багрянороднаго; неизвѣстно, ошибочно или сознательно этотъ по-

рогъ называется у Зуева Соханскимъ, хотя онъ упоминаетъ о Лоханномъ порогѣ [1]). Находится на полверсты ниже Сурскаго порога; имѣетъ ширины около 60, длины справа 127, слѣва 78, паденія воды 0,77 сажени; падаетъ тремя лавами—Куликовскою, Плоскою и Черепашиной; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня у лѣваго берега въ 60 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога—одна сажень, ниже порога—восемь футовъ.

Звонецкій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ и по атласу Днѣпра; Звонецъ или Звонецкій у Лерберга; Звонецъ въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа (въ обѣихъ поставленъ вторымъ по счету, тотчасъ послѣ Кодацкаго); Геландри порусски, Шумъ-порога пославянски у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Лоханскаго, противъ балки своего имени; имѣетъ длины справа 87, слѣва 102, паденія воды 0,72 сажени; падаетъ четырьмя лавами—Плоской, Черной, Глухой и Кобылиной; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня въ 100 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога—девять, ниже порога—десять футовъ. Звонецкій порогъ, по удобству мѣстъ и обилію рѣкъ, всегда привлекалъ къ себѣ запорожскихъ козаковъ: уже въ 1781 году, послѣ паденія Сѣчи, русскій путешественникъ академикъ Зуевъ, видѣлъ у Звонецкаго порога, съ правой стороны, мельницу какого-то запорожца, который отогрѣлъ заблудившагося въ степи путешественника, предложивъ ему дровъ и огня [2]).

Ненасытецкій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, по атласу Днѣпра и по изслѣдованіямъ Лерберга; Ненасытецъ въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Ревучій въ письмахъ Жолкевскаго 1600 года [3]), Айфаръ порусски, Неасить пославянски у Константина Багрянороднаго (Ρωσιστὶ μὲν Ἀειφάρ Σκλαβινιστὶ Νεασήτ). Названіе Νεασήτ усвоено этому порогу отъ птицы неасити или неясити, родъ пе-

---

[1]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 258, 253.

[2]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 253.

[3]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1895, 169.

ликана, бабы, пучага [1]), которая въ старину во множествѣ водилась на немъ; еще въ концѣ XVIII вѣка оффиціальныя свѣдѣнія сообщали, что на бывшихъ запорожскихъ степяхъ и рѣкахъ водились—въ поляхъ жаворонки, перепела и коростели, при водахъ *бабы*, дикіе гуси, утки, кулики и бекасы [2]); у позднѣйшихъ писателей онъ сталъ именоваться Ненасытцомъ—отъ слова «не насыщаться», потому что никогда не насыщается человѣческими жертвами; у мѣстныхъ жителей называется Дидомъ, потому что считается всѣмъ порогамъ порогъ. «Онъ не любитъ шутить, онъ никому не свертаетъ шляху». Въ немъ одно Пекло чего стоитъ? То бездонная пропасть! «Попавсь у Пекло, буде тоби и холодно и тепло»!..

Ненасытецкій порогъ находится на шесть верстъ ниже Звонецкаго порога; онъ имѣетъ протяженія справа 1,150, слѣва 499, паденія воды 2,78 саженъ; падаетъ двѣнадцатью лавами: Рваной, Службой, Остренькой, Одинцовской, Рогожной, Буравленной, Булгарской, Богатырской, Долгополой, Казенцовой, Мокрыми-Кладями и Рогатой; имѣетъ одинъ проходъ у праваго берега 200 саженъ длины и 15 саженъ ширины, огражденный каменной плотиной на лѣвой сторонѣ, и непосредственно за этимъ проходомъ «старый» каналъ въ 150 саженъ длины со шлюзами, проведенный прямо черезъ твердый гранитъ каменистаго берега; среди самой рѣки имѣетъ другой каналъ, «новый», изъ накидного камня съ гладкими по обѣимъ сторонамъ стѣнками 700 саженъ длины; фарватеръ рѣки ниже порога въ пучинѣ, называемой Пекломъ, за мысомъ Монастырькомъ, 20 саженъ глубины.

Ненасытецкій порогъ—самый большой и самый страшный на всемъ Днѣпрѣ. Страшнымъ дѣлаютъ его своеобразное движеніе воды и тѣ громадные камни, которые частію торчатъ среди самаго по-

---

[1]) Профессоръ Будиловичъ производитъ слово «неясыть» отъ славянскаго корня «сыт», префиксованнаго отрицательной частицей,—въ церковно-славянскомъ ему соотвѣтствуетъ нє-ѩсыть vultur, pelecanus, несыть, pelecanus въ русскомъ неясыть, птица баба, пеликанъ, видъ пугача, сказочная ненасытная птица; въ хорватскомъ nenasit platea, pellicano; въ чешскомъ nedosyta, nesyt. Первобытные славяне, въ Кіевскихъ извѣстіяхъ, 1878, I, 177.

[2]) Экономическія примѣчанія екатеринославскаго уѣзда, по рукописи стр. 38, Екатеринославъ, Казенная палата.

рога, частію отдѣляются отъ береговъ рѣки и выступаютъ далеко впередъ. Выше порога на двѣ версты Днѣпръ расширяется почти до двухъ съ половиной верстъ; тутъ среди него протянулись два большихъ острова Козловъ и Ткачевъ, покрытые лѣсомъ; до этихъ острововъ теченіе Днѣпра сравнительно тихое, потому что оно идетъ по руслу съ обѣихъ сторонъ ничѣмъ нестѣсненному; ниже острововъ правая сторона остается попрежнему свободной, зато лѣвая покрывается многими небольшихъ размѣровъ островами. Вслѣдствіе этого Днѣпръ, обойдя острова Козловъ и Ткачевъ и встрѣтивъ у лѣваго берега препятствіе въ значительномъ числѣ скалистыхъ острововъ, поворачиваетъ, въ видѣ змѣи, отъ лѣваго берега на средину, усиливаетъ свое теченіе и тутъ стремительно наскакиваетъ на гряды лавъ и подводныхъ камней. Пробившись черезъ эту гряду и дойдя до праваго берега на одну версту ниже острова Ткачева, Днѣпръ вдругъ встрѣчаетъ большой мысъ, отдѣлившійся отъ праваго берега и выдвинувшійся, посредствомъ примыкающей къ нему каменистой косы, на средину рѣки. Ударившись въ этотъ мысъ, Днѣпръ отскакиваетъ снова влѣво, тутъ встрѣчается съ каменистой косой отъ береговаго мыса, за мысомъ наскакиваетъ на два соединенныхъ между собою переборомъ каменистыхъ острова, и только послѣ этого доходитъ до лѣваго берега. Пройдя небольшое разстояніе по-надъ лѣвымъ берегомъ, Днѣпръ вновь встрѣчаетъ поперечную гряду скалъ и во второй разъ бросается отъ лѣваго берега къ правому; но здѣсь онъ встрѣчаетъ еще большія затрудненія: крутую каменную стѣну, острыя несокрушимыя скалы, до семи футовъ высоты, массы гранитныхъ лавъ и наконецъ у самаго праваго берега высокій, массивный, отдѣлившійся впередъ мысъ, носящій названіе Монастырька или Царицыной скели. Отсюда Днѣпръ снова отскакиваетъ на средину и только послѣ этого свободно и безпрепятственно стремится далѣе внизъ. Отъ всего этого рѣка, свободно и плавно несущая свои воды по руслу выше Ненасытецкаго порога, дошедшая потомъ до самаго порога и встрѣтившая здѣсь несокрушимыя препятствія въ видѣ лавъ, скалъ, грядъ и мысовъ, съ непостижимой силой ударяется въ разныя стороны, бросается съ одного камня на другой, вслѣдствіе этого страшно волнуется, вздымаетъ вверхъ огромные валы серебристаго бука, разбивается цѣлыми милл[illegible]ліоновъ во-

дяныхъ брызгъ, разлетается въ разныя стороны цѣлыми потоками водяной пыли, выкручиваетъ между скалъ бездонныя пучины и всѣмъ этимъ производитъ такой страшный шумъ и стонъ, который слышится уже на далекомъ разстояніи отъ порога и который поглощаетъ собой всякій другой звукъ,—и крикъ птицъ, и голосъ человѣка. Картина и страшная, и вмѣстѣ съ тѣмъ по истинѣ могучая, неподдающаяся никакому описанію и никакой кисти; для изображенія ея, говоря арабской пословицей, языку не достаетъ словъ, а воображенію красокъ... И нѣтъ никакого сомнѣнія, что таковъже былъ Ненасытецъ, если еще не страшнѣе и величественнѣе, задолго до поселенія близъ него запорожскихъ козаковъ, такъ какъ только въ этомъ порожистомъ мѣстѣ Днѣпръ, скованный съ обѣихъ сторонъ громадными, вѣковѣчными и несокрушимыми скалами, неизмѣнно шелъ въ своемъ руслѣ, не уклоняясь ни направо, ни налѣво, какъ уклоняется онъ выше и ниже своихъ пороговъ послѣ каждаго весенняго разлива водъ. Особенно величественнымъ и особенно чарующимъ кажется Ненасытецъ съ высоты птичьяго полета праваго берега въ большой разливъ воды, когда вся поверхность его засеребрится бѣлой жемчужной пѣной, а громадные, изъ-подъ воды торчащіе, камни покроются множествомъ гнѣздъ крячковъ, безпрестанно снующихъ надъ порогомъ, ярко блистающихъ на солнышкѣ и поминутно трепещущихъ своими крылышками въ воздухѣ; когда онъ порою и реветъ, и стонетъ, и высоко вздымаетъ свои воды, а потомъ сразу обрывается и на столько стихаетъ, что слышатся даже переливы воды, идущіе съ камня на камень, съ одной лавы на другую и дающіе возможность мѣстнымъ обывателямъ тѣмъ самымъ предугадывать перемѣну погоды. Здѣсь у этого завѣтнаго порога, въ виду огромныхъ скалъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ и по руслу рѣки, и по ея берегамъ, въ виду множества могилъ, поднимающихся въ степи съ обѣихъ сторонъ рѣки и невольно наводящихъ на многія о прошлыхъ судьбахъ человѣчества грустныя думы, здѣсь, въ виду этого грознаго порога, часто сиживали и часто любовались съ высокаго мыса на мчавшіяся по скатамъ порога кипящія волны Днѣпра истинные цѣнители красотъ природы, мечтатели въ душѣ, поэты въ рѣчахъ, художники въ пѣсняхъ, запорожскіе козаки... Любо имъ было смотрѣть на бѣшенную быстроту воды въ Ненасытцѣ: дос-

чанная барка пробѣгала все пространство его, двѣ слишкомъ версты, въ четыре минуты, и лѣсной плотъ—съ небольшимъ въ одну минуту.

Волниговскій порогъ по гидрографической картѣ Днѣпра; Волный и Волнинскій по изслѣдованіямъ Лерберга Волнѣгъ въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа;Варуфоросъ порусски, Вулнипрагъ пославянски у Константина Багрянороднаго; находится на тридцать верстъ ниже Ненасытецкаго и на три съ половиной версты ниже острова Большого-Дубоваго, имѣетъ ширины 50, длины справа 270, слѣва 235, паденіе воды 1,14 сажени; падаетъ четырьмя лавами—Близнюками, Плоской, Грозной и Помыйницей; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня съ гладкими стѣнками 200 саженъ длины; фарватеръ рѣки выше порога восемь, ниже порога—семь футовъ. Послѣ Ненасытецкаго порога Волниговскій порогъ самый большой; на языкѣ мѣстныхъ жителей онъ носитъ названіе Вовниги, Вовнизького, Внука.

Будиловскій порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Дубильскій въ атласѣ Днѣпра; Будильскій или Будинскій у Лерберга; Будило въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большаго чертежа; Леанти порусски, Веручи («Кипѣніе воды») пославянски у Константина Багрянороднаго; находится на пять верстъ ниже Волниговскаго; имѣетъ длины справа 187, слѣва 102, паденіе воды 0,49 сажени; падаетъ двумя лавами на 100 саженъ одна ниже другой—Тыриной и Сазоновой; имѣетъ небольшой каналъ изъ накиднаго камня; фарватеръ рѣки выше порога—семь, ниже порога девять футовъ.

Лишній порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Личной по атласу Днѣпра; Личный по изслѣдованіямъ Лерберга; Лынча въ древней россійской гидрографіи и въ Книгѣ большого чертежа; Струвунъ порусски, Напрези, пославянски («что означаетъ маленькій порогъ») у Константина Багрянороднаго; находится на четырнадцать верстъ ниже Будиловскаго порога, противъ большаго острова Кухарева, имѣетъ длины справа 220, слѣва 87, паденія воды 0,21 сажени; фарватеръ рѣки выше порога десять, ниже порога—шесть футовъ.

Вильный порогъ по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ; Вольной по атласу Днѣпра, древней россійской гидро-

графіи и Книгѣ большаго чертежа; Волный по изслѣдованіямъ Лерберга; у Константина Багрянородного пропущенъ; у мѣстныхъ жителей Гадючій; находится на пять съ половиной верстъ ниже порога Лишняго, выше островов Гавина, Лантуховскаго и Курисовыхъ; имѣетъ длины справа 464, слѣва 380, паденіе воды 1,35 саженъ, падаетъ шестью лавами—Сѣренькой, Похилой, Радовой, Переймой, Волчьимъ-Горломъ и Шинкаревой; имѣетъ каналъ изъ накиднаго камня съ гладкими стѣнами съ обѣихъ сторонъ внутри, длины около 400 саженъ; фарватеръ рѣки выше и ниже порога двѣнадцать футовъ.

Весьма любопытно описаніе днѣпровскихъ пороговъ, сдѣланное въ 1770 году и имѣющееся на рукописномъ «Геометрическомъ планѣ Днѣпровскимъ порогамъ отъ устья рѣки Самары до Александровской крѣпости съ показаніемъ по обѣ стороны рѣки близъ лежащей ситуаціи. Снятъ въ 1770 году, сочиненъ въ 1774 году». Планъ этотъ хранится въ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, въ картонѣ плановъ екатеринославской губерніи, подъ № 19. Въ немъ о днѣпровскихъ порогахъ написано слѣдующее:

«Теченіе сей части Днепра, считая въ низъ отъ устья Самары до Хортинского острова на 93 верстахъ, мѣстами въ крутыхъ и каменныхъ, а мѣстами въ нарочито отлогихъ берегахъ: и на семъ пространствѣ обоихъ сторонъ впадаютъ въ нево 12 рѣчекъ. Пороговъ въ ономъ 11 и 2 припора. Разстояніемъ 7 верстъ отъ устья Самары при запорожскомъ мѣстечкѣ Кайдакъ начинается первой порогъ Кайдакъ, гдѣ разродившіеся большіе и мелкіе каменья оказываются въ наружности, перепруживаютъ во всю ширину, на подобіе плотины и на 120 саженяхъ стремительного теченія упадаетъ горизонтъ онаго на 1 сажень и 16 дюймовъ. 2½ версты отъ Кайдака второй порогъ, называемый Сурскимъ, и между ими припоръ Волошина пристань, состоящей изъ несколькихъ въ наружѣ и подъ водою каменьевъ, на 50-ти саженяхъ имѣетъ паденія два фута, а вышеозначенной порогъ продолжается на 150-ти саженяхъ, имѣя паденія 4 фута 8 дюймовъ. Отъ Сурского 5½ верстъ третій порогъ Лоханный, и между ими при островахъ припоръ Сурскій на 50-ти саженяхъ имѣетъ паденія 1 футъ 5 дюймовъ. Въ порогѣ имѣются три острова каменистыхъ, и при стремительномъ теченіи по подводному камню, на 181-ой сажени,

паденія 6 футовъ 8 дюймовъ. Ниже сего 5 верстъ четвертый порогъ Звонецъ, лѣжащей въ каменныхъ берегахъ и продолжаясь на 165 саженъ паденія имѣетъ 4 фута 6 дюймовъ. Разстояніемъ отъ Звонца 3 версты пятый порогъ Княгинецъ, но его паденіе на 100 саженъ 3 фута 7 дюймовъ. Двѣ версты ниже лѣжитъ порогъ шестой, называемый Ненасытецъ, гдѣ въ великомъ множествѣ наружного и подводного каменья запруженъ во всіо пространство широты 6-ю градами (=грядами) и на 350-ти саженяхъ весьма стремительного теченія паденія имѣетъ 1 сажень 6 футовъ. $2^1/_2$ версты отъ Ненасытеца седьмой порогъ Воронова забора, которой имѣетъ на 205-ти саженяхъ паденія 4 фута 2 дюйма и берегъ каменистый. Отъ сего разстояніемъ въ 11-ти верстахъ осьмой порогъ Новни (sic) на 170-ти саженяхъ имѣетъ паденія 4 фута 5 дюймовъ. $3^1/_4$ версты ниже сего девятый порогъ, называемой Будыльскій: паденіе оного на 150-ти саженяхъ 3 фута. 16 верстъ ниже сего лежитъ десятой порогъ, называемой первой Вольной и на 140 саженяхъ имѣетъ паденія 3 фута 3 дюйма. 5 верстъ ниже сего порога одиннадцатой, называемой второй Вольной, при впаденіи рѣки Вольной, гдѣ на 200 саженяхъ по подводному каменью паденія 6 футъ 3 дюйма, а отъ сего порога до Хортинского острова продолжаетса теченіе, какъ и выше упомянуто, мѣстами въ крутыхъ и отлогихъ берегахъ, а мѣстами пески и каменистые мысы случаются. NB Припоръ называетца мѣсто, гдѣ отъ несколько находящагося наружного и подводного мѣлкого камня, хотя и стремительнеѣ обыкновенного, но коммуникація быть можетъ».

Пороги искони вѣковъ были важнымъ препятствіемъ для судоходства по Днѣпру. Въ этомъ случаѣ они извѣстны были еще нашимъ предкамъ славянамъ-язычникамъ, которые такъ часто плавали до Днѣпру отъ Новгорода и до Царяграда и на своемъ пути встрѣчали существенное препятствіе—пороги. По словамъ императора Константина Багрянороднаго, они умѣли избѣгать это препятствіе слѣдующимъ образомъ. «Они приходятъ къ первому порогу, называемому Ессупи, что порусски и пославянски толкуется не спать. Хотя этотъ порогъ такъ узокъ, что шириною только съ циканистеріонъ, однако-же въ срединѣ его есть утесистыя высокія скалы, имѣющія видъ островов. Вода дошедъ до

нихъ поднимается и низвергается съ величайшимъ и ужаснымъ шумомъ. Поэтому руссы не отваживаются проходить черезъ него; но приставъ вблизи высаживаютъ людей, а прочія вещи оставляютъ въ судахъ. Такимъ образомъ они идутъ нагіе въ водѣ, щупая ногами, чтобы не наткнуться гдѣ-нибудь на камень, а между тѣмъ иные подвигаютъ веслами носъ, другіе средину, а иные кормы судовъ, и такимъ образомъ съ величайшею осторожностью проходятъ этотъ первый порогъ въ углу онаго и у берега рѣки»[1]). Гораздо позже означеннаго времени, въ XVI—XVIII вѣкахъ, описанный способъ переправы чрезъ Днѣпровскіе пороги вовсе не былъ извѣстенъ: въ это время купцы, пускавшіеся черезъ пороги шли только весной и то лишь на небольшихъ судахъ, лѣтомъ-же, также какъ и осенью, пороги дѣлались совершенно непроходимы. Поэтому всѣ суда, шедшія по Днѣпру сверху внизъ въ лѣтнее время, обыкновенно останавливались у пороговъ; здѣсь съ нихъ снимали товары и везли семьдесятъ верстъ сухимъ путемъ до крѣпости Александровской, стоявшей у устья рѣки Сухой-Московки, и тутъ погружали на новыя суда, плывшія безпрепятственно до самаго устья Днѣпра[2]). Что касается запорожцевъ, то они не считали пороги препятствіемъ для судоходства: большую часть товаровъ они получали съ юга изъ Крыма, Турціи, Персіи, на судахъ, доходившихъ только до рѣчки Подпильной, гораздо ниже пороговъ; изъ Великой же Россіи, Малороссіи и Польши къ нимъ шли обозы сухимъ путемъ по битымъ шляхамъ. Напротивъ того, запорожскимъ козакамъ днѣпровскіе пороги служили естественнымъ оплотомъ противъ сѣверныхъ сосѣдей ихъ, особенно поляковъ, всегда враждебныхъ имъ.

Первая, обратившая вниманіе на важность водяного сообщенія Днѣпромъ, была императрица Екатерина II. Уже послѣ паденія Сичи, она поручила инженеръ-маіору Францу де-Волану устроить на Днѣпрѣ, въ порогахъ Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытецкомъ, особые каналы для свободнаго прохода судовъ; общія работы предоставлены были, по откупу, оберъ-коммисару Михаилу Леонтьевичу Фалѣеву. Въ 1782 году академику Василію

[1]) Лербергъ, Изслѣдованія, Спб., 1819, 282.
[2]) Лербергъ, Изслѣдованія, Спб., 1819, 267.

Зуеву, путешествовавшему въ то время по югу Россіи съ ученою цѣлію, пришлось присутствовать при сооруженіи этихъ каналовъ, и вотъ въ какихъ словахъ онъ описываетъ эту гигантскую работу. «Истребленіе такового по рѣкѣ неудобства—отъ пороговъ—въ разсужденіи плаванія было въ мысляхъ и у блаженныя памяти Петра Великаго; но сей государь будучи занятъ другими дѣлами и видя, что по тогдашнему времени еще нельзя Россіи надѣяться той пользы, какой-бы отъ толикого труда ожидать надлежало, начатое чищеніе оставилъ. Нынѣ господинъ Фалѣевъ, видя важность таковаго прочищенія, взялъ на себя исправить оное своимъ иждивеніемъ и, справедливо, успѣлъ довольно, а можетъ быть и совершенно-бъ окончилъ, если-бъ твердое на то намѣреніе положено было. Онъ по всѣмъ опаснымъ порогамъ срываетъ верхи торчащихъ надъ водою каменьевъ, просверливая оныя и заряжая порохомъ посредствомъ нарочно здѣланныхъ изъ жести длинныхъ трубокъ. Труднѣйшая работа есть бурить камни подъ водою, и потому не безъ ужасу смотрѣть должно, какъ солдаты и работники, по два человѣка на плотикѣ, зацѣпясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шуму держатся, сидятъ какъ чайки и долбятъ въ оной. Продолбивши на извѣстную глубину, становятъ жестяную съ порохомъ трубку, къ коей приложа фитиль отплываютъ. По прошествіи нѣкотораго времени разрываетъ камень подъ водою и оные обломки работники послѣ подбирая должны вывозить на берегъ. Всѣ принадлежащія къ сей работѣ орудія заказываетъ онъ (Фалѣевъ) дѣлать въ Тулѣ, откуда выписываетъ и мастеровыхъ людей. Работниковъ, по разнымъ порогамъ распредѣленныхъ, всѣхъ числомъ бываетъ отъ полутораста до трехъ сотъ человѣкъ, смотря по времени и нуждѣ. Мнѣ сказывали, что всѣ издержки по порогамъ на жалованье, за работу, инструменты и прочія надобности становятся г-ну Фалѣеву въ рабочій мѣсяцъ до десяти тысячъ рублей; но работа производится токмо въ извѣстные мѣсяцы, когда самая малая вода бываетъ» [1]).

Отъ сооруженій Михайла Леонтьевича Фалѣева остались слѣды только на Кодацкомъ и Ненасытецкомъ порогахъ; цѣль сооруженія

[1]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 256—257.

ихъ—свободное плаваніе черезъ днѣпровскіе пороги—не была достигнута, и потому впослѣдствіи снова былъ поднятъ вопросъ о расчисткѣ пороговъ. Такъ, въ 1798 году при императорѣ Павлѣ I вновь пытались прочистить одинъ изъ самыхъ опасныхъ пороговъ, Ненасытецкій; въ 1807 году герцогъ де-Ришелье, по повелѣнію Александра I, открылъ навигацію по Ненасытцу и по каналамъ, сдѣланнымъ Фалѣевымъ; кромѣ того, онъ-же соорудилъ обводный каналъ у Кодацкаго порога и расчистилъ фарватеръ по Сурскому и Лоханскому порогамъ; работы эти однако-же прекращены были до 1826 года, когда устроенъ былъ каналъ у Кодацкаго порога и по образцу его въ другихъ порогахъ [1]). Въ 1843 году вновь принялись за сооруженіе каналовъ; они устроены были на всѣхъ девяти порогахъ, со стѣнками изъ накиднаго камня, шириною въ пятнадцать саженъ, глубиною въ четыре фута; какъ кажется, они стоили казнѣ около двухъ милліоновъ рублей [2]).

По окончаніи работъ противъ послѣдняго, Вильнаго, порога поставленъ былъ, въ видѣ небольшой пирамидки, памятникъ съ чугунной плитой и надписью: «Судообходные каналы въ днѣпровскихъ порогахъ сооружены по повелѣнію государя императора Николая I распоряженіемъ главнокомандующаго путями сообщенія и публичными зданіями генералъ-адъютанта Клейнмихеля. Работы начаты въ 1843 году, окончены въ 185...» [3]).

Однако, настоящая цѣль сооруженія каналовъ и на этотъ разъ не была достигнута: каналы оказались совсѣмъ негодными для судовъ, и тому служатъ три причины: во-первыхъ, незначительность глубины,—для свободнаго прохода судовъ необходимо, по крайней мѣрѣ, шесть футовъ глубины, но для достиженія такой глубины пришлось бы мѣстами углублять сплошной гранитъ, лежащій на днѣ рѣки; во-вторыхъ, безчисленное множество разбросанныхъ между порогами камней, поднимающихся выше и ниже каналовъ и непозволяющихъ, при низкомъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ лѣтнимъ временемъ, идти судамъ по рѣкѣ; въ-третьихъ, страшная быстрота

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ, С.-Петербургъ, 1763, X.

[2]) Афанасьевъ-Чужбинскій, Поѣздка въ Южную Россію, Спб., 1863, I, 77, 83.

[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 157.

теченія воды въ Днѣпрѣ весной, непозволяющая направлять суда въ каналы, устроенные сбоку, а не по самой срединѣ рѣки. Въ 1843 и 1886 году были попытки провести суда черезъ днѣпровскіе пороги противъ теченія рѣки, по каналу, прикрѣпленному къ якорю посредствомъ придѣланнаго къ судну ворота; эти попытки удались на малыхъ порогахъ: Вильномъ, Лишнемъ, Звонецкомъ, Волниговскомъ и даже Кодацкомъ, но зато на Ненасытецкомъ не дали никакого удовлетворительнаго результата; напротивъ того, заставили отказаться отъ подобнаго рода предпріятій. Оттого переправа черезъ днѣпровскіе пороги судовъ только и возможна въ весеннее время, и попрежнему совершается такимъ же первобытнымъ способомъ, какъ двѣсти—триста лѣтъ тому назадъ во время запорожскихъ козаковъ.

Заборы на рѣкѣ Днѣпрѣ. Отъ пороговъ надо отличать заборы. Заборами называются тѣже гряды дикихъ гранитныхъ скалъ, разбросанныя по руслу Днѣпра, какъ и гряды пороговъ, но только не пересѣкающія рѣку сплошь отъ одного берега къ другому, а занимающія часть ея, попреимуществу съ праваго берега, и такимъ образомъ оставляющія съ другого берега свободный для судовъ проходъ. Заборы начинаются въ Днѣпрѣ гораздо выше пороговъ. Всѣхъ заборъ, болѣе или менѣе значительныхъ, считается въ настоящее время девяносто три. Онѣ начинаются на Днѣпрѣ у самыхъ границъ запорожскихъ владѣній, съ западной стороны, выше рѣки Омельника, и кончаются близъ острова Дѣева, противъ рѣки Чортомлыка. Вотъ онѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Горильчанская, Каменская, Кресты, Черная и Ревучая—всѣ пять ниже посада Крюкова, противъ теперешняго села Каменно-Потоцкаго, херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда; Радута, Тройницкая, Уступъ—между селами Троицкимъ и Куцеволовкой, екатеринославской губерніи, верхнеднѣпровскаго уѣзда; Священа, противъ урочища Буянскаго, Дурная, на полторы версты ниже Священой; Лихолатова, Пивнева, Кротова, противъ балки Кислой, выше пристани въ Днѣпрѣ—всѣ пять противъ мѣстечка Мишурина-Рога; Пристань—противъ села Шошиновки; Кобылья и Аульская—противъ села Аулъ екатеринославскаго уѣзда; Косова противъ мѣстечка Романкова; Рѣчицкая противъ села Тритузнаго; Ясеноватая и Липовая противъ села Карнауховки; Кульмичевская, Недоступова,

Волчья, Рваная, Бѣлая, Сомовская—всѣ шесть противъ села Тарамскаго [1]); Архіерейская при входѣ въ Архіерейскую канаву, отдѣляющую островъ Монастырскій отъ лѣваго берега Днѣпра; Пундыкова, Пѣхотинка, Бажанова, Шерстюкова—между селами Половицей и Лоцманской-Каменкой; Пундыкова, Мудрина и Пурысова—противъ села Стараго-Кодака, Любимовская или Синельникова; Волошинова забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, Волошина въ атласѣ Днѣпра, Волшиная или Яцкая по изслѣдованіямъ Лерберга, порогъ по описанію Боплана, Звонецъ въ древней россійской гидрографіи; находится на двѣ съ половиной версты ниже Кодацкаго порога, противъ колоніи Ямбургъ съ правой стороны и села Любимовки съ лѣвой; отъ перваго порога Кодацкаго до Волошиной заборы паденіе воды составляетъ 9 дюймовъ; Носулина и Яцева заборы; Яцева забора—у лѣваго берега Днѣпра, имѣетъ 400 саженъ длины, прилегаетъ къ южному концу острова Яцкаго и находится на пять верстъ выше рѣки Суры, впадающей въ Днѣпръ; Пурысова—вторая; Кривая—на 200 саженъ ниже Сурскаго порога, у лѣваго берега Днѣпра рядомъ съ каналомъ Лоханскаго порога; Стрѣльчья забора, Стрельчья забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, Стрѣльчатая въ атласѣ Днѣпра, Стрѣльчій порогъ (пятый по счету) въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ большого чертежа, Стрѣльчій порогъ по изслѣдованію Лерберга (четвертый по счету), находится ниже Яцевой заборы, у лѣваго берега Днѣпра, на двѣ версты ниже Лоханскаго порога, противъ южнаго конца села Волошскаго; отъ Сурскаго порога до Стрѣльчьей заборы паденіе воды—8 футовъ и 1 дюймъ; Тягинская забора, Технинскій или Княгининъ порогъ по изслѣдованію Лерберга, Княгининскій порогъ въ атласѣ Днѣпра, Княгининъ порогъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ большого чертежа; имѣетъ въ длину до 100 саженъ, находится на пять верстъ ниже Звонецкаго порога, у праваго берега Днѣпра, между островами Песковатымъ и Козловымъ, или между селомъ Звонецкимъ и деревней Алексѣевкой; Кривая у праваго берега

[1]) Въ одномъ изъ дѣлъ Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, 1688 годъ, связка 77, № 86, упоминается забора Таромская, на каменьяхъ которой «остановились» хлѣбные запасы, везенные изъ Кіева въ Новобогородицкую крѣпость для русскихъ ратныхъ людей.

Днѣпра, почти параллельно Вороновой [1]); Лоская, Бѣляева – у лѣваго берега Днѣпра; Воронова забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ и по атласу Днѣпра, порогъ Воронова забора въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ большого чертежа; находится по картѣ Исленьева выше Ненасытецкаго порога, у праваго берега Днѣпра, по картѣ Риччи Заннони ниже Ненасытеца; имѣетъ длины отъ 12 до 6 футовъ, паденія воды два фута и два дюйма; скалы ея разбросаны на всемъ протяженіи заборы и при малой водѣ торчатъ изъ-подъ воды; свое названіе получила отъ того, «что многія разбросанныя и изъ-подъ воды торчащія скалы даютъ сему мѣсту издали видъ, какъ будто тутъ сидитъ множество воронъ» [2]); Кривая забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ и по изслѣдованію Лерберга, безъ имени въ атласѣ Днѣпра, находится на двѣ версты ниже Вороновой и острова Песковатаго у праваго берега Днѣпра [3]); забора Ясенецкая, означенная на картѣ Исленьева 1779 года, подъ именемъ порога Ясенецкаго, ниже порога Ненасытецкаго; забора Данилеева у праваго берега Днѣпра ниже заборы Кривой, названная по имени какого-то плотовщика Данилея; Песковатая ниже южнаго конца острова Песковатаго, у лѣваго берега Днѣпра; Подовжня на восемь верстъ ниже Ненасытецкаго порога, между островомъ Песковатымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, противъ деревни Времьевки; Галузина, названная по имени рыбалки Галузы, у лѣваго берега Днѣпра, противъ сѣвернаго конца села Петровскаго; Плоская, Скубова, Кокайка [4]), Дядькова [5])—всѣ четыре у сѣвернаго конца острова Дубоваго, съ правой стороны; Петренкова, Кляпина, Млынова и Береговая—всѣ съ лѣвой стороны Днѣпра противъ острова Дубоваго; Дубовая и Червоная съ правой стороны; Крестовская, означенная на картѣ Исленьева 1779 года у

[1]) Генеральный планъ днѣпровскихъ пороговъ, 1803 г.

[2]) Лербергъ, Изслѣдованія, С.-Петербургъ, 1819, 273.

[3]) Лербергъ, Изслѣдованія, С.-Петербургъ, 1819, 273.

[4]) Кокайка—киргизское «кокай»—«держись прямо», сравни названіе перваго днѣпровскаго порога у Константина Багрянороднаго Νεσσουπι—не спи.

[5]) «Шли дядько съ племянникомъ по Днѣпру на плотахъ, племянникъ прошелъ мимо забора, а дядько зацѣпился; оттого и забора прозвалась Дядьковой».

праваго берега Днѣпра, противъ южнаго конца Дубоваго острова; Коростева и Свиная съ лѣвой ниже острова Дубоваго; Забачева или Крячина, на срединѣ Днѣпра, противъ южнаго «прыхвиста» (конца) острова Дубоваго; Рядовенька на двѣсти саженъ ниже острова Дубоваго; Кривая съ правой стороны; Курчина, Дегтярева у самаго берега съ правой стороны; забора Таволжанская, въ древней россійской гидрографіи Таволжанскій, въ атласѣ Днѣпра Таволжанскій, по изслѣдованію Лерберга Таволжанскій порогъ, находится ниже порога Будиловскаго, противъ деревни Языковой, иначе Федоровки, съ правой стороны; Крячина—первая ниже Таволжанской; Склянная у самаго берега Днѣпра съ правой стороны противъ деревни Бырдина; Крячина—вторая у сѣвернаго конца острова Кухарева; Самойлова противъ острова Лозоватаго съ правой стороны; Крячина—третья съ правой стороны противъ канала Вильнаго порога; Явленная, у древнихъ писателей порогъ Явленный; Черная, названная по чернымъ камнямъ, торчащимъ среди нея изъ-подъ воды; Середняя или Казаны, названная потому, что попавшая въ нее вода кипитъ точно въ казанѣ; Карлова и Брунева у Кичкаской переправы съ правой стороны; Великая у праваго берега Днѣпра противъ колоніи Нижней-Хортицы, извѣстная съ тѣмъ же названіемъ Эриху Ласотѣ, «которая есть не что иное, какъ островъ и каменистая мѣстность на русской сторонѣ, походящая на порогъ» [1]); Разумовская и Тырловская у праваго берега Днѣпра противъ колоніи Разумовки, Домаха на полверсты ниже острова Канивского; Проседовская противъ урочища Наливача среди Днѣпра; Никоновская противъ острова Никоновскаго и деревни Новой-Слободки или Портъ-Мишеля; Пеньковская ниже острова Никоновскаго и выше Великаго; Тарасовская у праваго берега Днѣпра выше села Тарасовки; Паліивская ниже устья рѣки Конки и противъ урочища Паліивщины и острова Тимчихина или Бабычева; Подовская и Чернышева—обѣ съ правой стороны противъ села Голой-Грушевки; Осетровская противъ острова Осетровскаго и села Малой-Знаменки на таврическомъ берегу; Каменская у Ласоты Каменный-Затонъ, ниже мѣстечка Никополя екатеринославскаго уѣзда.

---

[1]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 53.

Камни на ръкѣ Днѣпрѣ. Кромѣ пороговъ и заборъ, надо отличать еще въ Днѣпрѣ камни или скалы, то отдѣльно торчащіе среди Днѣпра и у его береговъ, то цѣлыми группами возвышающіеся между пороговъ и заборъ. Подобныхъ камней неисчислимое множество на Днѣпрѣ въ предѣлахъ бывшихъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Изъ множества ихъ достойны вниманія слѣдующіе сто двадцать камней. Мокрые-Трояны, Близнючки-первые противъ балки Середней или Череповатой, ниже села Лоцманской-Каменки; Серединкъ противъ сѣверно-западнаго угла острова Кодачка; Байдуживъ ниже острова Кодачка у лѣваго берега Днѣпра; Близнючки-вторые, Сухіе-Трояны, Горбатый противъ камня Байдужева; Верхній или Большой-Плоскій, Сидлачъ, Близнючки-третьи, Нижній или Малый-Плоскій—всѣ семь выше Кодацкаго порога; Буцъ тотчасъ ниже порога Кодацкаго; Вырь—между сѣверной головой острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, весьма опасный для плавателей; Селезень ниже порога Сурскаго у праваго берега Днѣпра; Чаунъ противъ камня Селезня у лѣваго берега Днѣпра; Гернецъ, Куликъ, Черепаха ниже Стрѣльчатаго острова; Богатырь-лѣвый и Богатырь-правый, получившіе свое названіе, по преданію, отъ двухъ богатырей, русскаго и турецкаго, споривших за обладаніе данной мѣстности Днѣпра: кто перебросить камень черезъ Днѣпръ, за тѣмъ останется и земля; богатырь русскій пустилъ камень и перебросилъ, богатырь турецкій пустилъ камень и не перебросилъ; оттого Богатырь-лѣвый стоитъ на сухомъ берегу Днѣпра, а Богатырь-правый въ водѣ; камни Буцъ, Черные, Плоскій—всѣ три ниже камней Богатырей среди Днѣпра; Раковецъ, Рваный, Зеленый, Служба—всѣ четыре противъ Ненасытецкаго порога; послѣдніе два расположены одинъ противъ другаго: первый справа, второй слѣва; Корабель, Остренькій-верхній, Остренькій-нижній и Монастырько или Царицына скеля у праваго берега Днѣпра, противъ средины Ненасытеца. Названіе «Монастырько» становится извѣстнымъ въ актахъ, относящихся до южной и западной Россіи, уже съ 1559 года, когда здѣсь крымскій ханъ Девлетъ-Герай настигъ русскій отрядъ войска подъ начальствомъ Даніила Адашева, но ушелъ ни съ чѣмъ назадъ. [1]).

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, СПБ., 1895, 27.

Трудно допустить, чтобы этотъ мысъ получилъ свое названіе отъ имени «монастырь»: пространство, занимаемое этимъ мысомъ столь невелико, что на немъ могъ бы вмѣститься развѣ небольшой, молитвенный домъ, но никакъ не монастырь. При объясненіи этого слова вѣрнѣе будетъ взять во вниманіе объясненіе самого народа: простой народъ, живущій при Днѣпрѣ, Монастырькомъ называетъ ту изъ скалъ, которая очень высоко и вмѣстѣ съ тѣмъ одиноко поднимается надъ берегомъ Днѣпра: «стырчить наче монастырь» —въ такомъ случаѣ говорятъ малороссы. «Откуда имя сіе дано мысу, замѣчаетъ путешественникъ XVIII вѣка (1781, 1782 гг.) Зуевъ, неизвѣстно; однако въ простомъ народѣ много про него славного носится. Мнѣ сказывали вопервыхъ, конечно въ уваженіе сего мыса, что святый Андрей Первозванный, идучи въ Кіевъ, жилъ на немъ нѣсколько времени; а въ увѣреніе нѣкоторой святости сего мѣста показываютъ и находимые нерѣдко подъ водою въ каменныхъ разсѣлиныхъ здѣланные изъ краснаго шифера кресты, камень, правда, не здѣшняго мѣста; показываютъ на камнѣ разныя ямки, гдѣ святой сей будто ступалъ, гдѣ готовилъ себѣ пищу и прочее тому подобное: и правда, находятъ таковые шиферные кресты и въ самомъ дѣлѣ промежъ каменьевъ; а сверхъ того достойно примѣчанія для естествоиспытателя, что попадаютъ иногда также межъ каменьевъ куски окаменѣлаго сосноваго дерева; тутошніе-ли онѣ или отъинуда водою принесенныя, оставляю рѣшить другимъ, а мнѣ кажется послѣднее справедливѣе, потому что большаго количества окаменѣлыхъ сихъ деревъ здѣсь еще не нахаживали, хотя запорожскіе историки и увѣряютъ. что здѣшнія мѣста въ старину лѣсами были покрыты» [1]). По преданію, съ Монастырька императрица Екатерина II, во время своего путешествія по новороссійскому краю, въ 1787 году, любовалась величественнымъ видомъ, открывающимся отсюда на Днѣпръ и на его страшный порогъ Ненасытецъ; для царицы будто бы выдолблены были на скалѣ столъ, скамья и тарелки, а тамъ, гдѣ она стояла, остались ступени: «тогда скалы были мягче царей, а теперь цари мягче скалъ». Отъ царицы Екатерины и скала прозвана Царицыной.

---

[1]) Путешественныя записки, СПБ., 1787, 255.

Далѣе слѣдуютъ камни Крутенькій, Рогозинъ какъ разъ противъ водоворота Пекла, Долгополый, Барыни, Мышатные, Бочка Сухія-клади, Спыкуха [1]) всѣ восемь ниже камня Монастырька, среди Днѣпра; камень Плоскій—«самый бѣдсвый, ходовый камень», противъ деревни Времьевки; Копа, Халява, Данилей—всѣ три ниже острова Песковатаго у праваго берега Днѣпра, Монастырько-второй, Ластивка, Скубова, Дядько или Чертовъ камень—у сѣвернаго конца Дубоваго острова, къ правому берегу: какъ пройдетъ плотъ мимо послѣдняго камня, то его зовутъ Дядькомъ, а какъ зацѣпится, то его называютъ Чортомъ; Пугачъ ниже Дядька противъ сѣвернаго конца острова Дубоваго, Шербина, Перейма, Коростій—всѣ три ниже заборы Свиной; Тарасовъ, два камня Зори ниже острова Дубоваго; Дирехтуръ, Зарогъ—оба при входѣ въ порогъ Волниговскій; Близнючки ниже Волниговскаго порога, Плоскій противъ волниговскихъ мельницъ два камня Рваны—«по одному направленію съ Плоскимъ, только ниже его»; Перейма, Гроза у праваго берега Днѣпра; Кобыла, Савранъ [2]) среди Курчиной заборы, Лоша, Млины—обѣ у лѣваго берега Днѣпра; Разбойники на сушѣ лѣваго берега Днѣпра, Цапрыга, Крутько, Гаджола(можетъ быть, турецкое «каджи оглу»—сынъ богомольца, потатарски «каджи уулу»), Шереметевъ у самаго берега съ правой стороны, два камня Тыри, Буцъ и Польскій—всѣ восемь выше Будиловскаго порога; Сазоновы, Колесники, Червонный, Службы, Черевко, Черевиня—всѣ шесть выше заборы Таволжанской съ правой стороны; Ревунъ противъ острова Перуна; два камня Головковы, Марченко у южнаго конца острова Клобуковскаго; Кузьмичъ ниже острова Лозоватаго; Буцъ ниже острова Кухарева; Муравный противъ деревни Игнатьевки: «торчитъ, точно пробскурка»; Шереметевъ, Девятинъ, Чортова-Голова, Похилый, Корабель—всѣ пять выше Вильнаго порога; два камня Плоскіе, Бѣлый-Бучокъ, Перейма прямо противъ канала Вильнаго порога; Крачокъ, Сиренькій, Шинкарь; Волчье-Горло выше заборы Явленной; Разбойники среди Днѣпра, ниже деревни Павло-

[1]) «Якъ не стережысь іи, а вона все тебе обысцыть».

[2]) Савранъ, па тюркскомъ Сауранъ, Суренъ; по объясненію и одного корня съ саур., неопредѣленное наклоненіе саурмак—вѣять

Кичкаса: «они часто плоты да барки бьютъ, оттого и Разбойниками прозываются»; Козловскій на сушѣ у праваго берега Днѣпра; Редутка ниже Козловскаго, въ водѣ: Хмарная на берегу съ лѣвой стороны; названа или отъ запорожца Хмары, или оттого, что выходитъ «куткомъ», подъ который солнце никогда не достаетъ—«точно туча нависла»; Пугачи, названы отъ птицы пугача, водившейся на ней; Ступка: «на ней есть ямка, точно тебѣ ступка»; Дзвиныця огромнѣйшая скала на сушѣ лѣваго берега Днѣпра выше переправы Кичкасъ, противъ пещеры Школы: «вывела верхъ, какъ будто настоящая дзвиныця»; Голубы, названы отъ дикихъ голубей, водившихся на ней; Попова, названа, по преданію, отъ какого-то попа, въ ночное время по нечаянности оборвавшагося со скалы въ Днѣпръ, вскорѣ послѣ проѣзда по новороссійскому краю императрицы Екатерины II; Гудзыкъ: «послѣ паденія весенней воды онъ точно гудзыкъ поднимается вверхъ»; Чупрына, получившій свое названіе по сходству съ чуприною на головѣ; Вовчокъ, Сухойванъ какъ разъ противъ рыбальни крестьянина Ивана Харченка; Средняя, у лѣваго берега Днѣпра, ниже Кичкаса, довольно возвышенная, покрытая древесными кустарниками и, наподобіе мыса, выдавшаяся въ Днѣпръ; на Середней скелѣ въ тридцатыхъ годахъ лежала громадныхъ размѣровъ люлька съ чубукомъ и протычкою, а до 1881 года—«лижко» Сагайдака съ выдолбленнымъ мѣстомъ для спуска ногъ и положенія головы [1]); Дурная, на сто саженъ ниже Середней, у того-же лѣваго берега Днѣпра; она, также какъ и Середняя, подобно мысу, вдалась въ Днѣпръ, и во время весенняго разлива, окруженная со всѣхъ сторонъ водой, кажется настоящимъ островомъ гранитной формаціи; два камня Стоги у сѣверозападной оконечности острова Хортицы, среди Днѣпра, и наконецъ три огромнѣйшіе камня Столпы, изъ которыхъ самый западный носитъ названіе Дивана. По преданію, на послѣдней скалѣ отдыхала императрица Екатерина II, когда ѣхала отъ Ненасытецкаго порога внизъ по-надъ Днѣпромъ; здѣсь выбита была, по разсказамъ, какая-то надпись въ присутствіи императрицы однимъ изъ сопровождавшихъ ее во время путешествія

[1]) Новицкій, Степь, Екатеринославъ, 1886, 11 мая, 291.

вельможъ; Диванъ интересенъ въ томъ именно отношеніи, что представляетъ собой въ данной мѣстности единственное и прекраснѣйшее мѣсто, съ высоты котораго открывается видъ на Новый-Днѣпръ, Большую-Хортицу, Старый-Днѣпръ и на колонію Кичкасъ. Мѣстные жители и нерѣдко туристы любятъ подниматься на скалу Диванъ,—чтобъ оттуда позабавиться эхомъ, раздающимся между скалой и правымъ берегомъ Днѣпра: крикнетъ человѣкъ басомъ, эхо отвѣтитъ тѣмъ-же, только въ гораздо большей степени, нежели голосъ человѣка; крикнетъ дискантомъ, эхо отвѣтитъ дискантомъ же, но въ гораздо сильнѣйшей степени, какъ крикнетъ человѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Острова, плавни и холуи на рѣкѣ Днѣпрѣ. Острова на рѣкѣ Днѣпрѣ по росписи XVII вѣка, планамъ и атласамъ XVIII вѣка, общее число ихъ—265; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—Монастырскій, Лоханскій съ пещерой Зміевой; близъ него въ правомъ берегу Днѣпра, Дубовый съ пещерами Пугачевой Голубиными въ правомъ берегу противъ острова, и пещерой въ Россохахъ въ лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже острова; Таволжанка, Перунъ съ пещерой Зміевой въ немъ, Кухаревъ, Лантуховскій, Гавинъ, Крачокъ съ пещерой Школой въ лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже острова, въ проходѣ Кичкасъ, Бѣляевъ, Голодаевъ и Песковатый—какъ мѣста нахожденія рѣчнаго янтаря, Хортица—какъ мѣсто пребыванія запорожцевъ; Томаковка—какъ мѣсто пребыванія Хмельницкаго; Стукаловъ близъ бывшей Микитинской Сичи мѣстопребываніе Богдана Хмельницкаго въ 1648 году; Скарбный близъ Чортомлыцкой Сичи, гдѣ могила кошевого Сирка; Скалозубъ; Коженинъ противъ Каменской Сичи, могилы кошевыхъ Гордіенка и Іероѳеева; Каиръ-Козмакъ, Таванъ, Бургунка, Тягинка, Дѣдовъ, Сомовы близъ мѣста бывшей Алешевской Сичи. Плавни и значеніе ихъ; знаменитѣйшая изъ плавенъ—Великій Лугъ. Холуи; образованіе и значеніе ихъ.

Изъ другихъ особенностей Днѣпра достойны вниманія тѣ многочисленные острова, которые разбросаны на немъ то отдѣльно, то цѣлыми группами, начиная отъ самыхъ границъ запорожскихъ владѣній на западѣ и кончая у границы на югѣ, при впаденіи Буга въ Днѣпръ. Число острововъ въ разное время и въ различныхъ источникахъ показывается разно [1]); въ общемъ-же число

---

[1]) Путевыя записки Эриха Ласоты, 27—30, 52—53; Бопланъ, Описаніе Украйны, 17—20; Записки одес. общ. ист. и др. Ш. 572—576, 389—494; Лѣтопись Величка, Ш, 471—478; планъ рѣки Днѣпра землемѣра Арапова съ раздѣленіемъ острововъ 1780 г.; планъ адмирала Пущина 1786 г.; Геометрическіе спеціальные планы XVIII вѣка въ екатеринославской губернской чертежной.

острововъ на Днѣпрѣ въ запорожскихъ предѣлахъ доходило до 265.

Вотъ перечень болѣе или менѣе извѣстныхъ изъ нихъ.

Дубовый островъ, означенный на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, 420 саженъ длины, 110 саженъ наибольшей ширины; оставленъ безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года; находится у праваго берега Днѣпра, противъ теперешняго селенія Троицкаго, иначе Чикаливки, верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, непосредственно у западной границы бывшихъ запорожскихъ вольностей. Лобачевскій, 3 версты длины и 1 верста наибольшей ширины; находится на двѣ версты ниже устья рѣки Псла, у лѣваго берега Днѣпра, оставленный безъ названія на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года [1]. Шелюговатый, означенный на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, 1 верста, 435 саженъ длины и 220 саженъ наибольшей ширины, покрытый громаднымъ осокоровымъ и вербовымъ лѣсомъ и означенный на трехверстной картѣ Россіи у праваго берега рѣки противъ названнаго выше селенія Троицкаго или Чикаливки. Байдакъ, раздѣляющійся на собственно Байдакъ и островъ Доманскій или Домашку, означенные на томъ-же планѣ, изъ нихъ первый 2 версты и 220 саженъ длины и 490 саженъ наибольшей ширины, противъ озеръ Плоскаго, Баркова и Кривого у праваго берега Днѣпра; второй, параллельный первому, 740 саженъ длины и 150 саженъ наибольшей ширины, лежитъ среди Днѣпра; по положенію и по величинѣ тремъ названнымъ островамъ — Шелюговатому, Доманскому и Байдаку—соотвѣтствуетъ островъ Кочугуроватый, означенный на трехверстной картѣ Россіи [2]. Хвостиковъ, означенный на томъ-же геометрическомъ планѣ XVIII вѣка, 830 саженъ длины и 290 саженъ ширины, по теперешнему плану 184 десятины земли; расположенъ непосредственно ниже Байдака въ одну линію съ Доманскимъ. Пукалый у праваго берега Днѣпра, и Бешка у того-же берега Днѣпра, противъ вѣтки Прогноя, до 2 верстъ длины; всѣ пять расположены противъ села Успенска или Плахтiвки того-же уѣзда; послѣдніе два, Пукалый и Бешка,

---

[1]) Атласъ части рѣки Днѣпра отъ Кременчуга до Лимана, Спб., 1663.

[2]) См. Рядъ XV, листъ 12.

Волчья, Рваная, Бѣлая, Сомовская—всѣ шесть противъ села Тарамскаго [1]); Архіерейская при входѣ въ Архіерейскую канаву, отдѣляющую островъ Монастырскій отъ лѣваго берега Днѣпра; Пундыкова, Пѣхотинка, Бажанова, Шерстюкова—между селами Половицей и Лоцманской-Каменкой; Пундыкова, Мудрина и Пурысова—противъ села Стараго-Кодака, Любимовская или Синельникова; Волошинова забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, Волошина въ атласѣ Днѣпра, Волшиная или Яцкая по изслѣдованіямъ Лерберга, порогъ по описанію Боплана, Звонецъ въ древней россійской гидрографіи; находится на двѣ съ половиной версты ниже Кодацкаго порога, противъ колоніи Ямбургъ съ правой стороны и села Любимовки съ лѣвой; отъ перваго порога Кодацкаго до Волошиной заборы паденіе воды составляетъ 9 дюймовъ; Носулина и Яцева заборы; Яцева забора—у лѣваго берега Днѣпра, имѣетъ 400 саженъ длины, прилегаетъ къ южному концу острова Яцкаго и находится на пять верстъ выше рѣки Суры, впадающей въ Днѣпръ; Пурысова—вторая; Кривая—на 200 саженъ ниже Сурскаго порога, у лѣваго берега Днѣпра рядомъ съ каналомъ Лоханскаго порога; Стрѣльчья забора, Стрельчья зáбора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ, Стрѣльчатая въ атласѣ Днѣпра, Стрѣльчій порогъ (пятый по счету) въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ большого чертежа, Стрѣльчій порогъ по изслѣдованію Лерберга (четвертый по счету), находится ниже Яцевой заборы, у лѣваго берега Днѣпра, на двѣ версты ниже Лоханскаго порога, противъ южнаго конца села Волошскаго; отъ Сурскаго порога до Стрѣльчьей заборы паденіе воды—8 футовъ и 1 дюймъ; Тягинская забора, Технинскій или Княгининъ порогъ по изслѣдованію Лерберга, Княгининскій порогъ въ атласѣ Днѣпра, Княгининъ порогъ въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ большого чертежа; имѣетъ въ длину до 100 саженъ, находится на пять верстъ ниже Звонецкаго порога, у праваго берега Днѣпра, между островами Песковатымъ и Козловымъ, или между селомъ Звонецкимъ и деревней Алексѣевкой; Кривая у праваго берега

[1]) Въ одномъ изъ дѣлъ Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, 1688 годъ, связка 77, № 86, упоминается забора Таромская, на каменьяхъ которой «остановились» хлѣбные запасы, везенные изъ Кіева въ городицкую крѣпость для русскихъ ратныхъ людей.

Днѣпра, почти параллельно Вороновой [1]); Лоская, Бѣляева – у лѣваго берега Днѣпра; Воронова забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ и по атласу Днѣпра, порогъ Воронова забора въ древней россійской гидрографіи и въ книгѣ большого чертежа; находится по картѣ Исленьева выше Ненасытецкаго порога, у праваго берега Днѣпра, по картѣ Риччи Заннони ниже Ненасытеца; имѣетъ длины отъ 12 до 6 футовъ, паденія воды два фута и два дюйма; скалы ея разбросаны на всемъ протяженіи заборы и при малой водѣ торчатъ изъ-подъ воды; свое названіе получила отъ того, «что многія разбросанныя и изъ-подъ воды торчащія скалы даютъ сему мѣсту издали видъ, какъ будто тутъ сидитъ множество воронъ» [2]); Кривая забора по гидрографической картѣ днѣпровскихъ пороговъ и по изслѣдованію Лерберга, безъ имени въ атласѣ Днѣпра, находится на двѣ версты ниже Вороновой и острова Песковатаго у праваго берега Днѣпра [3]); забора Яснецкая, означенная на картѣ Исленьева 1779 года, подъ именемъ порога Яснецкаго, ниже порога Ненасытецкаго; забора Данилеева у праваго берега Днѣпра ниже заборы Кривой, названная по имени какого-то плотовщика Данилея; Песковатая ниже южнаго конца острова Песковатаго, у лѣваго берега Днѣпра; Подовжня на восемь верстъ ниже Ненасытецкаго порога, между островомъ Песковатымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, противъ деревни Времьевки; Галузина, названная по имени рыбалки Галузы, у лѣваго берега Днѣпра, противъ сѣвернаго конца села Петровскаго; Плоская, Скубова, Кокайка [4]), Дядькова [5])—всѣ четыре у сѣвернаго конца острова Дубоваго, съ правой стороны; Петренкова, Кляпина, Млынова и Береговая—всѣ съ лѣвой стороны Днѣпра противъ острова Дубоваго; Дубовая и Червоная съ правой стороны; Крестовская, означенная на картѣ Исленьева 1779 года у

---

[1]) Генеральный планъ днѣпровскихъ пороговъ, 1803 г.

[2]) Лербергъ, Изслѣдованія, С.-Петербургъ, 1819, 273.

[3]) Лербергъ, Изслѣдованія, С.-Петербургъ, 1819, 273.

[4]) Кокайка—киргизское «кокай»—«держись прямо», сравни названіе перваго днѣпровскаго порога у Константина Багрянороднаго Νεσσουπι—не спи.

[5]) «Шли дядько съ племянникомъ по Днѣпру на плотахъ, племянникъ прошелъ мимо забора, а дядько зацѣпился; оттого и забора прозвалась Дядьковой».

праваго берега Днѣпра, противъ южнаго конца Дубоваго острова; Коростева и Свиная съ лѣвой ниже острова Дубоваго; Забачева или Крячина, на срединѣ Днѣпра, противъ южнаго «прыхвиста» (конца) острова Дубоваго; Рядовенька на двѣсти саженъ ниже острова Дубоваго; Кривая съ правой стороны; Курчина, Дегтярева у самаго берега съ правой стороны; забора Таволжанская, въ древней россійской гидрографіи Таволжанскій, въ атласѣ Днѣпра Таволжанскій, по изслѣдованію Лерберга Таволжанскій порогъ, находится ниже порога Будиловскаго, противъ деревни Языковой, иначе Федоровки, съ правой стороны; Крячина—первая ниже Таволжанской; Склянная у самаго берега Днѣпра съ правой стороны противъ деревни Бырдина; Крячина—вторая у сѣвернаго конца острова Кухарева; Самойлова противъ острова Лозоватаго съ правой стороны; Крячина—третья съ правой стороны противъ канала Вильнаго порога; Явленная, у древнихъ писателей порогъ Явленный; Черная, названная по чернымъ камнямъ, торчащимъ среди нея изъ-подъ воды; Средняя или Казаны, названная потому, что попавшая въ нее вода кипитъ точно въ казанѣ; Карлова и Брунева у Кичкаской переправы съ правой стороны; Великая у праваго берега Днѣпра противъ колоніи Нижней-Хортицы, извѣстная съ тѣмъ же названіемъ Эриху Ласотѣ, «которая есть не что иное, какъ островъ и каменистая мѣстность на русской сторонѣ, походящая на порогъ» [1]); Разумовская и Тырловская у праваго берега Днѣпра противъ колоніи Разумовки, Домаха на полверсты ниже острова Канивского; Проседовская противъ урочища Наливача среди Днѣпра; Никоновская противъ острова Никоновскаго и деревни Новой-Слободки или Портъ-Мишеля; Пеньковская ниже острова Никоновскаго и выше Великаго; Тарасовская у праваго берега Днѣпра выше села Тарасовки; Паліивская ниже устья рѣки Конки и противъ урочища Паливщины и острова Тимчихина или Бабычева; Подовская и Чернышева—обѣ съ правой стороны противъ села Голой-Грушевки; Осетровская противъ острова Осетровскаго и села Малой-Знаменки на таврическомъ берегу; Каменская у Ласоты Каменный-Затонъ, ниже мѣстечка Никополя екатеринославскаго уѣзда.

---

[1]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 53.

Камни на ръкъ Днъпръ. Кромѣ пороговъ и заборъ, надо отличать еще въ Днѣпрѣ камни или скалы, то отдѣльно торчащіе среди Днѣпра и у его береговъ, то цѣлыми группами возвышающіеся между пороговъ и заборъ. Подобныхъ камней неисчислимое множество на Днѣпрѣ въ предѣлахъ бывшихъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Изъ множества ихъ достойны вниманія слѣдующіе сто двадцать камней. Мокрые-Трояны, Близнючки-первые противъ балки Середней или Череповатой, ниже села Лоцманской-Каменки; Середнякъ противъ сѣверно-западнаго угла острова Кодачка; Байдуживъ ниже острова Кодачка у лѣваго берега Днѣпра; Близнючки-вторые, Сухіе-Трояны, Горбатый противъ камня Байдужева; Верхній или Большой-Плоскій, Сидлачъ, Близнючки-третьи, Нижній или Малый-Плоскій—всѣ семь выше Кодацкаго порога; Буцъ тотчасъ ниже порога Кодацкаго; Вырь—между сѣверной головой острова Сурскаго и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, весьма опасный для плавателей; Селезень ниже порога Сурскаго у праваго берега Днѣпра; Чаунъ противъ камня Селезня у лѣваго берега Днѣпра; Гернець, Куликъ, Черепаха ниже Стрѣльчатаго острова; Богатырь-лѣвый и Богатырь-правый, получившіе свое названіе, по преданію, отъ двухъ богатырей, русскаго и турецкаго, спорившихъ за обладаніе данной мѣстности Днѣпра: кто перебросить камень черезъ Днѣпръ, за тѣмъ останется и земля; богатырь русскій пустилъ камень и перебросилъ, богатырь турецкій пустилъ камень и не перебросилъ; оттого Богатырь-лѣвый стоитъ на сухомъ берегу Днѣпра, а Богатырь-правый въ водѣ; камни Буцъ, Черные, Плоскій—всѣ три ниже камней Богатырей среди Днѣпра; Раковецъ, Рваный, Зеленый, Служба—всѣ четыре противъ Ненасытецкаго порога; послѣдніе два расположены одинъ противъ другаго: первый справа, второй слѣва; Корабель, Остренькій-верхній, Остренькій-нижній и Монастырько или Царицына скеля у праваго берега Днѣпра, противъ средины Ненасытеца. Названіе «Монастырько» становится извѣстнымъ въ актахъ, относящихся до южной и западной Россіи, уже съ 1559 года, когда здѣсь крымскій ханъ Девлетъ-Герай настигъ русскій отрядъ войска подъ начальствомъ Даніила Адашева, но ушелъ ни съ чѣмъ назадъ. [1]).

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, СПБ., 1895, 27.

Трудно допустить, чтобы этотъ мысъ получилъ свое названіе отъ имени «монастырь»: пространство, занимаемое этимъ мысомъ столь невелико, что на немъ могъ бы вмѣститься развѣ небольшой, молитвенный домъ, но никакъ не монастырь. При объясненіи этого слова вѣрнѣе будетъ взять во вниманіе объясненіе самого народа: простой народъ, живущій при Днѣпрѣ, Монастырькомъ называетъ ту изъ скалъ, которая очень высоко и вмѣстѣ съ тѣмъ одиноко поднимается надъ берегомъ Днѣпра: «стырчить наче монастырь»—въ такомъ случаѣ говорятъ малороссы. «Откуда имя сіе дано мысу, замѣчаетъ путешественникъ XVIII вѣка (1781, 1782 гг.) Зуевъ, неизвѣстно; однако въ простомъ народѣ много про него славного носится. Мнѣ сказывали вопервыхъ, конечно въ уваженіе сего мыса, что святый Андрей Первозванный, идучи въ Кіевъ, жилъ на немъ нѣсколько времени; а въ увѣреніе нѣкоторой святости сего мѣста показываютъ и находимые нерѣдко подъ водою въ каменныхъ разсѣлиныхъ здѣланные изъ краснаго шифера кресты, камень, правда, не здѣшняго мѣста; показываютъ на камнѣ разныя ямки, гдѣ святой сей будто ступалъ, гдѣ готовилъ себѣ пищу и прочее тому подобное: и правда, находятъ таковые шиферные кресты и въ самомъ дѣлѣ промежъ каменьевъ; а сверхъ того достойно примѣчанія для естествоиспытателя, что попадаютъ иногда также межъ каменьевъ куски окаменѣлаго сосноваго дерева; тутошніе-ли онѣ или отъинуда водою принесенныя, оставляю рѣшить другимъ, а мнѣ кажется послѣднее справедливѣе, потому что большаго количества окаменѣлыхъ сихъ деревъ здѣсь еще не нахаживали, хотя запорожскіе историки и увѣряютъ. что здѣшнія мѣста въ старину лѣсами были покрыты» [1]). По преданію, съ Монастырька императрица Екатерина II, во время своего путешествія по новороссійскому краю, въ 1787 году, любовалась величественнымъ видомъ, открывающимся отсюда на Днѣпръ и на его страшный порогъ Ненасытецъ; для царицы будто бы выдолблены были на скалѣ столъ, скамья и тарелки, а тамъ, гдѣ она стояла, остались ступени: «тогда скалы были мягче царей, а теперь цари мягче скалъ». Отъ царицы Екатерины и скала прозвана Царицыной.

[1]) Путешественныя записки, СПБ., 1787, 255.

Далѣе слѣдуютъ камни Крутенькій, Рогозинъ какъ разъ противъ водоворота Пекла, Долгополый, Барыни, Мышатные, Бочка Сухія-клади, Спыкуха [1]) всѣ восемь ниже камня Монастырька, среди Днѣпра; камень Плоскій—«самый бѣдсвый, ходовый камень», противъ деревни Времьевки; Копа, Халява, Данилей—всѣ три ниже острова Песковатаго у праваго берега Днѣпра, Монастырько-второй, Ластивка, Скубова, Дядько или Чертовъ камень—у сѣвернаго конца Дубоваго острова, къ правому берегу: какъ пройдетъ плотъ мимо послѣдняго камня, то его зовутъ Дядькомъ, а какъ зацѣпится, то его называютъ Чортомъ; Пугачъ ниже Дядька противъ сѣвернаго конца острова Дубоваго, Шербина, Перейма, Коростій—всѣ три ниже заборы Свиной; Тарасовъ, два камня Зори ниже острова Дубоваго; Дирехтуръ, Зарогъ—оба при входѣ въ порогъ Волниговскій; Близнючки ниже Волниговскаго порога, Плоскій противъ волниговскихъ мельницъ два камня Рваны—«по одному направленію съ Плоскимъ, только ниже его»; Перейма, Гроза у праваго берега Днѣпра; Кобыла, Савранъ [2]) среди Курчиной заборы, Лоша, Млины—обѣ у лѣваго берега Днѣпра; Разбойники на сушѣ лѣваго берега Днѣпра, Цапрыга, Крутько, Гаджола(можетъ быть, турецкое «каджи оглу»—сынъ богомольца, потатарски «каджи уулу»), Шереметевъ у самаго берега съ правой стороны, два камня Тыри, Буцъ и Польскій—всѣ восемь выше Будиловскаго порога; Сазоновы, Колесники, Червонный, Службы, Черевко, Черевиня—всѣ шесть выше заборы Таволжанской съ правой стороны; Ревунъ противъ острова Перуна; два камня Головковы, Марченко у южнаго конца острова Клобуковскаго; Кузьмичъ ниже острова Лозоватаго; Буцъ ниже острова Кухарева; Муравный противъ деревни Игнатьевки: «торчитъ, точно прóскурка»; Шереметевъ, Девятинъ, Чортова-Голова, Похилый, Корабель—всѣ пять выше Вильнаго порога; два камня Плоскіе, Бѣлый-Бучокъ, Перейма прямо противъ канала Вильнаго порога; Крачокъ, Сиренькій, Шинкарь; Волчье-Горло выше заборы Явленной; Разбойники среди Днѣпра, ниже деревни Павло-

[1]) «Якъ не стережысь іи, а вона все тебе обысцыть».

[2]) Савранъ, на тюркскомъ Сауранъ, Суренъ; по объясненію проф. Корша одного корня съ саур., неопредѣленное наклоненіе саурмак—вѣять, отвѣивать.

Кичкаса: «они часто плоты да барки бьють, оттого и Разбойниками прозываются»; Козловскій на сушѣ у праваго берега Днѣпра; Редутка ниже Козловскаго, въ водѣ: Хмарная на берегу съ лѣвой стороны; названа или отъ запорожца Хмары, или оттого, что выходитъ «куткомъ», подъ который солнце никогда не достаетъ—«точно туча нависла»; Пугачи, названы отъ птицы пугача, водившейся на ней; Ступка: «на ней есть ямка, точно тебѣ ступка»; Дзвиныця огромнѣйшая скала на сушѣ лѣваго берега Днѣпра выше переправы Кичкасъ, противъ пещеры Школы: «вывела верхъ, какъ будто настоящая дзвиныця»; Голубы, названы отъ дикихъ голубей, водившихся на ней; Попова, названа, по преданію, отъ какого-то попа, въ ночное время по нечаянности оборвавшагося со скалы въ Днѣпръ, вскорѣ послѣ проѣзда по новороссійскому краю императрицы Екатерины II; Гудзыкъ: «послѣ паденія весенней воды онъ точно гудзыкъ поднимается вверхъ»; Чупрына, получившій свое названіе по сходству съ чуприною на головѣ; Вовчокъ, Сухойванъ какъ разъ противъ рыбальни крестьянина Ивана Харченка; Середняя, у лѣваго берега Днѣпра, ниже Кичкаса, довольно возвышенная, покрытая древесными кустарниками и, наподобіе мыса, выдавшаяся въ Днѣпръ; на Середней скелѣ въ тридцатыхъ годахъ лежала громадныхъ размѣровъ люлька съ чубукомъ и протычкою, а до 1881 года—«лижко» Сагайдака съ выдолбленнымъ мѣстомъ для спуска ногъ и положенія головы [1]); Дурная, на сто саженъ ниже Середней, у того-же лѣваго берега Днѣпра; она, также какъ и Середняя, подобно мысу, вдалась въ Днѣпръ, и во время весенняго разлива, окруженная со всѣхъ сторонъ водой, кажется настоящимъ островомъ гранитной формаціи; два камня Стоги у сѣверозападной оконечности острова Хортицы, среди Днѣпра, и наконецъ три огромнѣйшіе камня Столпы, изъ которыхъ самый западный носитъ названіе Дивана. По преданію, на послѣдней скалѣ отдыхала императрица Екатерина II, когда ѣхала отъ Ненасытецкаго порога внизъ по-надъ Днѣпромъ; здѣсь выбита была, по разсказамъ, какая-то надпись въ присутствіи императрицы однимъ изъ сопровождавшихъ ее во время путешествія

[1]) Новицкій, Степь, Екатеринославъ, 1886, 11 мая, 291.

вельможъ; Диванъ интересенъ въ томъ именно отношеніи, что представляетъ собой въ данной мѣстности единственное и прекраснѣйшее мѣсто, съ высоты котораго открывается видъ на Новый-Днѣпръ, Большую-Хортицу, Старый-Днѣпръ и на колонію Кичкасъ. Мѣстные жители и нерѣдко туристы любятъ подниматься на скалу Диванъ,—чтобъ оттуда позабавиться эхомъ, раздающимся между скалой и правымъ берегомъ Днѣпра: крикнетъ человѣкъ басомъ, эхо отвѣтитъ тѣмъ-же, только въ гораздо большей степени, нежели голосъ человѣка; крикнетъ дискантомъ, эхо отвѣтитъ дискантомъ же, но въ гораздо сильнѣйшей степени, какъ крикнетъ человѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Острова, плавни и холуи на рѣкѣ Днѣпрѣ. Острова на рѣкѣ Днѣпрѣ по росписи XVII вѣка, планамъ и атласамъ XVIII вѣка, общее число ихъ—265; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—Монастырскій, Лоханскій съ пещерой Зміевой; близъ него въ правомъ берегу Днѣпра, Дубовый съ пещерами Пугачевой Голубиными въ правомъ берегу противъ острова, и пещерой въ Россохахъ въ лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже острова; Таволжанка, Перунъ съ пещерой Зміевой въ немъ, Кухаревъ, Лантуховскій, Гавинъ, Крачокъ съ пещерой Школой въ лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже острова, въ проходѣ Кичкасъ, Бѣляевъ, Голодаевъ и Песковатый—какъ мѣста нахожденія рѣчнаго янтаря, Хортица—какъ мѣсто пребыванія запорожцевъ; Томаковка—какъ мѣсто пробыванія Хмельницкаго; Стукаловъ близъ бывшей Микитинской Сичи мѣстопребываніе Богдана Хмельницкаго въ 1648 году; Скарбный близъ Чортомлыцкой Сичи, гдѣ могила кошевого Сирка; Скалозубъ; Коженинъ противъ Каменской Сичи, могилы кошевыхъ Гордіенка и Іероѳеева; Каиръ-Козмакъ, Тавань, Бургунка, Тягинка, Дѣдовъ, Сомовы близъ мѣста бывшей Алешевской Сичи. Плавни и значеніе ихъ; знаменитѣйшая изъ плавенъ—Великій Лугъ. Холуи; образованіе и значеніе ихъ.

Изъ другихъ особенностей Днѣпра достойны вниманія тѣ многочисленные острова, которые разбросаны на немъ то отдѣльно, то цѣлыми группами, начиная отъ самыхъ границъ запорожскихъ владѣній на западѣ и кончая у границы на югѣ, при впаденіи Буга въ Днѣпръ. Число острововъ въ разное время и въ различныхъ источникахъ показывается разно [1]); въ общемъ-же число

---

[1]) Путевыя записки Эриха Ласоты, 27—30, 52—53; Бопланъ, Описаніе Украйны, 17—20; Записки одес. общ. ист. и др. III, 572—576, 389—494; Лѣтопись Величка, III, 471—478; планъ рѣки Днѣпра землемѣра Арапова съ раздѣленіемъ острововъ 1780 г.; планъ адмирала Пущина 1786 г.; Геометрическіе спеціальные планы XVIII вѣка въ екатеринославской губернской чертежной.

островов на Днѣпрѣ въ запорожскихъ предѣлахъ доходило до 265.

Вотъ перечень болѣе или менѣе извѣстныхъ изъ нихъ.

Дубовый островъ, означенный на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, 420 саженъ длины, 110 саженъ наибольшей ширины; оставленъ безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года; находится у праваго берега Днѣпра, противъ теперешняго селенія Троицкаго, иначе Чикаливки, верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, непосредственно у западной границы бывшихъ запорожскихъ вольностей. Лобачевскій, 3 версты длины и 1 верста наибольшей ширины; находится на двѣ версты ниже устья рѣки Псла, у лѣваго берега Днѣпра, оставленный безъ названія на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года [1]. Шелюговатый, означенный на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, 1 верста, 435 саженъ длины и 220 саженъ наибольшей ширины, покрытый громаднымъ осокоровымъ и вербовымъ лѣсомъ и означенный на трехверстной картѣ Россіи у праваго берега рѣки противъ названнаго выше селенія Троицкаго или Чикаливки. Байдакъ, раздѣляющійся на собственно Байдакъ и островъ Доманскій или Домашку, означенные на томъ-же планѣ, изъ нихъ первый 2 версты и 220 саженъ длины и 490 саженъ наибольшей ширины, противъ озеръ Плоскаго, Баркова и Кривого у праваго берега Днѣпра; второй, параллельный первому, 740 саженъ длины и 150 саженъ наибольшей ширины, лежитъ среди Днѣпра; по положенію и по величинѣ тремъ названнымъ островамъ — Шелюговатому, Доманскому и Байдаку—соотвѣтствуетъ островъ Кочугуроватый, означенный на трехверстной картѣ Россіи [2]. Хвостиковъ, означенный на томъ-же геометрическомъ планѣ XVIII вѣка, 830 саженъ длины и 290 саженъ ширины, по теперешнему плану 184 десятины земли; расположенъ непосредственно ниже Байдака въ одну линію съ Доманскимъ. Пукалый у праваго берега Днѣпра, и Бешка у того-же берега Днѣпра, противъ вѣтки Прогноя, до 2 верстъ длины; всѣ пять расположены противъ села Успенска или Плахтіевки того-же уѣзда; послѣдніе два, Пукалый и Бешка,

---

[1]) Атласъ части рѣки Днѣпра отъ Кременчуга до Лимана, Спб., 1663.

[2]) См. Рядъ XV, листъ 12.

какъ кажется, скрываются на трехверстной картѣ Россіи подъ названіемъ Спорныхъ острововъ [1]). Келебердинъ, $2^1/_2$ версты длины и 1 верста ширины, расположенный къ лѣвому берегу Днѣпра и получившій свое названіе отъ мѣстечка Келеберды у лѣваго берега Днѣпра. Молодой на геометричеекомъ планѣ XVIII вѣка, Молодякъ на трехверстной картѣ Россіи и Деріевскій островъ на атласѣ части Днѣпра 1863 года, иначе Моловой, 870 саженъ длины и 502 сажени наибольшей ширины, ниже устья рѣки Сухого-Омельника, противъ озеръ Круглаго и Гнилого, балки Гнилища и селъ Деріевки, у праваго берега Днѣпра, и Парного къ югу отъ берега Днѣпра. Кобыляцкій-первый, на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 200 саженъ длины и до 200 саженъ ширины; расположенъ противъ села Куцутовки или Куцеволовки. Кобыляцкій-второй на томъ-же планѣ, непосредственно ниже перваго, 1 верста 200 саженъ длины и 150 саженъ ширины. Мирской и Вольный съ островомъ Отрѣзомъ, отдѣленнымъ отъ Мирского, безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года, имѣющій 4 версты 200 саженъ длины и 1 версту ширины и расположенный противъ вѣтки Гусарки съ лѣвой стороны, балки Должика и мѣстечка Мишурина-рога съ правой. Великій, безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года, названный на трехверстной картѣ Россіи, имѣющій 3 версты длины и $1^1/_2$ версты ширины и расположенный параллельно Отрѣзу противъ мѣстечка Мишурина-Рога. Лѣсковскій, 3 версты длины и $1^1/_2$ версты ширины, названный на трехверстной картѣ Россіи урочищемъ Лѣсковскимъ, въ настоящее время именуемый мѣстными крестьянами Лискивськимъ; расположенъ противъ устья рѣки Ворсклы съ лѣвой стороны и вѣтки Лѣсной съ правой. Вышемирскій или, по мѣстному, Видмирскій, до $5^1/_2$ верстъ длины и около 1 версты ширины, называемый въ настоящее время плавней Видмирской и расположенный между правымъ берегомъ Днѣпра и вѣткой Вышемиркой. Верхній-Бѣловодъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, скрывающійся на трехверстной картѣ Россіи подъ именемъ урочища Бѣловода, $4^1/_2$ версты длины и около $^3/_4$ версты ширины, и расположенный между лѣвыми притоками Днѣпра, Ворсклою и Кагальникомъ. Средній-Бѣловодъ,

[1]) См. Рядъ XVI, листъ 12.

3 версты длины и 1 съ небольшимъ верста ширины, противъ устья рѣчки Кагальника и селенія Ульяновки съ лѣвой стороны. Нижній-Бѣловодъ на геометрическомъ специальномъ планѣ съ небольшимъ островкомъ Кривцомъ, 2 версты 220 саженъ длины и 400 саженъ ширины, какъ показанъ онъ на томъ-же геометрическомъ планѣ Днѣпра; на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года Нижній-Бѣловодъ стоитъ между Верхнимъ-Бѣловодомъ и Среднимъ-Бѣловодомъ. Алкогузовъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, теперь Шелюговатый, 3 версты длины и 1 верста наибольшей ширины [1]), противъ вѣтокъ Шелюговатой, Свидовки, села Бородаевки съ правой и ниже озера Скрылева съ лѣвой стороны. Великій, до 2-хъ верстъ длины, около 1/2 версты наибольшей ширины; расположенъ къ лѣвому берегу Днѣпра, противъ Бирина перевала. Житейскій и Буцый, названные въ актахъ 1754 года и расположенные гдѣ-то противъ Стараго-Орлика у лѣваго берега Днѣпра [2]). Песчаный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Песковатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, Великій на трехверстной картѣ Россіи, 4 версты съ небольшимъ длины и до 2 верстъ съ небольшимъ наибольшей ширины; расположенъ ниже селъ Бородаевки и выше села Домоткани или Глинскаго съ правой стороны. Пугачевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, на полторы версты ниже острова Песковатаго, 1 верста длины и 100 саж. ширины, у лѣваго берега Днѣпра выше устья рѣки Орели; ему соотвѣтствуетъ безыменный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, также выше устья рѣки Орели, между протокомъ Кодачкомъ и Днѣпромъ. Глинскій на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, 480 саж. длины и 260 саж. ширины, расположенъ на три версты ниже Песчанаго. Песчаный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года и Песковатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, 2 версты длины и около 3/4 версты ширины [3]), противъ устья рѣчки Домоткани и

---

[1]) На геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія, 2 версты 300 саженъ длины и 1 верста 220 саженъ ширины, въ екатеринославской губернской чертежной.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз., Спб., 1888, 97.

[3]) На атласѣ 1786 года показано 1 верста 50 саж. длины и 250 саж. ширины; на геомотрическомъ спеціальномъ планѣ показано 400 саж. дли и 96 саж. ширины.

села Пушкаровки съ правой стороны. Жуковъ или Жучій, 2 версты 50 саж. длины и около $1/2$ версты наибольшей ширины; расположенъ противъ устья рѣчки Самоткани и села Григорьевскаго, теперь города Верхнеднѣпровска, съ правой стороны и вѣтокъ Верхняго-Должика и Нижняго-Должика съ лѣвой; какъ кажется, острову Жукову соотвѣтствуетъ островъ Поперечный въ росписи 1697 года [1]). Хурсинъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Курсановъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, Харсуновъ у г-на Бухтѣева [2]), 3 версты 100 саж. длины и 2 версты наибольшей ширины, противъ балки Верхней-Щуровки и озера Орѣховатаго съ правой стороны. Названіе острова, по мѣстному преданію, произошло отъ запорожца Хурсы или Хурсака, изгнаннаго козаками за какую-то вину изъ Сичи и поселившагося на островѣ среди Днѣпра противъ Паньковки, потомъ, однако, и отсюда изгнаннаго преслѣдовавшими его тѣми же запорожцами [3]); въ настоящее время островъ Хурсинъ принадлежитъ графу Г. И. Ностицу. Сѣдловскій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года; ему несомнѣнно соотвѣтствуетъ островъ Шапаренковъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, въ чемъ убѣждаетъ насъ какъ самое расположеніе острова у праваго берега Днѣпра, такъ и величина его, на обоихъ планахъ показанная одинаково — около 1 версты длины, 200 саж. ширины, одно и то-же разстояніе—2 верстыотъ острова Хурсина; расположенъ противъ села Шапаренкова, отчего и названъ на планѣ 1786 года Шапаренковымъ. Мартыновъ, 1 верста длины и 150 саженъ ширины, протянувшійся параллельно Сѣдловскому, посреди рѣки Днѣпра. Матвѣевъ, $3^1/_2$ версты длины и $1^1/_2$ версты ширины; расположенъ противъ озеръ Рудникова и Скрыпайки съ лѣвой стороны и хутора Корбовки съ правой. Великій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Большой-Москалевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, Великій островъ надъ Черною—Лукою въ росписи острововъ 1697 года, $4^1/_2$ версты длины, почти до 2 верстъ наибольшей ширины [4]); расположенъ противъ слободы Щуровки съ правой стороны. Шелюговатый или Голый на планѣ

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 473.

[2]) Записки одесск. общ. исторіи и древностей, III, 489.

[3]) Преданіе сообщено Ѳ. Ѳ. Марацевичемъ. 1889 года, 9 декабря.

[4]) На атласѣ 1786 года 300 саж. длины и 1 верста 100 саж. ширины.

Днѣпра 1780 года, Шеленговатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста длины и 1/2 версты ширины; расположенъ противъ балки Мамраковой и села Аулъ екатеринославскаго уѣзда съ правой стороны. Голый, на пятьдесятъ саженъ ниже Шелюговатаго, очевидно, принятый составителемъ плана рѣки Днѣпра 1780 за одно съ Шелюговатымъ, поставленный отдѣльно на атласѣ Днѣпра 1786 г., 1 верста 225 саж. длины и 300 саж. ширины. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года параллельно Голому, 1 верста 100 саж. длины и 150 саж. ширины; ему соотвѣтствуетъ безыменный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 г., стоящій на одну версту выше села Романкова, противъ вѣтки Осигноватой съ правой стороны. Великій островъ, названный въ извѣстномъ сочиненіи французскаго инженера Боплана въ XVII вѣкѣ, имѣвшій, по его словамъ, полмили длины, полтораста шаговъ ширины, весной потоплявшійся водой, но лѣтомъ служившій пристанищемъ для рыбаковъ, пріѣзжавшихъ на островъ ватагами изъ Кіева и другихъ мѣстъ [1]). Видимо ему соотвѣтствуетъ островъ Романковъ, расположенный среди Днѣпра, какъ разъ противъ церкви Романкова, екатеринославскаго уѣзда, и имѣющій около двухъ верстъ длины и одну версту ширины. Въ концѣ XVII вѣка, какъ видно изъ акта 1689 года, онъ принадлежалъ Лубенскому Мгарскому монастырю, потому что на этомъ островѣ былъ отъ монастыря «станъ» для рыбныхъ ловель [2]) Слюсаревъ на атласѣ Днѣпра 1780 года, безъ названія на планѣ Днѣпра 1780 г., 2 вер. длины и 200 саж. наибольшей ширины; расположенъ выше села Каменскаго, стоящаго у праваго берега рѣки. Бригадировка на атласѣ Днѣпра 1786 г. безъ названія на планѣ рѣки Днѣпра 1780 г., 300 саж. длины и 200 саж. ширины по атласу 1786, 2 версты длины и 200 саж. ширины по плану Днѣпра 1780 г.; расположенъ противъ вѣтки Чередничи и хутора Бригадировки съ лѣвой стороны и села Каменскаго съ правой. Марчинъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 3 версты длины и 300 саженъ ширины; находится между селъ Каменскимъ и Тритузнымъ; соотвѣтствуетъ плавнѣ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, между Днѣпромъ и вѣткой Желтухой, съ правой стороны. Хи-

---

[1]) Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 17.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V. 223.

минъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, около 1/2 версты длины и около 1/4 версты наибольшей ширины, противъ устья вѣтки Коноплянки съ правой стороны. Гречаный въ росписи 1697 года, означенный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 300 саж. длины и 200 саж. наибольшей ширины [1]), противъ вѣтки Коноплянки и села Тритузнаго съ правой стороны. Святильниковъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 400 саж. длины и 150 саж. ширины. Просередъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 и на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 150 саженъ длины и 100 саженъ ширины, противъ озера Плоскаго и рѣчища Прогноя съ правой стороны. Погорѣлый на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года, 1 1/2 версты длины и около 180 саж. ширины, расположенъ нижнимъ концомъ противъ села Тарамскаго съ правой стороны. Большой-Баранцовъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 200 саженъ длины, 150 саженъ ширины; расположенъ на одну версту ниже села Сухачевки съ правой стороны; по положенію и по величинѣ ему соотвѣтствуетъ островъ Баранченковъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года. Малый-Баранцовъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 400 саж. длины и 100 саж. ширины; по положенію и по величинѣ ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, расположенный между Большимъ-Баранцовымъ и Чайчинымъ. Чайчинъ на планѣ Днѣпра 1780 года, 125 саженъ длины и 65 ширины [2]). Моровой на атласѣ Днѣпра 1786 года, Поровой на планѣ 1780 года, Насыпной на трехверстной картѣ Россіи, 1 верста 200 саж. длины и 205 саж. ширины на атласѣ 1786 года; 2 версты длины и 1/2 версты ширины на планѣ 1780 года; расположенъ противъ рѣчища Закитнаго и слободы Діевки съ правой стороны; въ настоящее время у крестьянъ онъ называется островъ Муравый; подъ нимъ считаютъ 59 десятинъ и 320 квадр. саж. Малба, названный на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста и 90 саженъ длины и 100 саженъ ширины;

---

[1]) На атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста длины и 200 саженъ ширины.

[2]) Противъ села Каменки, стоящей у лѣваго берега Днѣпра, въ настоящее время есть еще три острова: Пидмижевный — 102 десят. и 2140 квадр. саж.; Спорный, состоящій изъ трехъ острововъ и заключающій въ себѣ 118 десят. и 30 квадр. саж., и Свинячій—117 десятинъ и 530 квадр. саженъ.

расположенъ у праваго берега Днѣпра выше Новаго-Кодака. Самоловля на атласѣ Днѣпра 1786 года, 300 саж. длины и 50 саж. ширины; ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 противъ балки Кленовой съ правой стороны и островъ Каменской на трехверстной картѣ Россіи противъ слабоды Фабричной, предмѣстья города Екатеринослава [1]). Чортовъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780, атласѣ Днѣпра 1786, планѣ города Екатеринослава 1786 годовъ, 125 саж. длины и 65 саж. ширины; расположенъ на 50 саженъ выше головы острова Монастырскаго и противъ слободы Половицы, теперь совсѣмъ смытъ водой.

Монастырскій островъ, означенный на всѣхъ атласахъ, планахъ и росписяхъ Днѣпра, извѣстный всѣмъ писателямъ прошлыхъ вѣковъ южной Россіи, называемый теперь Потемкинскимъ, Рябининскимъ, Бураковскимъ и Богомоловскимъ, имѣющій 1 версту 65 саженъ длины и 125 саженъ ширины, по современымъ планамъ 70 десятинъ земли, покрытый высокимъ дубовымъ лѣсомъ и расположенный какъ разъ противъ сада Потемкина въ Екатеринославѣ. Островъ этотъ замѣчателенъ по многимъ обстоятельствамъ. Въ IX вѣкѣ по Р. Х. онъ служилъ пріютомъ для греческихъ монаховъ, выходцевъ изъ Царьграда, избравшихъ его мѣстомъ для своихъ молитвенныхъ подвиговъ; въ X вѣкѣ, въ 957 году, онъ видѣлъ на своихъ берегахъ великую кіевскую княгиню св. Ольгу: плывя въ Царьградъ, она принуждена была нѣкоторое время прожить на островѣ Монастырскомъ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся бури на Днѣпрѣ и устраивая тутъ свою дружину для предотвращенія нападенія хищныхъ печенѣговъ; въ томъ-же вѣкѣ, въ 988 году, на островѣ Монастырскомъ стоялъ и великій князь Владиміръ, когда плылъ со своею многочисленною дружиною по Днѣпру въ Корсунь, объявивъ грекамъ войну; въ XII вѣкѣ, въ 1152 году, великій князь Мстиславъ Изяславичъ, предпринявшій походъ противъ половцевъ и разбившій ихъ въ союзѣ съ черными клобуками на рѣкѣ Углѣ, т. е. теперешней Орели, и при рѣкѣ Самарѣ, посѣтилъ Монастырскій островъ и старался защитить его отъ нападеній смѣлыхъ кочевниковъ· въ XIII вѣкѣ, въ 1240 году, при нашествіи на Южную Русь татаръ, Монастыр-

[1]) См. рядъ XVI, листъ 13, 4°, 40'.

какъ кажется, скрываются на трехверстной картѣ Россіи подъ названіемъ Спорныхъ острововъ [1]). Келебердинъ, $2^1/_2$ версты длины и 1 верста ширины, расположенный къ лѣвому берегу Днѣпра и получившій свое названіе отъ мѣстечка Келеберды у лѣваго берега Днѣпра. Молодой на геометрическомъ планѣ XVIII вѣка, Молодякъ на трехверстной картѣ Россіи и Деріевскій островъ на атласѣ части Днѣпра 1863 года, иначе Моловой, 870 саженъ длины и 502 сажени наибольшей ширины, ниже устья рѣки Сухого-Омельника, противъ озеръ Круглаго и Гнилого, балки Гнилища и селъ Деріевки, у праваго берега Днѣпра, и Парного къ югу отъ берега Днѣпра. Кобыляцкій-первый, на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 200 саженъ длины и до 200 саженъ ширины; расположенъ противъ села Куцутовки или Куцеволовки. Кобыляцкій-второй на томъ-же планѣ, непосредственно ниже перваго, 1 верста 200 саженъ длины и 150 саженъ ширины. Мирской и Вольный съ островомъ Отрѣзомъ, отдѣленнымъ отъ Мирского, безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года, имѣющій 4 версты 200 саженъ длины и 1 версту ширины и расположенный противъ вѣтки Гусарки съ лѣвой стороны, балки Должика и мѣстечка Мишурина-рога съ правой. Великій, безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года, названный на трехверстной картѣ Россіи, имѣющій 3 версты длины и $1^1/_2$ версты ширины и расположенный параллельно Отрѣзу противъ мѣстечка Мишурина-Рога. Лѣсковскій, 3 версты длины и $1^1/_2$ версты ширины, названный на трехверстной картѣ Россіи урочищемъ Лѣсковскимъ, въ настоящее время именуемый мѣстными крестьянами Лискивськимъ; расположенъ противъ устья рѣки Ворсклы съ лѣвой стороны и вѣтки Лѣсной съ правой. Вышемирскій или, по мѣстному, Видмирскій, до $5^1/_2$ верстъ длины и около 1 версты ширины, называемый въ настоящее время плавней Видмирской и расположенный между правымъ берегомъ Днѣпра и вѣткой Вышемиркой. Верхній-Бѣловодъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, скрывающійся на трехверстной картѣ Россіи подъ именемъ урочища Бѣловода, $4^1/_2$ версты длины и около $^3/_4$ версты ширины, и расположенный между лѣвыми притоками Днѣпра, Ворсклою и Кагальникомъ. Средній-Бѣловодъ,

[1]) См. Рядъ XVI, листъ 12.

3 версты длины и 1 съ небольшимъ верста ширины, противъ устья рѣчки Кагальника и селенія Ульяновки съ лѣвой стороны. Нижній-Бѣловодъ на геометрическомъ спеціальномъ планѣ съ небольшимъ островкомъ Кривцомъ, 2 версты 220 саженъ длины и 400 саженъ ширины, какъ показанъ онъ на томъ-же геометрическомъ планѣ Днѣпра; на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года Нижній-Бѣловодъ стоитъ между Верхнимъ-Бѣловодомъ и Среднимъ-Бѣловодомъ. Алкогузовъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, теперь Шелюговатый, 3 версты длины и 1 верста наибольшей ширины [1]), противъ вѣтокъ Шелюговатой, Свицовки, села Бородаевки съ правой и ниже озера Скрылева съ лѣвой стороны. Великій, до 2-хъ верстъ длины, около ½ версты наибольшей ширины; расположенъ къ лѣвому берегу Днѣпра, противъ Бирина перевала. Житейскій и Буцый, названные въ актахъ 1754 года и расположенные гдѣ-то противъ Стараго-Орлика у лѣваго берега Днѣпра [2]). Песчаный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Песковатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, Великій на трехверстной картѣ Россіи, 4 версты съ небольшимъ длины и до 2 верстъ съ небольшимъ наибольшей ширины; расположенъ ниже селъ Бородаевки и выше села Домоткани или Глинскаго съ правой стороны. Пугачевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, на полторы версты ниже острова Песковатаго, 1 верста длины и 100 саж. ширины, у лѣваго берега Днѣпра выше устья рѣки Орели; ему соотвѣтствуетъ безыменный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, также выше устья рѣки Орели, между протокомъ Кодачкомъ и Днѣпромъ. Глинскій на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, 480 саж. длины и 260 саж. ширины, расположенъ на три версты ниже Песчанаго. Песчаный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года и Песковатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, 2 версты длины и около ¾ версты ширины [3]), противъ устья рѣчки Домоткани и

---

[1]) На геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія, 2 версты 300 саженъ длины и 1 верста 220 саженъ ширины, въ екатеринославской губернской чертежной.

[2]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз., Спб., 1888, 97.

[3]) На атласѣ 1786 года показано 1 верста 50 саж. длины и 250 саж. ширины; на геомотрическомъ спеціальномъ планѣ показано 400 саж. длины и 96 саж. ширины.

села Пушкаровки съ правой стороны. Жуковъ или Жучій, 2 версты 50 саж. длины и около $^1/_2$ версты наибольшей ширины; расположенъ противъ устья рѣчки Самоткани и села Григорьевскаго, теперь города Верхнеднѣпровска, съ правой стороны и вѣтокъ Верхняго-Должика и Нижняго-Должика съ лѣвой; какъ кажется, острову Жукову соотвѣтствуетъ островъ Поперечный въ росписи 1697 года [1]). Хурсинъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Курсановъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, Харсуновъ у г-на Бухтѣева [2]), 3 версты 100 саж. длины и 2 версты наибольшей ширины, противъ балки Верхней-Щуровки и озера Орѣховатаго съ правой стороны. Названіе острова, по мѣстному преданію, произошло отъ запорожца Хурсы или Хурсака, изгнаннаго козаками за какую-то вину изъ Сичи и поселившагося на островѣ среди Днѣпра противъ Паньковки, потомъ, однако, и отсюда изгнаннаго преслѣдовавшими его тѣми же запорожцами [3]); въ настоящее время островъ Хурсинъ принадлежитъ графу Г. И. Ностицу. Сѣдловскій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года; ему несомнѣнно соотвѣтствуетъ островъ Шапаренковъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, въ чемъ убѣждаетъ насъ какъ самое расположеніе острова у праваго берега Днѣпра, такъ и величина его, на обоихъ планахъ показанная одинаково — около 1 версты длины, 200 саж. ширины, одно и то-же разстояніе—2 верстыотъ острова Хурсина; расположенъ противъ села Шапаренкова, отчего и названъ на планѣ 1786 года Шапаренковымъ. Мартыновъ, 1 верста длины и 150 саженъ ширины, протянувшійся параллельно Сѣдловскому, посреди рѣки Днѣпра. Матвѣевъ, $3^1/_2$ версты длины и $1^1/_2$ версты ширины; расположенъ противъ озеръ Рудникова и Скрыпайки съ лѣвой стороны и хутора Корбовки съ правой. Великій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Большой-Москалевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, Великій островъ надъ Черною—Лукою въ росписи острововъ 1697 года, $4^1/_2$ версты длины, почти до 2 верстъ наибольшей ширины [4]); расположенъ противъ слободы Щуровки съ правой стороны. Шелюговатый или Голый на планѣ

1) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 473.
2) Записки одесск. общ. исторіи и древностей, III, 489.
3) Преданіе сообщено Ѳ. Ѳ. Марацевичемъ. 1889 года, 9 декабря.
4) На атласѣ 1786 года 300 саж. длины и 1 верста 100 саж. ширины.

Днѣпра 1780 года, Шеленговатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста длины и 1/2 версты ширины; расположенъ противъ балки Мамраковой и села Аулъ екатеринославскаго уѣзда съ правой стороны. Голый, на пятьдесятъ саженъ ниже Шелюговатаго, очевидно, принятый составителемъ плана рѣки Днѣпра 1780 за одно съ Шелюговатымъ, поставленный отдѣльно на атласѣ Днѣпра 1786 г., 1 верста 225 саж. длины и 300 саж. ширины. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года параллельно Голому, 1 верста 100 саж. длины и 150 саж. ширины; ему соотвѣтствуетъ безыменный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 г., стоящій на одну версту выше села Романкова, противъ вѣтки Осигноватой съ правой стороны. Великій островъ, названный въ извѣстномъ сочиненіи французскаго инженера Боплана въ XVII вѣкѣ, имѣвшій, по его словамъ, полмили длины, полтораста шаговъ ширины, весной потоплявшійся водой, но лѣтомъ служившій пристанищемъ для рыбаковъ, пріѣзжавшихъ на островъ ватагами изъ Кіева и другихъ мѣстъ [1]). Видимо ему соотвѣтствуетъ островъ Романковъ, расположенный среди Днѣпра, какъ разъ противъ церкви Романкова, екатеринославскаго уѣзда, и имѣющій около двухъ верстъ длины и одну версту ширины. Въ концѣ XVII вѣка, какъ видно изъ акта 1689 года, онъ принадлежалъ Лубенскому Мгарскому монастырю, потому что на этомъ островѣ былъ отъ монастыря «станъ» для рыбныхъ ловель [2]) Слюсаревъ на атласѣ Днѣпра 1780 года, безъ названія на планѣ Днѣпра 1780 г., 2 вер. длины и 200 саж. наибольшей ширины; расположенъ выше села Каменскаго, стоящаго у праваго берега рѣки. Бригадировка на атласѣ Днѣпра 1786 г. безъ названія на планѣ рѣки Днѣпра 1780 г., 300 саж. длины и 200 саж. ширины по атласу 1786, 2 версты длины и 200 саж. ширины по плану Днѣпра 1780 г.; расположенъ противъ вѣтки Чередничка и хутора Бригадировки съ лѣвой стороны и села Каменскаго съ правой. Марчинъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 3 версты длины и 300 саженъ ширины; находится между селъ Каменскимъ и Тритузнымъ; соотвѣтствуетъ плавнѣ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, между Днѣпромъ и вѣткой Желтухой, съ пра   г. Хи-

---

[1]) Описаніе Украйны, С.-Петербургъ. 1832, 17.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V. 223.

минъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, около $1/2$ версты длины и около $1/4$ версты наибольшей ширины, противъ устья вѣтки Коноплянки съ правой стороны. Гречаный въ росписи 1697 года, означенный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 300 саж. длины и 200 саж. наибольшей ширины [1]), противъ вѣтки Коноплянки и села Тритузнаго съ правой стороны. Святильниковъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 400 саж. длины и 150 саж. ширины. Просередъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 и на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 150 саженъ длины и 100 саженъ ширины, противъ озера Плоскаго и рѣчища Прогноя съ правой стороны. Погорѣлый на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года, $1\frac{1}{2}$ версты длины и около 180 саж. ширины, расположенъ нижнимъ концомъ противъ села Тарамскаго съ правой стороны. Большой-Баранцовъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 200 саженъ длины, 150 саженъ ширины; расположенъ на одну версту ниже села Сухачевки съ правой стороны; по положенію и по величинѣ ему соотвѣтствуетъ островъ Баранченковъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года. Малый-Баранцовъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 400 саж. длины и 100 саж. ширины; по положенію и по величинѣ ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, расположенный между Большимъ-Баранцовымъ и Чайчинымъ. Чайчинъ на планѣ Днѣпра 1780 года, 125 саженъ длины и 65 ширины [2]). Моровой на атласѣ Днѣпра 1786 года, Поровой на планѣ 1780 года, Насыпной на трехверстной картѣ Россіи, 1 верста 200 саж. длины и 205 саж. ширины на атласѣ 1786 года; 2 версты длины и $1/2$ версты ширины на планѣ 1780 года; расположенъ противъ рѣчища Закитнаго и слободы Діевки съ правой стороны; въ настоящее время у крестьянъ онъ называется островъ Муравый; подъ нимъ считаютъ 59 десятинъ и 320 квадр. саж. Малба, названный на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста и 90 саженъ длины и 100 саженъ ширины;

---

[1]) На атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста длины и 200 саженъ ширины.

[2]) Противъ села Каменки, стоящей у лѣваго берега Днѣпра, въ настоящее время есть еще три острова: Пидмижевный — 102 десят. и 2140 квадр. саж.; Спорный, состоящій изъ трехъ острововъ и заключающій въ себѣ 118 десят. и 30 квадр. саж., и Свиначій—117 десятинъ и 530 квадр. саженъ.

расположенъ у праваго берега Днѣпра выше Новаго-Кодака. Самоловля на атласѣ Днѣпра 1786 года, 300 саж. длины и 50 саж. ширины; ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 противъ балки Кленовой съ правой стороны и островъ Каменской на трехверстной картѣ Россіи противъ слободы Фабричной, предмѣстья города Екатеринослава [1]). Чортовъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780, атласѣ Днѣпра 1786, планѣ города Екатеринослава 1786 годовъ, 125 саж. длины и 65 саж. ширины; расположенъ на 50 саженъ выше головы острова Монастырскаго и противъ слободы Половицы, теперь совсѣмъ смытъ водой.

Монастырскій островъ, означенный на всѣхъ атласахъ, планахъ и росписяхъ Днѣпра, извѣстный всѣмъ писателямъ прошлыхъ вѣковъ южной Россіи, называемый теперь Потемкинскимъ, Рябининскимъ, Бураковскимъ и Богомоловскимъ, имѣющій 1 версту 65 саженъ длины и 125 саженъ ширины, по современымъ планамъ 70 десятинъ земли, покрытый высокимъ дубовымъ лѣсомъ и расположенный какъ разъ противъ сада Потемкина въ Екатеринославѣ. Островъ этотъ замѣчателенъ по многимъ обстоятельствамъ. Въ IX вѣкѣ по Р. Х. онъ служилъ пріютомъ для греческихъ монаховъ, выходцевъ изъ Царьграда, избравшихъ его мѣстомъ для своихъ молитвенныхъ подвиговъ; въ X вѣкѣ, въ 957 году, онъ видѣлъ на своихъ берегахъ великую кіевскую княгиню св. Ольгу: плывя въ Царьградъ, она принуждена была нѣкоторое время прожить на островѣ Монастырскомъ, ожидая здѣсь прекращенія поднявшейся бури на Днѣпрѣ и устраивая тутъ свою дружину для предотвращенія нападенія хищныхъ печенѣговъ; въ томъ-же вѣкѣ, въ 988 году, на островѣ Монастырскомъ стоялъ и великій князь Владиміръ, когда плылъ со своею многочисленною дружиною по Днѣпру въ Корсунь, объявивъ грекамъ войну; въ XII вѣкѣ, въ 1152 году, великій князь Мстиславъ Изяславичъ, предпринявшій походъ противъ половцевъ и разбившій ихъ въ союзѣ съ черными клобуками на рѣкѣ Углѣ, т. е. теперешней Орели, и при рѣкѣ Самарѣ, посѣтилъ Монастырскій островъ и старался защитить его отъ нападеній смѣлыхъ кочевниковъ· въ XIII вѣкѣ, въ 1240 году, при нашествіи на Южную Русь татар[illegible]тыр-

[1]) См. рядъ XVI, листъ 13, 4°, 40′.

скій островъ былъ опустошенъ и испепеленъ монгольской ордой; около 1400 года христіане пытались возобновить на Монастырскомъ островѣ разрушенную святыню, но видимо неудачно, потому что бывшій на этомъ острову въ началѣ XVII столѣтія французскій инженеръ Бопланъ не видѣлъ здѣсь и признаковъ монастыря. «Монастырскій островъ, говоритъ онъ, крутой, высокій, окруженный скалами, возвышающимися на двадцать пять или тридцать футовъ; одна только сѣверная сторона его отложе. Поэтому островъ сей не потопляется полноводіемъ; названіе свое онъ получилъ отъ существовавшаго нѣкогда на немъ монастыря, коего, однако, и слѣдовъ не осталось. Если-бъ берега Днѣпра повелѣвали имъ, то онъ былъ-бы весьма удобенъ для житья; въ длину имѣетъ около тысячи, въ ширину отъ восьмидесяти до ста шаговъ, и наполненъ ужами и другими змѣями» [1]. Однако, около 1655 года, при гетманѣ Богданѣ Михайловичѣ Хмельницкомъ, на Монастырскомъ островѣ уже вновь поселились монахи, а спустя пять лѣтъ, ниже острова Монастырскаго, противъ устья рѣки Самары, произошла битва между татарами и знаменитымъ кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаковъ, Иваномъ Дмитріевичемъ Сиркомъ; въ 1660 году татары приходили съ ханомъ на Украйну, разорили здѣсь нѣсколько селъ, деревень и хуторовъ, захватили въ нихъ множество плѣненныхъ христіанъ, получили въ подарокъ отъ поляковъ плѣннаго ими предводителя русскихъ войскъ, Василія Борисовича Шереметева; часть этихъ татаръ переправлялась черезъ Днѣпръ въ виду Монастырскаго острова и устья рѣки Самары; въ это время кошевой Сирко напалъ на татаръ, разбилъ ихъ, освободилъ нѣкоторую часть плѣнниковъ на волю и взялъ большую добычу. Въ 1700 году къ Монастырскому острову отведена была вся та мѣстность, гдѣ въ настоящее время стоитъ соборъ, Потемкинскій дворецъ, архіерейскій домъ и богоугодное заведеніе въ городѣ Екатеринославѣ; спустя сорокъ семь лѣтъ, Монастырскій островъ, вмѣстѣ съ означенною мѣстностью, отданъ былъ полковникомъ самарской паланки Кирилломъ Красовскимъ въ собственность Самарскому пустынно-николаевскому запорожскому монастырю. Однако, долго и послѣ этого Монастырскій островъ

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 18.

привлекалъ къ себѣ вниманіе людей благочестивыхъ: въ 1750 и 1760 годахъ островъ посѣтилъ извѣстный въ свое время полтавскій протопопъ Евстафій Могилянскій; въ это-же время, въ монастырскомъ подворьѣ, противъ острова, на возвышенной мѣстности, жилъ благочестивый іеромонахъ Самарскаго монастыря, Памва Гамалія, со своимъ келейникомъ, козакомъ Петромъ Чередниченкомъ; сюда къ знаменитому сподвижнику нерѣдко пріѣзжалъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, жившій въ то время въ собственномъ имѣніи, Гендриковкѣ, бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи [1]). Послѣ паденія Сичи, въ 1775 году, при основаніи города Екатеринослава, князь Г. А. Потемкинъ предназначалъ, какъ видно изъ плана Екатеринослава 1786 года, прилагаемаго при настоящемъ трудѣ, Монастырскій островъ для публичнаго сада [2]); но такъ какъ этому не суждено было исполниться, то Монастырскій островъ въ 1815 году перешелъ въ частныя руки [3]). Въ настоящее время съ правой стороны отъ материка Монастырскій островъ отдѣленъ такъ называемой Архіерейской канавой, загроможденной въ началѣ Архіерейской заборой.

Ниже Монастырскаго слѣдуетъ Гриневъ островъ въ росписи 1697 года. Далѣе Шевскій на атласѣ Днѣпра 1786 и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія, по первому 400 саженъ длины и 100 саженъ ширины, по второму 2 версты 250 саженъ длины и 240 саженъ ширины; расположенъ у лѣваго берега Днѣпра между вѣткою Кривцомъ и проливомъ Шевскимъ, сѣвернымъ концомъ противъ южной части острова Монастырскаго, южнымъ концомъ противъ верхней части острова Становаго. Становой въ росписи 1697 года, на планѣ рѣки Днѣпра 1780 и на

---

[1]) Исторія Монастырскаго острова отчасти представлена у Θеодосія: «Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи», Екатеринославъ, 1880, I, 11.

[2]) Преданіе, что на Монастырскомъ островѣ Потемкинъ хотѣлъ устроить университетъ, не оправдывается: по плану 1786 года мѣсто для университета означено на правомъ берегу Днѣпра, приблизительно тамъ, гдѣ теперь архіерейскій домъ: см. планъ III.

[3]) Утверждать, что Монастырскій островъ послѣ паденія Сичи достался князю А. А. Прозоровскому, мы не можемъ, по неимѣнію на то историческихъ документовъ.

атласѣ Днѣпра 1786 года, теперь Прозоровскій или Воронцовскій, до 4 верстъ длины и 1 верста ширины, низменный, песчаный, покрытый лѣсомъ мягкой породы, со множествомъ озеръ; расположенъ противъ балки Широкой и предмѣстья города Екатеринослава, Мандрыковки, съ правой стороны и села Игрени съ лѣвой. Послѣ паденія Сичи этотъ островъ достался во владѣніе князю А. А. Прозоровскому, какъ значится это въ росписи земель, розданныхъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ [1]); какъ потомъ островъ Становой перешелъ отъ князя Прозоровскаго къ премьеръ-маіору Алексѣю Максимовичу Синельникову, неизвѣстно; но изъ фамильныхъ бумагъ теперешняго владѣльца Любимовки, генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, видно, что на островѣ Становомъ были сѣнокосъ, рыбныя ловли, озера, камышъ и значительное количество лѣса. Въ 1815 году островъ Становой отданъ былъ за 400 рублей въ годъ владѣльцемъ его Синельниковымъ въ аренду вдовѣ княгинѣ Прозоровской съ условіемъ, «чтобъ лѣсъ на немъ растущій вполной мѣрѣ былъ збереженъ, не производя ему никакой рубки, ни подчистки, которыя за экономіей ея сіятельства останется для отопленія фабрики и мастерскихъ; сверхъ того, вывозить съ того острова хворосту для домашняго обиходу всякой годъ по тридцати возовъ» [2]). Въ настоящее время островъ Становой принадлежитъ князю И. И. Воронцову-Дашкову.

Самарскій на атласѣ Днѣпра 1786 года, у Боплана Конскій островъ, на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года безъ названія противъ средины Становаго, въ актахъ 1756 года Усть-Самарскій [3]), ниже Серебряной косы, противъ устья рѣки Самары, съ лѣвой стороны отъ материка отдѣленъ протокомъ Старухой, съ правой—Днѣпромъ, «имѣетъ въ длину три четверти, а въ ширину при вершинѣ одну четверть мили [4]), покрытъ лѣсомъ, болотами и потопляется весеннимъ полноводіемъ. На немъ живутъ многіе рыбаки, которые ловятъ рыбу въ Самарѣ и по недостатку соли пересыпаютъ ее золою или сушатъ для сбереженія. Рѣка Самара впадаетъ прямо

---

[1]) Юбилейный екатеринославскій листокъ, 1887, 25.

[2]) Опись фамильныхъ бумагъ г.-м. Синельникова, № 2.

[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 147, 148.

[4]) На атласѣ Днѣпра 1786 года 1 вер. длины 100 саж. ширины.

противъ вершины Конскаго острова» [1]), иначе между Серебряной косой и Самарскимъ островомъ. Преданіе говоритъ, что противъ Самарскаго острова на песчаномъ лѣвомъ берегу Днѣпра, нѣкогда происходило побоище козаковъ съ татарами: «тутъ трупа, череповъ видимо-невидимо валялось, а кровь запеклась на четверть аршина»; намекъ, очевидно, на схватку кошевого Сирка съ татарами въ 1660 году.

Московскій островъ на планѣ Днѣпра 1780 года и на спеціальномъ геометрическомъ планѣ прошлаго столѣтія, на первомъ—$^1/_2$ версты длины и 125 саженъ ширины, на второмъ—282 сажени длины и 34 ширины, среди Днѣпра, противъ села Лоцманской-Каменки. Крячковъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, 1 верста длины и 125 саженъ ширины; расположенъ у праваго берега Днѣпра противъ балки Верхней-Сажавки, ниже Московскаго, но въ одну линію съ нимъ. Каменоватый на планѣ Днѣпра 1780 года, у Боплана Князевъ островъ, «который есть не что иное, какъ скала длиною отъ пятисотъ до шестисотъ, а шириною до ста шаговъ, безопасная отъ полноводья» [2]), теперь 1 верста 125 саж. длины и около 120 саж. ширины; на немъ русскіе построили въ 1737 году ретраншементы и редуты; стоитъ у лѣваго берега Днѣпра противъ южнаго конца села Лоцманской-Каменки и балки Верхней-Сажавки съ правой стороны, параллельно Крячкову острову. Козацкій островъ, извѣстный Боплану, триста пятьдесятъ шесть саженъ длины и семьдесятъ ширины; безлѣсный, покрытый скалами, неподверженный наводненіямъ, наполненный змѣями [3]) и расположенный какъ разъ противъ балки Средней или Домашней-Сажавки. Кодацкій, на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, безъ ста саженъ 2 версты длины и около 100 саж. наибольшей ширины; расположенъ противъ балки Нижней-Сажавки. Малый-Татарчукъ на планѣ Днѣпра 1786 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, сто саженъ длины, двадцать пять саженъ ширины. Большой-Татарчукъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780, атласѣ Днѣпра 1786 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 18.
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 19.
[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 19.

триста шесть саженъ длины, девяносто семь саженъ ширины, противъ балки Яцевой съ лѣвой; покрытъ дубомъ, берестомъ и осокоремъ. Яцевъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, 2 версты длины, $^1/_2$ версты наибольшей ширины. Донской на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Демской или Демека въ современныхъ актахъ [1]), 2 версты длины и $^1/_2$ версты ширины; расположенъ параллельно Яцеву, къ правому берегу Днѣпра. Песковатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, 250 саж. длины и 50 саж. ширины; стоитъ на 300 саженъ ниже Яцева, въ одну линію съ нимъ. Сурской на планѣ рѣки Днѣпра 1780 и на атласѣ Днѣпра 1786 года, по первому 3 версты длины и 125 саж. ширины, по второму 2 версты и 100 саженъ длины, 200 саж. ширины. Муравьевъ на атласѣ Днѣпра 1786 г. и Муравный на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, $^1/_2$ версты длины и 50 саженъ ширины, расположенъ у лѣваго берега Днѣпра, противъ Сурского порога, покрытъ небольшимъ лѣсомъ. Пуцивка, двѣсти шестьдесятъ двѣ сажени длины и восемьдесятъ саженъ ширины, тотчасъ ниже порога Сурского, противъ села Волошскаго [2]). Два островка Кулики, въ рядъ съ каналомъ Лоханскаго порога къ лѣвому берегу Днѣпра. Лоханскій, раздѣленный на три небольшихъ островка, на атласѣ Днѣпра 1786 года, каждый по 100 саженъ длины и 20 саж. ширины, два среди Днѣпра, одинъ къ лѣвому берегу Днѣпра, всѣ три противъ Лоханскаго порога Ниже Лоханскаго острова въ гранитной скалѣ праваго берега Днѣпра, на ливадѣ крестьянина села Волошскаго Я. А. Заскоки, есть природная пещера, носящая названіе Зміевой, длины болѣе двадцати пяти аршинъ; чтобы пробраться въ эту пещеру, нужно сперва проползти сажени двѣ животомъ по сырой землѣ, вытянувъ руки впередъ, потомъ уже подняться и идти ногами. Скалистый островъ, сто саженъ длины и около 20 саж. ширины. Стрѣльчатый на атласѣ Днѣпра 1786 года, иначе Лоханская Стрѣлица, въ росписи 1697 года Княгининъ островъ; это громадной высоты скала, длины и ширины 50 саженъ, у самаго берега Днѣпра съ правой

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 175.

[2]) Геометрическій спеціальный планъ XVIII вѣка въ губернской чертежной Екатеринослава.

стороны, тотчасъ ниже послѣдней хаты села Волошскаго. Шулаевъ на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII и Шулаковъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, по первому 330 длины и 80 ширины, по второму 200 саж. длины и 50 саж. ширины, ниже устья рѣки Вороной и противъ балки Тягинки съ правой стороны; на немъ видна стѣна кладки дикаго камня съ глиной, видимо отъ какого-то укрѣпленія, ждущаго своего изслѣдователя. Песковатый на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, на атласѣ Днѣпра 1780 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года, по первому 250 саженъ длины и 64 сажени ширины, по третьему $1^1/_2$ версты длины и $^1/_2$ версты ширины. Козловъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, атласѣ Днѣпра 1786 года и геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, по первому 2 версты 200 саж. длины и 125 саж. ширины, по второму 1 верста 350 саж. длины и 100 саж. ширины, по третьему 1 верста 74 сажени длины и 242 саж. ширины; расположенъ на пять верстъ ниже Звонецкаго порога, покрытъ прекраснымъ лѣсомъ. Ткачевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года и на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года ошибочно поставленъ ниже Козлова, параллельно Виткамъ [1]), длины 344 сажени, ширины 137 саженъ; расположенъ противъ балки Тягинки и Царской съ лѣвой стороны и страшнаго водоворота Смоляра среди Днѣпра, покрытъ прекраснымъ лѣсомъ. Кверко [2]) на геометрическомъ специальномъ планѣ тотчасъ за островомъ Ткачевымъ противъ оврага Сухого и порога Осипова. Муравскій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, 2 версты длины, $^1/_2$ версты ширины, поставленъ параллельно Песковатому, у лѣваго берега Днѣпра. Дмитровъ, небольшой, узенькій островъ, длины

---

[1]) Что на планѣ Днѣпра 1780 года въ данномъ случаѣ допущена ошибка это видно изъ того, что на всѣхъ другихъ планахъ и атласахъ — адмирала Пущина 1786 года, на специальномъ геометрическомъ планѣ XVIII вѣка, на планѣ части рѣки Днѣпра отъ Кременчуга до Лимана 1865 года, на планѣ г.-м. Поликарпова 1-го 1886 года, на трехверстной картѣ Россіи, и наконецъ, на современномъ планѣ владѣлицы В. И. Маламы—островъ Ткачевъ стоитъ параллельно Козлову, у лѣваго берега Днѣпра, противъ Тягинской балки, а не ниже Козлова и параллельно Виткамъ, какъ онъ означенъ н[а] планѣ Арапова 1780 года.

[2]) Названіе этого острова напоминаетъ латинское слово quercus—дуб

около $1^1/_2$ версты, у лѣваго берега Днѣпра, съ тѣмъ-же названіемъ существующій и въ настоящее время. Витки на планѣ 1780 года или Квитки на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, на первомъ одинъ островъ, 1 верста 475 саженъ длины и 125 саженъ ширины, на второмъ два острова, первый 178 саженъ длины, 62 сажени ширины, второй 38 саженъ длины и 74 сажени ширины; находятся на 166 саженъ ниже острова Козлова и по своему положенію соотвѣтствуютъ двумъ настоящимъ островамъ Солонцамъ, находящимся у лѣваго берега Днѣпра, тотчасъ ниже острова Дмитрова. Ракъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года или Раковецъ въ настоящее время, 50 саженъ длины и столько же ширины; расположенъ противъ средины острова Библова, среди Днѣпра, при входѣ въ Ненасытецкій порогъ. Библовъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 300 саженъ длины и 50 саженъ ширины; лежитъ на 1 версту и 300 саженъ ниже острова Ткачева, противъ «дома бригадира Синельникова» къ лѣвому берегу Днѣпра. По положенію ему соотвѣтствуетъ островъ Жидовскій на атласѣ части рѣки Днѣпра отъ Кременчуга до Лимана, находящійся между Васильевкой и Розчисткой, какъ разъ противъ экономическаго двора; по объясненію мѣстныхъ сторожиловъ, островъ Жидовскій нѣкогда былъ покрытъ большимъ дубовымъ лѣсомъ, но потомъ, при постройкѣ канала въ Ненасытецкомъ порогѣ, лѣсъ былъ вырубленъ, а островъ, размываемый оттого теченіемъ рѣки, былъ совершенно снесенъ водой; названъ онъ Жидовскимъ потому, что тамъ «испоконъ вику ховали (т. е. хоронили) жыдивъ, ажъ поки вода не размыла острова, бо ихъ, проклятыхъ, и земля не прійма» [1]). Майстровъ, безъ названія на атласѣ Днѣпра 1786 года и съ названіемъ на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года и планахъ Днѣпра Поликарпова 1-го 1886 года, 140 саженъ длины и 50 саженъ ширины, у лѣваго берега Днѣпра. На этомъ островѣ найдено нѣсколько сотъ золотыхъ византійскихъ монетъ, изъ коихъ нѣкоторыя относились къ VII вѣку по Р. X., ко времени императора Иракла, другія къ XI вѣку, ко времени императора Константина Дуки. Монеты эти, по разсказамъ однихъ изъ мѣстныхъ обывателей, найдены были въ одномъ мѣстѣ, въ кувшинѣ, по разсказамъ другихъ—

---

[1]) Записано отъ Алексѣя Васильевича Васильева въ селѣ Николаевкѣ.

въ разныхъ мѣстахъ. Какъ бы то ни было, но такая находка показываетъ, какъ рано начались сношенія по Днѣпру древней Руси съ Византіей. Относительно скопленія въ одномъ мѣстѣ такого множества монетъ Д. И. Иловайскій дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: «Не было ли на этомъ островкѣ чего-либо въ родѣ разбойничаго притона, въ которомъ прятали добычу съ разграбленныхъ или съ потерпѣвшихъ крушеніе судовъ? Или не существовало ли здѣсь какого святилища, гдѣ путники клали свои жертвоприношенія ради благополучнаго плаванія сквозь пороги»? [1]). Жмура на атласѣ Днѣпра 1786 года, 100 саженъ длины и 25 саженъ ширины; стоитъ на 1 версту и 150 саженъ ниже острова Библова къ лѣвому берегу Днѣпра и, какъ кажется, соотвѣтствуетъ настоящему острову Голодаеву, на атласѣ части Днѣпра 1863 года. Петровскій на атласѣ Днѣпра 1786 года, 200 саженъ длины и 50 саженъ ширины; стоитъ параллельно Жмурѣ, среди Днѣпра, и по своему положенію соотвѣтствуетъ одному изъ острововъ Бѣляеву атласа части рѣки Днѣпра 1863 года [2]). Песковатый-первый, означенный на атласѣ Днѣпра 1786 тода, 100 саженъ длины и 30 саженъ ширины; расположенъ въ одну линію съ Жмурой, но на 100 саженъ ниже его; теперь смытъ водой. Служба на атласѣ Днѣпра 1786 года, кругомъ 30 саженъ. Песчаный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Песковатый второй на атласѣ Днѣпра 1786 года, на первомъ 2 версты длины и до 200 саженъ ширины, на второмъ 1 верста длины и 100 саженъ ширины; расположенъ ниже Вороновой заборы, противъ рѣки Плоской-Осокоровки съ лѣвой стороны.

Острова Бѣляевы, Голодаевъ и Песковатый-второй замѣчательны тѣмъ, что на нихъ попадается очень много янтаря, особенно послѣ полой воды; обыкновенная величина находимыхъ здѣсь кусковъ янтаря полтора вершка; попадаются, однако, куски и больше четырехъ вершковъ. Такъ, бывшему владѣльцу Ненасытецкаго порога, теперь умершему В. И. Синельникову, крест доставили однажды кусокъ янтаря въ пять вершковъ велич который отправленъ былъ имъ въ подарокъ извѣстному рус

---

1) Разысканія о началѣ Руси, Москва, 1882, 391.

2) Теперь здѣсь одинъ островъ Бѣляевъ, у лѣваго берега Днѣпр Голодаева.

поэту Г. Р. Державину, состоявшему съ Синельниковымъ въ родствѣ. Державинъ, получивъ подарокъ, писалъ Синельникову, что сдѣлалъ изъ присланнаго янтаря блюдце и чайную чашку. Янтарь, находимый у береговъ названныхъ острововъ, имѣетъ разные оттѣнки: желтый, свѣтложелтый, темнокаричневый, совершенно чистаго вида и съ примѣсями въ видѣ окаменѣлыхъ древесинокъ, различнаго рода насѣкомыхъ и т. п.

Ниже Песковатаго острова слѣдуетъ «Дубовичъ надъ Волнѣгомъ» въ росписи 1697 года, Дубовый на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Дубовъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 3 версты и 364 сажени длины и 367 саженъ наибольшей ширины [1]), иначе сто двадцать десятинъ земли, покрытъ густымъ высокимъ лѣсомъ, исключительно дубовымъ, при раздѣлѣ земель послѣ паденія Запорожья часть острова Дубоваго вмѣстѣ съ землей, гдѣ теперь деревня Войсковая, ниже Ненасытецкаго порога, отдана была полковницѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Синельниковой, женѣ перваго екатеринославскаго губернатора, И. М. Синельникова [2]), другая досталась во владѣніе Милорадовичу; съ тѣхъ поръ и по настоящее время островомъ Дубовымъ владѣютъ два владѣльца. Противъ сѣверной оконечности Дубоваго острова въ гранитной массѣ праваго берега Днѣпра есть пять естественныхъ пещеръ, изъ коихъ четыре носятъ названіе Голубиныхъ, а пятая — Пугачевой; изъ нихъ первая имѣетъ длины двѣ сажени, высоты одну саженъ, отъ уровня воды около трехъ саженъ, а послѣдняя длины одинъ аршинъ, ширины два аршина.

Ниже Дубоваго острова слѣдуютъ Забачъ, два островка Киселевы, на триста саженъ ниже камня Переймы. Диденко, шестьдесятъ саженъ въ окружности. Росчистка и Полтавка, послѣдній сто четырнадцать саженъ длины и тридцать ширины, у входа въ Волниговскій порогъ къ лѣвому берегу Днѣпра. Песковатый противъ камней Саврана, Лошаты и Млиновъ. Червонный, сорокъ двѣ сажени длины и девятнадцать ширины, противъ камня Чер-

---

[1]) По геометрическому спеціальному плану, по плану же 1780 года 4 версты длины, 250 саж. ширины, по атласу 1786 года 3 версты 400 саж. длины и 300 саженъ ширины.

[2]) Изъ фамильныхъ бумагъ XVIII вѣка М. А. Синельниковой.

воннаго и деревни Федоровки, у праваго берега Днѣпра. Осокороватый на планѣ рѣки Днѣпра 1780, полверсты длины и около ста саженъ ширины.

Таволжанскій островъ, иначе Таволжанка, по мѣстному произношенію Тивилжанъ, извѣстный съ этимъ же названіемъ еще Эриху Ласотѣ, а вслѣдъ за нимъ и инженеру Боплану. «Островъ Таволжанскій длиною около двухъ тысячъ, шириною около полутораста шаговъ [1]); онъ весь составленъ изъ скалы, не имѣетъ столько утесовъ, какъ первый (что выше Таволжанскаго). Мѣсто это крѣпко отъ природы и хорошо для житья. Здѣсь растетъ много таволы [2]); это—красное дерево, твердое какъ букъ и имѣющее силу гнать изъ лошадей урину. Изъ него выдѣлываютъ краску для волосъ» [3]) Академикъ Лербергъ даетъ острову Таволжанскому слишкомъ три версты въ длину и отъ ста до двухъ-сотъ саженъ ширины. «Бопланово показаніе мѣры острова такъ много разнится отъ нашего, что разности сей нельзя объяснить однимъ только примѣрнымъ опредѣленіемъ. Поелику въ сихъ мѣстахъ былъ онъ весною, то очень вѣроятно, что часть острова была понята водою» [4]). Видимо названіе свое островъ Таволжанка получилъ отъ растенія «таволги», въ большомъ обиліи произрастающаго на немъ даже и въ настоящее время. Таволгою—spirea crenata—называется «зазубренный лобазникъ», растущій во множествѣ около Днѣпра; вѣтви и листья таволги имѣютъ вяжущую силу и причисляются къ мочегоннымъ растеніямъ; обыкновенно таволга бываетъ бѣлаго цвѣта, но на островѣ Таволжанкѣ она краснаго цвѣта, что легко объясняется самою почвою острова [5]). Мѣстные жители таволгою называютъ особый родъ красной, очень гибкой лозы, производящей жгучую боль на тѣлѣ. Въ козацкихъ думахъ таволгою всегда стегаютъ «баши турецкіе, недовирки христіянскіе» несчастныхъ

---

[1]) На геометрическомъ планѣ 3 версты и 20 саженъ длины, 1 верста и 30 саженъ ширины.

[2]) Оно извѣстно подъ названіемъ «таболгу́» и въ Ферганской области Средней Азіи: Фергана по запискамъ Бабура, СПБ., 1887, 23.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 23.

[4]) Лербергъ, Изслѣдованія, Спб., 1819, 274, 275.

[5]) Лербергъ, Изслѣдованія, Спб., 1819, 275.

плѣнниковъ, захваченныхъ мусульманами на Украйнѣ и прикованныхъ къ турецкимъ галерамъ тяжелыми желѣзными цѣпями:

«Баша́ туре́цькій, басурьма́нській,
Недо̀вирокъ хрестія́нській
По ка̀торзи винъ хо̀де-похожа̀е,
На слу́гы свои, на туркы-янычáры зо̀-зла гука̀е:
Кажу я вамъ, турки-янычáры, добре вы дба̀йте,
Изъ ря́ду до ря́ду захожа̀йте,
По три пучкú терныны та *чередноu тáволы* набирáйте,
Би́дного невóльника по-трúчи въ однимъ мúсци затынайте»...

Въ настоящее время Таволжанскій островъ по краямъ окаймленъ лѣсомъ, а въ срединѣ представляетъ изъ себя прекрасную равнину, по которой кое-гдѣ разбросаны огромныя гранитныя скалы, изъ коихъ самая высокая носитъ названіе Голубиной скели; съ этой Голубиной скели открывается прекрасный и далекій видъ на деревню Августиновку-Смольщу, стоящую у праваго берега Днѣпра, и на самый Днѣпръ, вдоль по направленію отъ юга къ сѣверу противъ теченія воды.

Противъ сѣвернаго конца острова Таволжанки стоитъ островъ Орловъ, триста пятьдесятъ семь саженъ длины и сорокъ двѣ ширины, песчаный, покрытый небольшимъ лѣсомъ.

Противъ южнаго конца Таволжанки стоитъ другой островъ Перунъ, у Лерберга Перновъ, у мѣстныхъ жителей Пѐрунъ или Пѐрень, на новыхъ атласахъ Днѣпра ошибочно называемый Змѣиной скалой; на планѣ Днѣпра Поликарпова 1-го Змѣиный островъ [1]); онъ расположенъ у самаго берега Днѣпра съ лѣвой стороны, какъ разъ противъ балки Таволжанки, идущей къ лѣвому берегу Днѣпра и раздѣляющей самый островъ на двѣ, немного неравныя, половины. Это раздѣленіе острова даетъ полное основаніе думать, что нѣкогда онъ составлялъ одно цѣлое съ лѣвымъ берегомъ рѣки и что на немъ оканчивалось устье балки Таволжанки. Островъ Перунъ протянулся вдоль лѣваго берега Днѣпра, отъ сѣвера къ югу, причемъ въ сѣверной половинѣ онъ гораздо выше, чѣмъ въ южной; длина его сто пятьдесятъ саженъ, ширина въ сѣверной окраинѣ

[1]) Планы рѣки Днѣпра, Спб., 1886, листъ III.

семьдесять пять, въ южной тридцать саженъ; высота при среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, на сѣверной оконечности пятьдесять саженъ, на южной тридцать. Въ общемъ островъ Перунъ похожъ на огромное чудовище, протянувшееся вдоль Днѣпра головой на сѣверъ, хвостомъ на югъ и по срединѣ имѣющее какъ бы перехватъ. По высотѣ это единственный островъ на всемъ Днѣпрѣ. Кромѣ своего названія и исключительной высоты островъ Перунъ замѣчателенъ своей пещерой; она находится въ откосѣ западнаго берега острова и носитъ названіе Зміевой; походитъ, впрочемъ, скорѣе на нору, сдѣланную самой природой, чѣмъ на то, что называется пещерой, имѣетъ длины восемь аршинъ, ширины при самомъ входѣ полтора аршина и высоты отъ двухъ аршинъ до четверти аршина. Кромѣ пещеры, на островѣ Перунѣ, въ лощинѣ, раздѣляющей его на двѣ половины, достоинъ вниманія еще погребъ, стѣны котораго выложены дикимъ камнемъ, длины пять саженъ, ширины три сажени. Кто сдѣлалъ этотъ погребъ и для какой цѣли, указаній на то нѣтъ. Быть можетъ, назначеніе погреба могло бы опредѣлиться послѣ раскопки его, но едва-ли здѣсь возможна раскопка, въ виду того, что погребъ уже разрытъ какими-то кладоискателями. На вопросъ, отчего островъ Перунъ получилъ свое названіе, мѣстные старики отвѣчаютъ преданіемъ, весьма сходнымъ съ тѣмъ, которое занесено на первыя страницы нашей русской лѣтописи о низверженіи св. Владиміромъ истукана бога Перуна, брошеннаго, по повелѣнію князя, въ Днѣпръ послѣ принятія кіевлянами крещенія. «Какъ поплылъ тотъ Перунъ по Днѣпру, такъ дошелъ до самаго острова Тивальжана, тутъ онъ остановился и перекинулся въ небольшой островъ. Оттого тамъ, гдѣ онъ легъ головою, тамъ самая большая на островѣ высота, а тамъ, гдѣ онъ протянулся ногами, тамъ наименьшая на немъ высота». Пещера же въ островѣ Перунѣ носитъ названіе Зміевой потому, что «въ ней змій жилъ, страшенный змій, такой змій, что людей пожиралъ: ухватитъ бывало какую-нибудь людину, притащитъ въ пещеру, да тамъ и сожретъ; отъ этого змія пещера и стала называться Зміевой».

На одну версту ниже острова Таволжанскаго слѣдуетъ островъ Бѣлый на атласѣ Днѣпра 1786 года, 150 саженъ длины и 50 саженъ ширины; въ настоящее время такого острова ни на атлас

части Днѣпра 1863 года, ни на трехверстной картѣ Россіи нѣтъ; на картѣ Днѣпра 1863 года на одну версту ниже Таволжанскаго острова, среди Днѣпра, стоитъ группа 12 камней съ названіемъ Орлиныхъ, противъ Иванъ-Городка, стоящаго съ правой стороны; на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія среди Днѣпра, какъ разъ противъ Иванъ-Городка, поставленъ островъ Орлиная-Стрѣлица; такимъ образомъ выходитъ, что Бѣлый и Орлиная-Стрѣлица—одинъ и тотъ же островъ. Капра [1]) на атласѣ Днѣпра 1786 года на четыреста саженъ ниже острова Бѣлаго у праваго берега Днѣпра, 100 саженъ длины и 50 саженъ ширины; по положенію ему соотвѣтствуетъ безыменный островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года у праваго берега Днѣпра, выше Песковатаго острова. Песковатый островъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, у лѣваго берега Днѣпра, 125 саженъ длины и 30 саженъ ширины- по положенію и по величинѣ ему соотвѣтствуетъ островъ Быстрикъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, стоящій на четыреста пятьдесятъ саженъ ниже Капры и имѣющій 100 саженъ длины и 30 саженъ ширины. Аврамовъ на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года и на трехверстной картѣ Россіи; ему соотвѣтствуетъ безыменный островъ, у праваго берега Днѣпра, противъ Песковатаго и Сторожевого, въ одну линію съ Капрой, 475 саженъ длины и 125 саженъ ширины. Сторожевой на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года; тотчасъ ниже Песковатаго, среди Днѣпра, длины и ширины 65 саженъ. Клобуковскій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, 2 версты длины и 130 саженъ ширины, противъ теперешней деревни Игнатьевки, стоящей съ правой стороны. Кучугурный на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, параллельно оконечности Клобуковскаго острова, къ лѣвому берегу Днѣпра, 250 саженъ длины и 128 саженъ ширины; по положенію и по величинѣ ему соотвѣтствуетъ островъ Орлиный на атласѣ рѣки Днѣпра 1863 года и на трехверстной картѣ Россіи; противъ деревни Игнатьевки были еще два острова: Виноградный [2]) и Шалинскій, несуществующіе, однако, ни на планахъ 1780 и 1786 года, ни на планѣ 1863 года, ни на

---

[1]) Названіе этого острова напоминаетъ собой латинское слово caper—козелъ, а также названіе рѣки Хоперъ.

[2]) 348 саженъ длины и 118 саженъ ширины.

трехверстной картѣ Россіи, но означенные въ экономическихъ примѣчаніяхъ къ екатеринославскому уѣзду [1]): «Деревня Игнатьевка съ островами Виноградным и Шалинскимъ генералъ-маіора Игната Ивановича Гижицкаго» [2]). Макинской или Махинской на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, 174 сажени длины и 61 саж. ширины; расположенъ у самаго берега Днѣпра съ правой стороны противъ устья балки Клобуковской и деревни Бырдиной; повидимому, ему соотвѣтствуетъ или вышеназванный Клобуковскій островъ, или Лозоватый островъ, означенный на трехверстной картѣ и на атласѣ рѣки Днѣпра 1863 года противъ деревни Игнатьевки и балки Бырдиной, у праваго берега Днѣпра, немного выше церкви деревни Бырдиной. Кухаревъ, двѣ версты восемьдесятъ саженъ длины, одна верста и двѣсти семь саженъ ширины, покрытъ прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, заключаетъ въ себѣ двѣсти пятнадцать десятинъ и двѣсти сорокъ восемь саженъ земли, расположенъ противъ Лишняго порога и балки Лишней съ лѣвой стороны. Есть нѣкоторое вѣроятіе видѣть въ козацкомъ островѣ Кухаревѣ островъ Коханный Бѣльскаго и Лукомскаго. «Между иными островами есть тамъ одинъ островъ, который называется Коханымъ, *между пороговъ* на 40 миль ниже Кіева, занимающій нѣсколько миль въ длину. Съ этого острова можно охранять два брода Кременецкій и Кусманскій, которыми посполитые переправляются къ намъ. Есть и другой островъ *близъ того*, называемый Хорчика (т. е. Хортица)» [3]). «Коханъ длиною на нѣсколько миль, лежитъ между порогами, от Киева в сороку миляхъ. На томъ островѣ козаки когда бивало обрѣтаются, то татари, об ихъ тамъ прибиваніи послишавъ, не такъ дерзновенно на тую сторону Днѣпра в Русь и в Полшу для добычи чрезъ броди Кременчуцкій и Кючманскій переправляются, коими бродами свободно бивало переходятъ, когда какого времени на ономъ островѣ козаковъ не биваетъ. А какъ на ономъ островѣ козаки учнутъ опять прибивать, то татарамъ опять препятствуютъ

---

[1]) Въ екатеринославской губернской чертежной, стран. 35.

[2]) Экономическія примѣчанія къ екатеринославскому уѣзду.

[3]) Zbiór pisarsow polskich, Czecs szosta, tom XVIII. Kronika polska M. Bielskiego, W Warszawie, 1832, 192. Кучмань тамъ, гдѣ стоялъ городъ Рашковъ: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 162.

и забороняютъ» [1]). «Между порогами, близь Хортицы» большимъ обитаемымъ островомъ можетъ быть только тотъ изъ островов, который никогда не заливается водой; такихъ острововъ между порогами два—Таволжанскій и Кухаревъ. Быть можетъ, названіе послѣдняго отъ нѣмецкаго слова «Koch», повеликорусски «поваръ», помалорусски «кухарь», и подало поводъ Бѣльскому назвать вмѣсто Кухарева Коханымъ, т. е. островомъ любви («cochac»—«любить»). Какъ кажется, острову Кухареву соотвѣтствуетъ островъ Великій Личный въ росписи 1697 года; близъ него названа балка Личная, теперешняя Лишняя, а противъ Лишней балки изъ великихъ острововъ только и можетъ быть островъ Кухаревъ.

Ниже Кухарева слѣдуютъ острова Лишній, на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, 125 саженъ длины и 65 саженъ ширины; расположенъ у праваго берега Днѣпра между скалъ Лишняго порога. Кленовый на томъ-же планѣ рѣки Днѣпра, 65 саженъ длины и въ половину этого ширины; расположенъ противъ головы острова Гавина. Гавинъ на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, получившій свое названіе отъ малороссійскаго слова «гава», что значитъ «ворона», на атласѣ Днѣпра 1786 года и у Лерберга названный Говеннымъ, 1 верста 410 саженъ длины и 118 сажень ширины, непосредственно ниже острова Кухарева, параллельно Лантуховскому. Лантуховскій островъ свое названіе, по преданію, получившій отъ кошеваго атамана Лантуха; на геометрическомъ спеціальномъ планѣ Днѣпра XVIII вѣка названъ Дубовымъ. «Сельцо Виноградовка съ островомъ Лантуховымъ, Дубовый тожъ, надворнаго совѣтника Михаила Васильева сына Каховскаго» [2]); въ экономическомъ примѣчаніи къ екатеринославскому уѣзду начала текущаго столѣтія названъ Виноградньмъ. «Деревня Игнатьевка съ островами Виноградньмъ и Шалинскимъ генералъ-маіора Игната Ивановича Гижицкаго» [3]); на трехверстной картѣ названъ Виноградньмъ отъ Виноградовки, стоящей на правомъ берегу противъ

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 330.

[2]) Экономическія примѣчанія къ екатеринославскому уѣзду, стр. 36.

[3]) Экономическія примѣчанія къ екатер. уѣзду, въ екатер. губерніи чертежной, стр. 35.

острова [1]). Ржаной на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, 1 верста 100 саженъ длины и 125 саженъ ширины; расположенъ на 250 саженъ ниже Лантуховскаго, въ одну линію съ нимъ; по положенію ему вполнѣ соотвѣтствуетъ Смирный-первый островъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 100 саженъ длины и 25 саженъ ширины. Смирный-второй на атласѣ Днѣпра 1786 года, на сто саженъ ниже Смирнаго-перваго, 100 саженъ длины и 25 саженъ ширины; ему соотвѣтствуетъ островъ Похилый на атласѣ части Днѣпра 1863 года. Пруссовы острова, числомъ три, означенные на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, всѣ три кругомъ имѣющіе одну версту [2]), расположены у самаго берега Днѣпра съ правой стороны, при входѣ въ Вильный порогъ, противъ помѣстья Письмача. Крячиновъ и Скворцевъ на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года по 25 саженъ длины и въ половину этого ширины, принимаемые у нѣкоторыхъ за рѣчные камни.

Далѣе идетъ группа шести острововъ, означенныхъ на геометрическомъ планѣ XVIII вѣка, на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года; изъ нихъ первый 102 сажени длины и 84 ширины, второй 80 саженъ длины и 22 ширины, третій 67 саженъ длины и 33 сажени ширины, четвертый 80 саженъ длины и 33 ширины, пятый 86 саженъ длины и 39 ширины, наконецъ шестой 386 саженъ длины и 110 ширины; на планѣ Днѣпра 1780 года первые три изъ группы шести названы Малышевскими островами, а послѣдній Курисовымъ [3]); на планѣ 1786 года верхній названъ Малымъ-Дубовымъ, длины 70 саженъ ширины 50, нижній—Большимъ-Дубовымъ, длины 1 верста, ширины 120 саженъ; оба въ одну линію одинъ за другимъ, оба бо-

---

[1]) У Зуева, гдѣ-то между Лишнимъ и Вильнымъ порогами, показанъ еще островъ Вильшанный, но въ какомъ именно мѣстѣ—точно нельзя указать: «Далѣе по рѣкѣ (ниже Будиловскаго порога) плаваніе уже можно щитать безопаснымъ, потому что, если и есть гдѣ пороги, такъ, какъ у острова Вильшаннаго, то онѣ простираются не далѣе, какъ отъ берега по сей островъ а по другую однако сторону чисто». Записки, 259.

[2]) Въ губернской чертежной города Екатеринослава.

[3]) На тюркскомъ языкѣ есть слово «куреш»—борьба въ обхватъ и «куриш»—видѣніе; но, можетъ быть, это названіе произошло и отъ новогреческаго слова Κῦρις—господинъ, которое въ какомъ нибудь говорѣ звучитъ «курси».

лѣе къ правому, чѣмъ къ лѣвому берегу. Есть полное основаніе думать, что въ верхнемъ изъ Малышевскихъ островов скрывается островъ, извѣстный у Боплана подъ названіемъ Кашеварницы. «На пушечный выстрѣлъ ниже сего порога—Вильнаго—лежитъ скалистый островъ, названный козаками Кашеварницей, какъ будто для выраженія радости о благополучномъ проходѣ чрезъ пороги: тамъ козаки веселятся и угощаютъ другъ друга обыкновеннымъ своимъ кушаньемъ, кашею» [1]). Это не можетъ быть островъ Кухаревъ, какъ думаетъ г-нъ Бухтѣевъ [2]), очевидно соблазняясь названіемъ послѣдняго острова, близкимъ съ названіемъ Кашеварницы, по той простой причинѣ, что Кухаревъ островъ лежитъ на пять съ половиной верстъ выше Вильнаго порога, тогда какъ Кашеварница помѣщалась Бопланомъ ниже Вильнаго порога на пушечный выстрѣлъ; на пушечный выстрѣлъ, т. е. приблизительно на разстояніе одной версты, ниже Вильнаго порога можетъ быть самый верхній изъ Малышевскихъ островов, а никакъ не Кухаревъ. Есть также полное вѣроятіе думать, что въ томъ-же первомъ изъ Малышевскихъ островов, иначе Кашеварницѣ, скрывается Малый-Дубовый островъ Лерберга или «Дубовый надъ Вольнимъ» порогомъ росписи 1697 года, а въ послѣднемъ изъ трехъ нижнихъ [Курисовомъ—Большой-Дубовый. «Отъ Вильнаго порога Днѣпръ стремится прямо на югъ и имѣетъ ширины то слишкомъ версту, то менѣе. Суда ходятъ подлѣ самаго праваго берега и прежде всего встрѣчаютъ гряду островов, числомъ *шесть*, изъ коихъ самый сѣверный называется Малый-Дубовъ, а самый южный и самый большій, лежащій въ верстѣ отъ порога, Большой-Дубовъ» [3]). Такимъ образомъ, ниже послѣдняго Вильнаго порога до прохода Кичкаса, въ Днѣпрѣ стоитъ шесть болѣе или менѣе значительныхъ островов: три Малышевскихъ и три безыменныхъ; самому сѣверному изъ Малышевскихъ, названному Бопланомъ Кашеварницей, будетъ соотвѣтствовать Малый-Дубовъ Лерберга, самому большему и самому южному, лежащему за Малышевскими островами, на *одну* версту ниже Вильнаго порога, будетъ соотвѣт-

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 23.
[2]) Записки одес. общ. исторіи и древностей, Одесса, 1882, III, 491.
[3]) Лербергъ, Изслѣдованія, Спб., 1819, 277.

ствовать Большой-Дубовъ Лерберга. Въ этомъ легко убѣдиться особенно, если взглянуть на атласъ Днѣпра 1786 года адмирала Пущина и на геометрическій спеціальный планъ прошлаго вѣка: тамъ, гдѣ на планѣ Днѣпра 1780 года стоитъ Мылышевскій-верхній и на одну версту ниже его Курисовъ островъ, на геометрическомъ спеціальномъ и на планѣ Пущина поставлены Малый-Дубовый и Большой-Дубовый. На атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года вся группа *шести* островобъ названа Пурысовыми [1], а на трехверстной картѣ Россіи оставлена безъ названія [2]. Оба острова, Малый-Дубовый и Большой-Дубовый, по окраинамъ скалисты, въ срединѣ песчаны, покрыты лѣсомъ, преимущественно шелюгомъ, осокоремъ и изрѣдка дубомъ, но множество дубовыхъ пней свидѣтельствуетъ, что здѣсь преобладалъ дубъ; между собой они раздѣлены пространствомъ не болѣе, какъ во сто саженъ разстоянія; къ лѣвому берегу Малаго-Дубоваго острова примыкаютъ два маленькихъ островка Малышевскихъ, а къ послѣднему Малышевскому островокъ Явленный. Вся поверхность Малаго-Дубоваго острова усѣяна множествомъ человѣческихъ костей: въ одномъ мѣстѣ валяются руки, въ другомъ торчатъ ноги, въ третьемъ лежатъ черепа, въ пятомъ стоятъ торчмя вмѣстѣ съ зубами челюсти. Особенно много бываетъ костей послѣ полой воды и сильныхъ разливовъ. Что тутъ было—историческихъ данныхъ на то нѣтъ. Вымерли-ли здѣсь отъ голода осажденные непріятелемъ запорожцы, какъ разсказываютъ одни; было-ли здѣсь кладбище запорожскихъ козаковъ, какъ говорятъ другіе; происходила-ли здѣсь жестокая сѣча русскихъ съ турками, какъ повѣтствуютъ третьи—это рѣшительно неизвѣстно. Было бы, конечно, слишкомъ смѣло утверждать, что на этомъ островѣ происходила битва между печенѣжскимъ княземъ Куря и русскимъ княземъ Святославомъ, который, сражаясь въ виду пороговъ со своимъ противникомъ, сложилъ здѣсь свою «чубатую» голову и послужилъ какъ бы прототипомъ также «чубатыхъ» запорожцевъ, уродившихся за порогами Днѣпра.

На $^1/_2$ версты ниже Курисова острова на планѣ рѣки Днѣпра 1780 г. поставленъ островъ Вербовъ, на 450 саженъ ниже Большого-

---

[1]) Атласъ Днѣпра, Спб., 1863 года.

[2]) См. рядъ XVIII, листъ 13.

Дубоваго на атласѣ рѣки Днѣпра 1786 года Вербовый, по первому 1 верста 120 саженъ длины и 125 саженъ ширины, по второму 400 саженъ длины и 100 саженъ ширины; на геометрическомъ планѣ XVIII вѣка названный Пухаловымъ, поставленный здѣсь на 162 сажени отъ Большаго-Дубоваго, теперь выше Кронцвейда; и на атласѣ части Днѣпра 1863 года островомъ Маркусовымъ, на трехверстной картѣ Россіи Дубовымъ, 1 верста 83 сажени длины и 183 сажени ширины. Каменоватый на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, называемый въ настоящее время Голымъ, 1 верста и 120 саженъ ширины, стоитъ у лѣваго берега Днѣпра, съ длинною песчаною отмелью у южнаго конца его. Крячокъ, названный отъ птицы крячка, ниже колоніи Павлокичкасъ, стоящей на лѣвомъ берегу.

Ниже острова Крячка, противъ камня Дзвиныци, въ лѣвомъ берегу Днѣпра, есть большая пещера, носящая названіе Школы, съ огромнымъ навѣсомъ надъ входомъ въ нее; внутри эта пещера состоитъ изъ двухъ корридоровъ, изъ коихъ одинъ идетъ съ сѣвера на югъ параллельно Днѣпру, а другой съ востока на западъ, встрѣчно Днѣпру; на протяженіи девяти аршинъ пещера идетъ сперва съ сѣвера на югъ, имѣя высоты четыре аршина, потомъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ съ востока на западъ и идетъ на протяженіи пяти аршинъ, оканчиваясь отверстіемъ въ берегу Днѣпра и имѣя глубины до двадцати саженъ.

На триста саженъ ниже переправы Кичкаса, противъ урочища Сагайдачнаго, слѣдуетъ островъ Черный [1]), какъ кажется, теперешній Федоришинъ островъ, названный по отчеству его владѣлицы, Анны Федоровны («Федорихи») Маркъ [2]), 193 сажени длины и 46 саженъ ширины. Два безыменныхъ острова противъ сѣверо-западнаго угла острова Хортицы, первый 108 саженъ длины, 29 ширины, второй 280 саженъ длины и 50 ширины. Дубовый на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII столѣтія, 130 саженъ длины и 70 ширины.

Противъ Дубоваго острова стоитъ знаменитый островъ Хор-

---

[1]) Геометрическій спеціальный планъ XVIII вѣка въ губернской чертежной Екатеринослава.

[2]) Иначе Стрѣлицкій. См. Степь, Екатеринославъ, 1886, 15.

тица, у Константина Багрянороднаго (905—959) островъ св. Григорія, получившій свое названіе отъ просвѣтителя Великой Арменіи Григорія, нѣкогда пріѣзжавшаго въ Россію по Днѣпру [1]); въ русскихъ лѣтописяхъ Хортица [2]), Хортичъ, Кортицкій, Городецкій, Ортинскій, Интрскій островъ [3]), у Ласоты и Боплана Хортица [4]), въ Книгѣ Большого Чертежа Хиртица [5]), у польскаго критика Мартина Бѣльскаго, Хорчика [6]), у Зуева и Мышецкаго Хортицъ [7]), въ атласѣ Днѣпра 1786 года адмирала Пущина Хитрицкій островъ [8]), у Ригельмана Хордецкій островъ [9]). Свое названіе островъ Хортица получилъ, по объясненію однихъ, отъ имени древнеславянскаго бога Хорса; по объясненію другихъ, отъ слова «хортъ», т. е. борзая собака, которую наши предки, славяне-язычники, останавливаясь на островѣ ниже пороговъ во время плаванія по Днѣпру «изъ Варягъ въ Царьградъ», могли приносить въ жертву своимъ богамъ [10]). «Прошедъ Крарійскій перевозъ [11]), они, руссы, причаливаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія. На этомъ островѣ они совершаютъ жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ птицъ; также втыкаютъ кругомъ стрѣлы, а другіе кладутъ куски хлѣба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ-же бросаютъ жребій, убивать ли птицъ и ѣсть или оставлять въ живыхъ» [12]). Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы впервые упоминается подъ 1103 годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, шелъ походомъ противъ половцевъ: «И поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и

---

[1]) Профессоръ Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, II, 289.

[2]) Лѣтопись по Никонову списку, Спб., 1791, 273, 274, 293, 308, 309; по Лаврентьевскому списку 267, 271.

[3]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 183, 496.

[4]) Путевыя записки, 1873, 30; Описаніе Украйны, 1832, 24.

[5]) Книга Большаго Чертежа, Москва, 1846, 100.

[6]) Zbior pisarzow polskich, tom XVIII, Warszawa, 1832, 191—193.

[7]) Путешественныя записки, Спб., 1786, 261; Исторія, 68.

[8]) Императорская публичная библіотека, F, IV, 268.

[9]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847, I, [illegible]

[10]) Брунъ, Примѣчанія къ «Путевымъ запискамъ Эриха Ласо[illegible]

[11]) Теперь переправа Кичкасъ, выше острова Хортицы.

[12]) De administrando imper., cap. IX, 74—77; издан. Бон.

сташа впротолчехъ и въ Хортичимъ островѣ» [1]). Изъ русскихъ же лѣтописей узнаемъ, что возлѣ острова Хортицы съѣзжались всѣ главные русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ, къ Калкѣ рѣкѣ. «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру и въидоша в море; бѣ бо людей тысящи, и воидоша в Днѣпръ и возведоша пороги и сташа у рѣкы Хортицѣ на броду у протолчи» [2]). Въ 1556 году на островѣ Хортицѣ подвизался знаменитый князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, въ народныхъ малорусскихъ думахъ козакъ Байда, погибшій мученическою смертью въ Царьградѣ въ 1564 году [3])

Въ 1594 году ѣхавшій мимо Хортицы посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, писалъ о Хортицѣ: «Іюля 4 дня прошли мимо двухъ рѣчекъ, называемыхъ Московками и впадающихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны, до острова Хортицы (Большой Хортицы) 1 миля; островъ этотъ, лежащій на русской сторонѣ, имѣетъ двѣ мили въ длину. И направились ниже къ Малой-Хортицѣ, которая также очень близко къ тому острову (т. е. Большой-Хортицѣ) здѣсь стоялъ замокъ, который построенъ около 30 лѣтъ впередъ Вишневецкимъ и опять разрушенъ турками и татарами» [4]). Нѣсколько позже Ласоты объ этомъ же самомъ вспоминаетъ и польскій историкъ Мартынъ Бѣльскій: «Есть и другой островъ близъ того—Коханаго—называемый Хорчика, на которомъ Вишневецкій передъ этимъ жилъ и татарамъ очень вредилъ, такъ что они не смѣли чрезъ него такъ часто къ намъ вторгаться» [5]). Въ 1620 г. Бопланъ писалъ о Хортицѣ, что островъ этотъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, въ длину имѣетъ болѣе двухъ миль, а въ ширину, съ восточной стороны, около полумили, но къ западу уже и ниже, онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ дубовымъ лѣсомъ [6]). «Сказываютъ, въ то время оной Хортицъ—пишетъ въ 1736—1740 князь Семенъ Мышецкій—

---

[1]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку, Спб., 1871, 183.

[2]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку, Спб., 445—496.

[3]) См. Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1895, II, 21—31

[4]) Tagebuch des Erich Lassota, Halle, 1866, 224.

[5]) Sbiór pisarzow polskiech, Czesc szósta, tom XVIII, Warszawa, 1832, 191—193.

[6]) Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 24.

не былъ островъ, но соединенная степь, а уже потомъ отъ сильныхъ вешнихъ водъ, въ низкихъ мѣстахъ сильною водою прорыло и учинило Хортицкимъ островомъ... А потомъ какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [1]), тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ. Въ 1738 году на ономъ Хортицкомъ островѣ сдѣланъ отъ россіанъ великій ретраншементъ со многими редутами и флешами, на которомъ россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, многое время стояла» [2]).

Кажется, будетъ точнѣе отнести сооруженіе означенныхъ укрѣпленій не къ 1738, а къ 1736 году. «Въ бывшую русскихъ съ турками войну въ 1736 году на островѣ Хортицѣ былъ построенъ знатный ретраншементъ съ линіями *поперекъ* острова, гдѣ и строеніе военныхъ судовъ производилось, но лѣсъ къ тому изъ дальнихъ мѣстъ сверху Днѣпра доставлялся, по притчинѣ имѣющихся на Днѣпрѣ, выше сего острова, въ 60 верстахъ, при Кодацкомъ ретраншементѣ, начавшихся пороговъ, кои внизъ продолженіемъ десять только верстъ до того острова и не дошли» [3]). Цѣль сооруженія подобныхъ укрѣпленій объясняетъ очевидецъ и участникъ русско-турецкихъ войнъ, 1736—1738 годовъ, Христофоръ Германъ Манштейнъ. «Во время похода и полевыхъ дѣйствій 1736 года графъ Минихъ свободное сообщеніе съ Украйною сохранялъ слѣующимъ образомъ: коль скоро войско за границу россійскую выступало на нѣкоторое отдаленіе, то приказывалъ въ извѣстномъ разстояніи дѣлать небольшія земляныя укрѣпленія, такъ что ежели мѣстоположеніе въ разсужденіе дровъ и воды позволяло, одно отъ другого не далѣе было одной или двухъ миль... Въ каждомъ изъ сихъ укрѣпленій оставляли одного чиновника и отъ 10—12 человѣкъ ратниковъ или драгунъ и до 30 козаковъ, а въ большихъ отъ 400—500 строеваго войска и около толикаго же числа козаковъ подъ начальствомъ штабъ-офицера. Сіи разсыпанныя войска

---

[1]) Здѣсь допущена [illegible] ошибка, такъ какъ Сагайдачный умеръ въ 1622 году, 10 [illegible]

[2]) Мышецкій, Истор[illegible] [illegible]ихъ, Одесса, 1852, 68.

[3]) Записки одесскаг[illegible] [illegible]8.

должны были препровождать гонцовъ и заготовлять сѣно въ запасъ... Крѣпосцы весьма полезны были еще и для обозовъ, къ войску слѣдовавшихъ: они тутъ находились въ безопасности отъ всякаго непріятельскаго нападенія и обыкновенно въ одной которой либо изъ нихъ останавливались для ночлега» [1]).

Островъ Хортица и въ настоящее время самый большой и самый величественный изъ всѣхъ многочисленныхъ острововъ на Днѣпрѣ: онъ имѣетъ въ окружности двадцать четыре съ половиной версты и заключаетъ въ себѣ 2.547 десятинъ и 325 саженъ емли; наибольшая высота его, въ сѣверовосточномъ углу, при среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, доходитъ до тридцати саженъ. Въ юговосточной половинѣ островъ Хортица представляетъ изъ себя низкую плавню, покрытую лѣсомъ, изрѣзанную рѣчками, озерами, ериками, лиманами и затопляемую каждую весну водой. Въ сѣверовосточной половинѣ островъ Хортица представляетъ собою степную равнину, въ одинъ уровень съ материкомъ, подходящимъ къ обоимъ берегамъ Днѣпра. Въ сѣверовосточной же оконечности острова, такъ называемой Высшей-Головы, въ лѣвомъ берегу Хортицы, есть пещера, носящая названіе Зміевой; она возвышается отъ уровня воды въ Днѣпрѣ болѣе, чѣмъ на полторы сажени, внутри представляетъ изъ себя просторное углубленіе, наподобіе корридора, длины больше трехъ аршинъ, высоты двѣ сажени, ширины около двухъ аршинъ; ниже пещеры идетъ глубокая яма, въ направленіи отъ сѣвера къ югу, по основанію своему усыпанная пескомъ и набитая колючей травкой якирцами. Свое названіе пещера, по преданію, получила отъ змія, жившаго здѣсь еще при запорожскихъ козакахъ. «Онъ никого не трогалъ, и козаки не боялись его. Бывало, говорятъ, ночью змѣй тотъ какъ засяетъ, какъ засяетъ, такъ и освѣтитъ Днѣпръ. Говорятъ, онъ и не каждую ночь показывался, а такъ въ мѣсяцъ, или недѣли въ три разъ, и все около пещеры, которую и теперь называютъ Зміевой» [2]). Берега острова Хортицы изрѣзаны двѣнадцатью балками, получившими свои названія частію отъ запорожцевъ, частію

---

[1]) Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 215—215.

[2]) Новицкій, Народныя преданія. Екатеринослав. губерн. вѣдомости, 1889, 8 апрѣля.

частію - же отъ колонистовъ нѣмцевъ; таковы, начиная въ Старомъ - Днѣпрѣ отъ Высшей - Головы: Музычина, Довалева, Громушина, Генералка, Широкая, Корнетовская, Ко́рніева, Липова, Сапожникова, Шанцевая, Дубовая и Совутина, получившая свое названіе, по преданію, отъ запорожца Совуты, жившаго въ пещерѣ и выходившаго на свѣтъ божій только по ночамъ. Изъ скалъ здѣсь замѣчательны особенно двѣ: Думна и Вошива; на первой запорожцы часто думу думали, на второй запорожская голота вшей била; изъ урочищъ замѣчательна Царская пристань, получившая свое названіе отъ царскихъ судовъ, нѣкогда стоявшихъ здѣсь [1]).

Отъ пребыванія на островѣ Хортицѣ запорожскихъ козаковъ въ настоящее время сохранились четыре кладбища въ сѣверной части острова; что касается до земляныхъ укрѣпленій, то едва-ли ихъ возможно отнести къ укрѣпленіямъ Д. И. Вишневецкаго: имѣя у себя ничтожное число войскъ, какія нибудь сотни козаковъ, стрѣльцовъ да боярскихъ дѣтей, едва-ли онъ могъ располагаться съ ними на огромномъ, въ двадцать пять верстъ кругомъ, островѣ; ему удобнѣе было засѣсть на островѣ гораздо меньшихъ размѣровъ, какова Малая-Хортица, какъ въ томъ насъ убѣждаетъ и близкій очевидецъ событія, Эрихъ Ласота; уцѣлѣвшія же до настоящаго времени укрѣпленія на островѣ Большой-Хортицѣ всего естественнѣе отнести къ сооруженіямъ русскихъ войскъ во время русско-турецкой войны въ 1736 году; они протянуты *поперекъ* острова, точно также, какъ и тѣ, которыя сооружены были въ 1736 г. Самая величина и сложность укрѣпленій не позволяютъ приписать ихъ дѣлу рукъ князя Вишневецкаго: если растянуть въ одну линію всѣ траншеи сѣверной оконечности острова и къ нимъ приложить траншеи средней части, то получимъ линію болѣе, чѣмъ въ четыре съ половиной версты вмѣстѣ взятыхъ траншей; къ этому нужно прибавить еще восемнадцать редутовъ, въ коихъ каждая сторона равняется шести саженямъ [2]). Очевидно, на сооруженіе подобныхъ укрѣп[illegible] требовалось немало времени, да и немало силъ.

---

[1]) Професcоръ Брунъ, Чер[illegible]

[2]) Объ укрѣпленіяхъ см. [illegible], I, 127, 232.

Въ настоящее время островъ Хортица принадлежитъ нѣмцамъ-колонистамъ, выходцамъ изъ Данцига, поселившимся здѣсь черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Сичи (1775—1789).

Параллельно острову Большой-Хортицѣ лежитъ Малая-Хортица, на атласѣ Днѣпра Пущина Вырва, теперь, по принадлежности нѣмцамъ колоніи Канцеровки, называемая Канцерскимъ островомъ. Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Малая-Хортица достойна вниманія потому, что на ней именно и отсиживался знаменитый князь Димитрій Вишневецкій въ борьбѣ съ крымскимъ ханомъ Девлетъ Гераемъ. Какъ семь-восемь лѣтъ тому назадъ мы отождествляли островъ Малую-Хортицу съ островомъ Вырвой XVIII вѣка или Канцерскимъ настоящаго времени, такъ остаемся при томъ же и теперь, не смотря на возраженіе, представленное намъ по этому поводу [1]. Для точнаго и подлиннаго указанія мѣстонахожденія острова Малой-Хортицы нужно обращаться не къ русскимъ переводамъ Дневника Ласоты (г-на Бруна и г-жи Мельникъ), а къ нѣмецкому подлиннику, и тогда можно увидѣть, что подъ Малой-Хортицей нужно разумѣть дѣйствительно островъ Вырву или Канцерской, находящійся въ Старомъ Днѣпрѣ, противъ средины острова Большой-Хортицы, а не такъ называемой «степокъ», на 6 верстъ выше Верхней Головы острова Большой-Хортицы, какъ думаетъ, напримѣръ, г-нъ Падалка. Въ подлинникѣ на этотъ счетъ говорится слѣдующее: «Den 4 Iuli für zwei Wasserlein Moskobky genent so zur Tatterischen seiten in Nepr komomen, bis an die Insell Chorticza, 1 Mill. Nach der leng dieser Insell an der Reissischen seiten, 2 Mil. Und unterhalb der kleinen Chorticza, so auch eine Insell zunegst daran (darauf das schloss gestanden, so etwan vor dreissig Jahren der Wissnioweczki, gebawet, undt von Turken und Tattern wiederumb zerstört worden, angelendet), bei dieser Insel rinnen von der Reissischen seiten, drei Wasserlein, so alle Corcicza genennet werden, in Nepr, Undt haben wir unser Pferd, so alda in der Insel auf der Weldt gewesen, hiniber auf die Reissische Seiten geschwemmet, auch selbst

[1] По вопросу о существованіи запорожской Сѣчи, Л. Падалки, Кіевская Старина, 1894, XLV, май.

hernach gefahren, und alda am Ufer über Nacht geblieben [1])». По русски это буквально значитъ слѣдующее: «Іюля 4 дня прошли мимо двухъ рѣчекъ, называемыхъ Московками и впадающихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны; до острова Хортицы 1 миля [2]); островъ этотъ, лежащій на русской сторонѣ, имѣетъ двѣ мили въ длину. И направились ниже къ Малой-Хортицѣ [3]), который также очень близко [4]) къ тому острову (т. е. Большой-Хортицѣ). Здѣсь стоялъ замокъ, который построенъ около 30 лѣтъ Вишневецкимъ и опять разрушенъ турками и татарами. У этого [5]) острова (т. е. Малой-Хортицы) впадаютъ въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами, и отъ которыхъ оба острова получили свое названіе. Къ вечеру мы переправили вплавь нашихъ лошадей, на русскую сторону, которыя паслись на островѣ, потомъ поплыли также сами и на берегу провели ночь». Изъ приведеннаго мѣста видно, прежде всего, то, что Малая-Хортица находилась «очень близко» или «подлѣ» Большой-Хортицы. «Очень близко» или «подлѣ» Большой-Хортицы, въ Старомъ Днѣпрѣ, есть высокій и скалистый островъ съ остатками древнихъ земляныхъ укрѣпленій, Вырва или Канцерской островъ, которому ближе всего и должно быть Малою-Хортицею. Если-же относить Малую-Хортицу за теперешнюю колонію Кичкасъ, т. е. на 6—7 верстъ отъ Верхней-Головы острова, то это уже не будетъ «очень близко» Большой-Хортицы. Затѣмъ въ подлинномъ текстѣ Дневника показано, что «у (bei) Малой-Хортицы» впадали въ Днѣпръ три рѣчки Хортицы, а эти Хортицы (Верхняя, Средняя и Нижняя) по плану рѣки Днѣпра Исленьева 1779 года впадаютъ въ Старый Днѣпръ противъ острова Большой-Хортицы, причемъ, Нижняя—ниже острова Вырвы, Средняя—какъ разъ противъ Вырвы, а Верхняя—нѣсколько выше Вырвы; слѣдова-

---

1) Tagebuch des Erich Lassota, Halle, 1866, 224.

2) То есть до острова Большой-Хортицы.

3) Въ русскомъ переводѣ г-жи Мельникъ «пристали къ берегу пон[illegible] острова Малой-Хортицы».

4) Zunegst—очень близко, подлѣ; въ русскомъ переводѣ г-жи Ме[illegible] «невдалекѣ».

5) Въ подлинникѣ «bei», т. е. у, возлѣ; въ русс[illegible]еводѣ Ме[illegible] «возлѣ».

тельно Кичкасъ здѣсь остается ни причемъ, такъ какъ всѣ три рѣчки Хортицы впадаютъ ниже верхней части Большой-Хортицы и еще ниже Кичкаса. Отсюда полное вѣроятіе думать, что Вырва и Малая Хортица одинъ и тотъ же островъ. Наконецъ, самымъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что Вырва и Малая-Хортица есть одинъ и тотъ же островъ ,служитъ указаніе двухъ рукописныхъ плановъ, находящихся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ папкѣ подъ названіемъ «Екатеринославкая губернія». На одномъ изъ этихъ плановъ (№ 17), сочиненномъ геодезистомъ Иваномъ Елагинымъ и изображающимъ спеціально островъ Большую Хортицу и за нимъ другой островъ, теперешнюю Вырву, противъ этой, послѣдней написано: «Планъ запорожскоі верфи, которая стоитъ венералной картѣ, такъ и всемъ плане подъ литерою В». На другомъ планѣ (№ 18), носящемъ названіе «Карты частей реки Днѣпра и Азовскаго моря» противъ теперешняго острова Вырвы поставлена надпись: «Запорожская верфь или Малая-Хортица».

Движеніе Ласоты по Днѣпру мнѣ представляется въ такомъ видѣ: поднимаясь отъ острова Базавлука вверхъ по рѣкѣ, онъ приблизился до острова Большой-Хортицы, направился по Новому Днѣпру, по которому даже въ XVIII вѣкѣ шли всѣ рѣчныя суда, и тутъ поднялся до Верхней Головы острова Большой-Хортицы, потомъ повернулъ налѣво въ Старый Днѣпръ, присталъ къ острову Малой-Хортицѣ, выкормилъ на немъ лошадей, потомъ перебрался на русскій или правый берегъ Днѣпра и оттуда пошелъ въ степь. Да и зачѣмъ было Ласотѣ дѣлать лишнее разстояніе до Кичкаса и далѣе до теперешняго «степка» когда, онъ могъ отдохнуть въ Старомъ Днѣпрѣ, противъ Большой-Хортицы, на маленькомъ, глухомъ и закрытомъ большимъ и малодоступнымъ островомъ, островкѣ Малой-Хортицы, и оттуда уже выбраться въ степь. Если сравнить положеніе Вырвы съ положеніемъ «степка», то ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить, чтобы Вишневецкій выбралъ такое открытое и ничѣмъ незащищенное мѣсто для своего «замка», какъ «степокъ». Другое дѣло островъ Вырва: онъ сидитъ въ Днѣпрѣ, точно орлиное гнѣздо на едва приступной скалѣ. Въ виду этихъ соображеній нѣтъ никакихъ основаній искать острова Малой-Хортицы выше колоніи Кичкаса, а нужно пріурочить ее къ острову

Вырвѣ, какъ онъ называется на атласѣ Днѣпра адмирала Пущина 1786 года, или Канцерскому, какъ онъ теперь именуется нѣмецкими колонистами колоніи Канцеровки. Намъ кажется, что если-бы г-нъ Падалка имѣлъ подъ рукой нѣмецкій подлинникъ Дневника Ласоты и вчитался повнимательнѣе въ него, то едва-ли бы онъ сталъ искать островъ Малой-Хортицы тамъ, гдѣ его вовсе не подобало искать.

По разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, Малая-Хортица назадъ нѣсколько лѣтъ меньше была, чѣмъ въ настоящее время,— это была скала съ крѣпостью, за ней отъ праваго берега былъ тиховодъ, входившій въ устье балочки; этотъ тиховодъ служилъ пристанью для запорожскихъ казаковъ, куда они заводили свои байдаки; одно время здѣсь стояли и царскія суда; если покопать на островѣ землю, то тамъ можно и въ настоящее время найти остатки запорожскихъ и царскихъ суденъ, а изъ воды можно доставать и ружья, и сабли, и всякое другое желѣзо [1]). Малая-Хортица находится въ такъ называемомъ Рѣчищѣ или Староиъ Днѣпрѣ, на двѣ съ половиной версты ниже сѣверозападнаго угла Большой-Хортицы, на версту ниже Царской пристани, и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой. По своему положенію островъ дѣлится на двѣ половины: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, недавняго происхожденія, и возвышенную, поросшую травой, на востокѣ. Всей земли подъ Малой-Хортицей— двѣнадцать десятинъ и тысяча двѣсти квадратныхъ саженъ; западный и южный края острова отлоги, восточный и уголъ сѣвернаго возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны, до семи саженъ высоты отъ уровня воды при средней ея нормѣ. Возвышенная часть острова имѣетъ укрѣпленія вдоль сѣверной, южной и западной окраинъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпанными около нихъ валами, отъ двухъ до трехъ саженъ высоты; въ общемъ укрѣпленія имѣютъ видъ подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣютъ по сорока саженъ, а западная пятьдесятъ шесть съ пропускомъ въ три сажени для въѣзда; внутри укрѣпленія выкопаны двадцать пять ямъ, по которымъ въ настоящее время растутъ деревья [2]). По опредѣленію спеціалистовъ военнаго дѣла,

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 217.

[2]) Эварницкій, Запорожье, Спб., 1888, I, стр. 218. См. планъ укрѣпленія

укрѣпленія Малой-Хортицы представляютъ изъ себя такъ называемый реданъ съ флангами, закрытой горжей и траверсами, направленный вверхъ противъ теченія для защиты Днѣпра; по внѣшнему виду это укрѣпленіе дѣйствительно похоже на «замокъ», какъ его называетъ Эрихъ Ласота.

Ниже Малой-Хортицы слѣдуетъ островъ Песчаный, одна верста сто тридцать семь саженъ длины и триста тридцать три ширины, у лѣваго берега Днѣприща, противъ рѣчки Нижней-Хортицы, означенный на геометрическомъ планѣ XVIII вѣка. Въ Новомъ-Днѣпрѣ, какъ разъ противъ поперечныхъ укрѣпленій на островѣ Хортицѣ, противъ землянаго укрѣпленія на лѣвомъ берегу Днѣпра выше Александровска и противъ устья рѣчки Сухой-Московки, стоялъ нѣкогда Большой-Дубовый островъ, имѣвшій одну версту, 240 саженъ длины, 60 ширины [1]), или шестьдесятъ четыре десятины земли; онъ былъ покрытъ дубами, дикими грушами, на немъ стояла водяная мельница, шинокъ, но все это въ 1845 году, послѣ сильной вешней воды, унесено было внизъ по теченію рѣки, а о самомъ островѣ осталось лишь воспоминаніе старожиловъ. Вырва, означенный на геометрическомъ планѣ XVIII вѣка и на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года параллельно Большому-Дубовому, $2^1/_2$ версты длины и 250 саженъ ширины. Розстебинъ, въ Новомъ-Днѣпрѣ, противъ села Вознесенки или Нешкребивки, длины $^1/_2$ версты, ширины $^1/_3$ версты, низменный, песчаный, покрытый густою, высокою лозой. Дубовый на планѣ рѣки Днѣпра 1780 г., 1 верста 165 саженъ длины и 125 саженъ ширины, расположенъ ниже устья рѣчки Мокрой-Московки. Старикъ, тотчасъ ниже южнаго конца острова Хортицы, противъ вѣтокъ Кушугума и Заклятой, у лѣваго берега Днѣпра, слѣва охватывается вѣткой Старикомъ, справа—Днѣпромъ; длины, двѣ съ половиной версты, ширины одна верста. Видимо это тотъ самый безыменный островъ, о которомъ упоминаетъ Эрихъ Ласота, помѣщая его ниже двухъ рѣчекъ Московокъ [2]). Чернечій на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года,

---

1) Такъ означенъ онъ на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка; на планѣ 1780 года 2 версты длины, около 150 саженъ ширины; на атласѣ 1786 года 750 саж. длины и 200 саж. ширины.

2) Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 53.

$^1/_2$ версты длины, около 140 саженъ ширины, на одну версту ниже южнаго конца острова Хортицы. Дубовый-Градъ въ запискахъ Эриха Ласоты, теперь именуемый Насыпнымъ, ниже вѣтки Бандурки, противъ вѣтокъ Домахи и Мирошника и села Балабино-Петровскаго, къ лѣвому берегу Днѣпра, длины около пяти верстъ, ширины менѣе версты, покрытъ дубовымъ лѣсомъ, отъ котораго и получилъ свое названіе. «Мы шли передъ другимъ островомъ, Дубовый-Градъ, такъ названнымъ по большому дубовому лѣсу» [1]). Великій островъ въ сочиненіи Боплана, имѣвшій около двухъ миль, вся поверхность его, за исключеніемъ пространства въ 1.500 или 2.000 шаговъ въ поперечникѣ, затоплялась водой; противъ него съ татарской стороны падала въ Днѣпръ рѣка Конка [2]). Очевидно этому Великому острову соотвѣтствуетъ Луговой островъ, означенный на картѣ XVIII вѣка Риччи Занони, съ укрѣпленіемъ въ сѣверной головѣ его; вершина его начинается противъ рѣчки Кушугума («Kundrutz»), а конецъ противъ Плетеницкаго лимана («Liman Pleteniskoy»). Коневской на атласѣ Днѣпра 1780 года, 1 верста длины и 150 саженъ ширины, противъ балки Коневской и хутора Разумовскаго, съ правой стороны, и вѣтки Рѣчища съ лѣвой. Высшій-Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, теперь Крутоярскій противъ урочища и балки Крутаго-Яра съ правой стороны, 1 верста 100 саж. длины и 200 саженъ ширины; покрытъ лѣсомъ, между которымъ есть три живописнѣйшихъ озера, обилующихъ рыбою и множествомъ дичи; принадлежитъ владѣльцу Бѣленькаго, П. М. Миклашевскому. Наливачъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года, Неналивачъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, по первому $2^1/_2$ версты длины и $1^1/_2$ версты ширины, по второму 3 версты 50 саж. длины и 300 саженъ ширины. Поседенъ, (вѣроятно Просередъ), означенный на геометрическомъ специальномъ планѣ и на атласѣ Днѣпра 1786 года. Низшій-Просередъ параллельно южному концу Наливача, 550 саженъ ширины; какъ кажется, ему соотвѣтствуетъ Бѣляевъ («Бѣлеювъ») островъ росписи 1697 года. Маринчинъ или Солдатскій, кругомъ триста саженъ, образовавшійся всего лѣтъ 15 или 20 тому назадъ; еще въ недавнее время къ этомуострову можно

---

[1]) Лясота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 53.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1732, 25.

было свободно ходить съ берега материка; вдова-солдатка Марина, живущая у самаго конца села Бѣленькаго, часто ходила на этотъ островъ собирать дрова, отъ этого островъ и прозвали Маринчинымъ или Солдатскимъ. Никоновскій, кругомъ сто саженъ, ежегодно смываемый; находится противъ заборы Никоновской, деревни Новой-Слободки, иначе Портъ-Мишеля, и вѣтки Музурмана съ лѣвой стороны. Риканскій на атласѣ Днѣпра 1786 года, на трехверстной картѣ Рыбачій, теперь Табунцовъ, 400 саженъ длины и 150 саженъ ширины; расположенъ среди Днѣпра, ниже устья вѣтокъ Лопушки Клокунки и села Бѣленькаго, покрытъ прекраснымъ лѣсомъ; какъ кажется, ему соотвѣтствуетъ островъ Бѣлый, росписи 1697 года; Пушинный, раздѣленный на на три части: Хвостовъ, Пушинный и Заломный; такъ называются они въ межевой записи 1788 года [1], «противъ небольшаго оврага, урочища Заломовъ и балки Пушинной»; второму изъ нихъ соотвѣтствуетъ на планѣ рѣки Днѣпра 1780 года островъ Просередъ, 2 версты 200 саженъ длины и 1 верста ширины [2]); послѣднему изъ нихъ соотвѣтствуетъ па атласѣ Днѣпра 1786 года островъ Выше-Залома, 1 верста 400 саженъ длины и 50 саженъ ширины. Насыпной, на двѣ версты ниже балки Червонной, принадлежитъ владѣльцу села Выше-Тарасовки, А. П. Струкову. Обрѣзной, около полуторы версты кругомъ, покрытъ лѣсомъ, образовался всего лѣтъ тридцать тому назадъ «до воли». Струковъ отдѣленный отъ Днѣпра широкимъ «прорѣзомъ» и насыпанный также всего лѣтъ тридцать тому назадъ; къ нижней оконечности его примыкаетъ песчаная коса, около полуверсты длины. Великій, тотчасъ за косой, примыкающей къ острову Струкову, означенный на атласѣ Днѣпра 1786 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, по первому 1 верста длины и до 200 саженъ ширины, по второму одна верста 60 саженъ длины и 155 саженъ ширины; расположенъ у лѣваго берега Днѣпра срединою какъ разъ противъ устья рѣчки Тараса; покрытъ прекраснымъ лѣсомъ, насыпанъ «еще за запорожскихъ козаковъ». Тарасовскій въ рос-

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца Бѣленькаго, М. И. Миклашевскаго.

[2]) Островомъ Просередомъ выше устья Червонной балки кончаются острова «Плана части рѣки Днѣпра 1780 года».

писи 1697 года параллельно Великому, отдѣленъ отъ Великаго «прорѣзомъ»; кругомъ около полуверсты, образовался еще «за запорожскихъ козаковъ; расположенъ сѣверной вершиной своей какъ разъ противъ правой вѣтки Ненажоры и лѣвой Плетенихи. Клейновскій, иначе Архангельскій, на геометрическомъ спеціальномъ планѣ, 1 верста 18 саженъ длины и 135 саженъ ширины, на шесть верстъ выше острова Цикавина, между лѣвыми вѣтками Перебоемъ и Бугаемъ. Стрѣлка на томъ же планѣ, 462 сажени длины и 136 саженъ ширины, на двѣ съ половиною версты выше Цикавина. Цикавинъ, на томъ же планѣ, 1 верста и 354 сажени длины и 250 ширины, отдѣленъ отъ материка протокомъ Старикомъ и названъ, по преданію, отъ какого-то запорожца Цикаваго. Крючекъ, названный по фамиліи рыбака Крючка, 1/2 версты длины и 100 саженъ ширины. Насыпной, принадлежащій владѣльцу И. М. Яковлеву, и потому называемый иначе Яковлевскимъ. Гійный, на геометрическомъ планѣ Гейнъ, съ востока и запада отдѣляется отъ плавенъ вѣткою Рябкомъ, которая далѣе къ югу переходитъ въ вѣтку Большую-Перебоину, а у южнаго конца острова въ вѣтку Днѣприще; длины болѣе двухъ верстъ, ширины одна верста, покрытъ прекраснымъ лѣсомъ и при малой водѣ раздѣляется на три острова, что даетъ поводъ многимъ принимать одинъ островъ за три; затопляется весной только въ большую воду Въ шести верстахъ выше него стоитъ село Ивановское-Синельниково, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда, составляя собственность казенныхъ крестьянъ села Томаковки. Островъ Гійный на многихъ планахъ и атласахъ Днѣпра называется Томаковскимъ островомъ. Шелковой, среди Днѣпра, называемый Обрѣзнымъ или Спорнымъ, длины верста, ширины менѣе полуверсты. Вырвачъ, меньше Шелковаго, оторванъ отъ праваго берега Днѣпра въ 1877 году, стоитъ противъ села Гологрушевки. Кругликъ, съ сѣвера омывается вѣткой Темрюкомъ, съ востока Конкой, съ юга Рябкомъ, а съ запада Днѣпромъ; до 2 верстъ длины и 335 саженъ ширины; увеличиваясь съ каждымъ годомъ въ длину и уменьшаясь въ ширину, въ настоящее время Кругликъ сдѣлался похожимъ скорѣе на полуостровъ, чѣмъ на островъ. Варавинъ, на атласѣ Днѣпра 1786 года Вараринъ, 2 версты длины и 400 саженъ ширины, съ востока охватывается

вѣткой Рябкомъ, съ запада Конкой съ сѣверовостока Днѣпромъ; Варавинъ, какъ и Гійный островъ, затопляется весной только въ большую воду, также покрытъ большимъ лѣсомъ и также принадлежитъ казеннымъ крестьянамъ села Томаковки, которые имѣютъ на немъ лѣсную сторожку и отъ которыхъ островъ называется Томаковскимъ. Бабичевъ, названный отъ перваго осадчаго слободы Гологрушевки, полковаго асаула Степана Ѳедоровича Бабичева, подвизавшагося здѣсь около 1780 года, называемый иначе Тимчихинымъ, отъ владѣлицы «Тимчихи»; стоитъ противъ слободы Гологрушевки. Третьяковъ, противъ урочища Великая-Пуща съ правой стороны и села Подовки съ лѣвой. Подовскій, противъ вторичнаго впаденія Конки въ Днѣпръ. Красный, между Днѣпромъ и Большимъ-Днѣприщемъ, противъ вѣтки Быстрика съ съ правой стороны и вѣтки Конки [1]) съ лѣвой, длины двѣ съ половиной, ширины полторы версты.

На картѣ Риччи Заннони 1772 года на пространствѣ Днѣпра между Каменнымъ-Затономъ и Микитинской переправой, поставлены одинъ за другимъ три острова: Соленый (Slone), Покойный и Святой; пріурочить ихъ къ теперешнимъ островамъ нѣтъ никакой возможности; быть можетъ, послѣднему соотвѣтствуетъ настоящій островъ Круглый, противъ вѣтки Святой съ лѣвой стороны.

На восемь верстъ отъ Краснаго острова къ сѣверу, противъ села Черныщовки или Красногригорьевки и ея выселка Матни, екатеринославскаго уѣзда, стоитъ большой островъ Томаковка. Томаковка, Бучки, Буцкій, Днѣпровскій островъ, Городище въ исторіи запорожскихъ козаковъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ уже въ XVI вѣкѣ считался главнымъ центромъ козацкихъ поселеній на низовьяхъ Днѣпра. Въ 1583 году на островъ Томаковку прибылъ Самоилъ Зборовскій въ сопровожденіи низовыхъ козаковъ, гдѣ они обыкновенно проживали. Этотъ островъ, по словамъ Папроцкаго, былъ такъ обширенъ, что на немъ можно было проживать двадцати тысячамъ людей и немалому количеству коней. На немъ было большое, обильное рыбой, озеро. На островѣ Томаковкѣ Зборовскій былъ встрѣченъ низовыми козаками и выбранъ

---

1) На трехверстной картѣ Россіи названа Переваломъ, рядъ XXVIII, листъ 13.

ими гетманомъ. Папроцкій не называетъ острова Томаковки запорожскою Сѣчью, а опредѣляетъ его «мѣстомъ, гдѣ козаки проживали» [1]). Объ островѣ Томаковкѣ впервые упоминаетъ, не называя, впрочемъ, его по имени, Эрихъ Ласота. «Мы миновали три рѣчки, именуемыя Томаковками, которыя текутъ въ Днѣпръ съ русской стороны и впадаютъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится значительный островъ N» [2]). Далѣе о Томаковкѣ говоритъ и Бопланъ. «Островъ Томаковка высокій и почти круглый, имѣетъ видъ полушара, поперечникъ его не болѣе одной трети мили, весь покрытъ лѣсомъ; съ вершины его можно видѣть Днѣпръ отъ самой Хортицы до Тавани [3]). Я могъ получить свѣдѣніе объ однихъ берегахъ сего прекраснаго острова, который лежитъ ближе къ русскому, нежели татарскому берегу» [4]). Вслѣдъ за Бопланомъ островъ Томаковку называетъ и польскій историкъ Мартынъ Бѣльскій «Есть и третій такой (островъ на Днѣпрѣ), который называется Томаковка, на которомъ большею частью низовые козаки мѣшкаютъ, такъ какъ это было для нихъ самое лучшее укрѣпленіе. Противъ него впадаютъ въ Днѣпръ двѣ рѣки: Тысмень и Фесынъ, которыя вытекаютъ изъ Чернаго лѣса» [5]). Князь Мышецкій утверждаетъ, что на островѣ Томаковкѣ имѣлась запорожская Сича, «гдѣ и нынѣ тутъ знатное городище» [6]). Указанія Мышецкаго, тамъ гдѣ онъ касается фактической исторіи запорожскихъ козаковъ, а не внутренняго быта ихъ, не заслуживаютъ довѣрія и могутъ быть оставляемы безъ вниманія. Польскіе писатели XVI вѣка, Папроцкій и Мартинъ Бѣльскій, не даютъ острову Томаковкѣ названія Сичи и въ данномъ случаѣ имъ нужно отдать предпочтеніе передъ кн. Мышецкимъ. Въ половинѣ XVII вѣка Томаковка была уже пустыннымъ островомъ, на которомъ находили пріютъ разныя лица, искавшія себѣ простора или укрывавшіяся отъ своихъ преслѣдователей. Такъ, на островъ То-

---

[1]) Paprocki, Panosza rycerstwa polskiego, Krakow, 1584, 103—112.

[2]) Эрихъ Ласота, путевыя записки, Одесса, 1873, 52, 83.

[3]) Рѣшительная неправда. Это значитъ видѣть съ одной стороны за 50, съ другой за 150 верстъ.

[4]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб. 1832, 25.

[5]) Kronika polska Marc. Bielskiego, W Warszawie, 1836, 193.

[6]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 69.

маковку въ 1647 году, 1 декабря бѣжалъ изъ тюрьмы села Бужина Богданъ Хмельницкій съ своимъ сыномъ Тимоѳеемъ, отъ преслѣдованія польскихъ властей; здѣсь-же произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго съ Иваномъ Хмельницкимъ, посломъ коронпаго гетмана Польши, Николая Потоцкаго; посолъ убѣждалъ Хмельницкаго не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться ня родину: «Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что и волосъ не спадетъ съ вашей головы» [1]). Спустя годъ послѣ этого, одинъ изъ польскихъ начальниковъ, отъ 2 апрѣля, 1648 года, доносилъ въ столицу Польши: «Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ, отъ берега на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки» [2]).

Томаковка, по толкованію проф. Шерцля, получила свое названіе отъ татарскаго слова «тумак», что значитъ шапка; по толкованію же проф. Корша, отъ «тамак»-горло, устье. Хотя первое, объясненіе и имѣетъ за собой вѣроятность, потому Томаковка имѣетъ въ общемъ сходство съ шапкой, за то и второе объясненіе не лишено основачія, такъ какъ островъ Томаковка занимаетъ положеніе, гдѣ сходятся устья четырехъ рѣчекъ. Въ старину, по разсказамъ старожиловъ, онъ былъ покрытъ огромнымъ лѣсомъ; по окраинамъ его росли высокія груши, а въ самой серединѣ «гойдався высокій-превысокій дубъ». Эти разсказы совершенно совпадаютъ съ свидѣтельствомъ Боплана. Островъ Томаковка стоитъ среди низменной плавни и со всѣхъ сторонъ охватывается рѣками и рѣчками. Съ юга и югозапада къ нему подходитъ Рѣчище, которое взялось изъ правой вѣтки Днѣпра, Бугая, подъ Гологрушевкою, и течетъ отъ востока къ западу на протяженіи десяти верстъ, концомъ своего теченія касается острова Томаковки и потомъ падаетъ ниже острова въ Чернышовскій лиманъ. Съ востока надъ островомъ извивается рѣка Ревунъ, которая отдѣляется отъ Рѣчища у юговосточнаго угла острова, идетъ по-надъ восточнымъ берегомъ, слѣва принимаетъ въ себя рѣчку Ревунча, до че-

---

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 251, 256. Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 219.

[2]) Памятники кіевской коммисіи, I, отдѣленіе III 18.

тырехъ саженъ ширины: затѣмъ, дойдя до средины острова, самъ Ревунъ раздѣляется на двѣ вѣтви: главная вѣтвь, съ тѣмъ же названіемъ Ревуна, идетъ далѣе на сѣверъ по-надъ самымъ островомъ; другая направляется вправо плавнями и называется здѣсь Быстрикомъ или Ревунцомъ; отойдя немного къ востоку отъ острова, этотъ Быстрикъ или Ревунецъ принимаетъ въ себя степную рѣку Томаковку, которая, взявшись далеко сѣвернѣе острова, пробѣгаетъ степью шестьдесятъ верстъ черезъ земли крестьянъ и различныхъ владѣльцевъ и подъ конецъ соединяется съ Быстрикомъ противъ сѣверной окраины острова, подъ Матней, выселкомъ села Чернышовки, у самаго двора крестьянина Ивана Николаевича Пшеничнаго. Съ сѣвера по-надъ островомъ Томаковкою идутъ тотъ же Быстрикъ, принявшій въ себя Томаковку и снова соединившійся съ Ревуномъ, и тотъ же Ревунъ, вышедшій изъ Рѣчища. Съ запада къ Томаковкѣ примыкаетъ большой лиманъ Чернышовскій, принимающій въ себя съ одной стороны при посредствѣ Гнилой Ревунъ, съ другой Рѣчище. Ко всему этому, между означенными рѣчками и островомъ, къ Томаковкѣ примыкаютъ еще три большія озера: Соломчино на югѣ, Калиноватое на юговостокѣ и Спичино на сѣверѣ. Рѣки, охватывающія островъ Томаковку, особенно Рѣчище, и довольно глубоки, и достаточно широки: по Рѣчищу могутъ свободно ходить небольшія суда, а въ полую воду и большія По наблюденіямъ старожиловъ, въ прежнее время они были хотя уже, но зато глубже и быстрѣе, теперь же много занесены иломъ и сильно «позамулены». Самый островъ съ южной стороны, тамъ, гдѣ къ нему подходитъ Рѣчище, представляется пустыннымъ и голымъ: берега отвѣсны, обрывисты и обнажены, состоятъ изъ красной глины, обрушивающейся въ рѣку послѣ полой воды; здѣсь наибольшая высота острова—семь саженъ. Съ восточной стороны берегъ острова постепенно понижается, мало-по-малу переходитъ въ отлогій, покрытый слѣва степной травой, справа кукотиной, потомъ окаймленный цѣлой аллеей дикихъ грушъ; почти на самой срединѣ восточный берегъ острова имѣетъ небольшой загибъ, на подобіе искусственной вырѣзки; здѣсь почва черноземная, весьма удобная для посѣва хлѣба; выше средины восточной берегъ ст[illegible] новится совершенно обнаженнымъ и только въ самомъ концѣ, [illegible] сѣверовостоку, изрѣдка покрывается грушами, зато здѣсь обна

живаются известковые камни. Съ сѣверной стороны весь берегъ острова отлогъ, покрытъ степной и болотистой травой, по мѣстамъ окаймленъ грушами. Съ западной стороны берегъ острова также отлогъ, покрытъ травой, грушами, вербами, кое-гдѣ обнаруживаетъ пни тополей, вишни и терновники, а въ нижнемъ концѣ своемъ представляетъ изъ себя богатыя залежи известняка съ морскими ракушками очень большаго колибра. Къ двумъ берегамъ острова Томаковки, восточному и южному, примыкаютъ обширныя плавни, частію казенныя, частію крестьянскія, идущія до самаго Днѣпра на семь верстъ, покрытыя густой травой—«кукотиной», поросшія толстыми вербами, осокорями, шелковицей, густою лозой. Въ весеннее время островъ Томаковка сплошь заливается водой.

Вся окружность острова Томаковки равняется шести верстамъ, а вся площадь тремстамъ пятидесяти десятинамъ; поверхность острова, кромѣ описанныхъ окраинъ, лишена всякой растительности, какъ древесной, такъ и травяной, что происходитъ отъ дурнаго обычая крестьянъ села Чернышовки вывозить на все лѣто на островъ свой скотъ—лошадей, коровъ, свиней—и оставлять ихъ здѣсь безъ всякаго призора, предоставляя имъ самимъ бродить до самой осени по острову и истреблять всякую растительность до основанія. Нерѣдко здѣсь можно встрѣтить такую тощую свинью, которая представляетъ изъ себя нѣчто подобное двумъ доскамъ, сложеннымъ вмѣстѣ; мѣстные старики о такой свиньѣ говорятъ, что она разучилась ѣсть: «бросьте ей кусокъ хлѣба, она съѣстъ, но непремѣнно здохнетъ, потому что не привыкла ѣсть; по временамъ она чавкаетъ, чтобъ не забыть только, какъ ѣдятъ». Слѣды пребыванія запорожскихъ козаковъ на островѣ Томаковкѣ сохранились и по настоящее время, въ видѣ небольшаго укрѣпленія, расположеннаго у южной окраины его, формы правильнаго редута. Редутъ этотъ состоитъ собственно изъ трехъ траншей: траншеи боковой—восточной, траншеи поперечной—сѣверной, и траншеи боковой—западной, вмѣсто поперечной южной траншеи служитъ берегъ самаго острова. Восточная боковая траншея имѣетъ длины 49 саженъ, на югѣ она оканчивается глубокимъ обрывомъ, длиною въ девять саженъ, который образовался изъ той же траншеи, размытой водою; на всемъ протяженіи восточной боковой траншеи протянулась аллея грушевыхъ деревьевъ. Западная боковая тран-

шея имѣетъ длины 25 саженъ и также оканчивается у южной окраины острова глубокимъ обрывомъ, который начинается собственно уже на четвертой сажени траншеи, по направленію отъ сѣвера къ югу. Сѣверная поперечная траншея имѣетъ 95 саженъ со входомъ на сорокъ шестой сажени, считая по направленію отъ востока къ западу. Самый входъ имѣетъ три сажени длины; въ настоящее время въ немъ растутъ двѣ роскошныя груши, которыя служатъ препятствіемъ для въѣзда въ укрѣпленіе; такія же груши, въ видѣ правильной аллеи, тянутся и по всей сѣверной поперечной траншеѣ. Наибольшая высота каждой изъ траншей—три съ половиной сажени. Центръ укрѣпленія взволнованъ небольшими холмиками и изрытъ ямами; послѣднія—дѣло рукъ кладоискателей, которые толкуютъ о какомъ-то огромномъ кладѣ, зарытомъ на островѣ. Кромѣ того, въ сѣверо-восточномъ углу укрѣпленія есть пять небольшихъ могилъ, въ которыхъ погребена семья крестьянина Ѳ. С. Заброды, жившаго на островѣ въ качествѣ сторожа казенныхъ плавенъ болѣе 25 лѣтъ. Близъ укрѣпленія находятъ запорожскіе рыболовные крючки, желѣзные гвозди, разную металлическую и глиняную посуду, мелкія серебряныя монеты, чугунныя и оловянныя пули и т. п. Отъ запорожскаго укрѣпленія надо отличать незначительный земляной квадратъ въ юго-западной окраинѣ острова, сдѣланный для питомника молодыхъ деревьевъ и для стоговъ сѣна названнымъ крестьяниномъ Ѳ. С. Забродою Кромѣ укрѣпленія, отъ запорожцевъ на островѣ Томаковкѣ сохранилось еще кладбище, находящееся близъ восточной окраины острова, за большимъ курганомъ, стоящимъ почти въ центрѣ острова. Еще не такъ давно, въ 1872 году, одинъ изъ мѣстныхъ любителей старины, протоіерей Карелинъ, видѣлъ на островѣ Томаковкѣ кладбище съ надгробными песчаниковыми крестами, на которыхъ сдѣланы были надписи, указывавшія на сокрытыхъ подъ ними запорожцевъ [1]). Въ настоящее время ни одинъ изъ этихъ крестовъ не уцѣлѣлъ: всѣ они разобраны крестьянами для фундаментовъ подъ дома и амбары. Наконецъ, въ южной оконечность острова Томаковки, почти противъ самой средины его, указываютъ еще на лехъ, т. е. погребъ, выкопанный будто бы также запорож

[1]) Записки одес. общ. истор. и древн., VIII, 448.

скими козаками. По словамъ старожиловъ, лехъ имѣлъ болѣе трехъ саженъ длины и начинался отъ самаго Рѣчища. Въ настоящее время онъ находится въ срединѣ обвала, занимающаго цѣлую квадратную десятину земли и образовавшагося отъ дѣйствія весеннихъ водъ, которыя, просасываясь въ глубину земли, дѣлали въ ней рвы и обваливали ее. Пролѣзть въ этотъ лехъ нѣтъ никакой возможности за множествомъ змѣй, которыя водятся здѣсь. Особенно много ихъ здѣсь весной; тогда онѣ, что называется, кишма кишатъ: однѣ висятъ надъ пещерой, другія выглядываютъ изъ боковъ, а третьи ползаютъ по дну ея. «Тутъ этой погани и не пройдешь: съ гадюкою и ѣшь, съ гадюкою и пьешь, съ гадюкою и спишь. Вотъ это, ляжетъ пастушокъ, или кто тамъ другой, на островѣ спать, а она подлая, уже и подобралась подъ него: свернется въ клубокъ, подползетъ подъ человѣка и спитъ; одной, видишь, проклятой, холодно лежать; въ прежнія времена онѣ кишмя кишѣли на островѣ; какъ настанетъ бывало время косить траву, то прежде всего косари берутся за колья, чтобы выбить гадюкъ, а потомъ уже косятъ траву» [1]).

Ниже Томаковки, въ Днѣпрѣ, идутъ острова Прорѣзной, иначе Чернышовскій, названный отъ владѣльцевъ, крестьянъ села Чернышовки. Круглый, песчаный, покрытый ничтожными кустарниками, у лѣваго берега Днѣпра. Рыбачій, иначе Нечаевскій, у праваго берега Днѣпра, противъ устья Рѣчища, идущаго изъ-подъ острова Томаковки и села Нечаевки, отъ которой и получилъ свое прозваніе. Строцъ, на атласѣ Днѣпра 1786 года, 1 верста 50 саженъ длины и 100 саженъ ширины; расположенъ у праваго берега Днѣпра, параллельно острову Орлову. Орловъ, на планѣ генеральнаго межеванія 1776 года Стукаловъ, на атласѣ Днѣпра 1786 года Третьяковъ, имѣетъ видъ почти правильнаго шара, по первому двѣ версты длины и семьсотъ саженъ ширины, по второму 1 верста 400 саженъ длины и 600 ширины, названъ отъ имени вѣтки Орловой, нѣкогда впадавшей въ Днѣпръ съ правой стороны противъ острова; въ настоящее время противъ острова Орлова, на правомъ берегу Днѣпра стоитъ мѣстечко Никополь, екатеринославскаго уѣзда, на мѣстѣ запорожскаго селенія Микитина.

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 292.

На полтораста саженъ ниже острова Орлова отъ праваго берега Днѣпра выдавался большой мысъ, называвшійся у запорожскихъ козаковъ Микитинымъ-Рогомъ; на этомъ Микитиномъ-Рогѣ была запорожская Сича Микитинская. Почему рогъ получилъ прозваніе Микитина, на то у насъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ; есть только преданіе, которое объясняетъ, что означенный рогъ названъ отъ какого-то Микиты, пришедшаго изъ старой Малороссіи и впервые устроившаго на немъ свой зимовникъ. Впервые названіе Микитина-Рога мы встрѣчаемъ у Эриха Ласоты. «Мы дошли до Никитина-Рога на лѣвой русской сторонѣ и немного выше, до небольшаго острова, гдѣ переночевали» [1]). Далѣе о существованіи Микитина-Рога мы узнаемъ въ 1638 году· По сказанію Дзѣвовича, въ этомъ году на Микитиномъ-Рогѣ, въ то самое время, когда возобновлялась крѣпость Кодакъ, основана была Микитская Сича нѣкіимъ козакомъ Ѳедоромъ Линчаемъ [2]). Извѣстіе о Микитиномъ-Рогѣ находимъ и въ 1647 году у малороссійскаго лѣтописца. «Въ томъ же 1647 року Богданъ Хмелницкій досталъ фортелно листъ королевскій у Барабаша, тогда дѣтинѣ его воспріемникомъ бывшаго, и вичитавъ предъ козаками, усовѣтовалъ ступать на Запороже, и рушилъ декабря 1 первѣе въ островъ Бучки, потомъ въ Рогъ-Микитинъ, гдѣ нашелъ козаковъ триста, съ кторыми въ Сѣчи жолнѣровъ полскихъ всѣхъ виколовъ, послалъ до Излам-Герія хана помочи просить на ляховъ, и випросилъ» [3]). Въ 1735 и 1740 Микитинъ-Рогъ или Микитино урочище извѣстно было и князю Семену Мышецкому. «Урочище Микитино состоитъ на правой рукѣ берегу, противъ Каменнаго Затону... гдѣ въ древніе годы бывали запорожскія Сѣчи. Приономъ урочищѣ имѣется ретраншементъ, построенный отъ россіянъ въ прежнюю турецкую войну, гдѣ при ономъ урочищѣ, оставленъ былъ обозъ, въ командѣ гетманскаго сына Поповича» [4]). За княземъ Мышецкимъ тоже повторяетъ Ригельманъ въ своемъ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» [5]). Въ 1669 году, въ договорѣ поляковъ съ русскими въ

[1]) Ласота, Путевыя записки. Одесса, 1873, 51.
[2]) Срезневскій, Украинская старина, Харьковъ, 1835.
[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 219.
[4]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 10, 69.
[5]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847, I, 2.

Андрусовѣ, Микитино именуется уже не Сичею, а перевозомъ; съ 1734 года оно дѣлается селомъ; въ 1753 году въ оффиціальныхъ актахъ называется Никитинскою заставою. «Тѣ форпости для закритія весма быть потребны, а особливо для лучшей предосторожности и осмотра проезжающихъ изъ Сѣчи запорожской всякого чина людей, которія отъ Никитинской заставы, коя въ Сѣчи состоитъ, не имѣютъ билетовъ» [1]). Въ то время въ Микитинѣ, какъ мѣстѣ заставы, жили должностныя лица: шафарь и подшафарій, писарь и подписарій, лица, отбиравшія деньги у проѣзжавшихъ за переправу черезъ Днѣпръ, доставлявшія ихъ въ общую войсковую скарбницу и ведшія о томъ приходо-расходную книгу. Кромѣ того, здѣсь же была таможня, содержалась караульная стража изъ козаковъ, пограничный коммисаръ отъ московскаго правительства для разбора спорныхъ вопросовъ между запорожскими козаками съ одной стороны и татарами съ другой. Сверхъ того, въ Микитинской заставѣ жилъ толмачъ, иначе переводчикъ, знавшій, кромѣ русскаго языка, языки турецкій, татарскій и польскій, снабжавшій всѣхъ ѣхавшихъ въ Крымъ и далѣе за границу билетами на разныхъ языкахъ. Въ то время въ Микитинѣ было 40 хатъ простыхъ козаковъ и 150 должностныхъ, кромѣ 300 зимовниковъ, приписанныхъ къ нему. Въ 1764 году, при раздѣленіи Новороссіи на губерніи, Микитино вошло въ составъ новороссійской губерніи. Въ 1775 году, послѣ паденія Сичи, Микитино сдѣлалось пріютомъ для многихъ запорожцевъ, ушедшихъ изъ Сичи, и увеличилось въ численности своего населенія. Съ 1782 года оно переименовано было изъ Микитина въ Никополь, т. е. городъ побѣды [2]). Городъ стоялъ на высокомъ берегу Днѣпра «въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изъ него выходитъ протокъ Подпольною называемая» [3]). Въ настоящее время отъ Микитина-Рога не осталось никакого слѣда, такъ какъ онъ весь смытъ водой и унесенъ Днѣпромъ.

Ниже бывшаго Микитина-Рога и теперешняго острова Орлова слѣдуетъ островъ Никитинскій, означенный на атласѣ Днѣпра

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, для исторіи запор. козаковъ, Спб., 1888, 64, 68, 70 и др.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 40.

[3]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 262.

1786 года, теперь Осетровскій, 1 верста длины и 100 саженъ ширины; расположенъ верхнимъ концомъ противъ устья вѣтки Лапинки. Разсоха на томъ же атласѣ, 300 саженъ длины и 70 саженъ ширины, расположенъ выше устья вѣтки Британа. Британъ; по объясненію Никольскаго, получившій свое названіе отъ слова «бр» (бир)—одинъ и «итан»—исчезнувшій, т. е. островъ, гдѣ исчезъ кто-то одинъ; по объясненію Корша отъ корня «бурмак» въ джагатайскомъ неровная мѣстность, «бурм»—морщина. Этому острову, намъ кажется, соотвѣтствуетъ Безыменный на геометрическомъ планѣ прошлаго столѣтія, длины двѣ версты, ширины около этого, противъ вѣтокъ Волынки и Скарбинки съ правой стороны и Мелинихи съ лѣвой, покрытъ травой и небольшимъ лѣсомъ, удаленъ отъ Никополя болѣе чѣмъ на пятнадцать верстъ, но принадлежитъ жителямъ Никополя; на немъ сохранились слѣды какихъ-то старинныхъ укрѣпленій. Безпутный на атласѣ Днѣпра 1786 года, 150 саженъ длины и столько же ширины; стоитъ среди Днѣпра; на видъ совершенно круглый; повидимому, ему соотвѣтствуетъ островъ Знаменскій. Сулимовы острова въ росписи 1697 года «выше Толстыхъ-песковъ» [1]), непосредственно за островомъ Британомъ; теперь одинъ островъ, длины около двухъ верстъ, ширины около полуторы версты, покрытъ травой и небольшимъ лѣсомъ, отдѣленъ отъ острова Британа протокомъ Гришкинымъ рукавомъ; принадлежитъ жителямъ Никополя, хотя долго былъ оспариваемъ крестьянами Большой Знаменки. Раковый, означенный на планѣ Днѣпра Поликарпова I, $1^1/_2$ версты длины и 1 верста ширины, расположенъ въ одну линію съ устьемъ рѣки Чортомлыка, на 6 верстъ ниже острова Британа. Холодный, болѣе версты длины, около полуверсты ширины, покрытъ превосходнымъ молодымъ лѣсомъ, находится ниже устья Павлюка, идущаго изъ Днѣпра на сѣверъ къ устью рѣки Чортомлыка, и Чортомлыцкаго Днѣприща, также идущаго изъ Днѣпра на сѣверъ къ Павлюку; образовался, какъ говорятъ старожилы, всего лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ. Андрушкинъ, охваченный съ сѣверной стороны Павлюкомъ, съ западной Днѣприщемъ и съ южной Днѣпромъ, отдѣ-

[1]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., III, 580. Лѣто[illegible] Величка, III, 472.

ляющимъ его отъ Холоднаго острова, кругомъ имѣетъ около осьми верстъ; своимъ очертаніемъ Андрушкинъ островъ представляетъ правильную фигуру треугольника, вершиной на сѣверъ, гдѣ сходятся Павлюкъ съ Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ, основаніемъ вдоль праваго берега Днѣпра, противъ Холоднаго острова. Видимо Андрушкинъ островъ нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ Холоднымъ; во время запорожскихъ козаковъ ему соотвѣтствовалъ, нужно думать, тотъ самый, который назывался Скарбнымъ островомъ, «до самой Сѣчи на Чортомлыкѣ» [1]).

Прямо къ сѣверу отъ Скарбнаго острова, на Чортомлыцкомъ-Рогѣ, при впаденіи рѣчки Чертомлыка въ вѣтку Подпильную, была у запорожскихъ козаковъ запорожская Сича, Чортомлыцкая, иначе называемая Старою Сичею. Чортомлыцкая Сича основана была въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Лутаемъ. «Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлыка и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ шесть саженъ; съ поля отъ Сумской стороны и отъ Базовлука, въ валу устроены пали и бойницы, и съ другой стороны, отъ устья Чертомлыка и отъ рѣки Скарбной по валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землей. А въ томъ городѣ башня съ поля, мѣрою кругомъ 20 саженъ, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомлыкъ и на Скарбную восемь фортокъ (пролазовъ), и надъ тѣми фортками бойница, а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣча съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлыка сто жъ саженъ, да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомлыкъ и впали тѣ рѣчки въ рѣчку Скарбную, которая течетъ позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строили этотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ» [2]).

На полторы версты ниже бывшей Чортомлыцкой Сичи начинается вѣтка Чортомлыцкое Днѣприще, съ которой связано имя посла германскаго императора Рудольфа II, Эриха Ласоты. Эрихъ

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 472.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 12, № 5.

Ласота шелъ къ запорожцамъ по Днѣпру черезъ пороги, оттуда мимо островоъ Хортицы, Бѣлогорья и какого-то неизвѣстнаго острова и потомъ іюня 9 дня, 1594 года, прибылъ на островъ Базавлукъ при Чертомлыцкомъ Днѣприщѣ, гдѣ былъ въ то время у козаковъ лагерь (Feldlager). Гдѣ же искать этого острова Базавлука? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы искали его на рѣкѣ Базавлукѣ, на 22 версты выше устья ея, противъ села Грушевки, херсонскаго уѣзда. Теперь, отказываясь отъ этого, мы полагаемъ, что подъ островомъ, Базавлукомъ Эриха Ласоты правильнѣе будетъ, какъ кажется, разумѣть островъ—плавню отъ устья рѣки Чортомлыка до лѣваго берега рѣки Базавлука. Въ этомъ насъ убѣждаютъ буквальныя слова Ласоты изъ его дневника: «Мы пришли къ острову, называемому Базавлукъ, при Чортомлыкѣ, одномъ изъ рукавовъ Дрѣпра, или, какъ они называютъ, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ, около 2 миль»[1]). Если взять во вниманіе то, что Чортомлыцкое Днѣприще начинается на $1^1/_2$ версты ниже теперешняго острова Чортомлыка и имѣетъ 4—5 верстъ длины, то отсюда можно придти, во первыхъ, къ тому заключенію, что островомъ Базавлукомъ назывался у казаковъ XVI вѣка островъ — плавня, между Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ и рѣкой Базавлукомъ; а во-вторыхъ, что «лагерь» (но не «Сичь», какъ неправильно и произвольно переведено у Бруна и повторено у Мельникъ) козаковъ въ то время былъ гдѣ-то невдалекѣ отъ мѣста старой Чортомлыцкой или но, вой Подпиленской Сичи. Въ самой рѣкѣ Базавлукѣ есть одинъ только островъ Дѣвичій, но онъ сидитъ такъ низко, что большею частью сплошь залитъ водой и въ лѣтнее время до того влаженъ что на немъ вовсе жить невозможно. Подтвержденіемъ для нашего предположенія можетъ служить, кромѣ того, и то, что подъ островомъ Базавлукомъ въ началѣ XVIII вѣка разумѣлся также не какойнибудь островъ среди рѣки Базавлука, а именно островъ—плавня у вѣтки Подпильной, т. е. при томъ-же Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ. Такъ, отъ 1733 года мы имѣемъ нѣсколько подлинныхъ архивныхъ документовъ [2]), писемъ запорожскихъ козаковъ къ кіевскому

---

[1]) Tagebuch des Erich Lassota, Halle 1866, 210.

[2]) Извлечены изъ Архива мин. иностр. дѣлъ въ Мос
дѣла», 1734 и 1735 г.г. связка 69, № 6.

генералъ-губернатору, графу фонъ-Вейсбаху, представленій рускаго резидента Неплюева изъ Константинополя въ Петербургъ, а также обращеній крымскаго хана и турецкаго султана къ руской императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о томъ, что запорожцы, оставивъ крымскія владѣнія, самовольно ушли на «островъ Базавлукъ и тамъ сѣли своимъ кошемъ». А этотъ кошъ, какъ, извѣстно, основанъ былъ не на островѣ среди рѣки Базавлука, а на вѣткѣ Подпильной, на 3—4 версты ниже устья рѣки Чортомлыка.

Ниже Чортомлыцкой Сичи идетъ цѣлый рядъ другихъ острововъ Юсковскій островъ, названной въ росписи 1697 года, противъ вѣтки Юсковки или Яськовки. Козулинъ, названный на той-же росписи, противъ вѣтки Козулиной. Козацкій на геометрическомъ специальномъ планѣ XVIII вѣка, 1/2 версты длины и 1/4 версты ширины; расположенъ среди Днѣпра. Липскій на томъ же планѣ, около 1 версты длины и 1/4 версты ширины. Лободинскій въ росписи 1697 года противъ вѣтки Лободихи. Конскій, совершенно круглый островъ, отъ 6 до 8 верстъ кругомъ, охватывается съ лѣвой стороны Конкой, съ правой Днѣпромъ, между селеній Ушкалкой и Бабиной съ лѣвой стороны. Плохой на атласѣ Днѣпра 1686 года, 420 саженъ длины и 100 саженъ ширины; нижнимъ концомъ приходится противъ устья вѣтки Шебелинки съ правой стороны и вѣтки Бабиной съ лѣвой. Какъ кажется, этому острову соотвѣтствуетъ въ настоящее время Пограничный островъ, стоящій противъ раздѣльной черты между Карай-дубинымъ и Ушкалкой. Пшеничный, 1 верста 200 саженъ длины и 1/2 версты ширины, на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года и на трехверстной картѣ Россіи, ниже села Бабиной, между балкой Бабиной и вѣткой Домахой съ лѣвой стороны. Домашинъ, 1 верста длины и 200 саженъ ширины, непосредственно ниже острова Пшеничнаго за вѣткой Домахой. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 400 саженъ длины и 100 саженъ ширины, на двѣ версты ниже острова Плохаго, къ правому берегу Днѣпра, въ Кривомъ колѣнѣ, противъ озера Ѳедорова и вѣтки Басанки, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Скалозубъ, 2 версты длины и 200 саженъ ширины, противъ вѣтки Татарки съ лѣвой стороны, балки Золотой, долины Дурной и деревни Отмети съ правой стороны; на немъ видны

слѣды какихъ-то укрѣпленій, какъ думаютъ, уцѣлѣвшихъ со времени запорожскихъ козаковъ [1]).

На двѣ версты ниже балки Золотой слѣдуетъ островъ Пужаевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 2 версты длины и 100 саженъ ширины; въ настоящее время ему соотвѣтствуетъ островъ Леонтьевскій противъ деревни Леонтьевки, выше вѣтокъ Ревуна и Татарки, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Дурицкій въ росписи 1697 года противъ долины Дурной и рѣчища Дурного съ правой стороны. Лысый на картѣ Крыма прошлаго столѣтія адъюнкта академіи наукъ Шмидта параллельно острову Рогатицкой-плавнѣ, какъ разъ противъ устья рѣчки Рогачика съ лѣвой стороны [2]); 2 версты длины и около 1 версты ширины. Островъ Рогатицкая-плавня на «Запорожскихъ урочищахъ» прошлаго столѣтія [3]), до 12 верстъ длины и около 6 верстъ ширины; находится противъ рѣчки Дурной и деревни Михайловки съ правой и Рогачицкаго лимана съ лѣвой стороны. Царовскій въ росписи 1697 года, теперь Царевъ островъ, между рѣкою Днѣпромъ, вѣткою Переваломъ и Царевскимъ уступомъ, $3^1/_2$ версты длины и $^1/_2$ версты ширины, противъ села Малой-Лепетихи съ лѣвой стороны; на немъ «бывала въ тревожное время сторожа войска низового въ городахъ» [4]). Чаплинскій въ росписи 1697 года противъ вѣтки Чаплинки съ лѣвой стороны Днѣпра. Носоковка или Наносоковка у Боплана и на генеральной картѣ Ивана Исленьева 1779 года; по Боплану островъ Носоковка имѣлъ въ длину около 2 миль, потоплялся весеннимъ полноводіемъ и былъ совершенно безлѣснымъ островомъ [5]); по Исленьеву онъ имѣлъ около 18 верстъ въ длину и стоялъ между балкой Золотой и рѣчкой Носоковкой (нижнимъ концомъ какъ разъ противъ рѣчки Носоковки); очевидно острову Носоковкѣ соотвѣтствуетъ теперешняя плавня между рѣкой Днѣпромъ и его вѣтками

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., I, «Запорожскія урочища», приложенія, таблица X; III, 574; трехверстная карта Россіи, рядъ XIX, листъ 12; Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губ. 1868, XI.

[2]) Въ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ, о рукописей.

[3]) Записки одесск. общ. ист. и древн., I, приложенія, къ таблиц

[4]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572; Лѣтопись Величк

[5]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 28.

Дармалюевкой и Коловоротомъ, иначе между селеніями Михайловкой и Саблуковкой съ правой и Большой и Малой Лепетихами съ лѣвой стороны. Евпатинскій въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года, на первой противъ вѣтки Евпатихи, на второмъ между Днѣприщемъ и Хреской, 1 верста длины и 200 саженъ ширины. Къ какому мѣсту пріурочить этотъ островъ въ настоящее время, точно сказать нельзя: если подъ Днѣприщемъ разумѣть Днѣприще съ правой стороны Днѣпра противъ Большой-Лепетихи, а подъ Хреской—вѣтку Хвеську, тутъ жъ впадающую въ Днѣприще, то Евпатинскій островъ нужно помѣстить противъ Большой Лепетихи,— здѣсь есть островъ, называемый въ настоящее время Лепетишинымъ. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года и въ настоящее время; 600 саженъ длины и 100 саженъ ширины, на 8 верстъ и 200 саженъ ниже Евпатинскаго, между устьемъ Конки съ лѣвой стороны и вѣткой Еретикомъ съ правой [1]); ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на трехверстной картѣ Россіи, противъ балки Широкой съ лѣвой стороны, выше Сѣверныхъ-Каиръ и Саблуковки. Козмацкій, извѣстный у Боплана подъ именемъ Каиръ-Космака, получившій свое названіе отъ татарскихъ словъ «каир»—песокъ и «козмак»—рыть, если говорится о водѣ, то «подмывать», отсюда Каиръ-Космакъ значитъ островъ изъ наноснаго песку; при Бопланѣ онъ имѣлъ въ длину не болѣе полумили [2]); получилъ свое названіе отъ вѣтки Космахи, идущей между правымъ берегомъ Днѣпра и островомъ Носоковкою. Тамъ скрывались козаки при выходѣ въ Черное море, изъ опасенія, чтобъ ихъ не открыла турецкая стража, которая всегда находилась близъ Исламова-городка на рукавѣ Тавани [3]). Каиръ островъ, извѣстный еще Боплану и получившій свое названіе или отъ татарскаго «кагир»—произносимаго «ка'ир», песокъ, т. е. Песчаный островъ, (у киргизовъ каиръ—низкій песчаный берегъ), или-же отъ города Каиръ-мечети, стоявшаго у лѣваго берега Днѣпра, противъ острова. Сама Каиръ-мечеть есть видоизмѣненное арабское слово «хайръ» («хаиръ, каиръ)—

[1]) На трехверстной картѣ Россіи ошибочно напечатано вм. «Еретикъ», «Критикъ»; рядъ XIX, листъ 12.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 28.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

благотвореніе и «мясджидъ»—мечеть, что въ общемъ значитъ «Мечеть, построенная на благотворительныя средства». Существованіе крѣпости Каиръ-мечети на берегу Днѣпра, противъ острова Каира, подтверждается картой Риччи Занони, на которой по польски означена «Kaur-Meczet», а потатарски Хайръ-Мазгитъ». «Островъ Каиръ, по словамъ Боплана, совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышомъ, а другая ветлою. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ острова гораздо шире, но зато западный не потопляется разлитіемъ рѣки» [1]). На генеральной картѣ Ивана Исленьева 1779 года островъ Каиръ названъ Каирской-плавней; верхній конецъ ея находится противъ рѣчки Носоковки, средній противъ рѣчекъ Мѣловой и Каменки; и южный противъ Дресмановки, почти до острова Тавани, длины до 40 верстъ; на картѣ Крыма адъюнкта академіи Шмидта 1777 года онъ имѣетъ до 30 верстъ [2]); на атласѣ Днѣпра 1786 года называется Меловой-плавней; въ южномъ концѣ Мѣловой плавни къ правому берегу противъ села Мѣловаго поставленъ островъ Пильный, верста длины и 50 саженъ ширины [3]); къ лѣвому берегу поставленъ островъ Затынный, 3 версты длины и 200 саженъ ширины; оба означены на атласѣ Днѣпра 1786 года [4]). Омиловскій въ росписи 1697 года, теперь Мѣловой, противъ устья рѣчки или теперь балки Мѣловой, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Каменка въ росписи 1697 года, Коженинъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 3 версты 200 саженъ длины и 400 саженъ ширины; расположенъ противъ устья рѣчки Каменки, принадлежитъ тремъ владѣльцамъ: Огаркову, Блажкову и Полуденному.

Выше Каменскаго острова, при впаденіи рѣчки Каменки въ Козацкое Рѣчище, была у запорожскихъ козаковъ четвертая по счету Сича, Каменская, основанная въ 1730 году и просуществовавшая

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

[2]) Въ Императорской публичной библіотекѣ, отдѣлъ плановъ и атласовъ

[3]) Русовъ ошибочно прочиталъ вмѣсто «Пильный» (Подпильный) «Бильный Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 134.

[4]) Въ Росписи 1697 года Космацкій островъ ставится ниже острова К[illegible] менки, Лѣтопись Величка, III, 478.

ляющимъ его отъ Холоднаго острова, кругомъ имѣетъ около осьми верстъ; своимъ очертаніемъ Андрушкинъ островъ представляетъ правильную фигуру треугольника, вершиной на сѣверъ, гдѣ сходятся Павлюкъ съ Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ, основаніемъ вдоль праваго берега Днѣпра, противъ Холоднаго острова. Видимо Андрушкинъ островъ нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ Холоднымъ; во время запорожскихъ козаковъ ему соотвѣтствовалъ, нужно думать, тотъ самый, который назывался Скарбнымъ островомъ, «до самой Сѣчи на Чортомлыкѣ» [1]).

Прямо къ сѣверу отъ Скарбнаго острова, на Чортомлыцкомъ-Рогѣ, при впаденіи рѣчки Чертомлыка въ вѣтку Подпильную, была у запорожскихъ козаковъ запорожская Сича, Чортомлыцкая, иначе называемая Старою Сичею. Чортомлыцкая Сича основана была въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Лутаемъ. «Городъ Сѣча, земляной валъ, стоитъ въ устьяхъ у Чортомлыка и Прогною надъ рѣкою Скарбною; въ вышину тотъ валъ шесть саженъ; съ поля отъ Сумской стороны и отъ Базовлука, въ валу устроены пали и бойницы, и съ другой стороны, отъ устья Чертомлыка и отъ рѣки Скарбной по валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землей. А въ томъ городѣ башня съ поля, мѣрою кругомъ 20 саженъ, а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. Да для ходу по воду сдѣлано на Чортомлыкъ и на Скарбную восемь фортокъ (пролазовъ), и надъ тѣми фортками бойница, а шириною де тѣ фортки только одному человѣку пройти съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣча съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлыка сто жъ саженъ, да съ правой стороны рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомлыкъ и впали тѣ рѣчки въ рѣчку Скарбную, которая течетъ позади города, подлѣ самой ровъ. А мѣрою де весь Сѣча городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строили этотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ» [2]).

На полторы версты ниже бывшей Чортомлыцкой Сичи начинается вѣтка Чортомлыцкое Днѣприще, съ которой связано имя посла германскаго императора Рудольфа II, Эриха Ласоты. Эрихъ

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 472.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 12, № 5.

Ласота шелъ къ запорожцамъ по Днѣпру черезъ пороги, оттуда мимо островов Хортицы, Бѣлогорья и какого-то неизвѣстнаго острова и потомъ іюня 9 дня, 1594 года, прибылъ на островъ Базавлукъ при Чертомлыцкомъ Днѣприщѣ, гдѣ былъ въ то время у козаковъ лагерь (Feldlager). Гдѣ же искать этого острова Базавлука? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы искали его на рѣкѣ Базавлукѣ, на 22 версты выше устья ея, противъ села Грушевки, херсонскаго уѣзда. Теперь, отказываясь отъ этого, мы полагаемъ, что подъ островомъ, Базавлукомъ Эриха Ласоты правильнѣе будетъ, какъ кажется, разумѣть островъ—плавню отъ устья рѣки Чортомлыка до лѣваго берега рѣки Базавлука. Въ этомъ насъ убѣждаютъ буквальныя слова Ласоты изъ его дневника: «Мы пришли къ острову, называемому Базавлукъ, при Чортомлыкѣ, одномъ изъ рукавовъ Днѣпра, или, какъ они называютъ, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ, около 2 миль»[1]). Если взять во вниманіе то, что Чортомлыцкое Днѣприще начинается на $1^1/_2$ версты ниже теперешняго острова Чортомлыка и имѣетъ 4—5 верстъ длины, то отсюда можно придти, во первыхъ, къ тому заключенію, что островомъ Базавлукомъ назывался у казаковъ XVI вѣка островъ — плавня, между Чортомлыцкимъ Днѣприщемъ и рѣкой Базавлукомъ; а во-вторыхъ, что «лагерь» (но не «Сичь», какъ неправильно и произвольно переведено у Бруна и повторено у Мельникъ) козаковъ въ то время былъ гдѣ-то невдалекѣ отъ мѣста старой Чортомлыцкой или новой Подпиленской Сичи. Въ самой рѣкѣ Базавлукѣ есть одинъ только островъ Дѣвичій, но онъ сидитъ такъ низко, что большею частью сплошь залитъ водой и въ лѣтнее время до того влаженъ что на немъ вовсе жить невозможно. Подтвержденіемъ для нашего предположенія можетъ служить, кромѣ того, и то, что подъ островомъ Базавлукомъ въ началѣ XVIII вѣка разумѣлся также не какой-нибудь островъ среди рѣки Базавлука, а именно островъ—плавня у вѣтки Подпильной, т. е. при томъ-же Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ. Такъ, отъ 1733 года мы имѣемъ нѣсколько подлинныхъ архивныхъ документовъ [2]), писемъ запорожскихъ козаковъ къ кіевскому

---

[1]) Tagebuch des Erich Lassota, Halle 1866, 210.

[2]) Извлечены изъ Архива мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ: «Малороссійскія дѣла», 1734 и 1735 г.г. связка 69, № 6.

генералъ-губернатору, графу фонъ-Вейсбаху, представленій русскаго резидента Неплюева изъ Константинополя въ Петербургъ, а также обращеній крымскаго хана и турецкаго султана къ руской императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о томъ, что запорожцы, оставивъ крымскія владѣнія, самовольно ушли на «островъ Базавлукъ и тамъ сѣли своимъ кошемъ». А этотъ кошъ, какъ, извѣстно, основанъ былъ не на островѣ среди рѣки Базавлука, а на вѣткѣ Подпильной, на 3—4 версты ниже устья рѣки Чортомлыка.

Ниже Чортомлыцкой Сичи идетъ цѣлый рядъ другихъ острововъ Юсковскій островъ, названной въ росписи 1697 года, противъ вѣтки Юсковки или Яськовки. Козулинъ, названный на той-же росписи, противъ вѣтки Козулиной. Козацкій на геометрическомъ спеціальномъ планѣ XVIII вѣка, 1/2 версты длины и 1/4 версты ширины; расположенъ среди Днѣпра. Липскій на томъ же планѣ, около 1 версты длины и 1/4 версты ширины. Лободинскій въ росписи 1697 года противъ вѣтки Лободихи. Конскій, совершенно круглый островъ, отъ 6 до 8 верстъ кругомъ, охватывается съ лѣвой стороны Конкой, съ правой Днѣпромъ, между селеній Ушкалкой и Бабиной съ лѣвой стороны. Плохой на атласѣ Днѣпра 1686 года, 420 саженъ длины и 100 саженъ ширины; нижнимъ концомъ приходится противъ устья вѣтки Шебелинки съ правой стороны и вѣтки Бабиной съ лѣвой. Какъ кажется, этому острову соотвѣтствуетъ въ настоящее время Пограничный островъ, стоящій противъ раздѣльной черты между Карай-дубинымъ и Ушкалкой. Пшеничный, 1 верста 200 саженъ длины и 1/2 версты ширины, на атласѣ части рѣки Днѣпра 1863 года и на трехверстной картѣ Россіи, ниже села Бабиной, между балкой Бабиной и вѣткой Домахой съ лѣвой стороны. Домашинъ, 1 верста длины и 200 саженъ ширины, непосредственно ниже острова Пшеничнаго за вѣткой Домахой. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 400 саженъ длины и 100 саженъ ширины, на двѣ версты ниже острова Плохаго, къ правому берегу Днѣпра, въ Кривомъ колѣнѣ, противъ озера Ѳедорова и вѣтки Басанки, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Скалозубъ, 2 версты длины и 200 саженъ ширины, противъ вѣтки Татарки съ лѣвой стороны, балки Золотой, долины Дурной и деревни Отмети съ правой стороны; на немъ видны

слѣды какихъ-то укрѣпленій, какъ думаютъ, уцѣлѣвшихъ со времени запорожскихъ козаковъ [1]).

На двѣ версты ниже балки Золотой слѣдуетъ островъ Пужаевъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 2 версты длины и 100 саженъ ширины; въ настоящее время ему соотвѣтствуетъ островъ Леонтьевскій противъ деревни Леонтьевки, выше вѣтокъ Ревуна и Татарки, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны. Дурицкій въ росписи 1697 года противъ долины Дурной и рѣчища Дурного съ правой стороны. Лысый на картѣ Крыма прошлаго столѣтія адъюнкта академіи наукъ Шмидта параллельно острову Рогатицкой-плавнѣ, какъ разъ противъ устья рѣчки Рогачика съ лѣвой стороны [2]); 2 версты длины и около 1 версты ширины. Островъ Рогатицкая-плавня на «Запорожскихъ урочищахъ» прошлаго столѣтія [3]), до 12 верстъ длины и около 6 верстъ ширины; находится противъ рѣчки Дурной и деревни Михайловки съ правой и Рогачицкаго лимана съ лѣвой стороны. Царовскій въ росписи 1697 года, теперь Царевъ островъ, между рѣкою Днѣпромъ, вѣткою Переваломъ и Царевскимъ уступомъ, $3^1/_2$ версты длины и $^1/_2$ версты ширины, противъ села Малой-Лепетихи съ лѣвой стороны; на немъ «бывала въ тревожное время сторожа войска низового въ городахъ» [4]). Чаплинскій въ росписи 1697 года противъ вѣтки Чаплинки съ лѣвой стороны Днѣпра. Носоковка или Наносоковка у Боплана и на генеральной картѣ Ивана Исленьева 1779 года; по Боплану островъ Носоковка имѣлъ въ длину около 2 миль, потоплялся весеннимъ полноводіемъ и былъ совершенно безлѣснымъ островомъ [5]); по Исленьеву онъ имѣлъ около 18 верстъ въ длину и стоялъ между балкой Золотой и рѣчкой Носоковкой (нижнимъ концомъ какъ разъ противъ рѣчки Носоковки); очевидно острову Носоковкѣ соотвѣтствуетъ теперешняя плавня между рѣкой Днѣпромъ и его вѣтками

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., I, «Запорожскія урочища», приложенія, таблица X; III, 574; трехверстная карта Россіи, рядъ XIX, листъ 12; Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губ. 1868, XI.

[2]) Въ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ, отдѣленіе рукописей.

[3]) Записки одесск. общ. ист. и древн., I, приложенія, къ таблицѣ X.

[4]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572; Лѣтопись Величка, III, 474,

[5]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 28.

Дармалюевкой и Коловоротомъ, иначе между селеніями Михайловкой и Саблуковкой съ правой и Большой и Малой Лепетихами съ лѣвой стороны. Евпатинскій въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года, на первой противъ вѣтки Евпатихи, на второмъ между Днѣприщемъ и Хреской, 1 верста длины и 200 саженъ ширины. Къ какому мѣсту пріурочить этотъ островъ въ настоящее время, точно сказать нельзя: если подъ Днѣприщемъ разумѣть Днѣприще съ правой стороны Днѣпра противъ Большой-Лепетихи, а подъ Хреской—вѣтку Хвеську, тутъ жъ впадающую въ Днѣприще, то Евпатинскій островъ нужно помѣстить противъ Большой Лепетихи,— здѣсь есть островъ, называемый въ настоящее время Лепетишинымъ. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года и въ настоящее время; 600 саженъ длины и 100 саженъ ширины, на 8 верстъ и 200 саженъ ниже Евпатинскаго, между устьемъ Конки съ лѣвой стороны и вѣткой Еретикомъ съ правой [1]); ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на трехверстной картѣ Россіи, противъ балки Широкой съ лѣвой стороны, выше Сѣверныхъ-Каиръ и Саблуковки. Козмацкій, извѣстный у Боплана подъ именемъ Каиръ-Космака, получившій свое названіе отъ татарскихъ словъ «каир»—песокъ и «козмак»—рыть, если говорится о водѣ, то «подмывать», отсюда Каиръ-Космакъ значитъ островъ изъ наноснаго песку; при Бопланѣ онъ имѣлъ въ длину не болѣе полумили [2]); получилъ свое названіе отъ вѣтки Космахи, идущей между правымъ берегомъ Днѣпра и островомъ Носоковкою. Тамъ скрывались козаки при выходѣ въ Черное море, изъ опасенія, чтобъ ихъ не открыла турецкая стража, которая всегда находилась близъ Исламова-городка на рукавѣ Тавани [3]). Каиръ островъ, извѣстный еще Боплану и получившій свое названіе или отъ татарскаго «кагир»—произносимаго «ка'ир», песокъ, т. е. Песчаный островъ, (у киргизовъ каиръ—низкій песчаный берегъ), или-же отъ города Каиръ-мечети, стоявшаго у лѣваго берега Днѣпра, противъ острова. Сама Каиръ-мечеть есть видоизмѣненное арабское слово «хайръ» («хаиръ, каиръ)—

[1]) На трехверстной картѣ Россіи ошибочно напечатано вм. «Еретикъ», «Критикъ»; рядъ XIX, листъ 12.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 28.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

благотвореніе и «мясджидъ»—мечеть, что въ общемъ значитъ «Мечеть, построенная на благотворительныя средства». Существованіе крѣпостиКаиръ-мечети на берегу Днѣпра, противъ острова Каира, подтверждается картой Риччи Занони, на которой по польски означена «Kaur-Meczet», а потатарски Хайръ-Мазгитъ». «Островъ Каиръ, по словамъ Боплана, совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышомъ, а другая ветлою. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ острова гораздо шире, но зато западный не потопляется разлитіемъ рѣки» [1]). На генеральной картѣ Ивана Исленьева 1779 года островъ Каиръ названъ Каирской-плавней; верхній конецъ ея находится противъ рѣчки Носоковки, средній противъ рѣчекъ Мѣловой и Каменки; и южный противъ Дресмановки, почти до острова Тавани, длины до 40 верстъ; на картѣ Крыма адъюнкта академіи Шмидта 1777 года онъ имѣетъ до 30 верстъ [2]); на атласѣ Днѣпра 1786 года называется Меловой-плавней; въ южномъ концѣ Мѣловой плавни къ правому берегу противъ села Мѣловаго поставленъ островъ Пильный, верста длины и 50 саженъ ширины [3]); къ лѣвому берегу поставленъ островъ Затынный, 3 версты длины и 200 саженъ ширины; оба означены на атласѣ Днѣпра 1786 года [4]). Омиловскій въ росписи 1697 года, теперь Мѣловой, противъ устья рѣчки или теперь балки Мѣловой, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Каменка въ росписи 1697 года, Коженинъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 3 версты 200 саженъ длины и 400 саженъ ширины; расположенъ противъ устья рѣчки Каменки, принадлежитъ тремъ владѣльцамъ: Огаркову, Блажкову и Полуденному.

Выше Каменскаго острова, при впаденіи рѣчки Каменки въ Козацкое Рѣчище, была у запорожскихъ козаковъ четвертая по счету Сича, Каменская, основанная въ 1730 году и просуществовавшая

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

[2]) Въ Императорской публичной библіотекѣ, отдѣлъ плановъ и атласовъ

[3]) Русовъ ошибочно прочиталъ вмѣсто «Пильный» (Подпильный) «Бильный». Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 134.

[4]) Въ Росписи 1697 года Космацкій островъ ставится ниже острова Каменки, Лѣтопись Величка, III, 478.

около четырехъ лѣтъ. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ въ настоящее время остались ямы отъ козацкихъ куреней и нѣсколько могильныхъ насыпей, въ томъ числѣ могильный холмъ надъ прахомъ кошевого атамана Василія Ерофеева, умершаго въ 1731 года, 23 мая, и Константина Гордѣевича Головка или Гордіенка, умершаго въ 1733 году 4 мая. Мѣсто Каменской Сичи въ настоящее время принадлежитъ владѣльцу М. Ѳ. Огаркову и извѣстно подъ именемъ Консуловки или Разоровки, херсонскаго уѣзда.

За Каменскимъ островомъ слѣдуютъ острова—Полуденный, образовавшійся всего лѣтъ сорокъ тому назадъ и получившій свое названіе отъ владѣльца Полуденнаго; Санжаревскій [1]) островъ, образовавшійся всего 15 лѣтъ тому назадъ, расположенный нѣсколько выше бесѣдки, устроенной на правомъ берегу Днѣпра монахами Бизюкова монастыря, и получившій свое названіе отъ владѣльца Санжаревскаго. Костырка, на планѣ Днѣпра 1786 года Костырскій островъ, 3 версты длины и 350 саженъ ширины, противъ балки Костырки, падающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, и колоніи Шведской съ той же стороны. Бѣшенный островъ, противъ южнаго конца Костырки и озера Серебрянаго, ниже вѣтки Чаплинки, около версты длины и полуверсты ширины [2]). Старливецкій, иначе, какъ кажется, Старо-Шведскій, около одной версты длины и около полуверсты ширины. Попчины острова, параллельно одинъ другому, около одной версты длины и около полуверсты ширины, близъ деревни Сомовой или Любимовой съ лѣвой стороны. Домаха на атласѣ рѣки Днѣпра 1863 года, между рѣчками Домахой и Конкой, противъ мѣстечка Каховки, почти полторы версты длины, полтораста саженъ ширины. Лысый островъ или урочище Лысая-Гора, у Мышецкаго урочище Высшей-Головы Космахи [3]), у праваго берега Днѣпра противъ мѣстечка Каховки.

Тавань, иногда ошибочно называемый Тамань [4]), островъ, по·

---

[1]) Одного значенія съ именемъ султана Санджаръ, что отъ корня ченчеръ или сенчеръ значитъ «пронзающій», или же отъ джагатайскаго санджаръ—«колючій». Профессоръ Коршъ.

[2]) См. трехверстную карту Россіи, XXX, 12.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 71.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XII, 99.

лучившій свое названіе, по одному толкованію, отъ татарскаго слова «туганъ»—ястребъ [1]), или по другому, отъ турецко-татарскаго табанъ—подошва [2]), имѣлъ, по Боплану, 2 мили длины и $^1/_3$ мили ширины [3]), по картѣ 1777 года 15 верстъ длины и 5 верстъ ширины; высшая голова Тавани доходила до теперешняго мѣстечка Каховки, днѣпровскаго уѣзда, низшая голова—до Голой пристани. На картѣ Исленьсьева 1779 года Тавань островъ поставленъ между Кызыкерменемъ и Голой-Пристанью [4]). Съ древнихъ временъ на островѣ Тавани имѣлись двѣ турецкихъ крѣпости, изъ коихъ одна называласъ крѣпость Тавань или Мустритъ-кермень и стояла на низшей головѣ острова, противъКызыкерменя, другая Муберекъ-кермень или Шагинъ-Гирей (Шанъ или Санъ Гирей), на томъ же островѣ Тавани, надъ рѣчкою Конкою, на двѣ версты выше крѣпости Тавани, противъ Асламъ-керменя. На крымскомъ берегу, подъ рѣчкою Конкою, противъ Муберекъ-керменя, стояла третья крѣпостъ, какъ бы дополняющая двѣ первыхъ, Асламъ-кермень. Такъ объ томъ говоритъ лѣтописецъ Величко [5]). Въ актахъ XVII вѣка находимъ подтвержденіе словъ Величка: «О донцахъ также припомните, чтобъ на море не шли, потому что татаровя всѣ къ Осламу городку *на ту сторону* (лѣвую или крымскую) Днѣпра отпровадились совсѣмъ» [6]) Асламъ-кермень или на картѣ Риччи-Занони Асланъ-олу, въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ Асламъ, Аславъ, Аланъ, Осланъ, Оламъ, Исламъ, Сламъ—въ 3-хъ миляхъ отъ Олешекъ [7]), правильнѣе Арсланъ-оглы или оглу, что значитъ сынъ льва (оглу — сынъ, арсланъ — левъ). На картѣ адъютанта академіи Шмидта 1777 года Асламъ-кермень поставленъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, на материкѣ, противъ острова Тавани, нѣсколько ниже вершины его. Въ актахъ XVII вѣка о Тавани и его городкахъ говорится слѣдующее: «Татаровя перевозятся въ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 494.

[2]) Переходъ *б* въ *в* послѣ гласной свойственъ нѣкоторымъ татарскимъ нарѣчіямъ, напр. наманганскому говору сартовскаго. Профессоръ Коршъ.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 28.

[4]) См. планъ II, приложеніе къ настоящему труду.

[5]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 443.

[6]) Акты южной и западной Россіи, X, 555.

[7]) Акты, VI, 200; IX, 419, 448, 555, 562; XIV, 110, 111, XV, 27.

Тавани, противъ Исламъ-городка съ черкасскіе стороны на крымскую сторону; а Тавань изъ Чигирина въ четырехъ дняхъ». «А Хмельницкій (Юрій) судами морскими пришелъ изъ Царяграда въ городъ Таваню, который на островѣ» [1]). Островъ Тавань съ его двумя крѣпостями и со смежною крѣпостью на берегу рѣки Днѣпра имѣетъ свою исторію. Въ 1556 году крѣпость Асламъ-кермень была взята у турокъ низовыми козаками подъ начальствомъ князя Димитрія Вишневецкаго и путивльскими козаками подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго. Въ 1558 году тотъ же князь Вишневецкій простоялъ 3 дня у Таванской переправы, близъ Асламъ-керменя, а потомъ провелъ цѣлое лѣто въ этой крѣпости. Въ 1559 году мимо острова Тавани плылъ со своими московскими ратными людьми окольничій Даніилъ Адашевъ, разгромившій потомъ Крымъ и счастливо вернувшійся назадъ, вверхъ по Днѣпру, до мыса Монастырька, противъ Ненасытецкаго порога [2]). Въ 1665 году у Таванскаго острова запорожцы разбили нѣсколько турецкихъ судовъ, которые собрались было здѣсь съ тою цѣлью, чтобы идти подъ Чортомлыцкую Сичь. Въ 1670 году на островѣ Тавани одно время стоялъ съ морскими судами гетманъ Богданъ Хмельницкій, ожидавшій здѣсь своего союзника, крымскаго хана. Въ 1671 году кошевой атаманъ Михайло Ханенко, сдѣлавшійся потомъ гетманомъ Малороссіи, взялъ противъ острова Тавани городъ Асламъ-кермень и угналъ оттуда много скота [3]). Въ 1673 году кошевой атаманъ Иванъ Сирко «взялъ взятьемъ» и разорилъ тотъ же городъ Асламъ-кермень, вновь возобновленный было турками, въ виду того, что раньше отъ этого города запорожскимъ козакамъ была «тѣснота великая» [4]). Въ 1673 году на Тавани былъ побитъ запорожцами крымскій калга-салтанъ: «Какъ въ осень шолъ съ Украйны калга-салтанъ въ Крымъ, и въ Тамани (читай *въ Тавани*) отъ коша верстъ съ 60 внизъ, межъ турскими и крымскими городками, его они (козаки) разбили и многъ ясырь у него отбили и наметъ его взяли и тотъ наметъ отослали войскомъ въ дарѣхъ къ гетману» [5]). Въ 1679 году

---

[1]) Акты, X, 587; IX, 265.

[2]) Лѣтопись по Никонову списку, СПБ., 1791, 266, 272—275, 293—298.

[3]) Акты южной и западной Россіи, IX, 419, 448.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XI, 272.

[5]) Акты южной и западной Россіи, XII, 99.

кошевой атаманъ Иванъ Сирко съ запорожскими козаками и съ русскими ратниками ходилъ разорять Тавань и Кызыкермень, въ тотъ же годъ устроенные турками [1]). Въ 1688 году запорожцы не разъ ходили подъ Асламъ-кермень и угоняли оттуда конскія стада. Въ 1694 году запорожская ватага въ 400 человѣкъ, предводимая какимъ-то ватагомъ Семеномъ да полковникомъ Лескомъ Максименкомъ, прокралась по Днѣпру и его вѣткѣ Конкѣ мимо Асламъ-кермени и пробралась въ Крымъ, гдѣ много бѣдъ причинила татарамъ и потомъ вернулась благополучно въ Сичь. Въ 1695 году всѣ три крѣпости, Тавань, или Мустритъ-кермень, Муберекъ-кермень и Асламъ-кермень, взяты были оружіемъ русско-козацкихъ войскъ, предводимыхъ гетманомъ Мазепой, бояриномъ Шереметевымъ и кошевымъ атаманомъ Максимомъ Самойленкомъ Въ 1697 году гетманъ Иванъ Мазепа, князь Яковъ Долгорукій и кошевой атаманъ Григорій Яковенко вновь дѣйствовали у острова Тавани и трехъ его крѣпостей, при чемъ около старой крѣпости Тавани они заложили новый, болѣе обширный, городъ, укрѣпили его глубокими рвами, обнесли толстыми, высокими каменными стѣнами, и по стѣнамъ завалили дерновыми и земляными кошами; крѣпость же Муберекъ-кермень, или Шагинь-Гирей, взорвали на воздухъ [2]). Въ 1736 году на островѣ Тавани, во время русско-турецкой войны, построенъ былъ «отъ россійскихъ войскъ ретраншементъ» [3]); въ 1739 году здѣсь построенъ былъ русскими Таванскій редутъ; тутъ же стоялъ турецкій замокъ Шангирей, отъ котораго получилъ свое названіе стоявшій на лѣвомъ берегу Днѣпра выше острова Тавани Шангирейскій ретраншементъ, построенный русскими въ 1771 году для содержанія магазина и прикрытія производимыхъ транспортовъ въ Крымъ, и означенный на атласѣ Днѣпра 1786 года на три версты выше Кизыкерменя, у лѣваго берега Днѣпра; отъ замка Тавани видны были укрѣпленія еще въ 1774 г. [4]).

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 340, 428, 433.

[2]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, III, 69, 207, 221—225, 256,

[3]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Россіи, Кіевъ, 188[illegible] Мышецкому, этотъ ретрашементъ построенъ въ 1738 и называл[illegible] скимъ; Исторія, 64.

[4]) Записки одесскаго общ. истор. и древн., VII, 178, пр[illegible] Бопланъ, Описаніе Украйны, 64.

Противъ острова Тавани, на правомъ берегу Днѣпра, стоялъ турецкій городъ Кызыкермень [1]), теперь Бериславъ херсонскаго уѣзда; отъ Кызыкерменя до крѣпости Тавани, черезъ рѣку Днѣпръ, протянуты были желѣзныя цѣпи, съ тою цѣлью, чтобы не дать возможности никому изъ непріятелей, въ ночное время пройти черезъ турецкія границы; такія же цѣпи были протянуты и отъ крѣпости Исламъ-керменя къ Кызыкерменю, черезъ рѣку Конку, до крымской стороны, а посреди рѣкъ Днѣпра и Конки устроены были ворота, на которыя наведены были изъ обѣихъ крѣпостей пушки. Если кто пытался проѣхать мимо острова Тавани, то турки стрѣляли изъ пушекъ и тѣмъ останавливали всякую попытку со стороны враговъ пробраться черезъ границу ихъ владѣній, что, впрочемъ, въ глазахъ запорожскихъ козаковъ оказывалось сущимъ пустякомъ, такъ какъ они, пустивъ впереди себя срубленное дерево и заставивъ турокъ истратить всѣ артиллерійскіе запасы на ударившееся дерево, сами потомъ безбоязненно проходили внизъ, къ устью Днѣпра, мимо острова Тавани [2]). Въ настоящее время противъ бывшаго города Кизыкерменя, въ рѣкѣ Днѣпрѣ, стоитъ небольшой островъ Денисенковъ, длины въ одну версту, ширины въ полверсты, съ остатками фундамента отъ каменной крѣпости, покрытый по берегамъ небольшимъ лѣсомъ; видимо, это есть остатокъ отъ большаго острова Тавани.

На пять верстъ ниже Кизыкерменя стоитъ островъ Козацкій, означенный въ росписи 1697 года, на атласѣ Днѣпра 1786 года, на картѣ Исленьева 1779 и на картѣ Крыма Шмидта 1777 года, противъ вѣтки Козацкой, у праваго берега Днѣпра, 15 верстъ длины и 2 версты ширины, сѣвернымъ концомъ нѣсколько ниже Козацкой-Каменки, срединой противъ вѣтки Идеромли, южнымъ концомъ немного ниже рѣчки Бургунки [3]). За нимъ слѣдуетъ Писарев-

[1]) Слово «Кызыкермень» одни производятъ отъ турецкихъ словъ «кызы»—дѣвица, другіе отъ «кизил»—красный, третьи отъ «казы»—судья и «кермень»—крѣпость; въ русскихъ актахъ пишется Казыкермень (Акты южной и западной Россіи, XI, 583; XII, 139, 848).

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, 11—13; Дневникъ Тяпкина и Зотова; Записки одес. общ. ист. и древн., II, 645; VII, 178, примѣч. 50.

[3]) На атласѣ Днѣпра 1786 года 13 верстъ 30) саж. длины и 2 версты ширины.

скій островъ, полторы версты длины и одна верста ширины, видимо оторванный отъ южнаго конца острова Козацкаго, отдѣленный отъ послѣдняго протокомъ Домахой и покрытый прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ. Бургунскій островъ длины около полумили [1]); свое названіе онъ получилъ отъ мыса Бургуна, въ свою очередь получившаго названіе отъ тюркскаго слова «бургу», что значитъ сверло, буравъ, т. е. острой, какъ буравъ, скалы. Ниже Бургунскаго острова слѣдуютъ три острова Хруловыхъ или правильнѣе Фроловыхъ [2]), расположенныхъ противъ Фроловаго или Чернечьяго лимана.

За Хруловыми островами слѣдуетъ островъ Тягинскій, извѣстный Боплану, получившій свое названіе отъ тюркскаго слова «тегене́къ» — терновникъ, волчецъ, и расположенный у праваго берега Днѣпра, противъ устья рѣчки Тягинки, теперь села и балки Тягинки. Въ настоящее время противъ устья рѣчки или балки Тягинки имѣется три Тягинскихъ острова, расположенныхъ параллельно одинъ другому, отъ запада къ востоку. Изъ этихъ островковъ первый къ устью балки Тягинки носитъ названіе Малаго Городища, имѣетъ около 1/4 версты длины, довольно высокъ и никогда не затопляется водой. Другой островъ называется Большимъ Городищемъ или Городкомъ, имѣетъ въ окружности 900 саженъ, отвѣсной высоты къ востоку сверхъ 10 саженъ; на немъ имѣются развалины городка въ 200 саженъ длины съ юговосточной стороны параллельно Днѣпру. На западной сторонѣ острова имѣется, въ 36 саженей въ окружности, звѣздообразное съ тремя ложементами укрѣпленіе. Средина острова лишена всякой лѣсной растительности и только окраины его кое-гдѣ покрыты невысокими кустарниками. Объ этомъ именно островѣ говоритъ князь Мышецкій въ своей Исторіи о козакахъ запорожскихъ: «При оной рѣкѣ (Тягинкѣ), у самаго Днѣпра, имѣлся великой городокъ Тягинка и при немъ треугольный замокъ съ круглыми башнями, кругъ котораго водою окружило; въ длину оный городокъ верста, а въ ширину болѣе полуверсты, у котораго фундаментъ каменный и нынѣ знатенъ. А построенъ тамъ отъ древнихъ нѣмецкихъ народовъ франковъ. А въ 1738 году отъ россіянъ оный замокъ былъ

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 29.

[2]) Записки одесск. общ. исторіи и древн., III, 576.

возобновленъ [1]). Въ 1676 году у острова Тягинки стояло 40.000 человѣкъ татаръ, собравшихся здѣсь съ цѣлью двинуться въ походъ на Украйну [2]). Третій островъ носитъ названіе Рѣчища, имѣетъ около одной версты въ длину, покрытъ лѣсомъ, сидитъ очень низко и всегда покрывается въ весеннее время водой. Тогда какъ первые два острова древнѣйшаго происхожденія, послѣдній—сравнительно недавняго, образовался изъ наноснаго рѣчного песка. Всѣ три острова составляютъ собственность землевладѣльца Ивана Ивановича Волохина, собственника села Тягинки, купленной Волохинымъ у Н. В. Энгельгардта въ 1859 году.

За Тягинскимъ островомъ слѣдуетъ Дѣдовъ на атласѣ 1786 года, теперь плавня Понятовскаго, шестнадцать съ половиной верстъ длины и двѣ версты ширины, стоитъ противъ Понятовки, у праваго берега Днѣпра, охватывается Дидовымъ лиманомъ, Конкой и Днѣпромъ, раздѣляется на двѣ половины рѣчкою Ерикомъ, идущею отъ востока къ западу, принадлежитъ частію владѣльцу Тропину, частію крестьянамъ Понятовки. Отъ Дѣдова острова отдѣляются къ правому берегу Днѣпра, противъ устья Ингульца и села Фалѣевки, Ингульскій островъ, одна верста длины и 70 саженъ ширины, и къ лѣвому берегу отъ Ингульскаго острова Сомовскіе или Сомовы, числомъ семь, изъ коихъ самый большой имѣетъ 650 саженъ длины и 50 саженъ наибольшей ширины; оба означены въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года; самый большой изъ Сомовыхъ острововъ по атласу Днѣпра имѣетъ двѣ съ половиной версты длины, полверсты ширины.

Ниже Сомовыхъ острововъ, съ лѣвой стороны, на песчаной равнинѣ, къ востоку отъ теперешняго города таврической губерніи Алешекъ, «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ», была у запорожскихъ козаковъ Сича Алешковская; отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ въ настоящее время ничего не осталось.

Тенгинка островъ, теперь смытый водой, но стоявшій среди Днѣпра, противъ деревни Антоновки или Широкой, выше хуторовъ Тенгинки [3]) (по народному Киндійки), расположенныхъ у пра-

---

[1]) Исторія о козакахъ запорож., Одесса, 1252, 72.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 531, 570.

[3]) Трехверстная карта Россіи, XXX, II.

ваго берега Днѣпра; приблизительная длина этого острова—3 версты, наибольшая ширина около 1 версты. Кошевой въ росписи 1697 года, иначе Карантинный или Кордонный островъ [1]), на пять верстъ ниже города Алешекъ, между рѣками Кошевой, Стебліивскимъ лиманомъ и Ольховымъ Днѣпромъ, пять верстъ длины и двѣ съ половиной ширины, въ настоящее время застроенъ лѣсопильнями и шерстомойнями города Херсона. Потемкинъ между Ольховымъ Днѣпромъ съ правой стороны и Старымъ Днѣпромъ съ лѣвой, противъ Кардашинскаго лимана и рѣчки Конки, четыре версты длины и двѣ съ половиной ширины [2]). Галухинъ, противъ Потемкина острова и Голой-Пристани, между Ольховымъ Днѣпромъ съ правой стороны и Старымъ Днѣпромъ съ лѣвой, восемь верстъ длины и семь ширины [3]). Въ настоящее время ниже города Херсона различаются два острова,—островъ Малый Потемкинъ, небольшой островокъ, противъ вершины Лимана Стебліивскаго, и островъ Большой Потемкинъ—тоже, что на трехверстной картѣ Галухинъ—больше 4-хъ верстъ длины съ озерами Пожарнымъ, Закитнымъ, Орловымъ и Лиховымъ. Ольховый или Запорожскій, западнѣе отъ острова Галухина, между рѣкой Кошевой справа и Ольховымъ Днѣпромъ слѣва, противъ деревни Арнаутовки [4]). Виноградный смежно съ Ольховымъ, въ росписи 1697 года, между Виноградныомъ озеромъ и рѣкой Кошевой. Точковый или Тичковатый, въ той же росписи 1697 года, смежно съ Ольховымъ, между озеромъ Тичковатымъ и рѣкой Кошевой. Бобровые въ росписи 1697 года, между Кардашинскимъ лиманомъ и Голою-Пристанью. Погорѣлый, непосредственно за Галухинымъ островомъ, противъ Бѣлаго озера съ правой стороны и Збурьевскаго лимана съ лѣвой, десять верстъ длины и шесть ширины. Островъ св. Анны, на 25 верстъ ниже рѣчки Бѣлозерки, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны, при самомъ устьѣ Днѣпра; здѣсь былъ построенъ русскими редутъ [5]). Кривошійни островки и Ольховки въ росписи 1697 года, въ нас-

---

[1]) Трехверстная карта Россіи, XXX, II.
[2]) Трехверстная карта Россіи, XXX, II.
[3]) Трехверстная карта Россіи, XXX, II.
[4]) Трехверстная карта Россіи, XXX, II.
[5]) Мышецкій, Исторія о козакахъ зап., Одесса, 1852, 73.

тоящее время Касперовскіе островки, противъ села Касперовки на правомъ берегу Днѣпра. Бѣлогрудовъ, между гирломъ Бѣлогрудовскимъ, Старымъ Днѣпромъ и Днѣпровскимъ лиманомъ. Молодняга, непосредственно ниже Бѣлогрудова, между гирлами Кицевымъ и Бѣлогрудовымъ. Кенара, («кенара» съ персидскаго на русскій, берегъ, сторона, край), у лѣваго берега Днѣпровскаго лимана, при устьѣ Збурьевскаго гирла [1]). Два острова Солонца въ росписи 1697 года, противъ залива Солонца, у праваго берега, ниже Кизы-мыса. Янушевъ или Енушевъ, у лѣваго берега Днѣпровскаго лимана, немного выше мѣстечка Станислава, длины одна верста, ширины полверсты [2]). Два острова Вербки, изъ коихъ одинъ около версты, а другой около ста саженъ длины, немного ниже мѣстечка Станислава [3]). Ольховый островокъ; Бубликовъ съ косой Бубликовой, выходящей отъ острова въ Днѣпровскій лиманъ. Застрѣльный или Стрѣльный «втягиваетъ въ Черное море» [4]).

Подводя итоги всѣмъ названіямъ днѣпровскихъ острововъ, мы видимъ, что огромнѣйшее большинство ихъ (258 противъ 7-ми) носило названія русскія, данныя имъ запорожцами. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ то заключеніе, что для тюрко-татаръ острова не имѣли той привлекательности и того значенія, какія они имѣли для запорожскихъ козаковъ: наѣздникамъ и кочевникамъ тюрко-татарамъ нужна была прежде всего степь, тогда какъ запорожцамъ, жившимъ постоянною осѣдлою жизнью, помимо степи, какъ пастбища для скота, нужны были для ловли рыбы и для сбора сѣна и днѣпровскіе острова. Оттого-то тюрко-татары такъ мало оставили своихъ слѣдовъ въ названіяхъ днѣпровскихъ островъ, предоставивъ это сдѣлать запорожцамъ. Нельзя, впрочемъ, забывать и того обстоятельства, что многихъ изъ перечисленныхъ островоъ, въ отдаленное, до появленія запорожскихъ козаковъ, время, могло вовсе и не быть при высокомъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ и только въ XVI—XVIII вѣкѣ, при постепенномъ пони-

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древ., V, прил., табл. V.
[2]) См. трехверстную карту Россіи, XXX, 10.
[3]) См. трехверстную карту Россіи, XXX, 10.
[4]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 483.

женіи воды являлись разные острова, которымъ давались различныя русскія имена.

Плавни на рѣкѣ Днѣпрѣ. Особенность Днѣпра въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей составляютъ еще такъ называемыя плавни. Плавней называется наносная, песчаная и иловатая, съ остатками перегнившихъ различнаго вида растительныхъ породъ, низменность по обоимъ берегамъ Днѣпра, покрытая травой, толстымъ камышемъ, разными деревьями: лозой, осокоремъ, вербой, шелковицей, ивой и изрѣдко дубомъ, изрѣзанная множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, лимановъ, ериковъ и въ весеннее, а иногда и въ осеннее время, покрытая сплошь, кромѣ особенно возвышенныхъ мѣстъ, называемыхъ грядами, водой. У придонскихъ жителей слову «плавня» соотвѣтствуетъ слово «займище» [1]. «Въ первой половинѣ апрѣля мѣсяца, едва только въ плавняхъ пробудится растительность и зацвѣтутъ сухоребрица, курослѣпъ, будра и другія растенія, какъ количество воды въ Днѣпрѣ, отъ таянія снѣговъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, начинаетъ увеличиваться, и низменность замѣтно покрывается водой. Въ началѣ мая уровень воды Днѣпра достигаетъ своего предѣла. Въ это время верба и лоза, растущія въ плавнѣ, или отчасти или совершенно покрываются, одна только осокорь (populus nigra), встрѣчающаяся на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ грядахъ, рѣдко досягается водой. Наступаетъ вторая половина мая, и количество воды въ Днѣпрѣ быстро уменьшается, верхушки деревьевъ чаще и чаще появляются изъ-подъ воды, и потомъ обнажается суша. Въ іюлѣ и августѣ въ плавняхъ изрѣдка только видны озера, болота и проточные ручейки, такъ называемые ерики. Растительность въ это время здѣсь довольно роскошна и разнообразна» [2].

Плавни придаютъ рѣкѣ живописный и величественный видъ и по справедливости считаются источникомъ богатствъ для приднѣпровскихъ жителей. Изъ двухъ береговъ Днѣпра лѣвый имѣетъ гораздо болѣе плавенъ, нежели правый, что зависитъ отъ самаго положенія того и другаго берега· правый берегъ въ большинствѣ

---

[1]) Общежитіе донскихъ козаковъ, Новочеркасскъ, 1892, 27.

[2]) Срединскій, Матеріалы для флоры Новороссійскаго края. 1872. 39.

случаевъ высокій, и потому поемныхъ мѣстъ на немъ сравнительно мало; лѣвый берегъ отлогъ, и потому плавенъ здѣсь довольно значительное пространство. По правому берегу Днѣпра въ запорожскихъ предѣлахъ плавни начинались отъ рѣки Сухаго-Омельника и отсюда шли, съ небольшими перерывами, до Новаго-Кодака, на протяженіи почти девяноста верстъ, при чемъ здѣсь значительная часть плавенъ представляетъ изъ себя большіе острова, лежащіе у самаго берега Днѣпра и въ сухое время соединяющіеся съ материкомъ; далѣе плавни вновь начинались значительно ниже пороговъ и большаго острова Хортицы выше запорожскаго урочища Бѣленькаго, теперь селенія того же имени, противъ острова Наливача; далѣе шли съ небольшими перерывами по-надъ устьями рѣчекъ и вѣтокъ Тараса, Ненажоры, Бугая, Томаковки, Лысогорскаго лимана, Лапинки, Чортомлыка, Подпильной, Базавлука, Великихъ-Водъ и нѣсколько ниже ихъ, на протяженіи около восьмидесяти верстъ; затѣмъ онѣ опять возобновлялись противъ устья рѣки Козацкаго-Рѣчища и острова Каменки, иначе противъ бывшей Каменской Сѣчи, и тянулись далѣе съ нѣкоторыми перерывами до самаго устья рѣки Буга. Въ соотвѣтствіе правому берегу шли плавни и съ лѣвой стороны Днѣпра: здѣсь онѣ начинались отъ устья рѣки Орели и шли почти до того мѣста, гдѣ съ правой стороны выступалъ въ Днѣпръ рогъ Тарамскій, на протяженіи около сорока верстъ; далѣе начинались ниже устья рѣчки Мокрой-Московки и тянулись безпрерывно до перваго впаденія въ Днѣпръ рѣки Конки, между урочищемъ Паліивщиной и островомъ Варавинымъ, что составляетъ семьдесятъ верстъ длины при семи, иногда десяти и даже пятнадцати верстъ наибольшей ширины, а въ общемъ 64,000 десятинъ земли; эта часть плавенъ, вслѣдствіе своей большой и безпрерывной длины, вслѣдствіе непроходимой растительности, множества озеръ, рѣчекъ, заливовъ, лимановъ и ериковъ, называлась у запорожскихъ козаковъ Великимъ-Лугомъ [1]); для запорожца, незнавшаго въ средѣ суровыхъ товарищей своихъ «ни неньки риднѐнькои, ни сестры жалибнѐнькои, ни дружины вирнѐнь-

[1]) Лугъ у великорусовъ — травная земля, пожня, пойма (Даль); у хорватовъ—лѣсъ (Стул.), въ сродствѣ съ этимъ словомъ слово «лужа» въ смыслѣ застойной воды (Даль), праславянскаго корня.

кои», всю родню составляла Сичъ да Великій-Лугъ: «Сичъ—мáти, а Вéликій-Лугъ—бáтько, отáмъ трèба й умирáти». Здѣсь запорожецъ, что рыба въ морѣ: тутъ его не достанетъ ни «татаринъ-басурманинъ, ни ляхъ поганый». Далѣе плавни снова начинались по лѣвому берегу Днѣпра противъ острова Тавани и отсюда кромѣ небольшаго пространства въ пять верстъ ниже Тавани шли внизъ до самыхъ гирлъ днѣпровскихъ противъ впаденія въ Днѣпръ рѣки Буга съ правой стороны; на этомъ пространствѣ извѣстны были у запорожцевъ плавни Корнѣйкова, Вчерашняя и Краснякова, послѣдняя выше косы Нетребки. Особенность этой части днѣпровскихъ плавенъ, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что онѣ, начиная отъ острова Хортицы и кончая островомъ Кошевымъ, постепенно понижаются въ своемъ уровнѣ; ниже города Херсона высота днѣпровскихъ плавенъ лежитъ почти на уровнѣ водъ; вмѣстѣ съ этимъ пониженіемъ мѣняется и характеръ самой растительности: въ верхней оконечности плавенъ произрастаетъ по преимуществу дубъ, осокорь, верба, лоза; въ нижней—камышъ, достигающій здѣсь 6 аршинъ высоты, и во время разлитія воды, такъ называемыя нитчатыя водоросли, сильно задерживающія ростъ травы, по спаденіи воды [1]).

Плавни извѣстны были еще отцу исторіи Геродоту; въ его «Гилеѣ», то есть лѣсной мѣстности Борисѳена, нужно видѣть лѣвобережныя плавни Днѣпра, начиная отъ мѣста теперешняго города Алешекъ и до устья рѣчки Мокрой-Московки, у города Александровска, включая сюда Великій-Лугъ, но исключая песчаное пространство кучугуръ между сѣверною оконечностью острова Тавани и мѣстомъ перваго паденія рѣки Конки въ Днѣпръ, близъ урочища Паліивщины. Для запорожскихъ козаковъ плавни доставляли огромныя выгоды: здѣсь они скрывались отъ враговъ, рубили лѣсъ, добывали подножный кормъ для скота, косили камышъ для топки, ловили рыбу и раковъ, стрѣляли дикихъ птицъ, козъ и кабановъ, разводили пасѣки, пилили клепку для боченковъ, разводили разнаго рода овощи и т. п.; общая засуха, вред[illegible] степной растительности, не имѣла почти никакого вреда [illegible] тительности въ плавняхъ.

---

[1]) Срединскій, Матеріалы для флоры новороссій[illegible]са.

Дармалюевкой и Коловоротомъ, иначе между селеніями Михайловкой и Саблуковкой съ правой и Большой и Малой Лепетихами съ лѣвой стороны. Евпатинскій въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года, на первой противъ вѣтки Евпатихи, на второмъ между Днѣприщемъ и Хреской, 1 верста длины и 200 саженъ ширины. Къ какому мѣсту пріурочить этотъ островъ въ настоящее время, точно сказать нельзя: если подъ Днѣприщемъ разумѣть Днѣприще съ правой стороны Днѣпра противъ Большой-Лепетихи, а подъ Хреской—вѣтку Хвеську, тутъ жъ впадающую въ Днѣприще, то Евпатинскій островъ нужно помѣстить противъ Большой Лепетихи,—здѣсь есть островъ, называемый въ настоящее время Лепетишинымъ. Просередъ на атласѣ Днѣпра 1786 года и въ настоящее время; 600 саженъ длины и 100 саженъ ширины, на 8 верстъ и 200 саженъ ниже Евпатинскаго, между устьемъ Конки съ лѣвой стороны и вѣткой Еретикомъ съ правой [1]); ему соотвѣтствуетъ безъименный островъ на трехверстной картѣ Россіи, противъ балки Широкой съ лѣвой стороны, выше Сѣверныхъ-Каиръ и Саблуковки. Козмацкій, извѣстный у Боплана подъ именемъ Каиръ-Космака, получившій свое названіе отъ татарскихъ словъ «каир»—песокъ и «козмак»—рыть, если говорится о водѣ, то «подмывать», отсюда Каиръ-Космакъ значитъ островъ изъ наноснаго песку; при Бопланѣ онъ имѣлъ въ длину не болѣе полумили [2]); получилъ свое названіе отъ вѣтки Космахи, идущей между правымъ берегомъ Днѣпра и островомъ Носоковкою. Тамъ скрывались козаки при выходѣ въ Черное море, изъ опасенія, чтобъ ихъ не открыла турецкая стража, которая всегда находилась близъ Исламова-городка на рукавѣ Тавани [3]). Каиръ островъ, извѣстный еще Боплану и получившій свое названіе или отъ татарскаго «кагир»—произносимаго «ка'ир», песокъ, т. е. Песчаный островъ, (у киргизовъ каиръ—низкій песчаный берегъ), или-же отъ города Каиръ-мечети, стоявшаго у лѣваго берега Днѣпра, противъ острова. Сама Каиръ-мечеть есть видоизмѣненное арабское слово «хайръ» («хаиръ, каиръ)—

---

[1]) На трехверстной картѣ Россіи ошибочно напечатано вм. «Еретикъ», «Критикъ»; рядъ XIX, листъ 12.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 28.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

благотвореніе и «мясджидъ»—мечеть, что въ общемъ значитъ «Мечеть, построенная на благотворительныя средства». Существованіе крѣпостиКаиръ-мечети на берегу Днѣпра, противъ острова Каира, подтверждается картой Риччи Занони, на которой по польски означена «Kaur-Meczet», а потатарски Хайръ-Мазгитъ». «Островъ Каиръ, по словамъ Боплана, совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ пяти до шести миль; одна часть его покрыта камышомъ, а другая ветлою. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ русской сторонѣ, а потому восточный берегъ острова гораздо шире, но зато западный не потопляется разлитіемъ рѣки» [1]). На генеральной картѣ Ивана Исленьева 1779 года островъ Каиръ названъ Каирской-плавней; верхній конецъ ея находится противъ рѣчки Носоковки, средній противъ рѣчекъ Мѣловой и Каменки; и южный противъ Дресмановки, почти до острова Тавани, длины до 40 верстъ; на картѣ Крыма адъюнкта академіи Шмидта 1777 года онъ имѣетъ до 30 верстъ [2]); на атласѣ Днѣпра 1786 года называется Меловой-плавней; въ южномъ концѣ Мѣловой плавни къ правому берегу противъ села Мѣловаго поставленъ островъ Пильный, верста длины и 50 саженъ ширины [3]); къ лѣвому берегу поставленъ островъ Затынный, 3 версты длины и 200 саженъ ширины; оба означены на атласѣ Днѣпра 1786 года [4]). Омиловскій въ росписи 1697 года, теперь Мѣловой, противъ устья рѣчки или теперь балки Мѣловой, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны. Каменка въ росписи 1697 года, Коженинъ на атласѣ Днѣпра 1786 года, 3 версты 200 саженъ длины и 400 саженъ ширины; расположенъ противъ устья рѣчки Каменки, принадлежитъ тремъ владѣльцамъ: Огаркову, Блажкову и Полуденному.

Выше Каменскаго острова, при впаденіи рѣчки Каменки въ Козацкое Рѣчище, была у запорожскихъ козаковъ четвертая по счету Сича, Каменская, основанная въ 1730 году и просуществовавшая

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 27.

[2]) Въ Императорской публичной библіотекѣ, отдѣлъ плановъ и атласовъ

[3]) Русовъ ошибочно прочиталъ вмѣсто «Пильный» (Подпильный) «Вильный». Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 134.

[4]) Въ Росписи 1697 года Космацкій островъ ставится ниже острова Каменки, Лѣтопись Величка, III, 478.

около четырехъ лѣтъ. Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ въ настоящее время остались ямы отъ козацкихъ куреней и нѣсколько могильныхъ насыпей, въ томъ числѣ могильный холмъ надъ прахомъ кошевого атамана Василія Ерофеева, умершаго въ 1731 года, 23 мая, и Константина Гордѣевича Головка или Гордіенка, умершаго въ 1733 году 4 мая. Мѣсто Каменской Сичи въ настоящее время принадлежитъ владѣльцу М. Ѳ. Огаркову и извѣстно подъ именемъ Консуловки или Разоровки, херсонскаго уѣзда.

За Каменскимъ островомъ слѣдуютъ острова—Полуденный, образовавшійся всего лѣтъ сорокъ тому назадъ и получившій свое названіе отъ владѣльца Полуденнаго; Санжаревскій [1]) островъ, образовавшійся всего 15 лѣтъ тому назадъ, расположенный нѣсколько выше бесѣдки, устроенной на правомъ берегу Днѣпра монахами Бизюкова монастыря, и получившій свое названіе отъ владѣльца Санжаревскаго. Костырка, на планѣ Днѣпра 1786 года Костырскій островъ, 3 версты длины и 350 саженъ ширины, противъ балки Костырки, падающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, и колоніи Шведской съ той же стороны. Бѣшенный островъ, противъ южнаго конца Костырки и озера Серебрянаго, ниже вѣтки Чаплинки, около версты длины и полуверсты ширины [2]). Старливецкій, иначе, какъ кажется, Старо-Шведскій, около одной версты длины и около полуверсты ширины. Попчины острова, параллельно одинъ другому, около одной версты длины и около полуверсты ширины, близъ деревни Сомовой или Любимовой съ лѣвой стороны. Домаха на атласѣ рѣки Днѣпра 1863 года, между рѣчками Домахой и Конкой, противъ мѣстечка Каховки, почти полторы версты длины, полтораста саженъ ширины. Лысый островъ или урочище Лысая-Гора, у Мышецкаго урочище Высшей-Головы Космахи [3]), у праваго берега Днѣпра противъ мѣстечка Каховки.

Тавань, иногда ошибочно называемый Тамань [4]), островъ, по·

---

[1]) Одного значенія съ именемъ султана Санджаръ, что отъ корня ченчеръ или сенчеръ значитъ «пронзающій», или же отъ джагатайскаго санджаръ—«колючій». Профессоръ Коршъ.

[2]) См. трехверстную карту Россіи, XXX, 12.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 71.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XII, 99.

лучившій свое названіе, по одному толкованію, отъ татарскаго слова «туганъ»—ястребъ [1]), или по другому, отъ турецко-татарскаго табанъ—подошва [2]), имѣлъ, по Боплану, 2 мили длины и $^1/_3$ мили ширины [3]), по картѣ 1777 года 15 верстъ длины и 5 верстъ ширины; высшая голова Тавани доходила до теперешняго мѣстечка Каховки, днѣпровскаго уѣзда, низшая голова—до Голой пристани. На картѣ Исленьсьева 1779 года Тавань островъ поставленъ между Кызыкерменемъ и Голой-Пристанью [4]). Съ древнихъ временъ на островѣ Тавани имѣлись двѣ турецкихъ крѣпости, изъ коихъ одна называласъ крѣпость Тавань или Мустритъ-кермень и стояла на низшей головѣ острова, противъКызыкерменя, другая Муберекъ-кермень или Шагинъ-Гирей (Шанъ или Санъ Гирей), на томъ же островѣ Тавани, надъ рѣчкою Конкою, на двѣ версты выше крѣпости Тавани, противъ Асламъ-керменя. На крымскомъ берегу, подъ рѣчкою Конкою, противъ Муберекъ-керменя, стояла третья крѣпость, какъ бы дополняющая двѣ первыхъ, Асламъ-кермень. Такъ объ томъ говоритъ лѣтописецъ Величко [5]). Въ актахъ XVII вѣка находимъ подтвержденіе словъ Величка: «О донцахъ также припомните, чтобъ на море не шли, потому что татаровя всѣ къ Осламу городку *на ту сторону* (лѣвую или крымскую) Днѣпра отпровадились совсѣмъ» [6]) Асламъ-кермень или на картѣ Риччи-Занони Асланъ-олу, въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ Асламъ, Аславъ, Аланъ, Осланъ, Оламъ, Исламъ, Сламъ—въ 3-хъ миляхъ отъ Олешекъ [7]), правильнѣе Арсланъ-оглы или оглу, что значитъ сынъ льва (оглу — сынъ, арсланъ — левъ). На картѣ адъютанта академіи Шмидта 1777 года Асламъ-кермень поставленъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, на материкѣ, противъ острова Тавани, нѣсколько ниже вершины его. Въ актахъ XVII вѣка о Тавани и его городкахъ говорится слѣдующее: «Татаровя перевозятся въ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 494.

[2]) Переходъ *б* въ *в* послѣ гласной свойственъ нѣкоторымъ татарскимъ нарѣчіямъ, напр. наманганскому говору сартовскаго. Профессоръ Коршъ.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 28.

[4]) См. планъ II, приложеніе къ настоящему труду.

[5]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 443.

[6]) Акты южной и западной Россіи, X, 555.

[7]) Акты, VI, 200; IX, 419, 448, 555, 562; XIV, 110, 111, XV, 27.

Тавани, противъ Исламъ-городка съ черкасскіе стороны на крымскую сторону; а Тавань изъ Чигирина въ четырехъ дняхъ». «А Хмельницкій (Юрій) судами морскими пришелъ изъ Царяграда въ городъ Таваню, который на островѣ» [1]). Островъ Тавань съ его двумя крѣпостями и со смежною крѣпостью на берегу рѣки Днѣпра имѣетъ свою исторію. Въ 1556 году крѣпость Асламъ-кермень была взята у турокъ низовыми козаками подъ начальствомъ князя Димитрія Вишневецкаго и путивльскими козаками подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго. Въ 1558 году тотъ же князь Вишневецкій простоялъ 3 дня у Таванской переправы, близъ Асламъ-керменя, а потомъ провелъ цѣлое лѣто въ этой крѣпости. Въ 1559 году мимо острова Тавани плылъ со своими московскими ратными людьми окольничій Даніилъ Адашевъ, разгромившій потомъ Крымъ и счастливо вернувшійся назадъ, вверхъ по Днѣпру, до мыса Монастырька, противъ Ненасытецкаго порога [2]). Въ 1665 году у Таванскаго острова запорожцы разбили нѣсколько турецкихъ судовъ, которые собрались было здѣсь съ тою цѣлью, чтобы идти подъ Чортомлыцкую Сичь. Въ 1670 году на островѣ Тавани одно время стоялъ съ морскими судами гетманъ Богданъ Хмельницкій, ожидавшій здѣсь своего союзника, крымскаго хана. Въ 1671 году кошевой атаманъ Михайло Ханенко, сдѣлавшійся потомъ гетманомъ Малороссіи, взялъ противъ острова Тавани городъ Асламъ-кермень и угналъ оттуда много скота [3]). Въ 1673 году кошевой атаманъ Иванъ Сирко «взялъ взятьемъ» и разорилъ тотъ же городъ Асламъ-кермень, вновь возобновленный было турками, въ виду того, что раньше отъ этого города запорожскимъ козакамъ была «тѣснота великая» [4]). Въ 1673 году на Тавани былъ побитъ запорожцами крымскій калга-салтанъ: «Какъ въ осень шолъ съ Украйны калга-салтанъ въ Крымъ, и въ Тамани (читай *въ Тавани*) отъ коша верстъ съ 60 внизъ, межъ турскими и крымскими городками, его они (козаки) разбили и многъ ясырь у него отбили и наметъ его взяли и тотъ наметъ отослали войскомъ въ дарѣхъ къ гетману» [5]). Въ 1679 году

---

[1]) Акты, X, 587; IX, 265.

[2]) Лѣтопись по Никонову списку, СПБ., 1791, 266, 272—275, 293—298.

[3]) Акты южной и западной Россіи, IX, 419, 448.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XI, 272.

[5]) Акты южной и западной Россіи, XII, 99.

кошевой атаманъ Иванъ Сирко съ запорожскими козаками и съ русскими ратниками ходилъ разорять Тавань и Кызыкермень, въ тотъ же годъ устроенные турками [1]). Въ 1688 году запорожцы не разъ ходили подъ Асламъ-кермень и угоняли оттуда конскія стада. Въ 1694 году запорожская ватага въ 400 человѣкъ, предводимая какимъ-то ватагóмъ Семеномъ да полковникомъ Лескомъ Максименкомъ, прокралась по Днѣпру и его вѣткѣ Конкѣ мимо Асламъ-керменя и пробралась въ Крымъ, гдѣ много бѣдъ причинила татарамъ и потомъ вернулась благополучно въ Сичь. Въ 1695 году всѣ три крѣпости, Тавань, или Мустритъ-кермень, Муберекъ-кермень и Асламъ-кермень, взяты были оружіемъ русско-козацкихъ войскъ, предводимыхъ гетманомъ Мазепой, бояриномъ Шереметевымъ и кошевымъ атаманомъ Максимомъ Самойленкомъ Въ 1697 году гетманъ Иванъ Мазепа, князь Яковъ Долгорукій и кошевой атаманъ Григорій Яковенко вновь дѣйствовали у острова Тавани и трехъ его крѣпостей, при чемъ около старой крѣпости Тавани они заложили новый, болѣе обширный, городъ, укрѣпили его глубокими рвами, обнесли толстыми, высокими каменными стѣнами, и по стѣнамъ завалили дерновыми и земляными кошами; крѣпость же Муберекъ-кермень, или Шагинь-Гирей, взорвали на воздухъ [2]). Въ 1736 году на островѣ Тавани, во время русско-турецкой войны, построенъ былъ «отъ россійскихъ войскъ ретраншементъ» [3]); въ 1739 году здѣсь построенъ былъ русскими Таванскій редутъ; тутъ же стоялъ турецкій замокъ Шангирей, отъ котораго получилъ свое названіе стоявшій на лѣвомъ берегу Днѣпра выше острова Тавани Шангирейскій ретраншементъ, построенный русскими въ 1771 году для содержанія магазина и прикрытія производимыхъ транспортовъ въ Крымъ, и означенный на атласѣ Днѣпра 1786 года на три версты выше Кизыкерменя, у лѣваго берега Днѣпра; отъ замка Тавани видны были укрѣпленія еще въ 1774 г. [4]).

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 340, 428, 433.

[2]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, III, 69, 207, 221—225, 256.

[3]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Россіи, Кіевъ, 1888, 32; по Мышецкому, этотъ ретрашементъ построенъ въ 1738 и назывался Андреевскимъ: Исторія, 64.

[4]) Записки одесскаго общ. истор. и древн., VII, 178, примѣчаніе 50; Бопланъ, Описаніе Украйны, 64.

Противъ острова Тавани, на правомъ берегу Днѣпра, стоялъ турецкій городъ Кызыкермень [1]), теперь Бериславъ херсонскаго уѣзда; отъ Кызыкерменя до крѣпости Тавани, черезъ рѣку Днѣпръ, протянуты были желѣзныя цѣпи, съ тою цѣлью, чтобы не дать возможности никому изъ непріятелей, въ ночное время пройти черезъ турецкія границы; такія же цѣпи были протянуты и отъ крѣпости Исламъ-керменя къ Кызыкерменю, черезъ рѣку Конку, до крымской стороны, а посреди рѣкъ Днѣпра и Конки устроены были ворота, на которыя наведены были изъ обѣихъ крѣпостей пушки. Если кто пытался проѣхать мимо острова Тавани, то турки стрѣляли изъ пушекъ и тѣмъ останавливали всякую попытку со стороны враговъ пробраться черезъ границу ихъ владѣній, что, впрочемъ, въ глазахъ запорожскихъ козаковъ оказывалось сущимъ пустякомъ, такъ какъ они, пустивъ впереди себя срубленное дерево и заставивъ турокъ истратить всѣ артиллерійскіе запасы на ударившееся дерево, сами потомъ безбоязненно проходили внизъ, къ устью Днѣпра, мимо острова Тавани [2]). Въ настоящее время противъ бывшаго города Кизыкерменя, въ рѣкѣ Днѣпрѣ, стоитъ небольшой островъ Денисенковъ, длины въ одну версту, ширины въ полверсты, съ остатками фундамента отъ каменной крѣпости, покрытый по берегамъ небольшимъ лѣсомъ; видимо, это есть остатокъ отъ большаго острова Тавани.

На пять верстъ ниже Кизыкерменя стоитъ островъ Козацкій, означенный въ росписи 1697 года, на атласѣ Днѣпра 1786 года, на картѣ Исленьева 1779 и на картѣ Крыма Шмидта 1777 года, противъ вѣтки Козацкой, у праваго берега Днѣпра, 15 верстъ длины и 2 версты ширины, сѣвернымъ концомъ нѣсколько ниже Козацкой-Каменки, срединой противъ вѣтки Идеромли, южнымъ концомъ немного ниже рѣчки Бургунки [3]). За нимъ слѣдуетъ Писарев-

[1]) Слово «Кызыкермень» одни производятъ отъ турецкихъ словъ «кызы»—дѣвица, другіе отъ «кизил»—красный, третьи отъ «казы»—судья и «кермень»—крѣпость; въ русскихъ актахъ пишется Казыкермень (Акты южной и западной Россіи, XI, 583; XII, 139, 848).

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, 11—13; Дневникъ Тяпкина и Зотова; Записки одес. общ. ист. и древн., II, 645; VII, 178, примѣч. 50.

[3]) На атласѣ Днѣпра 1786 года 13 верстъ 30) саж. длины и 2 версты ширины.

скій островъ, полторы версты длины и одна верста ширины, видимо оторванный отъ южнаго конца острова Козацкаго, отдѣленный отъ послѣдняго протокомъ Домахой и покрытый прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ. Бургунскій островъ длины около полумили [1]); свое названіе онъ получилъ отъ мыса Бургуна, въ свою очередь получившаго названіе отъ тюркскаго слова «бургу», что значитъ сверло, буравъ, т. е. острой, какъ буравъ, скалы. Ниже Бургунскаго острова слѣдуютъ три острова Хруловыхъ или правильнѣе Фроловыхъ [2]), расположенныхъ противъ Фроловаго или Чернечьяго лимана.

За Хруловыми островами слѣдуетъ островъ Тягинскій, извѣстный Боплану, получившій свое названіе отъ тюркскаго слова «тегене́к» — терновникъ, волчецъ, и расположенный у праваго берега Днѣпра, противъ устья рѣчки Тягинки, теперь села и балки Тягинки. Въ настоящее время противъ устья рѣчки или балки Тягинки имѣется три Тягинскихъ острова, расположенныхъ параллельно одинъ другому, отъ запада къ востоку. Изъ этихъ островковъ первый къ устью балки Тягинки носитъ названіе Малаго Городища, имѣетъ около 1/4 версты длины, довольно высокъ и никогда не затопляется водой. Другой островъ называется Большимъ Городищемъ или Городкомъ, имѣетъ въ окружности 900 саженъ, отвѣсной высоты къ востоку сверхъ 10 саженъ; на немъ имѣются развалины городка въ 200 саженъ длины съ юговосточной стороны параллельно Днѣпру. На западной сторонѣ острова имѣется, въ 36 саженей въ окружности, звѣздообразное съ тремя ложементами укрѣпленіе. Средина острова лишена всякой лѣсной растительности и только окраины его кое-гдѣ покрыты невысокими кустарниками. Объ этомъ именно островѣ говоритъ князь Мышецкій въ своей Исторіи о козакахъ запорожскихъ: «При оной рѣкѣ (Тягинкѣ), у самаго Днѣпра, имѣлся великой городокъ Тягинка и при немъ триугольный замокъ съ круглыми башнями, кругъ котораго водою окружило; въ длину оный городокъ верста, а въ ширину болѣе полуверсты, у котораго фундаментъ каменный и нынѣ знатенъ. А построенъ тамъ отъ древнихъ нѣмецкихъ народовъ франковъ. А въ 1738 году отъ россіянъ оный замокъ былъ

[1]) Бопланъ, Описаніе Укр[illegible] 1832, 29.
[2]) Записки одесск. общ. и[illegible] I., III, 576.

возобновленъ [1]). Въ 1676 году у острова Тягинки стояло 40.000 человѣкъ татаръ, собравшихся здѣсь съ цѣлью двинуться въ походъ на Украйну [2]). Третій островъ носитъ названіе Рѣчища, имѣетъ около одной версты въ длину, покрытъ лѣсомъ, сидитъ очень низко и всегда покрывается въ весеннее время водой. Тогда какъ первые два острова древнѣйшаго происхожденія, послѣдній— сравнительно недавняго, образовался изъ наноснаго рѣчного песка. Всѣ три острова составляютъ собственность землевладѣльца Ивана Ивановича Волохина, собственника села Тягинки, купленной Волохинымъ у Н. В. Энгельгардта въ 1859 году.

За Тягинскимъ островомъ слѣдуетъ Дѣдовъ на атласѣ 1786 года, теперь плавня Понятовскаго, шестнадцать съ половиной верстъ длины и двѣ версты ширины, стоитъ противъ Понятовки, у праваго берега Днѣпра, охватывается Дидовымъ лиманомъ, Конкой и Днѣпромъ, раздѣляется на двѣ половины рѣчкою Ерикомъ, идущею отъ востока къ западу, принадлежитъ частію владѣльцу Тропину, частію крестьянамъ Понятовки. Отъ Дѣдова острова отдѣляются къ правому берегу Днѣпра, противъ устья Ингульца и села Фалѣевки, Ингульскій островъ, одна верста длины и 70 саженъ ширины, и къ лѣвому берегу отъ Ингульскаго острова Сомовскіе или Сомовы, числомъ семь, изъ коихъ самый большой имѣетъ 650 саженъ длины и 50 саженъ наибольшей ширины; оба означены въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года; самый большой изъ Сомовыхъ острововъ по атласу Днѣпра имѣетъ двѣ съ половиной версты длины, полверсты ширины.

Ниже Сомовыхъ острововъ, съ лѣвой стороны, на песчаной равнинѣ, къ востоку отъ теперешняго города таврической губерніи Алешекъ, «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ», была у запорожскихъ козаковъ Сича Алешковская; отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ въ настоящее время ничего не осталось.

Тенгинка островъ, теперь смытый водой, но стоявшій среди Днѣпра, противъ деревни Антоновки или Широкой, выше хуторовъ Тенгинки [3]) (по народному Киндійки), расположенныхъ у пра-

---

[1]) Исторія о козакахъ запорож., Одесса, 1252, 72.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XII, 531, 570.

[3]) Трехверстная карта Россіи, XXX, II.

ваго берега Днѣпра; приблизительная длина этого острова—3 версты, наибольшая ширина около 1 версты. Кошевой въ росписи 1697 года, иначе Карантинный или Кордонный островъ [1]), на пять верстъ ниже города Алешекъ, между рѣками Кошевой, Стеблiивскимъ лиманомъ и Ольховымъ Днѣпромъ, пять верстъ длины и двѣ съ половиной ширины, въ настоящее время застроенъ лѣсопильнями и шерстомойнями города Херсона. Потемкинъ между Ольховымъ Днѣпромъ съ правой стороны и Старымъ Днѣпромъ съ лѣвой, противъ Кардашинскаго лимана и рѣчки Конки, четыре версты длины и двѣ съ половиной ширины [2]). Галухинъ, противъ Потемкина острова и Голой-Пристани, между Ольховымъ Днѣпромъ съ правой стороны и Старымъ Днѣпромъ съ лѣвой, восемь верстъ длины и семь ширины [3]). Въ настоящее время ниже города Херсона различаются два острова,—островъ Малый Потемкинъ, небольшой островокъ, противъ вершины Лимана Стеблiивскаго, и островъ Большой Потемкинъ—тоже, что на трехверстной картѣ Галухинъ—больше 4-хъ верстъ длины съ озерами Пожарнымъ, Закитнымъ, Орловымъ и Лиховымъ. Ольховый или Запорожскiй, западнѣе отъ острова Галухина, между рѣкой Кошевой справа и Ольховымъ Днѣпромъ слѣва, противъ деревни Арнаутовки [4]). Виноградный смежно съ Ольховымъ, въ росписи 1697 года, между Виноградным озеромъ и рѣкой Кошевой. Точковый или Тичковатый, въ той же росписи 1697 года, смежно съ Ольховымъ, между озеромъ Тичковатымъ и рѣкой Кошевой. Бобровые въ росписи 1697 года, между Кардашинскимъ лиманомъ и Голою-Пристанью. Погорѣлый, непосредственно за Галухинымъ островомъ, противъ Бѣлаго озера съ правой стороны и Збурьевскаго лимана съ лѣвой, десять верстъ длины и шесть ширины. Островъ св. Анны, на 25 верстъ ниже рѣчки Бѣлозерки, падающей въ Днѣпръ съ правой стороны, при самомъ устьѣ Днѣпра; здѣсь былъ построенъ русскими редутъ [5]). Кривошiйни островки и Ольховки въ росписи 1697 года, въ нас-

---

[1]) Трехверстная карта Россiи, XXX, II.
[2]) Трехверстная карта Россiи, XXX, II.
[3]) Трехверстная карта Россiи, XXX, II.
[4]) Трехверстная карта Россiи, XXX, II.
[5]) Мышецкiй, Исторiя о козакахъ зап., Одесса, 1852, 73.

тоящее время Касперовскіе островки, противъ села Касперовки на правомъ берегу Днѣпра. Бѣлогрудовъ, между гирломъ Бѣлогрудовскимъ, Старымъ Днѣпромъ и Днѣпровскимъ лиманомъ. Молодняга, непосредственно ниже Бѣлогрудова, между гирлами Кицевымъ и Бѣлогрудовымъ. Кенара, («кенара» съ персидскаго на русскій, берегъ, сторона, край), у лѣваго берега Днѣпровскаго лимана, при устьѣ Збурьевскаго гирла [1]). Два острова Солонца въ росписи 1697 года, противъ залива Солонца, у праваго берега, ниже Кизы-мыса. Янушевъ или Енушевъ, у лѣваго берега Днѣпровскаго лимана, немного выше мѣстечка Станислава, длины одна верста, ширины полверсты [2]). Два острова Вербки, изъ коихъ одинъ около версты, а другой около ста саженъ длины, немного ниже мѣстечка Станислава [3]). Ольховый островокъ; Бубликовъ съ косой Бубликовой, выходящей отъ острова въ Днѣпровскій лиманъ. Застрѣльный или Стрѣльный «втягиваетъ въ Черное море» [4]).

Подводя итоги всѣмъ названіямъ днѣпровскихъ острововъ, мы видимъ, что огромнѣйшее большинство ихъ (258 противъ 7-ми) носило названія русскія, данныя имъ запорожцами. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ то заключеніе, что для тюрко-татаръ острова не имѣли той привлекательности и того значенія, какія они имѣли для запорожскихъ козаковъ: наѣздникамъ и кочевникамъ тюрко-татарамъ нужна была прежде всего степь, тогда какъ запорожцамъ, жившимъ постоянною осѣдлою жизнью, помимо степи, какъ пастбища для скота, нужны были для ловли рыбы и для сбора сѣна и днѣпровскіе острова. Оттого-то тюрко-татары такъ мало оставили своихъ слѣдовъ въ названіяхъ днѣпровскихъ островъ, предоставивъ это сдѣлать запорожцамъ. Нельзя, впрочемъ, забывать и того обстоятельства, что многихъ изъ перечисленныхъ острововъ, въ отдаленное, до появленія запорожскихъ козаковъ, время, могло вовсе и не быть при высокомъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ и только въ XVI—XVIII вѣкѣ, при постепенномъ пони-

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древ., V, прил., табл. V.
[2]) См. трехверстную карту Россіи, XXX, 10.
[3]) См. трехверстную карту Россіи, XXX, 10.
[4]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 483.

женіи воды являлись разные острова, которымъ давались различныя русскія имена.

Плавни на рѣкѣ Днѣпрѣ. Особенность Днѣпра въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей составляютъ еще такъ называемыя плавни. Плавней называется наносная, песчаная и иловатая, съ остатками перегнившихъ различнаго вида растительныхъ породъ, низменность по обоимъ берегамъ Днѣпра, покрытая травой, толстымъ камышемъ, разными деревьями: лозой, осокоремъ, вербой, шелковицей, ивой и изрѣдко дубомъ, изрѣзанная множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, лимановъ, ериковъ и въ весеннее, а иногда и въ осеннее время, покрытая сплошь, кромѣ особенно возвышенныхъ мѣстъ, называемыхъ грядами, водой. У придонскихъ жителей слову «плавня» соотвѣтствуетъ слово «займище» [1]). «Въ первой половинѣ апрѣля мѣсяца, едва только въ плавняхъ пробудится растительность и зацвѣтутъ сухоребрица, курослѣпъ, будра и другія растенія, какъ количество воды въ Днѣпрѣ, отъ таянія снѣговъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, начинаетъ увеличиваться, и низменность замѣтно покрывается водой. Въ началѣ мая уровень воды Днѣпра достигаетъ своего предѣла. Въ это время верба и лоза, растущія въ плавнѣ, или отчасти или совершенно покрываются, одна только осокорь (populus nigra), встрѣчающаяся на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ грядахъ, рѣдко досягается водой. Наступаетъ вторая половина мая, и количество воды въ Днѣпрѣ быстро уменьшается, верхушки деревьевъ чаще и чаще появляются изъ-подъ воды, и потомъ обнажается суша. Въ іюлѣ и августѣ въ плавняхъ изрѣдка только видны озера, болота и проточные ручейки, такъ называемые ерики. Растительность въ это время здѣсь довольно роскошна и разнообразна» [2]).

Плавни придаютъ рѣкѣ живописный и величественный видъ и по справедливости считаются источникомъ богатствъ для приднѣпровскихъ жителей. Изъ двухъ береговъ Днѣпра лѣвый имѣетъ гораздо болѣе плавенъ, нежели правый, что зависитъ отъ самаго положенія того и другаго берега· правый берегъ въ большинствѣ

[1]) Общежитіе донскихъ козаковъ, Новочеркасскъ, 1892, 27.

[2]) Срединскій, Матеріалы для флоры Новороссійскаго края, Одесса, 1872, 39.

Холуи на рѣкѣ Днѣпрѣ. Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытые лѣсною растительностію и ежегодно размываемыхъ водой, такъ и Днѣпръ, имѣющій тѣ же особенности, не свободенъ отъ хо̀луевъ. Хо̀луи или карчи суть не что иное, какъ подводные пни, загромождающіе дно Днѣпра, то совершенно скрывающіеся въ водѣ, то на нѣсколько футовъ возвышающіеся надъ ней. Они наносятся въ рѣку весеннимъ разливомъ воды изъ днѣпровскихъ плавенъ; это происходитъ оттого, что стоящіе въ плавняхъ по десяткамъ и даже сотнямъ лѣтъ осокори и вербы потомъ подгниваютъ, падаютъ и затѣмъ уносятся весенней водой въ Днѣпръ; въ Днѣпрѣ они ложатся или цѣликомъ или по частямъ, вѣтвями и пнями; въ томъ и другомъ случаѣ они называются холуями или карчами. Холуи начинались ниже Микитина-Рога, теперешняго Никополя, и далѣе шли до острова Тавани противъ города Кызыкерменя; отсюда до вѣтки Кошевой и острова Потемкина они встрѣчаются рѣже, и между Потемкинымъ островомъ и лиманомъ совсѣмъ исчезаютъ. Присутствіе холуевъ въ Днѣпрѣ ниже Микитина-Рога и далѣе объясняется съ одной стороны большимъ лѣсомъ Великаго-Луга, а съ другой тѣмъ обстоятельствомъ, что съ этого мѣста Днѣпръ особенно сильно рѣжетъ свой правый берегъ и тѣмъ валитъ въ рѣку множество деревьевъ совсѣмъ съ вѣтвями и корнями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Притоки рѣки Днѣпра съ правой стороны. Сухой-Омельникъ, Каменка Мокрый-Омельникъ, Свинковка, Домоткань, Самоткань, Тритузная, Каменка Мокрая-Сура, Вовнижки, Башмачка, Будилокъ-Радомъ, Бузникъ, Лишняя, Вильная, Верхняя, Средняя и Нижняя Хортицы, Каменное, Бѣлая, Червоная, Тарасъ, Грушевка, Томаковка, Базавлукъ съ его притоками; Псоля, Полевая, Грушевка, Тереневка, Кисловка, Осокоринка, Золотая, Дурная, Сухая-Наносоковка, Мокрая-Наносоковка, Мѣловая, Каменка, Дремайловка, Козацкая-Каменка, Верхняя-Бургунка, Нижняя-Бургунка, Тягинка, Терновка, Ингулецъ съ его притоками—Желтою, Саксаганью, Користовкой, Сторожевкой и др.: Бугъ съ семью порогами, девятью островами и притоками—Синюхой, Мигійскимъ-Ташлыкомъ, Корабельной, Ташлыкомъ, Мертвоводомъ, Ингуломъ.

Изъ многочисленныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, достойны вниманія слѣдующія. Омельникъ-Сухой или Малый, съ боковыми Сухимъ-Омельничкомъ, Лозоваткой и Россошкой, у Ласоты Пселскій - Омельникъ [1]), въ которомъ, по словамъ Боплана, [2]); водилось много раковъ беретъ свое начало на югѣ отъ Днѣпра изъ двухъ балокъ Цвѣтной и Смѣтановской и падаетъ въ Днѣпръ посредствомъ вѣтки Чекеровой противъ острова Молодяка и поселка Колодовки, верхней половины села Деріевки; въ настоящее время это ничтожная рѣченка, которую можно «доброму молодцю, обипѐршись на ратыще, перескочить отъ края до края»; она тянется на протяженіи сорока пяти верстъ, имѣетъ до 10 саженъ ширины, отъ 2 саженъ до 8 вершковъ глубины, течетъ плесами, иногда совсѣмъ пересыхая. Въ 1663 году у рѣчки Омельника запорожскіе козаки въ союзѣ съ калмыками, перепустивъ

---

[1]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 54,

[2]) Описаніе Украйны, Спб., 1832, 15,

татаръ за собою черезъ переправу, неожиданно ударили на нихъ и мало не всѣхъ снесли, едва которой могль утечь» [1]). Ниже рѣчки Сухаго-Омельника, зимой передъ великимъ постомъ, въ 1737 году, татарскій ханъ съ крымскими, бѣлогородскими ордами и очаковскими янычарами, перебрался черезъ Днѣпръ, неополоненный у урочища Мишурина-Рога, сдѣлалъ внезапное нападеніе на Украйну, сжегъ множество полтавскихъ и миргородскихъ хуторовъ, захватилъ нѣсколько тысячъ жителей въ плѣнъ и множество скота, возвратился назадъ, быстро переправился черезъ Днѣпръ и скорымъ ходомъ ушелъ, опасаясь погони со стороны великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ. Въ этомъ же году генералъ-маіоръ Леслій, шедшій изъ города Кишенки съ 2 пушками и 170 драгунами въ устроенный при Мишуринѣ-Рогѣ ретраншементъ на помощь запорожскому козаку Іосифу Волку, былъ убитъ татарами, долго глумившимися надъ отсѣченными у него членами, захватившими также его сына въ плѣнъ и отправившими его въ Стамбулъ [2]). Рѣчка Каменка, на ней стоитъ село Днѣпрово-Каменка [3]). Омельникъ-Мокрый, у Ласоты Омельникъ-Ворскальскій [4]), въ геометрическихъ планахъ прошлаго столѣтія Омельникъ-Переволочанскій, на картѣ Исленьева 1779 года Омельникъ-Большой, начинается у села Николаевки верхнеднѣпровскаго уѣзда, тянется на протяженіи шестидесяти пяти верстъ [5]), дойдя до Днѣпра течетъ въ озеро Каменку, изъ Каменки вытекаетъ въ вѣтку Кривецъ, изъ Кривца въ озеро Долгое, изъ Долгаго особымъ протокомъ впадаетъ въ Днѣпръ противъ теперешняго села Днѣпрово-Каменки верхнеднѣпровскаго уѣзда; имѣетъ отъ 10 до 2 саженъ средней ширины, отъ 3 саженъ до $1^1/_2$ аршинъ средней глубины, течетъ плесами, часто совсѣмъ пересыхаетъ, берега имѣетъ большею частію высокіе, усѣянные огромными дикими камнями; изъ рыбъ въ немъ ловятся щуки, лини, окуни, плотва, ерши [6]); по Боплану, въ немъ водилось очень много

[1]) Акты южной и западной Россіи, Спб., 1867, V, 169

[2]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 65.

[3]) Экономическія примѣчанія къ верхне-днѣпровскому уѣзду въ екатеринослав. губ. чертежной.

[4]) Путевыя записки, Одесса, 1863, 54.

[5]) Теперь считаютъ до 40 верстъ.

[6]) Экономическія примѣчанія къ верхне-днѣпров. уѣзду.

раковъ [1]). По указу императрицы Екатерины II, 1777 года, іюля « » дня, при рѣкѣ Омельникѣ, елисаветградскомъ пикинерномъ полку, въ «округѣ» (ротѣ) двѣнадцатой, дано было подъ слободу ротмистру елисаветградскаго пикинернаго полка Ивану Григорьевичу Байдаку на 58 дворовъ 1740 десятинъ земли, взявъ за починный пунктъ отъ рѣчки Омельника и до устья балки Высокой на сѣверъ до дороги, лежащей изъ слободы Попелнастой черезъ слободу Байдака въ слободу Омельницкую, отъ дороги до средины балки,—до дачи поручика Григорія Андреевича Андрускаго, до дороги изъ слободы Крутенькой въ слободу Комисаровку до балки Дѣйтяревой, потомъ степью до дороги изъ крѣпости св. Елисаветы въ Кодакъ; оттуда поворотя на западъ по смежности округа (роты) тринадцатой Комисаровки; потомъ на сѣверъ смежно съ дачей подпоручика Ильи Ивановича Иванова до дороги изъ крѣпости св. Елисаветы въ Кодакъ и изъ Крутенькой въ Комисаровку до Макартета и до средины балки Высокой, отъ средины Высокой до средины балки Криничеватой оттуда на востокъ до дороги изъ слободы Попельнастой въ слободу Крутеньку и далѣе внизъ до первопочиннаго пункта [2]). Свинковка, слѣдующая за рѣчкой Мокрымъ-Омельникомъ, поставленная въ росписи 1697 года, но обозначенная на трехверстной картѣ съ лѣвой стороны Днѣпра подъ именемъ Свинки, падающей въ Орель съ правой стороны. Домоткань, (сравни «Адам откан»—Адамъ перешелъ), начинается близъ теперешняго села Елизаветъ-Семеновки верхнеднѣпровскаго уѣзда течетъ на протяженіи тридцати пяти верстъ, падаетъ въ Днѣпръ подъ селомъ Домотканью или Глинскимъ, имѣя 10 саженъ наибольшей ширины и до 2 аршинъ средней глубины. Рѣчка Домоткань извѣстна была съ тѣмъ же названіемъ Эриху Ласотѣ, который наткнулся здѣсь на медвѣдя и застрѣлилъ его [3]); въ ней ловились лини, щуки, окуни, плотва, ерши, пискари и др. рыба [4]). Бопланъ о Домоткани писалъ, что въ ней водилось множество большихъ раковъ, въ девять дюймовъ величиною, и кромѣ раковъ превкусные

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 15.
[2]) Изъ бумагъ собственнаго собранія.
[3]) Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 54.
[4]) Экономическія примѣчанія къ верхне-днѣпровскому уѣзду.

чилики [1]); эта рѣка болотистая, течетъ плесами. Самоткань (сравни «Сам откан»—Симъ перешелъ) беретъ свое начало близъ балки Криничной и впадаетъ въ Днѣпръ противъ города Верхнеднѣпровска, имѣя 1 сажень средней ширины и отъ 1 сажени до 3 вершковъ средней глубины. Въ XVII вѣкѣ Самоткань славилась особеннымъ богатствомъ рыбы и растительности. «Здѣсь находятся многія озера, столь обильныя рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Мѣста эти называются Самоканъ (т. е. Самоткань). Вокругъ озеръ я замѣтилъ малорослыя вишни въ два съ половиной фута вышиною, которыя въ началѣ августа приносятъ довольно сладкіе плоды, величиною въ сливу. По полямъ Самокана, особенно же по лощинамъ, встрѣчаются цѣлые лѣса вишневыхъ деревъ, небольшіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе полумили, а шириною отъ двухсотъ до трехсотъ шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дикихъ, малорослыхъ миндальныхъ деревъ, съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ подобно вишнямъ, коихъ вкусные плоды не уступаютъ садовымъ» [2]). Рѣчка Тритузная, гдѣ теперешнее село Тритузное [3]). Рѣчка Половица, означенная на планѣ города Екатеринослава 1786 года и на планѣ Днѣпра 1780 года безъ имени, около двухъ съ половиною верстъ длины [4]). Примѣняясь къ плану 1786 г. и современному положенію города Екатеринослава, видимъ, что рѣчка Половица начиналась двумя ручейками, которые потомъ сходились въ одинъ жолобъ, несшій свои воды въ Днѣпръ; первый ручеекъ начинался на теперешней Озерной площади и шелъ въ сѣверовосточномъ направленіи, почти параллельно Днѣпру; другой ручеекъ начинался изъ балки Монастырской или Фабричной, шелъ почти встрѣчно Днѣпру и соединялся съ рѣчкой Половицей у нынѣшней Качельной площади; отсюда рѣчка Половица шла нынѣшнею Дворянскою улицею и впадала въ Днѣпръ у бывшаго наплавнаго моста, на 600 саженъ выше острова Монастырскаго, или у нынѣшнихъ купаленъ. Теперь отъ

---

1) Описаніе украйны, Спб., 1832, 17.

2) Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 13.

3) Экономическія примѣчанія къ верхне-днѣпровскому уѣзду, стр. 27.

4) На планѣ 1786 года масштабъ сдѣланъ въ тоазахъ, тоазъ = 1,94903 метрамъ, метръ = 1,406 аршинамъ.

рѣчки Половицы «единственнымъ и безспорнымъ» остаткомъ можетъ считаться такъ называемая Савельевская канава [1]).

Каменка, извѣстная съ этимъ названіемъ адмиралу Пущину въ 1786 году; нѣтъ сомнѣнія, что рѣчку Каменку надо искать въ одной изъ балокъ, гдѣ стоитъ село Лоцманская-Каменка, ниже города Екатеринослава.

Мокрая-Сура съ правыми притоками Грушевской, Камышевской, и Сухой - Сурой, впадаетъ въ Днѣпръ противъ острова и порога Сурского, имѣя 15 саженъ ширины и 2 вершка наименьшей глубины, течетъ плесами, лѣтомъ совсѣмъ пересыхаетъ. Названіе рѣки Суры, встрѣчающееся не только на югѣ (Мама - Сура, лѣвый притокъ Днѣпра), но и на сѣверо-востокѣ (Сура — притокъ Волги) есть, какъ кажется, восточное названіе и можетъ быть объяснимо съ тюрко-татарскаго корня «сарык», что значитъ «высыхать». И точно, эта рѣка въ лѣтнее время совсѣмъ пересыхаетъ, вопреки своему названію, и потому уже въ концѣ XVIII вѣка объ ней писали: «рѣчка Сура теченіе имѣетъ малое [2])». Возлѣ города Баку есть предмѣстье, которое называется Сура-ханы. Въ Средней Азіи есть рѣчка Сура-ханъ или Сурханъ, притокъ Аму-Дарьи [3]). Наконецъ, восточное происхожденіе этого слова доказывается тѣмъ, что этимъ именемъ «Сура», назывался у ассиріянъ финикійскій городъ Тиръ [4]).

Вовнижки рѣчки въ росписи 1697 года, повидимому, впадали въ Днѣпръ противъ Волниговскаго порога, по балкѣ Легкой, раздѣляющейся на Волнигскую и Лѣскову. Башмачкова или Башмачка, несомнѣнно соотвѣтствуетъ теперешней балкѣ Башмачкѣ, ниже Волниговскаго порога съ правой стороны. Будилокъ-Радомъ въ росписи 1697 года и три рѣчки Будилки рядомъ, на картѣ Исленьева 1779 года, [5]), противъ Будиловскаго порога;

[1]) Егоровъ. Пропавшая рѣчка, Екатеринославскія губернскія вѣдомости 1890, № 22.

[2]) Экономическія примѣчанія къ екатеринославскому уѣзду, по рукописи стр. 13.

[3]) Эварницкій. Путеводитель по Средней Азіи. Ташкентъ, 1893, карта туркестанскаго края.

[4]) Астафьевъ, Древности вавилоно-ассирійскія, Спб., 1882, 83, 82, 178.

[5]) Смотри приложеніе къ настоящему труду, табл. II.

теперь означеннымъ рѣчкамъ можетъ соотвѣтствовать балка Будилка съ ея вѣтвями. Верхній-Бузникъ и Нижній-Бузникъ, на той-же картѣ, отъ татарскаго слова «бузъ»—ледъ, ниже рѣчекъ Будилокъ. Лишняя или Личная, видимо по балкѣ того же имени, противъ порога Лишняго. Верхняя-Хортица, разстояніемъ отъ Малышевца восемь верстъ, теченія двадцать верстъ; по рѣчкѣ Верхней-Хортицѣ, разстояніемъ двѣ версты, построенъ былъ русскими въ 1738 году ретраншементъ съ редутами. Вверхъ между ретраншементомъ и Малышевцемъ построено было нѣсколько редутовъ для закрытія русской флотиліи, а внизъ отъ ретраншемента по рѣкѣ Днѣпру на островѣ Хортицѣ, разстояніемъ одну версту, построена была русскими въ 1739 году небольшая крѣпость, именуемая запорожскою Верфью [1]). «Въ дачѣ Хортицы-Верхней и балки Кодацкой земляной валъ, на немъ батареи, которыя отъ разлитія воды истребились» [2]). Еще въ 1781 году Верхняя Хортица была рѣчкой и объ нея извѣстный путешественникъ Зуевъ писалъ слѣдующее: «За три (т. е. на три) версты отъ Кичкаса переѣхали мы рѣку Хортицъ, славную по имѣющемуся противъ устья ея особливой отъ всѣхъ прочихъ величины острову того-же имяни, на которомъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ особое для разведенія и украшенія прилагаетъ стараніе» [3]). Средняя или Великая-Хортица впадаетъ въ Днѣпръ противъ запорожской Верфи, теченія имѣетъ двадцать верстъ, соотвѣтствуетъ теперешней балкѣ Средней-Хортицѣ, на которой стоитъ колонія Кронсталь. Нижняя-Хортица, разстояніемъ отъ Средней десять верстъ, теченія имѣетъ двадцать верстъ, соотвѣтствуетъ теперешней балкѣ Нижней-Хортицѣ, на которой стоитъ колонія Блюменгардтъ. Рѣчище Каменное и при немъ село Разумовское, имѣніе графа К. Г. Разумовскаго [4]). Бѣленькая или Бѣлая, у Пущина ошибочно названная Ребелинкой [5]),

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, 67.

[2]) Экономическія примѣчанія екатеринославскаго уѣзда, 38.

[3]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 260.

[4]) Экономическія примѣчанія екатеринославскаго уѣзда.

[5]) У Пущина стоитъ «Р. Ребелинка»; очевидно, здѣсь ошибка: «Ребелинка»=Ре=рѣка, «белинка»=Бѣлинька, она помѣчена противъ села «Бѣленькаго», гдѣ была и есть одна лишь рѣчка Бѣленькая.

разстояніемъ отъ Нижней-Хортицы двадцать верстъ [1]), теченія двѣ версты, теперь балка Бѣленькая съ селомъ того же имени. Червоная или Чорная [2]), разстояніемъ отъ Бѣлой шесть верстъ [3]), теченія двадцать верстъ; теперь балка Червоная, противъ острова Пушиннаго. Тарасовка [4]), разстояніемъ отъ Червоной шесть верстъ [5]) теченія отъ 13½ до 10 верстъ длины; ширина въ лѣтнее жаркое время 14 саженъ, глубина 18 вершковъ, какъ значится въ экономическихъ примѣчаніяхъ XVIII вѣка; на ней, близъ рѣки Днѣпра, стояло нѣкогда старое городище; названіе свое эта рѣка, по преданію, получила отъ какого-то запорожца Тараса, сидѣвшаго здѣсь зимовникомъ и занимавшагося скотоводствомъ и рыбнымъ промысломъ. Грушевка разстояніемъ отъ Тарасовки десять верстъ, теченія изъ степи столько же, падаетъ въ Днѣпръ при посредствѣ Джугана, Малаго Рѣчища и Кумы; свое названіе получила отъ множества дикихъ грушъ, растущихъ у устья ея. Томаковка, разстояніемъ отъ Грушевки десять верстъ, теченія изъ степи до устья шестьдесятъ верстъ; падаетъ въ Днѣпръ при посредствѣ Ревуна, Чернышовскаго лимана и Рѣчища; въ устьѣ рѣчки Томаковки, стоитъ островъ Томаковка. Каменка разстояніемъ отъ рѣчки Томаковки десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ; соотвѣтствуетъ теперешней балкѣ Каменкѣ, падающей въ рѣчку Томаковку выше высела Красногригорьевки, Матни. Червинская или Червинная, съ селомъ Анненскимъ-Нечаевымъ, ширины 20 саженъ, глубины 4 вершка. Червоная Каменка, или просто Червоная, разстояніемъ отъ Каменки десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ, падаетъ въ Червоный лиманъ ниже села Анненскаго-Нечаевой; соотвѣтствуетъ теперешней балкѣ Малой-Каменки или Черново-Каменской, падающей въ Новопавловскій лиманъ, ниже села Красногригорьевки и выше села Анненскаго-Нечаева [6]); получила названіе Червоной или Красной, какъ и самое село, отъ обнаженной красной глины по берегамъ ея. Чорто-

---

[1]) У Мышецкаго ошибочно показано 40 верстъ, стр. 68.

[2]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 472.

[3]) У Мышецкаго ошибочно показано 90 верстъ, стр. 68.

[4]) Несомнѣнно, ей соотвѣтствуетъ у Пущина Тармь.

[5]) У Мышецкаго ошибочно показано 20 верстъ, стр. 68

[6]) Геометрическій спеціальный планъ XVIII вѣка.

млыкъ, разстояніемъ отъ Червоной-Каменки тридцать пять верстъ, вытекаетъ изъ балки Солоной или Чортомлыцкой, теченія изъ степи до Днѣпра тридцать верстъ, въ «лѣтнее жаркое время» имѣетъ отъ 20 до 25 саженъ ширины и отъ 12 вершковъ до 1 аршина глубины; при устьѣ ея была Чертомлыцкая Сича и въ 1738 году построенъ русскими редутъ; названіе рѣчки прозводятъ отъ киргизскаго «чортан»—щука и окончанія «млык», означающаго на турецкомъ языкѣ изобиліе, множество, какъ напримѣръ: «бай»—богатый, «байлыкъ»—богатство, огромное состояніе; отсюда Чортомлыкъ означаетъ рѣку, изобилующую щуками.

Базавлукъ, Базулукъ, Базовлукъ или въ книгѣ большаго чертежа Безовлукъ, по-турецки Бузлукъ, разстояніемъ отъ Чортомлыка тридцать верстъ; на турецкомъ языкѣ «бузлук» значитъ «ледникъ» или «желѣзная подвязная подкова для твердой ходьбы по льду»; въ «житіи» протопопа Аввакума есть мѣсто, гдѣ онъ, говоря о себѣ во время пребыванія въ Сибири, замѣчаетъ: «бѣжалъ я по озеру (зимой) на бузлукахъ» [1]); на турецкомъ же языкѣ есть и слово «бузаклык»—подростъ; въ татарскихъ подлинныхъ письмахъ называемая Базагылыке, въ запорожскихъ—Базовъ лугъ, Базаглукъ [2]). Базавлукъ беретъ свое начало въ теперешнемъ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, идетъ степью, сперва близъ Днѣпра, въ двадцати пяти верстахъ отъ пороговъ, потомъ удаляется отъ востока къ западу, затѣмъ опять поворачиваетъ отъ запада къ востоку и наконецъ падаетъ въ Скарбную-Колотовскую, изъ Скарбной-Колотовской въ лиманъ Великія-Воды и изъ Великихъ-Водъ въ Днѣпръ, въ ста сорока верстахъ свыше города Херсона; имѣетъ при устьѣ 70 саженъ ширины и выше 2 аршинъ глубины, въ среднемъ теченіи 12 саженъ ширины и 2 аршина глубины, течетъ плесами, мѣстами пересыхаетъ, берега имѣетъ мѣстами высокіе, каменистые, мѣстами низкіе. Притоки Базавлука съ правой стороны: Базавлучекъ, 1 сажень ширины и 1 аршинъ глубины; Базавлуцкая-Каменка или Полевая-Каменка, полтораста верстъ длины, 8 саженъ ширины и 1 сажень глубины, съ ея рукавами Тарановкой и Желтенькой; Великая-Осокоровка и Малая-Осокоровка; съ лѣвой сто-

---

[1]) Житіе протопопа Аввакума. Спб., 1862, 66.

[2]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, III, 573, 599.

роны: Солоная, иначе Соленая Россошь, вытекающая изъ-подъ камня ключемъ, въ деревнѣ Кромидиной, имѣніи Θ. Θ. Шишкина и имѣющая 6 саженъ средней ширины и $1^1/_2$ аршина средней глубины, падающая въ Базавлукъ подъ селомъ Шолоховымъ, извѣстная въ исторіи запорожскихъ козаковъ уже въ 1690 году [1]), и Песковатая, падающая подъ поселкомъ Кутомъ, выселкомъ Грушевки, херсонскаго уѣзда. Во времена запорожцевъ Базавлукъ служилъ границей между паланками кодацкой и ингульской; въ настоящее время между уѣздами екатеринославскимъ и херсонскимъ.

Рѣчка Псоля, на атласѣ 1786 года ниже Базавлуцкой-Каменки и выше Полевой-Грушевки [2]). Полевая-Грушевка, разстояніемъ отъ Базавлуцкой Каменки десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ; теперь болотистый ручей около полуторы версты длины подъ селомъ Марьинскимъ херсонскаго уѣзда. Большая-Тереневка или Великая-Терновка, разстояніемъ отъ Полевой-Грушевки десять верстъ, теченія изъ степи тридцать верстъ; теперь ручей около одной версты въ мѣстечкѣ Ново-Воронцовкѣ. Сухая-Тереневка или Малая-Терновка, разстояніемъ на четыре версты ниже Большой-Тереневки, теченія изъ степи тридцать верстъ; теперь сухой оврагъ въ томъ-же мѣстечкѣ Ново-Воронцовкѣ. Кисловка-Великая и Кисловка-Малая, обѣ падаютъ въ лиманъ Великую-Воду. Осокоринка или Осокоровочка-Малая, разстояніемъ отъ Сухой-Тереневки пятнадцать верстъ, теченія изъ степи пятьдесятъ верстъ, падаетъ въ лиманъ Великую-Воду; теперь ручей въ три версты, подъ селомъ того-же имени. Золотая, разстояніемъ отъ Осокоринки на десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ, падаетъ въ Днѣпръ ниже острова Скалозуба; теперь ручей четыре версты длины. Дурная, разстояніемъ отъ Золотой на десять верстъ, теченія изъ степи пятнадцать верстъ; ниже рѣчки Дурной; на двѣ съ половиной версты отъ Днѣпра, на ней построенъ русскими въ 1738 году редутъ, называвшійся Николаевскимъ [3]), а ниже этого

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, III, 103.

[2]) Названіе ея сильно напоминаетъ новогреческое ψῶλη, но естественнѣе названіе этой рѣки сравнить съ названіемъ Пселъ.

[3]) Шмидтъ, Матеріалы для исторіи и статистики екатеринослав. губернія. Спб., I. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ козаковъ, Одес 1852, 70.

млыкъ, разстояніемъ отъ Червоной-Каменки тридцать пять верстъ, вытекаетъ изъ балки Солоной или Чортомлыцкой, теченія изъ степи до Днѣпра тридцать верстъ, въ «лѣтнее жаркое время» имѣетъ отъ 20 до 25 саженъ ширины и отъ 12 вершковъ до 1 аршина глубины; при устьѣ ея была Чертомлыцкая Сича и въ 1738 году построенъ русскими редутъ; названіе рѣчки прозводятъ отъ киргизскаго «чортан»—щука и окончанія «млык», означающаго на турецкомъ языкѣ изобиліе, множество, какъ напримѣръ: «бай»—богатый, «байлыкъ»—богатство, огромное состояніе; отсюда Чортомлыкъ означаетъ рѣку, изобилующую щуками.

Базавлукъ, Базулукъ, Базовлукъ или въ книгѣ большаго чертежа Безовлукъ, по-турецки Бузлукъ, разстояніемъ отъ Чортомлыка тридцать верстъ; на турецкомъ языкѣ «бузлук» значитъ «ледникъ» или «желѣзная подвязная подкова для твердой ходьбы по льду»; въ «житіи» протопопа Аввакума есть мѣсто, гдѣ онъ, говоря о себѣ во время пребыванія въ Сибири, замѣчаетъ: «бѣжалъ я по озеру (зимой) на бузлукахъ» [1]; на турецкомъ же языкѣ есть и слово «бузаклык»—подростъ; въ татарскихъ подлинныхъ письмахъ называемая Базагылыке, въ запорожскихъ—Базовъ лугъ, Базаглукъ [2]. Базавлукъ беретъ свое начало въ теперешнемъ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, идетъ степью, сперва близъ Днѣпра, въ двадцати пяти верстахъ отъ пороговъ, потомъ удаляется отъ востока къ западу, затѣмъ опять поворачиваетъ отъ запада къ востоку и наконецъ падаетъ въ Скарбную-Колотовскую, изъ Скарбной-Колотовской въ лиманъ Великія-Воды и изъ Великихъ-Водъ въ Днѣпръ, въ ста сорока верстахъ свыше города Херсона; имѣетъ при устьѣ 70 саженъ ширины и выше 2 аршинъ глубины, въ среднемъ теченіи 12 саженъ ширины и 2 аршина глубины, течетъ плесами, мѣстами пересыхаетъ, берега имѣетъ мѣстами высокіе, каменистые, мѣстами низкіе. Притоки Базавлука съ правой стороны: Базавлучекъ, 1 сажень ширины и 1 аршинъ глубины; Базавлуцкая-Каменка или Полевая-Каменка, полтораста верстъ длины, 8 саженъ ширины и 1 сажень глубины, съ ея рукавами Тарановкой и Желтенькой; Великая-Осокоровка и Малая-Осокоровка; съ лѣвой сто-

---

[1]) Житіе протопопа Аввакума. Спб., 1862, 66.

[2]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, III, 573, 599.

роны: Солоная, иначе Соленая Россошь, вытекающая изъ-подъ камня ключемъ, въ деревнѣ Кромидиной, имѣніи Ѳ. Ѳ. Шишкина и имѣющая 6 саженъ средней ширины и 1½ аршина средней глубины, падающая въ Базавлукъ подъ селомъ Шолоховымъ, извѣстная въ исторіи запорожскихъ козаковъ уже въ 1690 году [1]), и Песковатая, падающая подъ поселкомъ Кутомъ, выселкомъ Грушевки, херсонскаго уѣзда. Во времена запорожцевъ Базавлукъ служилъ границей между паланками кодацкой и ингульской; въ настоящее время между уѣздами екатеринославскимъ и херсонскимъ.

Рѣчка Псоля, на атласѣ 1786 года ниже Базавлуцкой-Каменки и выше Полевой-Грушевки [2]). Полевая-Грушевка, разстояніемъ отъ Базавлуцкой Каменки десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ; теперь болотистый ручей около полуторы версты длины подъ селомъ Марьинскимъ херсонскаго уѣзда. Большая-Тереневка или Великая-Терновка, разстояніемъ отъ Полевой-Грушевки десять верстъ, теченія изъ степи тридцать верстъ; теперь ручей около одной версты въ мѣстечкѣ Ново-Воронцовкѣ. Сухая-Тереневка или Малая-Терновка, разстояніемъ на четыре версты ниже Большой-Тереневки, теченія изъ степи тридцать верстъ; теперь сухой оврагъ въ томъ-же мѣстечкѣ Ново-Воронцовкѣ. Кисловка-Великая и Кисловка-Малая, обѣ падаютъ въ лиманъ Великую-Воду. Осокоринка или Осокоровочка-Малая, разстояніемъ отъ Сухой-Тереневки пятнадцать верстъ, теченія изъ степи пятьдесятъ верстъ, падаетъ въ лиманъ Великую-Воду; теперь ручей въ три версты, подъ селомъ того-же имени. Золотая, разстояніемъ отъ Осокоринки на десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ, падаетъ въ Днѣпръ ниже острова Скалозуба; теперь ручей четыре версты длины. Дурная, разстояніемъ отъ Золотой на десять верстъ, теченія изъ степи пятнадцать верстъ; ниже рѣчки Дурной; на двѣ съ половиной версты отъ Днѣпра, на ней построенъ русскими въ 1738 году редутъ, называвшійся Николаевскимъ [3]), а ниже этого

---

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ. III, 103.

[2]) Названіе ея сильно напоминаетъ новогреческое ψῶλη, но естественнѣе названіе этой рѣки сравнить съ названіемъ Пселъ.

[3]) Шмидтъ, Матеріалы для исторіи и статистики екатеринослав. губернія. Спб., I. Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ козаковъ, Одесса, 1852, 70.

редута, на семь съ половиной верстъ, стояло безъизвѣстное городище, неизвѣстно кѣмъ построенное и разоренное. Сухая-Наносоковка или Малая-Носоковка, разстояніемъ отъ Дурной двадцать верстъ, теченія изъ степи пять верстъ, падаетъ въ Днѣпръ противъ большаго острова Носоковки посредствомъ вѣтки Дремайловки или Дармолѣевки; теперь именуется ручьемъ Яреминскимъ, на которомъ стоитъ село Гавриловка, въ просторѣчіи Еремина. Мокрая-Наносоковка или Великая-Наносоковка, разстояніемъ отъ Сухой на десять верстъ, теченія изъ степи пять верстъ; падаетъ въ Днѣпръ противъ того-же острова Носоковки посредствомъ вѣтки Дремайловки или Дармалѣевки; теперь именуется ручьемъ Дутчанскимъ, на которомъ стоитъ село Перетовка, въ просторѣчіи Дудчина. Двѣ рѣчки Носоковки, ниже Сухой и Мокрой Носоковокъ, падаютъ въ ту-же Дремайловку [1]). Мѣловая или Омиловая, разстояніемъ отъ Мокрой-Наносоковки двадцать верстъ, теченія изъ степи десять верстъ; на ней въ древнія времена стоялъ городъ Мѣловой; въ настоящее время это балка Мѣловая, наполняется водой только весной; при самомъ устьѣ ея уцѣлѣли и развалины города Мѣловаго. Каменка, разстояніемъ отъ Мѣловой на десять верстъ; теченія изъ степи, по показанію однихъ, имѣла сто, а по показанію другихъ, шесть верстъ [2]); вытекая изъ балокъ, впадаетъ въ вѣтку Козацкое-Рѣчище, мѣстами имѣетъ ключи, лѣтомъ пересыхающіе; осенью пополняется отъ дождей, при устьѣ затопляется водой изъ Днѣпра и течетъ обратно теченію лѣтняго времени; при устьѣ ея была у запорожскихъ козаковъ Каменская Сича. Въ четырехъ верстахъ ниже рѣчки Каменки нѣкогда стоялъ городъ Пропасный на лѣвомъ берегу оврага Пропаснаго, развалины котораго и до сихъ поръ сохранились, а на двадцать верстъ ниже города, въ урочище Высшей-Головы-Космахи, стоялъ городъ Космаха. Дремайловка, разстояніемъ нашесть верстъ ниже Космахи; имѣетъ теченія, по однимъ двадцать, а по другимъ три версты [3]); течетъ изъ балокъ, впадаетъ въ Днѣпръ на десять верстъ выше

---

[1]) Самоилъ Величко, Лѣтопись. Кіевъ, 1855, III, 480. Записки одес. общ. ист. и древн., III, 575.

[2]) По Мышецкому — 100: Исторія, 71; по Томилову — 6: Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 184.

[3]) Тамъ-же, у Мышецкаго и Томилова.

города Кызыкерменя. Козацкая-Каменка, ниже города Кызыкерменя, падаетъ въ Козацкое-Рѣчище въ селеніи Отрадѣ-Каменкѣ; вода въ ней держится больше отъ Днѣпра, чѣмъ отъ балокъ. Верхняя-Бургунка, разстояніемъ на пять верстъ ниже Каменки, начинается изъ балокъ, теченія имѣетъ три версты, падаетъ въ Козацкую-Каменку или Козацкое-Рѣчище [1]). Нижняя-Бургунка, падаетъ въ Козацкое-Рѣчище. Тягинка, отъ тюркскаго слова «тегенек»— терновникъ, волчецъ, разстояніемъ отъ Кизыкерменя на двадцать восемь верстъ, падаетъ противъ острова Тягинки, при самомъ Днѣпрѣ; она отдѣляетъ отъ себя вѣтку Тягинскую, параллельно Днѣпру, и дѣлаетъ небольшой островокъ изъ камышей; теченія изъ степи имѣетъ тридцать верстъ. При рѣчкѣ Тягинкѣ, у самаго Днѣпра, стоялъ нѣкогда большой городъ Тягинка съ трехугольнымъ замкомъ и круглыми башнями, обнесенный рвомъ, наполненный водой; въ длину этотъ городъ имѣлъ одну версту, въ ширину болѣе полуверсты; по преданію, онъ построенъ турками, а по объясненію специалистовъ, генуэзцами [2]); на картѣ XVII вѣка «Typus generalis Ukrainae» между Бургункой и Тягинкой обозначены слѣды двухъ замковъ: «Vina vestigia acis seminacis»; «Balneum Vitoldi» [3]); въ 1738 году русскіе возобновили полуразрушенный замокъ для своихъ военныхъ цѣлей; въ настоящее время рѣчка Тягинка имѣетъ три версты, а отъ крѣпости уцѣлѣли развалины. Терновка, течетъ изъ степи, впадаетъ въ Ингульскую вѣтку [4]); теперь ей соотвѣтствуетъ балка Терноватка, въ устьѣ которой стоитъ селеніе Токаревка.

Ингулецъ, Малый-Ингулъ, или въ книгѣ большаго чертежа Ангулецъ, на турецкомъ языкѣ «іенкул», что значитъ «обширное озеро»; беретъ свое начало въ такъ называемой Висунской степи-выше Цыбулева, въ бывшей елисаветградской провинціи, теперешней херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, въ семи съ половиною верстахъ отъ Елисаветградки, изъ болотистыхъ ключей, олоко лѣса Нерубая [5]); течетъ прямо на югъ чрезъ всю елизавет-

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн.. VII, 166; III, 576.

[2]) Мнѣніе Мурзакевича: Исторія князя Мышецкаго, 72, примѣч. 101.

[3]) Въ библіотекѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

[4]) Записки одес. общ. исторіи и древностей, III, 576.

[5]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 227.

градскую провинцію низкими берегами, разстояніе береговъ имѣетъ узкое, дно мелкое; въ такомъ же видѣ течетъ и по запорожскимъ владѣніямъ до Давыдова-Брода, на 60 верстъ выше устья; отъ Давыдова-Брода до устья идетъ глубоко, разливаясь колѣнами около себя, оттого расширяясь больше чѣмъ на версту, и имѣя мѣстами камыши и луга; этой шириной течетъ отъ 40 до 70 верстъ, а при самомъ устьѣ еще болѣе расширяется и отдѣляетъ отъ себя вѣтку Ингульскую, параллельно Днѣпру; берега имѣетъ мѣстами камышеватые, мѣстами каменистые, крутые отъ 40 до 100 футовъ вышиною; глубина, отъ устья до 20 верстъ вверхъ, на столько значительна, что по рѣкѣ можно было ходить небольшими судами; въ полую воду при самомъ бродѣ бываетъ до шести футовъ глубины, въ обыкновенное время въ устьѣ не болѣе пяти футовъ [1]); въ Ингульцѣ водилось множество очень крупныхъ раковъ и въ большую воду заходили сомы [2]). Всего теченія Ингульца, по прямому направленію, 217½ верстъ, а слѣдуя по извилинамъ—525 версты. При рѣкѣ Ингульцѣ, у Днѣпра, нѣкогда стоялъ городокъ, неизвѣстно кѣмъ построенный и разрушенный. Изъ актовъ XVII вѣка видно, что это была крѣпость Джанъ-Кермень: «А тотъ ага-Акмали перевезся черезъ Ингулъ рѣку въ лодкѣ самъ осьмъ подъ турскимъ городомъ Джанъ-Керменемъ». Въ 1671 году эта крѣпость была взята, вмѣстѣ съ Арсланъ или Асламъ-керменемъ, запорожскимъ кошевымъ Михайломъ Ханенкомъ [3]).

Притоки Ингульца съ лѣвой стороны: Тивнянка, Макариха, Верхняя-Березовка, Средняя-Березовка, Нижняя-Березовка, Большая-Каменка съ Малою-Каменкой и Бидцовой, Овнянка, Каменка, Зеленая, 35 верстъ длины, 10 саженъ наибольшей ширины и 2 аршина средней глубины, впадаетъ въ Ингулецъ выше села Искровки; Желтая, на картѣ Боплана Злотая-Вода, 6 саженъ ширины и 1 аршинъ глубины, 45 верстъ по прямому направленію длины [4]), замѣчательная какъ мѣсто битвы гетмана

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 184.

[2]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 270.

[3]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 457, IX, 448.

[4]) Вытекаетъ изъ Желтой балки у д. Алексѣевки и течетъ на югъ до д. Очколовки; отсюда уклоняется къ юго-западу, далѣе идетъ черезъ Анповку и впадаетъ въ Ингулецъ около Искровки.

Богдана Хмельницкаго съ поляками въ 1648 году, и наконецъ рѣчка Саксагань. Саксагань, по объясненію Шерцля, съ тюркскаго «сык—сык»—легкій, быстрый, по объясненію Корша, отъ турецкаго «сакса—ган»—сорока, извѣстная въ исторіи запорожскихъ козаковъ уже съ 1693 года [1]), начинается двумя вѣтками. Первая, восточная вѣтка, называется собственно Саксаганью, состоитъ изъ двухъ рожковъ; изъ нихъ западный рожокъ беретъ начало въ Водяномъ или Быковомъ, теперь имѣніи купца Чуркина, и впадаетъ въ восточный ниже Водяной или Остроградской; восточный рожокъ беретъ начало выше селенія Николаевки или Адалимовки, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны между Екатеринополемъ и Алферовымъ, Житловую - Саксагань и идетъ до запорожскаго селенія Саксагани. Вторая, западная вѣтка, называемая на картѣ Исленьева Сухою-Саксаганью, теперь Гнилая-Саксагань, также начинается двумя рожками; изъ нихъ верхній рожокъ, называемый на картѣ Исленьева рѣчкой Комиссаровкой, начинается близъ Пальмиры, имѣнія адмирала П. О. Коцебу; нижній рожокъ, называемый на картѣ Исленьева рѣчкой Желтенькой, начинается у деревни Марьяновки или Яковлевой, сходится съ верхнимъ рожкомъ подъ селомъ Комиссаровкой; отъ Комиссаровки начинается Сухая-Саксагань; Сухая-Саксагань, принявъ въ себя рѣчку Лозоватую съ лѣвой стороны, идетъ до запорожскаго селенія Саксагани; тутъ сходится съ рѣчкой собственно Саксаганью; отъ селенія Саксагани, принявъ съ правой стороны рѣчку Осиковатую, Саксагань идетъ однимъ жолобомъ до Кривого-Рога, гдѣ и впадаетъ въ рѣку Ингулецъ съ лѣвой стороны [2]). При впаденіи рѣчки Саксагани въ Ингулецъ стоитъ урочище Кривой-Рогъ, который особенное вниманіе обратилъ на себя ученаго XVIII вѣка, Василія Зуева. «Кривой-Рогъ весь каменный равно какъ и берега рѣки Саксагани и состоитъ изъ желѣзнаго шифера, который столь твердъ, что къ огниву даетъ отъ себя искры; онъ лежитъ слоями отъ NW къ SO простирающимися и скатомъ къ полудню, собою не одинаковаго цвѣту, но индѣ черной, а индѣ сѣрой, индѣ полосатой изъ обѣихъ сихъ цвѣтовъ и краснаго... Пониже мыса (Кривого-

[1]) Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, III, 161.
[2]) См. карту Исленьева 1779 года и трехверстную, рядъ XVI, листъ 12.

Рога) находится долина съ ручьемъ, здѣсь Береговатою балкою называемая, коея въ берегу роютъ бѣлую и красную весьма тонкую глину, которую и употребляютъ здѣсь на крашеніе печей и хаты». Въ Саксаганѣ какъ и въ Ингульцѣ водилось «великое множество весьма «крупныхъ» раковъ. Жители ловили ихъ бреднемъ или просто «спичками» [1])». Всего теченія рѣчки Саксагани, по прямому направленію, 95, а по изгибамъ 140 верстъ. Общее направленіе Саксагань имѣетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, течетъ прерывисто, въ лѣтнее время мѣстами совсѣмъ высыхаетъ, мѣстами образуетъ плеса; наибольшая глубина ея двѣ съ половиною сажени, у деревни Шмаковой, недалеко отъ впаденія въ Ингулецъ.

Въ 1776 году, апрѣля 12 дня, при рѣчкѣ Житловой Саксагани и зимовникѣ Третьяка отведено было поручику Андрею Байдаку 6000 десятинъ земли на сто дворовъ, мѣрою начиная, отъ означенной рѣчки по теченію ея съ лѣвой стороны въ степь девять верстъ 350 саженъ, поворотя влѣво четыре версты 400 саженъ, поворотя влѣво черезъ вышеписанную рѣчку Саксагань одинадцать верстъ 380 саженъ, поворотя влѣво по смежности государственной слободы Комисаровки съ землею четыре версты 400 саженъ, потомъ поворотя влѣво до оной рѣчки двѣ версты и до починного пункта [2]).

Притоки Ингульца съ правой стороны: Користовка или Коростева; Сторожевка; Бешка (татарское беш—пять) съ Березовкой. Клюшниковой и Мурзинкой; Большая-Верблюжка съ Малою-Верблюжкой; Березневатая; Водяная, Боковая [3]); и ея притокъ Боковенька съ Дубровиной; Бѣлыя-Криницы; Зеленая [4]); Висунь, иначе Исунь или Вулсунь [5]) съ ея правыми притоками Кодымой (сравни арабское «кадым»—древній, турецкое «кадын»—женщина) и Доброй, лѣвыми Вербовой и Очеретоватой. Эта рѣка небольшая, но имѣетъ высокіе и крутые берега, по которымъ, по словамъ Зуева, росло «премножество» терну; такъ что отъ его синихъ ягодъ, гдѣ

---

[1]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб. 1787, 269.

[2]) Изъ бумагъ собственнаго собранія.

[3]) На лѣвомъ берегу ея на картѣ Риччи Зиннони поставлено «*Гробъ Павлюка*».

[4]) См. генеральную карту Ивана Исленьева 1779 года.

[5]) Записки одес. общ исторіи и древн., VII, 166.

росъ тернъ, и гдѣ его не было, известковый берегъ рѣки казался полосатымъ. На семнадцать верстъ ниже городка, стоявшаго при устьѣ рѣки Ингульца, въ турецкую войну 1737 года построенъ былъ русскими большой ретраншементъ, Александръ-Шанцы; отъ Александръ-Шанцевъ начинаются днѣпровскія гирла, а по правую сторону падаютъ въ Днѣпръ рѣчки Бѣлозерка, Малый и Великій Солонцы и рѣка Бугъ. Бѣлозерка на три версты ниже Александръ-Шанцевъ, теченіе имѣетъ изъ степи, падаетъ въ большое озеро Бѣлое или Бѣлозерскій лиманъ, наполняемый водою изъ Днѣпра, въ лѣтнее время совсѣмъ пересыхаетъ [1]). Солонецъ-Малый идетъ изъ степи и падаетъ въ лиманъ Солонецъ, противъ острова того-же имени; въ настоящее время этой рѣчкѣ соотвѣтствуетъ оврагъ Верхній-Солонецъ, падающій въ лиманъ своего имени подъ селомъ Софіевкой. Солонецъ-Великій идетъ изъ степи и падаетъ въ днѣпровскій лиманъ, ниже мѣстечка Станислава.

Бугъ рѣка, въ книгѣ большаго чертежа Бокгъ, покозацки и попольски Богъ или Бохъ, по-турецки Ак-су, то-есть Бѣлая вода у Геродота Гипанисъ; получилъ свое названіе отъ готскаго «bougs» — изгибъ, отъ глагола «biugan» — гнуть [2]), выходитъ изъ болотъ южной части теперешней волынской губерніи, на Авратынской возвышенности, отрасли Карпатскихъ горъ, у деревни Холодецъ, староконстантиновскаго уѣзда, и течетъ по направленію съ сѣвера на юговостокъ до впаденія въ Днѣпръ. Запорожскимъ козакамъ Бугъ принадлежалъ только нижнимъ своимъ теченіемъ, отъ впаденія въ него балки Большаго-Сухаго-Ташлыка и до самаго устья его, что составляетъ около 180 верстъ длины по прямому направленію. На западѣ отъ самой границы запорожскихъ владѣній съ польско-турецкими, близъ устья рѣки Синюхи и Екатерининскаго шанца, Бугъ течетъ между горъ, полого отдалившихся отъ его береговъ, имѣя 70 саженъ ширины, отъ 8 до 12 футовъ глубины; ниже рѣки Синюхи берега Буга остаются тѣже, ширина нѣсколько увеличивается, но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ обнаруживаются гряды гранитныхъ камней, составляющихъ собой бугскіе пороги и заборы. Бугскіе пороги и заборы такого же про-

---

[1]) Записки одес. общ. исторіи и древн. VII, 166.

[2]) Мнѣніе ректора юрьевскаго университета Будиловича.

острова малыми камнями, затѣмъ дѣлали два плетня, погружали ихъ бокомъ въ воду и ставили одинъ противъ другаго, немного растворивъ ихъ для болѣе или менѣе свободнаго прохода рыбы, плывущей вверхъ, и такимъ образомъ ловили здѣсь лучшую рыбу вырѣзубъ и рыбецъ [1]); уловъ рыбы всегда былъ чрезвычайно великъ: въ нѣсколько часовъ нагружали пять-шесть и даже больше того возовъ и то лишь большой, не считая малой рыбы. Ниже запорожскаго гарда [2]) гранитные берега Буга смѣняются известковыми, хотя попрежнему остаются крутыми и высокими; сама рѣка становится весьма мелководной, имѣетъ отъ 20 до 50 саженъ ширины и не болѣе 6 футовъ глубины; на 6 верстъ ниже гарда, при урочищѣ Кременчукъ, берега Буга постепенно начинаютъ спускаться и становятся доступными для переѣзда рѣки въ бродъ; на десять верстъ ниже урочища Кременчука до впаденія рѣчки Мертвовода, гдѣ стояло запорожское селище Соколы, теперь городъ Вознесенскъ, Бугъ течетъ уже между пологими берегами, при глубинѣ отъ шести футовъ, имѣя мѣстами по лѣвому берегу хорошія пашни и луга; ниже устья Мертвовода ширина Буга постепенно прибавляется, и на пятнадцать верстъ отъ этой рѣки къ рѣчкѣ Бѣлоусовкѣ у лѣваго берега Буга начинается уже плавня, отъ берега до Сухаго-Еланца шире версты, въ разстояніи двадцати семи верстъ заросшая камышомъ; только небольшая часть праваго берега, на шесть верстъ выше Сухаго-Еланца, остается чистой отъ камыша и прямо безъ плавни подходитъ къ материку; это мѣсто носитъ названіе Голой пристани; тутъ русскія войска переходили съ лѣваго берега на правый и «на той сторонѣ видѣнъ и нынѣ (въ 1774 году) построенъ немалой величины тетъ-де-понъ или ретраншементъ» [3]). Ниже рѣчки Сухаго-Еланца идетъ такая же плавня по обоимъ берегамъ Буга, болотистая, заросшая камышомъ, на протяженіи двухъ верстъ; здѣсь Бугъ расширяется до двухъ-сотъ пятидесяти саженъ, имѣя съ лѣваго берега камышъ, песчаные кучугуры и ближе къ горѣ луга; такъ течетъ онъ около шести верстъ, понемногу прибавляясь въ ширину; отсюда Бугъ неожиданно дѣлаетъ

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 180, прим. 54,

[2]) Противъ теперешняго села Александровки, елисаветградскаго уѣзда.

[3]) *Записки* одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 180.

поворотъ на востокъ и разливается болѣе, чѣмъ на 600 саженъ въ ширину, и его берега переходятъ въ песчано-глинистую низменность; въ такомъ видѣ онъ идетъ до самаго устья, имѣя глубины отъ 28 до 40 футовъ. На семь верстъ ниже означеннаго поворота Бугъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны рѣчку Куцый-Еланецъ; отъ Куцаго-Еланца разными колѣнами онъ течетъ почти на полдень, дѣлая при каждомъ поворотѣ три довольно значительныя песчаныя косы. На тридцать три версты ниже Куцаго-Еланца Бугъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны рѣку Ингулъ [1]); на этомъ разстояніи берега Буга невысоки: горы, сопровождающія рѣку, имѣющія высоты до пяти саженъ, далеко отходятъ отъ нея и отдѣляютъ Бугъ отъ себя двумя песчаными косами Жабурной и Осницкой; только у Поповой балки, при которой турки производили порохомъ ломку камня для Очакова и Кинбурна, Бугъ касается каменной горы. Ниже устья рѣки Ингула каменистый берегъ Буга идетъ до косы Павловой на протяженіи трехъ, если слѣдовать по прямому направленію, и на протяженіи двѣнадцати верстъ, если слѣдовать по извилинамъ; ниже косы Павловой Бугъ идетъ частію между песчаныхъ, частію между глинистыхъ, но въ томъ и другомъ случаѣ невысокихъ, береговъ, дѣлая въ разныхъ мѣстахъ отъ балокъ значительныя косы, каковы: Балабанова, Кривая, Ожаровская, Русская и противъ нея на правомъ берегу Волошская [2]). Русская коса, по преданію, получила свое прозваніе отъ какихъ-то русскихъ людей, пріѣзжавшихъ на лодкахъ въ бугскій лиманъ для рыбной ловли и остававшихся здѣсь въ теченіе всей зимы; говорятъ также, что шведскій король, уходя изъ-подъ Полтавы, переправлялся черезъ Бугъ у Поповой косы. Волошская же коса, по преданію, получила свое названіе отъ волоховъ, пріѣзжавшихъ на нее съ турецкой стороны для рыбныхъ ловель. Близъ Ожаровской косы во время Боплана стоялъ на рѣкѣ Бугѣ островъ Кременцовъ, длиною въ полторы тысячи, шириною въ тысячу шаговъ, вышиною отъ двадцати до двадцати пяти футовъ, сѣверный берегъ его крутой, южный—отло-

[1]) При впаденіи рѣки Ингула въ Бугъ теперь стоитъ городъ Николаевъ.

[2]) Кривая коса, по теперешнему, ниже селенія Богдановки, Ожаровская ниже Галициновки, Русская выше Федоровки, Волошская противъ Кисляковки.

гій; не далѣе полумили отъ него къ Очакову находился строевой лѣсъ; къ сѣверу отъ Кременцова острова Бопланъ находилъ мѣсто, окруженное крутыми оврагами и потому весьма удобное для заложенія въ немъ крѣпости. Ниже Кременцова острова стоялъ Андреевъ островъ, очень извѣстный татарамъ XVII вѣка [1]), длиною около мили, а шириною въ четверть мили, покрытый лѣсомъ; противъ него на песчаномъ бродѣ глубина Буга была не болѣе трехъ футовъ, а ширина рѣки столь малозначительна, что черезъ нее могла переправляться въ бродъ самая тяжелая артиллерія; ниже этого мѣста Бугъ вездѣ судоходенъ. Ниже Андреева острова, на крутомъ возвышеніи берега рѣки, былъ живой родникъ воды, называвшійся Виноградной криницей, у Боплана переиначенной въ Винарадна крица; это прекрасное мѣсто казалось Боплану весьма удобнымъ для селенія: здѣсь подъ рукой находился лѣсъ, изъ котораго можно бы устроить мельницы. Ниже Виноградной криницы, нѣсколько ниже Волошской косы, но какъ разъ противъ теперяшняго хутора Хаблова, отъ лѣваго берега Буга отдѣляется такъ называемый Семеновъ-Рогъ, у Боплана извращенный до неузнаваемости въ Семенвирукъ (Семенви=Семеновъ, рукъ=ругъ=рогъ), который, по преданію, занесенному въ исторію князя Мышецкаго, получилъ свое названіе отъ выходца изъ Польши Семена, занимавшагося рыбными и звѣриными промыслами, составившимъ около себя ватагу болѣе ста человѣкъ, одѣтыхъ въ шкуры дикихъ козъ и оттого будто бы прозывавшихся козарами [2]); противъ Семенова-Рога, по словамъ Боплана, въ Бугѣ лежалъ треугольный островъ, имѣвшій въ длину около полумили [3]). Ниже Русской и Волошской косъ и Семенова-Рога до мыса Скелеватаго, на протяженіи девяти верстъ, начинается уже бугскій лиманъ, имѣющій наибольшей ширины 7 верстъ и наименьшей 800 саженъ; бугскій лиманъ соединяется съ днѣпровскимъ и идетъ общимъ русломъ въ Черное море; вода въ бугскомъ лиманѣ, при морской погодѣ, всегда отзывается солью [4]).

Изъ многихъ притоковъ Буга, протекавшихъ по бывшимъ воль-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 168.
[2]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 2.
[3]) Бопланъ, Описаніе Украины, Спб., 1832, 51.
[4]) Записки одес. общ. истор. и древн. VII, 179—181.

ностямъ запорожскихъ козаковъ, достойны вниманія слѣдующіе: Синюха, иначе Синія воды, по-турецки «Гек-су», то-есть «Синяя вода», неправильно названная въ актѣ XVII вѣка Свинухой [1]), идетъ къ Бугу по направленію отъ сѣвера къ юговостоку и впадаетъ въ него подъ теперешнимъ Ольвіополемъ; берега ея большею частію голы, скалисты; наибольшая ширина семьдесятъ саженъ, наибольшая глубина шесть аршинъ; мѣстами среди рѣки возвышаются острова, покрытые травой и густою лозой; такъ, противъ села Синюхина-Брода въ рѣкѣ стоитъ шесть островов; мѣстами-же между береговыхъ скалъ рѣки попадаются естественныя пещеры и при нихъ различные искусственно выбитые на камняхъ знаки; такова пещера ниже хаты крестьянина Алексѣя Мирянова того-же села, имѣющая п лтора аршина длины и два съ половиной высоты; такова пещера Зміева, нѣсколько ниже села, высоты до трехъ аршинъ, вмѣстимостью для десяти человѣкъ; таковы изображенія двухъ чашекъ и сапога въ два вершка величины на одной изъ береговыхъ скалъ рѣки Синюхи противъ огорода крестьянина Петра Жука.

Притоки рѣки Синюхи съ лѣвой стороны: Высь изъ Большой-Выси и Малой-Выси [2]), Кильтень (отъ татарскаго слова «кюльдень» — выходящій изъ озера) и Ольшанка [3]); Журавка, падающая въ Синюху противъ бывшаго польскаго города Семлека; Таргoвица, устьемъ противъ бывшаго польскаго города Таргoвицы; Кагарлыкъ, (можетъ быть «кахрлыкъ»—сердитый, а можетъ быть «каргалыкъ» гдѣ садятся галки); непосредственно ниже рѣчки Таргoвицы; Терновка на картѣ Исленьева, или Кривой-Ташлыкъ на картѣ Риччи Заннони, какъ это очевидно изъ того, что на обѣихъ картахъ ниже устья этой рѣчки, съ лѣвой стороны, поставлено селеніе Терновка; Ольшанка на картѣ Исленьева или Хольникъ на картѣ Риччи Занонни, какъ это очевидно изъ того, что на верховьяхъ этой рѣчки на обѣихъ картахъ поставлено селеніе Ташковка; Сухой-Ташлыкъ (отъ татарскаго «ташлык»—каменистый), состоящій изъ Липнянки-Доброй или у Мышецкаго

[1]) Акты южной и западной Россіи XIII, 558.
[2]) Притоки Малой-Выси—Лозоватка и Винарка, см. карту Исленьева.
[3]) См. генеральную карту Ивана Исленьева 1779 года.

Добрянки, на картѣ Риччи Заннони названный рѣчкою Красной, какъ это очевидно изъ того, что на устьѣ ея поставлено селеніе Добрянка; Опочная, означенная на картѣ Риччи Заннони и оставленная безъ названія на картѣ Исленьева; Черный-Ташлыкъ съ правыми притоками—Осиковатой, Миновой, Плетенымъ-Ташлыкомъ [1]), Плетеновкой и Мазницей, и съ лѣвыми притоками—Козоваткой, Грузской, Помочной и Камышеватой.

У Синихъ-Водъ въ 1596 году стоялъ козацкій гетманъ Наливайко съ козаками въ виду польскаго польнаго гетмана Жолкѣвскаго. Въ 1650 году на Синихъ-Водахъ стояли татары, приходившіе на помощь гетману Богдану Хмельницкому. Въ томъ-же году на Синихъ-Водахъ полковникъ уманскій Глухъ, сторонникъ Хмельницкаго, поразилъ 10,000 татаръ, бѣжавшихъ изъ-подъ Берестечка и занявшихся на своемъ пути грабежомъ [2]).

Ниже рѣки Синюхи слѣдуютъ притоки Буга—Мигійскій-Ташлыкъ, означенный на картѣ Исленьева; Корабельная, берущая начало противъ вершины рѣчки Помочной, лѣваго притока Чернаго-Ташлыка, и падающая въ Бугъ близъ теперешняго селенія Семеновки; Ташлыкъ или Кайнаръ (съ тюркскаго на русскій «кипящій»), означенный на картѣ Исленьева, нѣсколько выше скалы Кременчука; Мертвоводъ или Мертвыя-Воды, у Геродота Горькій-источникъ, начало свое бралъ на сорокъ верстъ выше запорожской границы къ сѣверозападу, изъ балокъ; всего теченія имѣлъ 104 версты, падалъ въ Бугъ подъ Вознесенскомъ; по мѣрѣ теченія вода прибывала въ немъ изъ ключей, дающихъ начало его притокамъ; берега его большею частью гористы; между горъ имѣются хорошія луговыя мѣста; въ осьми верстахъ отъ устья Мертвоводъ переѣзжали въ бродъ; отъ этого брода рѣка течетъ небольшими протоками изъ одного озерка въ другое; мѣстность, откуда выходитъ и по которой идетъ эта рѣка, на большомъ пространствѣ изобилуетъ ключами минеральной горькой и соленой воды, въ иныхъ мѣстахъ до того горькой, что она даже не годится для водопоя [3]). Притоки Мертвовода: Бешъ-Байракъ (отъ татар-

[1]) Плетеный-Ташлыкъ съ боковыми—Дубовкой и Буками, на картѣ Семена Леонтьева 1758 года Буками, у Исленьева Каменными-Буками.

[2]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 44; II, 261, 394.

[3]) *Шмидтъ, Херсонская* губернія, Спб., 1863, I, 187—190, 444.

скаго «беш»—пять и «байрак»—лѣсное мѣсто), Розоватая или Лозоватая, Костоватая, Камышеватая, Гарбузинка или Гарбузина; Гарбузина и Гарбузинка также текутъ плесами изъ одного озерка въ другое и на столько маловодны, что ихъ можно считать балками; вода озеръ Гарбузины считалась вредной для скота [1]). При устьѣ рѣчки Мертвовода въ 1737 году когда русскія войска вмѣстѣ съ запорожцами шли для взятія турецкаго города Очакова, умеръ въ самомъ походѣ кошевой атаманъ Иванъ Малашевичъ; тѣло его отправлено было отъ Буга и Мертвовода въ Сичу [2]).

За Мертвоводомъ слѣдуютъ рѣчки—Бѣлоусовка, взявшись неподалеку отъ Буга изъ ключей, почти ручьемъ падаетъ въ Бугъ, прерываясь у самаго устья болотами. Великій или Черный-Еланецъ, получившій свое названіе или отъ тюркскаго «алан», что значитъ лужайка, поляна, или отъ «елан» — змѣя, т. е. змѣевидная рѣка, протекалъ чрезъ всю запорожскую землю отъ границы и падалъ въ Бугъ ниже Бѣлоусовки, принимая съ правой стороны притоки Соленую и Елень. Сухой-Еланецъ, беретъ начало верстахъ въ тридцати отъ Буга изъ ключей, идетъ небольшимъ ручейкомъ по балкѣ. Куцый, иначе Гнилой-Еланецъ (Сасыкъ-Еланецъ) или Еланчикъ, выходитъ изъ степи ключами, въ пятнадцати верстахъ отъ своего устья, обыкновенно имѣетъ теченія шесть верстъ [3]).

Ингулъ, у Геродота Пантикапесъ, есть тюркское названіе и происходитъ отъ двухъ словъ «іен»—обширность и «кул»—озеро, иногда рѣка. Никакъ нельзя согласиться съ объясненіемъ Д. И. Иловайскаго, который сближаетъ корень слова Ингулъ съ русскимъ словомъ «уголъ» (безъ носового произношенія) или «онголь» (съ носовымъ) [4]): Ингулъ имѣетъ несомнѣнно тюрко-татарскій корень, подобно тому, какъ притокъ Днѣстра Тели - гулъ («Дели» — бѣшенный и «гулъ»—озеро) и притомъ Тели—гула Сары—гулъ («Сары»—желтый), какъ Карагулъ, Кагулъ, Наджугулъ, передѣланное въ русское Нежегулъ или Нижигулъ. Ингулъ—беретъ свое

---

[1]) Записки одес. общ. истор. и древн., VII, 180, прим. 55 и 183.
[2]) Сборникъ лѣтописей, Кіевъ, 1888, 67, Мышецкій, 12.
[3]) Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 181 и 183.
[4]) Разысканія о началѣ Руси, Москва, 1882 ,286.

начало въ степи изъ ручьевъ, близъ лѣса Нерубая [1]), возлѣ деревни Федоровки или Бровковой, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда; черезъ елисаветградскую провинцію Ингулъ протекалъ очень малымъ потокомъ и у самой крѣпости св. Елисаветы въ лѣтнее время почти не былъ виденъ: здѣсь его всегда переѣзжали въ бродъ и только для пѣшихъ клали доску. Начиная отъ запорожскихъ границъ, онъ принимаетъ въ себя значительныя рѣчки, оттого дѣлается довольно полноводнымъ, течетъ плесами, весьма извилистъ, оставляетъ мѣстами между горъ хорошіе луга и пашенную землю. Всего теченія Ингула—сто девяносто верстъ [2]), ширина отъ пяти до девяноста саженъ, близъ устья—двѣсти, самое устье—сто саженъ. Ингулъ впадаетъ въ Бугъ выше запорожскаго селенія Балацкова и судоходенъ отъ устья вверхъ на сорокъ верстъ тутъ по немъ ходили суда съ рыбой; выше же сорока верстъ онъ перестаетъ быть судоходнымъ, потому что имѣетъ глубины не болѣе четырехъ футовъ. Притоки Ингула съ лѣвой стороны: Крутоярка; Большая-Сѣверинка; Аджамка [3]) съ Сухою-Аджамкой; Каменка съ боковыми Широкой и Лозоваткой; Березовка съ Калиновой; Сагайдакъ: «каменный берегъ его вышелъ фигурою лука, потому отъ татаръ этимъ именемъ рѣчка и называется («сагайдакъ» на русскій языкъ значитъ «лукъ»), и, наконецъ, Злодѣйка. Притоки Ингула съ правой стороны: Грузская, Каменоватая-Сугаклея, отъ татарскаго «сугаклы»—рѣка или мѣсто, гдѣ водится много сугаковъ, съ Коноплянкой и Лозовой; Калинова, Вшивка, Камышеватая-Сугаклея съ боковою Осиноватою; Березнеговатая съ четырьмя притоками—Камышеватой и Вербовкой съ лѣвой стороны, Костоватой и Бобринцемъ съ правой стороны; Громоклея, передѣланная изъ татарскаго названія «Аргамаклы», что означаетъ мѣсто, гдѣ водятся «аргамаки», т. е. хорошія лошади, съ боковыми Кодымой, Богодушной и Водяной; наконецъ Терновка; послѣднія рѣчки Громоклея и Терновка «глубины для коммуникаціи судовъ не имѣютъ и мѣстами пересыхаютъ всѣ, но съ весны высоко поднимаются: Аргамаклы шире версты

---

[1]) Василій Зуевъ, Путешественныя записки. Спб., 1787, 227.
[2]) У Василія Зуева 200 верстъ: Путешественныя записки. Спб., 1787, 227.
[3]) Аджамъ—арабское слово иноземецъ, не-арабъ, преимущественно персіянинъ; вѣроятнѣе всего, что эта рѣка получила свое названіе отъ собственнаго имени какого-нибудь Аджама.

разливается, гдѣ и имѣетъ по берегамъ изрѣдка довольный лѣсъ, а горы надъ ней каменны продолжаются» [1]).

Въ 1649 году на рѣкахъ Ингулѣ и Ингульцѣ стояли кочевьями 10,000 татаръ, приходившихъ въ помощь гетману Богдану Хмельницкому. Въ 1652 году урочище между верховьями Ингула и Ингульца отдано было польскимъ королемъ Яномъ Казимиромъ Богдану Хмельницкому въ вѣчное владѣніе; пространство этого урочища опредѣлялось «отъ пасеки Хмельницкаго, нѣкогда стараго, черезъ Ингулецъ и Черный лѣсъ до устья рѣчки Бережка и къ байракамъ; а съ другой стороны отъ устья рѣчки Каменки [2]) къ рѣчкѣ Каменкѣ, въ Ингулецъ впадающей». Теперь это урочище находится въ александрійскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ херсонской губерніи и имѣетъ до 30 большихъ селъ, кромѣ множества небольшихъ поселковъ, деревень и хуторовъ. Въ 1674 году на рѣкѣ Ингулѣ былъ взятъ кошевымъ Иваномъ Сиркомъ посланецъ Дорошенка, Иванъ Мазепа, ѣхавшій съ письмами въ Царьградъ. Сторонникъ турецкаго султана и противникъ московскаго царя, гетманъ Дорошенко не находилъ сочувствія у Сирка, и потому послѣдній, изловивъ посланца его къ турецкому султану, отправилъ его въ Москву. Въ слѣдующемъ году на рѣку Ингулъ приходило 30,000 крымскихъ татаръ въ помощь Дорошенку; но на эту орду напалъ Сирко и «божіею помощію, а счастіемъ его царского пресвѣтлаго величества» разбилъ ее. Въ 1676 году крымскій ханъ снова стоялъ на рѣкѣ Ингулѣ у Бѣлыхъ-Колодезей, съ сильными ордами, ожидая здѣсь Сирка, временно примирившагося съ ханомъ, чтобы вмѣстѣ идти на Чигиринъ въ помощь Дорошенку [3]).

Мѣстность между рѣками Ингуломъ и Ингульцомъ извѣстна была кромѣ того тѣмъ, что здѣсь у запорожцевъ существовали конскіе заводы и заводы рогатаго скота [4]).

Кромѣ перечисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ, протекавшихъ по правобережнымъ паланкамъ запорожскихъ вольностей, въ исторіи

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., VII, 184.

[2]) Притока рѣки Ингульца съ лѣвой стороны.

[3]) Акты южн. и западн. Россіи, VIII, 315; X, 468: XI, 520; XII, 33, 133, 700, 701.

[4]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 228.

князя Семена Мышецкаго находимъ еще слѣдующія, намъ неизвѣстныя: Кистину, Береклекъ, получившую свое названіе отъ татарскаго слова «берксдыкъ», что значитъ много притоковъ, рукавовъ [1]), Волжанку, Троенецъ, Базовую, отъ татарскаго «баз»—навѣсъ, Гивленку и Каменку [2]).

---

[1]) Филологическія записки, 1892, V, 9.

[2]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 75.

Притоки рѣки Днѣпра съ лѣвой стороны. Рѣки черноморскаго бассейна. Орель съ ея лѣвыми притоками, Самара съ правыми и лѣвыми притоками, съ Самарскимъ пустынно-николаевскимъ монастыремъ, Татарка, Вороная, Осокоровка, Таволжанка, Вольная съ пещерой Дурной-Хатой, Московка-Сухая, Московка-Мокрая, Конка съ ея притоками, Аталыковка, Веревчина, Бѣлозерка, Мамай-Сурка, Рогачикъ, Лопатиха, Русинова-Балка, Сухая-Широкая-Каирь, Мечетная-Каирь, Западная-Каирь, Крутая-Каирь, Турецкая-Каирь, Веливела, Олешки, Янушева; Волчья съ ея притоками Ганчуломъ съ Янчуломъ, Терсами и др. Рѣчки азовскаго бассейна: Торецъ, Бахмутъ, Лугань, Луганчикъ, Бѣлая, Большая-Каменка, Калміусъ, Камышеватая, Мокрая-Бѣлосарайка, Каленцусъ и Берда съ ихъ притоками.

Съ лѣвой стороны падаютъ въ Днѣпръ менѣе значительныя рѣки, чѣмъ съ правой; да и самое число ихъ гораздо меньше числа рѣкъ правой стороны. Изъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ лѣвой стороны Днѣпра достойны вниманія слѣдующія: Орель, въ русскихъ лѣтописяхъ Ерель, Угълъ или Уголъ, у русскихъ гидрографовъ Ерель, Орелъ, Орѣлъ, у Герберштейна Арель [1]), у малороссійскихъ лѣтописцевъ Орель. Профессоръ Смирновъ возводитъ слово «Орель» къ одному корню со словомъ «Уралъ», въ основаніи котораго лежитъ тюркскій корень «ура», что значитъ «та сторона», отсюда «Уралъ» или «Орель» значитъ пограничная рѣка; а филологъ Никольскій видитъ въ имени «Орель» джигитайское слово «орель», что значитъ «тамъ»: «орель шурель»—тамъ сямъ, т. е. рѣка, текущая тамъ сямъ, извилисто, плесами. И то и

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1817, 427, 369, 317.
[2]) Записки о Московіи, Спб., 1866, 108; переводъ И. Анонимова.

другое объясненіе имѣютъ за собой вѣроятіе. Съ одной стороны рѣка Орель дѣйствительно съ отдаленныхъ временъ служила границей между осѣдлымъ населеніемъ кіевской Руси и кочевымъ населеніемъ тюрко-татаръ; даже больше того: рѣкой Орелью рѣзко разграничивается возвышенная равнина, идущая сплошь вдоль праваго берега ея, и обширная низменная равнина, степь, начинающаяся тотчасъ за лѣвымъ берегомъ ея: если взойти на правый берегъ рѣки Орели и взглянуть вдоль по теченію ея, то тутъ всякому зрячему человѣку бросится прямо въ глаза рѣзкая разница между правобережьемъ и лѣвобережьемъ рѣки, и онъ невольно проведетъ здѣсь границу между той и другой мѣстностью. Съ другой стороны рѣка Орель дѣйствительно течетъ извилисто и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ лѣтнее время совсѣмъ пересыхаетъ, при чемъ дѣлаетъ такіе загибы и перегибы, что какъ бы по нѣсколько разъ возвращается назадъ. Существуетъ еще одно объясненіе, по которому Орель имѣетъ въ своемъ корнѣ слово «орелъ», такъ какъ эта рѣка въ русскихъ лѣтописяхъ называется Ерель, каковое слово есть церковнославянское, замѣнившее собой Орель (какъ елень—олень). Хотя такое объясненіе сразу кажется и вѣроятнымъ, но въ дѣйствительности ему противорѣчатъ два обстоятельства: во первыхъ то, что слова «ерель» въ смыслѣ «орелъ» совсѣмъ нѣтъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, и слово «орелъ» всегда писалось и пишется только въ формѣ орьлъ, орлъ, орълъ [1]); вовторыхъ, съ этимъ несогласуется и самый текстъ лѣтописи, гдѣ о рѣкѣ Ерелѣ говорится такъ: «Половци же, узрѣвше Володимерь полкъ, крѣпко идущь на нихъ, побѣгоша... онімъ же, ѣхавшимъ по нимъ, не постігше, возвратишася Русь, и стояша на мѣстѣ, нарицаемомъ Ерель, его же Русь зоветъ Уголъ» [2]). Приведенное мѣсто ни въ коемъ случаѣ не даетъ основаніе думать, чтобы Ерель было русское названіе: лѣтописецъ говоритъ, что Русь называетъ это «мѣсто» Уголъ, но кто называетъ это «мѣсто» Ерель—неизвѣстно; можетъ быть, это тюрки, хотя бы и половцы; тогда по тюркски

---

[1]) См. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, Спб., 1867, I, 823; Словарь церковно-славянскаго языка Востокова, Спб., 1858, I, 118, 12, II, 29; Миклошича, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, Windobonae, 1862, 1158, 514.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 427.

будетъ Орель, каковое названіе русскіе могли передѣлать въ Ерель. Этому объясненію не можетъ противорѣчить даже существованіе города Орельска въ Волынскомъ княжествѣ [1]) въ 1204 году, такъ какъ названіе этого города могло быть уже дѣйствительно заимствованнымъ отъ нарицательнаго имени орла.

Любопытно также и то объясненіе имени рѣки Орели, которое даетъ ему самъ малорусскій народъ: народъ производитъ слово «Орель» (по малороссійскому выговору «Ориль») отъ слова «орать». «Давно когда-то было; жили въ нашихъ мѣстахъ запорожецъ и змій; жили они, жили да и заспорили за границы своихъ владѣній; спорили они, спорили, а потомъ и рѣшили, чтобъ покончить споръ, провести борозду между своими владѣніями. Вотъ змій запрегся въ плугъ и прооралъ ровъ, начавъ далеко («геть-геть»), а окончивъ у Днѣпра, и потекла потомъ по той оранкѣ рѣчка, и прозвали ту рѣчку «Ориль» [2]).

Рѣка Орель начинается въ Слободской Украйнѣ, теперешней харьковской губерніи, двумя рѣчками: Верхней-Орелью и Нижней-Орелью, иначе Орелькой или Попильнушкой; Верхняя-Орель беретъ начало близъ села Лимана, зміевскаго уѣзда; Нижняя-Орель беретъ начало близъ села Верхней-Береки того-же уѣзда и впадаетъ въ Верхнюю-Орель ниже такъ называемой стрѣлки, у которой сходятся три губерніи: харьковская, полтавская и екатеринославская; послѣднюю Нижняя-Орель охватываетъ на протяженіи тридцати верстъ, начиная отъ села Новопетровки, павлоградскаго уѣзда. Всего теченія Орели, отъ истоковъ до устья, 400 верстъ; въ предѣлахъ Запорожья она протекала на протяженіи 180 верстъ и разливалась здѣсь въ весеннее время до 10 верстъ ширины; она падаетъ въ Днѣпръ выше Песокъ, новомосковскаго уѣзда, и какъ разъ противъ начала Бородаевки по правому берегу Днѣпра, верхнеднѣпровскаго уѣзда. Во время существованія Запорожья Орель служила границей между владѣніями запорожскихъ и малороссійскихъ козаковъ. Притоки Орели съ лѣвой стороны: Богатая съ Богатенькою, падающая на 4 съ половиной версты ниже

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 482.

[2]) Записано отъ крестьянина мѣстечка Котовки, екатериносл. губ., новомосковскаго уѣзда, Степана Сатаны.

села Аѳанасьевки, новомосковскаго уѣзда; Подпильная между хуторомъ Давыдовкой и селомъ Перещепинымъ; Кильченька, идущая черезъ средину Перещепина и тутъ же падающая въ Орель; Кривецъ въ селѣ Козырщинѣ; Бузовка, получившая свое названіе отъ татарскаго «буз»—ледъ, падающая въ Орель ниже сада владѣльца Н. Н. Крашенинникова; Богатая или Мокрая-Заплавка съ боковою Сухою-Заплавкою (въ селѣ Гупаловкѣ), берущая начало на землѣ Д. Д. Перчуна и падающая въ Орель въ имѣніи М. В. Лещины, Михайловкѣ; Царичанка, противъ мѣстечка Царичанки, означенная на картѣ Исленьева 1779 года; Прядивка между Прядивкой и селомъ Могилевомъ. Притоки Орели съ правой стороны: Богатая съ Багатенькою, падающая въ Орель ниже села Чернетчины, константиноградскаго уѣзда, полтавской губерніи; Вшивая, Сухая-Лепянка, Мокрая-Лепянка, Берестовка и при самомъ устьѣ Орели Свинка или Свинковка. При впаденіи рѣчки Берестовки въ Орель основано было въ 1675 году поселеніе Нехвороща, извѣстное, однако, уже въ 1665 году [1]), а черезъ рѣку Орель на лѣвомъ берегу ея въ 1705 году заложенъ былъ Нехворощанскій успенскій монастырь, просуществовавшій до 1799 года [2]). Кромѣ Орели, съ лѣвой же стороны, впадаютъ въ Днѣпръ: Протовча съ Чаплинкой, идущая изъ степи, близъ села Шульговки, по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и падающая въ Днѣпръ противъ острова Насыпнаго подъ Каменкой новомосковскаго уѣзда; Мокрая и Сухая-Каменки, теперь овраги, падающіе въ Днѣпръ подъ тѣмъ-же селомъ Каменкой.

Въ 1650 году черезъ Орель, Самару и другія рѣчки проходилъ съ донскими козаками сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго, Тимофей Хмельницкій, съ козацкими полками, съ видимою цѣлью пригласить донцевъ къ участію въ дѣлѣ возстанія козаковъ противъ поляковъ; Хмельницкій держалъ путь изъ Орлика на Берестовую, Орель, Самару, Волчьи-Воды, Медвѣжьи-Воды, Терновку, Колышъ, Кремки и Міусъ. Получивъ отъ донцевъ нѣсколько мѣшковъ муки, бочекъ вина, запасъ рыбы и питья, Хмельницкій по-

---

[1]) Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 725. Акты южной и западной Россіи, VI, 60.

[2]) Записки одес. общ. истор. и древн., II и III, 785. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 103; въ послѣднемъ годъ основанія монастыря показанъ неточно.

вернулся назадъ шляхомъ до Волчьихъ-Водъ, а отъ Волчьихъ-Водъ шелъ подлѣ татарскихъ улусовъ. Въ томъ-же году татары, послѣ установившихся сношеній Богдана Хмельницкаго съ крымскимъ ханомъ, перекочевали отъ Азовскаго моря на Орель и выше ея къ Ворсклѣ и другимъ рѣкамъ, гдѣ оставались нѣкоторое время на кочевьяхъ съ своими женами и дѣтьми. Въ 1665 году ногайскіе татары сдѣлали набѣгъ изъ-за Ворсклы на Украйну; они успѣли угнать нѣсколько десятковъ скота и убѣжать за рѣку Орель; украинскіе козаки бросились было по слѣдамъ грабителей, но не успѣли ихъ догнать. Въ 1673 году изъ Крыма вышли въ большомъ количествѣ татары и расположились у притока рѣки Орели, Берестовой; отсюда они имѣли, раздѣлившись на три части, тайно напасть на ново построенные слободско-украинскіе города; но тутъ на одинъ изъ ихъ отрядовъ наскочилъ полтавскій полкъ въ 1000 человѣкъ, разбилъ его и взялъ одного татарина въ плѣнъ, который сообщилъ козакамъ о намѣреніи турецкаго султана и крымскаго хана идти войной подъ Кіевъ [1]). Въ 1731 году, осенью, вслѣдствіе тревоги отъ татаръ, въ Орели ходили козацкіе полки, нѣкоторые-же, не доходя рѣки, вернулись домой [2]).

Въ 1687 году черезъ рѣку Орель, по сдѣланному на ней мосту, прошла московская рать подъ начальствомъ Василія Васильевича Голицына и козацкія войска подъ начальствомъ гетмана Ивана Самойловича. Они шли въ Крымъ и двигались направленіемъ отъ Орели на Самару (видимо близъ теперешней колоніи Кронсгартенъ), отъ Самары на Острую-могилу, существующую съ тѣмъ же названіемъ и въ настоящее время у села Новоселки-Клевцовой, далѣе черезъ рѣчку Татарку, т. е. лѣвый притокъ Самары, какъ это видно изъ карты театра войны русскихъ съ турками въ 1735—1739 годахъ Matthaei Seuteri; урочище Великіе-Плеса, рѣчку Вороную, лѣвый притокъ Днѣпра; вершину рѣчки Осокоровки [3]), гдѣ рѣчки Терги притянули изъ моря; отсюда на рѣчку Вольную, гдѣ рѣчка Крымка

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, VI, 53; VIII, 330, 335; XII, 675.

[2]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 60.

[3]) Теперь рѣчка Осокоровка, выше села Петровскаго или Свистунова, александровскаго уѣзда. Что такое Терги, намъ не извѣстно; быть здѣсь разумѣются рѣчки Терсы, притоки Волчьей; но вершина (къ Днѣпру Терсы отстоитъ отъ моря на 165 верстъ.

притягла отъ Конки; далѣе вершиною Сухой-Московки; отсюда между Кобылячкою и Литовкою на вершину Каменки [1]) и до рѣчки Конки на пески Великаго-Луга, гдѣ стояла пустая мечеть и гдѣ рѣчка Янчулъ [2]) и Торскіе пески, недалеко отъ Сѣчи; отсюда вернулись назадъ къ Великому-Лугу противъ урочища Кучугуры и Плетеницкаго лимана, къ татарскому тирлищу, потомъ вверхъ по Днѣпру до мѣста отправленія черезъ Самару и остановились на ея притокѣ Кильчени; отсюда продолжали путь черезъ Орельи далѣе въ Малую Россію. Тѣмъ-же путемъ черезъ Орель, Самару и далѣе «мимо Сѣчь простуючи ку Перекупу», шли московская рать, малороссійскіе козаки, охочіе полки и въ 1689 году подъ начальствомъ того же Василія Васильевича Голицына и новаго гетмана Ивана Степановича Мазепы [3]); на этотъ разъ войска козацкія держались праваго пути, т. е. вдоль лѣваго берега Днѣпра, а войска московскія лѣваго пути, т. е. далѣе въ степь по направленію къ Дону и Азову.

Въ 1735 и 1736 году черезъ рѣки Орель [4]), Самару, Вороную, Осокоровку и рѣку Конку шли русскія войска, малороссійскіе и запорожскіе козаки на Крымъ подъ непосредственной командой генералъ-лейтенанта Леонтьева и подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха; у запорожцевъ былъ на ту пору кошевымъ атаманомъ Иванъ Малашевичъ; запорожскіе козаки играли въ этихъ походахъ

---

[1]) Кобылячки нѣтъ, есть Кобылья, притокъ Конки; Литовки совсѣмъ нѣтъ; Каменки здѣсь также нѣтъ; есть Каменка, впадающая въ Берестовую, притокъ Волчьей, подъ слободой Гавриловкой, александровскаго уѣзда, но это отъ Днѣпра 100 верстъ.

[2]) Подъ Янчуломъ нужно разумѣть Янчокракъ, который дѣйствительно впадаетъ въ Днѣпръ недалеко отъ Сѣчи, а не теперешній Янчулъ, притокъ Волчьей, который отстоитъ отъ Днѣпра прямою линіей къ востоку почти на 90 верстъ; если двигаться вдоль лѣваго берега Днѣпра, чтобы отсюда прямо попасть въ Крымъ, то на этомъ пути, тотчасъ ниже рѣки Конки будетъ рѣчка Янчокракъ; на картѣ Риччи Заннони около нея стоитъ Актаръ-мечеть, это есть «пустая мечеть» малороссійскаго лѣтописца. На картѣ Matthaei Seuterri послѣдовательнаго движенія войскъ Миниха (1735 — 1739) ниже Конскихъ-Водъ поставленъ также Янчокракъ.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 167 и 176. Лѣтопись Величка, Кіевъ, 1855, III, 13, 71.

[4]) Переправа черезъ Орель была у мѣстечка Царичанки въ бродъ, потому что въ эти годы лѣто было жаркое, и рѣки сильно высохли.

едва-ли не первую роль, какъ люди искусные въ битвахъ съ татарами и хорошо знавшіе всѣ ходы и выходы въ степяхъ [1]).

За рѣкою Орелью слѣдуетъ рѣка Самара. Первое указаніе объ этой рѣкѣ находимъ въ русской лѣтописи подъ 1152 годомъ. «Якоже приде Изяславъ у Черниговъ, и ту приде ему вѣсть отъ сына отъ Мьстислава, оже Богъ ему помоглъ половцы побѣдити на Углѣ и на Самарѣ» [2]). Самара въ географіи южной Россіи, въ книгѣ большаго чертежа Самаръ, у запорожскихъ козаковъ Самарь, беретъ начало въ Слободской Украйнѣ, изюмскаго уѣзда, близъ села Самарскихъ-Прудъ, и впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, противъ Самарскаго острова и архіерейскаго двора въ Екатеринославѣ. Теченіе ея необыкновенно тихое; вода на видъ зеленоватая отъ свойства ея подвергаться каждый годъ, начиная съ 9 мая, цвѣтѣнію; берега ея по мѣстамъ усѣяны каменными глыбами, по мѣстамъ покрыты травой и поросли камышомъ и лѣсомъ; изъ двухъ береговъ правый почти вездѣ возвышенный, лѣвый почти вездѣ низменный; вся длина рѣки не свыше 200 верстъ, ширины отъ 20—100 саженъ, наибольшая глубина до 7, средняя—до 2 саженъ. Отъ самой вершины и далѣе на двѣ трети своего теченія Самара идетъ однимъ русломъ; но, дойдя до того мѣста, гдѣ стоитъ село Знаменка, она отдѣляетъ отъ себя вправо большой заливъ, равный собственной ширинѣ, и часто неопытные пловцы принимаютъ этотъ заливъ за настоящую рѣку. Вслѣдъ за этимъ, пройдя внизъ незначительное пространство, Самара вновь раздѣляется на Старую-Самарь и Новую-Самарь, называемую иначе Самарчукомъ или Самарчикомъ; отъ этого раздѣленія получается огромный островъ, почти въ двѣ съ половиной тысячи десятинъ земли. На этомъ островѣ стоитъ древній запорожскій монастырь, Самарскій пустынно-николаевскій, основанный, какъ думаютъ, еще въ 1672 году [3]). Тотчасъ ниже монастыря, за Ловягинымъ хуторомъ, Старая-Самара и Новая-Самара, посредствомъ Перевала и Самарчика, вновь сходятся, и тогда рѣка идетъ незначительное пространство однимъ теченіемъ,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 89, 90.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 317.

[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 81.

послѣ чего отдѣляетъ отъ себя съ лѣвой стороны два новыхъ залива, Кривую-Самару и Усть-Самарскій заливъ [1]).

Названія «Самара, Самарь, Самарчикъ, Самарчукъ» распространены у разныхъ народовъ древняго и новаго міра, начиная съ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ названіемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области—Галилею, *Самарію*, Іудею и Перею; по сказанію «Житій сорока двухъ мучениковъ, Павла аѳонскаго» и др., въ Азіи на рѣкѣ Евфратѣ былъ городъ Самара, принадлежавшій сарацинамъ; по извѣстію русскихъ лѣтописей, въ Сибири былъ остяцкій князь Самара, неудачно сражавшійся съ русскимъ покорителемъ этой страны, Ермакомъ Тимоѳеевичемъ; на горѣ Аѳонѣ и теперь есть утесъ Самара; на Волгѣ есть городъ Самара, на рѣкѣ Самарѣ же; въ Крыму была рѣчка Самарчукъ; наконецъ слово Самара встрѣчается и у киргизовъ въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово ученые, но ближе всего, кажется, подходитъ переводъ съ киргизскаго, на которомъ «самара» значитъ «круглое озеро»; искусственнѣе всего производство Самары отъ народовъ сарматовъ или савроматовъ: «сарматы построили себѣ городъ Савромару, въ просторѣчіи называвшуюся Самарою, при рѣкѣ того же имени [2]). Такъ какъ названіе этой рѣки извѣстно гораздо раньше появленія на югѣ Руси татаръ, то отсюда естественно думать, что оно дано было рѣкѣ не татарами, а какими-либо изъ тюркскихъ народовъ, предшественниковъ татаръ, хозарами, печенѣгами или половцами.

Въ 1654 году рѣка Самара съ ея мѣстностями считалась за Трехтемировскимъ запорожскимъ монастыремъ, и посланцы гетмана Богдана Хмельницкаго въ Москвѣ въ условіе присоединенія Малой Россіи въ Великой ставили, «чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ (козакамъ) тѣмъ всѣмъ—Самарью съ ея угодьями — владѣть

---

[1]) См. трехверстную карту Россіи, XXVI, 13.

[2]) «Arx Sauromaris, vulgo vocatur Samaris cum ejusmodem nominis flumine»·Историческое обозрѣніе церквей екатеринослав. епархіи. Екатеринославъ, 1875, 12.—А. Я. Гаркави разлагаетъ слово «Самара» на три составные элемента: «Сур-ман-ра», но что означаютъ эти корни—онъ не объясняетъ: Сказанія мусульманскихъ писателей. Спб., 1870, 61.

по прежнему» [1]). Въ 1576 году на рѣкѣ Самарѣ, выше устья ея на шесть верстъ, стоялъ у запорожскихъ козаковъ городъ Старая-Самарь. Въ 1688 году на мѣстѣ Старой-Самары, на распоряженію князя Василія Голицына, возведена была Новобогородицкая крѣпость, называвшаяся иначе Старосамарскимъ ретраншементомъ. Въ 1689 году выше крѣпости Новобогородицкой, на рѣкѣ Самарѣ, построена была крѣпость Новосергіевская или Вольное, также по распоряженію того-же князя Голицына [2]). Въ 1711 году крѣпость Новобогородицкая была разрушена, по условію прутскаго мира съ турками; тогда гетманъ Скоропадскій, по указу царя Петра, «ходилъ до Самары и до Каменнаго-Затона и оные города по указу разорилъ» [3]). Въ 1733 году Самарь была занята турецкими аулами; въ 1736 году, во время войны русскихъ съ турками, на рѣкѣ Самарѣ построено было нѣсколько ретраншементовъ и редутовъ, а при самомъ устьѣ рѣки нѣсколько редутовъ и одинъ ретраншементъ, по прозванію Усть-Самара. Въ 1742 году, при заведеніи такъ называемой старой украинской линіи крѣпостей, въ числѣ восемнадцати крѣпостей, означена и Усть-Самара; въ 1751 году на картѣ де-Боксета по рѣкѣ Самарѣ, снизу вверхъ, означены крѣпости Усть-Самара, Старая-Самара и Песчаная-Самара; въ 1783 году Усть-Самара была уничтожена, а артиллерія изъ нея перевезена въ крѣпость Кинбурнъ, къ устью Днѣпра [4]).

Притоки Самары съ правой стороны: Зеленая, Опалиха, Большая-Терновка съ Домахой, Свидовокъ, Вербовка, Малая-Терновка, Вязовокъ, Вольнянка или Вольная, Самарчикъ, Соленая съ Песковатой и Пансовой, Кильчень, названный отъ татарскаго «кюльдень»—«выходящій изъ озера», на джагатайскомъ «кельте» значитъ куцый, короткій, по киргизки «кельте»—ящерица, «культе»—снопъ, съ Губинихой и Очеретоватой, и наконецъ Каменка.

Притоки Самары съ лѣвой стороны: Водяная, Гнилуха, Быкъ съ Бычкомъ, Лозовая, Мокрая-Чаплинка, Сухая-Чаплинка, Гнѣз-

[1]) Акты южной и западной Россіи, X, 442.

[2]) Подробности о построеніи крѣпости см. въ третьемъ томѣ «Исторіи запорожскихъ козаковъ», Спб., 1896, 58—60, 78, 79.

[3]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 50.

[4]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, I

притягла отъ Конки; далѣе вершиною Сухой-Московки; отсюда между Кобылячкою и Литовкою на вершину Каменки [1]) и до рѣчки Конки на пески Великаго-Луга, гдѣ стояла пустая мечеть и гдѣ рѣчка Янчулъ [2]) и Торскіе пески, недалеко отъ Сѣчи; отсюда вернулись назадъ къ Великому-Лугу противъ урочища Кучугуры и Плетеницкаго лимана, къ татарскому тирлищу, потомъ вверхъ по Днѣпру до мѣста отправленія черезъ Самару и остановились на ея притокѣ Кильчени; отсюда продолжали путь черезъ Орельи далѣе въ Малую Россію. Тѣмъ-же путемъ черезъ Орель, Самару и далѣе «мимо Сѣчь простуючи ку Перекупу», шли московская рать, малороссійскіе козаки, охочіе полки и въ 1689 году подъ начальствомъ того же Василія Васильевича Голицына и новаго гетмана Ивана Степановича Мазепы [3]); на этотъ разъ войска козацкія держались праваго пути, т. е. вдоль лѣваго берега Днѣпра, а войска московскія лѣваго пути, т. е. далѣе въ степь по направленію къ Дону и Азову.

Въ 1735 и 1736 году черезъ рѣки Орель [4]), Самару, Вороную, Осокоровку и рѣку Конку шли русскія войска, малороссійскіе и запорожскіе козаки на Крымъ подъ непосредственной командой генералъ-лейтенанта Леонтьева и подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха; у запорожцевъ былъ на ту пору кошевымъ атаманомъ Иванъ Малашевичъ; запорожскіе козаки играли въ этихъ походахъ

---

[1]) Кобылячки нѣтъ, есть Кобылья, притокъ Конки; Литовки совсѣмъ нѣтъ; Каменки здѣсь также нѣтъ; есть Каменка, впадающая въ Бересговую, притокъ Волчьей, подъ слободой Гавриловкой, александровскаго уѣзда, но это отъ Днѣпра 100 верстъ.

[2]) Подъ Япчуломъ нужно разумѣть Янчокракъ, который дѣйствительно впадаетъ въ Днѣпръ недалеко отъ Сѣчи, а не теперешній Янчулъ, притокъ Волчьей, который отстоитъ отъ Днѣпра прямою линіей къ востоку почти на 90 верстъ; если двигаться вдоль лѣваго берега Днѣпра, чтобы отсюда прямо попасть въ Крымъ, то на этомъ пути, тотчасъ ниже рѣки Конки будетъ рѣчка Янчокракъ; па картѣ Риччи Заннони около нея стоитъ Актаръ-мечеть, это есть «пустая мечеть» малороссійскаго лѣтописца. На картѣ Matthaei Seuterri послѣдовательнаго движенія войскъ Миниха (1735 — 1739) ниже Конскихъ-Водъ поставленъ также Янчокракъ.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 167 и 176. Лѣтопись Величка, Кіевъ, 1855, Ш, 13, 71.

[4]) Переправа черезъ Орель была у мѣстечка Царичанки въ бродъ, потому что въ эти годы лѣто было жаркое, и рѣки сильно высохли.

едва-ли не первую роль, какъ люди искусные въ битвахъ съ татарами и хорошо знавшіе всѣ ходы и выходы въ степяхъ [1]).

За рѣкою Орелью слѣдуетъ рѣка Самара. Первое указаніе объ этой рѣкѣ находимъ въ русской лѣтописи подъ 1152 годомъ. «Якоже приде Изяславъ у Черниговъ, и ту приде ему вѣсть отъ сына отъ Мьстислава, оже Богъ ему помоглъ половцы побѣдити на Углѣ и на Самарѣ» [2]). Самара въ географіи южной Россіи, въ книгѣ большаго чертежа Самаръ, у запорожскихъ козаковъ Самарь, беретъ начало въ Слободской Украйнѣ, изюмскаго уѣзда, близъ села Самарскихъ-Прудъ, и впадаетъ въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, противъ Самарскаго острова и архіерейскаго двора въ Екатеринославѣ. Теченіе ея необыкновенно тихое; вода на видъ зеленоватая отъ свойства ея подвергаться каждый годъ, начиная съ 9 мая, цвѣтѣнію; берега ея по мѣстамъ усѣяны каменными глыбами, по мѣстамъ покрыты травой и поросли камышомъ и лѣсомъ; изъ двухъ береговъ правый почти вездѣ возвышенный, лѣвый почти вездѣ низменный; вся длина рѣки не свыше 200 верстъ, ширины отъ 20—100 сажень, наибольшая глубина до 7, средняя—до 2 саженъ. Отъ самой вершины и далѣе на двѣ трети своего теченія Самара идетъ однимъ русломъ; но, дойдя до того мѣста, гдѣ стоитъ село Знаменка, она отдѣляетъ отъ себя вправо большой заливъ, равный собственной ширинѣ, и часто неопытные пловцы принимаютъ этотъ заливъ за настоящую рѣку. Вслѣдъ за этимъ, пройдя внизъ незначительное пространство, Самара вновь раздѣляется на Старую-Самарь и Новую-Самарь, называемую иначе Самарчукомъ или Самарчикомъ; отъ этого раздѣленія получается огромный островъ, почти въ двѣ съ половиной тысячи десятинъ земли. На этомъ островѣ стоитъ древній запорожскій монастырь, Самарскій пустынно-николаевскій, основанный, какъ думаютъ, еще въ 1672 году [3]). Тотчасъ ниже монастыря, за Ловягинымъ хуторомъ, Старая-Самара и Новая-Самара, посредствомъ Перевала и Самарчика, вновь сходится, и тогда рѣка идетъ незначительное пространство однимъ теченіемъ,

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 89, 90.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 317.

[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 81.

дище, Кочережка (Кочерга), Волчья или Волчьи-Воды, ниже Та чавода, Журавка, Великоватка, Родина, Подпильная, Татарк Старуха и Шіянка [1]).

На десять верстъ ниже рѣки Самары шла въ Днѣпръ рѣчк Татарка; теченія имѣетъ изъ степи десять верстъ; на ней въ 173 году построенъ былъ русскими редутъ; еще въ 1776 году Татарк именовалась рѣчкой, но теперь это балка Татарка, падающая в Днѣпръ противъ Кодацкаго порога, выше села Любимовки [2]). Во роная [3]), разстояніемъ пятнадцать верстъ ниже Татарки, течені изъ степи имѣетъ тридцать пять верстъ, падаетъ въ Днѣпръ ниж Звонецкаго порога; на ней въ 1736 году построенъ былъ русским ретраншементъ съ редутами. Въ 1776 году, марта 8 дня, при рѣк Вороной, съ правой стороны, начиная съ устья ея и вверхъ, и п рѣкѣ Днѣпру до балки, впадающей въ Лоханскій порогъ и по то балкѣ, по лѣвую сторону ея въ степь, дано было «въ наймъ из пустыхъ и никѣмъ незанятыхъ земель 3000 десятинъ секундъ – маіору Федору Наковальнину съ обязательствомъ заселить земл выведенными изъ незапрещенныхъ мѣстъ людьми и съ платежом въ годъ за каждую десятину по пяти денегъ [4]). Осокоровка-Пло ская съ боковою Отногою-Осокоровкою, пятнадцать верстъ ниж Вороной, теченія изъ степи двадцать верстъ, падаетъ въ Днѣпръ ниж Ненасытецкаго порога, противъ острова Песковатаго. Осокоровка Сухая, означенна въ планѣ Днѣпра 1780 года, пять верстъ дли ны. Таволжная, означенная въ росписи 1697 года; теперь балк Таволжанка противъ острова Перуна и Таволжанки. Кочкаска означенная въ росписи 1697 года. Вольная, Волнянка или Волнихъ разстояніемъ на двадцать верстъ ниже Таволжанки, означенна

---

[1]) Лѣтопись занятій археографической коммиссіи 1861, Спб., 1861, 60—63; трехверстная карта Россіи, XXVI, 13.

[2]) По фамильнымъ бумагамъ генералъ-маіоръ А. Н. Синельникова, вл дѣльца Любимовки.

[3]) Названіе Вороной произошло не отъ вороной и не отъ «вороны», правдоподобнѣе всего отъ «вороненый», т. е. рѣка вороненой воды, что подсказываетъ намъ карта большого чертежа, называющая эту рѣку Ворона вода (Москва 1847, 98). Лѣтописецъ знаетъ на сѣверѣ Руси рѣчку Ворона Новгородская лѣтопись, Спб., 1888, 145.

[4]) Изъ бумагъ владѣлицы села Вороной М. Н. Миклашевской, рожденно *Наковальниной*.

въ росписи 1697 года «выше Таморской Головы», теченія изъ степи десять верстъ; на ней въ 1736 году построенъ русскими ретраншементъ съ редутами; на двѣ версты вверхъ отъ устья рѣчки Вольной, въ правомъ возвышенномъ и скалистомъ берегу ея, есть пещера, носящая названіе Чертовой или Дурной-Хаты; пещера эта представляетъ изъ себя родъ углубленія, сдѣланнаго самой природой въ скалистомъ берегу рѣчки, съ большимъ навѣсомъ, немного выдавшимся впередъ; длина ея около четырехъ, ширина около двухъ саженъ, высота не выше двухъ аршинъ, отчего въ ней можно стоять только согнувшись; въ общемъ—Дурная Хата похожа на простую малороссійскую печь съ большимъ, въ видѣ входа въ нее, устьемъ; своды ея закопчены дымомъ, а дно засыпано пескомъ и золой. Московка-Сухая, разстояніемъ отъ Вольнянки тридцать пять верстъ, теченіе имѣетъ изъ степи близъ Молочныхъ-Водъ, падаетъ въ Днѣпръ противъ острова Хортицы. Московка-Мокрая, разстояніемъ отъ Сухой-Московки, по плану Днѣпра 1780 года, пять верстъ [1]); теченія имѣетъ изъ степи, по Мышецкому, двѣсти, по плану Днѣпра 1780 года, шесть верстъ, падаетъ въ Днѣпръ противъ южнаго конца острова Хортицы; на ней въ 1736 году построенъ ретраншементъ съ редутами.

Конка, или Конскія-Воды, у татаръ «йилкы-су», что значитъ «кобылья вода», у Герберштейна Конска-Вода [2]), представляетъ изъ себя въ одно и то-же время и «рѣчку и вѣтку»; рѣкой она считается отъ начала ея теченія до перваго впаденія въ Днѣпръ. Свое названіе, по преданію, она получила отъ того, что въ балкахъ, прилегающихъ къ ней, водилось много дикихъ коней [3]). Она вытекаетъ изъ степи близъ рѣки Берды, двумя рожками — Сухой-Конкой, на десять верстъ выше села Конскихъ-Раздоръ, теперешняго александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, и Токмачкой, на пятнадцать верстъ выше села Семеновки того же уѣзда [4]),

[1]) У Мышецкаго невѣрно показано 20 верстъ. Исторія, 60.

[2]) Герберштейнъ, Записки о Московіи, переводъ Анонимова, Спб., 1866, 108

[3]) Преданіе сообщено крестьяниномъ села Цареконстантиновки, александровскаго уѣзда, Тарасенкомъ.

[4]) На картѣ александровскаго уѣзда 1871 года вершина Конки состоитъ изъ трехъ рѣчекъ: собственно Конки, Сухой-Конки (справа) и Мокрой Конки (слѣва).

теченія имѣетъ отъ Днѣпра степью 180 верстъ [1]), ширины пр
устьѣ 60 саженъ, наибольшей глубины 16 футовъ. Общее напра
вленіе Конки на протяженіи ста верстъ съ юговостока на сѣве
розападъ; въ этомъ направленіи она идетъ отъ своей вершин
встрѣчно лѣвому берегу Днѣпра; подойдя къ Днѣпру, между Крас
нымъ-Кутомъ, екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзд
и Царицынымъ-Кутомъ, таврической губерніи, мелитопольскаг
уѣзда, почти на четыре версты къ его берегу, Конка вдругъ крут
поворачиваетъ съ сѣвера на югъ и потомъ, постепенно склоняяс
къ западу, течетъ параллельно Днѣпру до перваго паденія въ нег
ниже этого мѣста Конка уже носитъ названіе не рѣчки, а вѣтк
днѣпровской; восемь разъ она сливается съ Днѣпромъ и восем
разъ отдѣляется отъ него; въ первый разъ она входитъ въ Днѣпр
между островомъ Варавинымъ и урочищемъ Паліивщиной, инач
ниже села Ивановскаго таврической губерніи, мелитопольскаг
уѣзда, и тутъ же противъ села Водянаго выходитъ изъ него; в
второй разъ она входитъ въ Днѣпръ противъ села Малой-Зна
менки и выходитъ изъ него противъ Бѣлозерскаго лимана и сел
Большой-Знаменки; въ третій разъ она входитъ въ Днѣпръ посред
ствомъ двухъ вѣтокъ ниже села Мамай-Сурки у села Карайдубина
и выходитъ изъ него ниже села Бабиной; въ четвертый разъ вхо
дитъ въ Днѣпръ противъ села Малой-Лепетихи и выходитъ из
него ниже села Большой-Лепетихи; въ пятый разъ она входит
въ Днѣпръ противъ мѣстечка Каховки таврической губерніи, днѣ
провскаго уѣзда, и тутъ-же, ниже Каховки, выходитъ изъ нег
въ шестой разъ выходитъ изъ Днѣпра выше села Козачьихъ-Ла
герей и тутъ-же, ниже Козачьихъ-Лагерей, входитъ въ него; в
седьмой разъ выходитъ изъ Днѣпра выше города Алешекъ и вхо
дитъ въ него противъ острова Потемкина и Кардашинки; наконец
въ восьмой разъ выходитъ изъ Днѣпра противъ той-же Карда
шинки и окончательно входитъ въ него противъ Збурьевскаг
гирла, ниже Голой-Пристани; здѣсь она имѣетъ ширины отъ 25—
50, глубины отъ 10 саженъ.

---

[1]) У Мышецкаго ошибочно показано теченіе Конки степью отъ Днѣпр
400, въ дѣйствительности ихъ 180; такъ показывается на всѣхъ картах
екатеринославской губерніи, александровскаго уѣзда.

«Самобытность Конки, какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго или лучше перепутаннаго, теченія доказывается не столько тожествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которыя, при всѣхъ сліяніяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, но отличаются отъ него особою синевою и прозрачностію цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ днѣпровской наибольшую часть острововъ и плавней, которые, чѣмъ ближе къ лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплошнаго лѣса» [1]).

Въ разныхъ мѣстахъ Конки, на томъ пространствѣ, гдѣ она считается рѣкой, находились болѣе или менѣе примѣчательныя мѣста въ историческомъ отношеніи: такъ, тамъ, гдѣ Конка впервые подходитъ къ Днѣпру, между Краснымъ-Кутомъ и Царацынымъ-Кутомъ, и образуетъ вмѣстѣ съ нимъ большой островъ, находилось древнее городище Kurzemal [2]); видимо ему соотвѣтствуетъ то самое городище «по Конской рѣкѣ, у самаго Днѣпра», которое въ исторіи князя Семена Ивановича Мышецкаго носитъ названіе города Самысъ; это была столица татарскихъ владѣльцевъ, въ которой стояло до семидесяти мечетей [3]); въ 1736 году, на мѣстѣ этого-же городища, близъ соединенія Конки съ Днѣпромъ, построенъ былъ русскими ретраншементъ съ редутами [4]); въ этомъ-же мѣстѣ существуетъ и въ настоящее время большое городище, къ сожалѣнію, безжалостно истребляемое жителями ближайшихъ селъ. Это городище находится въ 2 верстахъ отъ лѣваго берега Днѣпра и представляетъ изъ себя продолговатую насыпь, положеніемъ съ востока на западъ, параллельно Днѣпру; длина его 112 саженъ, ширина съ одной стороны 28, съ другой 20 саженъ, высота насыпи $5^1/_2$ саженъ; грунтъ земли въ немъ глинистый, схожій съ грунтомъ земли за Днѣпромъ и совершенно

---

[1]) Андреевскій, Путевыя записки, Л. О. С. Х. Ю. Р. 1838. № 5, 194.

[2]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 53.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 61.

[4]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 61.

отличный отъ грунта земли въ плавняхъ. Далѣе слѣдуетъ урочище, такъ называемый Плетеный или Плетеницкій-Рогъ [1]), противъ вѣтки Плетенихи, иначе между Елисаветкой и Благовѣщенскимъ; ниже Плетенаго-Рога, тамъ, гдѣ Конка впервые падаетъ въ Днѣпръ, у запорожцевъ было урочище Святое [2]), извѣстное у Ласоты подъ именемъ Толстыхъ-Песковъ, т. е. большихъ песчаныхъ горъ, на сторонѣ татарской [3]), у князя Мышецкаго подъ именемъ Великихъ-Песковъ [4]), на планѣ запорожскихъ урочищъ—Песчаныхъ-Кучугуръ [5]). Въ настоящее время, нѣсколько выше устья рѣки Конки, по лѣвому берегу ея, тамъ, гдѣ оканчивается дворъ владѣльцевъ села Ивановскаго или Синельникова, есть большое городище, ниже котораго въ песчаныхъ кучугурахъ находятъ разные остатки древности: бронзовыя стрѣлки, копья, дротики, упряжь, посуду, украшенія для одежды, ножи, бронзовыя зеркала и т. п. Городище находится на лѣвомъ берегу вѣтки Ушкалки и представляетъ изъ себя нѣсколько неправильный треугольникъ, вершиной котораго служитъ изломъ вѣтки Ушкалки, обращенный на сѣверъ, боковыми сторонами таже Ушкалка, а основаніемъ ломанная линія, длины съ востока на западъ, 390 саженъ. Въ срединѣ этого треугольника, въ изломѣ Ушкалки, отдѣленъ другой треугольникъ, одна сторона котораго равняется 110, другая—40 саженямъ; въ самомъ углу втораго треугольника насыпаны четыре могилы; въ одной изъ этихъ могилъ, высоты $2^1/_2$ аршина, по вскрытіи ея, найденъ былъ сосновый, въ видѣ ящика, гробъ; въ гробу, въ родѣ мелкихъ грибковъ, плѣсень; ниже плѣсени кости человѣка безъ головы, покрытыя рогожей; вмѣстѣ съ костьми шапка изъ околыша черныхъ смушковъ и бархатнаго вершка зеленаго цвѣта.

Притоковъ рѣки Конки съ правой стороны, отъ вершины и до перваго приближенія ея къ Днѣпру, только три: Жеребецъ, Кобылья и Комышеватая; съ лѣвой стороны пять: Ожерельская—ниже балки

---

[1]) Тамъ же, 61; фамильныя бумаги г.-м. Синельникова.
[2]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.
[3]) Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 52.
[4]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, 60.
[5]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.

Проточной; Перерва подъ Царицынымъ-Кутомъ; Янчокракъ, названный отъ татарскихъ словъ «ян» сокращенный отъ «янгы» — новый и «чокракъ» — источникъ, фонтанъ, или низкое и грязное мѣсто (сравни чокракъ — извѣстныя лѣчебныя грязи въ Крыму), на 10 верстъ ниже Перервы; всего теченія изъ степи сто верстъ; на десять верстъ отъ Янчокрака, внизъ по теченію Днѣпра, было неизвѣстнаго названія городище съ оставшимися мечетями; Карачокракъ, названный отъ татарскихъ словъ «кара»—черный и «чокракъ»—источникъ, фонтанъ, грязное мѣсто, на десять верстъ отъ Янчокрака [1]; всего теченія изъ степи сто верстъ; на немъ стоялъ ногайскій городъ Карачокракъ, а въ 1736 году построенъ былъ русскими редутъ; Маячка, разстояніемъ отъ Карачокрака двадцать верстъ [2]; теченія изъ степи двадцать верстъ, близъ ея на курганахъ нѣкогда стояли семь маяковъ — Siedny Maiaky — или каменныхъ бабъ, числомъ двадцать [3].

Ниже Конки слѣдуетъ Аталыкова, названная отъ татарскаго слова «аталык» (черезъ букву тау) что значитъ мѣсто, гдѣ много островов [4], ниже Маячки на двадцать верстъ, теченія изъ степи сто верстъ, у Эриха Ласоты именуемая Аталыковой долиной [5]. На генеральной картѣ Ивана Исленьева 1779 года рѣчкой Аталыковой называется та часть рѣки Конки, которая начинается отъ Плетеницкаго лимана, идетъ къ Днѣпру по-надъ островами Круглымъ и Варавинымъ и впервые впадаетъ въ рѣку Днѣпръ у урочища Паліивщины, ниже теперешняго села Ивановскаго, мелитопольскаго уѣзда, таврической губерніи. На картѣ Риччи Заннони 1772 года рѣчка Аталыкова означена притокомъ Конки, впадающимъ въ Плетеницкій лиманъ; на географической таблицѣ Іоганна Бабтиста 1777 года Аталыкова долина—низменность между рѣчками Бѣлозеркой и Рогачикомъ. Отъ рѣчки Аталыковой до урочища Плетеницкаго или Плетенаго-Рога считалось двадцать верстъ; тутъ построенъ былъ русскими въ 1736 году редутъ; на двадцать верстъ ниже урочища Плетенаго-Рога, внизъ по Днѣпру, стоялъ

---

[1]) У Мышецкаго ошибочно показано 20 верстъ, стр. 61.
[2]) У Мышецкаго ошибочно показано 40 верстъ, стр. 61.
[3]) Путевыя записки Эриха Ласоты, Одесса, 1873, 52.
[4]) Филологическія записки, 1892, V, 9.
[5]) Путевыя записки Эриха Ласоты, Одесса, 1873, 52.

татарскій городъ Польчикъ; а ниже Польчика, также на двадцать верстъ, Каменный-Затонъ, построенный русскими въ 1696 году во время войны съ турками; на картѣ Крыма адъюнкта Шмидта 1777 года Каменный-Затонъ поставленный при устьѣ Конки, тамъ, гдѣ она во второй разъ падаетъ въ Днѣпръ, т. е. подъ теперешнимъ селомъ Малой-Знаменкой или Каменкой, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда; въ 1736 году здѣсь построенъ былъ редутъ. За рѣчкой Аталыковой слѣдуетъ притокъ Днѣпра Веревчина; она вытекаетъ изъ балки, дѣлаетъ болота, которыя не столько пополняются водой самой рѣчки, сколько водою Днѣпра. Далѣе Бѣлозерка, разстояніемъ отъ Каменнаго-Затона десять верстъ; теченія имѣетъ сто верстъ [1]), начинается въ степи двумя балками Шмельковой и Бѣлозеркой, падаетъ сперва въ Бѣлозерскій лиманъ, а изъ лимана въ Конку; на рѣчкѣ Бѣлозеркѣ былъ нѣкогда старинный и знаменитый городъ Бѣлозерка, построенный генуэзцами, жившими съ XIII по XV вѣкѣ въ Крыму и черезъ Днѣпръ перевозившими изъ Азіи въ Европу свои товары; послѣ генуэзцевъ, по преданію, въ этомъ городѣ жила владѣтельница, прозванная Бѣлозерскою; но когда въ 1380 году татарскій ханъ Мамай шелъ на Россію войной, то владѣтельница Бѣлозерская, испуганная нашествіемъ Мамая, оставила свой городъ и поселилась ниже на правой сторонѣ Днѣпра; ханъ же, войдя въ городъ Бѣлозерку, разорилъ его; Эрихъ Ласота указываетъ, что этотъ «древній большой городъ» съ валовою насыпью стоялъ при озерѣ Бѣлозеркѣ [2]); въ 1736 году на рѣчкѣ Бѣлозеркѣ построенъ былъ русскими ретраншементъ съ редутами. Мамай-Сурка, разстояніемъ отъ Бѣлозерки восемь верстъ, теченія изъ степи имѣетъ десять верстъ; на ней построенъ былъ татарскимъ ханомъ Мамаемъ городъ Мамай съ валовой насыпью [3]). Ниже рѣчки Мамай-Сурки идутъ урочище Карай (съ татарскаго «кара»—черный), гора Бабà (съ татарскаго «бабà»—отецъ, предокъ) и балка Бабина. Рогачикъ, разстояніемъ отъ Мамай-Сурки двадцать верстъ, теченія изъ степи до Днѣпра восемьдесятъ

---

[1]) Въ исторіи князя Мышецкаго невѣрно опредѣляется число верстъ 200.

[2]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 51,

[3]) Исторія Мышецкаго, 63. Путевыя записки Ласоты, 51.

верстъ [1]), падаетъ въ Конку противъ Рогачицкой плавни. Чаплыва, разстояніемъ отъ Рогачика десять верстъ; теченія изъ степи до Днѣпра имѣетъ десять верстъ. Лопатиха, у нѣкоторыхъ вѣка Лопатиха или балка Гипетуха, разстояніемъ отъ Чаплывы тридцать верстъ, теченія изъ степи пятьдесятъ верстъ; падаетъ въ Днѣпръ противъ острова Евпатинскаго и Криваго-Днѣприща, по-теперешнему подъ селомъ Большой-Лепетихой. Русинова-балка, разстояніемъ отъ Лопатихи десять верстъ, теченія изъ степи до Днѣпра десять верстъ; видимо ей соотвѣтствуетъ теперешняя балка Широкая, на десять верстъ ниже села Большой-Лепетихи. Далѣе идутъ рѣчки, вновь падающія въ притокъ Доѣпра, рѣку Конку; таковы: Сухая-Широкая-Каирь [2]), разстояніемъ отъ Русиновой-балки тридцать верстъ, теченія изъ степи до Днѣпра двадцать верстъ; ей соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка Каирка, ниже села Сѣверныхъ-Каиръ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, и Качкаровки на правомъ. Мечетная-Каирь, разстояніемъ отъ Сухой-Широкой-Каири двадцать верстъ; теченія изъ степи до Днѣпра тридцать верстъ; на ней въ древнія времена было татарское городище съ мечетью; на планѣ запорожскихъ урочищъ она поставлена ниже урочища Высшей-Головы Каирской плавни; на половинѣ теченія ея, съ праваго берега, представлена на планѣ мечеть съ четырьмя окнами въ стѣнѣ и съ полумѣсяцемъ на крышѣ «Каиръ-Мечеть» [3]). Западная-Каирь, разстояніемъ отъ Мечетной-Каири десять верстъ, теченія изъ степи до Днѣпра тридцать верстъ; на картѣ запорожскихъ урочищъ она носитъ названіе балки Западной-Каири и помѣщена на пятнадцать верстъ ниже Мечетной-Каири [3]); въ настоящее время Западной-Каири соотвѣтствуетъ балка Мерзлякова, на которой стоитъ село Западныя-Каиры. Крутая-Каирь, разстояніемъ отъ Западной-Каири десять верстъ, теченія изъ степи двадцать верстъ; въ настоящее время ей соотвѣтствуетъ рѣчка Крутенька, ниже названнаго села Западныхъ-Каиръ. Турецкая-Каирь, разстояніемъ отъ

---

[1]) Въ Исторіи князя Мышецкаго разстояніе отъ Мамай-Сурки ошибочно показано 200 верстъ, а всего теченія Рогачика 150 верстъ.

[2]) Слово Каирь т[illegible] [illegible]ождепія и заимствовано или отъ «кагир» — каменный, или отъ [illegible]

[3]) Записки од[illegible] [illegible] Х. приложенія.

[4]) Записки о[illegible] Х. приложенія.

Крутой-Каири десять верстъ, теченія изъ степи до Днѣпра десять верстъ; въ настоящее время ей соотвѣтствуетъ балка Долгая-Каирка, въ устьѣ которой стоитъ хуторъ Дорошенка. Въ 1541 году у Каиръ низовые козаки напали на перекопскихъ татаръ, которые шли воевать Москву, убили 20 человѣкъ изъ нихъ, взяли у нихъ 250 головъ коней, а гонца, который былъ посланъ въ Польшу, погромили на Днѣпрѣ и имущество его взяли себѣ [1]). Желтая впала въ Волошиново озеро [2]). Валивела, Веливала, Вуливело, Вуливала, разстояніемъ отъ Турецкой — Каири десять верстъ, теченія изъ степи имѣетъ двадцать верстъ, соотвѣтствуетъ теперешней балкѣ Дурицкой; на картѣ запорожскихъ урочищъ названа балкой Валивалой и невѣрно обозначена падающей въ Днѣпръ. Окончаніе названія этой рѣчки «ла» или «ло» напоминаетъ собой окончаніе рѣкъ Ворскла, Мерла, признаваемаго многими филологами за суффиксы именъ финскаго происхожденія, подобно тому, какъ въ именахъ рѣкъ и озеръ Финляндіи—Юваскола, Водла, Тойла, Куовала, Симола, и т. п. Впрочемъ, проф., Коршъ возводитъ названіе этой рѣчки къ арабскому слову вäльвäлä — шумъ, грохотъ. Сомова или Сумминова, падаетъ въ Конку противъ вѣтки Кривыхъ, названной на трехверстной картѣ Россіи Кривцомъ [3]). Олешки, противъ города съ тѣмъ же именемъ; ниже ея слѣдуютъ пристани Голая, называвшаяся такъ потому, что тамъ татары свои «статки» наповали [4]), Борщева, Грекова, Сагайдачная. Наконецъ, послѣдній притокъ Днѣпра съ лѣвой стороны, рѣчка Янушева или Енушева, падаетъ въ Днѣпровскій лиманъ, противъ острова Янушева и мѣстечка Станислава.

Кромѣ притоковъ Днѣпра, падавшихъ въ него съ лѣвой стороны или непосредственно или посредствомъ вѣтки и рѣчки Конки, въ восточной степи запорожскихъ владѣній было еще нѣсколько рѣкъ, своимъ теченіемъ принадлежащихъ къ тому-же бассейну Чернаго моря; самая большая изъ нихъ рѣка Волчья, падающая въ Самару и черезъ нее составляющая Самаро-Волчью систему.

---

[1]) Акты южной и западной Польши, I, 109.
[2]) Записки одес. общ. ист. и древн., III, 572.
[3]) Карта Россіи, рядъ XXX, листъ 12.
[4]) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, 475.

Рѣка Волчья или Волчьи-Воды, у Боплана Тавчавода [1]), беретъ начало по теперешнему въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, и падаетъ въ Самару ниже города Павлограда; всего теченія ея 220 верстъ, наибольшая ширина 30 саженъ, наибольшая глубина, въ плесахъ, до 3 саженъ, наименьшая— одинъ футъ; берега Волчьей большею частію возвышенны и каменисты, особенно высоки противъ устья ея притока Вороной и выше деревни Евграфовки, до 40 саженъ высоты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ березовыхъ скалахъ и въ балкахъ Волчьей имѣются естественныя пещеры; такова пещера въ балкѣ Крутой, падающей въ Волчью выше села Дибривокъ. Относительно названія рѣки существуютъ три преданія. По одному преданію, Волчьей она называется отъ травы волчка, растущей въ различныхъ мѣстахъ по берегамъ ея; по другому преданію, отъ волчьей норы, изъ которой она беретъ начало [2]); по третьему, отъ степнаго волка: «Эта рѣчка была когда-то балкой; по балкѣ росли дремучіе лѣса; однажды лѣтомъ, во время сильнаго припека солнца, бѣжалъ по балкѣ волкъ, и захотѣлось этому волку пить; бѣжитъ онъ по балкѣ и чуетъ подъ ногами прохладу; волкъ останавливается и начинаетъ рыть яму, и до тѣхъ поръ онъ рылъ, пока въ ямѣ не показался ключъ, а изъ ключа не потекла вода; послѣ того мало-по-малу балка наполнилась водой и поросла лѣсомъ и очеретомъ; тогда люди и прозвали балку рѣкой Волчьей» [3]). Въ народѣ эта рѣка называется иногда Кобыланкою, каково названіе, говорятъ, произошло по слѣдующему поводу. «Когда-то въ давнюю давину была крымская война: русская царица воевала съ крымцами; вотъ приходятъ русскія войска къ рѣкѣ Волчьей и ищутъ мѣста, гдѣ бы имъ переправиться черезъ нее; никакъ не найдутъ они удобнаго мѣста; какъ вотъ видятъ, по-надъ рѣчкою чабанъ пасетъ овецъ; они подозвали къ себѣ того чабана и стали спрашивать его, гдѣ бы имъ перебрести рѣчку: «если переведешь насъ, то мы дадимъ

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 67.

[2]) Преданіе записано мной отъ крестьянина села Покровс[illegible] нославской губерніи, александровскаго уѣзда, [illegible] Максимо[illegible]

[3]) Преданіе записано учителемъ того-ж[illegible] И. Ч[illegible] крестьянина Артема Москаленка.

тебѣ столько земли, сколько глазъ захватитъ». Чабанъ перевелъ ихъ; потомъ взялъ большую бѣлую кобылу, сѣлъ на нее, въѣхалъ на могилу, сталъ ногами на кобылу и смотритъ кругомъ: «вотъ тожъ сколько око хватаетъ, то все мое!» Русскіе видятъ это да и говорятъ чабану: «Что-же это ты? Мы тебѣ говорили, чтобы ты самъ влѣзъ на могилу, а ты взялъ кобылу да еще поднялся на ней и смотришь кругомъ».—«Неправда, вы сказали просто, чтобъ я поднялся на могилу и смотрѣлъ кругомъ: что окомъ окину то й мое, а о томъ, самъ ли я долженъ взойти на могилу, или въѣхать на лошади, вы ни слова ни сказали; я нашелъ болѣе удобнымъ для себя подняться на лошади». Съ тѣхъ поръ и прозвали ту могилу Кобыланкою, а по ней и рѣчку Волчью Кобыланкою: такъ она у насъ и называется рѣчкой Кобыланкой: «ходимъ ловыти рыбу на Кобыланку!» А могила Кобыланка стоитъ близъ села Дебальцева, на правомъ берегу рѣчки Кобыланки [1]). Впрочемъ, по другимъ Кобыланкой называется собственно не Волчья, а притокъ ея притока Мокрыхъ-Яловъ, Кобыльна. Въ XVII вѣкѣ татары не разъ избирали рѣку Конскія-Воды мѣстомъ своихъ кочевьевъ, какъ было, напримѣръ въ 1650 и 1659 годахъ; неразъ также они и переходили рѣку Конскія-Воды, когда дѣлали набѣги на Украйну [2]).

Притоки рѣки Волчьей съ правой стороны: Соленая, падающая по теперешнему въ Волчью подъ селомъ Ивановкой, александровскаго уѣзда, и Каменка, падающая въ Волчью вмѣстѣ съ Берстовой на 4 версты выше Дибривокъ; притоки рѣки Волчьей съ лѣвой стороны. Лозовая верхняя, Лозовая средняя, Лозовая нижняя, Осиковата, Ворончина; Верхнія или Сухія-ялы [3]), съ Икряною падаютъ въ Волчью у села Константинополя; Нижнія или Мокрыя Ялы съ Кобыльной, Гончарихой, иначе называемой Сухими-Ялами, Ярлы-Сузаномъ [4]) или Скотоватой, Шайтанкой и Копила-

---

[1]) Преданіе записано мной отъ крестьянина Захара Максимовича Саенка.

[2]) Акты южной и западной Россіи, VII, 298; VIII, 335.

[3]) «Ялы» съ турецкаго (османскаго) на русскій значитъ «берегъ» «набережная», греческое αἰγιαλός.

[4]) «Ярлы»—раненый «су»—вода—«озан»—(узени) рѣка, отсюда Ярлысузань—«рѣка раненыхъ». Стяженіе двухъ гласныхъ у татаръ обыкновенно, а здѣсь, если его и не было, оно могло появиться, въ русскомъ выговорѣ подъ вліяніемъ ударенія: іарлы—су—ӧзӓн, особенно при татарскомъ же выговорѣ узӓн.

гачемъ [1]); всего теченія рѣчки Мокрыя-Ялы сто верстъ; Вороная падаетъ въ Волчью подъ Орестополемъ и Евграфовкой, противъ Дибривокъ, на такъ называемой стрѣлкѣ [2]); Ганчулъ, получившій свое названіе, по объясненію Шерцля, отъ турецкаго слова «іен-чол» съ придыханіемъ «г», что значитъ «обширное пространство, степь», или, по объясненію Корша отъ турецко—татарскаго корня «янчимак»—выдавливать, гнать воду, вытекаетъ изъ-подъ Темрюка, впадаетъ въ Волчью въ деревнѣ Богодарѣ, александровскаго уѣзда, имѣніи Ѳ. И. Михеева; всего теченія Ганчула сто верстъ; онъ имѣетъ съ правой стороны своимъ притокомъ Янчулъ, получившимъ свое названіе отъ того-же турецкаго слова «іен-чол» безъ придыханія; соединяется съ Ганчуломъ у Даниловки, теченія имѣетъ семьдесятъ пять верстъ; Верхняя или Большая-Терса, получившая названіе отъ турецкаго слова «тересъ», что значитъ «соръ, назовъ», съ боковою Солоною, падаетъ въ Волчью подъ Наковальниной-Павловой; Нижняя или Малая-Терса съ боковою Середнею или Степною Терсою, падаетъ въ Волчью у села Прусенкова; Солончиха соединяется съ Волчьей подъ Васюковой. Волчья съ ея притоками—послѣдняя изъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря.

Изъ рѣкъ бассейна Азовскаго моря достойны вниманія прежде всего шесть рѣчекъ, падающихъ въ рѣку Сѣверный-Донецъ, посредствомъ Сѣвернаго Донца въ Донъ, а посредствомъ Дона, въ Азовское море: Торъ, названіе котораго, какъ думаютъ, произошло отъ народовъ торковъ, тюрко-татарскаго племени; онъ составляется изъ Казеннаго-Торца, сухого-Торца, и кривого-Торца, съ Калиновой, имѣетъ боковыя Маяку, Клибинъ—Быкъ, Голую-Долину, Грузскую, и падаетъ въ р. Донецъ у села Райгородка, харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда. Запорожскимъ козакамъ принадлежалъ только вершиною и среднимъ теченіемъ. Бахмутъ, падающій въ Днѣпра у с. Дроновки названной губерніи и уѣзда, получилъ свое названіе отъ слова Махмудъ, т. е. Магометъ, въ переводѣ на

---

[1]) Кашлагачъ съ татарскаго «кошли»—дуплистый и «агач»—дерево.

[2]) Берега при устьѣ Вороной покрыты огромнѣйшими скалами; нѣсколько выше берега Вороной дѣлаются отлогими, а затѣмъ 8 верстъ выше снова поднимаются и снова покрываются высокими скалами.

русскій языкъ «достохвальный» [1]), съ боковыми Копанкой, Сухой-Плотвой и Мокрой-Плотвой. Лугань, названная отъ слова «лугъ», съ боковыми Лозовой, Бѣлой и Ольховой, падаетъ въ Донецъ у села Кружнаго. Луганчикъ, соединяется съ Донцомъ подъ Николаевкой. Бѣлая—подъ Новобожедаровкой, и Большая—Каменка, принадлежавшая запорожскимъ козакамъ только вершиной. Кромѣ шести названныхъ рѣчекъ, къ Азовскому морю шли еще слѣдующія пять: Калміусъ, Камышеватая, Мокрая-Бѣлосарайка, Каленцусъ и Берда. Кальміусъ, у Боплана Міусъ, получившій свое названіе отъ тюркскихъ словъ «кыл»—волосъ и «міюс»—рогъ, т. е. рогъ тонкій, какъ волосъ, беретъ начало изъ бахмутскихъ высотъ и течетъ по направленію отъ сѣвера къ югу по самой границѣ восточныхъ владѣній запорожскихъ козаковъ, параллельно Міусу и Бердѣ; сначала идетъ онъ узкимъ жолобомъ, потомъ подъ конецъ расширяется въ три лимана и среднимъ, имѣющимъ болѣе 30 верстъ длины и до 2 ширины, впадаетъ въ Азовское море противъ Маріуполя, имѣя по обоимъ берегамъ своего устья, верстъ на пять вверхъ, песчаную низменость, мѣстами съ песчаными кучугурами известковаго ракушника (chamis laevibus), мѣстами съ отличными сѣнокосами. Всего теченія Калміуса двѣсти верстъ, наибольшая ширина его двадцать шаговъ, средняя глубина полтора фута [2]); въ полую воду его можно переѣзжать только на паромѣ; теченіе Калміуса очень тихое, и потому вода его имѣетъ видъ болотной воды; дно его глинистое, мѣстами загроможденное небольшими камнями—шпатомъ разныхъ видовъ, песчаникомъ, кварцемъ, бурой, грубымъ аспидомъ, какъ полагаютъ, приносимыми теченіемъ рѣки съ вершины ея; равнина, по которой течетъ Калміусъ, покрыта очень плодородной, черноватаго цвѣта, глинистою почвой; изъ рыбъ въ немъ ловятся раки, окуни и щуки; по берегамъ его растетъ терновникъ и особенно много камыша [3]). Калмі-

---

[1]) Въ русской лѣтописи послѣдователи Магомета называются Бохмичами (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, Спб. 1872, 82); у татаръ и теперь говорятъ вмѣсто Магмедъ «Бахметъ», отсюда наше Бахмутъ.

[2]) У Шмидта показано длины 150 верстъ, ширины 30 саж. глубины отъ 6 футовъ до 3 съ половиной саженъ. Матеріалы для геогр. и статистики. Спб., 1863, I.

[3]) Записки одес. общ. истор. и древн., XI, 221.

усокъ запорожскіе козаки пользовались иногда, какъ единственнымъ путемъ для возвращенія изъ морскаго похода своего противъ турокъ: тогда они изъ Чернаго моря шли въ Керченскій проливъ, отсюда въ Азовское море, изъ Азовскаго моря къ устью Калміуса, отъ устья Калміуса поднимались вверхъ по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока можно было по ней плыть; послѣ этого вытаскивали свои суда и шли волокомъ до Волчьей; въ Волчью снова погружали суда и шли по Самарѣ до Днѣпра, а по Днѣпру до Сичи. Впрочемъ этотъ путь запорожцы рѣдко избирали, вслѣдствіе отдаленности его отъ Сичи; они прибѣгали къ нему только тогда, когда флотъ ихъ состоялъ всего изъ 20 или 25 чаекъ или тогда, когда турки совершенно преграждали имъ устье Днѣпра [1]). Притоки Калміуса съ правой стороны: Берестовая, рѣчка замѣчательная въ томъ отношеніи, что она вершиной своей всего лишь на десять верстъ не доходитъ до притока рѣки Волчьей, Осиковой. Близость этихъ рѣчекъ давала возможность запорожскимъ козакамъ, ходившимъ судами изъ Днѣпра по Самарѣ и Волчьей, перетаскиваться волокомъ отъ Осиковой къ Берестовой и отсюда вновь идти водой по Калміусу до Азовскаго моря. За Берестовой слѣдуютъ Мокрая-Волноваха съ Сухой-Волновахой, Дубовка, Кичекса, Терновка, Вербовка, Чертечья, Раковатая и Кальчикъ или древняя Калка, составляющаяся изъ Восточнаго-Кальчика и Западнаго-Кальчика и получившая свое названіе отъ турецкаго слова «калка»—порусски «щитъ, навѣсъ» [2]). Западнѣе отъ Калміуса идутъ: Камышеватая, Мокрая-Бѣлосарайска, Каленцусъ, составлявшія единственныя водныя сообщенія по берегу Азовскаго моря между Бердой и Калміусомъ; Берда, получившая, какъ думаютъ, свое названіе отъ имени народовъ берендѣевъ [3]), падаетъ въ Азовское море подъ Бердянскомъ, имѣетъ боковую Каратышъ [4]) съ его рѣчками-балками Водяной или Бондей и Бесташемъ [5]).

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 68.

[2]) Гильденштедтъ. Дневникъ путешествія въ южн. Россію. Записки: одес. общ. и древ.. XI. 221

[3]) Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, I, 108.

[4]) Или Кара-Ташъ. т. е. Черный Камень.

[5]) Съ татарскаго «бешъ»—пять и «ташъ»—камень.

Если мы подведемъ итогъ всѣмъ названіямъ запорожскихъ рѣкъ, то увидимъ, что значительная часть изъ нихъ и притомъ самыхъ большихъ или самыхъ примѣтныхъ (кромѣ Днѣпра и Буга) носятъ названія тюрко-татарскіе: какъ-то: Ингулъ, Ингулецъ, Саксагань, Громоклей, Сугаклей, Еланецъ, Ташлыкъ, Орель, Самарь, Кильчевь, Чортомлыкъ, Базавлукъ, Кушугумъ, Карачокракъ, Янчокракъ, Ганчулъ, Янчулъ, Терса, Ялы, Калміусъ, Калка и нѣкоторыя другія. Даже больше того: нѣкоторыя русскія названія запорожскихъ рѣкъ въ сущности представляютъ только переводы татарскихъ, каковы, напримѣръ: Синія-воды—это татарское Гѐкъ-су, Конскія-воды — татарское Йлкы-су, даже, можетъ быть, Волчьи-Воды просто переводъ съ татарскаго Кашкыръ-су. Только мелкія рѣчки, и притомъ въ огромномъ числѣ по отношенію по всѣмъ рѣкамъ Запорожья, носятъ названія русскія. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что запорожцы, занявъ мѣста тюрко-татаръ, приняли названія большихъ рѣкъ уже готовыя и только малымъ рѣчкамъ, вѣроятно. остававшимся у тюрко-татаръ безъ всякаго названія, дали въ теченіе долгаго историческаго времени собственныя наименованія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вѣтки обѣихъ сторонъ рѣки Днѣпра. Главнѣйшія вѣтки съ правой стороны: Прогной, Чекерова, Переволокъ, Вышемірка, Лѣсная, Мосійка, Засыпка, Домаха, Озерище, Осигноватая, Хрещатая, Желтуха, Борвійка, Коноплянка, Прогной, Рѣчище, Перебой, Бугай, Днѣприще, Квашня, Чичаклея, Орлова, Подпильная съ ея разными названьями, Мокрая-Лапинка, Гнилая, Бакай, Прогной, Осетровка, Козулиха, Пинянка, Свирка, Раковъ-Уступъ, Шарай, Бѣлый-Перевалъ, Волынка, Скарбинка, Павлюкъ, Сухая-Лапинка, Скарбная, Нырвачъ, Юсковская, Ревучая, Тихейская, Шаховка, Омельниха, Старая-Сысина, Новая-Сысина, Сандалка, Крутько, Темная, Темненькая, Темный Перевалъ, Скарбная-Колотовская, Тихенькая, Шаршавая, Похилая, Заплавная, Кислая, Жолобы, Бучки, Шахова, Хвенька, Шевчиха, Реунъ, Чаплинка, Шабельная, Коловоротъ, Царева, Дармамовка, Клочиха, Жучиха, Заплавная, Кривое-Днѣприще, Бобровая, Хвеська, Бобровый-Яретиковъ, Дармамовка, Кущовка, Еретикъ, Вятлинскій-Перевалъ, Омеловая, Космаха, Яремовка, Козацкая, Кривое-Рѣчище, Среднее-Козацкое, Идеромля, Бургонка, Тягинка, Ингульская, Кошевая, Ольховая, Корабельная, Борщевка, Бубликова, Средина, Бѣлогрудова, Солонецкая. Главнѣйшія вѣтки съ лѣвой стороны: Калинова, Подпильная, Паньковка, Свидовка, Чередничка, Домаха, Кривецъ, Сомовка, Каменка, Гнилокиша, Кушугумъ, Заклятая, Бандурка, Осетрова, Домаха, Рѣчище, Здурмановка, Музурманъ, Лопушка, Клокунка. Змѣйка, Мышрикъ, Плетениха, Прогной, Перебой, Рѣчище, Темрюкъ, Конка, Песчаный-Перевалъ, Поплавка, Моцковая, Святая, Метелиха, Сырица, Лободиха, Заплавная, Бристана, Бабина, Татарская-Подпильная, Басанка, Поперечная Татарка, Царевская, Евпатиха, Грушевка, Бѣлеювка, Губская, Крупіи, Гребениха, Волошка, Шавулиха, Чаплинка, Костырская, Дурицкая, Кривецъ, Таванская, Гниловодъ, Хруловая, Кринка, Турская, Голубова, Алексѣева, Кардашинская, Маслова, Борщева, Подкова, Солонецкая, Днѣприще, Збурьевская.

Во многихъ источникахъ, относящихся до исторіи запорожскихъ козаковъ, строго различаются «рѣчки и вѣтки» Днѣпра; рѣчками назывались притоки Днѣпра, идущіе къ нему изъ степи; вѣтками назывались тѣ же притоки, но только выходящіе изъ самого-

Днѣпра и въ него-же впадающіе; идя параллельно Днѣпру, онѣ, такъ сказать, сопровождаютъ его своимъ теченіемъ, «помогаютъ» ему, оттого и называются въ козацкихъ думахъ:

«Витки нызовіи—помошныци днипровіи».

Слѣдуя за Днѣпромъ, по правую сторону его, онѣ шли въ такомъ порядкѣ. Прогной, противъ острововъ Кучугуровскаго и Хвостикова или Длиннаго; Чекерова, противъ острововъ Пухалаго и Бешки, между Плахтіевкой и Деріевкой; Переволокъ, противъ острова Великаго надъ Мишуринымъ-Рогомъ; Вышемірка и Лѣсная, параллельно одна другой, противъ Днѣпрово-Каменки; Мосійка и Засыпка противъ острова Нижняго Бѣловода; Домаха и Озерище съ Кривцомъ выше деревни Анненской-Заборы; Прогной противъ села Аулъ; Осигноватая противъ селенія Романкова; Хрещатая, Желтуха, Борзійка и Коноплянка, противъ Гречанаго острова и села Тритузнаго; Прогной противъ острова Просереда, и селенія Карнауховки; Рѣчище, противъ острова Баранченкова и селенія Сухачевки. Отъ слободы Сухачевки до слободы Вышетарасовки, на всемъ пространствѣ выше пороговъ, надъ самыми порогами и нѣсколько ниже ихъ, вѣтки днѣпровскія прекращаются и взамѣнъ ихъ являются въ большомъ количествѣ балки. Ниже Тарасовки слѣдуютъ одн за другой вѣтки: Ненажора 3 сажени ширины и 4 вершка наименьшей глубины, Перебоина, Бугай—всѣ три противъ Плетенаго-Рога, что на лѣвомъ берегу Днѣпра; Днѣприще, противъ острова Гійнаго; Рѣчище подъ островомъ Томаковкой, 20 саженъ ширины и 4 вершка наименьшей глубины, Быстрикъ, Квашня и Чичаклея (отъ татарскаго слова «чичекли»—цвѣтущій), всѣ три противъ Лысогорскаго или Новопавловскаго лимана; Орлова, у запорожскихъ козаковъ называвшаяся Подпильною; она начиналась выше Микитина-Рога, гдѣ была Микитинская-Сича [1]), и текла по-надъ Орловымъ лугомъ, который отдѣлялъ вѣтку Подпильную отъ рѣки Днѣпра и получилъ свое названіе отъ птицы орла, свившаго свое гнѣздо на дикой грушѣ среди луга; съ теченіемъ времени Днѣпръ,

---

[1]) Здѣсь Подпильная имѣла «въ лѣтнее жаркое время» 7 саженъ ширины и 6 вершковъ глубины.

послѣ нѣсколькихъ разливовъ, соединился съ Подпильной [1]), и такимъ образомъ на мѣстѣ Орлова луга образовалась вѣтка Орлова; въ настоящее время она считается рукавомъ Днѣпра, имѣетъ до двухъ-сотъ пятидесяти саженъ ширины и, имѣя на своемъ берегу пристань, замѣняетъ собою Днѣпръ. Какъ на лѣвомъ берегу рѣка Конка, такъ на правомъ Подпильная: она нѣсколько разъ то соединяется съ Днѣпромъ, то выходитъ изъ него, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ носитъ разныя названія: Подпильной именуется: между притоками Днѣпра, Чортомлыкомъ и Сысиной, до впаденія въ вѣтку Сандалку подъ Грушевкой; на этой Подпильной была послѣдняя по времени запорожская Сича, Новая или Подпиленская, основанная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Малашевичемъ и просуществовавшая съ 1734 по 1775 годъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Покровское, екатеринославскаго уѣзда [2]); далѣе Подпильной она называется ниже выселка Кута херсонскаго уѣзда, отдѣляясь отъ Большаго-Бакая и нѣсколько ниже впадая въ Заплавную, и вслѣдъ затѣмъ ниже села Марьинскаго, гдѣ она выходитъ изъ Ревуна и тутъ-же падаетъ въ Быстрикъ; далѣе съ тѣмъ-же названіемъ она отдѣляется отъ Днѣпра ниже села Михайловки, противъ вершины острова Носоковки и доходитъ почти до Саблуковки; тутъ она сливается съ Днѣпромъ, но потомъ снова и съ тѣмъ-же названіемъ выходитъ изъ Днѣпра ниже колоніи Старо-Шведской, а вслѣдъ за этимъ принимаетъ названіе Космахи и течетъ до Кызыкерменя, теперешняго Берислава; ниже Берислава, отъ рѣчки или, по теперешнему, балки Каменки, носитъ названіе вѣтки Козацкой и имѣетъ болѣе ста саженъ ширины; у села Дядьковки она именуется Конкой и съ этимъ названіемъ падаетъ въ Днѣпръ; ниже рѣчки Тягинки снова выходитъ изъ Днѣпра и течетъ параллельно ему съ названьемъ Ингульца и подъ Репнинкой сливается съ устьемъ рѣки Ингульца, идущаго къ Днѣпру изъ степи; отъ Кордоннаго острова, ниже города Херсона, снова отдѣляется отъ Днѣпра, подъ именемъ вѣтки Кошевой идетъ па-

[1]) Противъ Никитина Подпильна имѣла 27 — 30 саженъ ширины и отъ 8 вершковъ до 1 аршина глубины, противъ Новой Сичи 70 саженъ ширины и 2 аршина глубины.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 187—195.

раллельно Днѣпру и впадаетъ въ него ниже озера Бѣлаго; наконецъ ниже Касперовой она въ послѣдній разъ выходитъ изъ вѣтки Днѣпра и подъ именемъ Подпильной въ послѣдній разъ падаетъ въ озеро Дидово. Свое названіе Подпильная, по объясненію однихъ, получила оттого, что своимъ теченіемъ «подпиливаетъ» берега, а по объясненію другихъ [1]) оттого, что течетъ «по-надъ полями», такъ какъ въ оффиціальныхъ документахъ она именуется Подпольной.

Ниже Микитина-Рога и ниже того мѣста, гдѣ впервые Подпильная, подъ именемъ Орловой, впадаетъ въ Днѣпръ, идутъ последовательно другія вѣтки Днѣпра: Мокрая-Лапинка, до устья Чортомлыка и Скарбной, туда, гдѣ была Чортомлыцкая Сича; въ лѣтнее жаркое время 80 саженъ ширины и 1½ аршина глубины. Гнилая, Бакай, Прогной, Осетровка, 70—80 саженъ ширины, 1½ аршина глубины. Козулиха или Козлиха противъ острова Козулина, начинается ниже Павлюка, противъ вѣтки Раковаго-Уступа, впадаетъ въ Скарбную [2]). Пинянка, Свирка, Раковъ-Уступъ, Старый и Новый Шарай или Ширляй, 20—25 саженъ ширины и отъ 12 вершковъ до 1 аршина глубины; Бѣлый-Перевалъ, 20—25 саж. ширины, отъ 12 вершковъ до 1 аршина глубины; Волынка противъ острова Британа; Скарбинка или Сковская; Скарбная противъ того-же острова; семь верстъ длины, отъ четырехъ до шести саженъ ширины; Павлюкъ четыре версты длины, до восьмидесяти саженъ ширины, падающій въ Подпильную у Чортомлыцкой Сичи, получившій свое названіе отъ сподвижника кошеваго Ивана Сирка, куреннаго атамана Павлюка, потопившаго въ этой рѣкѣ отрядъ татаръ. Чортомлыцкое Днѣприще, идущее въ Павлюкъ, 60 ширины и 1½ аршина глубины; Сухая-Лапинка, Скарбная съ Бѣлобородчихой, Темной и Раскопанкой [3]), идущая въ Подпильную ниже Чортомлыцкой Сичи, названная такъ потому, что въ ней запорожскіе козаки часто скрывали свои скарбы, 70 саженъ ширины и 2 аршина глубины.

Въ 1667 году, 15 мая, на вѣткѣ Скарбной былъ убитъ запорож-

---

[1]) Второе объясненіе болѣе вѣроятно въ виду того, что есть рѣчка Видпильная т. е. отъ поля протекающая.

[2]) Геометрическій спеціальный планъ V.

[3]) Берется изъ Скарбной и впадаетъ въ Руденковъ уступъ.

скими козаками стольникъ Евфимъ Лодыжинскій, ѣхавшій въ Крымъ въ качествѣ московскаго посла, вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Магометъ-агой; оба посла везли съ собой большую казну, подарки и разныя вещи. Свой поступокъ съ русскими и крымскими послами запорожскіе козаки объясняли тѣмъ, что они получили свѣдѣніе, будто московскій царь вошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ съ цѣлью искоренить и до основанія уничтожить всѣхъ запорожскихъ козаковъ, «съ обѣихъ сторонъ на Запорожьѣ мѣшкающихъ» [1]. Царь Алексѣй Михаиловичъ оставилъ злое дѣло запорожскихъ козаковъ безъ наказанія, «пробачивъ его» [2].

Ниже вѣтки Скарбной слѣдуетъ Нырвачъ, впадающій въ Холодноватую, сама Холодноватая въ Плоскую, Плоская въ Волчье-Горло и Волчье-Горло въ Темную, а Темная въ Днѣпръ; Юсковская или на трехверстной картѣ Россіи Яськовская, тотъ-же часъ ниже Скарбной, идущей въ ту-же Подпильную, противъ острова Юсковскаго; Ревучая или Ревунъ, между вершинами Бѣлобородчихи и Темной, 20 саженъ ширины, 4 вершка «въ лѣтнее жаркое время» глубины; Тихейская или Тихинка, выше Ревучей, между тѣми же Бѣлобородчихой и Темной; Шаховка, Шахова или Шоховка, между Бѣлобородчихой и Верхней-Дмитровкой, 50 саженъ ширины, 1 аршинъ глубины [3]. Омельниха, 40 саженъ ширины и 1 аршинъ глубины; Старая-Сысина, 10 верстъ длины, 26 саженъ, теперь 3 сажени, ширины, впадаетъ въ Базавлукъ подъ Кутомъ съ боковыми Верхней-Дмитровкой и Нижней-Дмитровкой [4], выходитъ изъ Подпильной и называется такъ потому, что «своѐю сысь̂кою годує Пидпильну»; Новая-Сысина [5], Сандалка, Крутько. Темная и Темненькая, соединяющіяся съ Днѣпромъ и лиманомъ Великія-Воды посредствомъ двухъ рѣчекъ: на востокѣ Раскопанки на западѣ Скоречки, 50 саженъ ширины, 1 аршинъ глубины; Сливки,

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, Спб., 1869, VI, 179, 181, 184, 187, 188, 189.

[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 94.

[3]) Впадаетъ въ Бѣлобородчиху, Бѣлобородчиха въ Темную, а Темная въ Днѣпръ.

[4]) Верхняя и Нижняя-Дмитровки имѣютъ 70 саженъ ширины и 2 аршина глубины.

[5]) Длина полторы версты, наибольшая ширина 25 саженъ.

раллельно Днѣпру и впадаетъ въ него ниже озера Бѣлаго; наконецъ ниже Касперовой она въ послѣдній разъ выходитъ изъ вѣтки Днѣпра и подъ именемъ Подпильной въ послѣдній разъ падаетъ въ озеро Дидово. Свое названіе Подпильная, по объясненію однихъ, получила оттого, что своимъ теченіемъ «подпиливаетъ» берега, а по объясненію другихъ [1]) оттого, что течетъ «по-надъ полями», такъ какъ въ оффиціальныхъ документахъ она именуется Подпольной.

Ниже Микитина-Рога и ниже того мѣста, гдѣ впервые Подпильная, подъ именемъ Орловой, впадаетъ въ Днѣпръ, идутъ послѣдовательно другія вѣтки Днѣпра: Мокрая-Лапинка, до устья Чортомлыка и Скарбной, туда, гдѣ была Чортомлыцкая Сича; въ лѣтнее жаркое время 80 саженъ ширины и $1^1/_2$ аршина глубины. Гнилая, Бакай, Прогной, Осетровка, 70—80 саженъ ширины, $1^1/_2$ аршина глубины. Козулиха или Козлиха противъ острова Козулина, начинается ниже Павлюка, противъ вѣтки Раковаго-Уступа, впадаетъ въ Скарбную [2]). Пипянка, Свирка, Раковъ-Уступъ, Старый и Новый Шарай или Ширляй, 20—25 саженъ ширины и отъ 12 вершковъ до 1 аршина глубины; Бѣлый-Перевалъ, 20—25 саж. ширины, отъ 12 вершковъ до 1 аршина глубины; Волынка противъ острова Британа; Скарбинка или Сковская; Скарбная противъ того-же острова; семь верстъ длины, отъ четырехъ до шести саженъ ширины; Павлюкъ четыре версты длины, до восьмидесяти саженъ ширины, падающій въ Подпильную у Чортомлыцкой Сичи, получившій свое названіе отъ сподвижника кошеваго Ивана Сирка, куреннаго атамана Павлюка, потопившаго въ этой рѣкѣ отрядъ татаръ. Чортомлыцкое Днѣприще, идущее въ Павлюкъ, 60 ширины и $1^1/_2$ аршина глубины; Сухая-Лапинка, Скарбная съ Бѣлобородчихой, Темной и Раскопанкой [3]), идущая въ Подпильную ниже Чортомлыцкой Сичи, названная такъ потому, что въ ней запорожскіе козаки часто скрывали свои скарбы, 70 саженъ ширины и 2 аршина глубины.

Въ 1667 году, 15 мая, на вѣткѣ Скарбной былъ убитъ запорож-

---

[1]) Второе объясненіе болѣе вѣроятно въ виду того, что есть рѣчка Видпильная т. е. отъ поля протекающая.

[2]) Геометрическій спеціальный планъ V.

[3]) Берется изъ Скарбной и впадаетъ въ Руденковъ уступъ.

скими козаками стольникъ Евфимъ Лодыжинскій, ѣхавшій въ Крымъ въ качествѣ московскаго посла, вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Магометъ-агой; оба посла везли съ собой большую казну, подарки и разныя вещи. Свой поступокъ съ русскими и крымскими послами запорожскіе козаки объясняли тѣмъ, что они получили свѣдѣніе, будто московскій царь вошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ съ цѣлью искоренить и до основанія уничтожить всѣхъ запорожскихъ козаковъ, «съ обѣихъ сторонъ на Запорожьѣ мѣшкающихъ» [1]). Царь Алексѣй Михаиловичъ оставилъ злое дѣло запорожскихъ козаковъ безъ наказанія, «пробачивъ его» [2]).

Ниже вѣтки Скарбной слѣдуетъ Ырвачъ, впадающій въ Холодноватую, сама Холодноватая въ Плоскую, Плоская въ Волчье-Горло и Волчье-Горло въ Темную, а Темная въ Днѣпръ; Юсковская или на трехверстной картѣ Россіи Яськовская, тотъ-же часъ ниже Скарбной, идущей въ ту-же Подпильную, противъ острова Юсковскаго; Ревучая или Ревунъ, между вершинами Бѣлобородчихи и Темной, 20 саженъ ширины, 4 вершка «въ лѣтнее жаркое время» глубины; Тихейская или Тихинка, выше Ревучей, между тѣми же Бѣлобородчихой и Темной; Шаховка, Шахова или Шоховка, между Бѣлобородчихой и Верхней-Дмитровкой, 50 саженъ ширины, 1 аршинъ глубины [3]). Омельниха, 40 саженъ ширины и 1 аршинъ глубины; Старая-Сысина, 10 верстъ длины, 26 саженъ, теперь 3 сажени, ширины, впадаетъ въ Базавлукъ подъ Кутомъ съ боковыми Верхней-Дмитровкой и Нижней-Дмитровкой [4]), выходитъ изъ Подпильной и называется такъ потому, что «своѐю сыською году́е Пидпильну»; Новая-Сысина [5]), Сандалка, Крутько. Темная и Темненькая, соединяющіяся съ Днѣпромъ и лиманомъ Великія-Воды посредствомъ двухъ рѣчекъ: на востокѣ Раскопанки на западѣ Скоречки, 50 саженъ ширины, 1 аршинъ глубины; Сливки,

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, Спб., 1869, VI, 179, 181, 184, 187, 188, 189.

[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 94.

[3]) Впадаетъ въ Бѣлобородчиху, Бѣлобородчиха въ Темную, а Темная въ Днѣпръ.

[4]) Верхняя и Нижняя-Дмитровки имѣютъ 70 саженъ ширины и 2 аршина глубины.

[5]) Длина полторы версты, наибольшая ширина 25 саженъ.

Темный-Перевалъ, на трехверстной картѣ Россіи просто Перевалъ, соединяющій Нижнюю-Дмитровку съ Сысиной; Скарбная-Колотовская, верхнимъ концомъ соединяющаяся съ Сысиной, нижнимъ съ лиманомъ Великія-Воды, 40 верстъ длины, 60 саженъ ширины, $1^1/_2$ аршина глубины; Тихинькая-вторая, отдѣляется отъ верхняго конца Скарбной-Колотовской и впадаетъ въ Заплавную; Шаршавая и Похилая между Квашивскимъ озеромъ и Лозоватымъ лиманомъ; Заплавная или Заплава, непосредственно ниже Тихинькой-второй; Млинки и Кислая или Кисловка, лѣвый притокъ Бѣлобородчихи, получившая свое названіе, по преданію, отъ какого-то запорожца Кислаго; Тихинькая-третья, противъ средины Скарбной-Колотовской; Жолобы, ниже устья Скарбной - Колотовской; Бѣлобородчиха, непосредственно ниже вѣтки Жолобовъ; Большія и Малыя Бучки или на трехверстной картѣ Россіи Бочки, ниже Бѣлобородчихи, 60 саженъ ширины и $1^1/_2$ аршина глубины; Шахова, начало у Сысиной, устье между Бучками и Скоречкой; Хвенька неизвѣстная въ настоящее время; Ишевчиха или Шевчиха, ниже Скоречки, Реунъ, Чаплинка, неизвѣстная въ настоящее время; Шабельная или Шебалина у Пущина, ниже Шевчихи, 40 саженъ ширины и 1 аршинъ глубины; Микольская или Никольская, ниже Шабельной, 40 саженъ ширины и 1 аршинъ глубины [1]). Всѣ вѣтки, начиная съ Козулиной и кончая Микольской, непосредственно или одна черезъ другую идутъ въ лиманъ Великую-Воду и отсюда посредствомъ устья Базавлука изливаются въ рѣку Днѣпръ.

Далѣе слѣдуютъ вѣтки: Коловоротъ на атласѣ Днѣпра 1786 года или по-теперешнему Колобродъ, ниже Царскаго, параллельно Подпильной; Дармамовка или по-теперешнему Дармолѣевка-Верхняя, идущая по-надъ полемъ, ниже Коловорота; Клочиха или Крочиха, ниже Дармамовки-Верхней, падаетъ въ Кривое Днѣприще; Жучиха, параллельно Клочихи, падаетъ туда-же; Заплавная, ниже Жучиха, идетъ въ то-же Кривое-Днѣприще; Кривое-Днѣприще, противъ острова Просереда и Большой-Лепетихи; Бобровая взялась и падаетъ въ Кривое-Днѣприще, Хвеська, на атласѣ Днѣпра 1786

[1]) Изъ прочихъ вѣтокъ «однѣ имѣютъ 35 саженъ ширины и 8 вершковъ глубины, другія имѣютъ теченіе малое, третьи пересыхаютъ»: Экономическія примѣчанія екатеринославскаго уѣзда, по рукописи стр. 45.

года Пущина Хреска [1]), ниже Криваго-Днѣприща, падаетъ въ Днѣпръ; Бобровый-Яретиковъ впадаетъ въ Носоковскій затонъ; Дармамовка или Дармолѣевка-Средняя; Дармамовка или Дармолѣевка-Сухая, ниже двухъ первыхъ черезъ островъ Носоковку; Кущевка и Еретикъ, ниже Хвеськи и озера Домахи [2]); Гирлы, ниже Носоковскаго затона. Всѣ эти вѣтки начинаются ниже острововъ Скалозуба и Царскаго и идутъ до Носоковскаго затона, а посредствомъ Носоковскаго затона впадаютъ въ Днѣпръ.

За Носоковскимъ затономъ слѣдуетъ вѣтка Вятлинскій-Перевалъ, ниже Качкаровки; Пильная на атласѣ Днѣпра 1786 года, теперь Подпильная; Омеловая или Мѣловая, «кромѣ рѣчки Мѣловой»; Космаха или Косматій, изъ которой взялась вѣтка Космашка, идетъ въ Космашскій затонъ подъ Кызыкермень вмѣстѣ съ Подпильной; Яремовка, параллельно Космахѣ, идетъ въ тотъ-же затонъ; Козацкая вѣтка, та же Подпильная, что отъ Микитина-Рога взялась; Кривое-Рѣчище, противъ Кызыкерменя; Гниловодъ, ниже Кызыкерменя; Среднее-Козацкое, «взялось изъ козацкихъ озерковъ и впало въ Днѣпръ выше къ горѣ Бургуну». Подъ среднимъ Козацкимъ, очевидно, разумѣется теперешняя вѣтка Козакъ, которая выходитъ изъ Днѣпра какъ разъ противъ усадьбы князя П. Н. Трубецкого, въ селѣ Козацкомъ херсонскаго уѣзда [3]), и идетъ параллельно Днѣпру на протяженіи около 18 верстъ, впадая ниже деревни Ольговни (имѣнія А. П. Писарева) и какъ разъ противъ еврейской колоніи Львово. На три версты ниже своего начала

---

[1]) Хреска поставлена на 36 в. и 400 саж. ниже Днѣприща, а въ этомъ мѣстѣ на трехверстной картѣ Россіи стоитъ Хвеська: рядъ XIX, листъ 12; въ «Русскихъ трактахъ» Русова неправильно напечатано вмѣсто «Хреска» «Хресна». Кіевъ, 1876, 129.

[2]) На трехверстной картѣ Россіи ошибочно напечатано Кретикъ: рядъ XIX, листъ 12.

[3]) Имѣніе Козацкое, по межевой записи 1785 года, принадлежало гр. Вас. Вас. Орлову-Денисову и заключало въ себѣ въ общемъ числѣ удобной и неудобной земли 16033 десят., 899 саж.; [illegible] дворовъ въ немъ было 42, въ которыхъ, по 8 ревизіи, му[illegible] 126, а въ 1810 г. мужчинъ 109, женщинъ 124. У самаго [illegible] на правомъ возвышенномъ берегу р. Днѣпра, уцѣ[illegible] гр. Орлова-Денисова, замокъ, въ которомъ, [illegible] обитаютъ духи: «Тамъ абó [illegible]».

вѣтка Козакъ образуетъ большой лиманъ подъ деревней Отрадой-Каменкой; противъ этого лимана и деревни Отрады-Каменки, между балкой Острожкомъ и правымъ берегомъ Козака, на выдающемся впередъ рожку, имѣется безыменное старое городище, окопанное съ западной стороны глубокой канавой и обнесенное высокимъ (до 4 саж. высоты) валомъ, имѣющее съ той же стороны мѣсто для въѣзда въ $2^1/_2$ сажени ширины, внутри покрытое камнями и по мѣстамъ изрытое круглыми ямами. У деревни Отрады-Каменки вѣтка Козакъ принимаетъ балку Каменку, а потомъ послѣдовательно балки Городокъ и Красный-Бургунъ. Въ вершинѣ Краснаго-Бургуна, около столбовой дороги, ведущей изъ Берислава въ Херсонъ, поднимается большая, усѣянная камнями, могила Высокая, а по столбовой дорогѣ стоятъ такъ называемыя Екатерининскія мили.

За Среднимъ-Козацкимъ на атласѣ рѣки Днѣпра 1786 года, ниже балки Ореминой, стоитъ какая-то вѣтка Идеромля, но къ какой вѣткѣ приложить ее въ настоящее время—неизвѣстно.

Далѣе слѣдуетъ вѣтка Бургонка, видимо противъ рѣчки Бургунки или теперешней балки и вмѣстѣ рѣчки Краснаго-Бургуна, что пониже села Козацкаго и деревни Отрады-Каменки.

Затѣмъ слѣдуютъ — Тягинская вѣтка или рѣчище, противъ рѣчки Тягинки; Ингульская вѣтка, таже Подпильная, что отъ Микитина-Рога взялась; теперь противъ усадьбы помѣщика Н. Н. Комстадіуса, въ селѣ Фалѣевкѣ-Садовой, херсонскаго уѣзда; Кошевая, та же Подпильная, принимаетъ въ себя рѣчки Веревчину и Бѣлозерку Ольховая-первая, равняется шириной Днѣпру, глубиной превосходитъ его; впадаетъ въ Днѣпръ при входѣ Кошевой; Корабельна или Корабка выходитъ изъ Днѣпра и впадаетъ въ Борщевку; четыре вѣтки Борщевки; третья изъ нихъ выходитъ изъ Ольховой-второй и падаетъ въ озеро своего имени, соединяясь съ Корабельной «подъ Козерогомъ», т. е. подъ Кызымысомъ; четвертая Борщевка, называемая Средней, впадаетъ въ лиманъ [1]); Ольховая-вторая, теперь Ольховый-Днѣпръ; изъ нея Ольховинка-жъ, соединяясь съ Корабельной, производитъ Рвачъ, изъ Корабельной-же выходитъ къ берегу Подпильная и дѣлаетъ къ самому лиману

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 576.

Кызинъ-Кутъ [1]); Бубликова или Бубличка, берется на островѣ Бубликовѣ, между Днѣпромъ и Ольховкою-второю, дѣлаетъ бакай или заливъ, за ней слѣдуетъ Бубликова-коса, которая вмѣстѣ съ вѣткой Бубликовой входитъ въ лиманъ; Средина-первая, Средина-вторая, Бѣлогрудовъ-бакай, Солонецкая, вышедшая изъ Конкии сое' диняющаяся съ Срединой-первой; всѣ эти вѣтки «съ обѣихъ сторонъ вышедшія, разливаясь между камышей, впадаютъ въ лиманъ противъ названнаго мыса Кызе, оставляя по лѣвую сторону къ берегу Днѣпра, большой заливъ, называемый Збурьевскимъ-Кутомъ» [2]).

Въ соотвѣтствіе вѣткамъ Днѣпра праваго берега шли вѣтки и по лѣвому берегу его; таковы: Калинова, ниже Мишурина-Рога, Подпильная, противъ Алферовки; Паньковка [3]), между островами Матвѣевымъ и Фурсинымъ; Свидовка, ниже Бородаевки [4]), Чередничка, охватывающая своимъ теченіемъ съ лѣвой стороны островъ Гречаный; Домаха, ниже Герасимовки-Щуровки, 10 саженъ ширины, 1 аршинъ глубины; Кривецъ ниже Гегеловки, 10 саженъ ширины, 1 аршинъ глубины [5]); Сомовка, параллельно селеніямъ Тритузному, Карнауховкѣ и Тарамскому, ниже острова Просереда; Каменка, противъ селенія Новаго-Кодака [6]); Гнилокиша, противъ острова Каменскаго, выше Мануйловки-Поповки, новомосковскаго уѣзда. Отъ острова Каменскаго внизъ по-надъ порогами Днѣпра и ниже ихъ до рѣчки Мокрой-Московки вѣтки днѣпровскія прекращаются. Ниже Мокрой-Московки начинается вѣтка Кушугумъ или Кучугумъ, съ притокомъ Богушемъ, извилистая, идущая плесами, лѣтомъ пересыхающая, отдѣляющаяся отъ Днѣпра и падающая при посредствѣ Кушумбеты и Дурного-лимана въ рѣку Конку подъ селомъ Скелькою, выше рѣчки Маячки. Рѣчка Кушугумъ получила свое названіе, по одному объясненію, можетъ быть, отъ татарскаго слова «кочкумъ» — бараній песокъ, можетъ быть, отъ «коджа-кумъ» — матерой, огромный песокъ, по другому объясненію, отъ тюркскаго

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и д…

[2]) Записки одесск. общ. ист. и д…

[3]) Иначе Паньковская-топя: Эва… 1888, 97.

[4]) Экономическія примѣчанія къ…

[5]) Экономическія г… ія къ…

[6]) На планѣ рѣки…

корня «кушмак» соединять, отсюда «Кушугумъ или Кушугулъ»—мѣсто соединенія рѣкъ. Послѣднее объясненіе кажется наиболѣе вѣроятнымъ, потому что въ томъ мѣстѣ Днѣпра, гдѣ течетъ вѣтка Кушугумъ, въ самомъ дѣлѣ сходится чрезмѣрное множество рѣчекъ и вѣтокъ. Заклятая, Бандурка, Осетрова, Домаха, Мирошникъ, Рѣчище, Зурмановка, получившая свое названіе или отъ слова «джурман»—сусликъ, или отъ слова «урман»—лѣсъ, съ придыханіемъ «дж»; Музурманъ [1]), противъ острова Рыбачьяго или Табунцова, Лопушка, Клокунка, Змѣйка и Мышрикъ—всѣ двѣнадцать послѣдовательно одна ниже другой и параллельно Кушугуму; Плетениха съ Кушуроватою, противъ Плетеницкаго-Рога; Прогной, ниже Плетенихи, Перебой и Рѣчище противъ островов Цикавина и Гійнаго; Темрюкъ противъ острова Круглика; Конка, между Варавинымъ и Паліивщиной; Песчаный-Переваль и Поплавка, ниже Конки, Моцковая и Святая, падающая въ Днѣпръ противъ острова Орлова, по 7 саженъ ширины и по 6 вершковъ «въ лѣтнее жаркое время» глубины; Конка, между Днѣпромъ и Бѣлозерскимъ-лиманомъ; Метелиха, на трехверстной картѣ Россіи Мелевиха, оканчивающаяся въ Быстрой-Карайтебени; Сырица, выходящая изъ Лебедишки, падаетъ въ Чайку; Лободиха или Лебедиха, оканчивающаяся въ Быстрой-Карайтебени, противъ острова Лободинскаго; Заплавная, оканчивающаяся въ Быстрой-Карайтебени; Бристана (напоминаетъ названіе Βορύσθενής) и Бабина, названныя у Пущина притоками [2]); Татарская-Подпильная, неизвѣстная въ настоящее время съ этимъ названіемъ; Басанка, у Пущина притокъ Басанка, получила свое названіе, по объясненію проф. Смирнова, отъ монгольскаго «басан»—красивый, а по объясненію Никольскаго, отъ тюркскаго «басан»—побѣдитель, т. е. рѣка, гдѣ произошла побѣда, или рѣка, гдѣ стояли побѣдители [3]); въ настоящее время имѣются Старая и Новая Басанки. Далѣе идутъ: Поперечная-Татарка, теперь просто Татарка, противъ Нижняго-Рогачика; Царевская или Царевъ уступъ, выше устья рѣки Конки, противъ острова Царскаго, на атласѣ Днѣпра 1786 года ниже правой вѣтки Колово-

[1]) Видоизмѣненное слово изъ «бусурманинъ», т. е. мусульманинъ.
[2]) Русовъ, Русскіе тракты, Кіевъ. 1870, 129.
[3]) Филологическія записки, 1892, V, 10.

ротъ; Конка, параллельно Царевской вѣткѣ; Евпатиха, иначе Гипетуха, теперь Лопатиха; противъ острова Евпатинскаго, разстояніемъ отъ рѣчки Чаплывы тридцать верстъ, теченія изъ степи до Днѣпра пятьдесятъ верстъ, принимается и за рѣчку и за вѣтку, теперь противъ Большой-Лепетихи; Конка, выше Сѣверныхъ-Каиръ; Грушевка, на островѣ Каирѣ, между Конкой и Днѣпромъ, противъ Заводовки; Бѣлеювка-высшая, теперь Бѣліевка, противъ выбалка Бѣлаго, параллельно Грушевкѣ; Бѣлеювка-низшая, неизвѣстная въ настоящее время съ этимъ названіемъ; Губская-высшая и Губская-низшая между балками Сапатой и Крещатой, противъ селенія Горностаевки; Крупіи, неизвѣстная съ этимъ названіемъ въ настоящее время; Гребениха, иначе Гребенецъ, между Конкой и Днѣпромъ; противъ рѣчки Западной-Каири; Волошка, ниже Гребенихи, между Днѣпромъ и Конкой, противъ Бизюкова монастыря; Шавулиха, параллельно Волошкѣ, между Крутой-Каирью и Днѣпромъ, ниже Бѣлаго-лимана; Чаплинка, параллельно лиману Шаулихѣ и Большому-Бѣлому-лиману, противъ острова Чаплинскаго; Костырская-Перебойна, противъ острова Костырки; Дурицкая, параллельно Днѣпру, Кривцу и Конкѣ, противъ острова Дурицкаго и селенія Софіевки-Дурицкой; Кривецъ, между Днѣпромъ и Конкой, параллельно Дурицкой; Котовка (Конка?), неизвѣстная съ этимъ названіемъ въ настоящее время; Раскопанка; теперь озеро Раскопанка, ниже Таванскаго озера, Каховки и Кызыкерменя; Таванскія вѣтки, исчезнувшія вмѣстѣ съ островомъ Таванью; Гниловодъ-Малый, теперь Гнилуша, непосредственно ниже Раскопанки, между Днѣпромъ и Конкой; Конка-Гнилая ниже Гниловода-Малаго и Каховки и противъ Британовъ; Британская-вѣтка и Британское-рѣчище, неизвѣстныя въ настоящее время съ этимъ названіемъ; Гниловодъ-Большой, теперь Гнилуша, соединяетъ вѣтку Каменку съ Фроловскимъ или Чернечьимъ лиманомъ и посредствомъ Фроловскаго лимана—съ Гнилымъ гирломъ, подъ Корсунскимъ монастыремъ; Хруловая, теперь Фроловка, отъ озера Фроловаго или Чернечьяго; Конка Хруловаго или [illegible] ера, противъ рѣчки Тягинки съ правой стороны; [illegible] Кривая раскопанка—всѣ три противъ селені [illegible] теперь Крымка, между Днѣпромъ и Конкой, п [illegible] Турская, неизвѣстная съ этимъ названіем [illegible]

жетъ быть, Татарка, рядомъ съ Крымкою; Голубова, отъ Голубова лимана, противъ Алешекъ; Алексѣева, отъ Алексѣева лимана, параллельно Голубовой; Кардашинская съ Кардашинскимъ лиманомъ; Маслова, между Конкой и Старымъ-Днѣпромъ, противъ острова Маслова; Борщева соединяетъ Конку и Старый-Днѣпръ, отъ острова Галухина; Боброва и Калинова, неизвѣстная съ этимъ названіемъ въ настоящее время; Радкова, очевидно теперешній Райковъ ручей, на островѣ Погорѣломъ; Солонецкая или Солониха, идущая изъ Конки въ Нижне-Солонецкое озеро; Днѣприще-Сухое, «впадаетъ въ лиманъ съ Конкою случився»; Нетребка съ косою Нетребкою, параллельно Бакай-Днѣпру; Середина, теперь гирло Среднее изъ озера Гайки; Зборовская [1]), или Збурьевское гирло, идущее въ днѣпровскій лиманъ; ниже Зборовской вѣтки идутъ Грекова-Пристань, Грековы-Ольхи, Сагайдачная-Пристань, урочище Садки, Вербовая-Сага, прогнои Бузовый, Серединный, Россоховатый и Васильковъ, Татарскій перевозъ, «гдѣ орда крымская на бѣлогородскую сторону, а бѣлогородская на крымскую переправляются» [2]).

---

[1]) Названіе Зборовская вызываетъ на память имя козацкаго гетмана Самоила Зборовскаго, дѣйствовавшаго съ козаками на низовьяхъ Днѣпра въ 1583 году: Эварницкій, Исторія запорожск. козак., Спб., 1895, II, 67—76.

[2]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 483.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Озера, гирла, лиманы, прогнои и болота въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Большинство озеръ въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей находится близъ большихъ рѣкъ, каковы: Днѣпръ, Бугъ, Ингулъ, Ингулецъ, Самара, Орель, Базавлукъ, Конка; перечисленіе 465 озеръ, гирлъ, лимановъ и прогноевъ вдоль обоихъ береговъ Днѣпра отъ сѣверозападной границы запорожскихъ вольностей до устья Буга; 300 озеръ, гирлъ, лимановъ и прогноевъ по лѣвому берегу рѣки Орели; 24 озера, гирлъ и лимановъ по обоимъ берегамъ рѣки Самары; названіе озеръ, лимановъ и косъ въ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей; добываніе въ послѣднихъ запорожцами соли и развозъ ея въ Малороссію и Польшу; общее заключеніе о запорожской гидрографіи и климатѣ; причины сухости климата.

Не имѣя ни высокихъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горъ, ни глубокихъ долинъ, представляя изъ себя одну ровную степную планину, земля запорожскихъ вольностей и не могла быть попреимуществу страной озеръ: озера здѣсь возможны лишь вблизи большихъ рѣкъ, каковы: Днѣпръ, Бугъ, Ингулъ, Ингулецъ, Самара, Орель, Конка, Базавлукъ и др.; тоже нужно сказать о лиманахъ, прогнояхъ и болотахъ. Степи сами по себѣ съ ихъ многочисленными, расходящимися въ разныя стороны балками, не были удобны для скопленія на нихъ дождевыхъ или атмосферныхъ водъ: дождевыя воды, падая на степи съ ихъ балками, падали какъ бы на зеркальную огромныхъ размѣровъ съ продольными желобами поверхность, и тотъ же часъ сбѣгали съ нихъ. Изъ озеръ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ запорожскихъ вольностяхъ, достойны названія слѣдующія 465 озеръ, вдоль обоихъ береговъ Днѣпра, начиная отъ сѣверозападной границы внизъ по Днѣпру до впаденія въ него Буга. Медяное, Барковое, Плоское, Кривое,

Долгое, Круглое и Соленое—всѣ семь у лѣваго берега Днѣпра противъ теперешняго села Троицкаго или Чикаливки, верхнеднѣпровскаго уѣзда [1]); Закитное, Подпильное, Лѣнивое, Розсоховатое, Круглое—всѣ пять противъ села Успенска или Плахтiивки, того-же уѣзда; Моховатое, Кривое, Гнилище, Гнилое, Конопляное и Липовое—всѣ шесть противъ селъ Дерiевки и Куцеволовки, того-же уѣзда; Розсоховатое, Векла, Кривое, Фурсиково, Поперешнее, Прогноево, два Кушеватыхъ, Стрѣльцово, Вовшино, Калинино, Седаковское—всѣ двѣнадцать противъ мѣстечка Мишурина-Рога, того-же уѣзда; Ревучее, Менкъ, Долгое, Братское, Шейково, Кривое на вѣткѣ Кривцѣ—всѣ шесть противъ Гегеловки того-же уѣзда; Калиногузово, Стениковое, Мiйгово и Прогной—всѣ четыре у праваго берега Днѣпра, противъ села Днѣпрово Каменки, того же уѣзда; Песчаное и Скрылево [2])—оба у лѣваго берега Днѣпра, выше устья рѣки Орели; Невидимое, у праваго берега Днѣпра, противъ деревни Анненской-Заборы, того же уѣзда [3]); Должикъ, Конопляное, Клодоватое, Матушино, Кутьеватое—всѣ пять у праваго берега Днѣпра, противъ селъ Домоткани и Пушкаровки, того-же уѣзда; Кривецъ, Домаха, Дубовое, «надъ Дубовою редутою»—всѣ три надъ рѣкою Орелью [4]); Перегороватое, Подпильное, Высшiй-Должикъ, Низшiй-Должикъ, Лозоватое, Рогатое, Колодоватое, Кинбурнское, Пришибино, Хейлово, Плавоватое, Раково и Линево—всѣ четырнадцать у лѣваго берега Днѣпра противъ островов Жукова и Фурсина; Паньковская-Тоня, Рудовое противъ теперешняго села Паньковки, новомосковскаго уѣзда; Рудниково [5]), Лазнище, Разсоховатое и Скрыпайка—всѣ четыре у лѣваго берега Днѣпра противъ деревни Александровки или Губиной, верхнеднѣпровскаго уѣзда; Орѣховатое—у праваго берега Днѣпра, между Ново-Покровскимъ и Шошиновкой, того-же уѣзда, противъ острова Москалева; Раково, Кривое, Беркутъ, Ткачево и

---

[1]) Свѣдѣнiя объ озерахъ, лиманахъ, прогнояхъ взяты главнымъ образомъ изъ «геометрическихъ специальныхъ плановъ» съ 1784—1803 въ екатеринославской губернской чертежной.

[2]) Эварницкiй, Сборникъ матерiаловъ, Спб., 1888, 97.

[3]) Геометрическiй планъ въ екатеринославской губерн. чертежной.

[4]) Эварницкiй, Сборникъ матерiаловъ, Спб., 1888, 97.

[5]) На трехверстной картѣ Россiи названо Рудниковымъ, XXXVI, 13.

Рѣзаковатое—всѣ пять у лѣваго берега Днѣпра противъ села Аулъ, екатеринославскаго уѣзда; Кривецъ [1]), Петище, Гнилое, Глужище, Круглое и Кислицкое—всѣ шесть у лѣваго берега Днѣпра противъ селенія Романкова, того-же уѣзда [2]); Калиниково, Агапочино, Коноплянка, Орѣхово и Переваль – всѣ пять противъ селъ Каменскаго, Тритузнаго, Карнауховки и Тарамскаго, того-же уѣзда; Плоское у вѣтки Прогноя, противъ острова Просереда: Осокороватое, Пальчиково, Дубовое, Ильково, Литвиново, Орѣхово, Солоное и Спорное—всѣ восемь между Николаевкой и Сугаковыми хуторами, новомосковскаго уѣзда; Песковатое, Закитное, Рѣзаковатое и Бакай — всѣ четыре у лѣваго берега Днѣпра противъ селъ Сухачевки и Діевки, того-же уѣзда; Шпаково, Карпенково, Зиньковка, Курочкино, Московское — всѣ пять у лѣваго берега Днѣпра, противъ села Каменки, новомосковскаго уѣзда; Круглое, три Разсоховатыхъ, одиннадцать безыменныхъ—всѣ пятнадцать противъ предмѣстья города Екатеринослава, Мандрыковки [3]); Закитное близъ Новаго Кодака и Плоское между Становымъ и Московскимъ островомъ; Чернето противъ вѣтки Старухи и Кушугума; лиманъ Заклятый, Орѣховое противъ вѣтки Бандурки, Кривое противъ уступа Рѣчища; Кривое противъ вѣтки Здурмановки; Царьградъ, Глубокое, Разсоховатое, Волчье-Горло, Губино, Савино, Грузской лиманъ, Клокунка, Ровъ, Лозоватское, Ячниково, Круглый лиманъ, Ямоватое, Прогной, Рѣзаковатое и Дуга—всѣ шестнадцать противъ урочища Лысой-Горы и села Бѣленькаго, екатеринославскаго уѣзда; Копылово, Разсохово, Савино, Песковатое, Орѣховатое, Жолобокъ, Плоское, Орѣхово, Ямоватое, Раскопанка, Кривое, Глухое, Ковалево, Кушуроватое, Близнецы, Карасеватое, Плетениха-первая, Лебедивщина, Кваково, Кичканька, Саги, Песковатое, Братки, Долгое, Плетениха-вторая, Ковалево второе, Мандычъ, Ямка, Баглуй, Пенекъ, Плетениха-третья, Осипово, Бѣлоцерковное, Орлово, Вичище, Плетеницкій-лиманъ выше перваго впаденія рѣки Конки въ Днѣпръ, близъ Плетеницкаго-Рога, на

---

[1]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 97.
[2]) Геометрическій планъ въ екатеринославской губерн. чертеж
[3]) Геометрическій спеціальный въ екатеринославской губ. чер

вѣткѣ Плетенихѣ, разливающійся въ длину до четырехъ верстъ [1]); Самсоновъ-лиманъ, Глухой-лиманъ, Песковатое, Крутоватое озеро и Крутоватый лиманъ, Скелеватый лиманъ, Буроватый лиманъ, Промескъ, Тихое, Песчаное, Кривое, Холодный лиманъ, Дурной лиманъ, Пузырь, Долгенькое, Плеса, Котово, Попово, Клиноватое, Царьградъ, Загинайко и Козіево—всѣ сорокъ восемь у лѣваго берега Днѣпра по такъ называемому Великому-Лугу до острова Варавина; озеро Бѣлозерскій лиманъ, пять верстъ длины и до трехъ верстъ ширины у лѣваго берега Днѣпра, между селъ Большой-Знаменки и Малой-Знаменки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда; три озера Закитныя, Песковатое, Глубокое, Каваново, Хрещеватое, Красное, Лозоватое, Грузское, Хата, Бѣдное, Сивашъ, Кривое, Островки, Плоское—всѣ шестнадцать у лѣваго берега Днѣпра, противъ села Большой-Знаменки, той же губерніи и уѣзда.

Въ соотвѣтствіе озерамъ Великаго-Луга лѣваго берега Днѣпра идутъ озера по правому берегу его: Лопуховатое, Голеватое, Круглое, Орѣховатое, Кривое и Дурное—всѣ шесть противъ села Вышетарасовки, екатеринославскаго уѣзда; Грущатое, Локноватое, Каменчино, Дѣдкино, Балбутино, Осмыковатое, Лозоватое, Кутахово, Латуковское, Разсошки, Среднее, Нижнее, Кудрявое, Глухое, Крутенькое, Долгое, Плоское, Локноватое, Мзглое, Орѣховатое, Долгенькое, Ямы, Топчинка, Кучужбино и Лозоватое — всѣ двадцать пять противъ бывшей деревни Архангельской и Нижней подполковника Михаила Антоновича Клейна; Кононово, Квашино, Лопуховатое, Хрещатое, Плоское и Калинино—всѣ шесть противъ села Анненскаго или Нечаева; Волчье, Лозоватое, три Орѣховыхъ, Разсоха, Плоское (Солдатское тожъ), лиманъ Червонный, теперь называемый Новопавловскимъ, противъ Лысой или Червонной-Горы, принимающій въ себя изъ-подъ острова Томаковки вѣтку Ревунъ и соединяющійся съ Днѣпромъ у села Новопавловки, екатеринославскаго уѣзда; озеро Червонное—всѣ девять противъ названнаго села Новопавловки, Солдатской тожъ; Половинное, Песковатое, Долгое, два Круглыхъ, Локноватое, два Орѣховыхъ, Калиновъ

---

[1]) Карта де-Боксета 1751 года. Записки одесскаго общества ист. и древн., VII, 572.

лиманъ, Закитное—всѣ девять у того-же праваго берега Днѣпра противъ запорожскаго мѣстечка Микитина, теперь Никополя; Долгинское, Гусино, Лапинино, Пухакино, Просередино, Осиноватое, Крутое, Половинное, четыре Лозоватыхъ, Харчевое, Орѣховатое, Сулицкій лиманъ, два Дѣдовыхъ — всѣ семнадцать противъ села Сулицко-Лиманскаго, того-же уѣзда, бывшаго имѣнія сенатора Ивана Николаевича Неплюева, современника Екатерины II; лиманы Долживъ и Каменской, озера Свинарское, Ровное, Песковатое, Свяченое, Лукноватое, Шаховское, Грушковатое, Спорное, Паристое, Коровка, Орѣховатое, Закитное, Лѣсницкое, Подсилино, Роговатое, Бондаревъ лиманъ, Хрещатое, Сошниковъ лиманъ, Судаково, Жаданово, Дрыганивщина, Штанцы, Харчово, Домаха, Шарай, Рогозоватое, Песковатое, Саково, Еськово, Песковатый бакай, Болгаровъ бакай, Гончаровъ бакай, Орѣховатое, Квашивское, Лозоватый лиманъ, Дриджининный лиманъ, Долгое, Черепаховатое, Хмарино, Песковатое, Тарасовскій-лиманъ, Великій-лиманъ, Затонъ, Песковатое,Орѣховка, Щучье, Чакалъ, Губино, Песковатое, Собачій-уступъ, Плоское, Карасеватое, Романово, Разсоха, Касьяново, Муховатое, Васюрино, Большое-Свиривское, Губино, Колодковатое, Малое-Свиривское, Шевское, Кривенькое, Рачное, Перевизское, Долгое, Шигановское, Дѣдово, Молоховатое, Кушироватое, Лиманецъ, Разсоховатое, Слабурное, Шеватое, Широкое, Домаха, Шаулихино, Большое-Кривое, Малое-Кривое и наконецъ большой лиманъ Великія-Воды, имѣющій шесть съ половиной верстъ длины, пятьдесятъ саженъ ширины и два аршина средней глубины,—всѣ восемьдесятъ три начиная выше деревни Капуливки и кончая выселкомъ Грушевки, Кутомъ; Стрижачка, Федорово, и Переволока—всѣ три у лѣваго берега Днѣпра противъ вѣтки Домахи, острова Пшеничнаго и балки Бабиной; Середовое, Басанское, Разсоховатое и лиманъ Рогачицкій на рѣчкѣ Рогачикѣ до семи верстъ длины [1])—всѣ четыре у лѣваго берега Днѣпра между островомъ Скалозубомъ и рѣчкой Рогачикомъ; Круглое ниже рѣчки Рогачика по лѣвому берегу Днѣпра, Заплавное противъ вѣтки Татар[illegible] тому-жу лѣвому берегу Днѣпра, Шатное и Царевское у [illegible] берега Днѣпра, противъ острова Царева; Закитня, Рудовскія

[1]) Карта запорожскихъ урочищъ. Записки одес. общ. ист. и др[illegible] вольности запорожскихъ козаковъ.

ское, Присово, Окуневатое, Домаха, Песковатое, Джурино, Закитни, Толмачево, Баклановатое, Городжино, Кривое, Дѣдово, Песковатое, лиманъ Песковатый, Лозоватое, Круглое, Долгое, Домаха—всѣ двадцать у праваго берега Днѣпра, на островѣ или плавнѣ Носоковкѣ, между селами Михайловкой или Мазыкиной и Саблуковской или Затономъ, херсонскаго уѣзда; Татарское, Сибирь, Долгое, Орѣховатое, Широкое, Пугачка, Лопатое, Латоватое, Дядьково, Круглое, Ковалево, Долгое, Задичъ, Цвѣлое, Переваль, Ковыличъ, Жатково, Домаха, Грушевка, лиманъ Сухой, Прогной, озеро Василій, Поховатое, Кощурово, Круглое, Гнилое, Лозоватое, лиманъ Лебедевъ, лиманъ Затонъ, Половинное, Лозоватое, Долгое, Песчаное, Браково, Очеретоватое, Гниловодъ, Круглое, Штановатое, Долгое, Шихотино, Круглое, Песковатое, Долгое, лиманъ Бѣлый и Левкивское—всѣ сорокъ пять по-надъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, въ плавнѣ отъ села Саблуковки или Затона до Бизюкова монастыря; лиманъ Шаулиха, озеро Садиково и Большой-Бѣлый лиманъ—всѣ три у лѣваго берега Днѣпра, противъ острова Чаплинскаго и вѣтки Чаплинки; Серебряное, Плоское и лиманъ Сукроватый —всѣ три у лѣваго берега Днѣпра противъ вѣтки Конки и Дурицкой; лиманъ Плоскій между Конкой и Днѣпромъ, противъ Любимовки или Сомовки, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда; лиманы Тригуль, Проносистый и Долгій—всѣ три у праваго берега Днѣпра, противъ вѣтки Космахи; Волошиново озеро близъ острова Тавани подъ Асламъ-Керменемъ [1]), Бѣлое озеро противъ того-же острова Тавани [2]) и Таванское противъ острова Тавани [3]); лиманъ Великій, Раскопанка, Зеленое, лиманъ Розсоха—всѣ четыре у лѣваго берега Днѣпра, противъ Каховки, той же губерніи и уѣзда; Бабино, Злодѣйскія, лиманъ Засушный, лиманъ Каменный у праваго берега Днѣпра, противъ вѣтокъ Омельницкой, Орѣховой и Козацкой; Тертулы у праваго берега Днѣпра, противъ вѣтки Конки, подъ селомъ Дядьковкой или Ольговкой, херсонскаго уѣзда; Плоское у лѣваго берега, выше Корсунскаго монастыря; Фроловскій или Хруловой, иначе Чернечій

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572.

[2]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572.

[3]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572.

лиманъ, имѣющій длины до четырехъ верстъ, ниже Корсунскаго монастыря; Тягинское озеро или лиманъ [1]); Долгое озеро, Гнилое гирло, Черновецкое, Бабино—всѣ четыре непосредственно ниже Фроловскаго, у лѣваго берега Днѣпра; Дидовъ лиманъ между вѣткой Крымской-Татаркой и Днѣпромъ; Орѣхи, Лопухи, Головково-Кислище, Раково, Глубокое, лиманъ Мелкій, лиманъ Глубокій—всѣ семь противъ села Козачьихъ-Лагерей, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда; Копыто у праваго берега Днѣпра, противъ вѣтки Ингульца и Понятовки, херсонскаго уѣзда; гирло Глухое-Высшее, гирло Глухое-Низшее, затонъ Корнѣйчиковъ [2]), озеро Лысое, Домаха, Вчерашнее; лиманъ Алексѣевъ, прогной Долгій-Алексѣевъ или теперь лиманъ Долгенькій и лиманъ Голубовъ, послѣдніе три противъ деревни Антоновки, имѣнія владѣльца Н. Н. Комстадіуса; изъ нихъ лиманъ Алексѣевъ имѣетъ до 200 саженъ длины и соединяется съ Днѣпромъ посредствомъ вѣтки Раскопанки, лиманъ Долгенькій около 80 и лиманъ Голубовъ до 200 саженъ длины, параллельно Алексѣеву и Долгенькому, противъ вѣтки Конки; озеро Кругликъ—у лѣваго берега Днѣпра, ниже города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда; знаменитый Кардашинскій лиманъ, до пяти верстъ длины, и Кардашинскія болота противъ острововъ Потемкина и Галухина, у лѣваго берега Днѣпра; Козацкія вѣтки противъ острова Козацкаго; Гниловодскія вѣтки, Стебліивскій лиманъ противъ вѣтки Кошевой и острова Кордоннаго; Безмѣнъ, Виноградное и Бѣлое озеро противъ рѣчки Бѣлозерки херсонскаго уѣзда, Верхнее-Солонецкое и Нижнее-Солонецкое на островѣ Погорѣломъ; гирло Солонецкое, озеро Нетребское, Красницкое и Гапка между Збурьевскимъ гирломъ и Днѣпромъ; Борщевка противъ Касперовки; два Соленыхъ выше Тендра; Дидово противъ Кызымыса; гирла Збурьевское, Среднее, Бѣлогрудовское, Кицево, Новое, Литвиново, Кизыльмыцкое, лиманъ Солонецъ противъ устья балки Верхняго-Солонца; озеро на Русской косѣ рѣки Буга, озеро Аболоцкій-лиманъ при устьѣ рѣки Ингула [3]), наконецъ лиманы Днѣпровскій и Бугскій, которые по справедли-

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572.
[2]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 572.
[3]) Записки одесск. общ. истор. и древн., VII, 183.

вости считались у запорожскихъ козаковъ главными лиманами, источниками ихъ богатства, промысла и пропитанія:

«Днипровый, Буговый—обыдва лиманы,—
Изъ васъ добувались, справлялись жупаны» [1]).

Изъ озеръ другихъ рѣкъ достойны вниманія озера вдоль береговъ рѣкъ Орели, Самары и близъ Азовскаго моря.

Изъ озеръ вдоль лѣваго берега рѣки Орели, начиная отъ извѣстнаго Стешина-Брода на пути Муравскаго шляха черезъ Орель, замѣчательны слѣдующія 300 озеръ: Большое-Сухое, Рѣзаковатое и Лопатино—всѣ три противъ села Стешина-Брода, павлоградскаго уѣзда, екатеринославской губерніи; Круглое, Перемеженное, Кирносовское, Кривое, Гусарево [2]), Гусаревенькое, Кроповиное, Бѣлое, Очеретоватое, Подпильное—всѣ девять, кромѣ перваго, близъ села Афанасьевки новомосковскаго уѣзда; Погорѣлое и Узменское—оба противъ хутора Давыдовки-Нѣметчины; Великое, Кривецъ, Рѣзаковатое, Кривое—всѣ четыре противъ села Перещепина; Круглое, Рѣзаковатое, Долгинное, Стриженное, Батьковское, Кривецъ и Круглое—всѣ семь противъ деревни Александріи; по плану 1779 года здѣсь считалось болотъ и озеръ 74 десятины и 540 квадратныхъ саженъ [3]); Большое-Орлиное, Великое, Рѣзаковатое, Бѣлоусовское Птичье, Воловое, Круглое, Сухое, Домаха, Стасивское, Свинячье, Лиманъ, Долгенькое, Вербовое, Мотрошатое, Панасово, Сергіево, Гараськово, Собачье, Попово, Бушлинное, Фабриня, Безыменное и Лисичье—всѣ двадцать четыре противъ слободы Козырщины; Лиманъ, Теличье, Малое-Калиново, Большое-Калиново, Куплеватое, Песковатое, Долгое, Воловье, Гряково, Кривецъ, Очеретоватое, Чижово, Кабаново—всѣ тринадцать противъ села Лычкова; по плану 1779 года здѣсь считалось подъ озерами 23 десятины и 2370 квадратныхъ саженъ; Шляховое, Бородай, Бузивочка, Карасеватое-первое, Карасеватое-второе, Вербоватое, Чернечья-Пристань, Колодоватое-Большое, Колодоватое-Малое, Брюхачъ-Большой, Брюхачъ-Малый, Бѣлое, Петриково, Среднее, Вязоватое. Кучугурное, Скибино,

---

[1]) Изъ пѣсенъ собственнаго собранія.

[2]) Имѣетъ въ окружности 3 версты и отличается необыкновенно чистою водою.

[3]) Изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца Михаила Владиміровича Родзянки.

Бѣленькое, Кривое, Сергѣево, Мерево, Лозовое, Дворниково, Дирчеватое, Атаманское, Долгое, Грузское, Плоское-Большое, Плоское-Малое, Близницы-Большія, Близницы-Малыя, Корытоватое, Долговатое-первое, Долговатое-второе, Рѣзаковатое, Жирноватое, Липкино, Лучное, Межевое, Лозоватое, Хрещатое, Дрыгайлово, Граково, Бѣлый лиманъ, Дунинъ лиманъ—всѣ сорокъ пять противъ села Бузовки; по плану 1779 года всѣхъ лимановъ и болотъ здѣсь считалось 200 десятинъ; Глубокое, Ковалевское, Собачье, Круглякъ, Пединино, Вязоватое, Куликово, Солоное—всѣ восемь противъ деревни Степановки; Колодоватое, Близницы-Большія, Близницы-Малыя, Гимнинка-Большая, Гимнинка-Малая, Лопатино-Большое, Лопатино-Малое, Ставидло, Межевое, Поперечное и Лиманъ—всѣ одиннадцать противъ села Колпаковки; Куликово, Лебединка [1]), Кислое [2]), Котовскій лиманъ, Круглое, Продайково, Долгенькое, Набоково, Клемишино, Уступъ-Большой, Уступъ-Малый, Педыныно, Плавы, Домаха, Вонючее, Борадавчино, Узьминъ, Кривецъ, Вязоватое, Дуброва, Хомутецъ, Суринское, Бѣлое, Бондарево, Куплеватое, Гладчихино, Перекипецъ, Вербовое, Вороное, Сидорово, Рѣзаковатое, Школино, Садковое и Пришибъ—всѣ тридцать четыре противъ мѣстечка Котовки, имѣнія владѣльца Г. П. Алексѣева; Маслаково, Желтое, Безыменное-первое, Безыменное-второе, Хуторище, Переволока, Долгенькое—всѣ семь противъ деревни Марковой-Горки; Суринское, Вязоватое, Бѣлое, Садковое, Попово и Супіеватое—всѣ шесть противъ хуторовъ Рижскихъ; Червонное, Мостовое, Перевалъ, Колодоватое, Рѣзаковатое, Рашенскій-Уступъ, Порубежное, Голубое, Саковатое, Завочъ, Бѣлое, Рогозоватое, Длинное, Муглино, Московскій и Черепашій—Уступы—всѣ шестнадцать въ деревнѣ Шагаровкѣ или Степановкѣ, имѣніи А. Н. Синельникова; Святое, Кривое, Куплеватое, Жорнино, Кушероватое, Вонючее, Цапковатое, Порубежное, Малое-Козацкое, озера: Чернаго, Тыря, Большое-Козацкое, Бузово, Лопатки, Попово, Штефаново, лиманы: Круглый, Кухолевъ, Лукобузовъ, Разсоховатый Камышеватое, лиманъ Козлій, Лымыносово, Вилы и Кул[illegible] всѣ шестнадцать противъ слободы Гупаловки; по плану 1[illegible]

1) Самое большое: 60 десятинъ и 600 кв[illegible] саженъ.
2) Какъ разъ противъ балкона дома вла[illegible] Алекс[illegible]

здѣсь считалось болѣе 72 десятины и 2248 квадр. саженъ; Песчаное—противъ хутора Житецкаго; Шидѣево и Слюзаны—оба противъ деревни Михайловки; Большое-Рѣзаковатое, Малое-Рѣзаковатое, Уступъ и Верхолитино—всѣ четыре противъ деревни Войновки; Большое-Бровковское, Малое-Бровковское, Грузское, Бопчужное, Больское и Плоское—четыре первыхъ противъ деревни Непадовки, два послѣднихъ внѣ ея владѣній; Пивнево и Цапово—оба противъ деревни Игнатьевки; Раково противъ деревни Березовки; Подпильное и Багноватое противъ деревни Жеваховой; Татарино, Ворушилка, Подпильное, Лозоватое, Стрѣлица, Гнилое, Долгое, Комарово-первое, Комарово-второе, Соленое, Песчаное, Тарасово, Долгое, Журавка, Кармановка, Сорочье, Троицкое, Чернышово, Кислое, Мазилино—всѣ двадцать противъ селенія Бабайковки; Зориково; Карасево, Крылатое, Песковатое, Стадниково, Лебейное, Солоное, Сорочье, Грабарово и Романово—всѣ десять противъ деревни Ивановки; Песчаное противъ Староселянска, Бѣловодъ и Макарово—противъ села Могилева; Бабивское, Бѣлимово, Яленково, Купьеватое,—всѣ четыре противъ деревни Бабивки; Проточъ, Плоское, Мягкое, Майданское, Рѣзаковатое и Цвѣлое—всѣ шесть противъ деревни Дрюковки; Сквирское, Чупринино, Маховатое, Пьявковатое—всѣ четыре противъ Варваровки и Михайловки; Татарское между Старою и Новою-Орелью, Сигайлово, Песчаное, Гноеватое, Лататьево и Рѣзаковатое—всѣ пять ниже Михайловки; Мордушкино, Видпильное, Кривенькое, Плоское, Скоробреха, Лопата-первая, Холодненькое, Рѣзаковатое, Образоватое, Лозоватое, Перенуроватое, Страшное, Вошивое, Лопата-вторая, Лысое, Кривенькое-второе, Супрунка, Холодненькое-второе, Казинцевое, Песчаное—всѣ двадцать противъ слободы Шульговки.

Изъ озеръ рѣки Самары извѣстны были 28 озеръ: съ правой стороны 10: Шевеко, Салганъ [1]), между селъ Вольной и Вороновкой, Церковное, Роговатое, Некрасино, Большой-лиманъ, Малый-лиманъ, Котовское, Соленый-лиманъ, Песковатое, Родино, Лукноватое, Хрещатое и Хуторное; съ лѣвой стороны 14: Сорокособачье, Княгинька, Ольховатое, Рѣзаковатое, Колодоватое, Со-

[1]) Отъ тюркскаго слова «салганъ»—раскинутый, обширный.

лыло, Перевалъ, Песковатое, Глушково, Мазничное, Большой-лиманъ, Орлово и два Поповыхъ.

Далѣе идутъ озера близъ рѣкъ юговосточной окраины запорожскихъ вольностей, въ бывшей паланкѣ калміусской: Бѣлосарайское озеро за правымъ берегомъ рѣчки Кальчика и нѣсколько небольшихъ соленыхъ озеръ по Бердянской косѣ. «Отъ западной стороны Бердянскаго лимана и отъ западной высокой косы рѣчки Берды идетъ въ море на юго-западъ коса, имѣющая десять верстъ въ длину и нѣсколько верстъ въ ширину. На этой косѣ много маленькихъ соленыхъ озеръ; два изъ нихъ, находящіяся въ десяти верстахъ на югозападъ отъ крѣпости (Петровской), лѣтомъ совершенно высыхаютъ, и на сѣромъ глинистомъ днѣ ихъ остается тонкая соляная кора. Ее сметываютъ въ кучи, и въ небольшихъ ямахъ, наполненныхъ доверху чистою разсольной водой, смываютъ приставшую къ ней синеватую глинистую землю: такимъ образомъ получается довольно чистая поваренная соль. Эту соль запорожцы собираютъ для своихъ рыбныхъ заводовъ и для домашняго употребленія и утверждаютъ, что имѣютъ на нее право собственности. Такъ какъ озера эти слишкомъ малы, всего нѣсколько тысячъ шаговъ въ окружности, а получаемая изъ нихъ соль, не смотря на промывку, все-таки довольно грязная, то они и не заслуживаютъ особеннаго вниманія» [1]). Множество такихъ-же соляныхъ озеръ было и въ Днѣпровскомъ лиманѣ, изъ которыхъ запорожцы добывали соль и лодками перевозили ее съ лѣваго берега на правый, къ мысу Станиславову и балкамъ Солонцамъ, а оттуда и къ Сичи, гдѣ продовали ее пріѣзжавшимъ промышленникамъ въ обмѣнъ на товаръ и вино; изъ этихъ озеръ отпускалось въ Польшу и малороссійскія села елисаветградской провинціи соли до 1000 воловыхъ возовъ, т. е. въ годъ до 10 тысячъ пудовъ [2]).

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ гидрографію запорожскихъ вольностей, мы приходимъ къ заключенію, что край этотъ далеко нельзя назвать безводнымъ: центръ его прорѣзы[illegible] большою и многоводною рѣкою Днѣпромъ, орошался мно[illegible] а восточная и западная окраины изрѣзаны бы[illegible]аправле-

[1]) Гюльденштедтъ, Запис[illegible]общ.

[2]) Записки одесск. общ. [illegible]

ніяхъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, прогноевъ и ериковъ, которые, подобно жиламъ въ живомъ организмѣ, несли свои прѣсныя и соленыя воды по безмѣрнымъ степнымъ равнинамъ запорожскаго края; обиліе водъ своего края козаки характерно выражали словами пѣсни:

«Зъ-ўстя Днипра тай до вершины—
Симсотъ ричôкъ ще й чотыри».

«Рѣчекъ въ сей землѣ, хотя по обширности ея и не весьма, однако довольно» [1]). При всемъ этомъ климатъ въ краю запорожскихъ вольностей нельзя назвать влажнымъ, напротивъ того, сухимъ и мало влажнымъ, нерѣдко даже вреднымъ для всякаго рода растительности. Это происходитъ отъ пяти причинъ: во-первыхъ, открытаго положенія всего края, ни съ какой стороны незащищеннаго высокими горами; во-вторыхъ, отсутствія большихъ лѣсовъ, задерживающихъ у себя влагу и умѣряющихъ до извѣстной степени климатъ всякой мѣстности; въ-третьихъ, господства сухихъ и вредныхъ вѣтровъ, восточнаго и сѣверо-восточнаго, дующихъ здѣсь по цѣлымъ мѣсяцамъ, уносящихъ съ собою всякую влагу, сушащихъ траву, растительность и иногда вырывающихъ хлѣбъ вмѣстѣ съ корнями; въ-четвертыхъ, мелководья и незначительной величины рѣкъ, текущихъ крайне медленно, большею частью плесами, въ лѣтнее время совершенно пересыхающихъ, покрывающихся болотными растеніями, гніющихъ и порождающихъ всякаго рода заразы, оттого имѣющихъ вредное вліяніе на всякія произрастенія и мало умѣряющихъ сухость воздуха; въ особенности это относится къ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей, къ такъ называемой калміусской паланкѣ; здѣсь нисколько не помогала даже и близость Азовскаго моря [2]); наконецъ, въ-пятыхъ, вслѣдствіе присутствія въ запорожскомъ краѣ множества балокъ и овраговъ, принимающихъ въ себя главную массу весенней и дождевой воды и недающихъ возможности ей застаиваться на открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ и постепенно просачиваться подъ почву.

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., VII, 183.
[2]) Александровичъ, Краткій обзоръ маріупольскаго у. Маріуполь, 1887, 10.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Балки, овраги и байраки въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Различіе между балками, оврагами и байраками.—Значеніе ихъ—какъ первыхъ мѣстъ постепенной колонизаціи запорожскаго края.—Балки по правому берегу Днѣпра отъ сѣверо-западной границы запорожскихъ вольностей и до Буга.—Балки по лѣвому берегу Днѣпра отъ устья рѣки Орели и далѣе ниже Великаго-Луга.—Перечисленіе балокъ, овраговъ и байраковъ въ сѣверо-восточной и въ сѣверозападной окраинахъ запорожскихъ вольностей; замѣчательнѣйшій изъ нихъ Княжій-Байракъ, мѣсто битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками въ 1648 году.—Описаніе битвы и остатковъ лагеря Потоцкаго.—Дубовая или Гайдамацкая балка, близъ устья рѣки Саксагани.—Степень населенности отдѣльныхъ окраинъ запорожскихъ вольностей.—Причины неодинаковой густоты населенности; число всѣхъ поселковъ въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей и количество населенія.

Балками называются болѣе или менѣе глубокія долины съ отлогими берегами, покрытыя травой, иногда лѣсомъ и служащія естественными жолобами для стока водъ изъ степныхъ открытыхъ мѣстъ въ рѣки, рѣчки, озера, прогнои и ерики; на языкѣ геологическомъ балками называются мертвые, недѣйствующіе, покрытые лѣсною или травяной растительностію, непропускающіе черезъ себя воды овраги; оврагами называются дѣйствующія балки, съ крутыми, обнаженными берегами, обрушивающимися отъ весеннихъ и дождевыхъ разливовъ и потому пропускающими воды въ слой подпочвы; байраками называются тѣ-же овраги, но только покрытые лѣсомъ. Въ исторіи запорожскихъ козаковъ балки, овраги и байраки имѣли значеніе, какъ первые пункты постепенной колонизаціи открытыхъ степныхъ равнинъ: въ нихъ или около нихъ заводились сперва бурдюги, потомъ зимовники и, наконецъ, села семейныхъ и несемейныхъ запорожцевъ. Главное мѣсто въ этомъ случаѣ, разумѣется, занимали балки по обоимъ берегамъ Днѣпра, затѣмъ по берегамъ

другихъ рѣкъ, сперва большихъ, потомъ и малыхъ, и наконецъ рѣчекъ степныхъ. Перечислить всѣ балки, овраги и байраки нѣтъ никакой возможности; это было бы почти то-же, что сосчитать всѣ звѣзды въ небѣ; изъ множества ихъ отмѣтимъ только тѣ, которые извѣстны были еще въ прошедшія столѣтія и съ своими названіями перешли отъ временъ запорожскихъ до нашихъ дней.

Таковы прежде всего балки и байраки, падающіе въ Днѣпръ, съ правой стороны; числомъ 95 и съ лѣвой, числомъ 36.

Изъ правобережныхъ балокъ и байраковъ Днѣпра извѣстны слѣдующіе. Варвина, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ теперешняго села Успенска или Плахтіевки, верхнеднѣпровскаго уѣзда, съ урочищемъ Головатымъ, занятомъ уже въ 1696 году нѣсколькими семействами украинцевъ, выходцевъ изъ-подъ Волыни [1]). Раева противъ поселка Малой-Деріевки, Глинище, Кобина и Крутояровка противъ селенія Деріевки—всѣ четыре означенныя на томъ-же планѣ [2]); въ 1706 году на балкахъ Кобиной и Крутояровкѣ сидѣли зимовниками престарѣлые запорожцы, занимавшіеся скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею; съ 1740 года зимовникъ запорожцевъ наименованъ былъ слободой Деріевкой, въ чемъ особенно усердствовалъ козакъ Данило Батура [3]). Парная, означенная на томъ-же планѣ съ раскинувшейся по обѣимъ склонамъ ея слободой Куцеволовкой. Свѣдковская, означенная въ росписи 1697 г. [4]); и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія ниже рѣчки Омельника и урочища Ревучаго на Днѣпрѣ. Глиняная, означенная на томъ-же планѣ на рѣчкѣ Омельникѣ къ югу отъ праваго берега Днѣпра, близъ теперешняго села Попельнастаго; въ первой половинѣ XVIII вѣка она была заселена запорожскими козаками, жившими здѣсь своими зимовниками, а въ самомъ началѣ второй половины того-же столѣтія, 1765 году, въ ней основана была государственная воинская слобода Попельна-

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880. I. 281.

[2]) На трехверстной картѣ Россіи балка Глинище названа оврагомъ Гнилище, рядъ XXV. стр. 12.

[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880. I. 191.

[4]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 476.

стое [1]). Михайловская и Должикъ, означенныя на томъ-же планѣ у мѣстечка Мишурина-Рога. Плоская, означенная на томъ-же планѣ близъ селъ Днѣпрово-Каменки и Калужина. Бородаева, получившая свое названіе отъ козака Прокопа Бородая, поселившагося въ ней въ 1707 году; впослѣдствіи здѣсь возникли зимовники и хутора запорожскихъ козаковъ, а съ 1715 года слобода Бородаевка, составившаяся изъ семейнаго малороссійскаго народа, вошедшаго въ составъ елисаветградскаго пикинернаго полка сперва восьмой, потомъ десятой роты [2]). Колесникова и Гараскина, означенныя на томъ-же планѣ около селъ Домоткани и Пушкаровки. Торкашева, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года у слободы Григорьевки, теперь города Верхне-Днѣпровска. Кузьминъ оврагъ при рѣчкѣ Самоткани, близъ праваго берега Днѣпра; въ 1690 и 1707 годахъ онъ значится, какъ мѣстность, заселенная запорожскими зимовниками близъ теперешней слободы Александровской [3]). Верхняя-Щуровская, означенная въ росписи 1697 года, на планѣ Днѣпра 1780 года противъ слободы Преображенской, названная на спеціальномъ геометрическомъ планѣ прошлаго столѣтія Хрущовской, ниже рѣчки Самоткани. Бошна, означенная на спеціальномъ геометрическомъ планѣ прошлаго столѣтія около селенія Шошиновки. Романковская, означенная въ росписи 1697 года противъ теперешняго села Романкова екатеринославскаго уѣзда. Котовская, означенная въ той-же росписи 1697 года. Тарамская или Торямская въ той-же росписи 1697 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія у Тарентова Рога и селенія Тарамскаго; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Козырева; въ 1704 году она значится какъ мѣстность, населенная запорожскими зимовниками, гдѣ сидѣли старшины новокодацкой паланки со своею челядью; въ 1764 году урочище въ балкѣ Козыревой названо государственной воинской слободой Тарамскимъ [4]); на трехверстной картѣ Россіи Козырева балка названа почему-то Ко-

---

[1]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 273.
[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 217.
[3]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 259.
[4]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 158.

заревой [1]). Мамаева, означенная на геометрическомъ специальномъ планѣ прошлаго столѣтія между селъ Сухачевкой и Діевкой. Крутенька, теперь Аптекарская, противъ вершины рѣчки Половицы, Сухой байракъ, иначе Фабричная или Монастырская, Кленовая, теперь Жандармская, и Долгая, теперь Невѣнчанная—всѣ четыре означенныя на планѣ Днѣпра 1780 года между Новымъ-Кодакомъ и слободой Половицей. Становая, означенная въ росписи 1697 года, видимо противъ Становаго острова. Крутой-яръ, означенный на атласѣ Днѣпра 1786 года. Верхняя-Сажавка и Средняя-Сажавка, означенныя на планѣ Днѣпра 1780 года. Нижняя-Сажавка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова и порога Кодацкаго; видимо ей соотвѣтствуетъ Кодацкая балка, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года. Верхній-Демской и Нижній-Демской или Домайскій байракъ, означенный на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Домайскаго или Демеки. Маіоровка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ слободы Волошской. Звонская, Звунская или Звонецкая, означенная въ росписи 1697 года, на планѣ Днѣпра 1780 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ четвертаго порога въ Днѣпрѣ Звонецкаго; балка Звонецкая заселена была запорожскими козаками еще въ 1546 году, когда запорожцы, для борьбы съ татарами, нашли нужнымъ укрѣпить Звонецкій порогъ; впослѣдствіи за обладаніе Звонецкаго порога и балки Звонецкой съ ея урочищемъ шелъ ожесточенный споръ у черкасскихъ мѣщанъ со старостою Пенькомъ, стремившимся отобрать рыбныя ловли на Звонцѣ въ собственную пользу. «Отсюда можно догадываться, что козаки, независимые скитальцы низовыхъ пустынь, втягивали въ свое товарищество осѣдлыхъ жителей и вмѣстѣ съ ними владѣли на Днѣпрѣ рыболовными мѣстами и звѣриными входами, то есть отпугивали отъ нихъ татаръ; а старосты объявляли эти займища королевскимъ

---

[1]) Рядъ XVI, листъ 13. Въ Матеріалахъ Ѳеодосія, I, 41, въ предмѣстьѣ Екатеринослава, «на фабрикахъ», находимъ еще двѣ балки: Бобыреву и Войцехову, извѣстныя еще въ 1750 году съ этими названіями; скрываются ли въ этихъ названіяхъ какія-либо изъ 4-хъ, означенныхъ на планѣ Днѣпра 1780 года (Крутенька, Сухой байракъ, Кленовая, Долгая), или это совершенно другія балки, мнѣ неизвѣстно.

имуществомъ и вольныхъ промышленниковъ облагали пошлинами» [1]).

Въ XVII вѣкѣ Звонецкій порогъ посѣтилъ и знаменитый гетманъ Богданъ Хмельницкій: осмотрѣвъ Звонецъ, онъ заповѣдалъ запорожскимъ козакамъ «блюсти его, яко зѣницу ока»; въ началѣ XVIII вѣка—въ 1737 году—въ урочищѣ Звонецкой-балки устроена была первая часовня съ походнымъ антиминсомъ для жившихъ въ урочищѣ запорожцевъ и стоявшихъ лагеремъ русскихъ войскъ во время русско-турецкихъ войнъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ [2]). Должокъ-балка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года; Балковый байракъ, означенный на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія близъ села Звонецкаго. Тягинка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Шулаева и отдѣляющая въ настоящее время село Звонецкое отъ деревни Алексѣевки. Раковъ оврагъ, означенный на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ камня Раковца въ Ненасытецкомъ порогѣ. Жучина, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и впадающая въ Днѣпръ въ сѣверномъ концѣ села Николаевки. Короводка и Сухенька, означенныя на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія. Домашняя означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ Ненасытецкаго порога и Войсковой байракъ, означенный на томъ-же планѣ противъ острова Ткачева; обѣ падаютъ въ Днѣпръ въ деревнѣ Войсковой. Молчанова балка, означенная на томъ-же планѣ на одну версту ниже Войсковаго-оврага. Скубова балка или Скубовъ байракъ, означенный на томъ-же планѣ противъ устья рѣчки Сухой-Осокоровки и вершины острова Дубоваго. Длинная, Княгинка, Бародавова и Могакова—всѣ четыре означенныя на атласѣ Днѣпра 1786 года. Дымская иначе Денская, Демская или Донская, на трехверстной картѣ Россіи Дамская [3]), означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ южнаго конца острова Дубоваго. Лѣсной байракъ и балка Вовнижка, означенные на

---

[1]) Кулишъ, Польская колонизація югозападной Руси: Вѣстникъ Европы 1874, апрѣль, 457.

[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 148.

[3]) Рядъ XVII, листъ 13.

планѣ Днѣпра 1780 года и по своему положенію соотвѣтствующіе балкѣ Легкого съ Лѣсковой и Вовнигской на трехверстной картѣ Россіи [1]). Башмачка, означенная на томъ-же планѣ на полторы версты ниже Вовнижки. Короводка, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія. Будиловская, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и Будилка на планѣ 1786 года противъ Будиловскаго порога. Крутенька, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года. Куценька-первая, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года. Канцерка, означенная на томъ-же планѣ, Капцычка на атласѣ Днѣпра 1786 года, извѣстная подъ названіемъ Канцеровки на трехверстной картѣ Россіи. Куценька-вторая, Ясенева и Кругла — всѣ три означенныя на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ камней Колесникова и Червоннаго. Крыловская, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ средины острова Таволжанскаго. Таволжина, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года на полторы версты ниже Крыловской. Лѣсная, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ острова Сторожеваго. Аврамова и Западная, означенныя на томъ-же планѣ противъ острова Аврамова и ниже его. Клобуковская, иначе Каблукова, означенная на томъ же планѣ противъ острова Клобуковскаго и деревни Игнатьевки. Личная, означенная въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ порога Личнаго или Лишняго. Крутой-яръ, Крутенька, Тарокаева и Сухенька— всѣ четыре означенныя на планѣ Днѣпра 1780 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія; послѣдняя по обѣ стороны деревни Виноградовки. Вила или Вольненька съ боковыми Хомынихой и Гончаркой, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія, противъ южнаго конца острова Лантуховскаго. Малышевъ оврагъ или Малышевка балка съ боковыми Каменоватымъ и Гадючьимъ, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ порога Вильнаго или Гадючьяго и слободы Мичуриной. Пурысова или Курисова, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ острова Большаго-Дубоваго. Широкій

[1]) Рядъ XVII, листъ 13.

боеракъ, означенный на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Курисова. Долгенькая, означенная на томъ-же планѣ противъ острова Каменоватаго. Старый-Чичкосъ, очевидно Старый Кичкасъ, означенный на атласѣ Днѣпра 1786 года, ниже камней Разбойниковъ, противъ колоніи Кичкасъ. Кодацкій оврагъ съ боковыми Березнеговатымъ и Канцеровскимъ, означенный на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ Стараго-Рѣчища, охватывающаго островъ Хортицу съ западной стороны; на трехверстной картѣ Россіи противъ колоніи Розенталь-Канцеровки и Верхней-Хортицы [1]. Хортицкая, означенная въ росписи 1697 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія; въ устьѣ ея стояла усадьба графини Екатерины Васильевны Литто, Разумовка; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Капустянка, означенная на трехверстной картѣ Россіи [2]. Каневская, означенная на географическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ острова Каневскаго. Пушинная, означенная на томъже планѣ ниже села Бѣленькаго противъ острова Хвостова-Просереда. Червонная, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года на пять верстъ выше Тарасовскаго-Кута противъ острова Выше-Заломы. Гнилая, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ противъ мѣстечка Никополя. Лютая, означенная во владѣльческомъ планѣ прошлаго столѣтія, на трехверстной картѣ Россіи. Лутова противъ устья Базавлука и селенія Малыхъ-Гирлъ, херсонскаго уѣзда [3]. Золотая, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія противъ острова Скалозубова [4] и теперешняго села Золотой-Балки, того-же уѣзда. Дурная, на планѣ запорожскихъ урочищъ названная рѣчкой Дурной, противъ южной оконечности острова Рогатицкой-плавни. Мѣловая, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія, очевидно таже рѣчка Мѣловая у Мышецкаго, противъ острова Пильнаго. Нестремянная, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года «выше монастыря Софроніевской пустыни», т. е. теперешняго Бизюкова монастыря.

---

[1] Листъ XXVII, рядъ 13.
[2] Рядъ XVIII, листъ 13.
[3] Рядъ XVIII, листъ 12.
[4] Записки одес. общ. ист. и др., X, приложенія.

Пропасная, названная въ документахъ архива Бизюкова монастыря, по преданію, вслѣдствіе того, что на ней нѣкогда жили разбойники и мимо балки не безопасно было проѣзжать чумакамъ, шедшимъ отъ Гарда къ Сичѣ на Каменкѣ. Оремина, названная на атласѣ Днѣпра 1786 года. Шилова, означенная въ документахъ прошлаго столѣтія противъ селенія Дядьковки и получившая свое названіе, по преданію, отъ запорожца Шила. Верхняя-Веревчина, падающая въ Днѣпръ, на пять верстъ ниже города Херсона [1]). Бѣлозерка, идущая въ рѣчку Бѣлозерку. Верхній-Солонецъ, падающій въ заливъ Солонецъ. Широкая, падающая въ Днѣпръ на пять верстъ ниже Верхняго-Солонца. Зеленая у деревни Широкой. Нижній-Солонецъ, падающій въ Днѣпръ на девять верстъ ниже Широкой черезъ мысъ Станислава.

Изъ лѣвобережныхъ балокъ и байраковъ Днѣпра извѣстны слѣдующіе. Терноватый оврагъ, означенный въ фамильныхъ бумагахъ прошлаго столѣтія владѣльца Любимовки, новомосковскаго уѣзда, генералъ-маіора А. Н. Синельникова, между Норовкой или Любимовкой и Петровкой. Войсковой оврагъ, означенный въ тѣхъ же бумагахъ между Чаплями и Чернявской. Яцева балка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Татарчука, на двѣ версты ниже Чапель. Верхняя, Средняя и Нижняя Лоханки, означенныя на томъ же планѣ противъ третьяго порога Лоханскаго. Тягинка, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія владѣлицы В. И. Маламы противъ южнаго конца острова Ткачева. Раковъ оврагъ, означенный на томъ же планѣ противъ камня или острова Раковца, стоящаго при входѣ въ Ненасытецкій порогъ. Степной оврагъ, близъ лѣваго берега Днѣпра, противъ Ненасытецкаго порога; уже въ 1675 году Степной оврагъ значится въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскаго войска [2]). Царева балка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Витки; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Ключникова на трехверстной картѣ Рос-

---

[1]) Балки съ Верхней-Веревчины и до Нижняго-Солонца включительно означены въ Запискахъ одес. общ. ист. и древн., V, карта; VII, 178, примѣчанія.

[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 510.

сіи [1]). Дубовая съ боковыми Филиппенковой, Шпаковой и Губиной, означенная на владѣльческомъ планѣ прошлаго столѣтія села Петровскаго или Свистунова противъ вершины Дубоваго острова. Капустина съ боковыми Березневатой, Скотоватой и Широкой, означенная на томъ-же планѣ и входящая въ устье Дубовой. Голая, означенная на томъ же планѣ противъ заборы Дубовой. Розсохи, теперь Слободскія-Розсохи, означенныя на томъ же планѣ противъ южнаго конца острова Дубоваго. Диденкова, означенная на томъже планѣ противъ островковъ Диденковыхъ. Балчанскій байракъ, означенный на томъ-же планѣ противъ Волниговскаго порога. Каменоватая балка, означенная на томъ-же планѣ непосредственно ниже Балчанскаго байрака. Вовнижка, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года немного выше Будиловскаго порога. Криничеватый оврагъ, означенный на томъ-же планѣ какъ разъ противъ порога Будиловскаго. Калинова, на владѣльческомъ планѣ прошлаго столѣтія села Петровскаго или Свистунова ниже Криничеватаго оврага. Орлова балка или Орловъ байракъ, означенный на томъже планѣ противъ острова Орлова. Большой-Бицулинъ и Малый-Бицулинъ овраги, означенные на томъ-же планѣ противъ верхней оконечности острова Таволжанки. Таволжанка съ боковыми байраками Пластуновымъ, Долгимъ, Розсошками и балками Бузиноватой и Хоминой, означенные на томъ-же планѣ противъ островъ Таволжанки и Перуна. Большая-Скотоватая, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Сторожеваго, и Малая-Скотоватая, означенная на владѣльческомъ планѣ прошлаго столѣтія села Петровскаго или Свистунова противъ острова Аврамова. Дубовая, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года на двѣ версты ниже Большой-Скотоватой. Лишняя, означенная на томъже планѣ на три версты ниже Дубовой, противъ острова Кухарева и порога Лишняго. Кичкасъ, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года на одну версту ниже острова Каменоватаго. Хмарная, названная, по преданію, оттого, что въ ней «темно, наче хмара» [2]). Бабина, означенная на владѣльческомъ планѣ прошлаго столѣтія селенія Бабиной, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. Вер

[1]) Рядъ XVII, листъ 31.

[2]) Степь, Екатеринославъ, 16 февраля, 1886, 102.

няя-Широкая, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ острова Носоковки. Гипетуха, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія на десять верстъ ниже устья рѣчки Рогачика [1]); по положенію ей соотвѣтствуетъ балка Роздеры у селенія Большой-Лепетихи, поставленная на трехверстной картѣ Россіи на двѣнадцать верстъ ниже устья рѣчки Рогачика [2]). Нижняя-Широкая, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ южнаго конца острова Носоковки; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Опалиха, означенная на картѣ Исленьева 1779 года. Куча, означенная на томъ-же атласѣ на три версты ниже Нижней-Широкой; по положенію и по названію ей соотвѣтствуетъ балка Куцая на трехверстной картѣ Россіи [3]). Аспидная, означенная на картѣ Исленьева 1779 года, противъ нижняго конца острова Каира и ниже рѣчки Западной-Каири. Валивала, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія почти на десять верстъ выше города Кызыкерменя [4]).

Кромѣ балокъ, овраговъ и байраковъ, падающихъ въ Днѣпръ, достойны вниманія и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя падаютъ въ другія рѣки; таковы балки, овраги и байраки сѣверовосточной окраины запорожскихъ вольностей, въ паланкахъ: протовчанской, орельской, самарской и калміусской. Таплынскій оврагъ, между Бузовкой и Котовкой, идущій къ рѣкѣ Орели, новомосковскаго уѣзда. Дунай балка, идущая въ озеро Долгенькое, въ Котовкѣ, того-же уѣзда [5]). Крутой оврагъ, при рѣчкѣ Кильчени, гдѣ теперь село Починное, того-же уѣзда; въ 1740 году Крутой оврагъ значится въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскихъ земель: здѣсь сидѣли запорожцы зимовниками, занимаясь хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и разными сельскими продуктами и обогащая предметами своихъ производствъ и издѣлій базары ближайшаго торговаго селенія Новоселицы [6]). Ягодный оврагъ, при рѣчкѣ Кильчени,

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.

[2]) Трехверстная карта, рядъ XIX, листъ 12.

[3]) Трехверстная карта, рядъ XIX, листъ 12.

[4]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.

[5]) Обѣ означены на владѣльческомъ планѣ Котовки прошлаго столѣтія.

[6]) Θеодосій, Матеріалы для историко-статистич. опис. Екатеринославъ, 1880, I, 450.

гдѣ теперь село Спасское, того-же уѣзда; въ 1650 году въ Ягодномъ оврагѣ сидѣло зимовниками нѣсколько человѣкъ престарѣлыхъ запорожцевъ, занимавшихся скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею; число насельниковъ Ягоднаго оврага особенно увеличилось въ 1680 году, послѣ основанія на рѣкѣ Самарѣ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря и обращенія города Старой-Самари въ Новобогородицкую крѣпость по волѣ московскаго правительства: тогда многіе, недовольные послѣднимъ обстоятельствомъ, ушли изъ Старой-Самари въ Ягодный оврагъ и увеличили въ немъ число козачьихъ зимовниковъ; въ 1750 году въ Ягодномъ оврагѣ поселился отставной запорожскій старшина батуринскаго куреня, Трофимъ Казинецъ; онъ настроилъ въ оврагѣ Ягодномъ хатъ, созвалъ отовсюду поселенцевъ, завелъ обширный зимовникъ и началъ съ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ и промыслами, сбывая излишекъ своихъ богатствъ на базаръ той-же Новоселицы, и особенно разведеніемъ табуновъ лошадей хорошей породы; послѣ паденія Сичи, зимовникъ Трофима Казинца объявленъ былъ въ 1777 году государственной воинской слободой Спасской [1]). Гончарная балка при рѣкѣ Быкѣ, притокѣ Самары; въ 1707 году балка Гончарная, вмѣстѣ съ могилой Гончарной, значится въ числѣ населенныхъ мѣстъ запорожскихъ вольностей; въ 1774 году, послѣ разгрома ватажниковъ извѣстнаго разбойника Емельяна Пугачева, въ балку Гончарную бѣжало много бурлаковъ; 1775 году балку Гончарную посѣтилъ губернаторъ В. А. Чертковъ и объявилъ возникшій въ ней поселокъ государственной воинской слободой Славянской, теперь павлоградскаго уѣзда [2]). Лозовой оврагъ, близъ рѣчки Нижней-Терсы, гдѣ теперь село Новониколаевка, александровскаго уѣзда. Лозовый оврагъ при рѣчкѣ Соленой, притокѣ Волчьей; уже въ 1696 году здѣсь были запорожскіе зимовники; въ 1750 и 1765 году запорожцы устроили въ этомъ зимовникѣ Лозоваго оврага часовню съ иконой архангела Михаила, для которой вызвали іеромонаха изъ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря; теперь здѣсь село Подгороднее, павлоградскаго уѣзда [3]). Очеретоватая при

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 427.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 524.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 539.

рѣкѣ Волчьей, гдѣ теперь село Александровка, павлоградскаго уѣзда [1]). Громовая и Каменная, падающія въ рѣчку Ганчулъ, противъ Богодара, имѣнія владѣльца Ѳ. И. Михеева, александровскаго уѣзда [2]). Гапонова, Солоная, Ягодная, Вонючая, Скосогоръ, Кисличная, Бузиноватая, Крутенькая, Очеретняя, Журавлиная, Водяная, Кременоватая, Скотоватая и Сидакова—всѣ четырнадцать близъ села Покровскаго у рѣки Волчьей, того же уѣзда [3]). Широкій оврагъ, при устьѣ рѣчки Каменки, притока Волчьей; уже въ 1704 году на Широкомъ оврагѣ, при рѣчкѣ Каменкѣ, стояло нѣсколько зимовниковъ; въ 1768 и 1769 году зимовники Широкаго оврага были опустошены внезапнымъ набѣгомъ татаръ; въ слѣдующемъ году мѣсто при устьѣ рѣчки Каменки на Широкомъ оврагѣ было занято запорожскимъ старшиной Гавриломъ Блакитнымъ, а въ 1775 году здѣсь основана была, по распоряженію губернатора В. А. Черткова, слобода Гавриловка, теперь александровскаго уѣзда [4]). Злодійская балка, близъ оврага Широкаго, заселенная запорожскими зимовниками уже въ 1696 году; черезъ нее пролегалъ въ свое время знаменитый шляхъ Муравскій [5]). Овраги Грушеватый, на десять верстъ ниже деревни Евграфовки, того же уѣзда; Головковъ на полторы версты ниже Грушеватаго, и оврагъ Дѣдъ, теперь балка Дидыха, на двѣ версты ниже Головкова [6]). Карпатая балка, при рѣкахъ Конкѣ и Жеребцѣ; съ 1772 года въ балкѣ Карпатой поселился отставной запорожскій старшина Калина Лысько и основалъ здѣсь зимовникъ, первыми насельниками котораго были родственники и знакомые Лыська изъ-подъ города Батурина; въ 1774 году въ зимовникъ Лыська пришли родственники и знакомые солдатъ, работавшихъ въ Никитинской крѣпости, при возведеніи новоднѣпровской линіи, а послѣ паденія Сичи и сами запорожцы; впослѣдствіи при своемъ поселкѣ, названномъ селомъ Преображенскимъ, александровскаго уѣзда, Лысько устроилъ часовеньку, для которой вызвалъ іеромо-

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 531.
[2]) Планъ деревни Богодара, владѣльца Ѳ. И. Михеева.
[3]) Свѣдѣнія учителя села Покровскаго, И. И. Чайкина.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 282.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 282.
[6]) Геометрическій планъ 1791 года.

наха Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря [1]). Калмыкова балка, падающая въ рѣчку Ганчулъ, гдѣ теперь мѣстечко Гуляй-Поле, того-же уѣзда; съ 1770 года въ ней жили гайдамаки, харцызы и камышники, которыхъ не разъ преслѣдовалъ командиръ днѣпровской линіи, генералъ-маіоръ Николай Яковлевичъ Лановъ [2]). Мантулинъ оврагъ, гдѣ теперь село Николаевка, бахмутскаго уѣзда [3]). Зайцева, Желѣзная и Ясеноватая балки по рѣчкѣ Кривому-Торцу. Ясеноватая уже въ 1690 году занята была запорожскими козаками, занимавшимися здѣсь пчеловодствомъ, скотоводствомъ и рыбною ловлею; съ 1745 года Ясеноватая на время сдѣлалась притономъ гайдамакъ и разбойниковъ, но съ 1770 года, по распоряженію бахмутской провинціальной и воеводской канцеляріи, она стала населяться молдаванами и волохами, въ 1774 году объявлена была государственной слободой Ясеноватой, бахмутскаго уѣзда [4]). Государевъ байракъ при рѣчкѣ Лугани; при немъ издавна была старожитная запорожская маетность; въ 1770 году онъ занятъ былъ выходцами изъ Валахіи и съ теченіемъ времени переименованъ въ слободу Государевъ-Байракъ, бахмутскаго уѣзда [5]). Холодная балка, издавна извѣстная запорожскимъ козакамъ, въ которой они «проживали и грѣли свои животы»; въ 1750 году Холодная балка считалась уже въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскихъ вольностей; съ 1788 года поселеніе при Холодной балкѣ объявлено было государственной слободой Гродовкою тогоже уѣзда [6]). Сухой и Житній яры, при рѣчкахъ Жованой и Бахмутѣ, гдѣ теперь слобода Никитовка тогоже уѣзда [7]). Желѣзная балка при рѣчкѣ Кривомъ-Торцѣ; еще въ 1696 году на ней стояло нѣсколько зимовниковъ и хуторовъ, основанныхъ запорожскими козаками; въ годину «татарскаго лихолѣтья», 1768 и 1769 годовъ, поселенія Желѣзной балки были опустошены татарами, но вслѣдъ затѣмъ въ 1770 году въ балкѣ Желѣзной поселился козакъ Про-

[1]) Θеодосій, Матеріалы, II, 285.
[2]) Θеодосій, Матеріалы, II, 301.
[3]) Θеодосій, Матеріалы, II, 21.
[4]) Тамъ-же, Матеріалы, II, 39.
[5]) Тамъ-же, Матеріалы, II, 43.
[6]) Тамъ-же, Матеріалы, II, 51.
[7]) Тамъ-же, Матеріалы, II, 57.

рѣкѣ Волчьей, гдѣ теперь село Александровка, па
уѣзда [1]). Громовая и Каменная, падающія въ рѣ
противъ Богодара, имѣнія владѣльца Ѳ. И. Михеева,
скаго уѣзда [2]). Гапонова, Солоная, Ягодная, Вонюча
Кисличная, Бузиноватая, Крутенькая, Очеретняя,
Водяная, Кременоватая, Скотоватая и Сидакова—всѣ
близъ села Покровскаго у рѣки Волчьей, того же у
рокій оврагъ, при устьѣ рѣчки Каменки, притока
въ 1704 году на Широкомъ оврагѣ, при рѣчкѣ Ка
нѣсколько зимовниковъ; въ 1768 и 1769 году зимовни
оврага были опустошены внезапнымъ набѣгомъ тат
дующемъ году мѣсто при устьѣ рѣчки Каменки н
оврагѣ было занято запорожскимъ старшиной Гаври
нымъ, а въ 1775 году здѣсь основана была, по
губернатора В. А. Черткова, слобода Гавриловка,
ксандровскаго уѣзда [4]). Злодійская балка, близъ овра
заселенная запорожскими зимовниками уже въ 1696
нее пролегалъ въ свое время знаменитый шляхъ
Овраги Грушеватый, на десять верстъ ниже деревни
того же уѣзда; Головковъ на полторы версты ниже
и оврагъ Дѣдъ, теперь балка Дидыха, на двѣ верс
ловкова [6]). Карпатая балка, при рѣкахъ Конкѣ и
1772 года въ балкѣ Карпатой поселился отставной
старшина Калина Лысько и основалъ здѣсь зимовни
насельниками котораго были родственники и знак
изъ-подъ города Батурина; въ 1774 году въ зимов
пришли родственники и знакомые солдатъ, работав
китинской крѣпости, при возведеніи новоднѣпровс
послѣ паденія Сичи и сами запорожцы; впослѣдстві
поселкѣ, названномъ селомъ Преображенскимъ, але
уѣзда, Лысько устроилъ часовеньку, для которой вы

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 531.
[2]) Планъ деревни Богодара, владѣльца Ѳ. И. Михеева.
[3]) Свѣдѣнія учителя села Покровскаго, И. И. Чайкина.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 282.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 282.
[6]) Геометрическій планъ 1791 года.

...ского пустынно-николаевскаго монастыря [1]). Калмы...ія, падающая въ рѣчку Ганчулъ, гдѣ теперь мѣстечко ...е того-же уѣзда; съ 1770 года въ ней жили гайдамаки, ... и камышники, которыхъ не разъ преслѣдовалъ коман...рской линіи, генералъ-маіоръ Николай Яковлевичъ ...). Кантулинъ оврагъ, гдѣ теперь село Николаевка, бах...уѣзда [2]). Зайцева, Желѣзная и Ясеноватая балки по ...Кривому-Торцу. Ясеноватая уже въ 1690 году занята была ...ими козаками, занимавшимися здѣсь пчеловодствомъ, ското...и рыбною ловлею; съ 1745 года Ясеноватая на время сдѣла...лищемъ гайдамакъ и разбойниковъ, но съ 1770 года, по рас...бахмутской провинціальной и воеводской канцеляріи, она ...лась молдаванами и волохами, въ 1774 году объявлена ...ственной слободой Ясеноватой, бахмутскаго уѣзда [3]). ...Байракъ при рѣчкѣ Лугани; при немъ издавна была ... запорожская маетность; въ 1770 году онъ занятъ ...цами изъ Валахіи и съ теченіемъ времени переимено...въ Государевъ-Байракъ, бахмутскаго уѣзда [5]). Хо...ядавна извѣстная запорожскимъ козакамъ, въ кото...ивали и грѣли свои животы»; въ 1750 году Хо...считалась уже въ числѣ населенныхъ мѣстностей за...ныхъ мостей; съ 1788 года поселеніе при Холодной ...было государственной слободой Гродовкою того-...ной и Житній яры, при рѣчкахъ Жовaной и Бах...перь слобода Никитовка тогоже уѣзда [7]). Желѣзная ...въ Кривомъ-Торцѣ; еще въ 1696 году на ней стояло ...шниковъ и хуторовъ, основанныхъ запорожскими ...одину «татарскаго лихолѣтья», 1768 и 1769 годовъ, ...ной балки были опустошены татарами, но вслѣдъ ...1770 году въ балкѣ Желѣзной поселился козакъ Про-

---

[1] Матеріалы, II, 285.
[2] Матеріалы, II, 301.
[3] Матеріалы, II. 21.
[4] Матеріалы, II, 39.
[5] Матеріалы, II, 43.
[6] Матеріалы, II, 51.
[7] Матеріалы, II, 57.

планѣ Днѣпра 1780 года и по своему положенію соотвѣтствующіе балкѣ Легкого съ Лѣсковой и Вовнигской на трехверстной картѣ Россіи [1]). Башмачка, означенная на томъ-же планѣ на полторы версты ниже Вовнижки. Короводка, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія. Будиловская, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и Будилка на планѣ 1786 года противъ Будиловскаго порога. Крутенька, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года. Куценька-первая, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года. Канцерка, означенная на томъ-же планѣ, Капцычка на атласѣ Днѣпра 1786 года, извѣстная подъ названіемъ Канцеровки на трехверстной картѣ Россіи. Куценька-вторая, Ясенева и Кругла — всѣ три означенныя на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ камней Колесникова и Червоннаго. Крыловская, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года противъ средины острова Таволжанскаго. Таволжина, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года на полторы версты ниже Крыловской. Лѣсная, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ острова Сторожеваго. Аврамова и Западная, означенныя на томъ-же планѣ противъ острова Аврамова и ниже его. Клобуковская, иначе Каблукова, означенная на томъ же планѣ противъ острова Клобуковскаго и деревни Игнатьевки. Личная, означенная въ росписи 1697 года и на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ порога Личнаго или Лишняго. Крутой-яръ, Крутенька, Тарокаева и Сухенька— всѣ четыре означенныя на планѣ Днѣпра 1780 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія; послѣдняя по обѣ стороны деревни Виноградовки. Вила или Вольненька съ боковыми Хомынихой и Гончаркой, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія, противъ южнаго конца острова Лантуховскаго. Малышевъ оврагъ или Малышевка балка съ боковыми Каменоватымъ и Гадючьимъ, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ порога Вильнаго или Гадючьяго и слободы Мичуриной. Пурысова или Курисова, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ острова Большаго-Дубоваго. Широкій

[1]) Рядъ XVII, листъ 13.

боеракъ, означенный на планѣ Днѣпра 1780 года противъ острова Курисова. Долгенькая, означенная на томъ-же планѣ противъ острова Каменоватаго. Старый-Чичкосъ, очевидно Старый Кичкасъ, означенный на атласѣ Днѣпра 1786 года, ниже камней Разбойниковъ, противъ колоніи Кичкасъ. Кодацкій оврагъ съ боковыми Березнеговатымъ и Канцеровскимъ, означенный на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ Стараго-Рѣчища, охватывающаго островъ Хортицу съ западной стороны; на трехверстной картѣ Россіи противъ колоніи Розенталь-Канцеровки и Верхней-Хортицы [1]. Хортицкая, означенная въ росписи 1697 года и на геометрическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія; въ устьѣ ея стояла усадьба графини Екатерины Васильевны Литто, Разумовка; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Капустянка, означенная на трехверстной картѣ Россіи [2]. Каневская, означенная на географическомъ спеціальномъ планѣ прошлаго столѣтія противъ острова Каневскаго. Пушинная, означенная на томъже планѣ ниже села Бѣленькаго противъ острова Хвостова-Просереда. Червонная, означенная на планѣ Днѣпра 1780 года на пять верстъ выше Тарасовскаго-Кута противъ острова Выше-Заломы. Гнилая, означенная на геометрическомъ спеціальномъ планѣ противъ мѣстечка Никополя. Лютая, означенная во владѣльческомъ планѣ прошлаго столѣтія, на трехверстной картѣ Россіи. Лутова противъ устья Базавлука и селенія Малыхъ-Гирлъ, херсонскаго уѣзда [3]. Золотая, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія противъ острова Скалозубова [4] и теперешняго села Золотой-Балки, того-же уѣзда. Дурная, на планѣ запорожскихъ урочищъ названная рѣчкой Дурной, противъ южной оконечности острова Рогатицкой-плавни. Мѣловая, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія, очевидно таже рѣчка Мѣловая у Мышецкаго, противъ острова Пильнаго. Нестремянная, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года «выше монастыря Софроніевской пустыни», т. е. теперешняго Бизюкова монастыря.

---

[1]) Листъ XXVII, рядъ 13.
[2]) Рядъ XVIII, листъ 13.
[3]) Рядъ XVIII, листъ 12.
[4]) Записки одес. общ. ист. и др., X, приложенія.

няя-Широкая, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ острова Носоковки. Гипетуха, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія на десять верстъ ниже устья рѣчки Рогачика [1]); по положенію ей соотвѣтствуетъ балка Роздеры у селенія Большой-Лепетихи, поставленная на трехверстной картѣ Россіи на двѣнадцать верстъ ниже устья рѣчки Рогачика [2]). Нижняя-Широкая, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ южнаго конца острова Носоковки; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Опалиха, означенная на картѣ Исленьева 1779 года. Куча, означенная на томъ-же атласѣ на три версты ниже Нижней-Широкой; по положенію и по названію ей соотвѣтствуетъ балка Куцая на трехверстной картѣ Россіи [3]). Аспидная, означенная на картѣ Исленьева 1779 года, противъ нижняго конца острова Каира и ниже рѣчки Западной-Каири. Валивала, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія почти на десять верстъ выше города Кызыкерменя [4]).

Кромѣ балокъ, овраговъ и байраковъ, падающихъ въ Днѣпръ, достойны вниманія и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя падаютъ въ другія рѣки; таковы балки, овраги и байраки сѣверовосточной окраины запорожскихъ вольностей, въ паланкахъ: протовчанской, орельской, самарской и калміусской. Таплынскій оврагъ, между Бузовкой и Котовкой, идущій къ рѣкѣ Орели, новомосковскаго уѣзда. Дунай балка, идущая въ озеро Долгенькое, въ Котовкѣ, того-же уѣзда [5]). Крутой оврагъ, при рѣчкѣ Кильчени, гдѣ теперь село Починное, того-же уѣзда; въ 1740 году Крутой оврагъ значится въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскихъ земель: здѣсь сидѣли запорожцы зимовниками, занимаясь хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и разными сельскими продуктами и обогащая предметами своихъ производствъ и издѣлій базары ближайшаго торговаго селенія Новоселицы [6]). Ягодный оврагъ, при рѣчкѣ Кильчени,

---

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.

[2]) Трехверстная карта, рядъ XIX, листъ 12.

[3]) Трехверстная карта, рядъ XIX, листъ 12.

[4]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.

[5]) Обѣ означены на владѣльческомъ планѣ Котовки прошлаго столѣтія.

[6]) Ѳеодосій, Матеріалы для историко-статистич. опис. Екатеринославъ, 1880, I, 450.

гдѣ теперь село Спасское, того-же уѣзда; въ 1650 году въ Ягодномъ оврагѣ сидѣло зимовниками нѣсколько человѣкъ престарѣлыхъ запорожцевъ, занимавшихся скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею; число насельниковъ Ягоднаго оврага особенно увеличилось въ 1680 году, послѣ основанія на рѣкѣ Самарѣ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря и обращенія города Старой-Самари въ Новобогородицкую крѣпость по волѣ московскаго правительства: тогда многіе, недовольные послѣднимъ обстоятельствомъ, ушли изъ Старой-Самари въ Ягодный оврагъ и увеличили въ немъ число козачьихъ зимовниковъ; въ 1750 году въ Ягодномъ оврагѣ поселился отставной запорожскій старшина батуринскаго куреня, Трофимъ Казинецъ; онъ настроилъ въ оврагѣ Ягодномъ хатъ, созвалъ отовсюду поселенцевъ, завелъ обширный зимовникъ и началъ съ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ и промыслами, сбывая излишекъ своихъ богатствъ на базаръ той-же Новоселицы, и особенно разведеніемъ табуновъ лошадей хорошей породы; послѣ паденія Сичи, зимовникъ Трофима Казинца объявленъ былъ въ 1777 году государственной воинской слободой Спасской [1]). Гончарная балка при рѣкѣ Быкѣ, притокѣ Самары; въ 1707 году балка Гончарная, вмѣстѣ съ могилой Гончарной, значится въ числѣ населенныхъ мѣстъ запорожскихъ вольностей; въ 1774 году, послѣ разгрома ватажниковъ извѣстнаго разбойника Емельяна Пугачева, въ балку Гончарную бѣжало много бурлаковъ; 1775 году балку Гончарную посѣтилъ губернаторъ В. А. Чертковъ и объявилъ возникшій въ ней поселокъ государственной воинской слободой Славянской, теперь павлоградскаго уѣзда [2]). Лозовой оврагъ, близъ рѣчки Нижней-Терсы, гдѣ теперь село Новониколаевка, александровскаго уѣзда. Лозовый оврагъ при рѣчкѣ Соленой, притокѣ Волчьей; уже въ 1696 году здѣсь были запорожскіе зимовники; въ 1750 и 1765 году запорожцы устроили въ этомъ зимовникѣ Лозоваго оврага часовню съ иконой архангела Михаила, для которой вызвали іеромонаха изъ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря; теперь здѣсь село Подгороднее, павлоградскаго уѣзда [3]). Очеретоватая при

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 427.
[2]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 524.
[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 539.

няя-Широкая, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ острова Носоковки. Гипетуха, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія на десять верстъ ниже устья рѣчки Рогачика [1]); по положенію ей соотвѣтствуетъ балка Роздеры у селенія Большой-Лепетихи, поставленная на трехверстной картѣ Россіи на двѣнадцать верстъ ниже устья рѣчки Рогачика [2]). Нижняя-Широкая, означенная на атласѣ Днѣпра 1786 года противъ южнаго конца острова Носоковки; какъ кажется, ей соотвѣтствуетъ балка Опалиха, означенная на картѣ Исленьева 1779 года. Куча, означенная на томъ-же атласѣ на три версты ниже Нижней-Широкой; по положенію и по названію ей соотвѣтствуетъ балка Куцая на трехверстной картѣ Россіи [3]). Аспидная, означенная на картѣ Исленьева 1779 года, противъ нижняго конца острова Каира и ниже рѣчки Западной-Каири. Валивала, означенная на планѣ запорожскихъ урочищъ прошлаго столѣтія почти на десять верстъ выше города Кызыкермени [4]).

Кромѣ балокъ, овраговъ и байраковъ, падающихъ въ Днѣпръ, достойны вниманія и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя падаютъ въ другія рѣки; таковы балки, овраги и байраки сѣверовосточной окраины запорожскихъ вольностей, въ паланкахъ: протовчанской, орельской, самарской и кальміусской. Таплынскій оврагъ, между Бузовкой и Котовкой, идущій къ рѣкѣ Орели, новомосковскаго уѣзда. Дунай балка, идущая въ озеро Долгенькое, въ Котовкѣ, того-же уѣзда [5]). Крутой оврагъ, при рѣчкѣ Кильчени, гдѣ теперь село Починное, того-же уѣзда; въ 1740 году Крутой оврагъ значится въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскихъ земель: здѣсь сидѣли запорожцы зимовниками, занимаясь хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и разными сельскими продуктами и обогащая предметами своихъ производствъ и издѣлій базары ближайшаго торговаго селенія Новоселицы [6]). Ягодный оврагъ, при рѣчкѣ Кильчени,

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.
[2]) Трехверстная карта, рядъ XIX, листъ 12.
[3]) Трехверстная карта, рядъ XIX, листъ 12.
[4]) Записки одес. общ. ист. и древн., X, приложенія.
[5]) Обѣ означены на владѣльческомъ планѣ Котовки прошлаго столѣтія.
[6]) Ѳеодосій, Матеріалы для историко-статистич. опис. Екатеринославъ, 1880, I, 450.

гдѣ теперь село Спасское, того-же уѣзда; въ 1650 году въ Ягодномъ оврагѣ сидѣло зимовниками нѣсколько человѣкъ престарѣлыхъ запорожцевъ, занимавшихся скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею; число насельниковъ Ягоднаго оврага особенно увеличилось въ 1680 году, послѣ основанія на рѣкѣ Самарѣ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря и обращенія города Старой-Самари въ Новобогородицкую крѣпость по волѣ московскаго правительства: тогда многіе, недовольные послѣднимъ обстоятельствомъ, ушли изъ Старой-Самари въ Ягодный оврагъ и увеличили въ немъ число козачьихъ зимовниковъ; въ 1750 году въ Ягодномъ оврагѣ поселился отставной запорожскій старшина батуринскаго куреня, Трофимъ Казинецъ; онъ настроилъ въ оврагѣ Ягодномъ хатъ, созвалъ отовсюду поселенцевъ, завелъ обширный зимовникъ и началъ съ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ и промыслами, сбывая излишекъ своихъ богатствъ на базаръ той-же Новоселицы, и особенно разведеніемъ табуновъ лошадей хорошей породы; послѣ паденія Сичи, зимовникъ Трофима Казинца объявленъ былъ въ 1777 году государственной воинской слободой Спасской [1]). Гончарная балка при рѣкѣ Быкѣ, притокѣ Самары; въ 1707 году балка Гончарная, вмѣстѣ съ могилой Гончарной, значится въ числѣ населенныхъ мѣстъ запорожскихъ вольностей; въ 1774 году, послѣ разгрома ватажниковъ извѣстнаго разбойника Емельяна Пугачева, въ балку Гончарную бѣжало много бурлаковъ; 1775 году балку Гончарную посѣтилъ губернаторъ В. А. Чертковъ и объявилъ возникшій въ ней поселокъ государственной воинской слободой Славянской, теперь павлоградскаго уѣзда [2]). Лозовой оврагъ, близъ рѣчки Нижней-Терсы, гдѣ теперь село Новониколаевка, александровскаго уѣзда. Лозовый оврагъ при рѣчкѣ Соленой, притокѣ Волчьей; уже въ 1696 году здѣсь были запорожскіе зимовники; въ 1750 и 1765 году запорожцы устроили въ этомъ зимовникѣ Лозоваго оврага часовню съ иконой архангела Михаила, для которой вызвали іеромонаха изъ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря; теперь здѣсь село Подгороднее, павлоградскаго уѣзда [3]). Очеретоватая при

[1]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 427.
[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 524.
[3]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 539.

рѣкѣ Волчьей, гдѣ теперь село Александровка, павлоградск
уѣзда [1]). Громовая и Каменная, падающія въ рѣчку Ганчу
противъ Богодара, имѣнія владѣльца Ѳ. И. Михеева, александр
скаго уѣзда [2]). Гапонова, Солоная, Ягодная, Вонючая, Сквозого
Кисличная, Бузиноватая, Крутенькая, Очеретняя, Журавли
Водяная, Кременоватая, Скотоватая и Сидакова—всѣ четырнад
близь села Покровскаго у рѣки Волчьей, того же уѣзда [3]). Ш
рокій оврагъ, при устьѣ рѣчки Каменки, притока Волчьей:
въ 1764 году на Широкомъ оврагѣ, при рѣчкѣ Каменкѣ, сто
нѣсколько зимовниковъ: въ 1768 и 1769 году зимовники Широ
оврага были опустошены внезапнымъ набѣгомъ татаръ: въ с
дующемъ году мѣсто при устьѣ рѣчки Каменки на Широк
оврагѣ было занято запорожскимъ старшиной Гавриломъ Бла
нымъ, а въ 1775 году здѣсь основана была, по распоряже
губернатора В. А. Черткова, слобода Гавриловка, теперь
ксандровскаго уѣзда [4]). Злодійская балка, близъ оврага Широк
заселенная запорожскими зимовниками уже въ 1696 году; чер
нее пролегалъ въ свое время знаменитый шляхъ Муравскій
Овраги Грушеватый, на десять верстъ ниже деревни Евграфов
того же уѣзда; Головковъ на полторы версты ниже Грушеват
и оврагъ Дѣдъ, теперь балка Дидыха, на двѣ версты ниже
ловкова [5]). Карпатая балка, при рѣкахъ Конкѣ и Жеребцѣ;
1772 года въ балкѣ Карпатой поселился отставной запорож
старшина Калина Лысько и основалъ здѣсь зимовникъ, перв
насельниками котораго были родственники и знакомые Лы
изъ-подъ города Батурина; въ 1774 году въ зимовникъ Лы
пришли родственники и знакомые солдатъ, работавшихъ въ
китинской крѣпости, при возведеніи новоднѣпровской линіи
послѣ паденія Сичи и сами запорожцы; впослѣдствіи при сво
поселкѣ, названномъ селомъ Преображенскимъ, александровс
уѣзда, Лысько устроилъ часовеньку, для которой вызвалъ іеро

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, I, 531.
[2]) Планъ деревни Богодара, владѣльца Ѳ. И. Михеева.
[3]) Свѣдѣнія учителя села Покровскаго, И. И. Чайкина.
[4]) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 282.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 282.
[6]) Геометрическій планъ 1791 года.

наха Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря [1]). Калмыкова балка, падающая въ рѣчку Ганчулъ, гдѣ теперь мѣстечко Гуляй-Поле, того-же уѣзда; съ 1770 года въ ней жили гайдамаки, харцызы и камышники, которыхъ не разъ преслѣдовалъ командиръ днѣпровской линіи, генералъ-маіоръ Николай Яковлевичъ Лановъ [2]). Мантулинъ оврагъ, гдѣ теперь село Николаевка, бахмутскаго уѣзда [3]). Зайцева, Желѣзная и Ясеноватая балки по рѣчкѣ Кривому-Торцу. Ясеноватая уже въ 1690 году занята была запорожскими козаками, занимавшимися здѣсь пчеловодствомъ, скотоводствомъ и рыбною ловлею; съ 1745 года Ясеноватая на время сдѣлалась притономъ гайдамакъ и разбойниковъ, но съ 1770 года, по распоряженію бахмутской провинціальной и воеводской канцеляріи, она стала населяться молдаванами и волохами, въ 1774 году объявлена была государственной слободой Ясеноватой, бахмутскаго уѣзда [4]). Государевъ байракъ при рѣчкѣ Лугани; при немъ издавна была старожитная запорожская маетность; въ 1770 году онъ занятъ былъ выходцами изъ Валахіи и съ теченіемъ времени переименованъ въ слободу Государевъ-Байракъ, бахмутскаго уѣзда [5]). Холодная балка, издавна извѣстная запорожскимъ козакамъ, въ которой они «проживали и грѣли свои животы»; въ 1750 году Холодная балка считалась уже въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскихъ вольностей; съ 1788 года поселеніе при Холодной балкѣ объявлено было государственной слободой Гродовкою тогоже уѣзда [6]). Сухой и Житній яры, при рѣчкахъ Жованой и Бахмутѣ, гдѣ теперь слобода Никитовка тогоже уѣзда [7]). Желѣзная балка при рѣчкѣ Кривомъ-Торцѣ; еще въ 1696 году на ней стояло нѣсколько зимовниковъ и хуторовъ, основанныхъ запорожскими козаками; въ годину «татарскаго лихолѣтья», 1768 и 1769 годовъ, поселенія Желѣзной балки были опустошены татарами, но вслѣдъ затѣмъ въ 1770 году въ балкѣ Желѣзной поселился козакъ Про-

---

1) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 285.
2) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 301.
3) Ѳеодосій, Матеріалы, II, 21.
4) Тамъ-же, Матеріалы, II, 39.
5) Тамъ-же, Матеріалы, II, 43.
6) Тамъ-же, Матеріалы, II, 51.
7) Тамъ-же, Матеріалы, II, 57.

копъ Дьяченко, завелъ въ ней собственный зимовникъ и пригласилъ въ него на жительство своихъ родственниковъ и знакомыхъ изъ полтавской губерніи; послѣ паденія Сичи зимовникъ Дьяченка объявленъ былъ селомъ Желѣзнымъ, бахмутскаго уѣзда [1]). Паліивскій оврагъ при рѣчкѣ Соленой, при теперешнемъ селѣ Селидовкѣ, тогоже уѣзда. Лозовый и Щечиловъ овраги при рѣчкѣ Кривомъ-Торцѣ и теперешнемъ селѣ Землянкѣ, тогоже уѣзда. Сухая балка и Холодовъ яръ при рѣкахъ Сѣверномъ-Донцѣ и Луганчикѣ; въ 1650 году здѣсь стояли запорожскіе пикеты и устроены были зимовники и землянки, въ которыхъ жило 200 человѣкъ запорожцевъ для наблюденія за донскими козаками; съ 1704 года въ балкѣ Сухой и Холодномъ яру жили уже и семейные запорожцы [2]). Тертишный байракъ и Скелеватый оврагъ при рѣкѣ Сѣверномъ-Донцѣ; съ 1690 года здѣсь жили запорожскіе козаки, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и заготовленіемъ разнаго рода припасовъ и доставленіемъ ихъ въ крѣпость Бахмутъ; съ 1738 года въ этой мѣстности поселился отставной запорожскій старшина Макаръ Безродный и завелъ большой зимовникъ, названный Макаровымъ яромъ, теперь слобода Макаровъ яръ, тогоже уѣзда [3]). Поповъ яръ и Чернухинъ байракъ при рѣчкѣ Чернухиной, оба лежали на пути секретнаго козацкаго шляха изъ Сичи на Донъ и Кагальникъ; здѣсь была одна изъ главныхъ станцій, на которой запорожскіе козаки дѣлали всякаго рода продовольственные запасы для проѣзжавшихъ по названному шляху путниковъ; при станціи поставлена была икона святителя Николая и къ ней опредѣленъ былъ особый священникъ; съ 1772 года здѣсь поселились выходцы изъ курской губерніи, сѣвскаго уѣзда, а съ 1782 года это селеніе объявлено было селомъ Чернухинымъ, теперешняго славяносербскаго уѣзда [4]). Каменный байракъ значится населеннымъ еще съ 1696 года: здѣсь сидѣли своими зимовниками семейные запорожцы, занимавшіеся скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ; съ 1753 года урочище при Каменномъ байракѣ

---

[1]) Тамъ-же, II, 60.
[2]) Тамъ-же, II, 91.
[3]) Тамъ-же, II, 95.
[4]) Тамъ-же, II, 103 и 104.

отдано было поселенцамъ сербамъ, а въ 1776 году секундъ-маіоръ Павелъ Ивановичъ Міоковичъ осадилъ здѣсь слободу Павловку теперешняго славяносербскаго уѣзда). Желтый яръ при рѣкѣ Сѣверномъ-Донцѣ, на правомъ берегу рѣчки Лугани, считается древнѣйшею запорожскою маетностью, и когда въ 1756 году здѣсь поселились выходцы славяно-сербы, то запорожскіе козаки долго протестовали противъ этого, иногда даже съ оружіемъ въ рукахъ; въ настоящее время здѣсь стоитъ село Желтое, тогоже уѣзда [2]). Водяной и Дупнатый овраги при рѣчкѣ Луганчикѣ, гдѣ было урочище Шолковой протокъ; уже съ 1680 года здѣсь сидѣло нѣсколько человѣкъ запорожскихъ козаковъ своими зимовниками; въ 1707 году Шолковой протокъ значится въ числѣ населенныхъ мѣстностей запорожскихъ вольностей; съ 1753 года онъ перешелъ къ выходцамъ славяно-сербамъ; въ 1782 году переименованъ въ деревню Орѣховую; потомъ въ село Орѣхово, тогоже уѣзда [3]). Кружилка, Долгая, Морозова и Крутая балки при рѣкѣ Сѣверномъ-Донцѣ; здѣсь сидѣли зимовниками запорожскіе козаки, но съ 1759 года эти балки заняли славяно-сербы, и впослѣдствіи владѣлецъ Божедаровичъ основалъ здѣсь село Божедаровку, тогоже уѣзда [4]). Глубокій яръ и Мечетная балка при рѣчкѣ Міусчикѣ; здѣсь сидѣлъ своимъ зимовникомъ отставной старшина запорожскаго войска, отшельникъ и грамотный человѣкъ, Петръ Довгаль; къ нему приходили, на урочище Красный-Кутъ, цѣлыми ватагами запорожскіе козаки; впослѣдствіи, послѣ паденія Сичи, здѣсь возникла въ 1788 году слобода Красный-Кутъ, тогоже уѣзда [5]). Ханова балка при рѣкѣ Донцѣ и селѣ Крымскомъ [6]). Круглая и Долгенькая при рѣчкѣ Нижней-Бѣленькой; между этими двумя балками стояла запорожская маетность Бобровая, доставшаяся послѣ уничтоженія Сичи поручику Ивану Андреевичу Вергелеву; теперь здѣсь село Ивановка, того же уѣзда [7]). Хорошій яръ при рѣчкѣ

[1]) Тамъ-же, II, 114.
[2]) Тамъ-же, II, 125.
[3]) Тамъ-же, II, 125.
[4]) Тамъ-же, II, 139.
[5]) Тамъ-же, II, 143.
[6]) Тамъ-же, II, 147.
[7]) Тамъ-же, II, 149.

Лугани; здѣсь было старожитное запорожское займище, перешедшее потомъ въ 1756 году къ волошскимъ поселенцамъ, основавшимъ тутъ село Хорошее, того-же уѣзда [1]). Дубовая балка, въ лѣтнее время обращающаяся въ рѣчку, падаетъ въ рѣку Калміусъ. Водяная или Бодня, падающая въ рѣчку Караташъ. Бесташъ балка идетъ къ верховьямъ Караташа. Ташлыкъ идетъ въ Мокрую Волноваху. Валитарашъ падаетъ въ рѣчку Кальчикъ. Смирная на семь верстъ отъ рѣчки Кальчика. Двѣ балки Бѣлосарайскія. на 18 верстъ ниже Смирной [2]). Бѣлосарайская-коса, гдѣ у запорожскихъ козаковъ была тоня [3]). Виноградная-коса, на три версты ниже Бѣлосарайской, гдѣ у запорожцевъ была тоня. Кочеватая балка, на четыре версты ниже Виноградной-косы. Зеленая, на шесть верстъ ниже Кочеватой. Крутая, на десять верстъ ниже Зеленой. Свидоватая, на три версты ниже Крутой и на пять верстъ выше крѣпости Петровской [4]).

Изъ балокъ, овраговъ и байраковъ сѣверозападной окраины запорожскихъ вольностей, въ бывшихъ паланкахъ кодацкой, ингульской и бугогардовской, достойны вниманія слѣдующія балки, овраги и байраки. Чекеросовъ оврагъ, близъ рѣчки Камышеватой-Суры, гдѣ было старожитное запорожское займище, теперь слобода Павловка, екатеринославскаго уѣзда [5]). Чувилинъ оврагъ при рѣчкѣ Сурѣ; въ 1707 году Чувилинъ оврагъ значится въ числѣ населенныхъ мѣстъ запорожскихъ вольностей, гдѣ сидѣли козаки своими зимовниками, занимаясь скотоводствомъ и рыболовствомъ; съ 1750—1768 года здѣсь устроена была козаками часовня съ иконой святителя Николая чудотворца и для служенія при ней вызванъ былъ священникъ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря; впослѣдствіи селеніе при оврагѣ Чувилиномъ названо селомъ Сурскимъ-Клевцовымъ, того-же уѣзда [6]). Усенкова балка съ боковыми Басанкой и Журавлевой, падающая въ рѣчку Томаковку, въ теперешнемъ имѣніи Басанкѣ, владѣльца Н. М. Теренина того-же,

[1]) Тамъ-же, II, 149.
[2]) Записки одеск. общ., XI, 223.
[3]) Тамъ-же, Записки одесск. общ. ист. и древн., XI, 223.
[4]) Записки одесск. общ. исторіи и древностей, XI, 223.
[5]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 133.
[6]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 133.

уѣзда [1]). Бузиноватая балка и балка Кошевого, у рѣки Базавлука, гдѣ теперь село Васильевка верхнеднѣпровскаго уѣзда [2]). Въ 1780 году при рѣкѣ Базавлукѣ, по теченію ея, съ лѣвой стороны, пожаловано было полковнику Ивану Марковичу Маркову, подъ поселеніе слободы, 6,000 десятинъ земли, первопочинный пунктъ при рѣкѣ Базавлукѣ, смежно съ владѣніемъ надворнаго совѣтника Корбія, въ степь прямою линіею черезъ балку Бузиновату и вершину балки Кошевого, пятнадцать верстъ, поворотя влѣво-же до рѣки Базавлука четырнадцать верстъ 200 саженъ, далѣе по Базавлуку до первопочиннаго пункта прямою линіей четыре версты. Основанное по теченію рѣки, съ лѣвой стороны, селеніе названо было слободой Васильевкой. Въ 1786 году слобода Васильевка, при которой числилось уже 2000 десятинъ земли, 56 хатъ, 145 человѣкъ податныхъ черкасъ, продана была Павловымъ со всѣми постройками, скотомъ, живностью и хлѣбомъ, графу Михаилу Ивановичу Борху, великаго княжества литовскаго обозному, а отъ Борха, также по купчей крѣпости, перешло къ камергеру Викентію Осиповичу Лисовскому съ крестьянами, 116 человѣкъ, и со всѣми строеніями, корчмами, мельницами и прочими угодьями безъ изъятія за 8,000 рублей «ходячею монетою» [3]). Завертаный оврагъ при рѣкѣ Ингульцѣ, гдѣ теперь слобода Лозоватка, тогоже уѣзда [4]). Бобринецъ, Базовая, Осиковая и Высокая балка съ боковыми Дичковымъ оврагомъ или Кривулиной балкой; послѣдняя падаетъ въ рѣчку Большой или Мокрый, иначе Переволочанскій или Ворскальскій-Омельникъ, на землѣ владѣльца Г. А. Байдака. Балка Княжіе-Байраки, начинающаяся отъ рѣчки Желтой и падающая въ названную выше рѣчку Большой-Омельникъ.

Балка Княжіе-Байраки, вмѣстѣ съ Жолтыми-Водами, имѣетъ въ исторіи малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ особенно важное значеніе: близъ нея, какъ нѣкоторые полагаютъ, произошло 8-го мая 1648 года первое сраженіе гетмана Богдана Хмельницкаго съ польскими войсками и такъ называемыми нѣмецкими рейтарами, имѣвшее рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы всей Малорос-

---

1) Геометрическій спеціальный планъ 1787 года.

2) Өеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880.

3) Изъ бумагъ собственнаго собранія.

4) Өеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880.

«Бываютъ моменты въ жизни народовъ, говоритъ польскій историкъ Маріанъ Дубецкій, когда одна болѣе или менѣе кровавая битва разрѣшаетъ участь поколѣній, становится краеугольнымъ камнемъ славы или предвѣстникомъ упадка народа. Такими важными моментами въ жизни нашего народа были, безъ сомнѣнія, дни кровавыхъ битвъ при Жолтыхъ-Водахъ... Предвѣстники позднѣйшихъ бѣдствій, дни эти открыли Хмельницкому дорогу въ глубь нашей родины, дали ему смѣлость и убѣжденіе, что въ нашемъ лагерѣ онъ можетъ имѣть приверженцевъ. Зловѣщимъ эхомъ отозвалась битва эта въ сердцахъ жителей Рѣчи-Посполитой. Яснымъ стало, что Украйна является Ахиллесовой пятой родины Ягеллоновъ» [1]).

Не смотря на близкое и обстоятельное знакомство съ мѣстностью и основательное знаніе военнаго дѣла польскаго историка Маріана Дубецкаго, его попытку пріурочить мѣсто желтоводской битвы къ рѣчкѣ Жолтой, близъ балки Княжихъ-Байраковъ, отвергаетъ А. И. Егоровъ. Онъ отождествляетъ Жолтыя-Воды съ балкой Глиняной, у деревни Катерино-Григорьевки, въ 18 верстахъ отъ Каменнаго-Затона, гдѣ пристало козацкое реестровое войско, шедшее по Днѣпру подъ начальствомъ Барабаша. Вотъ его доказательства. «Возьмемъ трехверстную карту екатеринославской губерніи въ изданіи военно-топографическаго депо, листъ 12, рядъ XXVI. Здѣсь, въ сѣверовосточномъ углу, найдемъ Анненскую забору, небольшую деревеньку владѣнія княгини Урусовой. Выше этой заборы въ Днѣпръ впадаетъ рѣчка Каменка. Почти при самомъ ея устьѣ, въ нее вливаются двѣ проточныя рѣченки Лѣсная и Вышемирка. Соединенныя воды ихъ образуютъ порядочный заливъ, который и есть тотъ самый Каменный-Затонъ, гдѣ остановились барабашевцы. Засимъ, въ прямо противоположномъ углу, югозападномъ, найдемъ село Желтое. Разстояніе между Каменнымъ-Затономъ и селомъ Желтымъ по прямой линіи равно 45 верстамъ. Какъ могли забраться такъ далеко отъ Днѣпра и поляки, и козаки, когда тѣ и другіе поджидали барабашевцевъ? Но допустимъ, что по какимъ-то особымъ топографическимъ и стратегическимъ условіямъ они должны были остановиться именно у

[1]) Rosprawy i sprawozdania, Krakow, 1880, tom XII.

источниковъ рѣчки Желтой. Тогда, какъ объяснить тѣ передвиженія, которыя были совершены 4 мая? Припомнимъ событія этого дня. Утромъ барабашевцы извѣстили Хмельницкаго о своемъ присоединеніи къ нему. Хмельницкій послалъ къ недовѣрчивому Тугай-Бею съ просьбой перевезти козаковъ Барабаша въ лагерь на татарскихъ лошадяхъ. Барабашевцы были перевезены въ тотъже день. Поляки перешли за Жовты-Воды, заново укрѣпились обозомъ, да кромѣ того еще вывели валъ около версты. Неужели все это было физически возможно выполнить въ послѣдовательномъ порядкѣ въ теченіе одного дня? Какъ бы ни были быстры ногайскія лошади, но для ста-сорока-верстнаго перехода въ теченіе десяти часовъ и имъ понадобились бы крылья [1]). Добавивъ къ этому, что Тугай-Бей стоялъ за болотомъ, и что болотъ въ окрестностяхъ села Желтаго на картѣ (!) мы не видимъ,—мы, кажется, можемъ сказать, что Жовты-Воды не рѣчка Желтая. Гдѣ же искать ихъ? Разумѣется, поближе къ Днѣпру. Жовты-Воды названы такъ отъ глинистой почвы, говоритъ Костомаровъ. Въ срединѣ XVII вѣка, кромѣ того, и поляки и козаки знали, что такое рѣчка и рѣка. Если бы битва была при рѣкѣ, они такъ бы и сказали. Значитъ, Жовты-Воды не есть рѣчка Желтая, а какое-либо другое водохранилище, въ родѣ озера или большаго пруда въ какой-либо балкѣ [2]). И вотъ всего въ 18 верстахъ отъ Каменнаго-Затона находимъ у деревни Катерино-Григорьевки *балку Глиняную*. Въ устьѣ своемъ эта балка соединяется съ балкою Каменистою, образуя здѣсь изрядное водохранилище. Верстахъ въ 6—7 отсюда, въ юговосточномъ направленіи, находимъ рядъ болотъ, за которыми могъ расположиться Тугай-Бей со своими ногайцами. Къ сѣверу отъ этой балки находимъ и могилу съ подходящимъ къ настоящему случаю названіемъ — *Ляхова могила* (къ югу отъ села Любимое-

---

[1]) Т. е. чтобы прибыть къ Желтымъ-Водамъ отъ Каменнаго-Затона, нужно было сдѣлать три гона: 45 верстъ отъ Хмельницкаго къ Тугай-Бею, 45 отъ Тугай-Бея къ Хмельницкому и 45 отъ Каменнаго-Затона [illegible] лошадяхъ Тугай-Бея къ Желтымъ-Водамъ, итого 125 верстъ. Зам[illegible]

[2]) Это мнѣніе наше подтверждается и картою знаменит[illegible] инженера Боплана, оставившаго и до сихъ поръ не по[illegible] описаніе Украины XVI (XVII?) столѣтія. На этой картѣ [illegible] бражены не рѣчки, а озера. Замѣчаніе [illegible]

Григорьевка). Наконецъ и упоминаемыя Костомаровымъ Княжьи-Байраки (у нынѣшней деревни Григорьевки—Большой Шаровки) находятся по дорогѣ отъ балки Глияной въ Украйну и въ разстояніи, соотвѣтствующемъ указаніямъ историка. Всѣ данныя, кажется, позволяютъ намъ съ большею вѣроятностью искать Жовтыхъ Водъ не у источниковъ рѣчки Желтой, а въ устьяхъ балки Глиняной» [1]).

Какъ ни странно принимать Глиняную балку потому только, что эта балка глиняная, можетъ быть даже и не желтой глины, за Жолтыя-Воды, получившія свое названіе отъ жолто-глинистой почвы, тѣмъ не менѣе нельзя не обратить вниманія прежде всего на то обстоятельство, что ни у одного ни польскаго, ни малороссійскаго лѣтописца (не говоримъ объ историкахъ) прошлыхъ вѣковъ Жолтыя-Воды не называются рѣчкой. Передъ нами польская лѣтопись или хроника Ерлича, малорусскія лѣтописи Самовидца, Грабянки, Величка, Лѣтописецъ 1506—1737 года, Кіевская лѣтопись 1241—1621, латинская лѣтопись Яна Юзефовича 1624—1700, наконецъ томы актовъ южной и западной Россіи XVII вѣка [2]), и нигдѣ мы не видимъ, чтобы Жолтыя-Воды именовались рѣчкою: большею частію Жолтыя-Воды называются безъ предиката или же съ предикатомъ урочища и озера. Названіе озера даетъ Жолтымъ-Водамъ лѣтопись Яна Юзефовича: «Interim praemissus cum levioribus cohortibus, sclopigeris octingentis, Stephanus, Potocius, Nisinensis praefectus, adolescens, filius generalis, contra consistentes jam cosacos et Tataros in campis ad Zolte-vody, id lacui nomen, qui ab argillaceo fundo flavescentibus aquis, herbido voragine profunda limo lubrico invadiabilis, ita ab aecolis loci vocatur». Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: «Между тѣмъ Стефанъ Потоцкій, начальникъ низовья Днѣпра, молодой генеральскій сынъ, былъ посланъ впередъ съ отрядомъ легковооруженныхъ и восьмью

---

[1]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, неоффиц. отд. 1890, № 203—4.

[2]) Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, I, 62; Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 8, 9, 220; Лѣтопись Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854, 42; Лѣтопись Самуила Величка, Кіевъ, 1848, I, 60; Сборникъ Лѣтописей, Кіевъ, 1888, 8, 97, 124, 125; Акты, III, 189, 191; VIII, 355; такое же названіе Желтымъ-Водамъ даютъ Relat. o bitwie p. Zolt. Wod., Pamientniki, Львовъ, 1842, 422.

стами шлемоносцевъ противъ козаковъ и татаръ, уже расположившихся станомъ на равнинѣ близъ Жолтыхъ-Водъ—таково имя озера, которое будучи непереходимымъ вслѣдствіе глубокихъ омутовъ со скользкой, травянаго цвѣта глиной, такъ называется окрестными жителями по желтому, вслѣдствіе глинянаго грунта, цвѣту воды». Далѣе, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что ни у одного ни изъ польскихъ, ни изъ малорусскихъ лѣтописцевъ, близкихъ къ событію 4 мая 1648 года, не опредѣляется разстояніе между Каменнымъ-Затономъ и Жолтыми-Водами; только въ «Исторіи о дѣйствіяхъ презѣльной брани» глухо говорится, что Каменный-Затонъ находился неподалеку отъ мѣста стоянки польскаго лагеря при Жолтыхъ-Водахъ [1]). Но подъ словомъ «неподалеку» можно разумѣть и 45 и 18 верстъ, и больше и меньше этого.

Какъ видимъ, соображенія, высказанныя А. И. Егоровымъ, совсѣмъ уничтожаютъ мнѣніе Маріана Дубецкаго. При всемъ этомъ и мнѣніе А. И. Егорова ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть принято. Прежде всего коснемся наименованія Жолтыхъ-Водъ рѣчкою или озеромъ: сказано было, что у польскихъ и малорусскихъ лѣтописцевъ, близкихъ къ событію 1648 года, и въ актахъ XVII вѣка Жолтыя-Воды вовсе не называются рѣчкой, а между тѣмъ Маріанъ Дубецкій считаетъ ихъ рѣчкой, и пріурочиваетъ къ теперешнему притоку Ингульца, Жолтой. Но противъ этого можно сказать то, что въ тѣхъ-же актахъ XVII вѣка Волчьи Воды, Медвѣжьи-Воды, Овечьи-Воды и Молочныя-Воды также не носятъ наименованія рѣчекъ [2]), а между тѣмъ это были несомнѣнно рѣчки, и нѣкоторыя изъ нихъ и въ настоящее время остаются все также рѣчками. Не нося наименованія рѣчки, Жолтыя-Воды, однако, называются у нѣкоторыхъ лѣтописцевъ озеромъ. Усвоивъ это названіе Жолтымъ-Водамъ, будемъ искать ихъ съ тѣмъ-же наименованіемъ на картахъ XVII и XVIII вѣка; изъ картъ XVII вѣка

---

[1]) Это опредѣленіе взято Н. И. Костомаровымъ, какъ кажется, изъ рукописной «Исторіи» (см. Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, страницы V и 274), тогда какъ въ печатной «Исторіи» не находимъ и этого опредѣленія (см. Григорія Грабянки Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 41, 42, 55, 57, 58, 136).

[2]) Акты южной и западной Россіи, VII, 298; VIII, 330, 355, 2[illegible] X, 599; XII, 99.

Григорьевка). Наконецъ и упоминаемыя Костомаровымъ Байраки (у нынѣшней деревни Григорьевки—Большой Б находятся по дорогѣ отъ балки Глиняной въ Украйну стояніи, соотвѣтствующемъ указаніямъ историка. Все д жется, позволяють намъ съ большею вѣроятностью ис тыхъ Водъ не у источниковъ рѣчки Желтой, а въ уст Глиняной» [1]).

Какъ ни странно принимать Глиняную балку пото что эта балка глиняная, можетъ быть даже и не жел за Жолтыя-Воды, получившія свое названіе отъ жолт почвы, тѣмъ не менѣе нельзя не обратить вниманія п на то обстоятельство, что ни у одного ни польскаго, р сійскаго лѣтописца (не говоримъ объ историкахъ) пр ковъ Жолтыя-Воды не называются рѣчкой. Передъ на лѣтопись или хроника Ерлича, малорусскія лѣтописи Грабянки, Величка, Лѣтописецъ 1506—1737 года, К топись 1241—1621, латинская лѣтопись Яна Юзефо 1700, наконецъ томы актовъ южной и западной Россіи X нигдѣ мы не видимъ, чтобы Жолтыя-Воды именовал большею частію Жолтыя-Воды называются безъ п же съ предикатомъ урочища и озера. Названіе озера тымъ-Водамъ лѣтопись Яна Юзефовича: «Jnterim pr levioribus cohortibus, sclopigeris octingentis, Stephanus, sinensis praefectus, adolescens, filius generalis, contr jam cosacos et Tataros in campis ad Zolte-vody, id qui ab argillaceo fundo flavescentibus aquis, herbido vor limo lubrico invadiabilis, ita ab accolis loci vocat водѣ на русскій языкъ это значитъ: «Между тѣм тоцкій, начальникъ низовья Днѣпра, молодой ген былъ посланъ впередъ съ отрядомъ легковооружен

---

[1]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, неоффиц. о

[2]) Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, I, 62 видца, Кіевъ, 1878. 8, 9. 220; Лѣтопись Григорія Грабянк Лѣтопись Самуила Величка, Кіевъ, 1848, I, 60; Сборникъ . 1888, 8, 97, 121, 125; Акты, III, 189, 191; VIII, 355; Желтымъ-Водамъ даютъ Relat. o bitwie p. Zolt. Wod., P 1842, 422.

о 5 саженъ
а нѣтъ. На
овъ не только
лкѣ когда-то
тахъ въ 5-ти
ахъ въ 10-ти
нѣ Омельникѣ,
ная могила въ
у: ошибаюсь-ли
то битвы могли
послѣдователь-
е. около селенія
у селомъ Желтыми
по теченію рѣкъ
кже и въ обѣихъ
вытекаетъ. Другой
можетъ въ нашей
ссылается Егоровъ,
ъ составилась рѣчка,
ительно преобладаетъ

ли Желтой раскинулось
о уѣзда, возникшее лѣтъ
она падаетъ въ Ингулецъ,
зда; направленіе рѣчки съ
теченія ея 35 верстъ. У пра-
земляныхъ укрѣпленія, пазы-
нными могилами». Первое изъ
села Желтаго, другое противъ
дѣльца А. И. Козакова; первое
стороной, на сѣверозападъ, имѣетъ
и про... изъ себя яму до $7^1/_2$

...ческіе дѣятели
...ошибочно по-

до насъ дошла единственная карта Боплана; изъ картъ XVIII до насъ дошли, кромѣ картъ Риччи Занонни и Ивана Исленьева, и три карты: карта де-Боксета 1751 года, карта Tartaria minor половины XVIII вѣка и карта елисаветградской провинціи 1772—1774 годовъ. Обращаясь къ Боплану [1]), находимъ у вершины Ингульца, съ правой стороны, ниже знаменитаго Чернаго лѣса, мѣсто съ названіемъ Злотая-Вода, а сообразуясь съ изъясненіями знаковъ, видимъ, что Злотая-Вода, по Боплану, есть болото и вмѣстѣ лѣсъ. Отъ карты Боплана обращаемся къ картѣ де-Боксета и видимъ, что въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Злотая-Вода Боплана, у де-Боксета протянута рѣчка, въ вершинѣ которой стоитъ селеніе Жолтое; на картѣ Tartaria minor на мѣстѣ Злотой-Воды стоитъ рѣчка Zeltaja, а на картѣ елисаветградской провинціи—рѣчка Жолтая. Отсюда, если мы примемъ, что Злотая-Вода Боплана есть одно и то-же, что рѣчка Жолтая, то слѣдовательно можемъ сдѣлать поправку на его картѣ Украйны, перемѣнивъ названіе Зотой-Воды въ Жолтую-Воду. Другого озера, рѣчки или болота съ названіемъ Злотой или Жолтой мы не находимъ ни на одномъ изъ названныхъ плановъ; на картѣ Боплана есть только Злотая долина, но она стоитъ ниже пороговъ и ниже устья Базавлука, тамъ, гдѣ въ настоящее время стоитъ селеніе Золотая-Балка, ниже Большихъ-Гирлъ и Малыхъ-Гирлъ [2]), куда поляки не могли дойти, да и не было имъ цѣли туда идти, такъ какъ Золотая долина стоитъ на 50 верстъ ниже Никитинской Сичи, въ которой сидѣлъ Богданъ Хмельницкій. Наконецъ въ Исторіи князя Мышецкаго рѣчка Желтыя-Воды называется прямо притокомъ рѣчки Ингульца [3]). Самъ гетманъ Богданъ Хмельницкій о желтоводской битвѣ писалъ царю Алексѣю Михайловичу, іюня 8 дня, такъ: «Господь Богъ помогъ намъ два войска съ великими таборами одолѣти и трехъ гетмановъ живыхъ взяти съ иными ихъ

---

[1]) Любопытенъ пріемъ критики г. Егорова: онъ отвергаетъ мнѣніе, что Жолтыя-Воды и рѣчка Жолтая одно и тоже; но вмѣстѣ съ этимъ, принимая Жолтыя-Воды за болото, онъ ссылается на Боплана, а между тѣмъ на картѣ Боплана Жолтыя-Воды поставлены тамъ, гдѣ какъ разъ приходится теперешняя рѣчка Жолтая.

[2]) См. трехверстную карту Россіи, рядъ XIX, листъ 12.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852, 7.

(т. е. поляковъ) сенаторами, перво на Желтой Водѣ въ полѣ посередъ дороги запорожской комиссаръ Шемберкъ и сынъ пана краковскаго (Потоцкій) тѣ съ одною душою не ушли» [1]).

Послѣ всего сказаннаго естественно пріурочить желтоводскую битву къ теперешней рѣчкѣ Жолтой, находящейся по прямой линіи отъ Каменнаго-Затона или Анненской Заборы, гдѣ высадились реестровые козаки Барабаша, къ юго-западу, на разстояніи 45 верстъ. Но тогда какже допустить мысль, что Богданъ Хмельницкій, принявъ утромъ 4 мая реестровыхъ козаковъ подъ свое знамя, успѣлъ отправить крымскому хану Тугай-Бею, стоявшему у Жолтыхъ-Водъ, гонца съ просьбой прислать коней для передавшихся гетману козаковъ; какъ успѣли примчаться татары къ козакамъ отъ Жолтыхъ-Водъ къ Каменному-Затону и какъ могли они въ этотъ же день доставить ихъ отъ Каменнаго-Затона къ Жолтымъ-Водамъ, сдѣлавъ три конца, по 45 верстъ каждый, или 135 верстъ вмѣстѣ? Возможно-ли это? Очень возможно. Если мы возьмемъ лѣтнее утро въ степи съ пяти часовъ и допустимъ, по умѣренному счету, что гонецъ Хмельницкаго бѣжалъ 15 верстъ въ часъ къ Тугай-Бею, по стольку-же въ часъ бѣжали татары къ Каменному-Затону и отъ Каменнаго-Затона къ Жолтымъ-Водамъ, то найдемъ, что все разстояніе 135 верстъ, между Каменнымъ-Затономъ и Жолтыми-Водами, можно было пробѣжать къ 2 часамъ дня (т. е. время отъ 5 до 2 часовъ включительно составитъ 9 часовъ; помноживъ 9 на 15, получимъ 135 верстъ). Пробѣжать же татарину на конѣ 15 верстъ въ часъ совсѣмъ не было дивомъ: у татаръ, по словамъ Михалона Литвина и Сигизмунда Герберштейна, кони отличались замѣчательною выносливостью и скорымъ бѣгомъ [2]); кромѣ того, татарскіе всадники были легко вооружены и оттого мало утомляли своихъ лошадей; быстрота верховой ѣзды татаръ, по словамъ Боплана, объясняется еще и тѣмъ, что каждый татаринъ, идя въ походъ, велъ съ собой не одного, а двухъ и даже больше того коней, чтобы уставшаго коня замѣнить свѣжимъ: «Ловкость и проворство татаръ удивительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталаго коня на заводнаго и легко избѣгаютъ

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, III. 207.

[2]) Архивъ Калачова, 1854; Записки о Московіи. Спб., 1866, 136.

преслѣдованія непріятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ, въ случаѣ нужды, могъ перескочить на него. Такъ умѣютъ служить своимъ господамъ татарскіе кони, которые сверхъ того переносятъ труды почти невѣроятные: только эти неуклюжіе и некрасивые бакематы (такъ называютъ ихъ татары) въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль...[1]). Для невидавшаго татаръ будетъ непонятно, какъ 80,000 всадниковъ могутъ имѣть 200,000 лошадей: «не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ»[2]). Нужно думать, кромѣ того, что часть реестровыхъ козаковъ Хмельницкій могъ отправить къ Жолтымъ-Водамъ и на собственныхъ коняхъ; вѣдь не пѣшкомъ-же и не единолично онъ подошелъ къ реестровымъ; да и не всѣ, нужно думать, реестровые сразу были стянуты къ Жолтымъ-Водамъ: передовая часть ихъ могла придти къ козацкому лагерю къ 2 часамъ дня, а послѣдняя—къ вечеру; первая могла прискакать на первыхъ попавшихся коняхъ, а послѣдняя и на присланныхъ ханомъ. Такимъ образомъ, если дѣйствительно передвиженіе главной массы реестровыхъ козаковъ отъ Каменнаго-Затона къ Жолтымъ-Водамъ совершилось къ 2 часамъ дня, даже скажемъ и нѣсколько позже, и уже въ это время поляки узнали о прибытіи ихъ измѣнниковъ, то въ остальную половину дня они могли и переправиться за Жолтыя воды, и вывести земляное укрѣпленіе: шесть тысячъ человѣкъ могутъ сдѣлать въ короткое время чудеса, тѣмъ болѣе, что и укрѣпленія-то эти совсѣмъ не грандіозныя: валъ въ одну версту, на валу пушки, а за пушками четыреугольникъ изъ возовъ. Наконецъ, что касается довода, что Стефанъ Потоцкій едва-ли могъ такъ далеко уходить въ степь отъ своихъ (45 верстъ!), плывшихъ по Днѣпру, то на это можно сказать, что въ этомъ именно раздѣленіи арміи на два отряда и состояла главнѣйшая изъ ошибокъ плана военныхъ дѣйствій поляковъ, помимо роковой ошибки отправленія въ походъ реестровыхъ козаковъ, набранныхъ изъ украинцевъ и обязавшихся на вѣрную службу Рѣчи-

[1]) То-есть 80 или 120 верстъ, принимая французскую милю XVII вѣка за 4 версты нашей мѣры.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 44, 49.

Посполитой вынужденною присягой[1]). Но въ данномъ случаѣ составители военнаго плана въ Польшѣ могли руководиться простымъ соображеніемъ, что для пѣшаго войска кратчайшій путь отъ Черкасъ къ Кодаку или Сичи битымъ шляхомъ по степи, а никакъ не вдоль берега Днѣпра: идти съ тяжелою артиллеріей и возами вдоль берега Днѣпра не было возможности по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что на этомъ пути нужно было тратить много и совершенно безполезно времени на переправу черезъ балки, рѣчки и вѣтки, падавшія въ Днѣпръ; во-вторыхъ, потому, что дѣло было весной, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, когда вода въ Днѣпрѣ шла не на убыль, а на прибыль (она прибываетъ до 9 мая), отчего всѣ балки, падающія въ Днѣпръ, въ лѣтнее время совершенно сухія, весной переполняются нерѣдко до самой вершины водой и заставляютъ путниковъ объѣзжать ихъ по-надъ вершинами; кому случалось ѣздить весной вдоль береговъ Днѣпра, тотъ хорошо знаетъ, что тамъ, гдѣ лѣтомъ можно проѣхать отъ села до села въ два часа времени, тамъ весной потребуется иногда 8, 10 и больше того часовъ.

Таковы соображенія, невольно выступающія противъ доводовъ А. И. Егорова въ защиту М. Дубецкаго. Впрочемъ, эти соображенія и высказываются только какъ соображенія; для насъ искать-ли Желтыя-Воды у устья балки Глиняной, или у верховьевъ рѣчки Желтой, пока составляетъ вопросъ, который можно разрѣшать только послѣ тщательныхъ совокупныхъ изысканій военныхъ и археологическихъ силъ; не скроемъ, однако, того, что мнѣніе Дубецкаго намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ мнѣніе Егорова. Потвержденіе тому находимъ и въ показаніи знатока мѣстности у Желтыхъ-Водъ и Княжаго-Байрака, Ивана Дмитріевича Яковлева, живущаго близь верховьевъ означенной рѣчки, въ деревнѣ Камчаткѣ, верхнеднѣпровскаго уѣзда. «По Костомарову, говоритъ г. Яковлевъ, Хмельницкій, пройдя Кодакъ, остановился при потокѣ Желтыя-Воды; а козаки Барабаша, дойдя до Каменнаго-Затона, остановились неподалеку отъ того мѣста, гдѣ стоялъ польскій лагерь («Богданъ Хмильнецкій», I, 105 и 108). Если на-

[1]) Всеволодъ Коховскій. Опытъ изученія войнъ Б. X—го. Спб., 1862, 147.

звать Глиняную балку у Катерино-Григорьевки Желтами-Водами, какъ думаетъ Егоровъ, а польскій лагерь Потоцкаго недалеко отъ Каменнаго-Затона, то другого мѣста не можетъ быть для лагеря, какъ только высоты противъ Краснаго-Кута, и Хмельницкій, чтобы попасть въ Катерино-Григорьевку, или въ балку Глиняную, долженъ былъ пройти мимо польскаго лагеря и быть замѣченнымъ поляками, которые, безъ сомнѣнія, на него должны были напасть, бывши у него въ тылу и въ болѣе близкомъ разстояніи отъ своихъ барабашивцевъ, когда эти послѣдніе еще не прибыли къ Каменному-Затону. Дальше, Хмельницкій вышелъ изъ Сѣчи 22 апрѣля 1648 года, которая находилась ниже пороговъ, между теперешней Хортицей и Никополемъ, но изъ какого именно пункта—у историковъ не сказано; раньше онъ слыхалъ, что Потоцкій выслалъ противъ него часть своего войска въ степь, слѣдовательно, не въ побережье Днѣпра, изрѣзанное оврагами и покрытое лѣсами, а въ открытое поле и вдобавокъ съ пушками. Хмельницкому, шедшему изъ низовьевъ Днѣпра въ Украйну, на встрѣчу польскому войску, не было никакой надобности приближаться къ Каменному-Затону, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ при себѣ обозъ и пушки. Онъ обязательно долженъ былъ держаться открытаго поля, имѣя у себя на правомъ флангѣ ногайскія легкія войска Тугай-Бея, для развѣдокъ и разъѣздовъ по оврагамъ и лѣсамъ отъ Днѣпра, ожидая гдѣ нибудь высадки Барабаша, но имѣя при томъ несомнѣнное постоянное сношеніе съ отрядомъ Тугай-Бея. Дорога-же изъ Сѣчи (Никополя) въ Тясмину самая прямая и ближайшая, идетъ черезъ село Лошкаревку, село Саксагань, мимо Княжьихъ—Байраковъ и верховья рѣки Желтой, гдѣ и теперь есть болота, не нарисованныя на картѣ (кто желаетъ убѣдиться, можетъ пріѣхать и ихъ осмотрѣть). Изъ этихъ-то болотъ въ двухъ желтыхъ балкахъ и вытекаетъ рѣчка Желтая. Если же Хмельницкій вышелъ изъ другаго запорожскаго пункта къ Тясмину, то всѣ большія дороги съ юговостока къ сѣверозападу сходятся у села Саксагани и верховьевъ рѣчки Желтой, близъ Княжихъ-Байраковъ. Другихъ большихъ, ближайшихъ къ Тясмину, путей не существуетъ.

Осматривалъ я всю мѣстность, округляющую Катерино-Григорьевку. Вершина Глинистой балки отлогая и широкая; здѣсь были когда-то прудъ и прорванная плотина; глина обыкновенная

рудая, ниже плотины балка мѣстами съуживается до 5 саженъ ширины, кое-гдѣ есть родники, но никакого притока нѣтъ. На значительное разстояніе кругомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ не только укрѣпленій, но даже могилъ; видно, что по всей балкѣ когда-то росъ лѣсъ. Ляхова могила лежитъ къ сѣверу; верстахъ въ 5-ти острый большой курганъ и больше ничего. Верстахъ въ 10-ти или 12-ти оттуда, въ слободѣ Пугачевкѣ, на рѣчкѣ Омельникѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Байдаковки, есть раскопанная могила въ видѣ такихъ же укрѣпленій, какъ у насъ. А потому: ошибаюсь-ли я, или нѣтъ, но съ увѣренностью могу сказать, что битвы могли только происходить въ тѣхъ пунктахъ и въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ я и прежде вамъ писалъ т. е. около селенія Желтаго, близъ вершины рѣчки Желтой. Между селомъ Желтыми и моимъ хуторомъ Камчаткой есть и теперь по теченію рѣкъ Желтой обширная болотистая мѣстность, а также и въ обѣихъ вершинахъ рѣчки Желтой, изъ которыхъ она вытекаетъ. Другой рѣчки Желтой или Желтыхъ-Водъ быть не можетъ въ нашей мѣстности. Взявъ туже карту, на которую ссылается Егоровъ, можно видѣть, что 3—4 балки, изъ которыхъ составилась рѣчка, называются Желтыми, и въ нихъ дѣйствительно преобладаетъ желтая глина» [1]).

Въ настоящее время въ вершинѣ рѣчки Желтой раскинулось большое село Желтое, верхнеднѣпровскаго уѣзда, возникшее лѣтъ 80 тому назадъ [2]), а въ устьѣ ея, гдѣ она падаетъ въ Ингулецъ, стоитъ мѣстечко Анновка, того-же уѣзда; направленіе рѣчки съ сѣверо-востока на юго-западъ; всего теченія ея 35 верстъ. У праваго берега Желтой осталось два земляныхъ укрѣпленія, называемыхъ мѣстными жителями «робленными могилами». Первое изъ этихъ укрѣпленій стоитъ противъ села Желтаго, другое противъ деревни Камчатки, на землѣ владѣльца А. И. Козакова; первое обращено горжей, т. е. глухой стороной, на сѣверозападъ, имѣетъ въ окружности 250 саженъ и представляетъ изъ себя яму до $7^1/_2$

---

[1]) Изъ письма И. Д. Яковлева Д. И. Яворницкому.

[2]) Въ сочиненіи В. Б. Антоновича и В. А. Беца «Истор юго-западной Россіи», Кіевъ, 1885, I, стр. 12, «Жовти-Води казаны въ александрійскомъ уѣздѣ, херсонской губерніи.

саженъ глубины, прикрытую съ сѣверовостока шестью глубокими канавами съ высокими насыпями для залеганія защищающихся и для отраженія нападающихъ; повидимому, здѣсь и былъ предполагаемый Дубецкимъ главный станъ Стефана Потоцкаго. Второе изъ укрѣпленій обращено горжей на югъ, по размѣрамъ нѣсколько меньше перваго, но по устройству совершенно подобно ему; разстояніе между первымъ и вторымъ укрѣпленіями—8 верстъ. На пять верстъ выше вершинъ балокъ Курячей и Желтянской, служащихъ продолженіемъ рѣчки Желтой, сохранились еще два земляныя укрѣпленія; одно противъ Дмитровки, горжей на югозападъ, другое противъ Николаевки, горжей на сѣверозападъ; оба такого же устройства, какъ и первыя два, только меньше по размѣрамъ, но высоты почти равномѣрной; разстояніе между ними—4 версты. Вообще, всѣ эти укрѣпленія однообразны, и разница между ними состоитъ лишь въ томъ, куда обращены они своими горжами; выходы вездѣ съ противоположныхъ сторонъ горжамъ; внутренняя сторона ихъ имѣетъ видъ треугольника, упирающагося однимъ изъ своихъ угловъ въ выходъ: въ послѣднее время всѣ эти укрѣпленія сильно испорчены плугомъ: годъ отъ году они все болѣе и болѣе распахиваются, и не пройдетъ, быть можетъ, лѣтъ 50, какъ отъ нихъ и слѣда не останется... На мѣстѣ предполагаемаго Дубецкимъ лагеря Потоцкаго теперь стоитъ большая могила Острая, сооруженная, однако, гораздо раньше, чѣмъ произошла здѣсь, козацко-польская битва, и множество мелкихъ могилокъ, оставшихся какъ думаетъ польскій историкъ, отъ времени побоища; выше этого мѣста, на правой сторонѣ Курячей балки, противъ хутора Сухины, сохранилось также 15 небольшихъ могилокъ, на трехверстномъ разстояніи одна отъ другой. На мѣстѣ предполагаемаго лагеря Хмельницкаго не сохранилось никакихъ укрѣпленій, кромѣ нѣсколькихъ могилокъ, да «Робленой могилы», т. е. такого-же земляного укрѣпленія, какъ и на правомъ берегу Желтой, стоящаго, однако, далеко къ сѣверо-востоку отъ предполагаемаго лагеря Хмельницкаго.

Балка Княжіе-Байраки примыкаетъ почти подъ угломъ къ рѣчкѣ Желтой; вершина ея начинается противъ вершины Желтой, у такъ называемаго Шаровскаго трактира; главное направленіе—съ югозапада на сѣверовостокъ, все протяженіе—15 верстъ; устье

ея падаетъ въ рѣчку Большой или Мокрый Омельникъ, противъ деревни Строевки или Михайловки, верхнеднѣпровскаго уѣзда; глубина ея, при устьѣ, доходитъ до 60 саженъ почти прямаго отвѣса. По мѣстному преданію, балка Княжіе-Байраки получила свое названіе отъ князя Вишневецкаго, нѣкогда жившаго здѣсь. То былъ «знаючій и лихой» человѣкъ; разсердился за что-то онъ на людей и «подѣлалъ» имъ такъ, что они нигдѣ не могли найти воды: гдѣ они не копали землю, воды нѣтъ да и только; самъ-же онъ лишь только копнетъ гдѣ-либо, тотчасъ и вода покажется. Такъ всю свою жизнь онъ морилъ людей; даже и послѣ своей смерти все мстилъ имъ: когда похоронили его, то и вода вмѣстѣ съ нимъ вошла въ землю. Только тогда догадались крестьяне, въ чемъ дѣло: они набросали на могилу Вишневецкаго множество камней, поставили высокій каменный столбъ, и вода вновь показалась въ колодцахъ. Вотъ то, что стоитъ на Харитоновкѣ каменный столбъ, то и есть столбъ, поставленный на могилѣ князя Вишневецкаго [1]). Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, по балкѣ Княжимъ-Байракамъ были непроходимыя лѣсныя трущобы, въ которыхъ скрывались извѣстные по всей Новороссіи шаровскіе цыгане, своими разбоями наводившіе ужасы на всѣхъ мѣстныхъ обывателей и проѣзжихъ людей. Что было въ этой балкѣ двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, можетъ представить себѣ всякій. Отсюда неудивительно, почему Богданъ Хмельницкій избралъ Княжіе-Байраки мѣстомъ для нанесенія полякамъ окончательнаго пораженія: балка лежала поперекъ пути польской арміи, была очень глубока, имѣла отвѣсные склоны, мѣстами покрыта огромными глыбами камней и вся поросла большимъ лѣсомъ, отъ котораго остатки сохранились и въ настоящее время. Теперь по склонамъ Княжихъ-Байраковъ стоятъ четыре селенія: Ново-Александровка, Федоровка, Большая-Шаровка, иначе Григорьевка, и Харитоновка, а на степи, вдоль ея склоновъ, холмятся въ разныхъ мѣстахъ небольшія могилки; особенно много ихъ на землѣ владѣльца Григорія Андреевича Байдака.

Ниже балки Княжихъ-Байраковъ слѣдуютъ балки—Березнева-

---

[1]) Преданіе, слышанное мной отъ И. Д. Яковлева, въ Камчатки верхнеднѣпровскаго уѣзда.

тая, падающая въ Ингулецъ [1]); Куриная—въ рѣчку Высь съ правой стороны; Грузская—въ рѣчку Грузскую, притокъ Ингула; Овсянникова—въ ту-же рѣчку Грузскую съ правой стороны [2]); Дѣдова, Лозоватая, Коноплянка; Лозоватая-Верхняя — послѣднія три въ Камышеватую-Сугаклею съ правой стороны [3]); Лозоватая—въ Каменку, лѣвый притокъ Ингула съ правой стороны; на ней запорожцы имѣли свои промыслы [4]).

Дубовая или Гайдамацкая балка, идущая въ рѣчку Саксагань съ правой стороны, близъ мѣстечка Криваго-Рога, херсонской губерніи, въ бывшемъ имѣніи владѣльца А. Н. Поля, Дубовой-Балкѣ или Запорожскомъ-Ущельѣ, верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи; въ склонахъ этой балки находится нѣсколько естественныхъ пещеръ, изъ коихъ самая большая—въ правомъ склонѣ балки,—носитъ названіе Гайдамацкой конюшни; она состоитъ изъ навѣса и собственно пещеры, въ которой, по преданію, скрывались гайдамаки; говорятъ, въ стѣнахъ навѣса были ввинчены гайдамаками серебряныя кольца для привязыванія лошадей, а стѣны самой пещеры нѣкогда были обиты чернымъ сукномъ. Впрочемъ, разсказъ этотъ, какъ кажется, есть только отголосокъ народной вѣры въ существованіе скопищъ тѣхъ громадныхъ богатствъ, которыми будто-бы располагали гайдамаки. Изъ множества естественныхъ пещеръ по берегамъ рѣкъ и балокъ пещера Гайдамацкая конюшня—самая большая: въ ней можетъ помѣститься добрый десятокъ людей.

За Дубовой балкой слѣдуютъ: балка Каменоватая, байраки Шляховъ и Шкарповъ близъ балки Дѣдовой, балка и байракъ Коробчилинъ, байраки Береслепъ, Хмѣльный, Кистинъ; Капустникъ, Стенька, Якименка—всѣ три около рѣчки Синюхи; Медвѣжій—близъ рѣчки Кагарлыка; Терновка, Тишковъ, Офицеровъ, Плоскій, Черниценковъ, Бешъ-Байракъ, Мурзинъ— между Камы-

---

[1]) При устьѣ Ингульца, гдѣ село Репнинка, херсонскаго уѣзда, въ эту рѣчку съ лѣвой стороны падаетъ балка Самарька.

[2]) Планъ Семена Леонтьева 1758 года: Записки одесск. общ. исторіи и древн., I, приложенія.

[3]) Записки одесск. общ. исторіи и древн., I, приложенія.

[4]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ,, Одесса, 1852, 75.

шеватой-Сугаклеей и рѣчкой Бешкой; Зарудный надъ рѣчкою Бешкою, и Верблюжій [1]); далѣе балки Витковская, Попова—у лѣваго берега рѣки Буга [2]); Лупарева, Хаблова, получившая свое названіе отъ киргизскаго «кабул»—лощина, Павлютина, Широкая, Бубликова и Волчья—всѣ шесть у того-же берега Буга между селами Александровской и Ефимовкой, елисаветградскаго уѣзда.

По всѣмъ означеннымъ балкамъ, оврагамъ, байракамъ «и прочимъ угодьямъ запорожское войско владѣло и имѣло промыслы», т. е. другими словами сказать, балки, овраги и байраки служили первыми пунктами у запорожскихъ козаковъ на пути ихъ послѣдовательной колонизаціи обширнаго, дикаго и пустыннаго края, захваченнаго ими по праву перваго займа и служившаго естественною границею между міромъ тюркско-татарскимъ съ одной стороны и славяно-христіанскимъ съ другой. Историкъ Запорожья не имѣетъ никакихъ данныхъ, чтобы съ точностью указать первыя мѣста колонизаціи запорожскихъ вольностей въ самую раннюю пору появленія козаковъ на приднѣпровскомъ Низу; также мало онъ имѣетъ данныхъ для исторіи колонизаціи края въ XVII вѣкѣ и только можетъ располагать нѣкоторыми указаніями для колонизаціи края въ XVIII вѣкѣ въ дѣлахъ по размежеванію зимовниковъ, хуторовъ и селъ въ балкахъ, байракахъ и оврагахъ, какъ при самомъ Днѣпрѣ, такъ и при его восточныхъ и западныхъ притокахъ.

Сравнивая отдѣльныя окраины запорожскихъ вольностей между собою въ отношеніи населенія, мы приходимъ къ заключенію, что гуще всего были колонизованы и населены самарская и орельская паланки: здѣсь, между Самарою, Орелью и Кодакомъ, число зимовниковъ въ половинѣ XVIII вѣка доходило до 270; затѣмъ слѣдовали мѣста между правымъ берегомъ Днѣпра и верховьями рѣкъ Ингульца, Ингула, по теченію двухъ Омельниковъ, Домоткани, Самоткани и Сурѣ, въ паланкѣ кодацкой; далѣе идутъ мѣста по среднему и нижнему теченію Ингульца, Ингула и Буга, въ паланкахъ ингульской и бугогардовской; здѣсь въ 1772 году п
никъ, распредѣлявшіеся такъ: по Ингулу 17,

[1]) Мышецкій, Исторія, Одесса, 18[illegible]
[2]) Записки одесск. общ. истор

моклеѣ 11, Днѣпру 14, Бугу 7, Мертвымъ-Водамъ 4, Еланцу 5, Сухому-Еланцу 1, Куцому-Еланцу 1. По тѣмъ-же рѣкамъ и балкамъ имѣлось загоновъ для рогатаго скота и овецъ 5, да нѣсколько рыбныхъ заводовъ, при которыхъ въ зимнее время устраивались землянки, въ лѣтнее—шалаши; число землянокъ и шалашей распредѣлялось такъ: въ Гирлахъ и у Лимана землянокъ 17, шалашей 15, по Бугу землянокъ 11, шалашей 39, Ингулу землянокъ 2, шалашей 4, Ингульцу землянокъ 4, шалашей 1; всего землянокъ 34, шалашей 59 [1]). Наконецъ, менѣе всего населены были восточныя окраины Запорожья, калміусская паланка и прогноинская. Количество населенности объясняется частію удобствами самыхъ мѣстъ, частію близостью къ татарскимъ кочевьямъ и открытымъ границамъ: восточная окраина запорожскихъ вольностей граничила съ аулами ногайскихъ татаръ и защищена была незначительною рѣкою Конкой, оттого и менѣе была населена, тогда какъ сѣверная и западная окраины были удалены отъ татаръ на громадное пространство степей, а южная была ограждена широкою рѣкою Бугомъ и пѣшею командою; такъ въ 1774 году на южной границѣ запорожскихъ вольностей стояло 700 человѣкъ козаковъ; кромѣ того, въ лѣтнее время для рыбнаго промысла содержалась команда въ 500 человѣкъ да въ Александровскомъ шанцѣ [2]) 200 конныхъ человѣкъ [3]). Сѣверная окраина запорожскихъ вольностей, богатая лѣсомъ, орошаемая двумя хорошими рѣками Орелью и Самарою, множествомъ озеръ, которыхъ по одному лѣвому берегу Орели было до 300, защищенная плавнями и порогами Днѣпра, удаленная на огромное пространство отъ ауловъ татаръ, считалась по справедливости самою богатою окраиной запорожскихъ вольностей и потому больше всѣхъ была населена.

Число всѣхъ селеній и зимовниковъ запорожскихъ, находившихся по главнымъ балкамъ, оврагамъ и байракамъ, опредѣляется у разныхъ писателей различно: въ исторіи князя Семена Ивановича Мышецкаго всѣхъ зимовниковъ насчитывается до 4.000 [4]);

---

[1]) Записки одесск. общ. истор. и древн., VII, 182.

[2]) На картѣ Риччи Заннони Александровскій шанецъ поставленъ при устьѣ Ингульца.

[3]) Записки одесск. общ. исторіи и древн., VII, 182.

[4]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 81, 82.

въ запискахъ академика Гюльденштедта по берегамъ Днѣпра показано 30 селеній, гдѣ жили женатые козаки, называемые на офиціальномъ запорожскомъ языкѣ «гнѣздюками» или «сиднями» [1]); въ вѣдомости Петра Текели въ 1775 году означено 45 деревень и 1.601 зимовникъ, а всѣхъ жителей, мужскаго и женскаго пола 59.637 [2]); въ исторіи А. А. Скальковскаго, по документамъ сичеваго архива, насчитывается 64 селенія, 3.415 хатъ, 12.250 женатыхъ козаковъ и посполъства, кромѣ товарищества; всего 100.000 обоего пола товарищества и посполъства [3]).

---

[1]) Güldenstädt, Reisen d… …urg, 1780 — 1791, II, 110, 111.

[2]) Дашковъ, Сборникъ … …, Москва, 1868, 188.

[3]) Исторія Новой С…

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Шляхи въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Положеніе запорожскихъ земель между Турціею и Крымомъ съ одной стороны и Малороссіей и Великороссіей съ другой и отсюда значеніе запорожскихъ тратковъ; пути рѣчные и пути сухопутные или шляхи; шляхи въ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей; шляхъ Муравскій по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейновъ; свѣдѣнія о немъ по книгѣ большаго чертежа, статейному списку XVII вѣка; разница въ показаніяхъ; примѣненія къ теперешней топографіи; вѣтви Муравскаго шляха — Крымскій, Изюмскій, Брилевый, Желѣзный, Маріупольскій и Сагайдачный. Шляхи по западнымъ окраинамъ запорожскихъ вольностей—Крюковскій, Крымскій, Переволочанскій, Микитинскій, Кызыкерменскій, Черный-Польскій по водораздѣлу между Бугомъ и Днѣстромъ; боковые шляхи Коржевъ, Саксаганскій; шляхи въ югозападной окраинѣ запорожскихъ вольностей — Гардовый, кичевой-высшій, кичевой-низшій. Характеръ мѣстности, по которой тянулись названные шляхи; предметы ввоза и вывоза по шляхамъ.

Земли запорожскихъ козаковъ, занимавшія огромное пространство степей по обоимъ берегамъ Днѣпра, отъ восточной границы польскаго королевства и южной окраины московскаго царства, простиравшіяся до днѣпровскаго лимана и непосредственно прилегавшія къ Азовскому морю, по самому положенію своему находились въ срединѣ между Турціей и Крымомъ съ одной стороны, Польшей, Малороссіей и Великороссіей съ другой. Отсюда понятно, что всѣ пути, тянувшіеся отъ центральныхъ городовъ названныхъ государствъ на югъ къ Черному и отчасти къ Азовскому морю, неминуемо должны были проходить чрезъ владѣнія запорожскихъ козаковъ. Изъ этихъ путей одни шли по Днѣпру и его притокамъ, другіе по степи вдоль и поперекъ ея балокъ и выбалокъ; первые—рѣчные пути, вторые—сухопутные. Главный рѣчной путь начинался отъ верхнихъ границъ запорожскихъ воль-

ностей, выше праваго притока Днѣпра, рѣчки Сухаго или Псел-скаго-Омельника, и лѣваго рѣки Орели, и оканчивался противъ устья праваго же притока Днѣпра, рѣки Буга; это — часть того пути «изъ Варягъ въ Царьградъ», которымъ нѣкогда ходили наши предки, еще будучи язычниками, въ Византію съ торговыми и завоевательными цѣлями на своихъ однодревыхъ ладьяхъ или моноксилахъ. Сухопутные пути составляли такъ называемые шляхи, т. е. большія торныя или битыя дороги, тянувшіяся вдоль и поперекъ запорожскихъ земель. Изъ послѣднихъ самыми извѣстными были Муравскій шляхъ, шедшій по водораздѣлу днѣпровскаго и азово-донскаго бассейна, и Черный, шедшій по водораздѣлу между Бугомъ и Днѣпромъ, съ ихъ боковыми второстепенными вѣтвями.

Муравскій шляхъ, по объясненію однихъ, получилъ свое названіе отъ Моравска, извѣстнаго еще въ XII вѣкѣ города, о которомъ упоминаетъ въ своей исторіи Н. М. Карамзинъ [1]); по объясненію другихъ, отъ города Мураѳы, теперешняго села Мураѳы, харьковской губерніи, богодуховскаго уѣзда [2]); по объясненію третьихъ, наиболѣе вѣроятному, отъ травы муравы, росшей по немъ въ большомъ изобиліи въ лѣтнее время [3]). Муравскій шляхъ— это та широкая дорога, по которой татары врывались въ Московію «Via, quam sequantur tartari intrantes Moscoviam». Первыя болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о направленіи Муравскаго шляха мы находимъ въ книгѣ большого чертежа. По книгѣ большаго чертежа Муравскій шляхъ шелъ изъ глубины Великой Россіи, отъ Тулы «чрезъ засѣку въ Щегловы врата» на Ливны тойже губерніи, мимо Курска, по верховьямъ рѣки Сѣвернаго-Донца, на Болховской буеракъ, мимо Бѣлгорода въ разстояніи 10 верстъ отъ него, отъ Бѣлгорода въ Слободскую Украйну мимо Валокъ въ разстояніи 4 верстъ отъ нихъ; отъ Валокъ круто поворачивалъ вправо; далѣе шелъ черезъ ровъ или «перекопъ» въ три версты длины, выкопанный для защиты пути отъ набѣговъ татаръ; отъ вала тянулся на вершину рѣчки Гомольши, черезъ селеніе Тарановку, по вершинѣ Мокраго-Бишкиня, отсюда до рѣчки Бересто-

[1]) Исторія государства россійскаго, Спб., 1818, 290.

[2]) Спасскій, Книга большого чертежа, Москва, 1846, 216, прим. 6.

[3]) Старчевскій, Справочный энциклопедическій словарь, Спб., 1854, V.

веньки, притока Берестовой, падающей въ Орель и протекающей по теперешнему въ константиноградскомъ уѣздѣ полтавской губерніи; отъ рѣки Орели Муравскій шляхъ вступалъ уже въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ. «Туть поправу Муравской дороги отъ рѣчки Берестовой кладязь: а ѣхати тѣмъ кладяземъ вверхъ Муравскою дорогою до рѣчки Орели верстъ съ 30 и больши. А вверхъ Орели, на Муравской дорогѣ, лѣса Кошъ-Бояракъ. А полѣву отъ рѣчки Чапеля до рѣчки Берекъ до Левкины разсоши верстъ съ 20. А поправу отъ рѣчки Орели до Гнилой-Орели верстъ съ 20; а отъ Гнилой-Орели къ рѣчкѣ къ Торцу верстъ съ 20; а Торецъ полѣву Муравской дороги палъ въ Большой-Торъ ниже Святыхъ горъ, отъ Донца 4 версты. Да отъ Гнилой же Орели до верха рѣчки Терновки верстъ съ 20, а Терновка пала въ Самару. А на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ человѣкъ каменный, а у него кладутъ изъ Бѣлогорода станичники доѣздныя памяти, а другія кладутъ памяти на Самарѣ и у дву дѣвокъ каменныхъ; а отъ каменнаго человѣка до Самары верстъ съ 30. А отъ Самары до Волчьихъ-Водъ верстъ съ 20; а Волчьи-Воды пали въ Самару. А ниже Волчьихъ-Водъ пала въ Самарь рѣка Быкъ, а отъ Волчьихъ-Водъ верстъ съ 10; а межъ Волчьихъ-Водъ и Быка мечеть татарская каменная, саженъ съ 20; а лѣсу съ тѣхъ мѣстъ до Перекопи нѣтъ. А вверхъ по Быку дорога Муравская. А налѣвѣ отъ Волчьихъ-Водъ, вверхъ рѣкѣ Тору, а рѣка Торъ пала въ Донецъ. А отъ Волчьихъ-Водъ и отъ татарскія мечети до Конскихъ-Водъ верстъ со 100 и больши. А въ Конскихъ-Водахъ вода прѣсная; а Конскія-Воды пали въ рѣку въ Московку, а Московка пала въ Днѣпръ противъ острова Томаковки. А отъ Конскихъ-Водъ до Перекопи верстъ со 100 и больши по старому чертежу. А налѣва, съ Муравской дороги, для воды итти ино поворотить отъ Конскихъ-Водъ на Молочныя-Воды, гдѣ кочуютъ нагаи, и въ тѣхъ мѣстехъ для воды копаны кладязи. А отъ Молочныхъ-Водъ до Перекопи верстъ со 100» [1]).

Почти тѣже указанія о Муравскомъ шляхѣ находимъ въ ста-

---

[1]) Книга большого чертежа, Москва, 1846, 18—20. Конскія-Воды падаютъ не въ Московку, а въ Днѣпръ, какъ выше нами было сказано, а противъ устья Московки въ Днѣпрѣ стоитъ не Томаковка, а островъ Хортица.

тейномъ спискѣ московскихъ пословъ, ѣздившихъ въ 1681 году въ Крымъ для заключенія бахчисарайскаго мира съ татарами, стольника В. М. Тяпкина и дьяка Н. М. Зотова. Послы отправились изъ Москвы въ концѣ лѣта 1681 года и ѣхали сперва до Сумъ на такъ называемый Батуринскій шляхъ; отъ Сумъ они свернули на Муравскій шляхъ, «гдѣ было безстрашно и прямѣе до Крыму итить»; пройдя чрезъ Вольный и Богодуховъ пока все еще по вѣтви Муравскаго шляха, послы добрались до города Ольшанки и отсюда уже прямо пошли по Муравскому шляху на Малые-Валки, иначе Новый-Перекопъ, чрезъ земляной валъ, насыпанный въ 1591 году для огражденія Слободской Украйны отъ набѣговъ татаръ, и отсюда добрались сперва до рѣчки Берестовеньки, потомъ до рѣчки Берестовой; здѣсь начиналась граница владѣній запорожскихъ козаковъ. «Пустилися мы въ степь, и шли скоро весь день даже до вершины рѣки Малыя Орели, и пришли на станъ, Орельскія озера, за часъ до вечера, потому-жъ не токмо для посольскихъ проѣздовъ, хотя-бъ и для великихъ походовъ ратныхъ людей, конскими кормами, и водами, и рыбами, и звѣремъ и дровами довольно. Октября въ 9 день съ помянутаго стану шли весь день не кормя коней, и даже до вершины и до озеръ Большіе рѣки Орели, и ночевали надъ озеромъ. А та рѣка Орель идетъ частми подъ землею (т. е. въ камышахъ), а частми вынуряется изъ земли озерами большими, даже до самаго Днѣпра. И той ночи имѣли отъ воровскихъ козаковъ (т. е. бѣглыхъ) и крымскихъ и ногайскихъ татаръ и отъ калмыковъ великое опасеніе. Октября въ 10 день по утру рано отъ Большіе рѣки Орели шли день весь, не кормя-жъ коней для (т. е. по причинѣ) безкормныхъ мѣстъ, потому что степь была вызжена; и пришли поздно ночевать на вершину рѣки Терновки, гдѣ потому-жъ дровъ и конскихъ кормовъ и воды и рыбы много. Октября въ 11 день, ставъ рано, шли весь день для вызженные степные безкормицы. Подлѣ той же рѣки прямо перенимаючись съ гребня на гребень даже до верховья и озеръ рѣки Малые Самары, и пришли на Самару на станъ поздно; гдѣ также были отъ помянутыхъ разбойниковъ зѣло остерегательны и опасны; и всю ночь безъ сна пребывали... Октября въ 12 день пришли на Большую рѣку Самару, и верховьемъ ее переправлялись безовсякіе трудности со всѣмъ обозомъ, и на великихъ озе-

рахъ той рѣки обѣдали, и не дошедши Конскихъ-Водъ, темноты ради нощные, ночевали въ горѣлой степи, только коней овсомъ накормили и запасною въ бочкахъ водою напоили, и ночь всю безо сна пребывали, остерегающеся накрѣпко разбойническаго нападенія. Октября въ 13 день пришли на вершины Конскихъ-Водъ, въ Днѣпръ впадающей, предъ полуднемъ, и за рѣку переправились безо всякіе трудности. Кормили и стояли на тѣхъ водахъ небольшое время для того, что наѣхали тутъ станъ и шляхъ свѣжей конныхъ и пѣшихъ людей, и обозной отъ Запорожья къ Тору или къ Дону въ восемь рядовъ. И опасаясь того, пошли вскорѣ степью прямо, Муравскимъ же шляхомъ» [1]). Здѣсь предѣлы запорожскихъ владѣній кончились, и послы вступили въ татарскія степи, благополучно прибывъ 19 октября въ городъ Перекопъ.

Сравнивая показанія книги большаго чертежа съ показаніемъ статейнаго списка относительно направленія Муравскаго шляха, находимъ въ общемъ сходныя показанія, хотя въ статейномъ спискѣ имѣются большія подробности, нежели въ книгѣ чертежа. Если-же возьмемъ показанія статейнаго списка и провѣримъ ихъ по рукописной картѣ 1778 года азовской и новороссійской губерніи, то увидимъ, во первыхъ, то, что если ѣхать въ Запорожье отъ рѣчки Берестовой, нужно сперва переѣхать рѣчку Богатую, потомъ Большую Орель, затѣмъ Малую Орель или Орельку, тогда какъ въ статейномъ спискѣ говорится, что послы сперва переѣхали Малую Орель, а потомъ Большую Орель. Намъ кажется, что такое перемѣщеніе рѣкъ просто-на-просто ошибка пословъ, которая объясняется тѣмъ, что верховье рѣки Орели раздѣляется на два, почти одинаковой длины, рожка, кои легко было смѣшать и верхній назвать Малой Орелью, а низшій Большою, тогда какъ нужно было назвать наоборотъ. Далѣе, послы прошли на вершину рѣчки Терновки. Эта Терновка есть несомнѣнно Большая Терновка, правый притокъ Самары. Потомъ дошли они до верховья Малой Самары. Такой рѣчки на старыхъ планахъ не показано, и за Малую Самару правдоподобнѣе всего принять самый верхній изъ правыхъ притоковъ Самары, Зеленую, показанную на картѣ 1778 года.

---

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., т. II, отд. II и III, 572—573.

Самое наглядное представленіе о направленіи Муравскаго шляха даетъ карта, представляющая Азовскую и Новороссійскую губерніи и сочиненная въ 1778 году. Хотя на ней въ началѣ, отъ крѣпости Федоровки, и потомъ отъ вершины рѣчки Самары направленіе шляха показано нѣсколько иное противъ показанія статейнаго списка московскихъ пословъ, но все же въ общемъ оно изображено совершенно правильно. На этомъ планѣ шляхъ идетъ отъ крѣпости Федоровки черезъ рѣку Орель, потомъ черезъ лѣвые притоки Орели, Килчинку и Богатую, вдоль лѣваго берега Орели, на встрѣчу ея теченія, черезъ вершину правыхъ притоковъ Самары, Большую-Терновку, Опалиху и Зеленую, вдоль рѣчки Сухого Торца, черезъ рѣчку Казенный Торецъ, черезъ притокъ Тора, Клибинъ-Быкъ, черезъ три рѣчки Лозовыя, притоки Волчьихъ-Водъ, черезъ вершины Янчура и Конскихъ Водъ, вдоль рѣчки Токмака, черезъ Молочныя-Воды, мимо Молочнаго Утлюка, на Гайманъ долину и далѣе въ Перекопъ.

Если мы внимательно всмотримся въ ту же карту, то увидимъ, что Муравскій шляхъ дѣлаетъ въ обходъ огромнѣйшій полукругъ, начинаясь у половины теченія рѣки Орели и оканчиваясь у Перекопа. Отъ чего бы, кажется, не проложить его прямо отъ Орели къ устью и потомъ не взять направленіе прямо вдоль лѣваго берега Днѣпра и далѣе до самаго Перекопа. Вѣдь это была бы, такъ сказать, самая кратчайшая линія между двумя точками. По этому направленію въ болѣе позднее время и протянулся шляхъ Крымскій или Чумацкій. Отвѣтомъ на поставленный вопросъ можетъ служить та-же самая карта, которая наглядно показываетъ намъ, что хотя направленіе Муравскаго шляха отъ Орели на вершины Самары и Конки неизмѣримо длиннѣе направленія отъ Орели прямо къ устью Самары и далѣе вдоль лѣваго берега Днѣпра, но за то онъ удобнѣе тѣмъ, что идетъ ровною степью и между водораздѣлами рѣкъ Орели и Самары съ одной стороны, Конки и Калміуса съ другой, той-же Конки и Токмака съ третьей, слѣдовательно избѣгаетъ лишнихъ переправъ черезъ глубокія рѣки. Тогда какъ путь вдоль лѣваго берега Днѣпра велъ бы съ одной стороны черезъ устья глубокихъ балокъ, падающихъ въ Днѣпръ, въ весеннее время затопляющихся чуть-ли не до половины водой; съ другой стороны черезъ гряды гранитныхъ глыбъ, во многихъ

мѣстахъ обнажающихся у береговъ рѣки Днѣпра и представляющихъ страшныя затрудненія для передвиженія спутниковъ.

Муравскій шляхъ у русскихъ считался «способнѣйшимъ, прямѣйшимъ, гладкимъ и ровнымъ путемъ изъ Руси къ татарамъ»; у запорожскихъ казаковъ онъ именовался «отвѣчнымъ, безкрайнымъ» шляхомъ; объ немъ запорожцы говорили: «лежить гася—простяглася, а якъ устане, то й небо достане». Въ предѣлахъ Запорожья онъ шелъ на протяженіи болѣе 200 верстъ и на этомъ пространствѣ пролегалъ по безлюдной и дикой степи, гдѣ не было ни городовъ, ни селъ, ни хуторовъ, ни заѣзжихъ дворовъ; зато по обѣимъ сторонамъ его въ обильное дождями лѣто росла такая густая и высокая трава, что за ней ни человѣка, ни воловъ не было видно; какъ идетъ бывало чумакъ по шляху, то только й видно отъ него, что «высокая шапка та довгій батигъ»; а кругомъ стоитъ, какъ море, бѣлый ковыль, нагибающійся то въ одну, то въ другую сторону отъ легкаго дуновенія степного вѣтерка; свернетъ возъ съ дороги, такъ и не выплутаетъ изъ густой травы колесъ. Немудрено по этому, что путешественники, слѣдовавшіе изъ Россіи черезъ Запорожье въ Крымъ, останавливались на ночлегъ въ открытой степи и подъ открытымъ небомъ, спускаясь или на склонъ какой-нибудь балки, или на берегъ какой-нибудь рѣки; неудивительно также и то благоразумное опасеніе, съ которымъ путники шли по Муравскому шляху: московскіе послы В. М. Тяпкинъ и Н. М. Зотовъ, повернувъ отъ Сумъ къ Муравскому шляху, взяли съ собой для охраны 600 рейтаръ и козаковъ. Къ этимъ неудобствамъ присоединялось еще и то, что путешественникамъ часто приходилось или идти въ бродъ черезъ встрѣчавшіяся на пути рѣчки, или же самимъ мостить гати и по нимъ переправляться съ одного берега на другой.

Муравскій шляхъ былъ обыкновенной дорогой, по которой татары врывались въ Украйну: «А ходятъ изъ Крыма татаровя по сей лѣвой сторонѣ Днѣпра для того, что сею стороною Днѣпра, межъ городовъ малороссійскихъ, было удобнѣйшее прокормленіе на Муравскіе шляхи, не переходя Днѣпра, на украинскіе города». По Муравскому шляху и запорожскіе козаки не разъ дѣлали набѣги на Крымъ [1]). Въ XVII вѣкѣ, послѣ возведенія городовъ въ Сло-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 15; XII, 101, 102; XIII, 147, 150.

бодской Украйнѣ, татары уже старались избѣгать Муравскаго шляха: «Крымскіе люди Муравскою и Изюмскою соймою противъ крѣпостей не пойдутъ» [1]).

Примѣняя топографическія показанія книги большаго чертежа и статейнаго списка о Муравскомъ шляхѣ къ теперешнимъ мѣстамъ екатеринославской губерніи, видимъ, что онъ дѣйствительно отъ рѣчекъ Берестовеньки и Берестовой доходитъ до рѣки Орели; потомъ Стешинымъ бродомъ идетъ черезъ рѣку Орель въ селѣ Стешиномъ или Черноглазовкѣ, павлоградскаго уѣзда; далѣе отъ Орели на села Попасное [2]), Мураевку, городъ Павлоградъ и къ слободѣ Славянкѣ; отсюда переходитъ въ александровскій уѣздъ и тянется мимо Васюковыхъ могилъ, вдоль рѣчки Каменки, притока рѣчки Берестовой, падающей въ Волчьи-Воды; отъ рѣчки Каменки по балкѣ Злодійской, въ 12 верстахъ отъ слободы Гавриловки; ниже Гавриловки переходитъ черезъ рѣчку Волчьи-Воды, теперь называемую просто Волчьей, близъ села Большой-Михайловки или Дибривки, въ двухъ мѣстахъ: на полторы версты выше слободы и на двѣ версты ниже ея, у хуторовъ Коломійскихъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ по каменистому берегу рѣки; отъ рѣчки Волчьихъ-Водъ онъ тянется къ рѣчкѣ Конскимъ-Водамъ, теперь просто Конкѣ, переходитъ рѣчку у села Конскихъ-Раздоръ [3]) и отсюда за границу запорожскихъ вольностей въ такъ называемую Малую Татарію и до Перекопа. Тутъ онъ шелъ отъ Конскихъ-Раздоръ на Токмакъ; отъ Токмака вправо къ рѣкѣ Молочныя-Воды, на теперешнее село Молочное или Пришибъ, у рѣки Молочныя-Воды; потомъ на село Троицкое; далѣе отъ Молочныхъ-Водъ степью на вершину рѣчки Малаго-Утлюка, гдѣ теперь колонія Эйгенфельдъ; на рѣчку Большой Утлюкъ; на урочище Черный-Колодезь (Кара-кую), нынѣ село днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи Каракуй или Рождественское; на морскіе заливы Гнилыхъ-Водъ, нынѣ село Сарыбулатъ или Новотроицкое, того-же уѣзда; потомъ степью черезъ татарскія, а теперь русскія, селенія

[1]) Акты южной и западной Россіи, X, 414.

[2]) «Переправившись черезъ Орель, чумаки распрягали своихъ воловъ и пускали ихъ пастись въ вольную степь, отсюда мѣсто остановки ихъ прозвалось Попаснымъ».

[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 503.

Когуплы, Анрча, Тугарскъ, Чокракъ и потомъ, выйдя на шляхъ, который шелъ въ Кызыкермень, этимъ шляхомъ въ самый Перекопъ. Такое направленіе Муравскаго шляха показано на «Картѣ почтовой россійской, сочиненной при Московскомъ Почтъ-Амтѣ» [1]), къ сожалѣнію неизвѣстнаго года, но во всякомъ случаѣ конца XVIII вѣка, такъ какъ на ней вмѣсто города Екатеринослава стоитъ городъ Новороссійскъ, существованіе котораго объявлено было указомъ императора Павла Петровича 12 декабря, 1796 года.

Вѣтвь Муравскаго составлялъ Крымскій или Чумацкій шляхъ. Этотъ шляхъ шелъ изъ Полтавы на Ново-Санджары, черезъ рѣку Орель, на рѣчку Кильчень, на крѣпость Самару или Новоселицу, черезъ рѣку Самару, на Песчаную Самару, мимо Старой-Самары, на Чапли, черезъ рѣчку Московку, до крѣпости Александровской, далѣе прямою линіей вдоль лѣваго берега Днѣпра по-надъ Великимъ-Лугомъ, съ сѣвера на югъ по тому направленію, гдѣ въ настоящее время тянется линія лозово-севастопольской желѣзной дороги, на Петропавловку, Зайцево, Славгородъ, Софіевку, устье рѣчки Мокрой-Московки, колонію Шенвизъ, селенія Николаевку, Балабино-Петровское, Кушугумовку, слободу Конскoverодовку или Григорьевку (на планѣ 1778 года гораздо лѣвѣе Конскovода), черезъ рѣчку Конскія-Воды, мимо Царицына Кута, черезъ рѣчки Янчокракъ, Карачокракъ, близъ Васильевки, на Михайловку, сходилъ на Муравскій шляхъ по ниже Молочныхъ-Водъ и далѣе въ Перекопъ [2]).

Съ восточной стороны къ «отвѣчному» Муравскому шляху примыкали два боковыхъ—Изюмскій и Калміусскій, упоминаемые въ книгѣ большого чертежа. Изюмскій шляхъ имѣетъ свое названіе отъ Изюмскаго перевоза на рѣчкѣ Изюму, черезъ которую онъ переходилъ, теперь харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда; Калміусскій шляхъ получилъ свое названіе отъ рѣки Калміуса, падающей въ Азовское море, вершину которой захватывалъ шляхъ, идя къ Перекопу.

Изюмскій шляхъ отдѣлялся отъ Муравскаго противъ вершины рѣки Сейма, отъ Сеймовскихъ кутлубановъ, изъ-подъ Савинскаго-

---

[1]) Эта карта составляетъ собственность автора; но добыта имъ у Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства А. П. Струкова.

[2]) Такъ онъ показанъ на планѣ 1778 года.

Пузанскаго лѣса, теперь староосколькаго уѣзда, курской губерніи, потомъ шелъ черезъ корочанскій уѣздъ той же губерніи; изъ корочанскаго черезъ волчанскій харьковской губерніи и въ южной части послѣдней переходилъ черезъ рѣку Сѣверный Донецъ: «А перевезшися Донецъ итти отъ Сѣвернаго Донца на Муравскую дорогу, а отъ Сѣвернаго Донца до Муравской дороги верстъ съ 40. А выйдетъ на Муравскую дорогу у вверхъ рѣки Орели» [1]).

Калміусскій шляхъ шелъ отъ города Ливенъ на Осколъ, Валуйки, Цареградъ, рѣку Сѣверный Донецъ, Бѣлый Колодезь, теперь село харьковской губерніи, волчанскаго уѣзда; на верховья рѣчекъ Крымки, Міуса или Калміуса, Елкуваты [2]) и рѣчекъ Каламъ [3]), падающихъ въ море; далѣе черезъ рѣчку Караташъ [4]) «и перелѣзши ее», съ Караташа на рѣчку Берлу и на другую Берлу [5]) «подлѣ морскихъ проливъ. А отъ тѣхъ морскихъ проливъ ѣхати къ Молочнымъ-Водамъ. А отъ Молочныхъ-Водъ до Перекопи написано по новой росписи 60, а по старому чертежу, какова мѣра верстамъ положена, и по той мѣрѣ отъ Молочныхъ-Водъ и до Перекопи 120 верстъ. А отъ Молочныхъ-Водъ къ рѣчкѣ Куклюкамъ [6]); а отъ Куклюкъ къ Перекопи». Такъ показано направленіе этого шляха въ книгѣ большого чертежа [7]). Преосвященный Ѳеодосій говоритъ, что Калміусскій шляхъ входилъ въ калміусскую паланку вольностей запорожскихъ козаковъ чрезъ главное урочище Васильково при рѣчкахъ Волчьей и Терсѣ [8]) и у Конскихъ-Водъ сходился съ Муравскимъ шляхомъ.

Изъ другихъ второстепенныхъ боковыхъ шляховъ, пролегавшихъ чрезъ земли вольностей запорожскихъ козаковъ, также сравнительно поздняго происхожденія, извѣстенъ еще—Брилевый, Желѣзный, Маріупольскій и Сагайдачный.

---

[1]) Книга большого чертежа, Москва, 1846, 21—24.

[2]) Неизвѣстная мнѣ рѣчка; вѣроятно, это какой нибудь изъ притоковъ Міуса; можетъ быть, въ этомъ названіи нужно видѣть испорченное слово Раковатая, притокъ Міуса, выше Кальца.

[3]) Каламъ—очевидно Калецъ или Кальчикъ, древняя Ка[illegible]

[4]) Караташъ, теперь Каратышъ притокъ рѣчки Берды.

[5]) Двѣ рѣчки Берлы—очевидно теперешнія рѣки Бе[illegible]

[6]) Рѣчка Куклюкъ—очевидно теперешняя [illegible]

[7]) Книга большого чертежа, Москва, [illegible]

[8]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатериносл[illegible]

Брилевый шляхъ тянулся вдоль протовчанской и орельской паланокъ, въ направленіи отъ сѣверозапада къ юговостоку, въ теперешнемъ новомосковскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, на мѣстечко Петриковку, село Чаплинку, мимо селъ Михайловки, Обуховки, Каменки и Мануйловки. Свое названіе онъ получилъ, по однимъ, отъ «брилей», т.-е. шляпъ, которыя народъ держалъ на палкахъ во время проѣзда императрицы Екатерины II по Новороссіи и тѣмъ привѣтствовалъ ее; по другимъ, отъ «бриликовъ», т.-е. кургановъ, которыми помѣчена была царская дорога и которые такъ густо насыпаны были, что вся дорога похожа была на брили, какъ-бы усѣяна брилями [1]). Первое объясненіе неправдоподобно уже потому, что народъ едва-ли могъ привѣтствовать на этомъ шляху царицу, такъ какъ она ѣхала совсѣмъ другимъ путемъ, по правую сторону Днѣпра, какъ то сказано будетъ ниже. Параллельно Брилевому шляху шелъ еще шляхъ Злодійскій; онъ «пролегалъ прямою стрѣлою» изъ Царичанки на Старую-Самару или Новомосковскъ.

Желѣзный шляхъ составлялъ вѣтвь Чумацкаго: онъ отдѣлялся отъ послѣдняго противъ Кичкаса, шелъ черезъ Александровскъ на села Скелеватое, Лукашеву, Веселогорку, рѣчку Верхнюю-Терсу, слободу Новониколаевку, рѣчку Ганчулъ, у деревни Богодара, вдоль лѣваго берега Волчьей до села Покровскаго и деревни Орестополя-Евещины, при впаденіи рѣчки Вороной въ рѣчку Волчью, вдоль лѣваго берега рѣчки Вороной къ селеніямъ Бѣлозубковкѣ, Терлицыной, Тонкой, или Васильевкѣ, Богатырю и до Ростова на Дону. По сказанію старожиловъ, онъ названъ Желѣзнымъ потому, что по немъ возили желѣзо изъ Екатеринослава на Ростовъ. Какъ кажется, Желѣзный шляхъ иначе назывался еще Донскимъ шляхомъ [2]).

Маріупольскій шляхъ шелъ изъ Новороссійска, т.-е. теперешняго Екатеринослава на Маріуполь, мимо Игрени, рѣчекъ Вороной, Осокоровки—притоковъ Днѣпра, близъ Славгорода, на Ивановку или Глѣбовку, Веселогорку, черезъ рѣчку Верхнюю-Терсу, селенія

---

[1]) Юбилейный екатеринославскій листокъ 1887, 9 мая, 189.

[2]) Новицкій, Степь, Екатеринославъ, 23 марта 1886 года, 185.

Рождественку, Сигоръ, Гуляй-Поле, Федоровку, рѣчку Ганчулъ, Темрюкъ, Никольскую и въ Маріуполь [1]).

Сагайдачный шляхъ, получившій свое названіе отъ извѣстнаго въ южно-русской исторіи гетмана и вмѣстѣ кошеваго атамана Петра Конашевича Сагайдачнаго, водившаго по немъ въ 1618 или въ 1620 году своихъ козаковъ [2]); направленіе его въ точности неизвѣстно: повидимому, онъ составлялъ вѣтвь Муравскаго, шелъ отъ Бѣлгорода черезъ Харьковъ, потомъ предѣлами вольностей запорожскихъ козаковъ и оканчивался у лѣваго берега Днѣпра, противъ островов Хортицы и переправы Кичкаса, гдѣ и теперь существуетъ урочище Сагайдачное.

По западнымъ окраинамъ запорожскихъ вольностей тянулись семь шляховъ: Крюковскій, Крымскій, Переволочанскій, Микитинскій, Кызыкерменскій, Черный-Польскій и Черный-Украинскій.

Крюковскій, называемый въ актахъ южной и западной Россіи, Нижнимъ шляхомъ отъ Сичи на Кодакъ, по сравненію съ тѣмъ, который отъ Кодака шелъ на Самарь и назывался Верхнимъ [3]), шелъ отъ теперешняго Крюкова вдоль праваго берега Днѣпра на села Потоцкую-Каменку, Плахтіивку, черезъ рѣчки Сухой-Омельникъ, Деріевку, Мишуринъ-Рогъ, Днѣпровскую-Каменку, Калужино, Свистуновку, рѣчку Мокрый-Омельникъ, Бородаевку, Глинскъ, Пушкаровку, рѣчки Домоткань и Самоткань, селенія Романково, Каменское, Тритузное, Карнауховку, Тарамское, Сухачевку, Новый-Кодакъ, Подкодацкую-Каменку (теперь Лоцманскую-Каменку), Старый-Кодакъ и въ Каменскомъ ретранжементѣ оканчивался. Такъ направленіе его показано на планѣ 1778 года. Съ праваго берега отъ Каменки онъ, очевидно, переходилъ на лѣвый берегъ Днѣпра и потомъ сходился съ Чумацкимъ или Крымскимъ. По этому шляху въ 1781 году ѣхалъ академикъ Василій Зуевъ; онъ называетъ его «твердой, ровной и чернопещаной дорогой» [4]). Продолженіе Крюковскаго шляха по тому же правому берегу Днѣпра составляла вѣтвь отъ Кичкаса чрезъ балку Канцлерку, рѣчки Верхнюю-

[1]) Геометрическій планъ 1787—1806 г. въ екатеринославской губернской чертежной.

[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 68.

[3]) Акты южной и западной Россіи, V, 274; XIII, 434.

[4]) Путешественныя записки Василія Зуева, Спб., 1787, 241

Хортицу, Томаковку, селеніе Микитино, чрезъ рѣки Чортомлыкъ, Соленую, Базавлукъ, отсюда влѣво въ бывшую Чортомлыцкую, или Подпиленскую Сичь, вправо—на селеніе Грушевку херсонскаго уѣзда, балку Золотую, Нособовку, чрезъ рѣчку Каменку и въ Кызыкермень. По этому шляху въ 1781 году ѣхалъ академикъ Василій Зуевъ и въ 1787 году отъ Ненасытецкаго порога императрица Екатерина II [1]).

Крымскій шляхъ праваго берега Днѣпра начинался отъ Днѣпра противъ Китай-Города и шелъ черезъ рѣчки Домоткань и Самоткань, на зимовники, мимо Романкова, вдоль лѣваго берего Базавлука, съ лѣваго берега на правый рѣки Базавлука, правымъ берегомъ того-же Базавлука, до станціи Степной (Steppe), отсюда Переволочанскимъ шляхомъ протяженіемъ на 25 верстъ, далѣе круто подъ угломъ къ Днѣпру, съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, черезъ притоки Днѣпра Святую-Горькую-Воду (Sweta-Gorka-Woda), Бѣлозерку, черезъ верховье Рогачика и въ Перекопъ. На картѣ «Der Kriegs Operationen am Donn und Dnieper» 1736 года онъ названъ «Дорогой, по которой купцы идутъ прямо въ Крымъ»—«Veg, vo die Kaufleuthe gerade nach der Crim gehen» [2]). Этотъ же самый шляхъ показанъ на планѣ 1778 года въ такомъ направленіи: отъ Крюкова мимо шанца Каменскаго, черезъ Омельникъ Келебердянскій, мимо лѣваго притока Омельника, Лозоватки, черезъ вершину притока той же рѣки, Купьеватой, на вершину рѣчки Желтой, на село Желтое, мимо села Коммисаровки, черезъ вершину рѣчки Саксагани, на Коржевы могилы, черезъ рѣку Базавлукъ, ниже впаденія въ нее Водяной, черезъ притокъ Базавлука, Соленую, почти при устьѣ послѣдней, наконецъ въ запарожскую Сичь на Подпильной.

Переволочанскій шляхъ шелъ изъ Украйны отъ Конотопа на Ромны, Гадячъ, Зиньковъ, Опошню, Великія-Будища, Полтаву, Старые-Санжары, Новые-Санжары, Бѣлики, Кобыляки, Соколки, Кишенку и Переволочну; отъ Переволочны черезъ Днѣпръ въ Запорожье на какіе-то хутора (Cutori), вдоль лѣваго берега

---

[1]) Журналъ высочайшаго путешествія, Москва, 1787.

[2]) Изъ собранія картъ профессора с.-петербургскаго университета Василія Дмитріевича Смирнова.

Омельника, черезъ верховье рѣчки Саксагани, на какую-то Голубову-Лунуту (Holubowa-Lunuta), черезъ рѣку Базавлукъ, къ станціи Степной (Steppe), гдѣ сходился съ Крымскимъ; далѣе, вдоль лѣваго берега Базавлука, черезъ рѣчку Солоную, въ запорожскую Сѣчу на Подпильной, отсюда къ Днѣпру, съ праваго берега на лѣвый рѣки Днѣпра, къ верховью Рогачика и на шляхъ Крымскій [1]). На той-же картѣ этотъ шляхъ названъ «Veg von Perewolotzna nach der Setze, von der Setze nach Crim».

Микитинскій шляхъ составлялъ продолженіе Батуринскаго, шедшаго изъ старой Малороссіи въ Запорожье; онъ начинался у праваго берега Днѣпра, отъ Мишурина-Рога, въ кодацкой паланкѣ запорожскихъ вольностей, и шелъ по направленію отъ сѣвера къ югу на Лиховку, Марьяновку, деревню Марьевку, могилу Балакову и мѣстечко Алферово; далѣе, оставляя вправо село Саксагань, шелъ на Коржевы могилы, теперь у станціи Милорадовки екатерининской желѣзной дороги; отъ Коржевыхъ могилъ, на 8 верстъ ниже деревни Алексѣевки, на хуторъ Бѣлаго, деревню Любимовку Гуляй-Поле, черезъ рѣку Базавлукъ, на село Лошкаревку, черезъ рѣчку Солоную, на хутора Чортомлыцкіе и отсюда въ Микитино или Никополь [2]); изъ Микитина черезъ Днѣпръ у Микитинскаго перевоза, далѣе на рѣчку Конку, мимо верховьевъ Бѣлозерки, на вѣтвь Муравскаго шляха, Крымскій шляхъ лѣваго берега и до Перекопа.

На планѣ 1778 года отъ Крюкова показанъ еще третій шляхъ, самый западный изъ всѣхъ шляховъ, днѣпровскаго правобережья. Онъ идетъ черезъ Каменской шанецъ, черезъ Члоговацкій шанецъ, черезъ вершину рѣчки Ингульца, ниже шанца Самборскаго, на шанецъ Суботинскій, на Новоаджамку, на крѣпость св. Елизаветы, вдоль рѣчекъ Каменоватой Сугаклеи, на шанецъ Черноташлыцкій, вдоль праваго берега рѣки Чорнаго Ташлыка, черезъ рѣчку Фурмановку и рѣчку Мазницу; потомъ съ праваго берега Чорнаго Ташлыка на лѣвый и въ шанецъ Екатерининскій на

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 432.

[2]) Свѣдѣнія доставлены намъ владѣльцемъ деревни Камчатки, верхнеднѣпровскаго уѣзда, Иваномъ Дмитріевичемъ Яковлевымъ.

Бугѣ. Очевидно, этотъ шляхъ явился съ появленіемъ крѣпости св. Елизаветы и Екатерининскаго шанца.

Кызыкерменскій шляхъ начинался также у праваго берега Днѣпра, противъ Кременчуга, и шелъ параллельно Микитинскому, по направленію отъ сѣвера къ югу до Кызыкерменя или теперешняго Берислава, херсонской губерніи; онъ тянулся черезъ селеніе Онуфріевку, Ивановку, Зыбкое, Александровку, Желтое, Курячу-Балку, правымъ берегомъ рѣчки Желтой, селеніе Анновку, черезъ рѣчку Желтую, съ праваго берега ея на лѣвый, на селеніе Недай-Воды, водораздѣломъ рѣкъ Саксагани и Ингульца, на Евстафіевку, Кривой-Рогъ, вдоль праваго берега рѣки Ингульца, на Пономареву, Шестерню [1]), Блакитную, Давыдовъ-Бродъ и отсюда въ Кызыкермень; изъ Кызыкерменя черезъ Днѣпръ и далѣе до Перекопа. По этому шляху возвращалась изъ путешествія по Новороссіи въ 1787 году императрица Екатерина II [2]).

Боковымъ соединительнымъ шляхомъ между Кызыкерменскимъ и Микитинскимъ былъ Коржевъ шляхъ («шляхъ на Коржевы могилы»); онъ начинался отъ села Зыбкаго и шелъ по направленію къ юговостоку на Докторово, надъ вершиной балки Княжіе-Байраки, гдѣ стоялъ такъ называемый Шаровскій трактиръ, на Пальмиру, село Саксагань, Алексѣевку и до Коржевыхъ могилъ, у станціи Милорадовки; здѣсь онъ входилъ въ Микитинскій шляхъ и тянулся по указаннымъ выше мѣстамъ до Микитина [3]). По немъ, видимо, шелъ въ 1648 году изъ Черкасъ на Кодакъ и Микитино Стефанъ Потоцкій, чтобъ захватить Богдана Хмельницкаго и усмирить возстаніе, поднятое имъ противъ поляковъ.

Боковымъ соединительнымъ шляхомъ между Микитинскимъ и Кызыкерменскимъ былъ шляхъ Саксаганскій («шляхъ на Саксагань»); онъ шелъ отъ Алферовки на Саксагань, Ордо-Васильевку, Веселые-Терны, правымъ берегомъ рѣчки Саксагани и на Кривой-Рогъ.

Но самымъ извѣстнымъ и знаменитымъ шляхомъ въ западной окраинѣ запорожскихъ вольностей былъ Черный-Польскій или Шпа-

---

[1]) Зуевъ поясняетъ, что селеніе Шестерня получило свое названіе «по жившему тамъ прежде запорожцу». Записки, 270.

[2]) Журналъ высочайшаго путешествія, Москва, 1787.

[3]) Мартинъ Бѣльскій, Хроника, Санокъ, 1850, II, 1358—1361.

ковъ шляхъ, названный чернымъ отъ лѣса Чернаго, близъ котораго онъ проходилъ, и Шпаковымъ отъ гайдамацкаго ватага Ивана Шпака, умѣвшаго проводить чумацкія валки по немъ [1]); турки называли его, приспособляясь къ русскому произношенію, Чорна-Ислахъ [2]); онъ тянулся изъ глубины Польши, по направленію съ запада на востокъ, отъ Варшавы на Козниokще, Пулавы, Маркушевъ, Люблинъ, Жолкѣевъ, Львовъ, ниже Умани, на Торговицу, черезъ рѣчку Синюху и въ западные предѣлы запорожскихъ вольностей, въ вѣдомство ингульской и бугогардовской паланокъ, на селеніе Журавку, черезъ рѣчки Ольшанку, Кильтень, по-надъ рѣчкою Малою-Высью; отсюда круто поворачивалъ съ сѣвера на югъ и шелъ черезъ Великую-Выську (у Риччи Заннони, у Исленьева—Великую-Высь); надъ вершиною правыхъ рѣчекъ Костоватой и Бобринцемъ; отсюда уклонялся къ югозападу и тянулся водораздѣломъ между лѣвымъ берегомъ Сухого-Ташлыка (у Риччи Заннони, у Исленьева Ташлыка или Конара) или правымъ берегомъ Мертвыхъ-Водъ до самаго устья Сухаго-Ташлыка, далѣе черезъ рѣку Бугъ, и на правомъ берегу Буга соединялся со шляхомъ Керванъ-Іоль, т.-е. Караванной-Дорогой, шедшей отъ Балты къ Бугу [3]).

Черный-Украинскій шляхъ начинался у праваго берега Днѣпра выше рѣки Псла, какъ разъ противъ устья рѣчки Кагамлыка, и тянулся черезъ рѣчку Цыбульникъ, Черный лѣсъ, вершину Ингульца, Ингула, рѣчку Торговицу, вдоль лѣваго берега Синюхи, черезъ рѣчку Черный-Ташлыкъ, къ самому устью Синюхи и черезъ Бугъ на турецкую сторону. Такъ означенъ онъ на картѣ Tartaria minor cum adiacentibus Kiovensi et Belgorodensi guberniis [4]).

Въ югозападной окраинѣ запорожскихъ вольностей пролегали три шляха: Гардовый или Королевскій и два Сичевыхъ шляха къ Сичи на Подпильной. Гардовый шляхъ получилъ свое названіе оттого, что начинался отъ Гарда на Бугѣ; онъ-же носилъ названіе Королевскаго, потому что на немъ польскій король Янъ-Альбрехтъ въ 1489 году одержалъ побѣду надъ татарами и тур-

---

1) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 287.

2) Шермуа, Набѣгъ крымскихъ татаръ, Спб. 1826, 18.

3) Карта Риччи Заннони 1772 и Русскіе тракты Русова. 120.

4) Изъ собранія картъ профессора с.-петербургскаго у

мѣстахъ обнажающихся у береговъ рѣки Днѣпра и представляющихъ страшныя затрудненія для передвиженія спутниковъ.

Муравскій шляхъ у русскихъ считался «способнѣйшимъ, прямѣйшимъ, гладкимъ и ровнымъ путемъ изъ Руси къ татарамъ»; у запорожскихъ казаковъ онъ именовался «отвѣчнымъ, безкрайнымъ» шляхомъ; объ немъ запорожцы говорили: «лежитъ гася—простяглася, а якъ устане, то й небо достане». Въ предѣлахъ Запорожья онъ шелъ на протяженіи болѣе 200 верстъ и на этомъ пространствѣ пролегалъ по безлюдной и дикой степи, гдѣ не было ни городовъ, ни селъ, ни хуторовъ, ни заѣзжихъ дворовъ; зато по обѣимъ сторонамъ его въ обильное дождями лѣто росла такая густая и высокая трава, что за ней ни человѣка, ни воловъ не было видно; какъ идетъ бывало чумакъ по шляху, то только й видно отъ него, что «высокая шапка та довгій батигъ»; а кругомъ стоитъ, какъ море, бѣлый ковыль, нагибающійся то въ одну, то въ другую сторону отъ легкаго дуновенія степного вѣтерка; свернетъ возъ съ дороги, такъ и не выплутаетъ изъ густой травы колесъ. Немудрено по этому, что путешественники, слѣдовавшіе изъ Россіи черезъ Запорожье въ Крымъ, останавливались на ночлегъ въ открытой степи и подъ открытымъ небомъ, спускаясь или на склонъ какой-нибудь балки, или на берегъ какой-нибудь рѣки; неудивительно также и то благоразумное опасеніе, съ которымъ путники шли по Муравскому шляху: московскіе послы В. М. Тяпкинъ и Н. М. Зотовъ, повернувъ отъ Сумъ къ Муравскому шляху, взяли съ собой для охраны 600 рейтаръ и козаковъ. Къ этимъ неудобствамъ присоединялось еще и то, что путешественникамъ часто приходилось или идти въ бродъ черезъ встрѣчавшіяся на пути рѣчки, или же самимъ мостить гати и по нимъ переправляться съ одного берега на другой.

Муравскій шляхъ былъ обыкновенной дорогой, по которой татары врывались въ Украйну: «А ходятъ изъ Крыма татаровя по сей лѣвой сторонѣ Днѣпра для того, что сею стороною Днѣпра, межъ городовъ малороссійскихъ, было удобнѣйшее прокормленіе на Муравскіе шляхи, не переходя Днѣпра, на украинскіе города». По Муравскому шляху и запорожскіе козаки не разъ дѣлали набѣги на Крымъ [1]). Въ XVII вѣкѣ, послѣ возведенія городовъ въ Сло-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XI, 15; XII, 101, 102; XIII, 147, 150.

бодской Украйнѣ, татары уже старались избѣгать Муравскаго шляха: «Крымскіе люди Муравскою и Изюмскою соймою противъ крѣпостей не пойдутъ» [1]).

Примѣняя топографическія показанія книги большаго чертежа и статейнаго списка о Муравскомъ шляхѣ къ теперешнимъ мѣстамъ екатеринославской губерніи, видимъ, что онъ дѣйствительно отъ рѣчекъ Берестовеньки и Берестовой доходитъ до рѣки Орели; потомъ Стешинымъ бродомъ идетъ черезъ рѣку Орель въ селѣ Стешиномъ или Черноглазовкѣ, павлоградскаго уѣзда; далѣе отъ Орели на села Попасное [2]), Мураевку, городъ Павлоградъ и къ слободѣ Славянкѣ; отсюда переходитъ въ александровскій уѣздъ и тянется мимо Васюковыхъ могилъ, вдоль рѣчки Каменки, притока рѣчки Берестовой, падающей въ Волчьи-Воды; отъ рѣчки Каменки по балкѣ Злодійской, въ 12 верстахъ отъ слободы Гавриловки; ниже Гавриловки переходитъ черезъ рѣчку Волчьи-Воды, теперь называемую просто Волчьей, близъ села Большой-Михайловки или Дибривки, въ двухъ мѣстахъ: на полторы версты выше слободы и на двѣ версты ниже ея, у хуторовъ Коломійскихъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ по каменистому берегу рѣки; отъ рѣчки Волчьихъ-Водъ онъ тянется къ рѣчкѣ Конскимъ-Водамъ, теперь просто Конкѣ, переходитъ рѣчку у села Конскихъ-Раздоръ [3]) и отсюда за границу запорожскихъ вольностей въ такъ называемую Малую Татарію и до Перекопа. Тутъ онъ шелъ отъ Конскихъ-Раздоръ на Токмакъ; отъ Токмака вправо къ рѣкѣ Молочныя-Воды, на теперешнее село Молочное или Пришибъ, у рѣки Молочныя-Воды; потомъ на село Троицкое; далѣе отъ Молочныхъ-Водъ степью на вершину рѣчки Малаго-Утлюка, гдѣ теперь колонія Эйгенфельдъ; на рѣчку Большой Утлюкъ; на урочище Черный-Колодезь (Кара-кую), нынѣ село днѣпровскаго уѣзда, таврической губерніи Каракуй или Рождественское; на морскіе заливы Гнилыхъ-Водъ, нынѣ село Сарыбулатъ или Новотроицкое, того-же уѣзда; потомъ степью черезъ татарскія, а теперь русскія, селенія

[1]) Акты южной и западной Россіи, X, 414.

[2]) «Переправившись черезъ Орель, чумаки распрягали своихъ воловъ и пускали ихъ пастись въ вольную степь, отсюда мѣсто остановки ихъ прозвалось Попаснымъ».

[3]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880. I. 503.

Когуплы, Анрча, Тугарскъ, Чокракъ и потомъ, выйдя на шляхъ, который шелъ въ Кызыкермень, этимъ шляхомъ въ самый Перекопъ. Такое направленіе Муравскаго шляха показано на «Картѣ почтовой россійской, сочиненной при Московскомъ Почтъ-Амтѣ» [1]), къ сожалѣнію неизвѣстнаго года, но во всякомъ случаѣ конца XVIII вѣка, такъ какъ на ней вмѣсто города Екатеринослава стоитъ городъ Новороссійскъ, существованіе котораго объявлено было указомъ императора Павла Петровича 12 декабря, 1796 года.

Вѣтвь Муравскаго составлялъ Крымскій или Чумацкій шляхъ. Этотъ шляхъ шелъ изъ Полтавы на Ново-Санджары, черезъ рѣку Орель, на рѣчку Кильчень, на крѣпость Самару или Новоселицу, черезъ рѣку Самару, на Песчаную Самару, мимо Старой-Самары, на Чапли, черезъ рѣчку Московку, до крѣпости Александровской, далѣе прямою линіей вдоль лѣваго берега Днѣпра по-надъ Великимъ-Лугомъ, съ сѣвера на югъ по тому направленію, гдѣ въ настоящее время тянется линія лозово-севастопольской желѣзной дороги, на Петропавловку, Зайцево, Славгородъ, Софіевку, устье рѣчки Мокрой-Московки, колонію Шенвизъ, селенія Николаевку, Балабино-Петровское, Кушугумовку, слободу Консководовку или Григорьевку (на планѣ 1778 года гораздо лѣвѣе Консковода), черезъ рѣчку Конскія-Воды, мимо Царицына Кута, черезъ рѣчки Янчокракъ, Карачокракъ, близъ Васильевки, на Михайловку, сходилъ на Муравскій шляхъ по ниже Молочныхъ-Водъ и далѣе въ Перекопъ [2]).

Съ восточной стороны къ «отвѣчному» Муравскому шляху примыкали два боковыхъ—Изюмскій и Калміусскій, упоминаемые въ книгѣ большого чертежа. Изюмскій шляхъ имѣетъ свое названіе отъ Изюмскаго перевоза на рѣчкѣ Изюму, черезъ которую онъ переходилъ, теперь харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда; Калміусскій шляхъ получилъ свое названіе отъ рѣки Калміуса, падающей въ Азовское море, вершину которой захватывалъ шляхъ, идя къ Перекопу.

Изюмскій шляхъ отдѣлялся отъ Муравскаго противъ вершины рѣки Сейма, отъ Сеймовскихъ кутлубановъ, изъ-подъ Савинскаго-

---

[1]) Эта карта составляетъ собственность автора; но добыта имъ у Екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства А. П. Струкова.

[2]) Такъ онъ показанъ на планѣ 1778 года.

Пузанскаго лѣса, теперь старооскольскаго уѣзда, курской губерніи, потомъ шелъ черезъ корочанскій уѣздъ той же губерніи; изъ корочанскаго черезъ волчанскій харьковской губерніи и въ южной части послѣдней переходилъ черезъ рѣку Сѣверный Донецъ: «А перевезшися Донецъ итти отъ Сѣвернаго Донца на Муравскую дорогу, а отъ Сѣвернаго Донца до Муравской дороги верстъ съ 40. А выйдетъ на Муравскую дорогу у вверхъ рѣки Орели» [1]).

Калміусскій шляхъ шелъ отъ города Ливенъ на Осколъ, Валуйки, Цареградъ, рѣку Сѣверный Донецъ, Бѣлый Колодезь, теперь село харьковской губерніи, волчанскаго уѣзда; на верховья рѣчекъ Крымки, Міуса или Калміуса, Елкуваты [2]) и рѣчекъ Каламъ [3]), падающихъ въ море; далѣе черезъ рѣчку Караташъ [4]) «и перелѣзши ее», съ Караташа на рѣчку Берлу и на другую Берлу [5]) «подлѣ морскихъ проливъ. А отъ тѣхъ морскихъ проливъ ѣхати къ Молочнымъ-Водамъ. А отъ Молочныхъ-Водъ до Перекопи написано по новой росписи 60, а по старому чертежу, какова мѣра верстамъ положена, и по той мѣрѣ отъ Молочныхъ-Водъ и до Перекопи 120 верстъ. А отъ Молочныхъ-Водъ къ рѣчкѣ Куклюкамъ [6]); а отъ Куклюкъ къ Перекопи». Такъ показано направленіе этого шляха въ книгѣ большого чертежа [7]). Преосвященный Ѳеодосій говоритъ, что Калміусскій шляхъ входилъ въ калміусскую паланку вольностей запорожскихъ козаковъ чрезъ главное урочище Васильково при рѣчкахъ Волчьей и Терсѣ [8]) и у Конскихъ-Водъ сходился съ Муравскимъ шляхомъ.

Изъ другихъ второстепенныхъ боковыхъ шляховъ, пролегавшихъ чрезъ земли вольностей запорожскихъ козаковъ, также сравнительно поздняго происхожденія, извѣстенъ еще—Брилевый, Желѣзный, Маріупольскій и Сагайдачный.

---

[1]) Книга большого чертежа, Москва, 1846, 21—24.

[2]) Неизвѣстная мнѣ рѣчка; вѣроятно, это какой нибудь изъ притоковъ Міуса; можетъ быть, въ этомъ названіи нужно видѣть испорченное слово Раковатая, притокъ Міуса, выше Кальца.

[3]) Каламъ—очевидно Калецъ или Кальчикъ, древняя Калка.

[4]) Караташъ, теперь Каратышъ притокъ рѣчки Берды.

[5]) Двѣ рѣчки Берлы—очевидно теперешнія рѣки Берды.

[6]) Рѣчка Куклюкъ—очевидно теперешняя рѣчка Утлюкъ.

[7]) Книга большого чертежа, Москва, 1846, 24—27.

[8]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 503.

Брилевый шляхъ тянулся вдоль протовчанской и орельской паланокъ, въ направленіи отъ сѣверозапада къ юговостоку, въ теперешнемъ новомосковскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, на мѣстечко Петриковку, село Чаплинку, мимо селъ Михайловки, Обуховки, Каменки и Мануйловки. Свое названіе онъ получилъ, по однимъ, отъ «брилей», т.-е. шляпъ, которыя народъ держалъ на палкахъ во время проѣзда императрицы Екатерины II по Новороссіи и тѣмъ привѣтствовалъ ее; по другимъ, отъ «бриликовъ», т.-е. кургановъ, которыми помѣчена была царская дорога и которые такъ густо насыпаны были, что вся дорога похожа была на брили, какъ-бы усѣяна брилями [1]). Первое объясненіе неправдоподобно уже потому, что народъ едва-ли могъ привѣтствовать на этомъ шляху царицу, такъ какъ она ѣхала совсѣмъ другимъ путемъ, по правую сторону Днѣпра, какъ то сказано будетъ ниже. Параллельно Брилевому шляху шелъ еще шляхъ Злодійскій; онъ «пролегалъ прямою стрѣлою» изъ Царичанки на Старую-Самару или Новомосковскъ.

Желѣзный шляхъ составлялъ вѣтвь Чумацкаго: онъ отдѣлялся отъ послѣдняго противъ Кичкаса, шелъ черезъ Александровскъ на села Скелеватое, Лукашеву, Веселогорку, рѣчку Верхнюю-Терсу, слободу Новониколаевку, рѣчку Ганчулъ, у деревни Богодара, вдоль лѣваго берега Волчьей до села Покровскаго и деревни Орестополя-Евещины, при впаденіи рѣчки Вороной въ рѣчку Волчью, вдоль лѣваго берега рѣчки Вороной къ селеніямъ Бѣлозубковкѣ, Терлицыной, Тонкой, или Васильевкѣ, Богатырю и до Ростова на Дону. По сказанію старожиловъ, онъ названъ Желѣзнымъ потому, что по немъ возили желѣзо изъ Екатеринослава на Ростовъ. Какъ кажется, Желѣзный шляхъ иначе назывался еще Донскимъ шляхомъ [2]).

Маріупольскій шляхъ шелъ изъ Новороссійска, т.-е. теперешняго Екатеринослава на Маріуполь, мимо Игрени, рѣчекъ Вороной, Осокоровки—притоковъ Днѣпра, близъ Славгорода, на Ивановку или Глѣбовку, Веселогорку, черезъ рѣчку Верхнюю-Терсу, селенія

---

[1]) Юбилейный екатеринославскій листокъ 1887, 9 мая, 189.

[2]) Новицкій, Степь, Екатеринославъ, 23 марта 1886 года, 185.

Рождественку, Сигоръ, Гуляй-Поле, Федоровку, рѣчку Ганчулъ, Темрюкъ, Никольскую и въ Маріуполь [1]).

Сагайдачный шляхъ, получившій свое названіе отъ извѣстнаго въ южно-русской исторіи гетмана и вмѣстѣ кошеваго атамана Петра Конашевича Сагайдачнаго, водившаго по немъ въ 1618 или въ 1620 году своихъ козаковъ [2]); направленіе его въ точности неизвѣстно: повидимому, онъ составлялъ вѣтвь Муравскаго, шелъ отъ Бѣлгорода черезъ Харьковъ, потомъ предѣлами вольностей запорожскихъ козаковъ и оканчивался у лѣваго берега Днѣпра, противъ острововъ Хортицы и переправы Кичкаса, гдѣ и теперь существуетъ урочище Сагайдачное.

По западнымъ окраинамъ запорожскихъ вольностей тянулись семь шляховъ: Крюковскій, Крымскій, Переволочанскій, Микитинскій, Кызыкерменскій, Черный-Польскій и Черный-Украинскій.

Крюковскій, называемый въ актахъ южной и западной Россіи, Нижнимъ шляхомъ отъ Сичи на Кодакъ, по сравненію съ тѣмъ, который отъ Кодака шелъ на Самарь и назывался Верхнимъ [3]), шелъ отъ теперешняго Крюкова вдоль праваго берега Днѣпра на села Потоцкую-Каменку, Плахтіивку, черезъ рѣчки Сухой-Омельникъ, Деріевку, Мишуринъ-Рогъ, Днѣпровскую-Каменку, Калужино, Свистуновку, рѣчку Мокрый-Омельникъ, Бородаевку, Глинскъ, Пушкаровку, рѣчки Домоткань и Самоткань, селенія Романково, Каменское, Тритузное, Карнауховку, Тарамское, Сухачевку, Новый-Кодакъ, Подкодацкую-Каменку (теперь Лоцманскую-Каменку), Старый-Кодакъ и въ Каменскомъ ретранжементѣ оканчивался. Такъ направленіе его показано на планѣ 1778 года. Съ праваго берега отъ Каменки онъ, очевидно, переходилъ на лѣвый берегъ Днѣпра и потомъ сходился съ Чумацкимъ или Крымскимъ. По этому шляху въ 1781 году ѣхалъ академикъ Василій Зуевъ; онъ называетъ его «твердой, ровной и чернопещаной дорогой» [4]). Продолже Крюковскаго шляха по тому же правому берегу Днѣпра со ляла вѣтвь отъ Кичкаса чрезъ балку Канцлерку, рѣчки Верх

1) Геометрическій планъ 1787—1806 г. въ екатеринославской губе чертежной.

2) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожск 852, 6

3) Акты южной и западной Россіи, V, 274;

4) Путешественныя записки Василія Зуева,

Хортицу, Томаковку, селеніе Микитино, чрезъ рѣки Чортомлыкъ, Соленую, Базавлукъ, отсюда влѣво въ бывшую Чортомлыцкую, или Подпиленскую Сичь, вправо—на селеніе Грушевку херсонскаго уѣзда, балку Золотую, Носоковку, чрезъ рѣчку Каменку и въ Кызыкермень. По этому шляху въ 1781 году ѣхалъ академикъ Василій Зуевъ и въ 1787 году отъ Ненасытецкаго порога императрица Екатерина II [1]).

Крымскій шляхъ праваго берега Днѣпра начинался отъ Днѣпра противъ Китай-Города и шелъ черезъ рѣчки Домоткань и Самоткань, на зимовники, мимо Романкова, вдоль лѣваго берего Базавлука, съ лѣваго берега на правый рѣки Базавлука, правымъ берегомъ того-же Базавлука, до станціи Степной (Steppe), отсюда Переволочанскимъ шляхомъ протяженіемъ на 25 верстъ, далѣе круто подъ угломъ къ Днѣпру, съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, черезъ притоки Днѣпра Святую-Горькую-Воду (Sweta-Gorka-Woda), Бѣлозерку, черезъ верховье Рогачика и въ Перекопъ. На картѣ «Der Kriegs Operationen am Donn und Dnieper» 1736 года онъ названъ «Дорогой, по которой купцы идутъ прямо въ Крымъ»—«Veg, vo die Kaufleuthe gerade nach der Crim gehen» [2]). Этотъ же самый шляхъ показанъ на планѣ 1778 года въ такомъ направленіи: отъ Крюкова мимо шанца Каменскаго, черезъ Омельникъ Келебердянскій, мимо лѣваго притока Омельника, Лозоватки, черезъ вершину притока той же рѣки, Купьеватой, на вершину рѣчки Желтой, на село Желтое, мимо села Коммисаровки, черезъ вершину рѣчки Саксагани, на Коржевы могилы, черезъ рѣку Базавлукъ, ниже впаденія въ нее Водяной, черезъ притокъ Базавлука, Соленую, почти при устьѣ послѣдней, наконецъ въ запорожскую Сичь на Подпильной.

Переволочанскій шляхъ шелъ изъ Украйны отъ Конотопа на Ромны, Гадячъ, Зиньковъ, Опошню, Великія-Будища, Полтаву, Старые-Санжары, Новые-Санжары, Бѣлики, Кобыляки, Соколки, Кишенку и Переволочну; отъ Переволочны черезъ Днѣпръ въ Запорожье на какіе-то хутора (Cutori), вдоль лѣваго берега

---

[1]) Журналъ высочайшаго путешествія, Москва, 1787.

[2]) Изъ собранія картъ профессора с.-петербургскаго университета Ва-я Дмитріевича Смирнова.

Омельника, черезъ верховье рѣчки Саксагани, на какую-то Голубову-Лунуту (Holubowa-Lunuta), черезъ рѣку Базавлукъ, къ станціи Степной (Steppe), гдѣ сходился съ Крымскимъ; далѣе. вдоль лѣваго берега Базавлука, черезъ рѣчку Солоную, въ запорожскую Сѣчу на Подпильной, отсюда къ Днѣпру, съ праваго берега на лѣвый рѣки Днѣпра, къ верховью Рогачика и на шляхъ Крымскій [1]). На той-же картѣ этотъ шляхъ названъ «Veg von Perewolotzna nach der Setze, von der Setze nach Crim».

Микитинскій шляхъ составлялъ продолженіе Батуринскаго, шедшаго изъ старой Малороссіи въ Запорожье; онъ начинался у праваго берега Днѣпра, отъ Мишурина-Рога, въ кодацкой паланкѣ запорожскихъ вольностей, и шелъ по направленію отъ сѣвера къ югу на Лиховку, Марьяновку, деревню Марьевку, могилу Балакову и мѣстечко Алферово; далѣе, оставляя вправо село Саксагань, шелъ на Коржевы могилы, теперь у станціи Милорадовки екатерининской желѣзной дороги; отъ Коржевыхъ могилъ, на 8 верстъ ниже деревни Алексѣевки, на хуторъ Бѣлаго, деревню Любимовку Гуляй-Поле, черезъ рѣку Базавлукъ, на село Лошкаревку, черезъ рѣчку Солоную, на хутора Чортомлыцкіе и отсюда въ Микитино или Никополь [2]); изъ Микитина черезъ Днѣпръ у Микитинскаго перевоза, далѣе на рѣчку Конку, мимо верховьевъ Бѣлозерки, на вѣтвь Муравскаго шляха, Крымскій шляхъ лѣваго берега и до Перекопа.

На планѣ 1778 года отъ Крюкова показанъ еще третій шляхъ, самый западный изъ всѣхъ шляховъ, днѣпровскаго правобережья. Онъ идетъ черезъ Каменской шанецъ, черезъ Члоговацкій шанецъ, черезъ вершину рѣчки Ингульца, ниже шанца Самборскаго, на шанецъ Суботинскій, на Новоаджамку, на крѣпость св. Елизаветы, вдоль рѣчекъ Каменоватой Сугаклеи, на шанецъ Черноташлыцкій, вдоль праваго берега рѣки Чорнаго Ташлыка, черезъ рѣчку Фурмановку и рѣчку Мазницу; потомъ съ праваго берега Чорнаго Ташлыка на лѣвый и въ шанецъ Екатерининскій на

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 432.

[2]) Свѣдѣнія доставлены намъ владѣльцемъ деревни Камчатки, верхнеднѣпровскаго уѣзда, Иваномъ Дмитріевичемъ Яковлевымъ.

Бугѣ. Очевидно, этотъ шляхъ явился съ появленіемъ крѣпости св. Елизаветы и Екатерининскаго шанца.

Кызыкерменскій шляхъ начинался также у праваго берега Днѣпра, противъ Кременчуга, и шелъ параллельно Микитинскому, по направленію отъ сѣвера къ югу до Кызыкерменя или теперешняго Берислава, херсонской губерніи; онъ тянулся черезъ селеніе Онуфріевку, Ивановку, Зыбкое, Александровку, Желтое, Курячу-Балку, правымъ берегомъ рѣчки Желтой, селеніе Анновку, черезъ рѣчку Желтую, съ праваго берега ея на лѣвый, на селеніе Недай-Воды, водораздѣломъ рѣкъ Саксагани и Ингульца, на Евстафіевку, Кривой-Рогъ, вдоль праваго берега рѣки Ингульца, на Пономареву, Шестерню [1]), Блакитную, Давыдовъ-Бродъ и отсюда въ Кызыкермень; изъ Кызыкерменя черезъ Днѣпръ и далѣе до Перекопа. По этому шляху возвращалась изъ путешествія по Новороссіи въ 1787 году императрица Екатерина II [2]).

Боковымъ соединительнымъ шляхомъ между Кызыкерменскимъ и Микитинскимъ былъ Коржевъ шляхъ («шляхъ на Коржевы могилы»); онъ начинался отъ села Зыбкаго и шелъ по направленію къ юговостоку на Докторово, надъ вершиной балки Княжіе-Байраки, гдѣ стоялъ такъ называемый Шаровскій трактиръ, на Пальмиру, село Саксагань, Алексѣевку и до Коржевыхъ могилъ, у станціи Милорадовки; здѣсь онъ входилъ въ Микитинскій шляхъ и тянулся по указаннымъ выше мѣстамъ до Микитина [3]). По немъ, видимо, шелъ въ 1648 году изъ Черкасъ на Кодакъ и Микитино Стефанъ Потоцкій, чтобъ захватить Богдана Хмельницкаго и усмирить возстаніе, поднятое имъ противъ поляковъ.

Боковымъ соединительнымъ шляхомъ между Микитинскимъ и Кызыкерменскимъ былъ шляхъ Саксаганскій («шляхъ на Саксагань»); онъ шелъ отъ Алферовки на Саксагань, Ордо-Васильевку, Веселые-Терны, правымъ берегомъ рѣчки Саксагани и на Кривой-Рогъ.

Но самымъ извѣстнымъ и знаменитымъ шляхомъ въ западной окраинѣ запорожскихъ вольностей былъ Черный-Польскій или Шпа-

---

[1]) Зуевъ поясняетъ, что селеніе Шестерня получило свое названіе «пожившему тамъ прежде запорожцу». Записки, 270.

[2]) Журналъ высочайшаго путешествія, Москва, 1787.

[3]) Мартинъ Бѣльскій, Хроника, Санокъ, 1850, II, 1358—1361.

ковъ шляхъ, названный чернымъ отъ лѣса Чернаго, близъ котораго онъ проходилъ, и Шпаковымъ отъ гайдамацкаго ватага Ивана Шпака, умѣвшаго проводить чумацкія валки по немъ [1]); турки называли его, приспособляясь къ русскому произношенію, Чорна-Ислахъ [2]); онъ тянулся изъ глубины Польши, по направленію съ запада на востокъ, отъ Варшавы на Козницe, Пулавы, Маркушевъ, Люблинъ, Жолкѣевъ, Львовъ, ниже Умани, на Торговицу, черезъ рѣчку Синюху и въ западные предѣлы запорожскихъ вольностей, въ вѣдомство ингульской и бугогардовской паланокъ, на селеніе Журавку, черезъ рѣчки Ольшанку, Кильтень, по-надъ рѣчкою Малою-Высью; отсюда круто поворачивалъ съ сѣвера на югъ и шелъ черезъ Великую-Выську (у Риччи Заннони, у Исленьева—Великую-Высь); надъ вершиною правыхъ рѣчекъ Костоватой и Бобринцемъ; отсюда уклонялся къ югозападу и тянулся водораздѣломъ между лѣвымъ берегомъ Сухого-Ташлыка (у Риччи Заннони, у Исленьева Ташлыка или Конара) или правымъ берегомъ Мертвыхъ-Водъ до самаго устья Сухаго-Ташлыка, далѣе черезъ рѣку Бугъ, и на правомъ берегу Буга соединялся со шляхомъ Керванъ-Іоль, т.-е. Караванной-Дорогой, шедшей отъ Балты къ Бугу [3]).

Черный-Украинскій шляхъ начинался у праваго берега Днѣпра выше рѣки Псла, какъ разъ противъ устья рѣчки Кагамлыка, и тянулся черезъ рѣчку Цыбульникъ, Черный лѣсъ, вершину Ингульца, Ингула, рѣчку Торговицу, вдоль лѣваго берега Синюхи, черезъ рѣчку Черный-Ташлыкъ, къ самому устью Синюхи и черезъ Бугъ на турецкую сторону. Такъ означенъ онъ на картѣ Tartaria minor cum adiacentibus Kiovensi et Belgorodensi guberniis [4]).

Въ югозападной окраинѣ запорожскихъ вольностей пролегали три шляха: Гардовый или Королевскій и два Сичевыхъ шляха къ Сичи на Подпильной. Гардовый шляхъ получилъ свое названіе оттого, что начинался отъ Гарда на Бугѣ; онъ-же носилъ названіе Королевскаго, потому что на немъ польскій король Янъ-Альбрехтъ въ 1489 году одержалъ побѣду надъ татарами и тур-

---

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 287.

[2]) Шермуа, Набѣгъ крымскихъ татаръ, Спб. 1826, 18.

[3]) Карта Риччи Заннони 1772 и Русскіе тракты Русова, 120.

[4]) Изъ собранія картъ профессора с.-петербургскаго унив. В. Д. Смирнов

ками [1]). Онъ шелъ на протяженіи 300 верстъ и отличался замѣчательною прямизной; направленіе его отъ Буга черезъ рѣчки—Гарбузинку, Мертвыя-Воды, Солоную—притоки Чернаго или Великаго-Еланца, Елань, Ингулъ, Добрую и Висунь—притоки Ингульца, Ингулецъ, Давыдовъ-Бродъ, городъ Кызыкермень и къ устью рѣчки Каменки, гдѣ была у запорожскихъ козаковъ Каменская Сича [2]). Теперь этотъ шляхъ уже болѣе 30 лѣтъ совсѣмъ не существуетъ [3]).

Сичевой шляхъ низшій («низшій трактъ») шелъ также отъ Гарда черезъ рѣчки Малый-Ташлыкъ, Мертвыя-Воды, селеніе Бѣлоновку, рѣчки Великій или Черный-Еланецъ, Мокрый-Еланецъ, Сухой-Еланецъ, Куцый-Еланецъ, рѣку Ингулъ, селеніе Балацково (татарское слово «булакъ»—родникъ), отстоящее на десять миль отъ Гарда, рѣчки Добрую, Висунь, Ингулъ, Каменку, Базавлукъ, и въ Сичь на рѣкѣ Подпильной [4]).

Сичевой шляхъ высшій («высшій трактъ») шелъ отъ того-же Гарда мимо рѣчекъ Малаго-Ташлыка, Гарбузинки, Камышеватой, Костоватой, Сугаклеи, Ингула, Висуни, Боковой, Ингульца, Саксагани, Каменки, Базавлука и въ Сичу; на этомъ шляху поперекъ пути была одна только рѣчка Боковая, которую приходилось путникамъ переѣзжать въ бродъ.

Между послѣдними трактами по рѣчкамъ Ингульцу, Саксагани, Ингулу до Балацкаго разбросаны были запорожскіе зимовники, а ниже Балацкаго не было никакихъ зимовниковъ; только въ лѣтнее время, когда запорожцы садились по-надъ Днѣпромъ и Бугомъ до самаго лимана для рыбныхъ ловель и звѣриныхъ уходовъ, только тогда появлялись здѣсь временныя запорожскія жилища; съ турецкой же стороны по всѣмъ мѣстамъ отъ Сичи до Гарда, между Днѣпромъ, Бугомъ и лиманомъ, вовсе не было никакихъ селеній на всемъ пространствѣ этихъ двухъ трактовъ и на далекомъ разстояніи около нихъ была одна дикая степь; лѣсовъ здѣсь не было,

---

[1]) Өедоръ Карловичъ Брунъ, Черноморье, Одесса, 1879, I, 156.

[2]) Геометрическая карта де-Боксета. Объяснительная карта 1772—1774 года Ястребова.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 8, 78.

[4]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 75.

кромѣ лѣса на Громоклеѣ, впадающей въ Ингулъ, выше Балцкаго, гдѣ былъ лѣсной байракъ около мили въ длину, да на рѣкѣ Ингульцѣ, около Балацкаго и у рѣки Буга, въ видѣ малыхъ терновниковъ и чащъ. Польское купечество шло въ Гардъ черезъ Архангельскъ, Цыбулевъ и другіе русскіе города и поселенія; изъ Гарда оно продолжало путь въ Сѣчь или въ Очаковъ: въ послѣднемъ случаѣ купцы переправлялись черезъ Бугъ выше Гарда около версты; въ этомъ мѣстѣ перевоза стояла запорожская застава изъ 80 человѣкъ съ особымъ полковникомъ во главѣ, безъ вѣдома котораго никто не смѣлъ ни переѣзжать изъ земель запорожскихъ козаковъ на турецкую сторону, ни изъ земель турецкихъ на запорожскую сторону [1]); для полной безопасности проѣзжавшихъ по землямъ запорожскихъ вольностей пограничными полковниками давался особый знакъ, будзыганъ, который путешественники обязаны были хранить во время ихъ поѣздки и предъявлять по требованію запорожскому товариству или кому-либо изъ его старшинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Переправы и броды въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ. Переправы и броды черезъ рѣку Днѣпръ: кременчуцкій, мишуриногорскій, романковская, кодацкая, будилово-таволжанская, кичкасская, микитинская; переправы при рѣчкахъ Бѣловеркѣ, Рогачикѣ и Каирахъ, носоковская, каменская, таванская, козацко-каменская, бургунская, тягинская, высшій перевозъ, веревчина, бѣловерская; переправы и броды черезъ Бугъ: витовтовъ, ниже устья рѣки Синюхи, мигійскій, песчаный, гардовый, кременчугскій, чартайскій, овечій, соколанскій, синюхинъ; переправы и броды на рѣкѣ Ингулѣ, Мертвоводѣ, Гарбузинкѣ, Ингульцѣ, Каменкѣ, Бешкѣ; черезъ рѣки Орель, Самару, Волчью; самый способъ переправы по описанію Боплана и Герберштейна.

Путешественники, купцы и торговцы, проѣзжавшіе чрезъ земли запорожскихъ козаковъ по прямымъ и боковымъ шляхамъ, неминуемо встрѣчались съ большими и малыми рѣками и неминуемо должны были или переѣзжать ихъ въ бродъ, при незначительной водѣ, или переправляться на паромахъ, лодкахъ и плотахъ при значительной водѣ, особенно въ рѣкѣ Днѣпрѣ; въ послѣднемъ случаѣ съ проѣзжавшихъ запорожцы взимали плату, составлявшую главнѣйшій источникъ войсковыхъ доходовъ [1]). Для свободнаго и безпрепятственнаго перевоза черезъ всѣ переправы на запорожскихъ рѣкахъ проѣзжавшіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны были брать «память» отъ кошевого атамана [2]). Изъ всѣхъ переправъ и бродовъ историческую извѣстность пріобрѣли у запорожскихъ козаковъ слѣдующіе броды черезъ рѣку Днѣпръ. Кременчуцкій бродъ, у Михалона Литвина переправа у Карменчика [3]) съ одного берега Днѣпра на другой; черезъ этотъ бродъ часто

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 21.

[2]) Акты южной и западной Россіи, VI, 197.

[3]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова, Москва, 1854, кн. II, 64.

переправлялись татары въ Малую Россію и Польшу для грабежа и увода въ плѣнъ жителей; чаще всего это дѣлалось тогда, когда на островѣ Кохаромъ не было сторожевыхъ козаковъ; когда-же на островѣ Кохаромъ собирались козаки, то татары не смѣли переправляться черезъ Кременчуцкій бродъ [1]. Переправы противъ Успска и Гербедеева врога (оврага), названныя у Михалона Литвина, но теперь неизвѣстныя [2]. Мишуринорогская переправа; она была на пути изъ Малороссіи въ Запорожье по такъ называемому Чумацкому шляху изъ крѣпости Переволочной черезъ Днѣпръ къ крѣпости Мишурину-Рогу, извѣстна была въ 1673 году малороссійскому гетману Ивану Самойловичу [3]; но пожалована запорожцамъ въ 1687 году, 12 сентября [4] и уже съ 1690 года считалась у запорожскихъ козаковъ одною изъ главнѣйшихъ переправъ; въ свое время она доставляла запорожцамъ 12.000 рублей ежегоднаго сбора [5]. Объ ней упоминаютъ тотъ-же Михалонъ Литвинъ («переправа у Массури») въ XVI вѣкѣ и малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко, подъ 1695 годомъ: въ то время русскій царь Петръ I предпринялъ походъ на турецкій городъ Азовъ; въ этомъ походѣ царю долженъ былъ помогать малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа. Мазепа долженъ былъ двинуться, вмѣстѣ съ бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, на турецкій городъ Кызыкермень; 17 мая онъ вышелъ изъ Батурина, потомъ, добравшись до Днѣпра и простоявъ здѣсь, за неимѣніемъ лодокъ, нѣсколько недѣль, переправился выше Переволочной противъ Мишурина-Рога [6]. Въ 1709 году, близъ Мишурина-Рога, у Переволочны переправились черезъ Днѣпръ шведскій король Карлъ XII и малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа, послѣ несчастнаго для нихъ полтавскаго боя [7]. Романковская, противъ острова Великаго и села Романкова: «Здѣсь Днѣпръ течетъ свободно: острова не задерживаютъ его, и татары смѣло переправляются черезъ него

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 330.
[2]) Архивъ историко-юридич. свѣд. Калачов
[3]) Акты южной и западной Россіи, XI, 13
[4]) Собраніе государств. грамотъ, Москва, 1
[5]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москв
[6]) Самоилъ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 18
[7]) Эварницкій, Исторія [illegible] въ, III,

въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засадъ, расположенныхъ выше острова [1])». Кодацкая переправа, противъ селенія Новаго-Кодака, выше города Екатеринослава, здѣсь берега Днѣпра съ обѣихъ сторонъ отлогіе, песчаные и потому переправа считалась удобною: до 1780 года черезъ нее шли обозы, отправлявшіеся изъ Малороссіи на Донъ за рыбой. Будиловоталожанская, между Будиловскимъ и Таволжанскимъ порогами. «Въ этомъ мѣстѣ Днѣпръ не развѣтвляется и не очень широкъ. Тамъ мы видѣли большое число маленькихъ татарскихъ лодокъ изъ плетенаго хвороста, обтянутыхъ кожею [2])». На картахъ XVIII вѣка Будиловотаволжанская переправа называется великой переправой [3]). Кичкасская переправа, ниже днѣпровскихъ пороговъ, противъ теперешней колоніи Кичкасъ-Эйнлаге, выше острова Хортицы. Кичкасская переправа извѣстна была еще греческому императору Константину Багрянородному (905—959) подъ именемъ Крарійскаго перевоза, каковое названіе профессоръ Брунъ сближаетъ съ армянскимъ словомъ K'areres face de rocher, такъ-же точно какъ и наименованіе Кичкасъ съ именемъ армянскаго князя Kiskasés, современника Константина Багрянороднаго [4]). Оріенталистъ Д. Никольскій возводитъ слово Кичкасъ къ турецко-татарскому корню «kör» или съ удвоеніемъ «köч-коч» что значитъ «проходи, иди прочь»; въ переносномъ смыслѣ «köч-köч» означаетъ мѣсто, откуда начинается переходъ или переправа [5]). Такое объясненіе имѣетъ за собой то вѣроятіе, что въ актахъ XVII вѣка Кичкасъ большею частью называется Кучкасомъ [6]). «Они (русскіе) доходятъ до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ перевозятся херсониты изъ Россіи и печенѣги въ Херсонъ. Перевозъ этотъ шириною съ гипподроміонъ [7]), а высота берега, усматриваемая снизу, такова, что

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 24.

[2]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1852, 29.

[3]) Typus generalis Ukrainae, въ библіотекѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

[4]) Ѳ. К. Брунъ, Черноморье, II, 288. и 303

[5]) Южный Край, 1891 года, 31 января.

[6]) Акты южной и западной Россіи, XIII, 92, 123 202.

[7]) Т.-е. 608 русскихъ футовъ, или между $^1/_3$ и $^1/_4$ версты.

только доступна глазомѣру и удару стрѣлы [1])». Кичкасская переправа извѣстна была Михалону Литвину въ XVI вѣкѣ подъ именемъ Кочкоса, далѣе посланнику германскаго императора Эриху Ласотѣ въ 1594 году: «Здѣсь была также татарская переправа. Берега Днѣпра, который тутъ не широкъ, скалисты и весьма высоки, особенно съ лѣвой стороны его [2])». Вслѣдъ за Ласотой она извѣстна была Боплану и московскимъ людямъ въ XVII вѣкѣ. «Въ сихъ мѣстахъ (отъ острова Кашеварницы до Кичкаса) берега рѣки очень высоки; Днѣпръ течетъ свободно, не пересѣкаясь островами, узкая постель его болѣе съуживается къ югу. Здѣсь, по моему мнѣнію, ширина Днѣпра есть самая меньшая: я видѣлъ, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой и какъ стрѣлы ихъ падали на сто шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу, ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ, берега его удобоприступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ [3])». «Они — татары — перелазятъ Днѣпръ ниже Кодака, на урочищѣ Кучкасѣ», доносили посланцы кошеваго атамана въ Москвѣ въ 1672 году [4]). Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка извѣстный академикъ Лербергъ, лично изслѣдовавшій порожистую часть Днѣпра, о Кичкасской переправѣ писалъ почти тоже, что и Бопланъ. «Въ четырехъ верстахъ оттуда (отъ острова Вербоваго) берега рѣки Днѣпра довольно скоро сходятся между собою на разстояніи 300 саженей. Въ этой ширинѣ Днѣпръ течетъ полторы версты на юговостокъ, а потомъ, стѣсняясь еще болѣе поворачивается вдругъ на юго-западъ. Отъ сего правый берегъ превращается въ довольно большой мысъ, называемый Кичкасъ. Здѣсь самый большой и лучшій переходъ для татаръ, поелику въ этомъ мѣстѣ проливъ не шире 150 шаговъ, берега его не круты и земля открыта» [5]). На картахъ XVIII вѣка Кичкасская пере-

---

[1]) De administrando imperio, 286.

[2]) Архивъ Калачова, Москва, 1854, I[illegible], Одесса, 1873, 30.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, 1832, [illegible]

[4]) Акты южной и западной Россіи, X[illegible]

[5]) Лербергъ, Изслѣдованія. Спб., 1819, [illegible]

права называется великой переправой[1]). Ниже Кичкасской переправы въ XVIII вѣкѣ имѣлась въ Днѣпрѣ какая-то отмель, Вильяинская, «безвредная для судовъ, потому что она состоитъ изъ песку, а не изъ каменьевъ»[2]). Микитинская или Каменнозатонская переправа, знаменитая у запорожцевъ, извѣстная русскимъ, полякамъ, татарамъ и туркамъ, противъ бывшей Сичи Микитинской, теперь мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда, и Каменнаго-Затона, таврической губерніи, мелитопольскаго уѣзда. «Микитинская переправа при самомъ Каменномъ-Затонѣ, откуда черезъ Днѣпръ отъ запорожцевъ всегда бываетъ перевозъ и называется Никитинскій. У Никитинскаго перевоза изрядная деревянная церковь и до 20 жилыхъ запорожскихъ избъ составляютъ слободку; перевозятъ въ полую воду сперва на островъ, а переѣхавъ его, опять водою на берегъ; а лѣтомъ съ того самаго острова къ Никитину въ бродъ дорога бываетъ. За перевозъ сбирали съ ѣдущихъ въ Крымъ и изъ Крыма съ пароволовьяго возу по 60, а съ дву паръ по 1 рублю по 20 копѣекъ»[3]). Эта переправа извѣстна была еще въ 1594 году и германскому посланнику Эриху Ласотѣ. «Мы прошли мимо Каменнаго-Затона или залива Днѣпра, тоже на татарской сторонѣ, съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ»[4]). По изслѣдованію Л. Падалки, Каменный-Затонъ находится ниже мѣстечка Никополя (екатеринославскаго уѣзда) и выше селъ Каменки и Большой Знаменки (таврической губерніи) и представляетъ собой заливъ изъ Днѣпра, сперва болѣе узкій, а потомъ отъ 200 до 300 саженъ расширяющійся и почти на 2 версты удаляющійся отъ лѣваго берега Днѣпра въ песчаныя кучугуры. Заливъ течетъ въ каменистыхъ берегахъ, потому и называется Каменнымъ-Затономъ. Отъ Каменнаго-Затона прямой путь по рѣкѣ Конкѣ, маленькой рѣчкѣ Бѣлозеркѣ въ Бѣлое озеро, у одного конца котораго стоитъ село Каменка, а у другаго Большая-Знаменка, таврической губерніи,

[1]) Typus generalis Ukrainae, въ библіотекѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

[2]) Зуевъ, Путешественныя записки, Спб., 1787, 259.

[3]) Писано въ 1774 году: Записки одес. общ. ист. и др. VII, 175.

[4]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 51.

мелитопольскаго уѣзда [1]). О Каменнозатонской переправѣ или Каменскомъ перевозѣ знали и московскіе люди въ 1667 году: «А лошади де посольскіе—посла Евфима Лодыжинскаго—послали вверхъ по Днѣпру къ Каменскому перевозу, а отъ Сѣчи де до Каменскаго перевозу верстъ съ семь» [2]). На картѣ запорожскихъ урочищъ, означенныхъ по лѣвому берегу Днѣпра, противъ мѣстечка Никитина, Каменный-Затонъ и лежащее близъ него Бѣлозерское городище названо урочищемъ Святымъ [3]). На картѣ Риччи Занони выше Каменнаго-Затона поставлено селеніе Татаръ-Гечиди («проходить въ бродъ»), а выше Татаръ-Гечеди, у берега рѣчки Кринки, притока Бѣлозерки, селеніе Кринка. Переправы при рѣчкахъ Бѣлозеркѣ, Рогачикѣ и Каирахъ отъ запорожцевъ къ татарамъ, тутъ татары брали съ воза отъ пяти до тридцати копѣекъ мостоваго; лѣтомъ здѣсь не бываетъ никакой воды, и запорожцы переправлялись посуху, но татары дѣлали самые ничтожные мостики, только для одного признака, и брали за переѣздъ черезъ Днѣпръ пошлину [4]). Носоковская переправа противъ острова Носоковки и Каиръ-Космака, мало удобная, потому что здѣсь Днѣпръ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ острововъ и заросъ высокими камышами [5]). Каменская переправа, противъ праваго притока Днѣпра, рѣки Каменки, гдѣ была Каменская Сича; здѣсь переправа съ праваго берега на лѣвый Днѣпра была чрезвычайно удобна, по теченію рѣки и притоковъ; но съ лѣваго на правый, противъ теченія, въ высшей степени затруднительна, и потому обозы, идущіе въ Крымъ, переправлялись у Каменки, а на обратномъ пути въ Кызыкермени» [6]). Таванская, противъ острова Тавани и города Кызыкермена на правомъ берегу, весьма удобная для татаръ потому, что она лежитъ не далѣе одного дня на пути отъ Крыма; притомъ же татары должны переправляться здѣсь только черезъ двѣ

[1]) Кіеская Старина, 1891, декабрь, XXXV, 386.
[2]) Акты южной и западной Россіи. Спб., 1869, VI, 184.
[3]) Записки одесск. общ. исторіи и древностей, IV, 468.
[4]) Чернявскій, Исторія князя Мышецкаго, Одесса, 1852,
[5]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Сп
[6]) Мышецкій, Исторія о козакахъ, 21.

коихъ одну, Конскія-Воды, переходъ въ бродъ, а другую, Днѣпръ, вплавь, хотя онъ имѣетъ въ ширину отъ 500 до 600 шаговъ [1]. На Таванскую переправу шли изъ Кафы черезъ ворота Тавриды сарацинскіе купцы; они двигались большими караванами, иногда до 1.000, со многими повозками и осѣдланными верблюдами; за переправу на Тавани платили пошлину, для собиранія которой на берегу Днѣпра и устроена была казаками каменная палата, такъ называемая Витовтова баня; кто не платилъ пошлины или уличался въ прелюбодѣяніи, тотъ наказывался въ Кіевѣ конфискаціей имущества, что называлось закономъ осмничества [2]. На картахъ XVIII вѣка Таванская переправа называется великой переправой. Въ 1654 году черезъ Таванскую переправу, противъ Исламъ-городка, перевозились съ черкасской стороны на крымскую татары, приходившіе на помощь гетману Богдану Хмельницкому [3]. Дремайловская и Козацкокаменская, близъ устьевъ рѣкъ или не выше 7 верстъ отъ устьевъ ихъ, если рѣки болотисты; здѣсь можно переѣзжать даже во время самаго разлитія рѣки Днѣпра [4]. На картахъ XVIII вѣка Козацкокаменская переправа называется великой переправой. Бургунская, противъ острова Бургунскаго, мало удобная переправа, потому что здѣсь нужно было переходить рѣку Конку и два раза рѣку Днѣпръ [5]. На картахъ XVIII вѣка Бургунская переправа называется великой переправой. Тягинская, близъ устья, рѣки Тягинки, или не выше 7 верстъ отъ устья, если рѣка болотиста [6] Высшій перевозъ, на двѣ версты ниже праваго притока Днѣпра, Ингульца, какъ разъ въ теперешнемъ урочищѣ Перевизкѣ, на 2 версты ниже усадьбы владѣльца села Фалѣевки, Н. Н. Комстадіуса; онъ шелъ черезъ рѣку Днѣпръ, Конку и ея

---

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 29. Извѣстная и Михалону Литвину подъ именемъ «Тована»; Шерmуа, Набѣги крымскихъ татаръ, Спб. 1832, 4.

[2]) Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 67.

[3]) Акты южной и западной Россіи, X, 587.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 184.

[5]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 29. Извѣстная и Михалону Литвину подъ именемъ «Burhun».

[6]) Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 184. Извѣстная и Михалону Литвину подъ именемъ «Tyachina».

притокъ Чачину, видимо теперешнюю Чайку [1]). Веревчина и Бѣлозерская, близъ самыхъ устьевъ рѣкъ или не выше 7 верстъ отъ устья; здѣсь можно переѣзжать даже во время самаго разлитія рѣки Днѣпра [2]).

Кромѣ перевозовъ и бродовъ на Днѣпрѣ, были еще и на другихъ рѣкахъ перевозы и броды. Такъ черезъ рѣку Бугъ Витовтовъ бродъ, непосредственно ниже устья рѣчки Синюхи [3]); Мигійскій перевозъ, противъ рѣчки Мигіи (Мигійскаго Ташлыка); Песчаный перевозъ на три версты выше запорожскаго Гарда; «на немъ турки дѣлали (1678 г.) мостъ; для перевоза чрезъ этотъ бродъ тяжестей нужно было имѣть или паромъ или мостъ, а для дѣланія моста не въ дальнихъ мѣстахъ можно было найти лѣсъ» [4]). Гардовый перевозъ, у самаго запорожскаго Гарда; въ этихъ трехъ перевозахъ проѣзжіе переправляются на лодкахъ. Кременчуцкій или Кременецкій бродъ, на шесть верстъ ниже Гарда, при урочищѣ Кременчугъ; здѣсь свободно переѣзжали черезъ Бугъ [5]). Безыменный перевозъ на двѣ версты ниже Кременчуцкаго; здѣсь шли болѣе версты бродами [6]). Чартайскій бродъ, противъ рѣчки Чарталы, праваго притока Буга: «чрезъ оный бродъ никакого проѣзду имѣть неволно и не допущается, а бывало прежде козаки сичовые верхомъ лошадью чрезъ тотъ бродъ проѣзжаютъ за какою либо ихъ добичею, и то развѣ скрытнимъ образомъ, да той переездъ чрезъ оный бродъ верхомъ лошадью биваетъ въ самое время малой воды, и то съ опасностію отъ быстраго теченія воды, такъ что возы и коня свалить, но во время великой воды никакому проезду быть неможно» [7]). Названіе брода произошло отъ персидскаго слова «Чахартанъ» или «Чартанъ»—четыре столба; эти столбы, какъ указатели брода, стояли долго спустя послѣ паденія Запорожья, по разсказамъ мѣстныхъ сторожиловъ. Овечій бродъ на восемь верстъ ниже пре-

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 184.
[2]) Записки одес. общества ист. и древн., VII, 184.
[3]) Карта Украйны Боплапа въ Исторіи Малорос. Б.-Каменскаго, 1842, III
[4]) Записки одес. общ. ист. и др., III, 578; Акты, XIII, 92, 247, 447.
[5]) Значится на картѣ Ивана Исленьева 1779 года.
[6]) Значится на картѣ того же Исленьева 1779 года.
[7]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 74.

дыдущаго [1]). Соколанскій, через Буг къ лѣвому притоку его Мертвымъ-Водамъ, гдѣ стояло запорожское селище Соколы, теперь городъ Вознесенскъ, перевозъ малоудобный по причинѣ большихъ весеннихъ водъ; здѣсь хаживали купцы изъ Польши и Малороссіи въ Очаковъ и изъ Очакова въ Польшу и Малороссію [2]). Выше рѣки Буга шелъ бродъ Синюхинъ черезъ рѣчку Синюху; здѣсь у запорожцевъ стоялъ деревянный столбъ, въ три аршина высоты и два толщины, который служилъ маякомъ для переправляющихъ черезъ рѣку [3]).

Кромѣ переправъ и бродовъ на Днѣпрѣ, Бугѣ и Синюхѣ, были броды на рѣкѣ Ингулѣ, два шляховые, которыми издавна по рыбу ходили; тутъ можно было проходить таборомъ въ три и даже четыре лавы («веревки»), въ малую воду; кромѣ двухъ шляховыхъ бродовъ, на другихъ мѣстахъ Ингула трудны переправы, по причинѣ множества плесъ и крутыхъ береговъ рѣки [4]). Были броды черезъ рѣчку Мертвыя-Воды: на ней можно было идти табору въ десять лавъ, а иногда и больше; черезъ рѣчку Гарбузинку «переходъ нетрудный»; черезъ рѣку Ингулецъ—Давыдовъ бродъ, на 60 верстъ выше устья рѣки, таборъ можетъ идти на десять лавъ [5]); черезъ ту же рѣчку Бекеневскій или Бѣлый бродъ, гдѣ были Бѣлыя-Криницы или Бѣлые-Колодези; здѣсь переправлялись татары въ 1676 году, шедшіе походомъ на Украйну [6]); черезъ рѣчку Каменку, притокъ Ингульца, Бешку или Вежку, притокъ того-же Ингульца, здѣсь можно пройти таборомъ безъ труда [7]); на рѣкѣ Орели Стешинъ бродъ, на пути Муравскаго шляха, въ теперешнемъ селѣ Черноглазовкѣ, павлоградскаго уѣзда. Злодійскій черезъ рѣку Волчью, противъ устья балки Злодійской,—здѣсь можно было переправляться въ двухъ мѣстахъ: или на полторы версты влѣво отъ устья балки или на двѣ версты вправо отъ устья балки; въ томъ и другомъ мѣстѣ дно

---

[1]) Значится на картѣ Ивана Исленьева 1779 года.

[2]) Мышецкій, Історія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 21.

[3]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 157 Значится и на картѣ Исленьева 1779.

[4]) Записки одес. общ. ист. и древн.. III, 578.

[5]) Записки одес. общ. ист., VII, 184; III, 577.

[6]) Величко, Лѣтопись, III, 483—485. Акты, XII, 701.

[7]) Записки одес. общ. ист. и древн., III, 578.

рѣки Волчьей и песчано и каменисто и потому весьма удобно для переправы. Переправы черезъ рѣки Самару и Орель очень долго задерживаютъ путниковъ и при этомъ ихъ часто окружаютъ татары и берутъ въ плѣнъ [1]); наконецъ броды на рѣкѣ Самарѣ и ея притокахъ: Песчаный бродъ, Калиновъ, Вольный, Гришкинъ, Кочереженскій, Терновскій и Чаплинскій [2]).

Самый способъ переправы черезъ рѣки практиковался у запорожцевъ или такой же, какъ и въ настоящее время—посредствомъ плотовъ, паромовъ, лодокъ, или же подобно тому, какъ то дѣлали татары. «На лодку, довольно плоскую, они кладутъ поперекъ жердь, привязываютъ къ ней лошадей рядомъ, по равному числу съ обѣихъ сторонъ для равновѣсія; потомъ накладываютъ на лодку багажъ и отчаливаютъ отъ берега. Лошади слѣдуютъ за лодкою и плывутъ медленно; хотя онѣ выбиваются изъ силъ, но короткая привязь къ жерди поддерживаетъ ихъ, и татаринъ безъ труда причаливаетъ къ противоположному берегу, разумѣется, въ ясную и тихую погоду... Для переправы черезъ Днѣпръ татарское войско выбираетъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый татаринъ связываетъ изъ камыша два пука, длиною въ три фута, а толщиною отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ и привязывается къ лошадиному хвосту; кладетъ на такой плотъ сѣдло, а по немъ одежду, стрѣлы, саблю, и нагой, съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одною рукою узду и гриву, безпрерывно понуждаетъ коня плетью и, не выпуская ни гривы, ни узды, разсѣкаетъ волны свободною рукою попеременно то правою, то лѣвою. Приближаясь къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ и выноситъ оный на берегъ» [3]).

---

1) Герберштейнъ, З... , 108.

2) Лѣтопись занятi... 60—63.

3) Бопланъ, Описа... 59; Михалонъ Литвинъ, Ар...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Лѣса въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ Разныя названія лѣса у запорожскихъ козаковъ—гай, чагарникъ, байракъ; указанія, о запорожскихъ лѣсахъ писателей XVI, XVII вѣковъ и геометрическихъ спеціальныхъ плановъ XVIII вѣка. Лѣса по правому берегу Днѣпра, его островамъ и въ юго-западной окраинѣ запорожскихъ вольностей по рѣчкамъ Омельнику, Самоткани, Домоткани, Сухой-Сурѣ, Княжимъ-Байракамъ, Желтой, Зеленой, Ингульцу, лѣсъ Черный и Чута, лѣса по Саксагани, Бешкѣ, Аджамкѣ, Березовкѣ, лѣсъ Соколиный между Березовкой и Темной долиной, лѣса по Ингулу, Сугаклеѣ, Сугаклейчику, Мертвоводу, Чечаклеѣ, Громоклеѣ, между Кагарлыкомъ и Терновой и по рѣкѣ Бугу. Лѣса по лѣвому берегу Днѣпра, знаменитый Великій-Лугъ и Геродотова Гилея, его островамъ и далѣе отъ Днѣпра въ сѣверо-восточной окраинѣ—орельскіе, самарскіе лѣса; лѣса по степнымъ рѣчкамъ и по склонамъ Азовскаго побережья.—Общій выводъ изъ обзора лѣсовъ, причины малолѣсья и преобладающая лѣсная растительность въ запорожскихъ вольностяхъ.

У запорожскихъ козаковъ различались собственно лѣсъ, гай, чагарникъ и байракъ; гаемъ называлась небольшая роща, преимущественно на ровномъ мѣстѣ изъ деревьевъ небольшихъ, легкихъ, скоро зеленѣющихъ [1]); чагарникомъ, отъ тюркскаго слова «чагал», назывался мелкій, тернистый кустарникъ, перелѣсокъ, иногда молоднякъ, выросшій на мѣстѣ срубленнаго лѣса; байракомъ отъ тюркскаго корня «баир»—косогоръ, назывался небольшой, но изъ

---

[1]) По объясненію профессора Будиловича, «гай» дославянское слово; въ литовскомъ ему соотвѣтствуетъ gajus, въ готскомъ gavi, Cau, въ греческомъ γαῖα, санскритскомъ gavya, paturage des vaches, въ церковно-славянскомъ гай, nemus, въ русскомъ гай, дубрава, роща, кустарникъ. «Кіевскія Извѣстія» Первобытные славяне. Кіевъ, 1878, I, 102.

толстыхъ и тяжелыхъ деревьевъ лѣсъ, преимущественно въ оврагахъ и по склонамъ ихъ.

Запорожскіе козаки занимали огромное пространство степей, прилегающихъ къ обоимъ берегамъ Днѣпра въ его нижнемъ теченіи между Бугомъ на западной и Калміусомъ на восточной сторонѣ; все это пространство вольностей запорожскихъ козаковъ носило характеръ степной по преимуществу; лѣса-же въ немъ росли только по мѣстамъ низменнымъ, наиболѣе влажнымъ или же наиболѣе суглинистымъ и супесчанымъ, т. е. по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ, рѣчьымъ островамъ, склонамъ балокъ, овраговъ, пригорковъ; всѣ другія мѣста представляли изъ себя безлѣсную равнину, покрытую въ лѣтнее время травой, въ зимнее замурованную снѣгомъ. Сколько и въ какихъ именно мѣстахъ росло въ запорожскихъ вольностяхъ лѣсовъ, на этотъ счетъ мы имѣемъ лишь отрывочныя указанія разныхъ писателей прошлыхъ вѣковъ, случайно или намѣренно посѣщавшихъ земли запорожскихъ козаковъ, и только со второй половины XVIII, послѣ паденія Сичи, начиная съ 1777 года, располагаемъ болѣе или менѣе точными данными, заключающимися въ геометрическихъ спеціальныхъ планахъ владѣльческихъ земель, а въ 1780 и 1786 годахъ въ араповскомъ планѣ рѣки Днѣпра и струковскомъ планѣ города Екатеринослава. Изъ этихъ данныхъ видно, что лѣса въ предѣлахъ запорожскихъ вольностей шли спорадически по правому и лѣвому берегамъ Днѣпра, отсюда далѣе къ юго-западу до Буга и къ юго-востоку до Азовскаго побережья, и что изъ всѣхъ окраинъ запорожскихъ вольностей сѣверовосточная окраина, паланка протовчанская, орельская и самарская, теперешній новомосковскій и частію павлоградскій уѣзды, по справедливости считались самыми лѣсистыми паланками всего Запорожья.

О лѣсахъ праваго берега Днѣпра, начиная съ кодацкой паланки; теперешняго верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, не находимъ точныхъ свѣдѣній ни у Ласоты, ни у Мышецкаго, ни у Чернявскаго, ни у малороссійскаго лѣтописца Величка; только карта Боплана даетъ намъ на этотъ счетъ нѣкоторыя указанія изъ нея мы видим[illegible] съ сѣверной границы запорожскихъ воль[illegible] ваго берега Днѣпра, на протяженіи 10 [illegible] и отъ Кременчуг[illegible]

[1]) По к[illegible] ина около 75 ве[illegible]

сколько ниже устья рѣчки Самоткани; изъ экономическихъ примѣчаній къ верхнеднѣпровскому уѣзду въ XVIII вѣкѣ узнаемъ, что здѣсь росъ дровяной, дубовый, осиновый, липовый и терновый лѣсъ [1]); въ настоящее время остатки этихъ лѣсовъ едва лишь можно возстановить по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ; еще лѣтъ 50—40 тому назадъ здѣсь были лѣса по ярамъ близъ селенія Каменно-Потоцкаго, у праваго берега Днѣпра, александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, около 500 десятинъ дуба; по Бутовскому урочищу, близъ селенія Троицкаго или Чикаливки, верхнеднѣпровскаго уѣзда; по балкамъ и оврагамъ противъ Мишурина-Рога росли дубовые лѣса—Долгое-Провалье, Лѣщина, Заячій, Кислый, Должикъ, Михайловскій, Голодинвскій, Криничный, Скотоватый, Рядовой, Липовый, Россоховатый, Калужный, Глубокій, Бѣлоусовъ, Косый, Патериловъ, Шестигривенный, Лысый, Дрыщальный и Западный—всего 250 десятинъ. Ниже Омельниковъ и ихъ окрестностей шли лѣса по рѣчкамъ Домоткани и Самоткани, впадающимъ въ Днѣпръ; Бопланъ замѣчаетъ, что около Самоткани вокругъ озеръ и по лощинамъ близъ рѣки въ его время росли небольшіе, но весьма частые лѣса вишневыхъ деревьевъ, длиною иногда до полумили, шириною до трехъ сотъ шаговъ; тамъ же росло много дикихъ миндальныхъ деревьевъ съ горькими плодами [2]). Ниже Самоткани, вдоль праваго берега Днѣпра, находимъ точныя указанія о запорожскихъ лѣсахъ на араповскомъ планѣ Днѣпра 1780 года; изъ этого плана видно, что лѣса шли безпрерывно отъ устья Самоткани и до слободы Шапаренковой на протяженіи почти десяти верстъ длины при двухъ верстахъ наибольшей ширины и съ праваго берега Днѣпра переходили на стоящій среди рѣки Хурсинъ островъ; отъ слободы Шапаренковой, послѣ небольшаго перерыва, лѣса начинались на 3 версты выше слободы Щуровки и тянулись до устья рѣки Осиgноватой или до селенія Романкова на протяженіи семи верстъ длины при двухъ верстахъ наибольшей ширины, и вновь съ праваго берега Днѣпра переходили на лежащій среди рѣки Великій островъ противъ слободы Щуровки и выше теперешней слободки Шопи-

[1]) Въ екатеринославской губернской чертежной, верхнеднѣпровскаго уѣзда, стр. 42.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 16.

новки [1]); ниже слободы Щуровки лѣса шли по вѣткѣ Медвѣжьей или теперешней Видмирки; потомъ отъ селенія Каменскаго до села Тритузнаго почти на протяженіи семи верстъ длины при двухъ съ половиной верстахъ наибольшей ширины; далѣе между Днѣпромъ и озеромъ Плоскимъ на протяженіи трехъ верстъ; наконецъ отъ слободы Сухачевки и почти до Новаго-Кодака шли лѣса на протяженіи восьми верстъ длины при двухъ верстахъ наибольшей ширины. Ниже Новаго-Кодака находимъ свѣдѣнія о запорожскихъ лѣсахъ праваго берега Днѣпра на струковскомъ планѣ города Екатеринослава 1786 года; здѣсь въ мѣстѣ раздвоенія рѣчки Половицы на два рожка, вдоль лѣваго берега Днѣпра показано лѣса [2]) 240 тоазовъ; отъ устья рѣчки Половицы вверхъ по обѣимъ сторонамъ ея 150 тоазовъ; между Половицей и берегомъ Днѣпра 300 тоазовъ; противъ островов Чортова, на 130 тоазовъ отъ берега, показано пространство лѣса въ 100 тоазовъ длины; на самихъ островахъ, Чертовомъ 230 тоазовъ и Монастырскомъ 650 тоазовъ или 1 верста 55 саженъ 1 аршинъ и 10 вершковъ, по берегу Днѣпра противъ Монастырскаго острова 700 тоазовъ; на 100 тоазовъ ниже острова Монастырскаго показано пространство лѣса по берегу Днѣпра 140 тоазовъ длины [3]). Ниже Монастырскаго острова лѣса росли на островахъ Конскомъ [4]), Становомъ, Яцевомъ [5]) и Демекѣ, гдѣ росли груши, яблони, черное и родючее дерево [6]). Изъ плана Днѣпра 1780 года и геометрическаго спеціальнаго плана прошлаго столѣтія владѣлицы селъ Николаевки В. И. Маламы, видно, что ниже острова Демеки лѣса шли по балкамъ праваго берега Днѣпра: Маіоровкѣ, Звонецкой, Должику—около 20 десятинъ, Жучиной съ ея выбалками Широкимъ и Среднимъ—около 70 десятинъ, Тягинкѣ съ прилегающими къ ней

---

[1]) Въ настоящее время выше Шошиновки считается 200 десятинъ лѣса.

[2]) Тоазъ равняется 1,94903 метрамъ, а метръ=1,406 аршина; слѣдовательно 1 тоазъ—6 футамъ.

[3]) Коржъ показываетъ, что по всему возв[illegible] берегу Днѣпра отъ Новаго и Стараго-Кодака росли большіе лѣ[illegible] между ними были сѣнокосныя поляны; Устное повѣств[illegible] 58

[4]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., [illegible]

[5]) На арановскомъ планѣ Днѣпра 1780[illegible]

[6]) Екатеринославскій юбилейный листо[illegible]

выбалками—около 110 десятинъ, Домашней—около 70 десятинъ, Войсковой—до 90 десятинъ, Молчановой при устьѣ ея—до 12 десятинъ, Скотоватой—15 десятинъ, Скубовой—около 70 десятинъ, Донской или Дымской—10 десятинъ, Глинистой—5 десятинъ, Липовой—10 десятинъ, Берестовой—3 десятины, Криничной съ ея выбалками Пѣсоцкимъ и Софроновымъ—90 десятинъ, Лѣсковой балкѣ или Лѣсному байраку—30 десятинъ, Грушевкѣ съ ея выбалкомъ Дранскимъ—60 десятинъ, по всей балкѣ Вовнижкѣ, Башмачкѣ—70 десятинъ и Вовчему-Горлу—20 десятинъ [1]). Далѣе изъ того же араповскаго плана Днѣпра видно, что лѣса шли ниже Башмачки по балкамъ—Будилкѣ, Куценькой-первой, Ясеноватой, Куценькой-второй, Крыловой, Таволжанской, Вольненькой, Широкой; далѣе между Средней-Хортицей и Нижней-Хортицей; здѣсь, ниже устья рѣчки Нижней-Хортицы, въ 1784 году стояла деревня Разумовка, гдѣ считалось мелкаго дровянаго лѣса 129 десятинъ и 489 квадратныхъ саженъ; отъ устья Нижней-Хортицы и до урочища или острова Наливача шелъ лѣсъ на протяженіи 8 верстъ длины при 1 верстѣ наибольшей ширины» [2]); на островахъ Канивскомъ, Крутоярскомъ и Наливачѣ «разнаго рода дровяной и мелкій лѣсъ, и частію фруктовыя деревья, яблони и груши, а всего въ лѣсу въ деревнѣ Бѣленькой 508 десятинъ» [3]); между устьемъ рѣчки Бѣленькой и правымъ берегомъ Днѣпра, «гдѣ обрывистый и мѣстами крутой и отлогій косогоръ, а далѣе овраги называются Заломы, внизу косогора по Заломамъ разнаго рода дровяной и мелкой лѣсъ, частію рѣдко, фруктовыя деревья, яблони и груши»; по балкѣ Червоной съ ея выбалкомъ Дубовымъ, 2.400 квадратныхъ саженъ рѣдкій лѣсъ—груши, берестъ, дикая яблонь; далѣе по всему правому берегу Днѣпра, особенно при впаденіи въ него рѣчки Бѣленькой, вѣтокъ Тараса и Ненажоры «лѣсу лиственнаго по болоту» 447 десятинъ [4]), и нѣсколько вдали отъ Днѣпра на островѣ Томаковкѣ,

[1]) Свѣдѣнія доставлены намъ Владиміромъ Владиміровичемъ Маламой.

[2]) Изъ документовъ 1780 и 1783 года владѣльца Бѣленькаго, М. И. Миклашевскаго.

[3]) Оттуда-же.

[4]) Изъ документовъ владѣльца Тарасовки, А. П. Струкова; на планѣ Днѣпра 1780 года между Днѣпромъ и Тарасомъ показано лѣса 12 верстъ длины и 5 ширины.

гдѣ была Томаковская Сичь: островъ Томаковка, по свидѣтельству Боплана, весь былъ покрытъ лѣсомъ [1]); потомъ отъ перваго соединенія вѣтки Подпильной съ Днѣпромъ у Никитина-Рога и далѣе по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до впаденія въ него рѣки Базавлука, что составляетъ около сорока пяти верстъ, слѣдуя по теченію рѣки при двадцати пяти верстахъ наибольшей ширины: тутъ въ одной экономіи села Покровскаго и деревни Капулизки считается въ настоящее время до 26 тысячъ десятинъ плавенъ, покрытыхъ непроходимымъ лѣсомъ, однако, мягкой породы: осокоремъ, вербой, шелковицей, лозой и только изрѣдка, на возвышенныхъ мѣстахъ, дикими столѣтними грушами; ниже Базавлука лѣса шли по острову Каиру, гдѣ въ 1786 году считалось 1.500 десятинъ лѣса [2]), по рѣчкѣ Бургункѣ и вѣткѣ Дремайловкѣ, падающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны [3]).

Къ западу отъ праваго берега Днѣпра, въ паланкахъ ингульской и бугогардовской, росли лѣса рѣже, чѣмъ у самаго Днѣпра таковъ небольшой лѣсъ по рѣчкѣ Сурѣ «дровяной дубовый, кленовый, липовый, ивовый» [4]), отъ коего въ настоящее время сохранилась небольшая роща въ четыре десятины по оврагу, падающему въ вершину рѣчки Суры [5]); здѣсь стоялъ запорожскій зимовникъ съ пасѣкой отъ коего сохранились въ настоящее время остатки въ видѣ подземныхъ ходовъ. Отъ средины рѣчки Суры и до средины рѣчки Домоткани шла голая, совершенно безлѣсная степь, такъ называемое «дикое поле» [6]). Южнѣе отъ Суры лѣсъ шелъ по-надъ правымъ берегомъ рѣки Базавлука, до его лѣваго притока Солоной [7]). Къ западу отъ Базавлука лѣса шли по всей балкѣ Княжимъ-Байракамъ, падающей въ рѣчку Переволочанскій-Омельникъ, на протяженіи 15 верстъ, особенно въ вершинѣ балки, гдѣ была непроходимая трущоба; по балкѣ Глубокой, падающей въ рѣчку Желтую, ниже деревни Камчатки, 11 десятинъ

---

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 25.

2) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1889, №

3) Карта Украйны Боплана въ Исторіи Малороссіи Бан

4) Экономическія примѣчанія екатеринославскаго

5) Изъ бумагъ А. Н. Поля, владѣ... мир

6) Эрихъ Ласота, Путевыя запис

7) Карта Риччи Заппони XVIII

1.350 кв. саженъ; затѣмъ близъ рѣчки Зеленой, въ теперешнемъ селеніи Березовкѣ, имѣніи П. М. Селиванова, бывшемъ Орлая, «250 десятинъ лѣсу дуба, береста и бука»; далѣе по рѣчкамъ Каменочкѣ и Терновкѣ, притокамъ Ингульца, и по самому Ингульцу; къ верховьямъ послѣдняго выходили два знаменитые лѣса Черный и Чута, считавшіеся, какъ надо думать, спорными между гетманскими и запорожскими козаками. (На турецкомъ языкѣ есть слово «чата», т. е. наѣздъ, есть имя страны «Чита», есть татарская фамилія Чита; изъ фамиліи Чита происходилъ Борисъ Годуновъ). «По объявленію запорожскихъ старожиловъ, попа Максима Колниболотскаго да Алексѣя Вербицкаго, въ Черномъ лѣсѣ прежде сего запорожское войско владѣли Чернымъ лѣсомъ или нѣтъ, о томъ не знаютъ; а была въ прежніе годы отъ кошеваго атамана Сѣрка въ ономъ лѣсу пасика; тому назадъ лѣтъ около 80-ти»; тутъ же былъ и лѣсъ Кругликъ, «о которомъ также не было извѣстно, владѣло-ли имъ войско запорожское или нѣтъ» [1]).

На картѣ Великой Россіи и Малой Татаріи Іоганна Баптиста Гоманно Черный лѣсъ («Sylva nigra») занимаетъ все пространство съ запада на востокъ отъ Чигирина до крѣпости Кодака и рѣчки Чортомлыка, съ сѣвера на югъ, почти отъ самаго берега Днѣпра до верховьевъ Ингула и Ингульца. А на картѣ Малой Татаріи («Tataria minor») этотъ самый лѣсъ продолженъ до устья Чортомлыка и отсюда къ западу черезъ рѣку Базавлукъ, къ его устью [2]). Въ настоящее время отъ Чуты и Чернаго лѣса остались слѣдующіе лѣса въ александрійскомъ уѣздѣ, херсонской губерніи: Цырульниковскій 93 десятины; Хрящеватый 38 десятинъ; Григорашевскій 82 десятины—всѣ три ниже села Вершаца; Чута 5.978 десятинъ [3]); Кринечеватскій 97 десятинъ, ниже урочища Старый-Курень и выше урочища Чернечьяго; Краснокутскій 76 десятинъ; ниже лѣса Чуты и между урочищъ Стѣнковское и Веселый-Кутъ: Черный 7824 десятины; Кругликъ, Должикъ и Кушниревъ 210 десятинъ— всѣ три около Чернаго лѣса, между селами Цыбулевомъ и желѣзнодорожной станціей Богдановкой; Коротянскій, Половинка,

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 74.

[2]) Изъ собранія картъ профессора с.-петербургскаго университета, В. Д. Смирнова.

[3]) Казенной Чуты 3 078 десятинъ, частной 2.900, итого 5.978 десятинъ.

Хвощевой-Довжко 115 десятинъ—всѣ три около того-же Чернаго лѣса, близъ желѣзнодорожной станціи Знаменки; Больше-Зарудневскій и Мало-Зарудневскій 176 десятинъ—оба близъ желѣзнодорожной станціи Медеровой; Линейцевъ и Объѣздной 45 десятинъ—оба ниже лѣса Мало-Зарудневскаго и села Краснаго Яра; Бѣшевскій 94 десятины, Нерубай 2.870 десятинъ — оба вдоль границы кіевской и херсонской губерній [1]; Бобошковскій 178 десятинъ, ниже лѣса Нерубая и между селъ Федваремъ и Сентовымъ; Зайцевскій 160 десятинъ, ниже села Сентова; Довжко и Србковскій 129 десятинъ, Гончаровскій 25 десятинъ и Срубанскій 37 десятинъ—всѣ три ниже села Федваря, и наконецъ Плосскій лѣсъ 450 десятинъ, выше села Елисаветградки [2].

Изъ этихъ лѣсовъ Чута и Черный нѣкогда составляли одинъ сплошной лѣсъ, служили продолженіемъ знаменитаго въ исторіи малороссійскихъ козаковъ Мотронинскаго лѣса, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда, и тянулись до теперешней желѣзнодорожной станціи Знаменки; они пересѣкались лишь двумя рѣчками, Ирклейцемъ, отдѣляющимъ кіевскую губернію отъ херсонской, и Ингульцомъ, идущимъ отъ кіевской границы къ правому берегу Днѣпра; въ настоящее время этотъ лѣсъ, послѣ громадныхъ порубокъ, носитъ три названія: Медвѣдовки отъ Мотронинскаго монастыря до рѣчки Ирклейца; Чуты отъ рѣчки Ирклейца до рѣчки Ингульца, и Чернаго отъ рѣчки Ингульца до станціи Знаменки [3].

Черный лѣсъ и Чута состоятъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водились волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ. Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Черный и Чута лѣсъ игралъ ту важную роль, что въ немъ часто скрывались запорожцы отъ преслѣдованія татаръ, турокъ и поляковъ; тутъ-же находили себѣ пристанище православные монахи отъ притѣсненія католиковъ и страшные гайдамаки, поднимавшіе оружіе противъ польскихъ пановъ на защиту своихъ человѣческихъ правъ; гайдамаки особенно любили Черный

---

[1]) Въ актахъ южной и западной Россіи IX, 463, XII, 565) упоминается еще о лѣсѣ Бовтышѣ и Лебединѣ.

[2]) Свѣдѣнія добыты въ лѣсничествѣ города Александріи отъ Д.И. [illegible] ова.

[3]) Свѣдѣнія сообщены священникомъ города Александріи, от[illegible] ліемъ Никифоровымъ.

и Чуту-лѣсъ; у козаковъ XVIII вѣка сложилось даже особое выраженіе «утикъ до Черного лису» значитъ сдѣлался гайдамакою. Черный лѣсъ весьма часто служилъ мѣстомъ, гдѣ собирались татары, козаки и поляки или какъ союзники, выступавшіе противъ московскихъ войскъ, или какъ противники, выходившіе на битвы между собой. Такъ, въ 1674 году близъ Чернаго лѣса потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ гетмана Самойловича гетманъ Дорошенко съ татарами; Дорошенко потерялъ много людей на мѣстѣ битвы и раненый бѣжалъ съ позоромъ въ крымскія поля за Черный лѣсъ [1]). Неудивительно поэтому, почему на счетъ Чернаго и Чуты-лѣса ходитъ и въ настоящее время такое множество разнаго рода преданій о вырытыхъ въ немъ погребахъ, скрытыхъ скопищахъ кладовъ, страшныхъ голосахъ, слышимыхъ въ лѣсу, и т. п.

Далѣе, лѣса шли по притоку Ингульца, Саксагани, и по балкамъ, впадающимъ въ него; такъ въ Дубовой-Балкѣ или Запорожскомъ-Ущельѣ, бывшемъ имѣніи А. Н. Поля, и теперь уцѣлѣли столѣтніе дубы, имѣющіе въ окружности до шести аршинъ и растущіе между громадныхъ скалъ по обоимъ склонамъ балки на протяженіи двѣнадцати десятинъ; кромѣ того, по берегу самой рѣки Саксагани, противъ Дубовой—Балки, имѣется «лѣсу и кустарниковъ» двѣнадцать десятинъ. Ниже Саксагани по Бешкѣ «лѣсу достаточно», Аджамкѣ «лоза и терны», по рѣчкѣ Березовкѣ, лѣвому притоку Ингула [2]), между тою-же Березовкой и Темной долиной большой лѣсъ Соколиный «las Sokoli» [3]), извѣстный еще въ 1740 году, когда заключенъ былъ «пограничный инструментъ» между Россіей и Турціей, у теперешней деревни Полковничьей или Воеводской, до 400 десятинъ; между верховьемъ Ингула и рѣчкой Торговицей [4]); по Ингулу, Сугаклеѣ, Сугаклейчику, Мертвоводу,— въ послѣдней, впрочемъ, весьма немного: «дровъ здѣсь претрудно» [5]). Далѣе лѣса по Чечаклеѣ и Громоклеѣ: «по рѣкѣ Аргамаклы (т. е.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, VI, 152; VII, 11, 31, 172; VIII, 55, 66, 161, 187, 202, 250; X, 47, 687; XI, 241, 270, 283, 541, 780; XI, 493.

[2]) На картѣ Tataria minor изъ собранія профессора с.-петербургскаго университета В. Д. Смирнова.

[3]) Карта Риччи Заннони XVIII вѣка.

[4]) Карта Риччи Заннони XVIII вѣка.

[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 578.

Громоклеѣ) есть нѣсколько лѣса, годнаго для строенія; главный— осокорь, ясень, таволга, липнякъ, илимъ или берестъ, кленъ, ветла, ивнякъ, вязникъ, цвѣдана, а также груши, яблони, хмѣль, шиповникъ и не мало терновника, мелкій дубнякъ, но все изрѣдка» [1]). Затѣмъ, между Кагарлыкомъ и Терновой росъ какой-то лѣсъ, называвшійся Наумовымъ [2]), и наконецъ по Бугу у Песчанаго брода «терновники и чащники малые» [3]), въ урочищѣ Виноградная-Криница «строевой лѣсъ» [4]); по Семенову Рогу «терны» [5]), на островѣ Андреевомъ и «не далѣе полумили отъ Кременцова острова «строевой лѣсъ» [6]).

Вообще говоря, западная окраина запорожскихъ вольностей менѣе была богата лѣсами, чѣмъ восточная, по крайней мѣрѣ, если исключить Черный и Чуту-лѣсъ, какъ кажется, непринадлежавшіе de jure запорожскимъ козакамъ. «Отъ сѣвера къ устью рѣки Буга лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, только по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши, шиповникъ, хмель, виноградъ, крысберсень, вишня, ивнякъ, осокорь, боярышникъ, гордина, а болѣе всего терновникъ, все рѣдкими кустарниками» [7]).

Соотвѣтственно правому берегу Днѣпра лѣса шли и по лѣвому берегу; здѣсь начало ихъ отъ устья рѣки Орели и конецъ у Днѣпровскаго лимана. Такъ, противъ села Паньковки, новомосковскаго уѣзда, уцѣлѣлъ лѣсъ количествомъ 2.953 десятины въ урочищахъ Полковничьемъ, Старухѣ, Лагерѣ, Ревуновкѣ, Сѣдловщинѣ и на островахъ Матвѣевомъ и Москалевомъ, расположенныхъ въ плавенной части Днѣпра на протяженіи 20 верстъ; далѣе противъ села Елизаветовки того-же уѣзда, количествомъ 958 десятинъ, изъ коихъ часть въ плавняхъ (съ островомъ Слюсаревымъ), въ урочищахъ Большой-Дубинѣ, Малой-Дубинѣ и Малой-Березинѣ [8]); затѣмъ лѣсъ Сомовка, по теченію вѣтки Сомовки противъ села Ка-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 75.
[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз. Спб., 1888, 75.
[4]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 31.
[5]) Сементовскій, Запорожская рукопись о кладахъ, Кіевъ, 1857, 14.
[6]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 31.
[7]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.
[8]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1890, № 4, оффиціал. часть.

и Чуту-лѣсъ; у козаковъ XVIII вѣка сложилось даже особое выраженіе «утикъ до Черного лису» значитъ сдѣлался гайдамакою. Черный лѣсъ весьма часто служилъ мѣстомъ, гдѣ собирались татары, козаки и поляки или какъ союзники, выступавшіе противъ московскихъ войскъ, или какъ противники, выходившіе на битвы между собой. Такъ, въ 1674 году близъ Чернаго лѣса потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ гетмана Самойловича гетманъ Дорошенко съ татарами; Дорошенко потерялъ много людей на мѣстѣ битвы и раненый бѣжалъ съ позоромъ въ крымскія поля за Черный лѣсъ [1]). Неудивительно поэтому, почему на счетъ Чернаго и Чуты-лѣса ходитъ и въ настоящее время такое множество разнаго рода преданій о вырытыхъ въ немъ погребахъ, скрытыхъ скопищахъ кладовъ, страшныхъ голосахъ, слышимыхъ въ лѣсу, и т. п.

Далѣе, лѣса шли по притоку Ингульца, Саксагани, и по балкамъ, впадающимъ въ него; такъ въ Дубовой-Балкѣ или Запорожскомъ-Ущельѣ, бывшемъ имѣніи А. Н. Поля, и теперь уцѣлѣли столѣтніе дубы, имѣющіе въ окружности до шести аршинъ и растущіе между громадныхъ скалъ по обоимъ склонамъ балки на протяженіи двѣнадцати десятинъ; кромѣ того, по берегу самой рѣки Саксагани, противъ Дубовой—Балки, имѣется «лѣсу и кустарниковъ» двѣнадцать десятинъ. Ниже Саксагани по Бешкѣ «лѣсу достаточно», Аджамкѣ «лоза и терны», по рѣчкѣ Березовкѣ, лѣвому притоку Ингула [2]), между тою-же Березовкой и Темной долиной большой лѣсъ Соколиный «las Sokoli» [3]), извѣстный еще въ 1740 году, когда заключенъ былъ «пограничный инструментъ» между Россіей и Турціей, у теперешней деревни Полковничьей или Воеводской, до 400 десятинъ; между верховьемъ Ингула и рѣчкой Торговицей [4]); по Ингулу, Сугаклеѣ, Сугаклейчику, Мертвоводу,—въ послѣдней, впрочемъ, весьма немного: «дровъ здѣсь претрудно» [5]). Далѣе лѣса по Чечаклеѣ и Громоклеѣ: «по рѣкѣ Аргамаклы (т. е.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, VI, 152; VII, 11, 31, 172; VIII, 55, 66, 161, 187, 202, 250; X, 47, 687; XI, 241, 270, 283, 541, 780; XI, 493.

[2]) На картѣ Tataria minor изъ собранія профессора с.-петербургскаго университета В. Д. Смирнова.

[3]) Карта Риччи Заннони XVIII вѣка.

[4]) Карта Риччи Заннони XVIII вѣка.

[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 578.

Громоклеѣ) есть нѣсколько лѣса, годнаго для строенія; главный— осокорь, ясень, таволга, липнякъ, плимъ или берестъ, кленъ, ветла, ивнякъ, вязникъ, цвѣдана, а также груши, яблони, хмѣль, шиповникъ и не мало терновника, мелкій дубнякъ, но все изрѣдка» [1]). Затѣмъ, между Кагарлыкомъ и Терновой росъ какой-то лѣсъ, называвшійся Наумовымъ [2]), и наконецъ по Бугу у Песчанаго брода «терновники и чащники малые» [3]), въ урочищѣ Виноградная-Криница «строевой лѣсъ» [4]); по Семенову Рогу «терны» [5]), на островѣ Андреевомъ и «не далѣе полумили отъ Кременцова острова «строевой лѣсъ» [6]).

Вообще говоря, западная окраина запорожскихъ вольностей менѣе была богата лѣсами, чѣмъ восточная, по крайней мѣрѣ, если исключить Черный и Чуту-лѣсъ, какъ кажется, непринадлежавшіе de jure запорожскимъ козакамъ. «Отъ сѣвера къ устью рѣки Буга лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, только по балкамъ мѣстами растутъ яблони, груши, шиповникъ, хмель, виноградъ, крысберсень, вишня, ивнякъ, осокорь, боярышникъ, гордина, а болѣе всего терновникъ, все рѣдкими кустарниками» [7]).

Соотвѣтственно правому берегу Днѣпра лѣса шли и по лѣвому берегу; здѣсь начало ихъ отъ устья рѣки Орели и конецъ у Днѣпровскаго лимана. Такъ, противъ села Паньковки, новомосковскаго уѣзда, уцѣлѣлъ лѣсъ количествомъ 2.953 десятины въ урочищахъ Полковничьемъ, Старухѣ, Лагерѣ, Ревуновкѣ, Сѣдловщинѣ и на островахъ Матвѣевомъ и Москалевомъ, расположенныхъ въ плавенной части Днѣпра на протяженіи 20 верстъ; далѣе противъ села Елизаветовки того-же уѣзда, количествомъ 958 десятинъ, изъ коихъ часть въ плавняхъ (съ островомъ Слюсаревымъ), въ урочищахъ Большой-Дубинѣ, Малой-Дубинѣ и Малой-Березинѣ [8]); затѣмъ лѣсъ Сомовка, по теченію вѣтки Сомовки противъ села Ка-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.
[2]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 75.
[3]) Эварницкій, Сборникъ матеріаловъ для ист. зап. коз. Спб., 1888, 75.
[4]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 31.
[5]) Сементовскій, Запорожская рукопись о кладахъ, Кіевъ, 1857, 14.
[6]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 31.
[7]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.
[8]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1890, № 4, оффиціал. часть.

менки того-же уѣзда, у лѣваго берега Днѣпра, 550 десятинъ; лѣсъ Орловъ по балкѣ Орловой, тамъ-же, 154 и три десятыхъ десятины; лѣсъ Чернетчино, тамъ-же, 265 и двѣ десятыхъ десятины, всего 969 десятинъ и 236 квадратныхъ саженъ; тутъ-же, противъ Брянцевскаго завода, на островахъ Подмежевномъ—102 десятины и 2.140 квадр. саженъ, Спорномъ 118—десятинъ и 30 саженъ, Свинячьемъ—117 десятинъ и 530 квадр. саженъ, Муравомъ—59 десятинъ и 320 квадр. саженъ; лѣсъ на островѣ Шевскомъ и между береговъ Днѣпра и Самары, количествомъ 198 десятинъ и 6 десятыхъ, близъ села Мануйловки, владѣльца М. В. Курилина; лѣсъ около селенія Чапель, по вѣткѣ Шіянкѣ, балкѣ Яцевой, какъ значится на планѣ Днѣпра 1780 года; по рѣчкѣ Татаркѣ, падающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны ниже Кодацкаго порога—120 десятинъ «мелкаго и дровяного лѣсу» [1]); по балкамъ Лоханской—90 десятинъ и 280 квадратныхъ саженъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ лѣсъ въ балкѣ Лоханской представлялъ изъ себя настоящую чащу, гдѣ стояли дубы до двухъ аршинъ въ діаметрѣ при корнѣ; тутъ росли дубъ, липа, кленъ, берестъ, осина, черноклень, серебристый тополь, калина, дикія вишни, глодъ, жостеръ, бузина, барбарисъ. По балкѣ Большой-Стрѣльчьей—24 десятины, по лѣвому берегу Днѣпра, въ урочищѣ Дубровѣ—93 десятины и 440 квадратныхъ саженъ, въ урочищѣ Кучугурахъ у устья рѣчки Вороной—3 десятины и 660 квадратныхъ саженъ [2]); далѣе по балкѣ Тягинской, у лѣваго берега Днѣпра, въ теперешнемъ селѣ Васильевкѣ, противъ Ненасытецкаго порога—135 десятинъ «мелкаго лѣсу» и въ деревнѣ Алексѣевкѣ, противъ того-же порога, 92 десятины «лѣсу дровянаго и мелкаго» [3]); по балкѣ Царевой, какъ значится на планѣ Днѣпра 1780 года; при устьѣ рѣчки Осокоровки, какъ по-

---

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова; въ настоящее время въ имѣніи А. Н. Синельникова, Любимовкѣ, считается до 204 десятинъ лѣса, изъ коего на днѣпровскихъ островахъ стволоваго 98,8 и лозы 2,7 въ урочищахъ Яцевомъ, Кругликѣ и Татаровщинѣ, расположенныхъ въ степи, по балкамъ и оврагамъ стволоваго 95,5 десятинъ и терновника 5,1 десятины: преобладаетъ дубъ отъ 50 до 60 и больше лѣтъ, при 0,7 полноты.

[2]) Изъ бумагъ М. Н. Миклашевской, владѣлицы деревни Вороной.

[3]) Геометрическій спеціальный планъ 1779 года.

казано на атласѣ рѣки Днѣпра 1780 года, на острову Дубовомъ—120 десятинъ дубоваго строеваго лѣса; по балкамъ лѣваго берега Днѣпра-Россошкамъ, Диденьковой и Балчанской, между Дубовымъ островомъ и Волниговскимъ порогомъ; здѣсь особенно по балкѣ Россошкамъ, сохранились отъ старыхъ дубовъ пни сверхъ шести аршинъ въ окружности; по правому берегу Днѣпра, на протяженіи около десяти верстъ, отъ верхняго конца острова Дубоваго внизъ, гдѣ въ настоящее время одни ничтожные намеки на нѣкогда существовавшій лѣсъ; по балкѣ Орловой и Скотоватой, около тридцати десятинъ дубоваго строеваго лѣса [1]; на островѣ Таволжанкѣ, «гдѣ растетъ во множествѣ тавала» [2]; на островѣ Большомъ-Дубовомъ, ниже послѣдняго, Вильнаго, порога; онъ заключаетъ въ себѣ до пятнадцати десятинъ земли и весь покрытъ большимъ строевымъ дубовымъ лѣсомъ; по балкамъ Лишней и Кичкасѣ, какъ показано на планѣ Днѣпра 1780 года; въ урочищѣ Сагайдачномъ, на лѣвымъ берегу Днѣпра, между попелищемъ Сагайдака и скелями Середней и Дурной: здѣсь по плану 1798 года считалось «дубоваго, кленоваго, березоваго и терноваго лѣса» 96 десятинъ, въ настоящее время уже почти совершенно истребленнаго; на островѣ Маломъ-Дубовомъ въ Новомъ-Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, и Большомъ-Дубовомъ, тамъ-же, ниже поперечныхъ траншей на островѣ Хортицѣ: Большой-Дубовый островъ имѣлъ одну версту и двѣсти-сорокъ саженъ длины, сто шестьдесятъ саженъ ширины и весь покрытъ былъ дубовымъ лѣсомъ [3]; на островѣ Хортицѣ, именно въ средней и нижней части его, по плану 1798 года считалось «лѣсу дровяного, дубоваго, кленоваго, березоваго и терноваго 310 десятинъ и 150 саженъ» [4]. О существованіи на островѣ Хортицѣ лѣса зналъ еще греческій императоръ Константинъ Багрянородный (905—959): разсказывая о плаваніи древнихъ руссовъ по Днѣпру, онъ говоритъ, что спустившись ниже пороговъ, они приставали къ острову св. Григорія, теперешней Хортицѣ, и тутъ со-

---

[1]) Изъ владѣльческихъ бумагъ села Свистунова-Петровскаго.

[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 23.

[3]) Такъ показано на геометрическомъ спеціальномъ планѣ 1779 года.

[4]) По съемкѣ 1875 года 222 десятины и 405 саженъ, по съемкѣ 1888 года 402 десятины.

вершали свои жертвоприношенія: на немъ стоялъ огромный величины дубъ — ἐκεῖσε ἵσταθον παμμεγέθη δρῦν—, у котораго и собирались руссы; видимо, это тотъ самый дубъ, который стоялъ въ ста пятидесяти саженяхъ отъ Островъ-Хортицкой колоніи, на югъ, и самой дороги, идущей чрезъ островъ въ длину; онъ имѣлъ въ окружности при корнѣ до трехъ саженъ и въ 1876 году былъ срубленъ нѣмцами-колонистами, вслѣдствіе того, что усохъ; у запорожскихъ козаковъ онъ считался «святымъ дубомъ»: подъ его священною сѣнью они собирались на шумныя рады и подъ его-же могучими и многовѣковыми вѣтвями лили горькія слозы, прощаясь въ послѣдній разъ, въ 1775 году, послѣ «троицкаго свята», съ своею матерью-Сичею и расходясь въ далекіе края «доживать вику—хто на Динъ, хто на Дунай, а хто до ридной осели».

Ниже острова Хортицы по лѣвому берегу Днѣпра начинался знаменитый у запорожскихъ козаковъ Великій-Лугъ, т. е. громадный вѣковой лѣсъ, раскинувшійся по береговой днѣпровской низинѣ, изрѣзанной въ разныхъ направленіяхъ рѣками, рѣчками, лиманами, ериками, озерами и покрытой непроходимой болотной травой и высокими камышами, на протяженіи семидесяти верстъ въ длину при двадцати пяти верстахъ наибольшей ширины; въ началѣ отъ рѣчки Мокрой-Московки въ Великомъ-Лугу преобладалъ дубъ, далѣе дубъ смѣнялся лѣсною растительностью мягкой породы, каковы: верба, осокорь, шелковица, лоза и т. п. Есть основаніе думать, что въ теперешней плавнѣ отъ Александровска внизъ по лѣвому берегу Днѣпра, или въ запорожскомъ Великомъ-Лугѣ, кроется знаменитая Гилея Геродота; иначе говоря, въ Гилеѣ Геродота нужно видѣть вообще всѣ плавни лѣваго берега Днѣпра, начиная отъ теперешняго города Алешекъ, таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда [1]), и кончая Великимъ-Лугомъ, у города Александровска, екатеринославской губерніи, съ промежутками, на протяженіи слишкомъ 250 верстъ. Въ самомъ дѣлѣ: во-первыхъ, тому доказательствомъ служитъ положеніе мѣстности, почва и характеръ лѣса: лѣсъ у города Алешекъ и лѣсъ у города Александровска идетъ по одному и тому-же лѣвому берегу Днѣпра, растетъ на

[1]) Въ алешковскомъ уѣздѣ былъ нѣкогда лѣсъ, занимавшій, по словамъ Боре, пространство 130,000 десятинъ. «Южный Край», 6 января 1888 года.

одной и той же песчаной съ древесными и травяными отложеніями почвѣ и представляетъ изъ себя одну и ту-же мягкой породы лѣсную растительность; во-вторыхъ, только допустивъ конецъ Гилеи близъ города Александровска, т. е. противъ острова Хортицы, можно указать и мѣсто называемой Геродотомъ Змѣиной пещеры—въ сѣверозападной оконечности Хортицы, тогда какъ, ограничивъ Гилею окрестностями Алешекъ, мы тщетно будемъ искать въ Гилеѣ Змѣиной пещеры: на всемъ протяженіи лѣваго берега Днѣпра до самой Хортицы нѣтъ ни одной пещеры, да нѣтъ и такого возвышеннаго скалистаго мѣста, гдѣ бы могла быть какая бы то ни было пещера; въ-третьихъ, если Геродотъ поднимался по Днѣпру до пороговъ, въ чемъ, кажется, сомнѣваться нельзя, то онъ не могъ не обратить вниманія и не отмѣтить потомъ въ своей исторіи присутствія громаднѣйшаго лѣса у лѣваго берега Днѣпра ниже острова Хортицы, того именно лѣса, который впослѣдствіи у запорожскихъ козаковъ назывался Великимъ-Лугомъ и въ которомъ они, какъ въ наши дни раскольники въ муромскихъ лѣсахъ, находили себѣ надежнѣйшій и вполнѣ безопасный пріютъ отъ окружавшихъ ихъ враговъ—поляковъ, татаръ, турокъ, а отчасти и русскихъ: «Сичъ—мате, а Великій-Лугъ—батько!»...

Ниже Великаго-Луга, послѣ большаго перерыва, лѣсъ вновь начинался между Конкой и Днѣпромъ, соотвѣтственно Капрскимъ плавнямъ; отсюда еще ниже, гдѣ въ настоящее время стоитъ городъ Алешки; здѣсь-то и начиналась знаменитая Гилея Геродота: «Съ переходомъ черезъ Борисѳенесъ вступаемъ въ ближайшую отъ моря землю Гилею... что подлѣ Ахиллова бѣга [1]), изобилующую всевозможнымъ лѣсомъ» [2]). Слово «Гилея» происходитъ отъ греческаго слова—«ὕλη»—лѣсъ и означаетъ собой лѣсное пространство, извѣстную лѣсную мѣстность. За начало этого лѣснаго пространства нужно принять окрестность названнаго города Алешекъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ какъ самое названіе города, такъ и общія соображенія. Алешки, или древне-русское Олешье, есть коренное славянское слово, происходящее или отъ слова

[1]) Ахилловъ бѣгъ, какъ думаютъ, соотвѣтствуетъ Тендерской косѣ.

[2]) Геродотъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка. Москва, 1885, I, 305 и 133.

«лѣсъ» и означающее собой «мѣсто подлѣсное», «мѣсто около лѣса»; или же отъ слова «ольха», «елоха», означавшаго въ старинномъ топографическомъ языкѣ болото, водяное, поемное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣсьемъ [1]), то, что теперь приднѣпровскіе жители разумѣютъ подъ словомъ плавни. «Нынѣ лѣвый, низменный берегъ Днѣпра, говоритъ Ѳ. К. Брунъ, на протяженіи около 20 верстъ вокругъ Алешекъ, опутывается нерѣдко болѣе или менѣе густыми кустами лѣсной растительности: дубами, осиной, лозникомъ, а преимущественно ольхой и березой. Безъ сомнѣнія, эти лѣски были настоящими лѣсами въ древности, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябанія береговаго края гораздо могущественнѣе, особенно на луговой сторонѣ рѣки. По мѣрѣ уменьшенія этой силы, разныя породы деревьевъ, нѣкогда здѣсь встрѣчавшіяся, легко могли вывестись, а это тѣмъ скорѣе, что климатъ нашихъ степей подвергся измѣненіямъ еще болѣе ощутительнымъ, чѣмъ перемѣна, происходившая въ ихъ отношеніяхъ гидрографическихъ. Гилея могла представлять въ древности взорамъ путешественниковъ, кромѣ древесныхъ породъ, еще и нынѣ тамъ попадающихся, и другія породы, въ настоящее время, быть можетъ, уже совершенно чуждыя этой мѣстности. Къ таковымъ породамъ могли принадлежать европейскія породы хвойныхъ деревьевъ, какъ напримѣръ, ель и сосна, поелику онѣ требуютъ почвы песчаной, а таковою именно отличаются окрестности Алешекъ [2]). Къ физическимъ причинамъ, измѣнившимъ видъ Гилеи, нужно прибавить то, что она въ теченіе столь многихъ вѣковъ подвержена была разрушительному вліянію народовъ, и не однихъ только ногайцевъ, какъ полагаетъ баронъ Тоттъ, который въ проѣздъ свой черезъ эту мѣстность узналъ отъ туземцевъ, что она нѣкогда была покрыта густымъ лѣсомъ. Такъ какъ остатки сего лѣса, тому назадъ болѣе ста лѣтъ, безъ сомнѣнія, были значительнѣе, чѣмъ теперь, то и легко объясняется, почему турки

[1]) Забѣлинъ, Исторія русской жизни, Москва, I, 1876, 16,

[2]) Вѣроятность этого предположенія подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Стефана Византійскаго Гилея называется словомъ Ἀβική, что значитъ «страна елей»; abies съ латинскаго на русскій значитъ «ель».

могли сказать, что запорожцы, которые послѣ сраженія при Полтавѣ искали убѣжища въ Алешкахъ, поселились въ «лѣсѣ братьевъ». Въ среднихъ вѣкахъ лѣсъ этотъ долженъ былъ занимать еще болѣе пространства и поэтому могъ соотвѣтствовать тому, въ которомъ переночевалъ бургундскій рыцарь Гилльбертъ де-Ланнуа въ своемъ путешествіи изъ Монкастро въ Кафу въ 1421 году. Лѣсъ не могъ не обратить на себя вниманія современныхъ рыцарю итальянскихъ промышленниковъ, посѣщавшихъ Черное море и образовавшихъ рядъ поселеній на берегахъ его; равно какъ и при нижнемъ Днѣпрѣ, столь важномъ съ давнихъ поръ по рыбной ловлѣ, которая въ немъ производилась» [1]. «Есть поводъ думать, замѣчаетъ Д. И. Иловайскій, что европейская Скиѳія въ древнія времена не была такою почти безлѣсною степью, какъ въ наше время, а потому и не страдала такимъ недостаткомъ влаги, какъ теперь. Глубокія балки, въ настоящее время сухія, когда-то были прорыты водными потоками и служили ложбинами для многочисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Хотя Геродотъ указалъ на величественныя рѣки и недостатокъ лѣса, какъ на отличительныя черты Скиѳіи, однако онъ упоминаетъ о лѣсистой ея части, которая называлась Гилея и лежала, по его словамъ, къ востоку отъ Днѣпра, на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути отъ его устья. Эта лѣсистая и довольно холмистая полоса повидимому простиралась отъ нижняго теченія Днѣпра почти до береговъ Азовскаго моря. Остатки лѣсовъ, разсѣянные по холмамъ, видѣлъ еще въ XIII вѣкѣ латинскій монахъ Рубруквисъ на пути своемъ въ Татарію. Іосафатъ Барбаро, итальянскій путешественникъ XV вѣка, говоритъ о значительныхъ лѣсахъ на нижнемъ теченіи Дона и Волги и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ представляется голая степь. Очевидно, густыя лѣса средней Россіи въ древности простирались на югъ гораздо дальше, чѣмъ въ наше время, и посылали отъ себя отдѣльныя группы до самыхъ берего[въ] понтійскихъ и каспійскихъ» [2].

Но какъ бы далеко не простиралась Гилея, каковы бы ни [...]

---

[1]) Брунъ, О позднѣйшихъ названіяхъ древней Ги[...] общества исторіи и древностей. IV, 235—239.

[2]) Иловайскій, Розысканія о началѣ Руси. Мос[...]

породы ея деревьевъ, во всякомъ случаѣ можно сказать, что въ ней росли громадныя деревья: о величинѣ ихъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ дубамъ, которые находятся теперь въ Великомъ-Лугу; дубы эти свидѣтельствуютъ, что настоящіе днѣпровскіе лѣса только ничтожная пародія тѣхъ исполиновъ—лѣсовъ, которые нѣкогда своей могучею головой осѣняли широкій Днѣпръ [1]). Наконецъ, ниже Гилеи шли лѣса въ мѣстности около Кинбурна и на островахъ днѣпровскихъ гирлъ, но здѣсь была исключительно мягкая порода деревьевъ: «лозиякъ березовый, ольха, яблони, дикія груши, ивнякъ, верба, а всего болѣе тернъ и все изрѣдка, кустами, самый мелкій, а на островахъ камыши и мелкая ольха, между песками и около озеръ тростникъ, въ берегахъ около острововъ много земляныхъ орѣховъ» [2]). На островахъ, что въ Гирлахъ, довольно ольхи, березы, лозняку, вербы, терну, но все мелкіе» [3]).

Къ сѣверо и юговостоку отъ лѣваго берега Днѣпра, въ паланкахъ протовчанской, орельской и самарской, теперешнихъ уѣздахъ новомосковскомъ, павлоградскомъ, бахмутскомъ и александровскомъ, лѣса росли болѣе по берегамъ и склонамъ рѣкъ, балокъ и байраковъ; въ этой области самыми лѣсистыми мѣстами были берега рѣкъ Орели и Самары. Орельскіе лѣса служили границей между вольностями запорожскихъ казаковъ и владѣніями малороссійскихъ или украинскихъ казаковъ. Въ предѣлахъ Запорожья они шли узкою полосою по лѣвому берегу рѣки Орели [4]), отдѣлявшей границы запорожскихъ владѣній отъ границъ владѣній гетманскихъ, и широкою полосою по обоимъ берегамъ рѣки Самары, составлявшей центръ самарской паланки. Свѣдѣній объ орельскихъ лѣсахъ мы не находимъ ни у Ласоты въ XVI вѣкѣ, ни у Боплана въ первой половинѣ XVII вѣка; о существованіи лѣсовъ на Орели, даютъ указанія впервые акты 1675 г. «А походъ на Крымъ прямити

---

[1]) Таковы колоссальнѣйшіе дубы, которые вытащены были И. И. Чайкинымъ лѣтъ 11 тому назадъ, въ Великомъ-Лугу, противъ села Григорьевки, имѣнія графа А. Е. Канкрина, и теперь лежатъ у подъѣзда графскаго дома.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

[4]) Были лѣса и по правому берегу Орели, но они принадлежали гетманскимъ, а не запорожскимъ козакамъ.

на Орель и Самару, для того, чтобы воды и дровъ вдоволь было» [1]). Затѣмъ объ орельскихъ лѣсахъ упоминаютъ русскіе послы Тяпкинъ и Зотовъ во второй половинѣ XVII вѣка и подробныя даютъ указанія геометрическіе спеціальные планы конца XVIII вѣка. Изъ геометрическихъ плановъ видно, что орельскіе лѣса тянулись почти на протяженіи ста сорока двухъ верстъ, начиная выше того мѣста, гдѣ впадаютъ въ Орель двѣ рѣчки Богатыя съ обѣихъ старонъ ея, по теперешнему отъ села Черноглазовки-Стешиной, павлоградскаго уѣзда, и кончая устьемъ Орели, шириною отъ лѣваго берега въ степь иногда до двѣнадцати верстъ, т. е. въ общемъ до 5.006 десятинъ всего лѣса. Въ настоящее время этотъ лѣсъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ по селамъ, слободамъ, деревнямъ и усадьбамъ павлоградскаго и новомосковскаго уѣздовъ екатеринославской губерніи: въ Черноглазовкѣ, Чернявщинѣ, Шандровкѣ [2]), Татарбранкѣ и Кирносовкѣ идутъ небольшіе перелѣски; ниже начинаются уже настоящіе лѣса; въ Афанасьевкѣ—5 десятинъ «дровянаго лѣсу»; въ хуторѣ А. А. Гана—4 десятины лѣсу; въ хуторѣ Давыдовкѣ-Нѣметчинѣ—2 десятины и 1.700 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Перещепинѣ—117 десятинъ и $^{1}/_{10}$ часть десятины, сверхъ того «2 десятины и $^{7}/_{10}$ лѣсныхъ полянъ»; въ деревнѣ Александріи—45 десятинъ и 1.700 квадратныхъ саженъ, сверхъ того 165 десятинъ и 120 квадратныхъ саженъ «сѣнокосу съ поросшимъ на немъ лѣсомъ»; въ селѣ Козырщинѣ—125 десятинъ; въ селѣ Лычковомъ—561 десятина и 869 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Бузовкѣ—«лѣсу лиственнаго» 120 десятинъ и 200 квадратныхъ саженъ и «лѣсу дровянаго» 230 десятинъ; въ деревнѣ Степановкѣ—18 десятинъ [3]); въ селѣ Колпаковкѣ—36 десятинъ; въ мѣстечкѣ Котовкѣ—«дровянаго лѣсу» 375 десятинъ и 158 квадратныхъ саженъ; въ деревнѣ Марковой-Горкѣ 154 десятины 1,326 квадратныхъ саженъ; въ хуторѣ Сулимовкѣ—«мѣшаннаго строеваго и дровянаго лѣсу» 82 десятины и

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 155.

[2]) Первыя три села павлоградскаго, а послѣ[illegible] уѣзда.

[3]) На правомъ берегу Орели въ [illegible] десятинъ лѣса.

560 квадратныхъ саженъ; въ хуторахъ Жученка и Хижняка—41 десятина; въ Степановкѣ-Шагаровкѣ—239 десятинъ и 158 квадратныхъ саженъ [1]); въ слободѣ Чернетчинѣ—193 десятины и 9 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Гупаловкѣ—«мелкаго кустарнику» 11 десятинъ и 12.359 квадратныхъ саженъ; въ деревнѣ Александровкѣ С. А. Адаменка по плану 1778 года «лѣсу мелкой поросли» 10 десятинъ; въ хуторѣ Житецкомъ—«лѣсу, между коимъ сѣнной покосъ», 130 десятинъ и 1,057 квадратныхъ саженъ; въ слободѣ Михайловкѣ—15 десятинъ; въ хуторѣ Войновкѣ—«лѣсу строеваго и дровянаго»—22 десятины; хуторѣ Ключниковомъ—25 десятинъ; въ деревнѣ Ненадовкѣ—159 десятинъ и 1.100 квадратныхъ саженъ; въ селѣ Бабайковкѣ—400 десятинъ; въ деревнѣ Плавещинѣ—179, которыя въ настоящее время раздѣляются между семью владѣльцами: Е. М. Новохацкой—67 десятинъ въ трехъ участкахъ, М. Г. Яковца—31 десятина, М. Г. Степановой и Е. М. Новохацкой, совмѣстно 42 десятины, М. Г. Степановой—2 десятины, Л. И. Юрьевой—17 десятинъ, П. П. Базилевскаго—7 десятинъ, Григорія Лысенка и Глафиры Курдюковой—30 десятинъ; наконецъ въ слободѣ Шульговкѣ—2.225 десятинъ и 1.150 квадратныхъ саженъ; въ настоящее время въ дачѣ Шульговкѣ считается 4.714 десятины лѣса, изъ коихъ 120 десятинъ дуба и 448 десятинъ кустарниковъ въ плавняхъ лѣваго берега Днѣпра, 24 десятины дуба на церковной землѣ и 4.132 десятины въ пескахъ, на половину облѣсенныхъ [2]). Преобладающей породой лѣсной растительности по лѣвому берегу рѣки Орели былъ дубъ, который достигалъ здѣсь довольно значительныхъ размѣровъ; такъ въ мѣстечкѣ Котовкѣ, владѣльца Г. П. Алексѣева, въ урочищѣ Левенцовомъ и господскомъ саду есть дубы, имѣющіе въ окружности по 6 аршинъ при корнѣ, а въ деревнѣ Степановкѣ, имѣніи А. Н. Синельникова, гдѣ семь лѣтъ тому назадъ, срубленъ былъ дубъ, имѣвшій въ окружности 6 аршинъ и 1 вершокъ, въ діаметрѣ 1 аршинъ 10 вершковъ; послѣднему по опредѣленію спеціалистовъ

[1]) Въ настоящее время здѣсь считается 210 десятинъ, изъ коихъ 95 въ плавняхъ 115 въ кучугурахъ; преобладаетъ дубъ съ незначительною примѣсью мягкихъ породъ, отъ 40 до 100 лѣтъ при 0.8 полноты.

[2]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1890, № 4, оффиц. часть.

лѣснаго дѣла, было не менѣе 150 лѣтъ. Кромѣ дуба по Орели росли: берестъ, ясень, кленъ, верба, дикія яблони и дикія груши.

Къ востоку отъ орельскихъ лѣсовъ, на разстояніи по прямой линіи около пятидесяти верстъ, въ томъ же направленіи отъ сѣвера къ югу, тянулись самарскіе лѣса. О существованіи лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ знали Бопланъ [1]), Тяпкинъ и Зотовъ [2]), московскіе ратные люди, Иванъ Коломнинъ съ товарищи [3]) и секретарь московской иностранныхъ дѣлъ коллегіи Василій Чернявскій въ 1766 году [4]). Самарскіе лѣса начинались по рѣчкѣ Терновкѣ, далѣе шли вдоль береговъ Самары и захватывали нѣкоторые изъ ея притоковъ—Кильчень, Самарчикъ, Волнянку, Волчью, Кочережку, Гнѣздище, Великую-Терновку, Малую-Терновку, Татарку, Песчанку, Чаплынку и Быкъ; все это пространство до устья рѣки составляло 182 версты, при наибольшей ширинѣ въ 20 верстъ. Таковы 529 десятинъ лѣса въ урочищахъ Редутахъ, Тернахъ, Ерялкиномъ, Бараньей-Пристани, Каменномъ-Бродѣ, Закотѣ и Посадкѣ въ плавняхъ рѣки Самары и на пескахъ въ одной верстѣ ниже пяти послѣднихъ урочищъ къ югу, въ окрестностяхъ села Дмитріевки, павлоградскаго уѣзда, на рѣкѣ Самарѣ; таковы 96,6 десятинъ лѣса въ колоніи Рыбальской, іозефстальской волости, на островахъ и плавняхъ рѣки Самары, новомосковскаго уѣзда. Самарскіе лѣса, по справедливости, считались «знатными», запорожскими лѣсами, «несходимыми» и «невидимыми», въ своемъ родѣ «муромскими дебрями». «Окрестности Самары, говоритъ Бопланъ, замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ лѣсѣ, такъ что едвали какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Кодакѣ» [5]). Въ 1675 году, во время предпола-

---

[1]) Описаніе Украйны, Спб., 1882, 18. Также карта Украйны Боплана въ Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, Москва, 1842, III.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отд. II и III, 573.

[3]) Лѣтопись занятій археографической коммиссіи. Спб., 1861, I, 60—68.

[4]) Мышецкій, Исторія о коз. зап. Одесса, 1852, 80. В. Чернявскій [illegible] былъ въ 1760 году къ запорожцамъ для разбора взаимныхъ жал[illegible] козаками и татарами.

[5]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 184[illegible]

гавшагося похода московскаго ополченія подъ начальствомъ князя Григорія Ромадановскаго и казацкаго войска подъ начальствомъ «гетмана Ивана Самойловича, рѣшено было идти ниже посольской дороги на Самару для того, чтобы войску въ водахъ и дровахъ утружденія не было» [1]). Въ 1682 году московскіе послы Никита Зотовъ и Василій Тяпкинъ писали: «Вѣдомо да будетъ впредь ходящимъ тѣмъ путемъ (чрезъ рѣку Самару и далѣе), какъ посломъ, такъ и рати царскаго величества, дубровы и прочіи дровяныя угодья до того помянутаго стану (ниже Самары) кончились. А отъ этого стану даже до Крыму по рѣкамъ и рѣчкамъ и по удоліямъ многіе тальники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбы множество есть, и по нуждѣ безъ большихъ простоевъ великимъ ратемъ дровами пронятца мочно. На тѣхъ Овечьихъ-Водахъ и на всѣхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ, и на степяхъ дубравы суть великія и лѣса, и терники, и тальники, и камыши» [2]). «Изъ сихъ лѣсовъ, а главнѣйше изъ находящихся по рѣкѣ Самарѣ, запорожскіе козаки не только дома и зимовники свои созидали, но и въ 1756 году, послѣ пожара, который большую часть Сѣчи въ пепелъ обратилъ, главные курени козацкіе, купеческіе и мастеровые дома вновь построили и всегда на согрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляютъ» [3]).

Самарскіе лѣса состояли изъ деревьевъ самыхъ разнообразныхъ породъ: ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орѣшника, съ преобладаніемъ, однако, какъ и на Орели, дуба; между деревьми, вблизи рѣчекъ, были обширные луга, сѣнокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимой травой; по лугамъ паслись дикія козы, кабаны, туры, въ чемъ убѣждаютъ насъ и въ настоящее время находимые здѣсь туры рога [4]). То, что сказано было о самарскихъ лѣсахъ 250 лѣтъ тому назадъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, почти тоже можно сказать о нихъ и въ настоящее время. Не смотря на варварское обращеніе владѣльцевъ съ самарскими лѣсами, они все-же пора-

[1]) Акты южной и западной Россіи, XII, 145, 155.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II, 573.
[3]) Чернявскій, Исторія о козакахъ запорожскихъ Мышецкаго, 1852, 85.
[4]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888 г., I, 236.

жаютъ человѣка даже и въ настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своихъ деревьевъ: въ нихъ и теперь растутъ сосны, имѣющія въ обхватѣ 6, дубы—9 и вербы—10 аршинъ. Что-же тутъ было въ далекомъ прошломъ? Объ этомъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ гигантскимъ дубамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ на днѣ русла рѣки Самары. Такихъ дубовъ можно видѣть цѣлую сѣть, при пониженіи воды въ рѣкѣ, близъ села Вольнаго. Въ настоящее время самарскій лѣсъ тянется на протяженіи около ста верстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары, съ нѣкоторыми, однако, перерывами, начиная отъ того мѣста, гдѣ Самара принимаетъ въ себя рѣку Волчью, на границахъ новомосковскаго и павлоградскаго уѣздовъ, и кончая нѣсколько выше устья ея.

Подвигаясь далѣе отъ Самары къ востоку, находимъ указанія на существованіе «лѣсныхъ чащей и дубравъ» по рѣкѣ Нижней-Терсѣ и «тальниковъ» по рѣчкѣ Соленой, притокахъ рѣки Волчьей [1]), и особенно по самой Волчьей; въ селѣ Мавриномъ, близъ города Павлограда, гдѣ въ настоящее время считается «лѣсу и кустарнику» 40 десятинъ и 190 квадратныхъ саженъ; деревнѣ Осиповой, имѣніи Лацины-Мартыненка, гдѣ считается «лѣсу дровянаго» 10 десятинъ, «рогозу и лозы 187 десятинъ и шелюгу 48 десятинъ» [2]); деревнѣ Катериновкѣ, александровскаго уѣзда, имѣніи Н. Н. Мазаракія, въ семи верстахъ отъ помѣщичьей усадьбы, въ урочищѣ Святомъ, 25 десятинъ и ниже того урочища столько же «терновнику, дикихъ грушъ, яблонь, вербъ и отчасти татарскаго клена»; деревнѣ Богодарѣ, имѣніи Ѳ. И. Михеева, при впаденіи рѣчки Ганчула въ Волчью, 35 десятинъ, «татарскаго клена, осинъ, терновника, бузины, дикихъ грушъ и яблонь»; въ томъ-же Богодарѣ, въ балкѣ Каменоватой «лѣсу четыре версты въ длину»; лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, въ Каменоватой балкѣ, по словамъ старожиловъ, росъ такой лѣсъ, чрезъ который и «не просунешься», а на самомъ днѣ ея стояли криницы «чистой, какъ серебро, во въ настоящее-же время отъ того лѣса ни пня, а отъ крин слѣда не осталось; въ мѣстѣ соединенія рѣчки Ганчула съ

---

[1]) Ѳеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 18

[2]) Изъ фамильныхъ плановъ княгини Н. 1

ломъ, по Байковскому оврагу, въ Прасковейской пустоши, и въ трехъ мѣстахъ сельца Косовцова, владѣльца Н. Р. Косовцова, теперь хутора Родзянки, «мелкаго лѣса терновыхъ кустарниковъ 24 десятины и 90 саженъ» [1]); въ селѣ Большой Михайловкѣ или Дибривкахъ «естественнаго лѣса, стараго запорожскаго, дуба 107 десятинъ и 2000 квадратныхъ саженъ, шелюга 264 десятины 1650 квадратныхъ саженъ, осины, осокоря и пирамидальнаго тополя 17 десятинъ и 1350 квадратныхъ саженъ, сосны 11 десятинъ и 1630 квадратныхъ саженъ, шелковицы 2 десятины и 1500 квадратныхъ саженъ; терну и татарскаго клену 18 десятинъ и 280 квадратныхъ саженъ, всего 424 десятины и 1060 кв. саж.; кромѣ того вновь насажденнаго 186 десятинъ и 260 кв. саж. [2]). Самые толстые дубы дибривскаго лѣса имѣютъ сверхъ четырехъ аршинъ въ окружности; по опредѣленію спеціалистовъ лѣснаго дѣла, старѣйшіе изъ дибривскихъ дубовъ имѣютъ по 121 году; въ деревнѣ Евграфовкѣ, имѣніи М. Н. Жебуневой, на той же Волчьей, противъ лѣса Большой-Михайловки, «дуба и терноваго кустарника 13 десятинъ и 1700 квадратныхъ саженъ» [3]); и здѣсь преобладалъ дубъ, средняя толщина котораго въ окружности два аршина и три четверти; во всемъ александровскомъ уѣздѣ дибривскіе и жебуневскіе лѣса составляютъ единственное богатство уѣзда, если исключить лѣса при самомъ Днѣпрѣ въ томъ же уѣздѣ. Еще восточнѣе шли лѣса по рѣкѣ Мокрымъ-Яламъ, гдѣ теперь села Федоровка, Времьевка, Маіорское, Большой-Янисоль, Веселое, Клевцово; тутъ росли: береза, осокорь, дикія яблони, груши; близъ Бахмута былъ лѣсъ, имѣвшій протяженія 100,000 десятинъ; отъ южной границы теперешняго славяносербскаго уѣзда есть лѣсъ Леонтьевскій—Буеракъ, нѣкогда составлявшій съ сосѣдними лѣсами земли войска Донскаго одну сплошную лѣсную дачу [4]); отсюда шли лѣса прямо на югъ по берегамъ рѣки Калміуса и ея притокамъ, по склонамъ Азовскаго побережья. Склоны Азовскаго побережья и калміусская низменность нѣкогда покрыты были лѣсами, гдѣ на-

---

[1]) Владѣльческія бумаги поручика Н. З. Мухортова.
[2]) Свѣдѣнія добыты въ лѣсничествѣ отъ П. Г. Несмѣянова.
[3]) Спеціальный геометрическій планъ 1791 года, въ деревнѣ Евграфовкѣ.
[4]) Южный край, 6 января, 1888 года, Харьковъ.

ходили себѣ убѣжище волки и дикіе кабаны. «И теперь еще на поверхность безлѣснаго прибрежнаго взгорья выступаютъ мѣстами толстые пни вѣковыхъ деревьевъ, преимущественно берестовъ. Мало того, есть очевидныя доказательства, что въ болѣе отдаленныя времена лѣсная растительность распространялась далеко въ глубь уѣзда (маріупольскаго) по рѣчнымъ долинамъ; по рѣчкѣ Западному-Кальчику, между селомъ Малымъ-Янисолемъ и колоніей Киршвальдомъ встрѣчаются подъ глубокимъ рѣчнымъ наносомъ огромные дубовые стволы» [1]).

Изъ общаго обзора лѣсовъ въ запорожскихъ вольностяхъ слѣдуетъ прямой выводъ тотъ, что земли, доставшіяся запорожскимъ козакамъ, носили характеръ по преимуществу степной: на пространствѣ степей въ 425 верстъ длины и 275 верстъ ширины или на 6.078,240 десятинъ земли [2]) лѣса представлялись только оазисами и то въ низменныхъ и влажныхъ мѣстахъ, балкахъ, оврагахъ, берегахъ рѣкъ и островахъ. Впрочемъ, нельзя умолчать о томъ, что во время запорожцевъ лѣсовъ было больше, чѣмъ теперь, и въ началѣ историческаго существованія козаковъ больше, чѣмъ въ концѣ; причинами этого были чисто случайныя явленія: пожары, истребленіе татарами, польскими и русскими войсками, во время большихъ походовъ на югъ. «Оттого, что боръ нѣсколько кратъ горѣлъ, а наипаче отъ татарскаго въономъ зимованія и безъ разбору порубленія, всѣ знатные лѣса гораздо рѣдки стали. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ—на Самарѣ, Конкѣ и Калміусѣ—лѣса крайне разорены не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ и вывозомъ въ свои аулы немалаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья; но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, привозили. Сіи дикіе и голодные народы... около зимовниковъ и на лугахъ выбиваютъ травы и истравляютъ сѣно, разоряютъ молодой лѣсъ...

---

[1]) Александровичъ, Краткій обзоръ маріупольск. уѣзда, Маріуп·

[2]) Старчевскій, Справочный энциклопедическій словарь, IV, 245.

черезъ всю зиму крадутъ и грабятъ все, что только могутъ... заготовленный къ строенію лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревьевъ. Одинъ изъ мурзъ, прошедшею весною, забравъ найденный при нѣкоторыхъ зимовникахъ заготовленный на строеніе лѣсъ, на сорока возахъ, съ пятьюдесятью вооруженныхъ татаръ самъ до своихъ ауловъ проводилъ, отбивая козаковъ въ провозѣ препятствовать хотящихъ» [1]). Не мало истребили лѣса и первые поселенцы, явившіеся въ новороссійскомъ краѣ послѣ паденія Запорожья, особенно при постройкахъ такихъ городовъ, какъ Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Никополь, Алешки и др. Сами помѣщики, получившіе послѣ изгнанія запорожцевъ земли въ Новороссіи, частію даромъ, частію за ничтожную плату казнѣ, также много извели лѣсовъ или вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, или же вслѣдствіе дробленія большихъ лѣсныхъ участковъ на малые, достававшихся нѣсколькимъ лицамъ сразу [2]). Сверхъ того, не нужно забывать и того, что мѣстами степными часто называются и такія, въ которыхъ лѣса немного менѣе по количеству всей земли, чѣмъ въ губерніяхъ, называемыхъ нестепными.

Относительно флоры лѣсной въ странѣ вольностей запорожскихъ козаковъ нужно сказать, что здѣсь росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, быть можетъ, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтреная и непостоянная погода обусловливали и произрастаніе извѣстныхъ видовъ древесной растительности, изъ коихъ господствующими здѣсь были: липа, кленъ грабъ, вязъ, дубъ, берестъ, иначе илимъ, ясень, верба, осокорь, шелковица, яблонь, груша, вишня, дули, калина, ива, ольха, береза, сосна, орѣшникъ, черноклёнъ, тополь серебристый, глодъ, боярышникъ, кизилъ, кожевенное дерево, желтинникъ, крушина, жостеръ, таволга (sipiraca crenota), бузина, лоза, яворъ (чинаръ,

[1]) Чернявскій, Исторія о козакахъ запорожскихъ Мышецкаго, Одесса, 1852, 84, 85, 89, 90.

[2]) Струковъ, О новороссійскихъ лѣсахъ, Ж. М. Г. И., 1855, февраль, 167, 169, 170.

нѣмецкій кленъ, ложнокленъ), барбарисъ, гордовое дерево (viburnum lantana) и другія [1]).

Примѣчаніе. Изслѣдованія лѣсовъ мѣстными лѣсничими екатеринославской губерніи, произведенныя въ концѣ февраля 1890 года только по одной рѣкѣ Днѣпру, въ уѣздахъ екатеринославскомъ, александровскомъ и въ нѣкоторой части новомосковскаго, привели къ даннымъ, что въ настоящее время подъ лѣсомъ и кустарниками въ екатеринославскомъ уѣздѣ находится 20,300, александровскомъ—5,950 и новомосковскомъ—6,320 десятинъ. По свѣдѣніямъ же, представленнымъ въ послѣднее время въ лѣсохранительный комитетъ уѣздными земскими управами, исправниками и лѣсничими, количество десятинъ лѣса во всей екатеринославской губерніи, кромѣ недавно отдѣленнаго отъ ней ростовскаго уѣзда, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Лѣса.					Итого.
	Казеннаго вѣдомства.	Удѣльнаго вѣдомства.	Городовъ и монастырей.	Части. владѣльцевъ и обществен.	Крестьянскихъ лѣсныхъ надѣловъ.	
	Десятинъ:					
Александровскій .	1,300	—	400	3,600	662	5,962
Бахмутскій . . .	225	—	—	4,158	4,314	8,697
Верхнеднѣпровскій	432	—	—	1,245	3,218	5,395
Екатеринославскій	4,684	74	—	30,218	8,544	43,520
Маріупольскій . .	3,717	—	—	551	140	4,408
Новомосковскій .	875	—	1,107	21,065	2,685	25,732
Павлоградскій. .	445	—	221	2,590	2,537	5,793
Славяносербскій .	1,484	—	250	7,255	6,244	15,233
Всего. .	13,662	74	1,978	70,682	28,344	114,740 [2])

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запо
динскій, матеріалы для флоры
[2]) Свѣдѣнія эти доставле
ника Екатеринославской губер

XII.

Производительность земли, климатъ, флора, фауна и времена года въ землѣ вольностей запорожскихъ козаковъ.

По силѣ и степени производительности край вольностей запорожскихъ козаковъ можетъ назваться въ одно и то же время и изумительно богатымъ, и изумительно бѣднымъ; все зависѣло здѣсь не столько отъ рѣчныхъ и ключевыхъ водъ, сколько отъ атмосферной и дождевой влаги: въ дождливое лѣто растительность здѣсь достигала невѣроятныхъ размѣровъ, урожай получался баснословный, въ знойное и сухое лѣто растительность погибала, неурожай влекъ за собой страшныя бѣдствія. Вотъ отчего у разныхъ писателей такъ различно описывается край запорожскихъ вольностей: по однимъ— это обѣтованная земля, текущая молокомъ и медомъ, по другимъ— это дикая пустыня, безводная, выжженная солнцемъ, лишенная всякой растительности. Даже и у одного и того же писателя, только въ различное время года, запорожскій край часто изображался совершенно различно.

Наиболѣе плодородныя мѣста были по низменностямъ, или такъ-называемымъ «подамъ» рѣкъ, близъ Днѣпра, Самары, Орели, Омельника, Самоткани, Домоткани и др.; наименѣе плодородныя около Буга, въ бывшей бугогардовской паланкѣ, и особенно около Калміуса, въ бывшей калміусской паланкѣ. Отецъ исторіи, Геродотъ, описываетъ страну скиѳовъ, часть которой впослѣдствіи принадлежала запорожскимъ козакамъ, въ такихъ словахъ: «Земля у нихъ ровная, изобилуетъ травой и хорошо орошена; число протекающихъ чрезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного только меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Четвертая рѣка, Борисѳенесъ, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ, впрочемъ, египетскаго

Нила. Изъ прочихъ же рѣкъ Борисѳенесъ наиболѣе прибыльная: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходную рыбу въ большомъ изобиліи, вода на вкусъ очень пріятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахотныя поля или растетъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисѳенесѣ водятся огромныя рыбы безъ позвоночнаго столба, называемыя антокаями и идущія на соленія» [1]). Въ XVI вѣкѣ современникъ запорожскихъ козаковъ описываетъ богатство ихъ страны въ такихъ чертахъ: «Въ этой странѣ — приднѣпровскихъ степяхъ — трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ, въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ» [2]). Въ XVII вѣкѣ, по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края водилось множество рыбы и раковъ; изъ такихъ рѣкъ особенно извѣстны были: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Орель, Самоткань, Домоткань и особенно Самара: въ Орели въ одну тоню рыбаки вытаскивали до 2,000 рыбъ около фута наименьшей величины; въ Самоткани и окрестныхъ озерахъ водилось такое количество рыбы, что она отъ множества умирала, портила стоячую воду и заражала воздухъ; въ Домоткани водилось множество раковъ, до 9 дюймовъ длиною, и особая рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ и за свое богатство прозвана «святою» рѣкою [3]); окрестности Самары запорожскіе козаки называли обѣтованною палестиной, раемъ божіимъ на землѣ, а всю землю около нея—землей «дуже гарною, кветнючею и изобилуючею», самый городъ Самарь— «истинно новымъ и богатымъ Іерусалимомъ» [4]).

[1]) Геродотъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 320.

[2]) Записки Миллера, изданныя въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одес. общ. ист. и древн., I, 604.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 15, 16, 17, 18, 19.

[4]) Ѳеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1[illegible]

Въ концѣ того же вѣка московскіе послы Никита Моисеевичъ Зотовъ и Василій Михайловичъ Тяпкинъ въ томъ же родѣ описываютъ мѣста по Самари: «Тамъ звѣря и птицъ, и рыбъ множество... Водъ, и конскихъ кормовъ, и рыбъ и птицъ, также звѣрей, которыхъ Господь Богъ благословилъ людямъ въ пищу, тамъ довольно» [1]). Въ XVIII вѣкѣ очевидецъ Христофоръ Германъ Манштейнъ изображаетъ богатство запорожскихъ степей въ такихъ словахъ. «Земля та есть самая прекраснѣйшая въ Европѣ; но великій ущербъ, что ненаселена по причинѣ недостатка лѣса и воды; ибо часто случается, что идучи четыре или пять миль, не видно ни одного кусточка, ни самой малой рѣчки, что и принуждаетъ возить съ собою всегда дрова и воду для варенія пищи изъ стана въ станъ, по неизвѣстности найти ихъ впереди; возить также большую бочку воды для каждой роты, чтобъ давать пить ратникамъ во время похода. Бочки употребляются еще и на другое дѣло; въ каждомъ полку должно было имѣть оныхъ отъ семи до десяти, и по стольку же толстыхъ досокъ, изъ которыхъ дѣлали мосты для перехода пѣхоты и легкихъ повозокъ, а военные помосты употребляли только для большихъ и тяжелыхъ фуръ и конницы... Чтобъ дать понятіе о плодородіи сихъ земель, довольно сказать, что травы растутъ тамъ выше человѣка самаго великорослаго. Находится тутъ спаржа въ великомъ множествѣ, и травовѣдцы находятъ также нѣкоторый родъ особливой травы, которую турки и татары употребляютъ на дѣланіе своихъ свѣтильниковъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ татары выжигаютъ траву на степи; ибо какъ они не умѣютъ косить и сушить сѣно, то травы сами собою высыхаютъ отъ большихъ жаровъ, бывающихъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, почему принуждены ихъ жечь, безъ чего старая сухая заглушила бы совсѣмъ молодую. Татары часто также выжигаютъ траву, чтобъ лишить непріятелей корма конскаго; и ежели при таковыхъ случаяхъ не возьмутъ предосторожности отъ сего пожара, то весь станъ подвергается опасности сгорѣть. Для избѣжанія сего графъ Минихъ отдалъ приказъ, чтобъ на каждой повозкѣ имѣть большое помело для тушенія пожара. Надобно также взрывать землю шириною на

---

[1]) Записки одесскаго общ. исторіи и древностей, т. II, отд. II и III 573.

два фута около стана рвомъ, и симъ средствомъ прекращаютъ огонь отъ опасности дальнѣйшаго распространенія пожара. Всякой дичи, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, тетерекъ и глухихъ тетеревей и прочей въ тамошнихъ мѣстахъ много; воинство ловятъ ихъ руками множество, а кромѣ того столько тамъ перепелокъ, что каждый день похода можно имѣть ихъ, сколько хотятъ» [1]). Въ концѣ того же XVIII вѣка о запорожскихъ мѣстахъ писалось въ Москву такъ: «Мѣста имѣютъ они—запорожскіе козаки—изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ и приморскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Берды, и близъ Очаковскаго лимана и въ ономъ по договору съ турками за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова» [2]). Въ это же время точными донесеніями о занятіяхъ запорожскихъ козаковъ сообщалось, что хлѣбъ засѣваемый ими, давалъ урожай, рожь и пшеница въ 9 и 10, просо въ 30 и 40 разъ противъ посѣяннаго [3]) Наконецъ, уже послѣ паденія Запорожья, оффиціальныя данныя представляли богатство бывшихъ земель запорожскихъ вольностей въ такихъ красках: «Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопоросшія дачи, обрабатываютъ оныя прилежно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая, очевидно, труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ — рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель, и прочее; изъ огородныхъ овощей—арбузы отмѣнно сладкіе и великіе [4]), красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажи-

[1]) Манштейнъ, Записки о Россіи. Москва, 1823. I, 211—214.

[2]) Архивъ историческихъ свѣдѣній, Калачева, Спб., 1861, 6.

[3]) Записки одесскаго общества ист. и древ., VII, 169, примѣч. 19; 185.

[4]) Въ мѣстечкѣ Котовкѣ, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, авторъ настоящаго труда видѣлъ въ 1889 году арбузъ
и три фунта.

точнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Скотоводство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу... Воздухъ здѣсь благорастворенный; вода въ рѣкахъ и озерахъ сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако, въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся; дикія птицы въ большомъ количествѣ» [1]).

Въ началѣ XIX вѣка о запорожскихъ земляхъ писалъ французскій маркизъ де-Кастельно: «Новороссія очень обширна, и между различными частями ея мы встрѣчаемъ чувствительную разницу. Воздухъ вообще превосходенъ, за исключеніемъ болотистыхъ мѣстъ.. Различенъ воздухъ степей отъ воздуха береговъ моря и Крымскихъ горъ. Воздухъ степей можно назвать самымъ чистымъ во всей Европѣ; холодъ зимою здѣсь бываетъ, безъ сомнѣнія, очень чувствителенъ, но вѣтеръ не такъ порывистъ, какъ на берегахъ моря; нерѣдко снѣгъ не выпадаетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, между тѣмъ, какъ смежныя страны на востокъ и на западъ бываютъ имъ покрыты. Это непостоянно; но какая же точка земнаго шара не терпитъ измѣненій?.. Зимы въ Новороссіи сравнительно мягче, чѣмъ въ Сѣверной Франціи; это не должно казаться страннымъ. Отъ Одессы до 60° широты нѣтъ горъ, и когда сѣверные вѣтры постоянно дуютъ, все на пути подвержено ихъ вліянію, между тѣмъ другіе вѣтры дѣлаютъ температуру Новороссіи теплою соотвѣтственно ея географическому положенію. Въ этой, незащищенной отъ холода, странѣ зима бываетъ суровѣе, чѣмъ въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ, находящихся на одинаковой съ ней широтѣ» [2]). «Весна начинается въ апрѣлѣ и уже черезъ 10—15 дней земля бываетъ покрыта зеленью. Въ это время года тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ покрываютъ степь пестрымъ ковромъ; чудное благоуханіе носится въ воздухѣ, и путешественникъ могъ бы придти въ полный восторгъ отъ всего окружающаго, еслибъ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 290—291, 302.

[2]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol, Paris, 1820, par Marquis de Castelnau, 285.

его не удручала мысль о недостаткѣ рабочихъ рукъ для этой роскошной почвы. Видъ степи мѣняется отъ большей или меньшей засухи; травы достигаютъ здѣсь высоты трехъ футовъ; на черноземѣ мнѣ случалось ихъ видѣть даже семи футовъ высоты. Благодаря глубинѣ дѣвственной земли, жирной, изобилующей питательными соками, сила растительности необычайна. Густота травы предохраняетъ почву отъ жгучихъ лучей солнца, а росы бываютъ такъ обильны, что проникаютъ въ землю раньше, чѣмъ солнце успѣетъ ихъ высушить. При засухѣ травы рѣдѣютъ, но первый дождь заполняетъ новыми всѣ промежутки; такимъ образомъ животныя постоянно снабжаются свѣжимъ кормомъ.

Испаренія большихъ травъ нисколько не вредны; при всходѣ и заходѣ солнца между холмами образуется туманъ, но деревни, расположенныя въ низменныхъ мѣстахъ, ничуть не страдаютъ отъ этого.

Во время жаровъ дуетъ обыкновенно сѣверный вѣтеръ, но онъ не умѣряетъ жары, теряя свою свѣжесть при прохожденіи громаднаго пространства, накаленнаго солнцемъ; лѣтняя долгота дней увеличивается по мѣрѣ приближенія къ полюсу, почему можно заключить, что въ Новороссіи лѣтомъ бываетъ жара сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ точкахъ земнаго шара, находящихся на одинаковомъ градусѣ. Часто случается нѣсколько дней подъ рядъ 17—20° жары; но я никогда не видалъ, чтобъ термометръ поднимался выше $26^1/_4$° и подобная температура продолжалась не долѣе одного дня, 25° обыкновенно наивысшая температура. Измѣненія происходятъ всякую недѣлю. Одинъ европеецъ сказалъ: «Жаркое солнце Новороссіи—не наше». Дѣйствительно, здѣсь можно вполнѣ безопасно предоставить себя всей силѣ солнечныхъ лучей; работники, наиболѣе подвергающіеся дѣйствію ихъ, не прекращаютъ своихъ работъ, каменьщикъ распѣваетъ пѣсни, бѣля стѣны, расположенныя на югъ и отражающія горячіе лучи; каменотесъ засыпаетъ въ іюлѣ въ часы отдыха, положивъ часто обнаженную голову на свою работу. И это происходитъ на одномъ градусѣ широты съ Женевой, Макономъ, Гере, Рошель, гдѣ улицы бываютъ пусты отъ 2 до 4-хъ часовъ дня; въ Одессѣ вѣтеръ препятствуетъ иногда ходу на улицу, но солнце—никогда. Осень самое лучшее

года въ этихъ мѣстахъ. Весна продолжается недолго; переходъ отъ холода къ теплу совершается быстро; но прекрасная осень замѣняетъ кратковременную весну: степь сохраняетъ зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля такъ пересыхаетъ, что плугъ съ трудомъ идетъ по ней: пашутъ 6-ю, 8-ю волами заразъ»... [1]) «Въ другихъ странахъ клочекъ безплодной земли, обремененной налогами, отстаивается съ оружіемъ въ рукахъ, призывается законъ на помощь, изъ-за него ведутся въ судахъ тяжбы, стоющія громадныхъ издержекъ; здѣсь же превосходная почва предоставляется или совсѣмъ даромъ, или на легкихъ условіяхъ трудолюбивымъ людямъ, могущимъ обогатиться здѣсь почти безъ усилій: стоитъ только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна; правда, она лишена лѣса, исключая сѣверной части екатеринославской губерніи и южной—Крыма. Въ безлѣсныхъ частяхъ Новороссіи жители употребляютъ вмѣсто топлива высокія сухія травы, называемыя бурьяномъ, и высушенный на солнцѣ коровій и овечій навозъ—все это даетъ прекрасное и дешевое топливо» [2]).

Неудивительно, поэтому, почему въ воспоминаніяхъ теперешнихъ стариковъ страна вольностей запорожскихъ козаковъ представляется такою богатой и цвѣтущей страной; конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ не мало и преувеличеній, объясняющихся свойствомъ человѣческой натуры все прошлое представлять въ лучшемъ видѣ, чѣмъ настоящее; но все же въ общемъ они имѣютъ большую долю правды, особенно если взять во вниманіе сходство разсказовъ стариковъ съ описаніями очевидцевъ прошлыхъ вѣковъ и сходство повѣствованій старцевъ, живущихъ въ разныхъ концахъ извѣстной мѣстности.

«Приволье у нихъ такое было, что теперь подобнаго не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь такъ, что воленъ, да недоволенъ, а тогда было такъ, что и воленъ, и всѣмъ доволенъ. Недаромъ же говорятъ, какъ жили мы за царицей—ѣли паляницы, а какъ стали за царя—то не стало й сухаря. Теперь если сказать, какъ оно нѣкогда было, такъ и не повѣрятъ. Тогда всякіе цвѣты цвѣли, тогда великія травы росли. Вотъ тутъ, гдѣ теперь у насъ церковь, здѣсь

---

[1]) Тамъ же: Essai sur l'histoire etc.

[2]) Тамъ же.

была такая тирса, какъ вотъ эта палка, что у меня въ рукахъ: какъ глянешь, такъ точно рожь стоитъ; а камышъ росъ, какъ лѣсъ: издалека такъ и бѣлѣетъ, такъ и лоснится на солнцѣ. А что уже до пыріевъ, ковыля, муравы, орошка, кураевъ и бурунчуковъ, то какъ войдешь въ нихъ, такъ только небо да земля и видны,—въ этакихъ травахъ дѣти теряются бывало. Вотъ это поднимется вверхъ, выростетъ да снова и падаетъ на землю, да такъ и лежитъ, какъ волна морская, а поверхъ ея уже и другая ростетъ. Какъ запалишь бывало огнемъ, такъ она недѣли три, а то и четыре горитъ. Поедешь косить, косою травы не отвернешь; погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь ихъ; загонишь воловъ въ траву, только мрѣютъ рога. Выпадетъ ли снѣгъ, настанетъ ли зима, никакой нужды нѣтъ: хоть какой будетъ снѣгъ, а травы не закроетъ. Пустишь себѣ коня, коровъ, овецъ, то они такъ пустопашъ и пасутся, только около отаръ и ходили чабанцы; а какъ загонишь овецъ въ траву, то онѣ межъ ней точно муравьи,—только вечеромъ и увидишь; зато уже тогда около нихъ работы—тирсу выбирать, которая поналѣзетъ въ волну!.. А что ужъ межъ той травой да разныхъ ягодъ, то и говорить нечего. Вотъ это было какъ выйдешь въ степь да какъ разгорнишь траву, то такъ и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелось, овражковъ да гусеницы, тогда и не слышно было. Вотъ какія травы были. А пчелы той? А меду? Медъ и въ пасѣкахъ, медъ и въ зимовникахъ, медъ и въ бурдюгахъ—такъ и стоитъ бывало въ липовыхъ кадкахъ: сколько хочешь, столько й бери,—больше всего отъ дикихъ пчелъ; дикая пчела вездѣ сидитъ: и на камышахъ, и на вербахъ; гдѣ буркунъ—въ буркунѣ, гдѣ трава—въ травѣ; за ней и прохода не было: вырубываютъ, бывало, дупла, гдѣ она сидитъ. А лѣса того? Бузины, свѣдины, вербы, дуба, грушъ—множество. Грушъ, бывало, какъ нападаетъ съ вѣтокъ, такъ хоть бери грабли да горни въ валки: такъ и лежатъ на солнцѣ, пока не попекутся. Сады когда цвѣтутъ, то какъ будто с[illegible]
ваются; такъ патока съ нихъ и течетъ. А толщина де[illegible]
такъ ей Богу, десять аршинъ въ обхватѣ... Зем[illegible]
никто ее не насиловалъ, какъ теперь, снѣга [illegible]
воду пускали великую, оттого и дерево росло [illegible]

XII.

Производительность земли, климатъ, флора, фауна и времена года въ землѣ вольностей запорожскихъ козаковъ.

По силѣ и степени производительности край вольностей запорожскихъ козаковъ можетъ назваться въ одно и то же время и изумительно богатымъ, и изумительно бѣднымъ; все зависѣло здѣсь не столько отъ рѣчныхъ и ключевыхъ водъ, сколько отъ атмосферной и дождевой влаги: въ дождливое лѣто растительность здѣсь достигала невѣроятныхъ размѣровъ, урожай получался баснословный, въ знойное и сухое лѣто растительность погибала, неурожай влекъ за собой страшныя бѣдствія. Вотъ отчего у разныхъ писателей такъ различно описывается край запорожскихъ вольностей: по однимъ— это обѣтованная земля, текущая молокомъ и медомъ, по другимъ— это дикая пустыня, безводная, выжженная солнцемъ, лишенная всякой растительности. Даже и у одного и того же писателя, только въ различное время года, запорожскій край часто изображался совершенно различно.

Наиболѣе плодородныя мѣста были по низменностямъ, или такъ-называемымъ «подамъ» рѣкъ, близъ Днѣпра, Самары, Орели, Омельника, Самоткани, Домоткани и др.; наименѣе плодородныя около Буга, въ бывшей бугогардовской паланкѣ, и особенно около Кальміуса, въ бывшей кальміусской паланкѣ. Отецъ исторіи, Геродотъ, описываетъ страну скиѳовъ, часть которой впослѣдствіи принадлежала запорожскимъ козакамъ, въ такихъ словахъ: «Земля у нихъ ровная, изобилуетъ травой и хорошо орошена; число протекающихъ чрезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного только меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Четвертая рѣка, Борисѳенесъ, по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ, впрочемъ, египетскаго

Нила. Изъ прочихъ же рѣкъ Борисѳенесъ наиболѣе прибыльная: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣйшія пастбища для скота, превосходную рыбу въ большомъ изобиліи, вода на вкусъ очень пріятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахотныя поля или растетъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисѳенесѣ водятся огромныя рыбы безъ позвоночнаго столба, называемыя антокаями и идущія на соленія» [1]). Въ XVI вѣкѣ современникъ запорожскихъ козаковъ описываетъ богатство ихъ страны въ такихъ чертахъ: «Въ этой странѣ — приднѣпровскихъ степяхъ — трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ, въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ» [2]). Въ XVII вѣкѣ, по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края водилось множество рыбы и раковъ; изъ такихъ рѣкъ особенно извѣстны были: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Орель, Самоткань, Домоткань и особенно Самара: въ Орели въ одну тоню рыбаки вытаскивали до 2,000 рыбъ около фута наименьшей величины; въ Самоткани и окрестныхъ озерахъ водилось такое количество рыбы, что она отъ множества умирала, портила стоячую воду и заражала воздухъ; въ Домоткани водилось множество раковъ, до 9 дюймовъ длиною, и особая рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ и за свое богатство прозвана «святою» рѣкою [3]); окрестности Самары запорожскіе козаки называли обѣтованною палестиной, раемъ божіимъ на землѣ, а всю землю около нея—землей «дуже гарною, кветнючею и изобилуючею», самый городъ Самарь— «истинно новымъ и богатымъ Іерусалимомъ» [4]).

---

[1]) Геродотъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка, Москва, 1885, I, 320.

[2]) Записки Миллера, изданныя въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одес. общ. ист. и древн., I, 604.

[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 15, 16, 17, 18, 19.

[4]) Ѳеодосій, Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 8.

Въ концѣ того же вѣка московскіе послы Никита Моисеевичъ Зотовъ и Василій Михайловичъ Тяпкинъ въ томъ же родѣ описываютъ мѣста по Самари: «Тамъ звѣря и птицъ, и рыбъ множество... Водъ, и конскихъ кормовъ, и рыбъ и птицъ, также звѣрей, которыхъ Господь Богъ благословилъ людямъ въ пищу, тамъ довольно» [1]). Въ XVIII вѣкѣ очевидецъ Христофоръ Германъ Манштейнъ изображаетъ богатство запорожскихъ степей въ такихъ словахъ. «Земля та есть самая прекраснѣйшая въ Европѣ; но великій ущербъ, что ненаселена по причинѣ недостатка лѣса и воды; ибо часто случается, что идучи четыре или пять миль, не видно ни одного кусточка, ни самой малой рѣчки, что и принуждаетъ возить съ собою всегда дрова и воду для варенія пищи изъ стана въ станъ, по неизвѣстности найти ихъ впереди; возить также большую бочку воды для каждой роты, чтобъ давать пить ратникамъ во время похода. Бочки употребляются еще и на другое дѣло; въ каждомъ полку должно было имѣть оныхъ отъ семи до десяти, и по стольку же толстыхъ досокъ, изъ которыхъ дѣлали мосты для перехода пѣхоты и легкихъ повозокъ, а военные помосты употребляли только для большихъ и тяжелыхъ фуръ и конницы... Чтобъ дать понятіе о плодородіи сихъ земель, довольно сказать, что травы растутъ тамъ выше человѣка самаго великорослаго. Находится тутъ спаржа въ великомъ множествѣ, и травовѣдцы находятъ также нѣкоторый родъ особливой травы, которую турки и татары употребляютъ на дѣланіе своихъ свѣтильниковъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ татары выжигаютъ траву на степи; ибо какъ они не умѣютъ косить и сушить сѣно, то травы сами собою высыхаютъ отъ большихъ жаровъ, бывающихъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, почему принуждены ихъ жечь, безъ чего старая сухая заглушила бы совсѣмъ молодую. Татары часто также выжигаютъ траву, чтобъ лишить непріятелей корма конскаго; и ежели при таковыхъ случаяхъ не возьмутъ предосторожности отъ сего пожара, то весь станъ подвергается опасности сгорѣть. Для избѣжанія сего графъ Минихъ отдалъ приказъ, чтобъ на каждой повозкѣ имѣть большое помело для тушенія пожара. Надобно также взрывать землю шириною на

[1]) Записки одесскаго общ. исторіи и древностей, т. II, отд. II и III 573.

два фута около стана рвомъ, и симъ средствомъ прекращаютъ огонь отъ опасности дальнѣйшаго распространенія пожара. Всякой дичи, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, тетерекъ и глухихъ тетеревей и прочей въ тамошнихъ мѣстахъ много; воинство ловятъ ихъ руками множество, а кромѣ того столько тамъ перепелокъ, что каждый день похода можно имѣть ихъ, сколько хотятъ» [1]). Въ концѣ того же XVIII вѣка о запорожскихъ мѣстахъ писалось въ Москву такъ: «Мѣста имѣютъ они—запорожскіе козаки—изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю; пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ и приморскихъ заливахъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Берды, и близъ Очаковскаго лимана и въ ономъ по договору съ турками за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова» [2]). Въ это же время точными донесеніями о занятіяхъ запорожскихъ козаковъ сообщалось, что хлѣбъ засѣваемый ими, давалъ урожай, рожь и пшеница въ 9 и 10, просо въ 30 и 40 разъ противъ посѣяннаго [3]) Наконецъ, уже послѣ паденія Запорожья, оффиціальныя данныя представляли богатство бывшихъ земель запорожскихъ вольностей въ такихъ краскахъ: «Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопоросшія дачи, обрабатываютъ оныя прилежно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая, очевидно, труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ — рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель, и прочее; изъ огородныхъ овощей—арбузы отмѣнно сладкіе и великіе [4]), красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажи-

[1]) Манштейнъ, Записки о Россіи. Москва, 1823. I, 211—214.

[2]) Архивъ историческихъ свѣдѣній, Калачева, Спб., 1861, 6.

[3]) Записки одесскаго общества ист. и древ., VII, 169, примѣч. 19;

[4]) Въ мѣстечкѣ Котовкѣ, екатеринославской губерніи. [illegible] уѣзда, авторъ настоящаго труда видѣлъ въ 1889 год[illegible] *и три фунта.*

точнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Скотоводство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу... Воздухъ здѣсь благорастворенный; вода въ рѣкахъ и озерахъ сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако, въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся; дикія птицы въ большомъ количествѣ» [1]).

Въ началѣ XIX вѣка о запорожскихъ земляхъ писалъ французскій маркизъ де-Кастельно: «Новороссія очень обширна, и между различными частями ея мы встрѣчаемъ чувствительную разницу. Воздухъ вообще превосходенъ, за исключеніемъ болотистыхъ мѣстъ... Различенъ воздухъ степей отъ воздуха береговъ моря и Крымскихъ горъ. Воздухъ степей можно назвать самымъ чистымъ во всей Европѣ; холодъ зимою здѣсь бываетъ, безъ сомнѣнія, очень чувствителенъ, но вѣтеръ не такъ порывистъ, какъ на берегахъ моря; нерѣдко снѣгъ не выпадаетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, между тѣмъ, какъ смежныя страны на востокъ и на западъ бываютъ имъ покрыты. Это непостоянно; но какая же точка земнаго шара не терпитъ измѣненій?.. Зимы въ Новороссіи сравнительно мягче, чѣмъ въ Сѣверной Франціи; это не должно казаться страннымъ. Отъ Одессы до 60° широты нѣтъ горъ, и когда сѣверные вѣтры постоянно дуютъ, все на пути подвержено ихъ вліянію, между тѣмъ другіе вѣтры дѣлаютъ температуру Новороссіи теплою соотвѣтственно ея географическому положенію. Въ этой, незащищенной отъ холода, странѣ зима бываетъ суровѣе, чѣмъ въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ, находящихся на одинаковой съ ней широтѣ» [2]). «Весна начинается въ апрѣлѣ и уже черезъ 10—15 дней земля бываетъ покрыта зеленью. Въ это время года тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ покрываютъ степь пестрымъ ковромъ; чудное благоуханіе носится въ воздухѣ, и путешественникъ могъ бы придти въ полный восторгъ отъ всего окружающаго, еслибъ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 290—291, 802.

[2]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3 vol, Paris, 1820, par Marquis de Castelnau, 285.

его не удручала мысль о недостаткѣ рабочихъ рукъ для этой роскошной почвы. Видъ степи мѣняется отъ большей или меньшей засухи; травы достигаютъ здѣсь высоты трехъ футовъ; на черноземѣ мнѣ случалось ихъ видѣть даже семи футовъ высоты. Благодаря глубинѣ дѣвственной земли, жирной, изобилующей питательными соками, сила растительности необычайна. Густота травы предохраняетъ почву отъ жгучихъ лучей солнца, а росы бываютъ такъ обильны, что проникаютъ въ землю раньше, чѣмъ солнце успѣетъ ихъ высушить. При засухѣ травы рѣдѣютъ, но первый дождь заполняетъ новыми всѣ промежутки; такимъ образомъ животныя постоянно снабжаются свѣжимъ кормомъ.

Испаренія большихъ травъ нисколько не вредны; при всходѣ и заходѣ солнца между холмами образуется туманъ, но деревни, расположенныя въ низменныхъ мѣстахъ, ничуть не страдаютъ отъ этого.

Во время жаровъ дуетъ обыкновенно сѣверный вѣтеръ, но онъ не умѣряетъ жары, теряя свою свѣжесть при прохожденіи громаднаго пространства, накаленнаго солнцемъ; лѣтняя долгота дней увеличивается по мѣрѣ приближенія къ полюсу, почему можно заключить, что въ Новороссіи лѣтомъ бываетъ жара сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ точкахъ земнаго шара, находящихся на одинаковомъ градусѣ. Часто случается нѣсколько дней подъ рядъ 17—20° жары; но я никогда не видалъ, чтобъ термометръ поднимался выше 26¼° и подобная температура продолжалась не долѣе одного дня, 25° обыкновенно наивысшая температура. Измѣненія происходятъ всякую недѣлю. Одинъ европеецъ сказалъ: «Жаркое солнце Новороссіи—не наше». Дѣйствительно, здѣсь можно вполнѣ безопасно предоставить себя всей силѣ солнечныхъ лучей; работники, наиболѣе подвергающіеся дѣйствію ихъ, не прекращаютъ своихъ работъ, каменьщикъ распѣваетъ пѣсни, бѣля стѣны, расположенныя на югъ и отражающія горячіе лучи; каменотесъ засыпаетъ въ іюлѣ въ часы отдыха, положивъ часто обнаженную голову на свою работу. И это происходитъ на одномъ градусѣ широты съ Женевой, Макопъ, Гере, Рошель, гдѣ [illegible] ютъ пусты отъ 2 до 4-хъ часовъ дня; въ Одессѣ н[illegible]етъ иногда выходу на улицу, но солнце—пон[illegible] лучшее время

года въ этихъ мѣстахъ. Весна продолжается недолго; переходъ отъ холода къ теплу совершается быстро; но прекрасная осень замѣняетъ кратковременную весну: степь сохраняетъ зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля такъ пересыхаетъ, что плугъ съ трудомъ идетъ по ней: пашутъ 6-ю, 8-ю волами заразъ»... [1]) «Въ другихъ странахъ клочекъ безплодной земли, обремененной налогами, отстаивается съ оружіемъ въ рукахъ, призывается законъ на помощь, изъ-за него ведутся въ судахъ тяжбы, стоющія громадныхъ издержекъ; здѣсь же превосходная почва предоставляется или совсѣмъ даромъ, или на легкихъ условіяхъ трудолюбивымъ людямъ, могущимъ обогатиться здѣсь почти безъ усилій: стоитъ только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна; правда, она лишена лѣса, исключая сѣверной части екатеринославской губерніи и южной—Крыма. Въ безлѣсныхъ частяхъ Новороссіи жители употребляютъ вмѣсто топлива высокія сухія травы, называемыя бурьяномъ, и высушенный на солнцѣ коровій и овечій навозъ—все это даетъ прекрасное и дешевое топливо» [2]).

Неудивительно, поэтому, почему въ воспоминаніяхъ теперешнихъ стариковъ страна вольностей запорожскихъ козаковъ представляется такою богатой и цвѣтущей страной; конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ не мало и преувеличеній, объясняющихся свойствомъ человѣческой натуры все прошлое представлять въ лучшемъ видѣ, чѣмъ настоящее; но все же въ общемъ они имѣютъ большую долю правды, особенно если взять во вниманіе сходство разсказовъ стариковъ съ описаніями очевидцевъ прошлыхъ вѣковъ и сходство повѣствованій старцевъ, живущихъ въ разныхъ концахъ извѣстной мѣстности.

«Приволье у нихъ такое было, что теперь подобнаго не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь такъ, что воленъ, да недоволенъ, а тогда было такъ, что и воленъ, и всѣмъ доволенъ. Недаромъ же говорятъ, какъ жили мы за царицей—ѣли паляницы, а какъ стали за царя—то не стало й сухаря. Теперь если сказать, какъ оно нѣкогда было, такъ и не повѣрятъ. Тогда всякіе цвѣты цвѣли, тогда великія травы росли. Вотъ тутъ, гдѣ теперь у насъ церковь, здѣсь

---

[1]) Тамъ же: Essai sur l'histoire etc.

[2]) Тамъ же.

была такая тирса, какъ вотъ эта палка, что у меня въ рукахъ: какъ глянешь, такъ точно рожь стоитъ; а камышъ росъ, какъ лѣсъ: издалека такъ и бѣлѣетъ, такъ и лоснится на солнцѣ. А что уже до пыріевъ, ковыля, муравы, орошка, кураевъ и бурунчуковъ, то какъ войдешь въ нихъ, такъ только небо да земля и видны,— въ этакихъ травахъ дѣти теряются бывало. Вотъ это поднимется вверхъ, выростетъ да снова и падаетъ на землю, да такъ и лежитъ, какъ волна морская, а поверхъ ея уже и другая ростетъ. Какъ запалишь бывало огнемъ, такъ она недѣли три, а то и четыре горитъ. Поѣдешь косить, косою травы не отвернешь; погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь ихъ; загонишь воловъ въ траву, только мрѣютъ рога. Выпадетъ ли снѣгъ, настанетъ ли зима, никакой нужды нѣтъ: хоть какой будетъ снѣгъ, а травы не закроетъ. Пустишь себѣ коня, коровъ, овецъ, то они такъ пустопашъ и пасутся, только около отаръ и ходили чабанцы; а какъ загонишь овецъ въ траву, то онѣ межъ ней точно муравьи,—только вечеромъ и увидишь; зато уже тогда около нихъ работы—тирсу выбирать, которая поналѣзетъ въ волну!.. А что ужъ межъ той травой да разныхъ ягодъ, то и говорить нечего. Вотъ это было какъ выйдешь въ степь да какъ разгорнишь траву, то такъ и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелось, овражковъ да гусеницы, тогда и не слышно было. Вотъ какія травы были. А пчелы той? А меду? Медъ и въ пасѣкахъ, медъ и въ зимовникахъ, медъ и въ бурдюгахъ—такъ и стоитъ бывало въ липовыхъ кадкахъ: сколько хочешь, столько й бери,— больше всего отъ дикихъ пчелъ; дикая пчела вездѣ сидитъ: и на камышахъ, и на вербахъ; гдѣ буркунъ—въ буркунѣ, гдѣ трава—въ травѣ; за ней и прохода не было: вырубываютъ, бывало, дупла, гдѣ она сидитъ. А лѣса того? Бузины, свѣдины, вербы. дуба, грушъ— множество. Грушъ, бывало, какъ нападаетъ съ вѣтокъ, такъ хоть бери грабли да горни въ валки: такъ и лежатъ на солнцѣ, пока не попекутся. Сады когда цвѣтутъ, то какъ будто сукномъ покрываются; такъ патока съ нихъ и течетъ. А толщина деревьевъ? Вербы, такъ ей Богу, десять аршинъ въ обхват[illegible] свѣжѣе была, никто ее не насиловалъ, какъ теперь, [illegible]льшіе, и воду пускали великую, оттого и дерев[illegible] звѣрей,

а птицъ? Волки, лисицы, барсуки, дикія козы, чокалки [1]), вовнихи—такъ одинъ за другимъ и бѣжатъ, такъ и пластаютъ по степи. Волковъ такая сила была, что ихъ кіями избивали, а изъ кожъ ихъ сапоги да кожанки дѣлали. А ежей тѣхъ, ежей?.. И говорить нечего! Были и дикія свиньи, такія жирныя да здоровыя; онѣ больше по плавнямъ шныряли. Вотъ это какъ увидишь въ плавнѣ какую-нибудь свинью. то скорѣе бросайся на дерево, а то хрю, хрю! чмакъ, чмакъ! да до тебя, да такъ рыломъ и претъ! Выставитъ морду впередъ да и слушаетъ, не идетъ ли кто: какъ увидитъ человѣка, сейчасъ же до него, товкыцъ рыломъ! Свалитъ съ ногъ, тогда и давай рвать... Были и дикія лошади; онѣ ходили цѣлыми табунами; косяка по три, по четыре такъ и ходятъ... А что уже птицы было, такъ, Боже великій! Утокъ, лебедей, дрохвъ, хохотвы, дикихъ гусей, дикихъ голубей, лелекъ, журавлевъ, тетерокъ, куропатокъ—такъ хо-хо-хо! Да все плодющія такія! Одна куропатка выведетъ, бывало, штукъ двадцать пять птенцовъ въ мѣсяцъ, а журавли, какъ понаведутъ дѣтей, то только ходятъ да крюкаютъ. Стрепетовъ сѣльцами ловили, дрохвъ волокомъ таскали, а тетеревей, когда настанетъ гололедица, дрюками били. И какая сила той птицы была? Какъ поднимется съ земли, солнце застелитъ, а какъ сядетъ на дерево, вѣтокъ не видно: одинъ комъ виситъ, а какъ спустится на землю, то земля точно полъ въ хатѣ, такъ и зачернѣетъ. Лебеди, бывало, какъ заведутся биться между собой, то поднимутъ такой крикъ, что батько выскочитъ было изъ бурдюга да давай на нихъ стрѣлять, чтобъ поразогнать, а они подхватятся вверхъ да только поросъ-поросъ-поросъ!.. Теперь вотъ нѣтъ и того множества рыбы, что была когда-то. Вотъ эта рыба, что теперь ловятъ, такъ и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуга, пистрюга, коропы да осетры за все отвѣчали. Въ одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало. Да все тогда не такъ было! Тогда и зимы теплѣе были, нежели теперь,—это уже кацапы своими лаптями понаносили намъ холода, а въ то время его не особенно слышно было. Оттого тогда и сѣна никто не запасалъ, развѣ только въ то время, когда думали идти въ походъ, для верховыхъ лошадей. Тогда и урожаи лучше были,—

[1]) «Тотъ же волкъ, только злѣе волка». Замѣчаніе разсказчика.

хоть и сѣяли немного, а родило достаточно: какъ четыре мѣшка посѣетъ, такъ триста копенъ нажнетъ,—нужно было восемь жнецовъ, чтобъ снять то все до Покрова. Батюшка мой, и гдѣ оно все то подѣвалось? И очамъ своимъ не вѣрю! Вотъ тутъ, гдѣ теперь стоитъ наша Чернышовка, тутъ ни одной хаты не было, одно только отцовское приволье, а теперь гдѣ тотъ и народъ набрался и когда онъ все то позаводилъ? Теперь и вода перемѣряна и земля перерѣзана, а что до лѣса, такъ и говорить нечего: что на сани, что на полудрабки, что на олѣйницы, то на то, то на се, да такъ все и повырубили. Гдѣ пряменькое, хорошее да крѣпкое деревцо, то его сейчасъ же и истребятъ. А тутъ какъ пошелъ еще по лѣсу рогатый скотъ, то и пней не осталось, а что уцѣлѣло, позасыхало и попропадало. До и самъ скотъ ходить точно неживой... Какъ вырубили лѣса, пошла на села мошка; за ней теперь и свѣта божьяго не видно, а бѣдному скоту такъ и отдыха нѣтъ: весь облитый кровью такъ и ходитъ. Теперь дайте вы вотъ этой свиньѣ, что ходитъ, кусокъ хлѣба, то она и здохнетъ отъ него. А отъ чего? Оттого, что не привыкла ѣсть!.. Да все теперь перевелось: гадюкъ не стало,—повыорали; въ болотахъ и жабъ не слышно,—повыздыхали; да й болота теперь есть ли» [1]).

«Когда-то тутъ по плавнямъ да по скаламъ было столько волковъ, лисицъ, зайцевъ да дикихъ свиней, что за ними и не пройдешь. Дикіе кабаны были пудовъ въ десять, а то и больше вѣсомъ: едва шесть человѣкъ на сани положатъ. Тутъ было такое множество звѣрей, что изъ города присылали верховыхъ, человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, чтобы разгонять ихъ. Такъ гдѣ тебѣ? За ними гоняются по степи, а они въ плавни бѣжатъ. Ѣздили съ ружьями да съ саблями по плавнямъ и все жгли камыши; такъ уже тогда немного напугали ихъ, а то просто страшно и выдти. Рыба, такъ та сердечная, даже задыхается, а раковъ штанами ловили. А что до птицы, такъ и говорить неч[illegible] подешь на охоту, то домой несешь ее какъ будто [illegible]-пета, огари [2]), лебеди такъ пѣшкомъ по с[illegible] высокія-превысокія росли, по самую груд[illegible]

---

[1]) Эварницкій, Запорожье в[illegible]

[2]) Огарь—большая рыжева[illegible]

по травѣ, точно вода: если хочешь идти по степи, то прежде всего скинь штаны да подбери сорочку, а то какъ намокнуть, то и не дотянешь. Какъ идешь по травѣ въ постолахъ, то вода только чвыркъ-чвыркъ! Лѣсъ росъ густой да высокій: грушъ, калины, дикаго винограда — не пролѣзешь. Ночью страшно было и ходить. А урожаи были такіе, о которыхъ теперь и не слышно. Да и дешевизна въ то время какая была: пудъ проса десять копѣекъ, пудъ пшеницы сорокъ копѣекъ, да и то еще дорого» [1]).

«Тутъ тѣхъ звѣрей, тутъ тѣхъ птицъ, такъ видимо-невидимо было: такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Пріѣхали мы со своею панею въ эти мѣста, гдѣ теперь Наковальня,—они отошли ей по наслѣдству,—пріѣхали мы да и смотримъ, а тутъ ни хатки, ни куренца, одна степь да ковыль. Что тутъ дѣлать? «А что? Руби камышъ, копай дернъ да давай дѣлать курень». Давай я рубить камышъ, давай копать дернъ. Нарубилъ, поставилъ, обсыпалъ землей; вотъ хижина и есть. Ну, что же теперь ѣсть? А ѣсть уже, что хочешь, то и ѣшь: есть и птица, есть и звѣрь степной. «Да что мнѣ—говоритъ паня—та птица да звѣрь степной? Ты поѣзжай да поймай дикаго поросенка!» Ну, что-жь, поросенка, такъ и поросенка! Сажусь на коня, беру длинный кнутъ и ѣду къ рѣчкѣ, гдѣ была берлога дикихъ свиней. Вотъ пріѣду и жду, пока свиньи пойдутъ пастись въ степь, а поросята останутся одни; высмотрю и сейчасъ же туда; схвачу поросенка да и уходить; да ужъ бѣгу, да ужъ бѣгу, сколько есть духу, а оно кричитъ, какъ бѣшеное. И что жь вы думаете? Какъ почуютъ гаспидовы свиньи, да ко мнѣ, такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ подъ ноги коню; да такъ бѣгутъ до самаго куреня и если бы не длинный кнутъ, то и разорвали бы. Вотъ какъ оно было въ старину! Совсѣмъ не такъ, какъ теперь! Теперь хоть бы и на счетъ урожая. Развѣ въ старину онъ такой бывалъ? Куды вамъ! У нашей пани было семь человѣкъ семейства, а она больше тридцати саженъ никогда не сѣяла. Вотъ это, бывало, заволочетъ прямо противъ куреня, посѣетъ пшеницу и ждетъ. Такъ она, какъ уродитъ, то и стебля не видно: одинъ колосъ почти, да такой толстый, точно веретено. Это такіе хлѣба были. А травы, и говорить нечего. За травою

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 122.

и земли не видно: лежитъ поверхъ земли точно шуба или рядно. Тогда, видишь, мало кто косилъ ее, такъ она поднимется вверхъ да снова и впадетъ, да такъ и лежитъ точно рядно; выростетъ такая, что человѣка верхомъ на лошади не видно» [1]).

Вотъ почему у нѣкоторыхъ писателей прошлыхъ вѣковъ страна запорожскихъ вольностей называлась страной, текущей «млекомъ и медомъ», а у самыхъ козаковъ именовалась «раемъ божіимъ на землѣ». Прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетри для птицъ, необозримыя степи для звѣрей дѣлали край запорожскій привлекательнымъ, а самое житье въ немъ привольнымъ и заманчивымъ.

Плодородіе земель вольностей запорожскихъ козаковъ много зависѣло отъ самой почвы: земля вольностей запорожскихъ козаковъ въ сѣверной части состояла изъ сочнаго чернозема отъ 4 вершковъ до 1½ аршина глубины, а на низменностяхъ отъ 2 до 3 аршинъ, ежегодно удобрявшагося густой и высокой травой, быстро созрѣвавшею и тутъ же падавшею на мѣстѣ; въ южной и особенно юговосточной части земля запорожскихъ вольностей состояла изъ незначительнаго слоя чернозема съ подпочвой, глинисто-солонцоватой, кромѣ пологихъ мѣстъ близъ рѣчныхъ долинъ и балокъ, гдѣ почва считалась достаточно доброкачественной. «Земля въ этомъ округѣ—въ южной окраинѣ запорожскихъ вольностей—исключая близъ рѣкъ песчаныхъ косъ и кучугуровъ и каменныхъ береговъ, вообще черна и сверху на два фута и глубже влажна, а ниже двухъ футовъ глиниста, желтовата, и вся способна къ плодородію; только на высокихъ горахъ отъ жаровъ трава скоро высыхаетъ, отчего тамъ и хлѣбопашествомъ заниматься нельзя, остаются годными для земледѣлія однѣ балки, пологія мѣста и близъ балокъ низменности при рѣкахъ; чтобы получить траву на тѣхъ горахъ, надо ее каждую осень выжигать особенно старательно» [2]). Земля въ восточной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ, паланкѣ кальміусской, со[illegible] черноземнаго слоя отъ 12 вершковъ до 2 аршин[illegible] [illegible]скаго побережья до 4 аршинъ глубины; впр[illegible]

[1]) Эварницкій, Запорожье въ ос[illegible]

[2]) Записки одесскаго общест[illegible]

запорожскихъ вольностей по справедливости считалась сравнительно менѣе плодородной, чѣмъ другія: почва здѣсь хотя во многихъ мѣстахъ была и черноземна, но въ общемъ состояла изъ разныхъ минераловъ—желто-сѣрой щелочной глины, известника, каменнаго угля, желѣзной руды, порфира, графита, коалина, окаменѣлыхъ пальмъ и папортниковъ, что хотя въ своемъ родѣ и составляло богатство, но этимъ богатствомъ запорожцы не умѣли, да и не могли пользоваться, считая его, напротивъ того, вреднымъ для себя, мѣшавшимъ произрастаніямъ травъ [1]); этимъ свойствомъ почвы отличалась вся окраина калміусской паланки отъ крѣпости св. Димитрія и до крѣпости Петровской [2]).

На всемъ пространствѣ запорожскихъ степей водилось множество всякаго рода звѣрей, птицъ, а въ рѣкахъ, озерахъ и лиманахъ множество разнаго рода рыбъ и раковъ. Изъ звѣрей извѣстны были: туры, существовавшіе въ западной Европѣ до IX вѣка, въ Литвѣ и Польшѣ до XVI [3]), отъ которыхъ въ настоящее время находятся въ землѣ близъ самарскихъ лѣсовъ разной величины рога; медвѣди и лоси, водившіеся близъ рѣки Домоткани и особенно въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ [4]); олени и лани [5]); байбаки и сурки; дикія козы, во множествѣ водившіяся въ Великомъ-Лугу и самарскихъ лѣсахъ; сайги, сугаки [6]), горностаи [7]); дикіе кабаны; барсуки; выдры или выдрихи, звѣрь, жившій въ водѣ, похожій на лисицу, съ лоснящеюся, какъ бы бросающей отъ себя искры, кожей; хорьки; рѣчные бобры [8]); куницы [9]); дикія кошки,

---

[1]) Александровичъ, Краткій обзоръ маріупольскаго уѣзда, Маріуполь, 1884, 18, 19.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XV, 224.

[3]) Труды VI археологическаго съѣзда. Къ древн. исторіи домашнихъ животныхъ, 26—28.

[4]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки. Одесса, 1873, 54; Мышецкій, Исторія о козакахъ. Одесса 1852, 77.

[5]) Объ оленяхъ упоминаетъ Гильденштетъ во второй половинѣ XVIII вѣка

[6]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 605.

[7]) Экономическія примѣчанія къ верхнеднѣпров. у., № 1, стр. 1, въ екатеринославской губернской чертежной.

[8]) Послѣдній бобръ пойманъ въ Днѣпрѣ въ 1889 году, противъ деревни Воропой, новомосковскаго уѣзда. См. Екатеринославскія губернскія вѣдомости. 1889 г. № 36.

[9]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, неоффиціальн. ч., 1890 № 14.

лисицы, зайцы, ежи, суслики и дикія лошади или тарпаны. Суслики, называемые теперь ховрахами или овражками, извѣстны были уже въ 1782 году, какъ страшные враги молодыхъ, еще несозрѣвшихъ, арбузовъ и дынь [1]). «Дикія лошади—говоритъ очевидецъ XVII вѣка Бопланъ—ходили табунами отъ 50 до 60 головъ; нерѣдко онѣ заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Впрочемъ, дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему негодны, развѣ только для пищи: мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины, впрочемъ, на мой вкусъ не такъ пріятно... Дикую лошадь усмирить невозможно, она полезна для мяснаго ряда... Впрочемъ, дикіе кони разбиты на ноги: копыта ихъ разростаются, дѣлаются толстыми— ибо ихъ никто не обрѣзываетъ—и не дозволяютъ лошади быстро скакать» [1]). Въ XVIII вѣкѣ множество дикихъ лошадей водилось по лѣвую сторону рѣки Ингула [2]). Видѣвшій ихъ въ это время, хотя гораздо выше новороссійскихъ степей, русскій академикъ Гмелинъ, описываетъ ихъ въ такомъ видѣ. «Самыя большія дикія лошади величиной едва могутъ равняться съ самыми малыми домашними лошадьми. Голова у нихъ, въ разсужденіи прочихъ частей тѣла, чрезмѣрно толста, уши весьма остры и бываютъ такой же величины, какъ у домашнихъ лошадей, или долги почти какъ у осла, и опускались внизъ, глаза у нихъ огненные; грива весьма коротка и курчава; хвостъ у иныхъ густъ, у иныхъ рѣдокъ, однако, всегда короче, нежели у домашнихъ лошадей. Цвѣтомъ похожи на мышей и сей признакъ примѣченъ на всѣхъ находящихся въ сихъ мѣстахъ дикихъ лошадяхъ, хотя, впрочемъ, писатели упоминаютъ только о бѣлыхъ и пепелистыхъ. Однако, цвѣтъ на брюхѣ у многихъ сходствуетъ съ пепелистымъ, а ноги, начиная отъ колѣна до копыта, черны. Шерсть на нихъ весьма долга и столь густа, что при осязаніи болѣе походитъ на мѣхъ, нежели на лошадиную шерсть. Они бѣгаютъ съ несказанною скоростью, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ домашней доброй лошади. При

---

[1]) Зуевъ, Путешественныя записки Спб, 1787, [illegible]
[2]) Бопланъ, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ [illegible]
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и дре[illegible]

года въ этихъ мѣстахъ. Весна продолжается недолго; переходъ отъ холода къ теплу совершается быстро; но прекрасная осень замѣняетъ кратковременную весну: степь сохраняетъ зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля такъ пересыхаетъ, что плугъ съ трудомъ идетъ по ней: пашутъ 6-ю, 8-ю волами заразъ»... [1]) «Въ другихъ странахъ клочекъ безплодной земли, обремененной налогами, отстаивается съ оружіемъ въ рукахъ, призывается законъ на помощь, изъ-за него ведутся въ судахъ тяжбы, стоющія громадныхъ издержекъ; здѣсь же превосходная почва предоставляется или совсѣмъ даромъ, или на легкихъ условіяхъ трудолюбивымъ людямъ, могущимъ обогатиться здѣсь почти безъ усилій: стоитъ только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна; правда, она лишена лѣса, исключая сѣверной части екатеринославской губерніи и южной—Крыма. Въ безлѣсныхъ частяхъ Новороссіи жители употребляютъ вмѣсто топлива высокія сухія травы, называемыя бурьяномъ, и высушенный на солнцѣ коровій и овечій навозъ—все это даетъ прекрасное и дешевое топливо» [2]).

Неудивительно, поэтому, почему въ воспоминаніяхъ теперешнихъ стариковъ страна вольностей запорожскихъ козаковъ представляется такою богатой и цвѣтущей страной; конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ не мало и преувеличеній, объясняющихся свойствомъ человѣческой натуры все прошлое представлять въ лучшемъ видѣ, чѣмъ настоящее; но все же въ общемъ они имѣютъ большую долю правды, особенно если взять во вниманіе сходство разсказовъ стариковъ съ описаніями очевидцевъ прошлыхъ вѣковъ и сходство повѣствованій старцевъ, живущихъ въ разныхъ концахъ извѣстной мѣстности.

«Приволье у нихъ такое было, что теперь подобнаго не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь такъ, что воленъ, да недоволенъ, а тогда было такъ, что и воленъ, и всѣмъ доволенъ. Недаромъ же говорятъ, какъ жили мы за царицей—ѣли паляницы, а какъ стали за царя—то не стало й сухаря. Теперь если сказать, какъ оно нѣкогда было, такъ и не повѣрятъ. Тогда всякіе цвѣты цвѣли, тогда великія травы росли. Вотъ тутъ, гдѣ теперь у насъ церковь, здѣсь

[1]) Тамъ же: Essai sur l'histoire etc.

[2]) Тамъ же.

была такая тирса, какъ вотъ эта палка, что у меня въ рукахъ: какъ глянешь, такъ точно рожь стоитъ; а камышъ росъ, какъ лѣсъ: издалека такъ и бѣлѣетъ, такъ и лоснится на солнцѣ. А что уже до пыріевъ, ковыля, муравы, орошка, кураевъ и бурунчуковъ, то какъ войдешь въ нихъ, такъ только небо да земля и видны,—въ этакихъ травахъ дѣти теряются бывало. Вотъ это поднимется вверхъ, выростетъ да снова и падаетъ на землю, да такъ и лежитъ, какъ волна морская, а поверхъ ея уже и другая ростетъ. Какъ запалишь бывало огнемъ, такъ она недѣли три, а то и четыре горитъ. Подешь косить, косою травы не отвернешь; погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь ихъ; загонишь воловъ въ траву, только мрѣютъ рога. Выпадетъ ли снѣгъ, настанетъ ли зима, никакой нужды нѣтъ: хоть какой будетъ снѣгъ, а травы не закроетъ. Пустишь себѣ коня, коровъ, овецъ, то они такъ пустопашъ и пасутся, только около отаръ и ходили чабанцы; а какъ загонишь овецъ въ траву, то онѣ межъ ней точно муравьи,—только вечеромъ и увидишь; зато уже тогда около нихъ работы—тирсу выбирать, которая поналѣзетъ въ волну!.. А что ужъ межъ той травой да разныхъ ягодъ, то и говорить нечего. Вотъ это было какъ выйдешь въ степь да какъ разгорнишь траву, то такъ и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелось, овражковъ да гусеницы, тогда и не слышно было. Вотъ какія травы были. А пчелы той? А меду? Медъ и въ пасѣкахъ, медъ и въ зимовникахъ, медъ и въ бурдюгахъ—такъ и стоитъ бывало въ липовыхъ кадкахъ: сколько хочешь, столько й бери,—больше всего отъ дикихъ пчелъ; дикая пчела вездѣ сидитъ: и на камышахъ, и на вербахъ: гдѣ буркунъ—въ буркунѣ, гдѣ трава—въ травѣ; за ней и прохода не было: вырубываютъ, бывало, дупла, гдѣ она сидитъ. А лѣса того? Бузины, свѣдины, вербы, дуба, грушъ—множество. Грушъ, бывало, какъ нападаетъ съ вѣтокъ, такъ хоть бери грабли да горни въ валки: такъ и лежатъ на солнцѣ, пока не попекутся. Сады когда цвѣтутъ, то какъ будто сукномъ покрываются; такъ патока съ нихъ и течетъ. А толщина деревьевъ? Вербы, такъ ей Богу, десять аршинъ въ обхватѣ... Земля свѣжѣе была, никто ее не насиловалъ, какъ теперь, снѣга лежали большіе, и воду пускали великую, оттого и дерево росло хорошо. А звѣрей,

а птицъ? Волки, лисицы, барсуки, дикія козы, чокалки [1]), видnихи—такъ одинъ за другимъ и бѣжатъ, такъ и пластаютъ по степи. Волковъ такая сила была, что ихъ кіями избивали, а изъ кожъ ихъ сапоги да кожанки дѣлали. А ежей тѣхъ, ежей?.. И говорить нечего! Были и дикія свиньи, такія жирныя да здоровыя; онѣ больше по плавнямъ шныряли. Вотъ это какъ увидишь въ плавнѣ какую-нибудь свинью, то скорѣе бросайся на дерево, а то хрю, хрю! чмакъ, чмакъ! да до тебя, да такъ рыломъ и претъ! Выставитъ морду впередъ да и слушаетъ, не идетъ ли кто: какъ увидитъ человѣка, сейчасъ же до него, товкыцъ рыломъ! Свалитъ съ ногъ, тогда и давай рвать... Были и дикія лошади; онѣ ходили цѣлыми табунами; косяка по три, по четыре такъ и ходятъ... А что уже птицы было, такъ, Боже великій! Утокъ, лебедей, дрохвъ, хохотвы, дикихъ гусей, дикихъ голубей, лелекъ, журавлевъ, тетерокъ, куропатокъ—такъ хо-хо-хо! Да все плодющія такія! Одна куропатка выведетъ, бывало, штукъ двадцать пять птенцовъ въ мѣсяцъ, а журавли, какъ понаведутъ дѣтей, то только ходятъ да крюкаютъ. Стрепетовъ сѣльцами ловили, дрохвъ волокомъ таскали, а тетеревей, когда настанетъ гололедица, дрюками били. И какая сила той птицы была? Какъ поднимется съ земли, солнце застелитъ, а какъ сядетъ на дерево, вѣтокъ не видно: одинъ комъ виситъ, а какъ спустится на землю, то земля точно полъ въ хатѣ, такъ и зачернѣетъ. Лебеди, бывало, какъ заведутся биться между собой, то поднимутъ такой крикъ, что батько выскочитъ было изъ бурдюга да давай на нихъ стрѣлять, чтобъ поразогнать, а они подхватятся вверхъ да только поросъ-поросъ-поросъ!.. Теперь вотъ нѣтъ и того множества рыбы, что была когда-то. Вотъ эта рыба, что теперь ловятъ, такъ и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуга, пистрюга, коропы да осетры за все отвѣчали. Въ одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало. Да все тогда не такъ было! Тогда и зимы теплѣе были, нежели теперь,—это уже кацапы своими лаптями понаносили намъ холода, а въ то время его не особенно слышно было. Оттого тогда и сѣна никто не запасалъ, развѣ только въ то время, когда думали идти въ походъ, для верховыхъ лошадей. Тогда и урожаи лучше были,—

[1]) «Тотъ же волкъ, только злѣе волка». Замѣчаніе разсказчика.

хоть и сѣяли немного, а родило достаточно: какъ четыре мѣшка посѣетъ, такъ триста копенъ нажнетъ,—нужно было восемь жнецовъ, чтобъ снять то все до Покрова. Батюшка мой, и гдѣ оно все то подѣвалось? И очамъ своимъ не вѣрю! Вотъ тутъ, гдѣ теперь стоитъ наша Чернышовка, тутъ ни одной хаты не было, одно только отцовское приволье, а теперь гдѣ тотъ и народъ набрался и когда онъ все то позаводилъ? Теперь и вода перемѣряна и земля перерѣзана, а что до лѣса, такъ и говорить нечего: что на сани, что на полудрабки, что на олѣйницы, то на то, то на се, да такъ все и повырубили. Гдѣ пряменькое, хорошее да крѣпкое деревцо, то его сейчасъ же и истребитъ. А тутъ какъ пошелъ еще по лѣсу рогатый скотъ, то и пней не осталось, а что уцѣлѣло, позасыхало и попропадало. До и самъ скотъ ходитъ точно неживой... Какъ вырубили лѣса, пошла на села мошка; за ней теперь и свѣта божьяго не видно, а бѣдному скоту такъ и отдыха нѣтъ: весь облитый кровью такъ и ходитъ. Теперь дайте вы вотъ этой свиньѣ, что ходитъ, кусокъ хлѣба, то она и здохнетъ отъ него. А отъ чего? Оттого, что не привыкла ѣсть!.. Да все теперь перевелось: гадюкъ не стало,—повыорали; въ болотахъ и жабъ не слышно,—повыздыхали; да й болота теперь есть ли» [1]).

«Когда-то тутъ по плавнямъ да по скаламъ было столько волковъ, лисицъ, зайцевъ да дикихъ свиней, что за ними и не пройдешь. Дикіе кабаны были пудовъ въ десять, а то и больше вѣсомъ: едва шесть человѣкъ на сани положатъ. Тутъ было такое множество звѣрей, что изъ города присылали верховыхъ, человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, чтобы разгонять ихъ. Такъ гдѣ тебѣ? За ними гоняются по степи, а они въ плавни бѣжатъ. Ѣздили съ ружьями да съ саблями по плавнямъ и все жгли камыши; такъ уже тогда немного напугали ихъ, а то просто страшно и выдти. Рыба, такъ та сердечная, даже задыхается, а раковъ штанами ловили. А что до птицы, такъ и говорить нечего. Какъ подешь на охоту, то домой несешь ее какъ будто на коромыслѣ. Стрепета, огари [2]), лебеди такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Трав» высокія-превысокія росли, по самую грудь, а то

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины,

[2]) Огарь—большая рыжеватая утка, величиною и

по травѣ, точно вода: если хочешь идти по степи, то прежде всего скинь штаны да подбери сорочку, а то какъ намокнуть, то и не дотянешь. Какъ идешь по травѣ въ постолахъ, то вода только чвыркъ-чвыркъ! Лѣсъ росъ густой да высокій: грушъ, калины, дикаго винограда — не пролѣзешь. Ночью страшно было и ходить. А урожаи были такіе, о которыхъ теперь и не слышно. Да и дешевизна въ то время какая была: пудъ проса десять копѣекъ, пудъ пшеницы сорокъ копѣекъ, да и то еще дорого» [1]).

«Тутъ тѣхъ звѣрей, тутъ тѣхъ птицъ, такъ видимо-невидимо было: такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Пріѣхали мы со своею панею въ эти мѣста, гдѣ теперь Наковальня,—они отошли ей по наслѣдству,—пріѣхали мы да и смотримъ, а тутъ ни хатки, ни куренца, одна степь да ковыль. Что тутъ дѣлать? «А что? Руби камышъ, копай дернъ да давай дѣлать курень». Давай я рубить камышъ, давай копать дернъ. Нарубилъ, поставилъ, обсыпалъ землей; вотъ хижина и есть. Ну, что же теперь ѣсть? А ѣсть уже, что хочешь, то и ѣшь: есть и птица, есть и звѣрь степной. «Да что мнѣ—говоритъ паня—та птица да звѣрь степной? Ты поѣзжай да поймай дикаго поросенка!» Ну, что-жь, поросенка, такъ и поросенка! Сажусь на коня, беру длинный кнутъ и ѣду къ рѣчкѣ, гдѣ была берлога дикихъ свиней. Вотъ пріѣду и жду, пока свиньи пойдутъ пастись въ степь, а поросята останутся одни; высмотрю и сейчасъ же туда; схвачу поросенка да и уходить; да ужъ бѣгу, да ужъ бѣгу, сколько есть духу, а оно кричитъ, какъ бѣшеное. И что жь вы думаете? Какъ почуютъ гаспидовы свиньи, да ко мнѣ, такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ подъ ноги коню; да такъ бѣгутъ до самаго куреня и если бы не длинный кнутъ, то и разорвали бы. Вотъ какъ оно было въ старину! Совсѣмъ не такъ, какъ теперь! Теперь хоть бы и на счетъ урожая. Развѣ въ старину онъ такой бывалъ? Куды вамъ! У нашей пани было семь человѣкъ семейства, а она больше тридцати саженъ никогда не сѣяла. Вотъ это, бывало, заволочетъ прямо противъ куреня, посѣетъ пшеницу и ждетъ. Такъ она, какъ уродитъ, то и стебля не видно: одинъ колосъ почти, да такой толстый, точно веретено. Это такіе хлѣба были. А травы, и говорить нечего. За травою

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 122.

и земли не видно: лежитъ поверхъ земли точно шуба или рядно. Тогда, видишь, мало кто косилъ ее, такъ она поднимется вверхъ да снова и впадетъ, да такъ и лежитъ точно рядно; выростеть такая, что человѣка верхомъ на лошади не видно» [1]).

Вотъ почему у нѣкоторыхъ писателей прошлыхъ вѣковъ страна запорожскихъ вольностей называлась страной, текущей «млекомъ и медомъ», а у самыхъ козаковъ именовалась «раемъ божіимъ на землѣ». Прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетри для птицъ, необозримыя степи для звѣрей дѣлали край запорожскій привлекательнымъ, а самое житье въ немъ привольнымъ и заманчивымъ.

Плодородіе земель вольностей запорожскихъ козаковъ много зависѣло отъ самой почвы: земля вольностей запорожскихъ козаковъ въ сѣверной части состояла изъ сочнаго чернозема отъ 4 вершковъ до $1^1/_3$ аршина глубины, а на низменностяхъ отъ 2 до 3 аршинъ, ежегодно удобрявшагося густой и высокой травой, быстро созрѣвавшею и тутъ же падавшею на мѣстѣ; въ южной и особенно юговосточной части земля запорожскихъ вольностей состояла изъ незначительнаго слоя чернозема съ подпочвой, глинисто-солонцоватой, кромѣ пологихъ мѣстъ близъ рѣчныхъ долинъ и балокъ, гдѣ почва считалась достаточно доброкачественной. «Земля въ этомъ округѣ—въ южной окраинѣ запорожскихъ вольностей—исключая близъ рѣкъ песчаныхъ косъ и кучугуровъ и каменныхъ береговъ, вообще черна и сверху на два фута и глубже влажна, а ниже двухъ футовъ глиниста, желтовата, и вся способна къ плодородію; только на высокихъ горахъ отъ жаровъ трава скоро высыхаетъ, отчего тамъ и хлѣбопашествомъ заниматься нельзя, остаются годными для земледѣлія однѣ балки, пологія мѣста и близъ балокъ низменности при рѣкахъ; чтобы получить траву на тѣхъ горахъ, надо ее каждую осень выжигать особенно старательно» [2]). Земля въ восточной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ, паланкѣ калміусской, состоитъ изъ че[illegible] земнаго слоя отъ 12 вершковъ до 2 аршинъ, а у самаго [illegible] скаго побережья до 4 аршинъ глубины; впрочемъ, эт[illegible]

---

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ ста[illegible]

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и [illegible]

запорожскихъ вольностей по справедливости считалась сравнительно менѣе плодородной, чѣмъ другія: почва здѣсь хотя во многихъ мѣстахъ была и черноземна, но въ общемъ состояла изъ разныхъ минераловъ—желто-сѣрой щелочной глины, известника, каменнаго угля, желѣзной руды, порфира, графита, коалина, окаменѣлыхъ пальмъ и папортниковъ, что хотя въ своемъ родѣ и составляло богатство, но этимъ богатствомъ запорожцы не умѣли, да и не могли пользоваться, считая его, напротивъ того, вреднымъ для себя, мѣшавшимъ произрастаніямъ травъ [1]); этимъ свойствомъ почвы отличалась вся окраина калміусской паланки отъ крѣпости св. Димитрія и до крѣпости Петровской [2]).

На всемъ пространствѣ запорожскихъ степей водилось множество всякаго рода звѣрей, птицъ, а въ рѣкахъ, озерахъ и лиманахъ множество разнаго рода рыбъ и раковъ. Изъ звѣрей извѣстны были: туры, существовавшіе въ западной Европѣ до IX вѣка, въ Литвѣ и Польшѣ до XVI [3]), отъ которыхъ въ настоящее время находятся въ землѣ близъ самарскихъ лѣсовъ разной величины рога; медвѣди и лоси, водившіеся близъ рѣки Домоткани и особенно въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ [4]); олени и лани [5]); байбаки и сурки; дикія козы, во множествѣ водившіяся въ Великомъ-Лугу и самарскихъ лѣсахъ; сайги, сугаки [6]), горностаи [7]); дикіе кабаны; барсуки; выдры или выднихи, звѣрь, жившій въ водѣ, похожій на лисицу, съ лоснящеюся, какъ бы бросающей отъ себя искры, кожей; хорьки; рѣчные бобры [8]); куницы [9]); дикія кошки,

---

[1]) Александровичъ, Краткій обзоръ маріупольскаго уѣзда, Маріуполь, 1884, 18, 19.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XV, 224.

[3]) Труды VI археологическаго съѣзда. Къ древн. исторіи домашнихъ животныхъ, 26—28.

[4]) Эрихъ Ласота, Путевыя записки, Одесса, 1873, 54; Мышецкій, Исторіи о козакахъ. Одесса 1852, 77.

[5]) Объ оленяхъ упоминаетъ Гильденштетъ во второй половинѣ XVIII вѣка

[6]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 605.

[7]) Экономическія примѣчанія къ верхнеднѣпров. у., № 1, стр. 1, въ екатеринославской губернской чертежной.

[8]) Послѣдній бобръ пойманъ въ Днѣпрѣ въ 1889 году, противъ деревни Вороной, новомосковскаго уѣзда. См. Екатеринославскія губернскія вѣдомости. 1889 г. № 36.

[9]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, неоффиціальн. ч., 18

лисицы, зайцы, ежи, суслики и дикія лошади или тарпаны. Суслики, называемые теперь ховрахами или овражками, извѣстны были уже въ 1782 году, какъ страшные враги молодыхъ, еще несозрѣвшихъ, арбузовъ и дынь [1]. «Дикія лошади—говоритъ очевидецъ XVII вѣка Бопланъ—ходили табунами отъ 50 до 60 головъ; нерѣдко онѣ заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Впрочемъ, дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему негодны, развѣ только для пищи: мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины, впрочемъ, на мой вкусъ не такъ пріятно... Дикую лошадь усмирить невозможно, она полезна для мяснаго ряда... Впрочемъ, дикіе кони разбиты на ноги: копыта ихъ разростаются, дѣлаются толстыми—ибо ихъ никто не обрѣзываетъ—и не дозволяютъ лошади быстро скакать» [1]. Въ XVIII вѣкѣ множество дикихъ лошадей водилось по лѣвую сторону рѣки Ингула [2]. Видѣвшій ихъ въ это время, хотя гораздо выше новороссійскихъ степей, русскій академикъ Гмелинъ, описываетъ ихъ въ такомъ видѣ. «Самыя большія дикія лошади величиной едва могутъ равняться съ самыми малыми домашними лошадьми. Голова у нихъ, въ разсужденіи прочихъ частей тѣла, чрезмѣрно толста, уши весьма остры и бываютъ такой же величины, какъ у домашнихъ лошадей, или долги почти какъ у осла, и опускались внизъ, глаза у нихъ огненные; грива весьма коротка и курчава; хвостъ у иныхъ густъ, у иныхъ рѣдокъ, однако, всегда короче, нежели у домашнихъ лошадей. Цвѣтомъ похожи на мышей и сей признакъ примѣченъ на всѣхъ находящихся въ сихъ мѣстахъ дикихъ лошадяхъ, хотя, впрочемъ, писатели упоминаютъ только о бѣлыхъ и пепелистыхъ. Однако, цвѣтъ на брюхѣ у многихъ сходствуетъ съ пепелистымъ, а ноги, начиная отъ колѣна до копыта, черны. Шерсть на нихъ весьма долга и столь густа, что при осязаніи болѣе походитъ на мѣхъ, нежели на лошадиную шерсть. Они бѣгаютъ съ несказанною скоростью, по крайней [redacted] чашней доброй лошади. При

1) 1787, 229.
ъ, 1832, 93.
остей, VII, 187.

малѣйшемъ шумѣ приходятъ въ страхъ и убѣгаютъ... Каждое стадо имѣетъ предводителя, жеребца, который идетъ напередъ, а другіе ему слѣдуютъ... Дикій жеребецъ весьма падокъ до домашнихъ кобылъ, и если онъ можетъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то, конечно, не упуститъ случая и уведетъ ихъ съ собою, причемъ иногда загрызетъ противника (т. е. домашняго жеребца)... Ловящіяся всегда тенетами, живыя дикія лошади съ великимъ трудомъ оставляютъ свою дикость и пріучаются къ работѣ. Всѣ извѣстія о томъ между собою согласны, что оныя совсѣмъ негодны къ верховой ѣздѣ, вмѣстѣ съ другой лошадью съ трудомъ бѣгаютъ и, по большей части, спустя годъ по потеряніи свободы умираютъ» [1]). Въ наше время люди, видѣвшіе дикихъ лошадей, прибавляютъ къ этому описанію слѣдующее: «Дикія лошади изъ себя небольшія, а только довольно толстыя и очень крѣпкія, на масть мышастыя. Мой отецъ и ловилъ ихъ, такъ что жъ? Онѣ или убѣгуть, или подохнутъ, потому что не могутъ жить въ неволѣ,—по степи имъ бѣгать, это такъ. Вотъ это, бывало, ѣдетъ по шляху человѣкъ кобылою, а дикія лошади пасутся... То сейчасъ же дикій жеребецъ выскочитъ на могилу и нюхаетъ, чѣмъ человѣкъ ѣдетъ, кобылою или конемъ. Какъ почуетъ, что кобылою, такъ и пиши, человѣкъ, что пропало: побьетъ и оглобли, поломаетъ и возы, захватитъ съ собою и кобылу. И сколько по той дорогѣ колесъ, ободьевъ, оглобель да драбинъ отъ возовъ валялось: то все шкода дикихъ жеребцовъ» [2]). Пойманный въ 60-хъ годахъ въ Новороссіи дикій конь имѣлъ, по точному описанію, росту 1 аршинъ и 14 вершковъ, шерсть на немъ мышастая; грива и хвостъ черные, густые; глаза выпуклые, большіе, горящіе огнемъ; по всей спинѣ отъ гривы къ хвосту черная полоса; голова нѣсколько увеличенная, ноздри расширенныя, плотное на крѣпкихъ сухихъ ногахъ тѣлосложеніе; онъ держитъ себя гордо и на свободѣ и подъ верхомъ, скоро бѣжитъ рысью въ запряжкѣ... и шибко скачетъ въ галопъ подъ верхомъ; выносливъ въ ѣздѣ и добронравенъ въ упряжкѣ... не теряетъ тѣла какъ въ конюшнѣ,

---

[1]) Путешествіе отъ Петербурга до Черкасъ, Спб., 1771, I, 71.

[2]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 217.

такъ и въ табунѣ, всегда полный и круглый, бодрый и игривый [1]). Въ послѣдній разъ видѣли косякъ дикихъ лошадей, числомъ шесть головъ, въ 1866 году, въ вѣковыхъ тирсахъ херсонской губерніи, въ заградовской степи князя Кочубея [2]). Въ настоящее время дикія лошади продолжаютъ существовать въ средней Азіи [3]).

Изъ птицъ въ степяхъ запорожскихъ вольностей водились: бабы «съ такими огромными шеями, что могутъ въ своихъ зобахъ, какъ будто въ садкѣ, держатъ живую рыбу и доставлять ее оттуда себѣ въ пищу» [4]); лебеди, гуси, утки, дрохвы, стрепеты, колпицы, бакланы, журавли, аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястреба, чайки, соловьи, стрижи, галки, сороки, вороны, чижи, щеглы, кулики, жаворонки, подорожники и другія болѣе простыя птицы [5]). Изъ домашнихъ птицъ «куръ немного увидишь, но пѣтухъ во всякомъ мѣстѣ, хотя безъ курицы, а есть; онъ, воспѣвая, показываетъ имъ (т. е. козакамъ) время по ночамъ» [6]).

Большинство изъ названныхъ звѣрей и птицъ служили предметомъ охоты для запорожцевъ и шли имъ въ пищу въ мирное время; ловля звѣрей и птицъ производилась посредствомъ капкановъ или сѣтей, охота—посредствомъ ружей и травли собаками.

Изъ рыбъ въ рѣкахъ, озерахъ и лиманахъ вольностей запорожскихъ козаковъ извѣстны были: бѣлуга, иногда до трехъ саженъ длины, осетры, севрюга, стерлядь, сомы, сазаны, иначе коропы, судаки или сула, окуни, щука, тарань, скумбрія, вырезубъ, рыбецъ, бычки, камбала, иначе полурыбица, язи, чилики, марена, лещи, сельди, бѣлизна, сабля, плотва, караси, раки до 9 дюймовъ длины [7]) и др. Для рыбной ловли запорожскіе козаки располагались зимой въ особыхъ заводахъ, лѣтомъ во временныхъ тростни-

---

[1]) Шатиловъ, Сообщеніе о тарпанахъ, Москва, 1884, 5.

[2]) Шатиловъ, Сообщеніе о тарпанахъ, Москва, 1884, 5.

[3]) Труды VI археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ, 26—28.

[4]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., [illegible]

[5]) Мышецкій, Исторія о козакахъ [illegible] Экономическія примѣчанія къ верхнеднѣпров. уѣзду, [illegible] с. общ. ист. и др., VII, 187.

[6]) Записки одесска[illegible] 187.

[7]) Бопланъ, Описа[illegible]

ковыхъ шалашахъ, по берегамъ рѣкъ, озеръ и лимановъ. Тутъ они ловили рыбу сѣтями, или поставленными въ воду желѣзами, или ручными выдрами; выдру ловили еще маленькою и приручали; потомъ, выростивши, отправляли въ ставку на рыбу; поймавъ рыбу, выдра всякій разъ возвращалась къ хозяину и отдавала свою добычу; къ хозяину она привыкала, какъ кошка: ложилась у его ногъ, пряталась подъ одѣяло и спала вмѣстѣ съ нимъ [1]).

Крупную рыбу—осетровъ, бѣлугу и др.—козаки прежде всего провяливали; не разрѣзая ее въ балыки, а только распластавъ, они дѣлали затѣмъ по мѣстамъ надрѣзы и засыпали въ нихъ соль; мелкую рыбу солили особо и особо провяливали; свѣжей зернистой икры дѣлать не умѣли, они солили ее съ мездрою; также не умѣли они приготовлять и паюсной икры; высушивъ рыбу, или развозили ее по городамъ, или продавали на мѣстѣ пріѣзжавшимъ къ нимъ промышленникамъ, болѣе обмѣнивая на хлѣбъ и вино; соль для рыбы получали изъ озеръ кинбурнскаго округа, особымъ образомъ заготовляли ее, возили лодками къ Станиславову мысу и къ балкѣ Широкой, т. е. съ лѣваго берега Днѣпра на правый [2]).

Особеннымъ изобиліемъ рыбъ отличались Днѣпръ, его лиманы и озера, Тилигулъ, Кинбурнская и Тендерская коса [3]); въ этихъ мѣстахъ запорожскіе козаки добывали такое множество рыбы, что въ достаточномъ количествѣ оставляли ее и у себя и развозили въ Польшу, Украйну и другія мѣста [4]). Продажа рыбы была однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ доходовъ запорожскаго войска; этимъ запорожцы и одѣвались, и вооружались.

«Днипровый, Днистровый—обыдва лиманы—
Изъ нихъ добувались—справлялись жупаны».

Изъ насѣкомыхъ извѣстны были въ степяхъ запорожскихъ вольностей—пчелы, особенно много разводимыя козаками; сверчки, муравьи, тараканы и др.; изъ пресмыкающихся—ужи, змѣи, желтопузики, т. е. теперешніе желтобрюхи, и друг. [5]). Путешествен-

---

[1]) Записки одесскаго общества истор. и древн., VII, 186, прим. 70.
[2]) Записки одесскаго общества истор. и древн., VII, 186.
[3]) Отъ тюркскаго корня «тиндир(мак)»—успокоить.
[4]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, изданіе Судіенка, 39.
[5]) Записки одесск. общ. ист. и древн., VII, 187.

никъ—академикъ Зуевъ видѣлъ въ 1782 году, между Давыдовымъ Бродомъ (на рѣкѣ Ингульцѣ) и Кринками, желтопузовъ въ саженъ длиною, которые, хотя-бъ были совершенно безвредны и не ядовиты, но величиною своею не могли быть не страшны даже и небоязливому человѣку [1]).

Изъ плодовыхъ деревьевъ, растеній и огородныхъ овощей извѣстны были: виноградъ, яблони, груши, вишни, тернъ, калина, барбарисъ, жежевика, дикій чай, шалфей, персики, водяные орѣхи, капуста, цикорій, горчица, спаржа, дикая морковь, хрѣнъ, пастернакъ, артишоки, которыхъ особенное множество росло по Бугу, около Гарда, между скалъ [2]), и «другихъ травъ, принадлежащихъ къ аптекамъ довольно» [3]).

Изъ травъ въ степяхъ запорожскихъ вольностей росли: пырей, ковыль, катранъ, бурьянъ, богородичная трава, чеберъ, бедринецъ, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, щавель, везилъ, пижма, лобода, репейникъ, крапива, полынь, лопухъ, тюльпанъ, василькн, мята, ромашка, гвоздика, капуста заячья, вязникъ, бронколь и др.; кромѣ того, по берегамъ рѣкъ, по озерамъ, лиманамъ и болотамъ очеретъ; изъ грибовъ извѣстны были только шампиньоны [4]).

Тѣже степи вольностей запорожскихъ козаковъ у другихъ писателей представляются и въ совершенно противоположномъ описанному характерѣ. «Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось козачество. Становится понятнымъ, почему она называлась «дикими полями», безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчей, удаленныя отъ поселеній на столько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбой и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною нату-

[1]) Зуевъ, Путеше ... 787, 272.
[2]) Записки одесс ... 70, 187.
[3]) Мышецкій ... хъ, Одесса, 1851, 78.
[4]) З ... 187.

рой. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ. отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою—вмѣсто соли. Козакъ-сиромаха было давнишнею народною поговоркою на Украйнѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда—эти два понятія имѣли всегда близкое родство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

«Козакъ—душа правдыва—
Сорочки не мае» [1]).

Особенно страшны были запорожскія степи людямъ, несвыкшимся съ ними, незнавшимъ всѣхъ свойствъ и условій степной жизни. «Гетманъ Самойловичъ во время переговоровъ съ дьякомъ Украинцевымъ о союзѣ съ Польшею противъ Крыма въ 1679 году совѣтовалъ царю не нарушать мира съ крымцами, надѣясь на Польшу, ибо, по его словамъ, поляки, при всемъ своемъ желаніи быть вѣрными царю, какъ только попадутъ въ степь и испытаютъ ея прелести, то не выдержатъ, измѣнятъ и перейдутъ на сторону хана, лишь бы не вести войны тамъ, гдѣ могли ее переносить только свыкшіеся съ нею сыны степей, козаки» [2]). Выражаясь такъ, гетманъ Самойловичъ разумѣлъ крымскія степи, но совершенно тоже можно сказать и о запорожскихъ. Бопланъ, жившій въ XVII вѣкѣ, отмѣчаетъ главные недостатки запорожскихъ степей—недостатокъ соли и воды [3]). Манштейнъ въ XVIII вѣкѣ считаетъ бѣдствіями степей отсутствіе подножнаго корма въ осеннее время, холодныя ночи и несносныя стужи среди лѣта, страшную пустынность края, отсутствіе воды и лѣса для топлива [4]). У польскихъ писателей прошлыхъ вѣковъ вся земля запорожскихъ вольностей характерно называлась «дикимъ полемъ», иногда «чисто-полемъ» «пусто-полемъ». Тѣмъ же именемъ называются запорожскія степи и у германскаго посланника Эриха Ласоты; послѣдній даетъ на-

[1]) Кулишъ, Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 530.
[2]) Руссовъ, Русскіе тракты, Кіевъ, 1876, 72.
[3]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 94, 95.
[4]) Записки о Россіи, Москва 1823, I, 140, 210.

званіе «дикаго поля» сѣверо-западной окраинѣ запорожскихъ вольностей отъ рѣки Суры, праваго притока Днѣпра, далѣе вверхъ [1]). На картѣ XVII вѣка «Tipus generalis Ukraine» «дикимъ полемъ»—campus desertus et inhabitatus—называется все пространство степей отъ лѣваго берега Ингульца до Днѣпра [2]). Малороссійскіе лѣтописцы, польскія писатели и западно-европейскіе путешественники прибавляютъ къ названнымъ недостаткамъ запорожскихъ степей еще страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютую стужу, вслѣдствіе открытой, ничѣмъ не защищенной мѣстности, зимой; жестокіе вѣтры, повальныя болѣзни и всеобщій моръ, часто посѣщавшіе запорожскій край, саранча, комары, мошки, черви и дикіе волки «сироманци», свирѣпствовавшіе въ открытыхъ степяхъ Запорожья и своимъ воемъ наводившіе ужасъ на постоянныхъ жителей и случайныхъ путешественниковъ, довершаютъ картину бѣдствій въ Запорожьѣ. Эти бѣдствія—засуха, повальныя болѣзни, моръ, саранча—часто повторялись изъ года въ годъ и дѣлали запорожскій край едва возможнымъ для обитанія.

Въ 1575 году лѣто въ запорожскихъ степяхъ было на столько жаркое, что отъ страшнаго зноя трава въ степи повыгорѣла и вода въ рѣкахъ повысохла; осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, во многихъ мѣстахъ черезъ Днѣпръ даже овцы переходили въ бродъ, а на днѣпровскомъ Низу, у Микитина перевоза и рѣки Чортомлыка, высохли всѣ плавни, такъ что татары свободно переправлялись съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра и нападали на становища запорожскихъ козаковъ [3]). Въ 1583 году въ степяхъ запорожскихъ свирѣпствовала саранча; Самуилъ Зборовскій, владѣлецъ Злочева, львовскаго повѣта, шедшій въ это время съ отрядомъ польской шляхты по Днѣпру для соединенія съ запорожскими козаками съ цѣлью предпринять общій походъ противъ московскаго царя Ивана Грознаго, ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ, встрѣтилъ тучу саранчи, отъ которой пало у него до трехсотъ лошадей и много попухло народа [4]). Въ 1637 году на Украйнѣ былъ страшный не-

---

[1]) Путевыя записки, Одесса, 1873, 53; Устрялова.

[2]) Въ библіотекѣ Московскаго рум

[3]) Θеодосій, Историческій обз ін. Екатеринославъ, 1876, 30.

[4]) Кулишъ, Исторія

урожай; весной этого года три мѣсяца не было дождя; рожь рвали съ корнемъ и за диво было видѣть хоть одинъ сжатый снопъ; въ петровку жито продавалось по 20, даже по 24 злотыхъ, просо и гречка по 12, овесъ по 8 злотыхъ; трудно было человѣку дожить до новины: тогда исполнилось пророчество Исаія, что кто сто мѣръ посѣялъ, тотъ едва одну взялъ [1]). Въ 1638 году также былъ недородъ; вообще этотъ годъ былъ тугой на Украйнѣ: посѣянный хлѣбъ съѣлъ червь, оттого озими было очень мало, и если бы не яровой хлѣбъ, гречка и просо, то люди поумирали бы отъ голода [2]). Въ 1645 и 1646 годахъ, подъ рядъ, Украйну страшно опустошала саранча. Въ 1648 году былъ «незначный приморокъ» на людей: «люди бардзо упадали»; того же года былъ неурожай, вслѣдствіе бездождія въ теченіе трехъ весеннихъ мѣсяцевъ; только яровые хлѣба были хороши, чѣмъ и спаслись люди отъ голода [3]); того же года во всей Украйнѣ было страшное множество саранчи, причинившей великія бѣдствія людямъ, пожравшей хлѣбъ и траву, такъ что негдѣ было и косить сѣна; къ тому же, зима была слишкомъ продолжительна, во время которой нечѣмъ было и скота кормить; та саранча зазимовала на Украйнѣ и весной снова явилась и «такъ великую дорожнету учинила» [4]). Въ 1649 году былъ большой неурожай; уродила лишь падалица отъ ржи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли таборы; яровой хлѣбъ взяли руками; въ этомъ же году было страшное множество саранчи, съѣвшей хлѣбъ, и не менѣе того мышей: не было примѣра, чтобы когда-либо было столько мышей, какъ въ этотъ годъ; отъ этого была большая дороговизна на хлѣбъ, соль и сѣно [5]). Въ 1650 году, тотъ часъ послѣ праздника Рождества Христова, рожь продавалась по два злотыхъ съ излишкомъ, а потомъ и по копѣ, а въ апрѣлѣ того же года осмина ржи по четыре злотыхъ, осмина проса по 3 и по 10, яровое по 3 и овесъ по 2 злотыхъ [6]). Въ 1676 году была великая снѣгами и морозами зима: снѣга и морозы продолжались почти до святаго Георгія, такъ что у

[1]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1878, 77. 78.
[2]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1878, 78.
[3]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1878, 79, 80.
[4]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 17.
[5]) Хмельницкая лѣтопись, 81; Лѣтопись Самовидца, 22.
[6]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1878, 81.

людей не только сѣна, но и соломы на хатахъ не стало. Въ 1678 году послѣ всеѣдной превеликіе выпали снѣга, отъ которыхъ пало много татаръ и ихъ коней, приходившихъ въ Запорожье и Украйну [1]. Въ 1680 году была страшная суша и спека солнечная, отъ которой повысыхали воды и травы, развелись черви, поѣвшіе капусту, бобы, горохъ, коноплю, гречиху и переходившіе съ одной нивы на другую; въ это же время въ турецкомъ городѣ Кызыкерменѣ открылось моровое повѣтріе, первою жертвою котораго былъ кизыкерменскій бей со всѣмъ домомъ своимъ; изъ Кызыкерменя моровое повѣтріе осенью перешло въ Сичь запорожскую и тамъ причинило великія бѣдствія [2]. Въ 1686 году на Украйнѣ появилось множество черныхъ червяковъ, величиною съ гусеницу, причинившихъ страшный вредъ коноплѣ и другимъ въ этомъ родѣ растеніямъ, кромѣ хлѣба; они цѣлыми стадами ходили по дорогѣ и черезъ ворота въ городъ, изъ города стадами на огороды, не боясь дождей и мокраго лѣта. Въ 1688 году, 8 августа, въ Запорожье и на Украйну налетѣла въ страшномъ количествѣ саранча, покрывшая все войско князя Василія Голицына, шедшее противъ татаръ; она повернула было внизъ по-надъ Днѣпромъ, но потомъ снова явилась близъ городовъ; далѣе отъ Донца вновь явилась въ несмѣтномъ множествѣ и укрыла все войско, но отсюда повернула въ татарскія степи; эта саранча истребила всю рожь и яровой, еще несиятый, хлѣбъ и оттого «учинила дорожнету»; отъ ея смрада падали лошади и рогатый скотъ, поѣдавшіе съ травою и саранчу, пропадали также куры, гуси, утки и индѣйки; въ это же время въ Запорожьѣ свирѣпствовала страшная чума, отъ которой умерло много народа [3]. Въ слѣдующемъ году, 9 августа, саранча все еще продолжала свирѣпствовать въ запорожскомъ краѣ [4]. 1690 году въ бывшемъ запорожскомъ городкѣ Самарѣ или Новобогородицкой крѣпости открылся великій моръ людей: поумирало много народа великороссійскаго и самъ воевода скончался весной; изъ Самары

---

[1] [illegible] южн. и запад. Руси, Кіевъ, 1888, 31.
[illegible]ъ, Кіевъ, 1851, II, 500.
[illegible] 1678, 133, 149, 150, 164, 174; Θеодосій.
[illegible] 84.
[illegible]адной Руси, Кіевъ, 1888, 35.

моръ распространился и по другимъ мѣстамъ запорожскаго края; въ то же время на Украйнѣ около Стародуба явилась саранча; она налетѣла сюда 9 августа и отсюда пошла частью въ литовскій край, частью въ Польшу, частью же осталась на зиму около Нѣжина, Чернигова и Стародуба; она шла широкою полосой, захватила окраину московской земли по-за Свинскимъ, испортила всю Комарницкую волость, сожрала озимый и яровой хлѣбъ и была причиной такой дороговизны, что осмина ржи и овса по три злотыхъ стоила, а отъ самаго смрада саранчи кони, рогатый скотъ, куры и гуси хворали и издыхали, потому что вмѣстѣ съ травою пожирали саранчу; даже самое мясо ихъ смердѣло саранчей [1]). Въ 1710 году на Украйнѣ свирѣпствовала страшная моровая язва; она началась сперва въ Кіевѣ, а потомъ распространилась и по прочимъ малороссійскимъ городамъ; въ это же время налетѣло отъ моря на Украйну великая саранча, поѣвшая хлѣбъ и траву [2]). Въ 1738 году открылась въ Яссахъ и Букарестѣ моровая язва; отсюда она перешла въ Каменецъ-Подольскъ, Баръ, Могилевъ, захватила Украйну [3]), перешла въ Очаковъ и на Кинбурнъ, поглотила многихъ козаковъ на Запорожьѣ, полегшихъ своими костьми на кладбищѣ Новой Сичи и черными могилами сразу увеличившихъ эту и безъ того мертвую обитель. Въ 1748 году саранча появилась въ низовьяхъ Днѣпра и оттуда понеслась вверхъ къ Кіеву: іюля 17 числа, въ четвертомъ часу, по полудни въ Кіевѣ оказалась такая сильная летучая саранча, что и солнечное сіяніе заслонила, а взялась и летѣла оная саранча снизу рѣки Днѣпра отъ мѣстности Кіево-софійскаго монастыря, мѣстечка Треполья, такожъ отъ полской стороны, и какъ чрезъ кіево-печерскую и старокіевскую крѣпости, такъ и чрезъ Кіевъ нижній городъ, называемой Подолъ, чрезъ немалое разстояніе, болѣе какъ чрезъ три часа, летѣла безпрерывно, и съ той саранчи та, которая изнемогла, на малое время для отдохновенія въ садахъ и на полѣ на травѣ садилась и, чиня травѣ и

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 178, 179.

[2]) Краткое описаніе Малороссіи, Кіевъ, 1887, 302; Сборникъ лѣтоп южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 50.

[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II Манштейнъ, Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 327.

огороднымъ овощамъ и садовымъ листьямъ вредъ, паки подымамалась и пролетѣла за Кіевъ, къ полской сторонѣ, такожъ и вверхъ по Днѣпру разными луговыми мѣстами, гдѣ ночлегами своими весьма великій травѣ вредъ учинила... Да іюля 16 и 17 числа чрезъ Васильковскій и Трепольскій и чрезъ село Обуховку, такъ чрезъ другіе форпосты изъ заграницы съ полской стороны въ Малую Россію за Днѣпръ пролетѣло саранчи безчисленное множество такими густыми тучами, что и свѣту мало было видно, а обширностію верстъ на четыре и на пять, а впротчихъ мѣстахъ и на десять верстъ, и какъ хлѣбу, такъ и травѣ потому жъ великій вредъ причинила, особливо же внизу рѣки Днѣпра чрезъ Кременчугской и другіе тамошніе форпосты [1]). Въ 1750 году страшная чума опустошила почти все Запорожье [2]); въ это время Кошъ предписалъ жечь имущество и келіи зачумленныхъ иноковъ Самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря; тогда предана была пламени келія настоятеля монастыря, іеромонаха Прокла, умершаго отъ чумы; вмѣстѣ съ его имуществомъ сожжено было множество документовъ, относящихся къ исторіи этого монастыря, и біографія перваго настоятеля обители, іеромонаха Паисія [3]); эта чума продолжала свирѣпствовать потомъ и въ 1756 году въ тѣхъ же самарскихъ мѣстахъ [4]). Въ 1759 году было неурожайное въ Запорожьѣ лѣто; послѣ него настала холодная и бурная осень, а послѣ пасмурной осени наступила съ конца октября глубокая и холодная зима: снѣга завалили запорожскія степи; холодъ, морозъ и сильные порывистые вѣтры довершали лютость зимы; такіе холода упорно держались до февраля слѣдующаго 1760 года, и въ это время погибло множество людей и еще больше того скота [5]). Въ наступившій 1760 годъ на запорожской рѣкѣ Самарѣ вновь открылась чума. «Появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жи-

---

[1]) Архивъ министерства юстиціи; дѣла прав. сената по малор. экспедиціи, 1745—1749 г., № 144—1871.

...атеріалы, Екатеринославъ, 1889, II, 344.

...ій монастырь. Екатеринославъ, 1873, 7.

... Запорожьѣ, Москва, 1877, 47.

...онастырь, Екатер... ...78, 35.

тели Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи серд
въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычны
нятія свои и всецѣло предались молитвеннымъ воплямъ и се
нымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (заставѣ) іеромо
начальникъ внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до с
въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умилительно
званіе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ ка
во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу
гробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и устав
іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія по школѣ и п
стивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по
званія своего, какъ отецъ сердобольный, возвысилъ къ дѣтя
порожцамъ голосъ свой, яко трубу, письменно и устно вн
всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, забо
исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души.
панъ атаманъ Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго
властнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запоро
къ тому же. Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи
козаки-запорожцы во все это время огромными массами ход
Новый-Кодакъ на поклоненіе образу великаго милостивца и
вителя отъ наглой смерти, святителя Христова Николая»
1768 году, съ половины мѣсяца января, началась страшная «
вина» или «пурга», продолжавшаяся весь февраль до начала
отъ этого въ Запорожьѣ погибло много людей и скота болѣе
вины всей численности [2]). Такою же стужею отличалась зим
1769 году; въ это время татары, сдѣлавшіе набѣгъ на Нов
бію, потеряли отъ холода 30,000 лошадей [3]). Въ 1770 году
порожскомъ краѣ былъ повсемѣстный неурожай и голодъ.
Кіевѣ открылась чума [4]). Въ 1771 году, въ январѣ мѣся
Запорожьѣ открылась моровая язва; уже въ мартѣ мѣся
этой язвы опустѣли села Романково, Кодакъ, Самара и П
пино; въ октябрѣ мѣсяцѣ обезлюдѣли многіе славяно-с

---

[1]) Θеодосій, Самарскій монастырь, Екатеринославъ, 1883, 33.
[2]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 335.
[3]) Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares, 1781, II, 1
[4]) Θеодосій, Матеріалы, Екатеринославъ. 1880, II, 336.

шанцы; въ то время добычею· страшной смерти сдѣлались въ Елисаветградѣ правитель духовныхъ дѣлъ, священникъ Василій Логовикъ, въ Бахмутѣ Семенъ Башинскій, въ Таганрогѣ Михаилъ Парафацкій, въ Азовѣ Георгій Хрещатицкій, протопопъ Михаилъ Алексѣевъ, въ конномъ козацкомъ полку Павелъ Григорьевъ и многіе другіе [1]). Въ 1772 году весной въ Запорожьѣ было страшное и разорительное наводненіе, а лѣтомъ открылась повсемѣстная чума [2]), отразившаяся потомъ страшными бѣдствіями въ Москвѣ.

Страшныя бѣдствія, которыя приходилось испытывать козаку, застигнутому въ дикихъ степяхъ запорожскаго края, художественно обрисованы въ народной думѣ «О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ-подъ Азова», въ которой представлено, какъ два брата ѣдутъ на коняхъ черезъ восточныя степи Запорожья, а третій, пѣшій-пѣхотинецъ, спѣшитъ-поспѣшаетъ за конными братьями, напрасно молитъ ихъ взять его съ собой, потомъ теряетъ ихъ изъ виду, добирается до Савуръ-могилы и тутъ въ страшныхъ мукахъ погибаетъ отъ голода и жажды.

«Изъ-пидъ города, спидъ Азова то невелыки туманы уставали,
Якъ три браты ридненьки,
Якъ голубоньки сывеньки,
Изъ города, изъ Азова, въ тяжкои неволи
У землю хрестіяньску до батька, до матери, до роду утикали.
Два брата кинныхъ,
А третій братъ, меньшій, пиша пишаныця,
За кинными братами угоняе,
И на биле каминня,
На сыре кориння
Свои нижки козацки-молодецьки побивае;
Кровью слидъ заливае
И до кинныхъ братив словами промовляе:
«Братики мои ридненьки,
Голубоньки сывеньки!
Добре вы учините,
Мене, наименьшого брата, мижъ кони возьмите,
И въ землю [redacted] я. до матери, до роду надвезите».

1880, II, 386.
порожьѣ, 47.

И ти браты трое зачували,
Словами промовляли:
«Братику милый,
Голубоньку сывый:
Ради бъ мы тебе мижъ кони узяти,
И буде насъ Азовська орда нагоняти,
Буде въ пень сикты-рубати,
И буде намъ велику муку завдавати».
И тее промовляли,
Видтиль побигали...
...Тоди меньшій братъ на Савуръ-могилу збигае,
Словами промовляе,
Слезами обливае:
Побило мене въ поли три недоли:
Перша доля безхлибье,
Друга доля безвидье,
А третя буйній витеръ въ поли повивае,
Бидного козака зъ нигъ валяе.
Тоди меньшій братъ на Савуръ-могилу вихожае,
Головку свою козацьку склоняе,
Батькову—матчину молитву споминае.
Отъ руками не визьме,
Ногами не пиде,
И ясными очима на небо не зглянe,
Кругомъ взирае,
Тяжко вздыхае:
«Голово моя козацкая!
Бували мы у земляхъ турецькихъ,
У вирахъ бусурменьськихъ;
А теперь прыпало на безвидди, на безхлибьи погибати.
Девятый день хлиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлибьи погибаю!
Тутъ тее промовлявъ... Не чорна хмара налитала,
Не буйніи витры війнули,
Якъ душа козацька-молодецька зъ тиломъ розлучалась.
Тоди сыви зозули налитали,
У головкахъ сидали, жалибно кували,
И якъ ридни сестры оплакали;
Тоди вовки-сыроманьци набигали,
И орлы-чорнокрыльци налитали,
Въ головкахъ сидали,
Зъ лоба чорни очи выдырали,
Биле тило одъ жовтои кости одрывали,
Жовту кисть по-пидъ зелеными яворами розношали,

И комышами укрывали,
И жалибненько квилили-проквыляли.
То жъ вони козацькіи похороны одправляли» [1]).

О другихъ бѣдствіяхъ запорожскаго края, саранчѣ, разнаго рода насѣкомыхъ, особенно комарахъ, слѣпняхъ и мошкахъ, этихъ «крылатыхъ шпилекъ запорожскихъ омутовъ», и зимнихъ стужахъ даютъ подробныя описанія современники-очевидцы, каковы инженеръ Бопланъ и баронъ де-Тоттъ. «Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украйнѣ напоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Египетъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ этотъ терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бессы и Мингреліи восточнымъ или юговосточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ слова для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или въ два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца, и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малорусскаго народа,

какъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Дома, тонюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить эту незваную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ отворятъ дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ они кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы поневолѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ ея полетъ; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ этого умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того же времени отходитъ недалеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, о направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный сѣверозапад вѣтеръ вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ стра

носятъ бичъ этотъ по Украйнѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговремнное пребываніе въ Украйнѣ объ этомъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ» [1]).

Почти въ тѣхъ же краскахъ рисуетъ степи ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и степи запорожскихъ козаковъ, и авторъ «Записокъ о туркахъ и татарахъ», баронъ де-Тоттъ. «Эти насѣкомыя налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается, и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается земледѣльцамъ-ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издаетъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія» [2]).

Въ 1748 и 1749 годахъ для истребленія на украинскихъ степяхъ саранчи введены были такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. «Бывшіе малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось» [3]).

Кромѣ саранчи, не малыя бѣдствія причиняли жителямъ Украйны и Запорожья мошка и комары. «Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ; утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможн[illegible]ать иначе, какъ подъ козацкимъ

1) Во[illegible] 85—89.

2) [illegible]отта въ описаніи Украйны

Вог[illegible]

[illegible]сква, 1848, 44, 45.

пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ; опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогнать ихъ дымомъ; для этого нужно содержать постоянный огонь» [1]). Обыкновенное время появленія комаровъ въ плавняхъ Днѣпра—половина апрѣля; конецъ—6 августа на Спаса или 15 на Пречистую; на этотъ счетъ приднѣпровскіе жители сложили слѣдующее четырехъ-стишіе:

Прійшовъ Спасъ,
Пропавъ комариный басъ;
А прійде Пречиста,
Визьме комаря нечиста.

———

Якъ прійде Спасъ,
Увирветця комариный басъ,
А въ Пречисту якъ заграють,
То й цымбалы поховають.

Безъ сомнѣнія, изъ многихъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края не менѣе чувствительнымъ былъ въ зимнее время и холодъ. У Боплана находимъ въ этомъ отношеніи нѣсколько строкъ, весьма ярко рисующихъ бѣдственное положеніе спутника, застигнутаго въ зимнее время въ открытой степи Украйны сильнымъ морозомъ и стужей. «Хотя Украйна, говоритъ онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однако-жъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще выочный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ этихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зарождается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе о

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 81.

Вереды бываютъ сперва въ горошину, но чрезъ нѣсколько дней, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь, членъ, который потомъ отваливается. Двое изъ моихъ знакомыхъ лишились такимъ образомъ самаго чувствительнаго органа.

Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпенѣніе: въ это время сильная дремота клонитъ его ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ или спутники васъ разбудятъ, жизнь ваша спасена. Случалось и мнѣ стоять на порогѣ смерти: я засыпалъ отъ холода, но слуги мои, крѣпкіе тѣлосложеніемъ и привычные къ стужѣ, нѣсколько разъ расталкивали меня соннаго. Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и охватываетъ поясницу; всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми; стонетъ безпрестанно и жалуется, что его внутренности раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отчего болѣзнь эта столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ будто бы с[illegible] [illegible]лило ихъ, что подобныя болѣзни не- [illegible] и кричитъ день и ночь безпре- [illegible]роженныхъ внутренностяхъ по-

является антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна.

Въ 1646 году, когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и освобожденія плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2,000 человѣкъ, изъ коихъ многіе погибли описанною нами мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей, хотя онѣ и покрѣпче насъ: во время похода пало ихъ болѣе 1,000, въ томъ числѣ шесть лошадей подъ кухнею генералъ-лейтенанта Потоцкаго, бывшаго впослѣдствіи короннымъ гетманомъ, кастеляномъ краковскимъ. Стужа захватила насъ близъ рѣки Мерлы, впадающей въ Днѣпръ. Въ Украйнѣ защищаютъ себя отъ оной единственно тѣмъ, что укутываются въ теплую одежду и запасаются разными вещами, предохраняющими отъ холода. Что касается меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьею шубой; лицо же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ также и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ. Этими предосторожностями, съ божьею помощью, я избавился отъ несчастій, мною описанныхъ. Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки изъ горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода» [1]).

Такова характеристика вольностей запорожскихъ козаковъ у разныхъ писателей. Въ общемъ о климатѣ, температурѣ, удобствахъ и неудобствахъ края можно сказать слѣдующее: зима здѣсь непостоянна, обыкновенно устанавливается только въ декабрѣ и въ январѣ мѣсяцѣ; холода зимой бываютъ обыкновенно отъ 10° до 20°, иногда восходятъ до 23° по Р.; снѣга неравномѣрны: то очень глубокіе, то совсѣмъ ничтожные; весна начинается обыкновенно съ половины марта, рѣже—съ конца февраля; травы снимаются [illegible] срединѣ мая, рѣже—въ началѣ мая; фрукты, овощи и хлѣбн[illegible]стенія поспѣваютъ въ іюнѣ, іюлѣ и въ началѣ августа; (

[1]) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 65—66.

температура лѣта въ іюлѣ и августѣ отъ 15° до 20°, иногда 28° и 45° по Р. въ открытой степи, въ сѣверныхъ и среднихъ окраинахъ обыкновенно нѣсколько ниже, чѣмъ въ восточныхъ и южныхъ, осень начинается съ конца сентября; но рѣки замерзаютъ обыкновенно въ ноябрѣ; туманы наступаютъ съ конца сентября, иногда продолжаются періодически всю осень, нерѣдко бываютъ зимой и въ началѣ весны, сѣверовосточные вѣтры приносятъ здѣсь холодъ и засуху, южные и югозападные тепло и дождь; изъ разныхъ окраинъ запорожскихъ вольностей въ ближайшихъ къ морю и большимъ рѣкамъ, каковы Днѣпръ и Бугъ, климатъ мягче и влажнѣе, чѣмъ въ другихъ.

Но каковы бы ни были удобства и неудобства края, для запорожскихъ козаковъ онъ представлялся обѣтованною страной, настоящей Палестиной, не смотря на весь ужасъ его пустынности, лѣтняго зноя, зимней стужи, страшнаго безводья, губительнаго вѣтра. И чѣмъ страшнѣе казался этотъ край другимъ, тѣмъ привлекательнѣе онъ былъ запорожцамъ. Уже одинъ Днѣпръ казался страшнымъ для многихъ путешественниковъ. Такимъ грознымъ и дикимъ дѣлали Днѣпръ какъ его заливы, гирла, болота, рѣчки и вѣтки, такъ и его острова, карчи, заборы и пороги. По сказанію Боплана, въ концѣ своего теченія Днѣпръ имѣлъ множество острововъ, покрытыхъ такою густою травой, такимъ непролазнымъ камышомъ и такими высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающія по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины, островъ. «Однажды—говоритъ Бопланъ—преслѣдуя козаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья» [1]. Поляки только въ 1638 году впервые проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами и

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 26.

придавали этому знакомству чрезвычайно важное значенiе [1]). Но что значатъ эти острова въ сравненiи съ днѣпровскими порогами? Кто не видалъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать чрезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ и представить всей грозы и всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величiя, какимъ обдаетъ Днѣпръ даже самаго смѣлаго пловца по немъ. При видѣ страшной пучины, клокочущей въ днѣпровскихъ порогахъ, кровь леденѣетъ въ жилахъ человѣка, уста сами собою смыкаются, сердце невольно перестаетъ биться... Уже издали можно узнать близость пороговъ, узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымается вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, точно желая поглотить все своимъ теченiемъ, мгновенно схватить и увлечь съ неудержимой и сокрушающей силой. Особенно страшны бываютъ пороги, когда на Днѣпрѣ схватится буря или такъ-называемая *полоса вѣтра*. «Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ—сѣверовосточный—самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его влiянiе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновенiе его»—сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ, и эти же слова можно примѣнить къ внезапному порыву вѣтра на Днѣпрѣ. «Имъ—лоцманамъ—опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что-называется, и не шелохнетъ. Но и въ самый благопрiятный день схватываются полосы, и если такая полоса застигаетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, то съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасность» [2]). Полосы эти схватываются во всякое время дня и нерѣдко совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, сине-голубое безоблачное небо. Но это спокойствiе часто бываетъ обманчиво. Не проходитъ и нѣсколько минутъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ дико завылъ порывистый вѣтеръ, и въ мигъ вся поверхность воды его

---

[1]) Кулишъ, ольско козацкая война, Отечеств. Зап., 1864, 54, пр. 2.

[2]) Аѳанасьевъ-Чужбинскiй, Поѣздка въ южн. Россiю, Спб., 1863, I, 87.

превратились въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны. Особенно страшенъ бываетъ иногда Днѣпръ на порогахъ въ ночную пору!..

По всему этому, среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, необозримыхъ плавенъ, неисчислимыхъ кирчей и дикихъ пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и только опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ островов, топкихъ болотъ, среди невылазныхъ и непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину. Но вотъ эта-то дикость, эта неприступность Днѣпра и привлекала низовыхъ молодцовъ, никѣмъ и ничѣмъ неустрашимыхъ запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ островов, непроходимыхъ камышей, дремучихъ и вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ «поляхъ», въ безводныхъ и дикихъ степяхъ,—здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище и всеобъемлющую колыбель. «Сичь—мате, а Великій Лугъ—батька!.. Степъ та воля—козацкая доля»... Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть коронныго гетмана, ни даже грозные универсалы грозныхъ королей польскихъ; здѣсь же «молодцамъ» ни по чемъ были ни татары, ни турки, ни лѣтній зной, ни зимній холодъ, ни страшное безводье, ни губительная засуха, ни дикій звѣрь, ни степная «пожежа».

«Ой полемъ, полемъ Килiимськимъ,
Та шляхомъ бытымъ Гордыинськимъ,
Ой тамъ гулявъ козакъ Голота,
Не боитця винъ ни огня, ни меча, ни третёго болота».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Матеріалы для исторіи запорожскихъ козаковъ.

I.

1732 года, марта 26 дня. Жалоба пана Кущинскаго пану Василію Тимофѣевичу, писаревѣ городовому полтавскому, на портного Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ [1]).

Мосцѣ пане писарю городовий полтавскій мой велце милоствій пане швакгре и надежний добродѣю. Кафтанъ мой в'полтавѣ шитій я тутъ черезъ пана Петра Тендѣтника тутейшого получилъ; которій приодягши усмотрѣлемъ, же весма нѣкчемно пошитъ (:надѣюсь:) хлопцями пана булавчиними, якіе еще нѣмало не пріучились, а не имъ самимъ Булавкою; понеже коротокъ, колошій не обтечегъ, на грудехъ широкъ, а вдолу нерясенъ и карваши з пащаной матеріи штукованіе попришивани; ктому жъ я купилъ шолку полтора лоту зеленого, сколко и нѣ требовалъ, чтобъ було увесь кафтанъ пошитъ, а и нѣ нитками блакитними, зеленими, бѣлими и всякихъ мастей будучими, напрасно трудячись пошилъ, якій, однимъ словомъ, сказать попорченъ, а всего было достатокъ; к'гамонку тежъ по вимѣру явилось, что в'него три чвертки в'остатке имѣется, которій кгамонокъ также и матерію тую, якую я ему на карвашики далъ, покорне прошу вшецѣ добродѣя приказать ему Булавцѣ ко мнѣ прислать, ибо я намѣренъ запащеніе карваши откидать, а другіе приставить, и во всемъ кафтанъ посанжаровску переправить, объявляю и при низкомъ моемъ поклоненіи найдуюсь... Всего добра усердно желатель... и нижайшій слуга Кущинскій. 1732 году, марта 26 дня Новъсанжаръ.

---

[1]) Дѣла отъ I до LIII доставлены намъ директоромъ Соляного городка въ С.-Петербургѣ, генералъ-лейтенантомъ В. Е. Коховскимъ.

P. S. Давтого жъ докулного кафтана (:чого я еще нѣкогда не видалъ и здешніе майстри портніе дивуются:) на двое клина поперѣзовано, которое всегда повинно жъ быть вцѣлости и на простій край перевернено, якіе клиня до подпашниковъ между за собкомъ и передами вшиваются, отчего вредъ тому кафтану сказуютъ здѣлался, развѣ по новомъ манеру тое сдѣлано, чого запевне не вѣдаю;(.).

II.

1732 года, октября 4 дня. Доношеніе полтавскому писарю Василію Тимофѣевичу объ уплатѣ за коней, украденныхъ у запорожскаго козака.

Мой милостивѣйший благодѣтелю. О виборѣ новихъ завѣдовцовъ нѣтъ еще указу, а когда о них присланъ будетъ, вто число о посилки васъ затѣмъ дѣломъ незапомню въ кого надлежитъ имѣти старание. Воровскимъ конямъ въ панскомъ ордерѣ для того до пана войта о ценѣ припомненно, чтоб послѣ не сказалъ, ктоже конѣ добріе, якъ тутъ уже было и наговоренно, почему и для осмотру сюда коня онаго подвашимъ свѣдомомъ требованно; за которимъ осмотромъ явилося такое доносщиково о правдѣ сходство, якъ востока с западомъ. Цѣна же доброму и худому толко свѣдителкою в такомъ случаи моглаб быти, ктомужъ чтоб до воровскихъ коней не могла привязатись пеня на Царичанскомъ сотнику видимая, въ якого запорожецъ воровскихъ коней доправляясь ажъ до его высокографского сіателства, господина генерала и кавалера фонъ Вейзбаха аппелюетъ и уже одъ правя (=отправя) такихъ коней, на нем сотнику указ от его сіателства сюда присланъ, а з тутейшой сторони жадного да не будетъ вонтптаня, что хто хотѣлъ по той ценѣ якая теперь вратушѣ вышепомянутим конямъ всказана зостанетъ, денегъ на томъ вкого зъ старшини тѣ конѣ будутъ доправляти, ибо онимжъ конямъ велено цѣну вратушѣ для вышеозначенних предопасностей записати, а не чтоб по оной старшинѣ речев отдавать, что все вразсужденіе и волю вашей милости живъ зостаю. Вашей милости пану покорнѣйшій слуг

III.

1762 года, іюля 31 дня. О сооруженіи для церкви Сѣчи запорожской серебрянаго паникадила въ городѣ Глуховѣ.

Ясневелможному гетману Кириллу Григорьевичу Ризумовскому въ генералную войсковую канцелярію всеподданнѣйшее донесеніе. Въ войско запорожское къ тамошней церкви Покрови Богоматере издѣлано въ Глухове серебраное панѣкадило, обойшедшоеся внемалой суммѣ; и даби при нинѣшней того панѣкадила ввойско запорожское перевозки (ѣ) не послѣдовало гдѣ либо в пути от кого нападателства, нижайше вашей ясневелможности генералной войсковой канцеляріи прошу о даче (ѣ) з (изъ) Глухова до Сѣчи запорожской вездѣ от мѣста до мѣста перемѣнно къ береженію и препровожденію объявленнаго панѣкадила по десяти оружейнихъ козаковъ видать (выдать) послушній откровенній ордеръ. Войска запорожскаго низового старшина Анисимъ Степановичъ Ясивицкій.

IV.

1763 года, октября 20 дня. Аттестатъ, выданный атаманомъ Петромъ Калнишевскимъ съ товариществомъ Якову Васильевичу Швидкому, по случаю выхода его изъ службы.

Данъ сей атестатъ звойска запорожского низового, оного войска товаришу куреня корсунского, Якову Басильевичу Швыдкому. Онъ Швидкий началъ служить ея императорскому величеству вономъ запорожскомъ войске зъ 1750 году, не щадя своего живота безукривателства и от того времени в службахъ войсковыхъ посилкахъ и партіяхъ находился, где несъ ту службу вѣрно, и безпоткновенно, и употребляемъ былъ вразніе с командою по границахъ турецкихъ и полскихъ розезды и въ вискорененіи по той же границе шалостниковъ; а сверхъ того въ Крымъ и Очаков скоша посиланъ, для секретнихъ по интересу розвѣдиваній; а сего 1763 года мая от 1 числа, когда ханъ кримскій искриму за реку Бугъ впоходъ з войскомъ своимъ виступилъ, и стоял въ Кавушанахъ и Ганкишлехъ, отчемъ тогда изкоша приняти крепкіе всторогu и посланни до реки Буга доволніе запорожскіе команди, гдѣ онъ Швидкій вту команду былъ опредѣленъ от Коша асауломъ и по данимъ с

Коша наставленіямъ поступал порядочно і вѣрно; і найдовался при онои командѣ потоле, пока ханъ кримскій обратно звойскомъ своимъ повернулся въ Кримъ; а нинѣ онъ Швидкій предоставилъ, что желаетъ женится и служить въ Малой Россіи и просилъ от войска запорожскаго низового на добропорядочніе службы атестата, почему я зстаршиною и товариствомъ зная совсѣмъ Кошемъ довольно о всѣхъ его Швидкого више писанныхъ службахъ верниxъ и рачителниxъ въсероссійскому престолу о добромъ объ хожденіи; дабы онъ неоставленъ былъ, зато въ далше ея императорскому величеству службѣ по заслугѣ и ревности его прописанной награжденіемъ какого чина и достоинства дать сей атестатъ за подъписомъ и приложеніемъ войсковой печати; въ разсужденіи его службы вѣрнои и постоянства добраго, опредѣлили видать; и чрезъ онои господъ високихъ и подъсуствующихъ властей нижайше просить по его Швидкого желанію вѣрности и ревности опредѣленіемъ въ Малой Россіи или где пожелаетъ жить вслужбѣ ея імператорскому величеству и произвожденіемъ его какъ и предписанно завѣрніе службы по возможности впродолженію всегдашнему оной такъ, какъ и протчіимъ з войска запорожского низового при атестатахъ випущенниxъ пожаловать, неоставить. Данъ з Коша запорожского низового, октября 20 дня, 1763 году. Ея императорскаго величества войска запорожского низового атаманъ кошовий Петръ Калнишевскій свойскомъ, старшиною и товариствомъ.

V.

1771 года, іюня 22 дня. Ордеръ полковнику Гараджѣ и старшинѣ Степану Роменскому о недопущеніи заселять другимъ, не запорожскаго званія людямъ, пограничныя земли по-надъ рѣчками Березою и Бритаемъ.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковныку Ивану Гараджѣ и полковому старшинѣ Степану Ро
писиваемые вами врепортѣ землѣ(=и) принадле
рожскому по высокомонаршимъ, гетманскимъ ун
гимъ писменнымъ доказателствамъ даже до Аз
имѣющиеся при Коши писменніе всякие здѣл
почему на основаніи данного вам

сего года изкоша ордера и повелѣваемъ крепко надсматривать, чтобъ неподчиненние войску запорожскому никакого продоволствія себѣ не имѣли и не разселивались бы вдачахъ запорожскихъ даже по вкопанной(=ый), при разграниченіи по силѣ высокомонаршей грамоти шлѣснербургского (?) пехотного полку подполковникомъ Яковомъ Билсомъ между границами трохъ владѣній запорожскихъ, донскихъ и бахмутскихъ, горѣлой пень для знаку незабвенного, а подчиненныхъ запорожскихъ отъ всякихъ посторонними причиненнихъ обидъ защищать и не допускать, какими жъ народами по сю сторону речки Береки до устя Бритая и далше вгору къ горѣлому пню прописанними врепортѣ вашемъ владѣлцами на запорожскихъ земляхъ слободки и футоры населени каждого, втехъ селеніяхъ обитатели, впрочимъ не ис Полщи ль онъ или не с турецкихъ ль, либо изъ другихъ какихъ заграничнихъ мѣстъ визванъ и поселенъ тамо и какъ давно и кемъ визванъ. и естли покажутъ, что они стѣхъ границъ возведены, то означить по тѣмъ селеніямъ при урочищахъ, надкоторымъ именно виселени, надъ рѣчкою ль, или над балкою и вкакие реки тѣ рѣчки и балки котягъ (т. е. воды?) всякого по имени и прозванню, когда же покажутъ, что они населени изъ російскихъ природнихъ подданнихъ, то откудова виведенци, тожъ означить каждого по именамъ и прозваниямъ какъ для сихъ всѣхъ статтей к сочиненію при семъ вамъ формуляръ прилагается и что затѣмъ вами окажется сприсилкою явной, обовсякомъ имени и прозваніи вѣдомости репортовать немедлѣнно вкошъ.
Атаманъ Кошевой Петръ Калнишевской стовариствомъ, 1771 года, июня 22.

VI.

1771 года, іюня 24 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и старшинѣ Степану Роменскому о доставкѣ списка населенныхъ слободъ по войсковой землѣ при рѣчкахъ Берекѣ и Бритаю.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гараджe и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. Отъ 22 сего течения цаннимъ вамъ ордеромъ велено при протчемъ о населеннихъ по войсковимъ землямъ надрѣчками Берекою Бритаемъ даже до горѣлого пня разними владѣльцами слободкахъ и ху-

торахъ вѣдомость противъ приложенного у того ордера формуляра сочинивъ прислать вкошъ немедленно, однакъ поелику оной вѣдомости самонужнѣйшая надобность требуетъ, прилежно предлагаемъ вамъ ту ведомость на основанiи прежняго ордера и формуляра какъ скорѣе можно, а не далѣе какъ следующаго июля къ 15 числу сочиня прислать при рапорте в Кошъ съ своимъ нарочнимъ.

VII.

1771 года, октября 11 дня. О расквартированiи ста четырнадцати человѣкъ запорожскихъ козаковъ въ слободахъ вдоль Орели и Береки.

Ордеръ изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гарадже и полковому старшине Степану Роменскому. Присемъ отправлено къ вамъ запорожского войска козаковъ сто четырнадцать, которыхъ вы без утѣсненiя велѣте разставыть по квартирамъ во всѣхъ слободахъ и селенiяхъ введѣнiя вашего, а именно вслободке Штоксевой, слободкы Булацелевой, вхуторѣ Ковалевского, вслободке Мачабыловкы, въ футорѣ Богуцкого ив Дмитровкы, состоящихъ по сю сторону Орели на запорожскихъ земляхъ, и оны козаки подъ вашимъ наблюденiемъ и командою состоять тамо квартерами имеють чрезъ всю следующую зиму безъ и малѣйшей в чемъ либо от ихъ народу обиды подпродовольствiемъ тамошнихъ обивателей, которые козаковъ тою харчью, что и для себе употребляютъ безъ вымыслу доволствовать, лошадямъ же каждому козаку на двохъ одно толко сено вѣсомъ по два пуда въ сутки давать должны.

VIII.

1771 года, октября 22 дня. Пашпортъ 113 человѣкамъ козаковъ съ старшиною Даниломъ Малиновскимъ, отправляющимся на винтеръ-квартиры и внушенiе имъ добраго поведенiя.

Сего явитель войска запорожского низового полковой старшина Данило Малиновской и при немъ 113 человѣкъ запорожскихъ козаковъ следуютъ в'нашу сторону Днепра в'Барвенкову-Стѣнку къ господину полковнику запорожскому Гараджѣ для распредѣленiя нимъ ихъ по селенiямъ запорожского войска состоящимъ для продоволь-

ства вбудущую зиму на вынтеръ-квартерахъ, которимъ в'проездѣ в'Кодакѣ и Самарѣ чинить свободной пропускъ, оныжъ козаки имеютъ при проездѣ своемъ въ зѣмовникахъ козакамъ, а селамъ обивателямъ взять что насилно для себе харчей, а для лошадей сена и протчего никакыхъ обидъ отнюдь не чинить под неопустнимъ за то виновнымъ ответомъ, а кому надобно будетъ харчей или для лошадей сѣна, тѣ бъ покупали за собственние ихъ денги или доволствовались съ прозби, для чего и сей имъ пашпортъ изкоша войска запорожского низового при печати войсковой дано вблагополучномъ месте прибогу (= при Бугѣ) 1771 году, октября 11 дня.

IX.

1771 года, октября 22 дня. Ордеръ Ивану Гараджѣ и Степану Роменскому по поводу ихъ жалобъ на то, что они получаютъ всѣ ордера изъ Коша распечатанными.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гараджѣ и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. По репортамъ вашимъ, какъ писанно въ екатерининскую и изюмскую провинциалные канцеляріи промеморіями прилагаются при семъ къ видѣнію вашему оних копій, почему и долженствуете в'силѣ неимѣющихся в'васъ войсковихъ ордеровъ отъ обидъ посторонними подчиненнихъ запорожскихъ защищать и не допускать, такъ же и к'продоволствію посторонних на земляхъ войсковихъ недопускать, чтоже вы представляете, яко отпускаемые к'вамъ ис'Коша ордери получаете вы всегда распечатанние, о томъ посланнимъ искоша теперь въ паланки кодацкую и самарскую, такъ же кполковому старшинѣ Ивану Писменному ордерами то чинить запрещено строго, стемъ, что естли кто засимъ въ томъ изобличенъ будетъ, штрафоватимется по войсковимъ обичаямъ безпоблажно не смотря никакой его чинъ и достоинство, о чемъ вамъ для вѣдома предлагается, 1771 года сентября 24 дня.

X.

1771 года ноября 4 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и старшинѣ Степану Роменскому всемѣрно стараться не позволять постороннимъ захватывать земель запорожскаго войска.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гараджe и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. В'каковихъ обстоятелствахъ по представленнимъ вашимъ къ господину генералъ-порутчику и кавалеру графу Федотъ Андреевичу писанно, прилагаются присемъ квидѣнію вашему справочние копіи, почему вы имѣете здешнего войска подчиненнихъ о причиненіи имъ обидъ и утѣснения всемѣрно стараться и квавладѣнию посторонними владѣлци и пимвери (?) войска запорожского земель стараться не допускать, а что будетъ происходить репортовать вкошъ во всякихъ обстоятелствахъ.

XI.

1771 года, декабря 18 дня. О размѣщеніи запорожскихъ козаковъ на квартирахъ въ новыхъ слободахъ послѣ претензіи предводительствующаго арміей князя В. М. Долгорукова.

Его высококняжеского сіятелства предводителствуюшого втрохъ арміяхъ, господина генералъ аншефа и кавалера Васылія Мыхайловича Долгорукова ордеръ къ вамъ къ господину полковнику Гараджѣ прысланній ивъ Кошѣ предьставленій мы выдѣли и со оного по протчимъ усматривая его высококняжескому сыятелству представленное, что вы запорожскихъ козаковъ будто в'Екатерынинской провинціи вынтеръ фартерамы расположыли, то какъ тамо у Екатерининской провинцыи вамъ ихъ разставлять невеленно, веленно жъ разставлять втѣхъ селеніяхъ, какови села стор[illegible] Орелы понад оною в'гору и по надречкою Берекою, тѣ[illegible] чка Берека и понад оною да й понад Орѣлю жъ [illegible] предлежащая совсѣмы угодіямы земли суть [illegible] по высокомонаршимъ утвержденіямъ прына[illegible] нынѣ репортуете, что таковыхъ запорожск[illegible] стороною Орелы понад'оною [illegible]

віяхъ, какъ то вслободки Штокцевой, вслободки Булацелевой, в'футорѣ Ковалевскаго и вфуторѣ Лукина, в'слободки Мечебиловки, вфуторе Богуцкомъ и в Дмитровке разставилы, такъ оніе козакы тамо в'слободкахъ и футорахъ якоже на собственной войска запорожского землѣ остаючихся у поселянъ вынтеръ квартерамы чрезъ всю сыю текущую зѣму без'причиненія в'чемъ лыбо и малѣйшыхъ темъ поселянамъ обыдъ подвашимъ наблюденіемъ и командою должны и находитца; въ Екатерынинской же провинціи на той стороне Орелы когда розставили, какъ изъ ордера его высококняжеского сыятелства видимъ, то оттуда, сполученія сего тотъ часъ свесть и помѣстить в онѣхже слободахъ и футорахъ сею стороною Орелы на земляхъ войска запорожского состоящыхъ. Атаманъ Кошовый Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XII.

1772 года, апрѣля 25 дня. Рапортъ кошового Петра Калнишевскаго генералъ аншефу Долгорукову о запрещеніи постороннимъ селиться на земляхъ запорожскаго войска.

Сіятелнѣйшему князю, его высокопревосходителству главно командующему второю армиею господину генералъ анъшефу и разныхъ ординовъ кавалеру Василью Мыхайловичу Долгорукову рапортъ. Вашего сыятелства ордеръ по наносамъ пыкынерныхъ вашему сыятелству началныковъ о причиняемыхъ якоби от полковныка Гараджы ипротчыми воиска запорожского козакамы Екатерининской провынциѣ покляпамъ обыдах, мы получыли и чтоб тое от оного полковныка Гараджы и команды его козакамы настоящимъ Екатерининской провинциѣ поселянамъ, то есть внутрь украинской лыниѣ пройсходыло, мы не уповаемъ, однакъ прысълать ему справедлывыи отвѣтъ велено и что отомъ послѣдуетъ вашему сыятелству донесть непропустимъ. Елико касается і до поселянъ Екатерининской провинціѣ, которые оставя свои собственные заукраинскою линиею землѣ и поселенья, началы самоправно сами собою въ землѣ воиска запорожского влазыть и разселиваясь на оныхъ жволямы знатнѣйшие воисковые мѣста на своѣ хутора слободкы и села занымать йтѣмъ кроме утѣснения здешныхъ подчиненныхъ всякие

воисковие угодия пустошат, которые едынственно войску запорожскому высокомонаршимы грамотамы и королей полскыхъ прывилегиями и другими здѣлками утвержденны; то вашего сыятелства покорнѣйше просимъ, даби Екатерининской провынціѣ и протчие поселяне втѣ войска запорожского землѣ невлазили икакъ зъдешнему войску обиди, такъ и подчиненнымъ сего войска утѣсненныя и опустошенія угодиям нечынили сіе надлежить предложить и насъ резолюцыею снобдить неоставить. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій, войсковая старшина і товариство.

XIII.

1772 года, апрѣля 28 дня. Ордеръ Ивану Гараджѣ и Степану Роменскому о запрещеніи стороннимъ селиться около Торца и недозволеніи посторонними командирами употреблять на работы запорожскихъ козаковъ.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ войска запорожского полковнику Ивану Гараджѣ и войсковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. Извѣстились мы, что на Торцѣ и вдругихъ владѣнія запорожского местах Слободской украинской губерніи и Екатеринынской провинціи разного званія людей жиллями населивается, и находящиеся подвыдѣніемъ войска запорожского обывателы от тамошныхъ комендыреи употребляются сіи и во время посилкы и другихъ тяжесты, сего ради повелѣваю вамъ битностію вашею чрезъ цѣлое слѣдующое лѣто в Барвѣнчыной Стѣнкы на форпостѣ крепко притомъ сего надсматривать, чтобъ неподчинение войску запорожскому люде отнюдь тамо въ Торцѣ и нивкаких выдѣнія запорожского мѣстахъ не населивались, равно дабы и подчинение сего воиска народи ныкакими посторонными командамы нывчють отягощаеми и никуда употребляеми и безъ вѣдома вашего не были, наблюдать не дремателно; а посторонныхъ людей ныкакому продоволствию самих и ихъ ско-товъ и къ накошенію сѣна недопущать; на подлинной [illegible] Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій, воисковая старшин[illegible] вариствомъ.

XIV.

1772 года, іюня 29 дня. Приказъ о снесеніи съ запорожскихъ земель селеній, построенныхъ обывателями, непринадлежащими къ запорожскому войску.

Зъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гарадже и полковому старшине писарю Степану Роменскому ордеръ. Исъ полученныхъ отъ господъ генералъ аншефа и кавалера Федора Матвѣевича Воейкова и генералъ маіора Черткова писаній усматриваемъ, что наземляхъ войска запорожского низового и до нинѣ стороннихъ поселенія (да п Комишеваха и Грушеваха) находются. А какъ велено вамъ съ Коша ордерами объявить всѣмъ таковимъ стороннимъ, чтобъ они оттоль, яко на запорожской землѣ живутъ и войсковими угодиями вчувствителную войску запорожскому обиду користуются, сойшли; еслижъ доброволно сойтить не схотятъ, втакомъ случаѣ понудить ихъ ктому, чтобъ и нехотящіе вступили. То вподтвержденіе сего еще и чрезъ сей ордеръ повелѣваемъ вамъ съ полученія заразъ объявить всѣмъ, какови изъ стороннихъ в'Грушовахи и Комишевахи и другыхъ мѣстахъ запорожской землѣ жия войсковими угодіями користуются, а зачимъ еще надчаяніе не вислани, чтобъ они немедленно оттоль сойшли и ничем бы войсковимъ и малѣйше собой и скотомъ не користовались. Еслижъ доброволно сходить не схотятъ и далше еще станутъ войсковими угодиями користоватся, втакомъ случае отнюдь к сему не допуская ихъ и нехотящихъ свесть, а таковимъ что изъ запорожскихъ козаковъ или другихъ какихъ волнихъ людей будутъ, и чтобъ подвойскомъ запорожскимъ быть желаніе свое обявлять дозволить вназначенныхъ от васъ на запорожской же землѣ мѣстахъ жительствовать съ тѣмъ, чтобъ инимъ и другимъ войска запорожского подчиненнымъ никто изъ стороннихъ кроме васъ дѣла не имѣлъ и вы тѣхъ строеній, что посторонные селенцы при сходѣ оставлятымуть, жечь не дерзайте, поелику они изъ войскового лѣса подѣланны, а что происходитиметь, о всѣмъ счаста сюда репортуйте. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій, войсковая старшина і товариство.

XV.

1772 года, іюля 22 дня. Просьба порутчика Дмитрія Иевлева о принятіи его на жительство въ слободу Комышеваху вѣдомства войска запорожскаго.

Въ Кошъ войска запорожского низового отставного порутчика Дмитрия Иевлева покорное доношеніе. Слобода Комишеваха находилась до сего времени подведомствомъ Екатерининской провинцій, а нине оная со всеми ея жителями по резону что населенна на землях войска запорожского принета въ ведомство и подпокровительство того же войска запорожского господиномъ полковником Гараджею съ старшиною, въ коей и я получа от воинскои и статскои службы зданним от государственной военной коллегіи указомъ жителствомъ нахожуся; для того Коша войска запорожского низового покорно прошу о принятии и меня въ ведомство свое учинить милостивое разсмотрение; яжъ во всехъ войскових повелениях послушним быть себѣ представляю, и съ данного мне об оставке указа на разсмотрение копию включаю июля 9, 1772 года. Подлинное подписано тако: отставнои порутчикъ Дмитреи Іевлевъ. Подлинную копию скрепилъ капитанъ Іванъ Золотаревъ. Подканцелярист Евстафий Ковалевскый.

При семъ прилагается указъ объ отставкѣ поручика Дмитрія Іевлева: «По указу ея императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской и прочая и прочая и прочая; из государственной военной коллегіи отставному и штатской службы порутчику Дмитрею Иевлеву, которой, какъ по списку представленному въ коллегию отпредводителствующого второю армиею, господина генерал аншефа и кавалера графа Петра Ивановича Панина съ ево челобитною показано, находился въ донецком пикинерномъ полку въ службе съ 1744 года измалоросиянъ, за ним подданнихъ черкас тридцать дворовъ, от роду ему тридцать восемь летъ, а ротмистромъ 1765 года, октябри съ 5. Въ 1777 въ кримскомъ похо[illegible]тно въ действителномъ противу неприятеля сражені[illegible]графахъ не бывалъ, къ повишению достоинъ, че[illegible]имеющимися болезнямы об отставке от служ[illegible]въ прошлого 1777 года ноября 24 [illegible]аншефа и кова-

лера от службы и отставленъ и отпущенъ въ дом ево, состоящой въ Екатерининской провинціи, а какъ онъ имелъ въ томъ полку чинъ за урядъ, то забезпорочную и долговременную службу, а особливо за битность у походе награжденъ действительнимъ армейскимъ порутчиком, во свидетельство чего сей ея императорского величества указъ и данъ въ санктъ петербурге февраля 25-го 1771 году. На копіи тако: генералъ графъ Захаръ Чернишевъ.

XVI.

1772 года августа 7 дня. Инструкція войсковому старшинѣ Андрею Порохнѣ для полюбовнаго размежеванія земель между запорожскими козаками и жителями Изюмской и Екатерининской провинцій.

Зъ Коша войска запорожского низового оного войска высоко благородному господину войсковому старшинѣ Андрею Порохнѣ инструкція. Изюмская провинціальная канцелярія присланною вкошъ изшедшаго іюля 15 подъ № 2613 промеморіею требуетъ, чтобъ въ прилеглихъ и смѣжныхъ къ узюмской провинціи запорожского войска земляхъ учинить полюбовной размѣръ, и дабы между жителями запорожского войска і изюмской провинціи тамо живущимъ всмежности, никакихъ соръ(=ссоръ) и дракъ, а чрезъ то затрудненій і излишнихъ переписокъ командамъ обоихъ сторонъ следовать не могло, для учиненія в земляхъ полюбовного съ узюмскою и екатерининскою провинціями разводу вы определили (?) и, принявъ вамъ инструкцію, поступать по ниже писанному: 1-е. Слѣдовать вамъ отсель на ту сторону Днепра і отъ Кичкова понад Орелю и Берекою до устя оной Береки, а чтобъ из Сѣчи тры человека атаманни куренние и полковой старшина квамъ отправленны были и тудажъ следовали отсель, предложенно; 2-е По прибытіи въ надлежащое место остановя дать о себѣ знать екатерининской провинціи посмѣжно живущымъ владелцамъ таковымъ, скоими надобние чертижи слѣдоватимуть, и по изближеніи къ изюмской провинціальной канцеляріи, что уже вы для полюбовного въ земляхъ развода прибылъ чтобъ и от того, кто опредѣленъ и вислаъ былъ вназначенное отъ васъ место и когда соединитесь, то размѣръ полюбовной и учинить долженствуйте; 3-е. Какъ по прежнимъ

привилегиямъ и высочайшымъ о нихъ утвержденіямъ земли и угодия всѣ, что на той сторонѣ Днѣпра по рѣку Орель и отъ Орели чрезъ степи до реки Дону войска запорожского, то вы примѣняясь отъ вершины оной реки Орели чрезъ степь прямо до устя реки Дону, не заимая принадлежащихъ изюмской провинціи и не вступая вза-порожские земли, самою настоящею чертою прямо на усте Дону разметить и полюбовно раздѣлаться имеете, и естли въ земляхъ, принадлежащыхъ владѣнію войска запорожского по разводѣ оста-нутся и какие узюмской и екатерининской провинцій селенія, то объявить присланному от ізюмской провинціи комисару и ека-терининской провинціи помѣстнымъ владѣлцамъ, чтобъ приказалъ сойти и впредь не в'ездить для прикористованія; 4-е. Буде за каковыми между вами с комисаромъ ізюмской провинціи спо-рами размежевать полюбовно будетъ неможно, то втакомъ слу-чаи вы сами по означенному трето(=е)му пункту все принад-лещіе смѣжніе съ изюмскою, екатерининскою провинциями и про-чимъ до самыхъ принятыхъ (?) донскому войску земель объ-ехать, и буди(×е) за обездомъ(×объездомъ) вашымъ останутся какие жилища вземляхъ войска запорожского не сего войска под-чиненние, то объявить чрезъ нарочнихъ, чтобъ собравши хлѣбъ по-любовно сойшли сего году до октября мѣсяца, а полковнику Га-радже зстаршиною приказать, чтобъ естли до октября мѣсяца не сойдутъ и нехотящыхъ выслалъ и впредь не упускать для прожи-ванія; 5-е. Копія универсала гетмана Богдана Хмелницкого и вы-сочайшыхъ грамотъ копіи вамъ уручаются и всей вашей посилки о всемъ надлежащомъ репортовать вамъ съчаста в Кошъ по ис-полненіи вамы сей поручности паки возвращатся кнамъ въ войско. 1772 году, августа 7 дня. Благополучное мѣсто прибогу(=при Бугу) и Романковой балки.

XVII.

1772 года, августа 31 дня. Ордеръ полковнику Гараджѣ и менскому о мѣрахъ противъ постороннихъ пришельцевъ. землѣ войска запорожскаго.

Изъ Коша войска запорожского низового барве господину полковнику Гараджѣ и по

вольности запорожскихъ козако

Отъ васъ, отъ старшины Роменскаго полученъ въ Кошъ репортъ, что торские и другіе обыватели зъ скотомъ и всѣмъ имуществомъ и паки въ дачи войска запорожского на жительство приходили, и уже сныхъ нѣкоторые въ новь и строение дѣлать начали, и такъ сѣно косятъ яко и впротчемъ продоволство прежное по поводу и допущению ихъ началниковъ имѣютъ; а какъ для полюбовного о земляхъ съ екатерининскою, изюмскою провинціалними и другими разводъ опредѣленъ и уже войска запорожского низового господинъ войсковой старшина Андрей Порохня спротчими отправленъ стѣмъ, чтобы всѣмъ войска запорожского землямъ и угодиямъ при семъ войске оставатца такъ, какъ изъ стари было и какъ по прежнымъ высочайшимъ привилегиямъ явствуетъ, то всилу оныхъ и тѣ рѣчки, земли и угодия войску запорожскому принадлежащіе, что на оныхъ стороннiе жия(=живя) собою и скотомъ доволствуютца и исходить не только не хотятъ, но еще упорно для жительства влазятъ и повиноватись отъказуютца, когда за войско запорожское отъедутца, всѣмъ таковымъ объявить, чтобъ оны на земляхъ войска запорожского отнюдь не жительствовали и ни вчемъ и малѣйше ни собою, ни скотомъ продоволства не имѣли, а сходили б впринадлежащие имъ места оставляючи строения, для того, что оные подѣлали из лѣсовъ войсковыхъ; естьли же не схотятъ сходить добровольно, втакомъ случаѣ понудить ихъ ктому и нехотящихъ проситимутца, чтобъ имъ только перезимоватца тамъ то втомъ только дозволения хотя и дать, но вприходъ весны заразъ повисилать тѣхъ, что под войскомъ запорожскимъ быть не хотятъ если волними, а не обовязанными чемъ государевимъ окажутца на земляхъ войска запорожского въ принадлежащихъ местахъ дозволить жителствовать и избавлять ихъ отъ стороннего изобиждения, такъ какъ доволние уже о семъ вы имѣете наставления.

XVIII.

1772 года, сентября 18 дня. Извѣщеніе о полученныхъ въ Сичи рогатомъ скотѣ: волахъ, коровахъ изъ паланки отъ полковника Ивана Гараджи и старшины Степана Роменскаго.

Изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Іваву Гараджe и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ.

При репортѣ съ васъ полковника присланой рогатой скотъ воловъ восемь, биковъ три, коровъ двѣ съ телятамы здѣсь принято, о чемъ вамъ объявляемъ. Атаманъ Калшиневской стовариствомъ.

XIX.

1772 года, октября 2 дня. Ордеръ полковому старшинѣ Ивану Писменному о расквартированіи двухсотъ запорожскихъ козаковъ на винтеръ-квартиры.

Изъ Коша войска запорожского низового господину полковому старшинѣ Івану Пименному ордеръ: Принявъ вашъ сей ордеръ и запорожских козаковъ зде въ походѣ бывшихъ двѣстѣ человѣка, слѣдовать чрезъ войсковой Кодацкой перевозъ въ Барвѣнкову Стѣнку, куда заприбытиемъ являсь въ господь полковника Ивана Гараджѣ и полкового старшини Степана Роменского имъ тѣхъ козаковъ и посилаюцойся от ихъ запечатанной ордеръ поручить къ раставлению ихъ мы господами полковникомъ Гараджею и старшиною Роменскимъ по ведомстве своемъ навінтеръ квартери, и какъ поручите, то втомъ от его господина полковника Гараджѣ зъ старшиною репортъ взять и въ Кошъ по почтѣ представить долженствуете, слѣдующихъ нигде по зимовникамъ, футорамъ и селамъ ничего безъ денежно не брать и темъ, да и ничемъ либо другимъ никому обиди непричинять ни самимъ вамъ, ни козакамъ, а имѣете вы ихъ і себе оттого всячески воздерживать, подъ взисканиемъ за несогласное тому зъ самихъ васъ отъвѣта. Благополучное мѣсто при... На подлинномъ тако: атаманъ кошевой Петръ Калнишевской и товариство.

XX.

1772 года, ноября 14 дня. Ордеръ полковнику Гараджѣ, старшинѣ Роменскому о запрещеніи стороннимъ косить сѣно на земляхъ запорожскаго вой...

Из Коша войска запорожск... ъ полковнику Ивану Гараджѣ и полковому ст... скому ордеръ. Что уже за розе... Андрея По-

рохни стороные покосыли сена на земляхъ войска запорожского и оные намереваютъ употреблять в свою ползу, то и повелеваемъ вамъ, чтоб вы и в забору таковыхъ сѣновъ сторонними накошеных на землях воиска запорожского никого и тех стороных недопускали, а приказали вашей команды козакам и дабы они тем сеном своих лошадей доволствовали, буди б же кто из стороных могл на земляхъ войска запорожского при разедѣ объявленнаго войскового старшины Порохнѣ засымъ войскомъ остаючихся хуторы, либо другое какое строение заводит, таковыхъ всехъ стороных къ той постройке недопускать, а когда б и упрямствомъ усыловывали б, в такомъ случае разбрасывать все тое, ктоб изъ стороных что строить моглъ и посему каково от васъ произходитиметь исполненіе о всемъ вкошъ рапортовать; атаманъ кошевой Петръ Калнишевскій с товариствомъ.

XXI.

1772 года, октября 1 дня. Опись запорожскихъ границъ отъ вершины рѣки Орели до устья рѣчки Темеринка, впадающаго въ Донъ.

Опись, учиненная старшиною войсковимъ Андреемъ Порохнею споказанія запорожскихъ старожиловъ куреня ивонѣвского атамана Якова Шрама да прежде бывшаго козака донского курѣня, нынѣшнаго монаха Ильи Вороны запорожскрго войска окружнымъ землямъ. какими знаменитыми урочищами и рѣчками состоятъ отъ разныхъ мѣстъ помѣжная земля и прямая черта ниже сего значитъ 1772 года октября въ 1 день. Отъ вершины Орелы сподъ крѣпости Тройчатой до вершины Береки. а оною прямо поподъ линыею противъ Петровской крепости въ Донецъ упавшей на усте (=ье) оной, вкоторую Береку впадаютъ рѣчки Бритай и Комишовата; отъ устя Береки прямо Донцемъ до Товалского байрака по зовемой новой чертѣ Княжемъ Косоговымъ рвомъ, здѣланной до Теплянского святогорскимъ монастыремъ владѣемаго лѣса; оттоль же по той чертѣ Голою долиною на гору до урочища Сѣрковой могилы, гдѣ нынѣ фарпостъ состоитъ; отъ тоей могилы въ Сухой Торецъ на Сѣркову гатку; отъ гатки до урочища речкы Бычка, зовемого ныне Клибыного, чрезъ оной же Бычокъ въ Крывой Торъ

на бродъ Пѣщаной и чрезъ вершину рѣки Кринки на граниченіе (-на пограничныя) поблызу Миюса двѣ могилки; отъ могылъ чрезъ Миюсъ на вершыну морского Чулѣка; отъ Чулѣка на усть (-ье) Темерныка до граничныхъ могилъ впадающаго в реку Донъ.

XXII.

1772 года, октября 1 дня. Донесеніе Андрея Порохни о возникшихъ пограничныхъ спорахъ между запорожскими депутатами и депутатами сосѣдей и о неприличномъ поведеніи поручика Іевлева.

Въ Кошъ войска запорожского низового репортъ. По врученной мнѣ прошлого августа 7 дня со оного Коша инструкции для учинения въ прилеглихъ и смежныхъ къ провинциямъ екатерининской и изюмской войска запорожского земляхъ полюбовнаго разводу ездилъ я со предѣленними из Сѣчи тремя куренними атаманами и полковимъ старшиною по сей стороне Днепра понадъ Орелью и речкою Берекою до устя оной и по изближеніи ктѣмъ провинціямъ, чтобъ посмежно живущие владѣлцы, скоими надобние чертежи следовали при особливо определенныхъ вназначиванние от меня места висланни были, знайдувалъ, почему соединившись свисланними от'-провинциалной канцеляріи депутатами и владѣлцами по повелѣннимъ урочитимъ войсковой земли местамъ, хотя было надлежало развестись и полюбовно раздѣлаться, но чрезъ споръ и несогласие тѣхъ депутатовъ, а притомъ и не вступая снаселенними на запорожской землѣ разночинцами и обивателями техъ провинций жилищъ еще и большъ захвачивая войсковую землю присвоиваютъ, также снихъ депутатовъ определенной(-ый) отъ екатерининской провинции вдепутаты отставной порутчикъ Дмитрій Иевлевъ при съездѣ под слободою Камишевахою в'азартномъ спорѣ ругаясь какъ всехъ пра вящихъ Кошемъ, такъ мене и находящихся со мною опорочивая ложью, называлъ обманциками и др[illegible] неприличнимъ поношениемъ, злословилъ, такового вспор[illegible]ленного развода и неучиненно; почему я принадл[illegible]ому войску по инструкции значащиеся смежние [illegible]инциями землѣ об'ехавъ, дабы оставится въ [illegible] жилищъ неподчиненние войс[illegible]сяца, кому

следовало объявлено; о висилкѣ жъ онихъ оттоль попрошествии того времени и о недопущении впредь к прокористованию полковнику Гараджѣ от'мене притвержденно; каковиж при съездѣ къ оному от' депутатовъ и меня запроси и ответствия и другихъ писменныя сношения следовали, а особливо по иску пикинерного вахмистра Попова на полковника Караджу, занесенному кповелѣнному слѣдствию подлежащие съ онихъ точние копие и подлѣнніе документы, также и по какимъ местамъ смежние спровинциями екатерининской і изюмской запорожские землѣ по приметахъ чертѣ состоятъ, учинена опись при семъ вкошъ войска запорожского низового къ разсмотрению посылаетца. Старшина войсковой подписалъ Андрей Порохня 1772 году, октября 1 числа при Самарчике.

XXIII.

1772 года, октября 2 дня. Ордеръ полковнику Гараджѣ и старшинѣ Роменскому о расквартированіи 200 человѣкъ запорожскихъ козаковъ по селамъ у разныхъ обывателей.

Из'Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гарадже и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. Запорожского войска сполковимъ старшиною Иваномъ Писменнимъ отправляется квамъ запорожскихъ козаковъ въ походѣ здесь бившихъ двѣсти человека по пароконнихъ, онихъ у его старшини Писменного вы всвою команду принявши имѣете порядочнимъ образомъ на винтеръ квартери вѣдомства вашего в'комишевателскихъ и другихъ обивателей разставить такъ, чтобъ и отъ козаковъ обиди ни малѣйшей слѣдовать не могло; а вслучаѣ произшествия виновнихъ наказывать и·до причинения обивателямъ вѣдомства вашего и какого то ни есть въ чемъ либо обидъ отнюдь не допускать, кормиться же тѣ козаки вмѣсти схозяевами тѣми, вкоихъ на квартирѣ состоятимутъ, то есть что и сами хозяева, а о другомъ чемъ не виспрашивали, а лошадямъ токмо одного сѣна, а не овса; каждому козаку на поруку коней давали, а они тѣмъ сѣномъ своимъ коней довoлствоватимутъ порядочнимъ образомъ по хозяйску, хтожъ именно козаки отправляются, прилагается при семъ списокъ. Атаманъ кошевый Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXIV.

1772 года, декабря 3 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ о передачѣ старой паланки Барвѣнковской Стѣнки, послѣ построенія новой, старшинѣ Степану Роменскому.

Из Коша войска запорожского низового господину полковнику Івану Гараджe ордеръ. Старую паланку, ту, которая въ Барвѣнческой Стѣнке за вновь населенною слободою находиться и въ которой вы теперь зимуетесь. По елику уже втой слободѣ новую и зьдѣлали паланку какъ въ наслѣдующей весни увойдете. То тогда совсѣмъ какъ есть строениемъ, для содержанія скота и хозяйства— господину полковому старшинѣ Степану Роменскому единственно за себе взять дозволимо мы. Новой Кодакъ. 1772 Р. Декабря 3 дня. Атаманъ Кошовой Петръ Калнишевскій, войсковая старшина и товариство.

XXV.

1772 года, декабря 5 дня. Дѣло объ отправкѣ въ Кошъ взятаго на потравѣ скота маіора Штокса и порутчика Якова Онищенкова.

Вкошъ войска запорожского низового покорный репортъ. Взятіе мною на землях владѣния войска запорожского низового съ рогатого скота маіора Штокса восемъ воловъ, за упорное прокористование вонихъ земляхъ, а притомъ и заприключение отнего маіора подчиненних сего войска моего видѣния наглости позлобленій; да порутчика донецкого пикинерного полку Якова Онищенкова три быка и двѣ коровы зсего лѣтними телятами, заравноежъ какъ и Штоксъ, по землямъ войсковим усиловно продоволствование и тому же изапослѣдовавшие отъ сего порутчика и команди его пикинернои подобразомъ и зсторони Запорожа по бахмутских и торских трактахъ проходящимъ грабителства; отправляю при семъ чрезъ Самарскую паланку вкошъ запорожской. На подлинномъ подписался полковникъ Іванъ Гараджа.

XXVI.

1773 года, апрѣля 5 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и старшинѣ Степану Роменскому объ оставленіи запорожскихъ земель сторонними.

Ордеръ изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Ивану Гараджѣ и полковому старшинѣ Степану Роменскому. Пры отправки господина войскового старшини Андрея Порохни съ куренными атаманами для полюбовного съ изюмскимъ и екатерининскимъ провинциалнимъ и прочими въ смежних земляхъ разводу, даною имъ 1772 года, августа 7, под № 709 инструкциею между прочимъ по 4-му пункту велено: что буды законовими между имъ Порохнею стоварищы, и комисаремъ изюмскской провинціи спорами развести полюбовно будетъ неможно, то втакомъ случаи самому Порохнѣ стоварищи поозначенному въ 3 же той инструкціи пункту, всѣ принадлежащія смежние съ изюмскою, екатерининскою провинциалнимы и протчими до самих донскому воиску земель обехать и буды заобездомъ стоварищы останутца какие жилища въ земляхъ войска запорожского не сего войска подчиненные, то обявить чрезъ нарочних, чтобъ собравшы хлебъ поволно сойшли 1772 году до октября мѣсяца, атамъ приказать, чтобы естли до октября мѣсяца несойдут инехотющихъ выслали, ивпредъ неупускали для прокористования, что хотя вамъ учиненно отъ его старшыни Порохнѣ стоварищы, какъ от 1 числа октября вкошъ репортомъ того мѣсяца 12 полученнымъ донесъ; но когда отъ 16 августа полученъ 30 вашъ репортъ спредставлением, что торские і другие обыватели зъ скотомъ и всѣмъ имуществомъ, ипаки сдачи воиска запорожского нажителство поприходили и уже съ нихъ нѣкоторие вновь истроение дѣлать начали, итакъ сѣно косютъ, яко и в протчемъ продоволство прежнее по поводу идопущению ихъ началников имѣютъ; то и послалъ квамъ въ резолюцию того же августа отъ 31. под № 957 ордеръ, которимъ обопредѣленіи предписаннаго войскового старшины Порохни стоварищи къ полюбовному въ вышеписанномъ разводу дам знать, что онъ отправленъ стемъ, дабы всѣмъ войска запорожского землямъ и угодиямъ присемъ войски оставатца, такъ какъ изстара было, и какъ по прежнимъ высочайшимъ привилегиямъ явствуетъ; всилу онихъ и тѣ

рѣчки, земли и угодия, войску запорожскому принадлежащие, что на оних стороние жия собою и скотомъ доволствуются, а исходить нетолъ нехотят, но еще упорно для жителства влазя иповыноватся отказуютца, когда за войско запорожское отъедаютца, то велено таковым всѣмъ обявить, чтобъ оны на земляхъ войска запорожского отнюдъ нежителствовали, инивчем нималѣйше ни собою, ни скотомъ продоволства неимели, а сходилибъ въ принадлежащие имъ места—оставляючи строения для того, что оные подѣлали изъ лѣсовъ войсковихъ, еслиб же несхотять сходить добровoлно, втакомъ случаи понудить ихъ къ тому и нехотящих; а естли проситимуться, чтобъ имъ толко перезимоватся тамъ, то о томъ дозволение хотя и дать, но вприходъ весны заразъ повысилать тѣх, что под войскомъ запорожскимъ быть хотят если волними, а необовязанными чемъ государевим окажутся на земляхъ войска запорожского въ принадлежащихъ местах дозволят жителствовать и ізбавлять ихъ изъ сторонняго изобиждения; но какъ дѣйствително уже то веленное наступило время, вкоторое удобно инадлежит темъ неподчиненным сего войска на землях оного живущим и войсковими угодиями користующими от того въ принадлежащие им места ходить, а оны если зачимъ и досели еще не сошли, а живутъ по прежнему на техъ войска запорожского земляхъ, то какъ оне вразсужденіи наступившей тогда осени и зыми единственно толко досего весенняго времени позволенно. Для того предписанное повелѣние подтверждая повелѣваемъ всѣмъ таковим, кои будучи несего войска подчиненные объявить, чтобъ оны на земляхъ войска запорожского отнюдь нежителствовали, и нивчемъ нималѣйше нисобою, нискотом продоволства неимели, асходилибъ въ принадлежащие имъ места оставляючи строения, для того что оные подѣлали изъ лѣсовъ войсковыхъ; естлиж нехотят сходит добровoлно, втакомъ случаи повудить ихъ къ тому, а нехотящим естли и потому не соидутъ, то обявлять имъ, что нето усиловно согнаты будутъ ионые на земляхъ войска запорожского приобрѣтенное заберется подрезолюцию въ Кошъ к намъ репортовать.

XXVII.

1773 года, іюня 25 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и старшинѣ Степану Роменскому о недопущеніи стороннихъ къ захвату запорожскихъ земель, съ указаніемъ границъ ихъ отъ вершины рѣки Орели до устья рѣки Дона.

Изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Ивану Гараджѣ и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. Репортъ вашъ отъ 11 сего июня пущенной сприлогом полученного вами из Бахмутской заводской соляной конторы писания стребованием уведомления оной конторы, почему ипокакие урочища смежные с'Бахмута земли войску запорожскому владѣнием принадлежать, въ Коше получено, сего июня 22 дня и нато обявляется: войска запорожского низового земли по высочайшимъ привилегиямъ иутверждениямъ по реку Орел, а от оной до реки Дону сиі суть, начавъ от вершыны реки Орели прямою чертою до устья реки Дону, и что зъ сторонных многие техъ войска запорожского земель отъхватили, и оными землями да и всѣми нашехъ земляхъ имеющимися угодиями ползуются, а войско запорожское отдаляють и темъ немало оное обижають и утѣсняють, то къ сему техъ сторонных о недопуске вы будучи определенние можете такъ отписать и Бахмутской заводской соляной канторе; чтож принадлежить до урочищъ, покакие войска запорожского низового землѣ смѣжать, то таковимъ войска запорожского землям те урочища жъ, каковы прямою землями войска запорожского от реки вершины Орели до реки устя Дону чертою смѣжни находятся; по таковие урочища вы тех войска запорожского земель, чтобы оных никто изъ стороннихъ незахвачивая и ничемъ войсковим неползовался и ізберегать долженствуетъ.

XXVIII.

1773 года, іюля 23 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и старшинѣ Степану Роменскому о задержаніи Марка Гавриленка и Гордѣя Струковскаго съ ихъ волами впредь до разсмотрѣнія.

Ордеръ изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Івану Гараджe и полковому старшинѣ Степану Роменскому.

Отъ 20 іюля подъ № 518 посланнимъ къ вамъ ордеромъ хотя велено приарестованніе шесть воловъ атаману торскому Марку Гавриленку возвратить, но какъ онъ і его товаришъ изъ Райгородка Гордѣй Струковской здесь будучи и возвращаясь обратно попути столь худостніе учинили поступки, что нетоль возвращеніе техъ воловъ незаслуживаютъ, но и еще когда и последствию такъ явытся, какъ доносится, и поступлению по всей строгости надлежать і для того повелѣваемъ вамъ техъ шесть воловъ Гавриленку и никому недавать, а подавшимъ смотрѣніемъ впредь до резолюціи содержать на хорошомъ кормѣ. Гавриленка жъ и Струковского, когда къ вамъ явятся, придержать под добримъ смотреніемъ, чтобъ неубежали съімеющимись у ныхъ писмами прислать при семъ нарочномъ къ намъ. Атаманъ кошовой Петръ Калнишевскій, войсковая старшина і товариство. При Богу между Чарталами и Чачеклеею.

XXIX.

1778 года, іюля 25 дня. Ордеръ полковникамъ Чалому, Гненому и Гараджѣ объ арестѣ Марка Гавриленка и Гордѣя Струковскаго.

Ордеръ изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковникамъ кодацкому Чалому, самарскому Гненому и въ Барвѣнке находящемусь Гарадже зъ старшиною. Приездившіе сюда ис Тору Марко Гавриленко а изъ Райгородка Гордѣй Струковской возвращаясь обратно напочтовыхъ станахъ сзапорожскихъ дачахъ козакамъ прогонныхъ денегъ нетоль неплатили, но иеще себе съ нихъ Усатой Гавриленко, полковникомъ, а Струковского писаремъ називалъ, сказивая, что какъ оны будто в Барвенкову Стѣнку на перемену полковника Гараджи едуть, то потому и платить имъ прогоновъ не будуть ичто сие должно сизследованія и поступленія съ выновними повсей строгости требуеть, но какъ оны Гавриленко и Струковской въ обратнемъ проездѣ обращаются, то сего нарочного Дениса Тимковскаго заными посилаем, повелѣваем вамъ, что где онъ у вашемъ ведомствѣ іхъ Гавриленка и Струковского въздоженеть, то приарестовать и подкрепкымъ смотреніем прислать къ намъ зъ симъ нарочним при репортѣ. Атаманъ кошово

XXX.

1773 года, августа 8 дня. О розыскѣ бѣглецовъ Марка Гавриленка и Гордѣя Струковскаго, бѣжавшихъ съ самарской степи близъ рѣчки Опилахи, отъ зимовника запорожца Саввы куреня незамайковскаго.

Господину полковнику Івану Гараджe зъ старшиною ордеръ. Репортъ вашъ, что торской житель Марко Гавриленко да райгордскій Гордѣй Струковской въ ведомствѣ вашемъ подороги торской сисканніе отправляются въ здешній кошъ сего августа 8 полученъ, а тѣ было сисканніе Гавриленко и Струковскій, какъ нарочній Тимковскій, при которомъ оны сюда и отправылись, зде представылъ, впут на самарскомъ степу вречкы Опалісѣ (-Опалихѣ) от зѣмовника козака куреня незамайского Саввы безвестно ушлі; ипообискѣ невынайденны, ичто оны побегъ учинили не въотдаленномъ отъ васъ местѣ, то чаятелно и скрываются теперь гдѣ нибудь по местамъ вашего видѣнія; того для повелѣвается вамъ: несйдутся ль тѣ бежавшие въ ведомствѣ вашемъ, кошу надлежить оприсматриваніи и поимки дать притверждеіе, остаючиесь же въ васъ сихъ беглецовь писмі при вашем репортѣ прислать сюда, а вещи сколко чего есть, переписавъ все до малѣйшаго на реестръ, содержать вцелости безъ потерянія, реестръ же тотъ местно съ обявленнием писмами доставыть вкошъ здешній въ непродолжителности писма тѣ, которие вы в Гавриленка забрали прислать сюда, и по оныъ также по ордерамъ, которими велено снять торянамъ и прочимъ хлѣбъ исполненіемъ удержатся инедопустить торянь, райгородцовъ снѣмати и забирать хлеба, нежели неснять, а можно снять вашими подчиненными, то снять и забрать, будижъ собрани уже снопи, то подчиненними вашими съвозить въ одно место и репортовать поисполненіи, асторонних ко владѣнію и прокористованию недопускать. Атаманъ кошовій Петръ Калнышевскій, войсковая старшина і товариство.

XXXI.

1773 года, октября 2 дня. Донесеніе полковника Ивана Гараджи о захватѣ земли, лѣса и хуторовъ войска запорожскаго сторонними пришельцами.

Въ Кошъ войска запорожского низового покорный репортъ. Ордеръ оного Коша сприложеніем сполученной справительствующаго сената грамоты и из учиненнаго наоную ответа копіи минувшаго сентября 30 дня нами полученъ, причемъ нижеслѣдующее докладиваем: слободской украинской губерніи, изюмской провинции изюмские торские и протчие обиватели многие на принадлежащой пообезду господина войскового старшины Андрея Порохнѣ стоварищы воиску запорожскому землѣ вщали (—начали) орать вхуторѣ тие, скох было согнаты входить лѣсами и протчимъ доволствоватис попрежнему, какъ собственним своимъ подозволению от командировъ. Називая оную землю своею, нанасъ же похвалки произносят, гдеби случай указалъ способъ подхватить и отправить по их командѣ понося наст нахалниками и разбойниками, что уже мы довольно претерпѣваем, почему будучи мы внемаломъ сумнѣнии, дабы намъ і впрямъ какова худа непоследовало, представляемъ подразсмотрение и ожидаем резолюции. Въ подлинномъ тако: полковникъ Іванъ Гараджа зстаршиною.

XXXII.

1773 года, октября 9 дня. Ордеръ объ отправкѣ запорожскихъ козаковъ на войну, подъ вѣдомство полковника Ивана Гараджи и старшины Степана Роменскаго для помѣщенія на винтеръ-квартирахъ и о внушеніи имъ добраго поведенія.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гараджѣ и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. Запорожского войска съ полковникомъ Игнатомъ Писанкою отправляется к вамъ запорожскихъ козаковъ въ походѣ здесь бившихъ двѣстѣ человека по пароконнихъ (— ыхъ), о нихъ у его полковника писали вы въ свою команду принявши имѣете порядочнымъ образомъ на винтеръ квартери вѣдомства вашего в комишеватовскихъ и другихъ обиватслей разставить такъ, чтобъ имъ от козаковъ,

а отъ ихъ козакамъ обиди нималѣйшей слѣдовать не могло; а вслучаи произшествия, виновнихъ наказывать, и до причиненія обивателямъ вѣдомства вашего и кому то ни есть въ чемъ либо обидъ отнюдь не допускать, кормилися бъ же тѣ козаки вмѣстѣ с хозяевами тѣми, в коихъ на квартерѣ стоятимуть безъ вимишления въ харчахъ, лошадямъ же толко одно сѣно производить, а они тѣмъ сѣномъ своихъ лошадей доволствовать не имѣютъ порядочнимъ образомъ похозяйску, а хтожъ именно козаки отправляются, прилагается при семъ съписокъ; 1773 году, октября 9 дня.

XXXIII.

1773 года, октября 9 дня. Ордеръ полковнику Игнату Писанкѣ объ отправкѣ запорожскихъ козаковъ въ Барвенкову-Стѣнку.

Изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Игнату Пысанкѣ ордеръ. Принявъ вамъ сей ордеръ и запорожскихъ козаковъ зде впоходѣ бывшихъ двесте человека, слѣдовать чрезъ войсковой Кодацкій перевозъ въ Барвѣнкову стѣнку, куда за пребытіемъ являсь съ господъ полковника Ивана Гараджи и полкового старшини Стефана Роменского имъ тѣхъ козаковъ и посилающійся о ихъ запечатаной ордеръ поручить къ раставленню ихъ ими господиномъ полковникомъ Гараджею и старшиною Роменскимъ по вѣдомствѣ своемъ на винтеръ квартери и какъ поручите, то втомъ отъ его господина полковника Гараджи зъ старшиною репортъ взять и кошъ (въ кошъ?) по почтѣ представить долженствуете, следуючи жъ нигде по зимовникамъ, футорамъ и беламъ ничего безденежно не брать и темъ да и чемъ другимъ никому обиды не причинять, ни самымъ вамъ, ни козакамъ, а имеете вы ихъ и себе от того всячески воздерживать подъ взысканіемъ за несогласное тому зъ самихъ васъ ответа. Благополучное место при Богу (= Бугу) между Черталою и Чачиклеею.

XXXIV.

1774 года, іюня 16 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и Степану Роменскому о недопущеніи захвата запорожскихъ земель сторонними.

Ордеръ изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Гараджѣ и старшинѣ полковому Стефану Роменскому. Репортъ вашъ испредставлением, что поземлям предѣловъ сего войска, яко то наустѣ Кривого и Казенного Торцовъ и протчих мѣстахъ посторонные команды расположены, актому и розезды проводятся единственно къ помѣшателству правилного владѣния нашихъ земель и что наотвращение тѣхъ покушеній вы признаете скудость вкозачей команде, сего теченія 14 вкошѣ полученъ; и на оной резолюции вамъ непредставляя никакихъ невозможностей, какъ и до сего уже велено въ вашемъ вѣдомстве из выженившихся запорожскихъ козаковъ и зажилыхъ (?) поселянъ всемѣрно употребить ваше старанье избрать сто человѣкъ конныхъ в козакы и стою командою взять конечно вашъ подвигъ прописуемые вами сторонними по запорожских землях розезды дѣлаемые и вгонящихъ скотъ из прокористования и продоволству его недопускать, елико о томъ войско высочайшего монаршего повелѣнія неимѣетъ, апроисходить сие отъ соседнихъ войсковимъ землямъ помѣщиковъ иначалниковъ поединому тому чемъ бы латвѣйше запорожскими землями користоватся, завлаживать, когдаж сего вам сокращено небудетъ, ивлазитимуть къ прокористованию иразѣздам старание, то вы неминуемо будете отъвѣтствовать. Наподлинномъ тако: атаманъ кошевой Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXXV.

1775 года, января 17 дня. Росписка, данная жителями Верхняго-Бишкиня запорожскому полковнику, кто сколько и на сколько рублей взялъ сѣна на запорожскихъ лугахъ.

«Слободи Верхнего Бишкина однодворцамъ селцову и Якову Никитову товарищи на 1800 к Афанасу Красискому на 100 копъ 3 рубля, Федотову и однодворцамъ Тим[illegible] ъ

Хижу стоварищы на 300 копенъ 9 рублей».—«Записка, кто имелы в дачахъ низового войска запорожского слободи Бишкинскихъ Вершинъ однодворци нанимали сенокосныя луга во время козбы мѣсяца июля 8 числа вгосподина полковныка Ивана Гараджѣ прошлого 1774 году и дано денегъ 54 руб. за тысячу восѣмъ сотъ копенъ и данъ билетъ да и впротчихъ таки жъ билеты имѣютця от полковника Гараджѣ. А какъ стали то накошенное сѣно возить, еще сталъ господинъ полковникъ Иванъ Куликъ за каждою сотню копенъ по два рубли (требовать?) и вторителние билеты даны, о чемъ низовского войска запорожского господину кошовому покорно представляемъ, генваря 17 дня 1775 году. Выборной Лаврентій Новосильцовъ, вмѣсто ево по ево приказу подписалъ зимской писарь Евдокимъ Яковлевъ».

XXXVI.

1775 года, февраля 11 дня. Кошового Петра Калнишевского ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ съ предложеніемъ представить въ Кошъ рапортъ, кому и сколькимъ изъ однодворцевъ слободы Бешкинскихъ-Вершинъ дозволено косить сѣно.

Слободи Бешкинскихъ Вершинъ однодворци представили тутъ записку, вкоторой написанно, что вы прошлого лѣта наняли имъ сѣнокоснихъ мѣстъ на тысячу восемъ сотъ копенъ и дано вамъ зато денегъ пять десятъ четири рубли, акакъ де сталы то сѣно возить, то еще господинъ полковникъ Куликъ закаждую сотню по два рубля взялъ и вторителные былети далъ, а хотя однодворци представили вами данное насѣнокосъ дозволение; но что въономъ написани Лаврентій Новоселцовъ и Яковъ Никитовъ стоварищи, а представившій сіе і ищущій за лошады Фотѣй Поликарповъ, которій товарищей, прописанныхъ въ вашемъ дозволеніи какъ зовутъ и прозиваютъ незнаетъ, почему и сумнителность есть; для того споказанной записки дозволения от васъ даннаго кнапамятованию вамъ усего копіи прилагая повелѣваемъ полученіи сего заразъ свашими записними журналами справится, кому именно однодворцамъ Новоселцову стоварищи какимъ именно вы сѣно косить

дозволили и какое ихъ число было и посправке обстоятельнѣйше вкошъ репортовать. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXXVII.

1775 года, марта 2 дня. Ордеръ атамана Петра Калнишевскаго полковому старшинѣ Стефану Роменскому объ опредѣленіи его временно писаремъ въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

Ордеръ господину полковому старшинѣ Стефану Роменскому. Запеимѣніемъ теперь въ Барвѣнковой Стѣнкѣ писара опредѣляетесь вы, и предлагаемъ вамъ прытамошнемъ мѣстѣ писменніе дѣла исправлять и быть потоль, пока съ известного места писарь возвратится, а пока время будетъ вамъ въ Москву готовится, а между симъ зъ господиномъ войсковимъ старшиною Гелехомъ потребованію его по Орели и Торцахъ обехать, по исполненію того, что ему от Коша порученно. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій съ товариствомъ.

XXXVIII.

1775 года, апрѣля 26 дня. Отъ кошевого Петра Калнишевскаго полковому старшинѣ Степану Роменскому съ приглашеніемъ прибыть въ Сичь для поѣздки въ столицу.

Ордеръ господину полковому старшинѣ Степану Роменскому, что уже пысарь Иванъ Неживий отъ изъвѣстнаго въязенья свободился, то онъ на его мѣсто и отъправляется, а вамъ предлагаемъ поприбитии его, какъ на столицу во изъвѣстную вамъ доро[illegible] прыбератся; прыбрався совсѣмъ какъ надлежить прые[illegible] ибо уже и козаки туда назначенние собыраются; п[illegible] своимъ поспѣшите вы мая къ первому числу. Ата[illegible] Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXXIX.

1775 года, августа 24 дня. Аттестація возному Якову Швыдкому изъ Сичи запорожской.

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской. Прошлого мая 27 дня полтавского повѣту сотни первой полковой возній Яковъ Швидкій поданнымъ въ полковую полтавскую канцелярию доношениемъ представляя о продолженной нимъ всевысочайшему ея императорскаго величества престолу отъ 1750 году безпорочной службѣ, что онъ сначала того 1750 году находясь в'Сѣчи запорожской билъ употребляемъ вразние командированни, тож вразныхъ разездахъ скомандою пограницахъ турецкихъ и полскихъ и в'искорененіи по тѣмъ границамъ шалостниковъ, и посланъ билъ отъ Коша вКримъ и Очаковъ для секретныхъ по интересу ея императорскаго величества развѣдованій, и что въ 1763 году тамже въ Запорожъжѣ будучи во время того года виступления хана кримского звойскомъ его за реку Бугъ по предприятию отъ войска запорожского отътого крѣпкой предосторожности билъ онъ Швидкій по определению коша при командѣ асауломъ и найдовался (= находился) при оной потомъ, поколь ханъ кримскій свойскомъ обратно убрался в Кримъ: такожъ что по виходѣ его Швидкого зСѣчи запорожской на жительство вполкъ полтавскій всемъ полку будучи определенъ значковимъ товарищемъ 1766 году ноября отъ 16 продолжалъ службу первѣе во внутреннихъ разнихъ командированияхъ, а на послѣдокъ билъ и въ военныхъ походахъ во вътором ея императорскаго величества арміи, в'первомъ в 1769, а во второмъ в 1771 годахъ, и в семъ послѣднемъ билже при взятіи перекопской линѣи и города Кефи и неодиножди сражение имелъ снепріятелем, и прилагая онъ Швидкій притомъ два атестата, единъ атамана кошевого Калнишевского зстаршиною, а второй господина полковника второгранодерского пѣхотного полку и кавалера князя Долгорукова, просилъ тѣмъ доношениемъ к получению ему награждения чиномъ видачи изполковой полтавской канцеляріи атестата; и понеже по онимъ представленнымъ отъ означенного возного Швидкого атестатамъ значитъ, что онъ какъ в войску запорожскомъ служилъ безималѣй-

шого порока и билъ вразнихъ интереснихъ употребленияхъ, такъ и что въ 1771 году при взятіи Перекопа и завладѣніи города Кефи въ дѣйствителнихъ снеприятелемъ сраженияхъ онъ Швидкій билже, господинъ полковникъ и кавалеръ князь Долгоруковъ свидѣтелствуетъ, да и что онже Швидкій въ 1769 году по наряду полтавской канцеляріи билъ во второй ея императорскаго величества арміи на службѣ при козачей полку полтавского командѣ, о томъ полковой полтавской канцеляріи небезизвѣстно, сверхже того онъ Швидкій во все время службы его вполку полтавскомъ значковимъ товарищемъ чрезъ семъ лѣтъ до вибору иопредѣленыя его въ 1772 году ввозние нивкакихъ порокахъ и въ штрафахъ ни зачто небывалъ, для того полковая полтавская канцелярія и определили об онихъ его Швидкого свидѣтельствуемихъ службахъ къ получению награждения по благоразсмотрению главной команди видать ему сей атестатъ, которой зполковой полтавской канцеляріи за подписомъ и при печати полковой и данъ въ Полтавѣ 1775 году августа 24 дня. Бунчуковый товаришъ Иванъ Кованко, полковій обозній Демьянъ Бенковскій, полковый судья Василій Могилянскій, полковый писарь Өедоръ Яновичъ.

XL.

1775 года, октября дня. Аттестація генерала поручника Петра Текели бывшему запорожскому старшинѣ Степану Роменскому.

По указу ея величества государыни імператрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской и прочая, и прочая, и прочая. Объявитель сего бывшаго войска запорожского полковой старшина Степанъ Роменской имѣющей свое азовской губерніи въ барвенковской паланке пребываніе домовство и економію, препровожденной ко мнѣ отъ его сіятелства господина генералъ аншефа и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Григорія Александровича Потѣмкина при одобреніи, дабы по образу порядочного поведѣнія неоставить по мѣрѣ службы его удовлетвореніемъ противу протчихъ таковыхъ же старшинъ, во уваженіе чего и сообразуясь всемилостивѣйшему ея імператорскаго величества высочайшемъ о всѣхъ генерално жителяхъ того края благоволѣнію, рекомендую всѣмъ

войскъ ея імператорскаго величества чинамъ оному старшинѣ Роменскому и будущимъ снимъ никакихъ обидъ разореніевъ и озлобленій не дѣлать, но по заслугамъ и чину его долженъ между общества признаваемъ быть отменно, на противу же того и онъ Роменской нося сіе преимущество старатся имѣетъ усугубить своего добропорядочного поведѣнія надѣясь впредъ прибудущемъ отъ ея імператорскаго величества воздаяніи и соотвѣтствующаго своему степени награжденія. Шанецъ Новомиргородской октября 1775 году. Ея імператорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моей отъ арміи генерал порутчикъ командующій расположеннымъ в новороссійской и азовской губерніяхъ корпусомъ и войсками к сторонѣ Крыма россійскихъординовъ святыхъ Александра невскаго великомученика побѣдоносца Георгія голштинскаго святыя Анны кавалера Петръ Текели.

XLI.

1776 года, іюля 10 дня. Аттестація бывшаго запорожскаго козака Якова Швидкого со времени поступленія его на службу въ Сичь и послѣ паденія ея.

Его свѣтлости высокопревосходителвому господину генералъ аншефу командующему легкою конницею всѣми нерегулярными воисками и санктъ-петербургскою девизиею, сенатору, государственной военной коллегіи вице президенту, новороссійской, азовской и астраханской губерніи, государеву наместнику, войскъ тамо поселенныхъ и днѣпровской линіи главному командиру ея императорскаго величества генералъ адьютанту дѣйствитѣлному камеръ-геру, лейб-гвардіи преображенского полку подполковнику кавалеръ-гардского корпуса порутчику, кирасирского новотроицкого полку шефу и разныхъ ординовъ кавалеру князь Григорью Александровичу Потѣмкину рапортъ. Новороссійская губернская канцелярия по челобитью жительствующего новороссійской губерніи полтавской провинціи въ селѣ Петровцахъ, возного Якова Швидкого, прикоторомъ прилагая данные ему отъ разныхъ командъ атестаты, по коимъ значитъ, что вслужбу вступилъ онъ въ 1750 года и, отъ того времени находясь вбывшей запорожской Сечи, былъ кромѣ

разныхъ командированій употребляемъ въ розезды скомандою по-границамъ турецкимъ и полскимъ извъискореневіи потѣмъ границамъ гайдамакъ, ктомужъ посыланъ отъ Коша вКрымъ и Очаковъ для секретныхъ разведиваній въ 1763 году во время выступлення хана крымского съвойскомъ его за реку Бугъ въ Кавушаны и Ганкишли при определенной отъ войска запорожского командѣ есауломъ инаходился при ономъ потоль, пока ханъ крымскій обратно свойскомъ его убрался въ Крымъ; по выходѣжъ стой (=съ той) бывшей Сечи нажителство въ полкъ полтавской, въ томъ полку будучи опредѣленъ значковымъ товарищемъ 1766 года ноября отъ 16, продолжалъ службу первѣе во внутренныхъ разныхъ командированняхъ, какъ-то 1767 октября с 10 1768 годовъ апреля по 30 числа куреного пѣхотного полку спорутчикомъ Усачевымъ у описания по ревизиалной должности полку полтавского всотни полтавской разныхъ владѣльцовъ именій земскимъ старшиною 1768 въ дивизионномъ подъ Полтавою лагирѣ вкозачей командѣ чрезъ пять мѣсяцевъ; а 1769, 1770 и 1771 годовъ военномъ походѣ повторой армии привзятіи перекопской линіи и города Кефы въ действителныхъ снеприятелемъ сраженіяхъ, напослѣдокъ 1772 года декабря отъ 4 за выборомъ владѣлцами и шляхетствомъ вполку полтавскомъ жителствующими въ сотню перву полкову вознымъ отправлялъ ту по ряду его должность маия по 1 число сего 1776 году, а нынѣ какъ городъ Полтава съ его округомъ присоединена подвѣдомство и право новороссійской губерніи и указомъ сей канцеляріи судамъ земскому и градскому дѣл по малороссійскимъ правамъ отъправлять не велено и онъ теперь остается безъ отправленія его должности, просил о уволненіи ево отъ службы съ награжденіемъ чина; определили оного возного Швидкого отъ службы уволить на ево собственное пропитание въ домъ его состоящій полтавской провинціи въ селе Петровки спашпортомъ вкоемъ а, онагражденіи его запродолженную имъ чрезъ многое время безъпорочную службу сприложениемъ вкопияхъ атестатовъ вашей свѣтлости новороссійская губернская канцелярия представляетъ. На подлинномъ подписано тако: генералъ маиор Муромцовъ и др.

XXX.

1773 года, августа 8 дня. О розыскѣ бѣглецовъ Марка Гавриленка и Гордѣя Струковскаго, бѣжавшихъ съ самарской степи близъ рѣчки Опилахи, отъ зимовника запорожца Саввы куреня незамайковскаго.

Господину полковнику Івану Гарадже зъ старшиною ордеръ. Репортъ вашъ, что торской житель Марко Гавриленко да райгордскій Гордѣй Струковской въ ведомствѣ вашемъ подороги торской сисканніе отправляются въ здешній кошъ сего августа 8 полученъ, а тѣ было сисканніе Гавриленко и Струковскій, какъ нарочній Тимковскій, при которомъ оны сюда и отправылись, зде представылъ, впут^і на самарскомъ степу вречкы Опалісѣ (-Опалихѣ) от зѣмовника козака куреня незамайского Саввы безвестно ушлі; ипообискѣ невынайденны, ичто оны побегъ учинили не въотдаленномъ отъ васъ местѣ, то чаятелно и скрываются теперь гдѣ нибудь по местамъ вашего вѣдѣнія; того для повелѣвается вамъ: несйдутся ль тѣ бежавшие въ ведомствѣ вашемъ, кошу надлежить оприсматриваніи и поимки дать притверждеіе, остаючись же въ васъ сихъ беглецовь писмі при вашем репортѣ прислать сюда, а вещи сколко чего есть, переписавъ все до малѣйшаго на реестръ, содержать вцелости безъ потеряніа, реестръ же тотъ местно съ обявленнием писмами доставыть вкошъ здешній въ непродолжителности писма тѣ, которие вы в Гавриленка забрали прислать сюда, и по онымъ также по ордерамъ, которими велено снять торянамъ и прочимъ хлѣбъ исполненіемъ удержатся инедопустить торянъ, райгородцовъ снѣмати и забирать хлеба, нежели неснять, а можно снять вашими подчиненными, то снять и забрать, будижъ собрани уже снопи, то подчиненними вашими съвозить въ одно место и репортовать поисполненіи, асторонніхъ ко владѣнію и прокористованию недопускать. Атаманъ кошовій Петръ Калнышевскій, войсковая старшина і товариство.

— — — —

XXXI.

1773 года, октября 2 дня. Донесеніе полковника Ивана Гараджи о захватѣ земли, лѣса и хуторовъ войска запорожскаго сторонними пришельцами.

Въ Кошъ войска запорожского низового покорный репортъ. Ордеръ оного Коша сприложеніем сполученной справительствующаго сената грамоты и из учиненнаго наонуую ответа копіи минувшаго сентября 30 дня нами полученъ, причемъ нижеслѣдующее докладиваем: слободской украинской губерніи, изюмской провинции изюмские торские и протчие обиватели многие на принадлежащой пообезду господина войскового старшины Андрея Порохнѣ стоварищы воиску запорожскому землѣ вщали (—начали) орать вхуторѣ тие, скох было согнаты входить лѣсами и протчимъ доволствоватис попрежнему, какъ собственним своимъ подозволению от командировъ. Називая оную землю своею, нанасъ же похвалки произносят, гдеби случай указалъ способъ подхватить и отправить по их командѣ понося насъ нахалниками и разбойниками, что уже мы довольно претерпѣваем, почему будучи мы внемаломъ сумнѣнии, дабы намъ і впрямъ какова худа непоследовало, представляемъ подразсмотрение и ожидаем резолюции. Въ подлинномъ тако: полковникъ Іванъ Гараджа зстаршиною.

XXXII.

1773 года, октября 9 дня. Ордеръ объ отправкѣ запорожскихъ козаковъ на войну, подъ вѣдомство полковника Ивана Гараджи и старшины Степана Роменскаго для помѣщенія на винтеръ-квартирахъ и о внушеніи имъ добраго поведенія.

Изъ Коша войска запорожского низового господамъ полковнику Ивану Гараджѣ и полковому старшинѣ Степану Роменскому ордеръ. Запорожского войска съ полковникомъ Игнатомъ Писанкою отправляется к вамъ запорожскихъ козаковъ въ походѣ здесь бившихъ двѣстѣ человека по пароконнихъ (— ыхъ), о нихъ у его полковника писали вы въ свою команду принявши имѣете порядочнымъ образомъ на винтеръ квартери вѣдомства вашего в комишеватовскихъ и другихъ обиватедей разставить такъ, чтобъ имъ от козаковъ,

а отъ ихъ козакамъ обиди нималѣйшей слѣдовать не могло; а вслучаи пронзшествия, виновнихъ наказывать, и до причиненія обивателямъ вѣдомства вашего и кому то ни есть въ чемъ либо обидъ отнюдь не допускать, кормилися бъ же тѣ козаки вмѣстѣ с хозяевами тѣми, в коихъ на квартерѣ стоятимуть безъ вимишления въ харчахъ, лошадямъ же толко одно сѣно производить, а они тѣмъ сѣномъ своихъ лошадей доволствовать не имѣютъ порядочнимъ образомъ похозяйску, а хтожъ именно козаки отправляются, прилагается при семъ съписокъ; 1773 году, октября 9 дня.

XXXIII.

1773 года, октября 9 дня. Ордеръ полковнику Игнату Писанкѣ объ отправкѣ запорожскихъ козаковъ въ Барвенкову-Стѣнку.

Изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Игнату Пысанкѣ ордеръ. Принявъ вамъ сей ордеръ и запорожскихъ козаковъ зде впоходѣ бывшихъ двесте человека, слѣдовать чрезъ войсковой Кодацкій перевозъ въ Барвѣнкову стѣнку, куда за пребытіемъ являсь съ господъ полковника Ивана Гараджи и полкового старшини Стефана Роменского имъ тѣхъ козаковъ и посилающійся о ихъ запечатаной ордеръ поручить къ раставлению ихъ ими господиномъ полковникомъ Гараджею и старшиною Роменскимъ по вѣдомствѣ своемъ на винтеръ квартери и какъ поручите, то втомъ отъ его господина полковника Гараджи зъ старшиною репортъ взять и кошъ (въ кошъ?) по почтѣ представить долженствуете, следуючи жъ нигде по зимовникамъ, футорамъ и селамъ ничего безденежно не брать и темъ да и чемъ другимъ никому обиды не причинять, ни самымъ вамъ, ни козакамъ, а имеете вы ихъ и себе от того всячески воздерживать подъ взысканіемъ за несогласное тому зъ самихъ васъ ответа. Благополучное место при Богу (= Бугу) между Черталою и Чачиклеею.

XXXIV.

1774 года, іюня 16 дня. Ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ и Степану Роменскому о недопущеніи захвата запорожскихъ земель сторонними.

Ордеръ изъ Коша войска запорожского низового господину полковнику Гараджѣ и старшинѣ полковому Стефану Роменскому. Репортъ вашъ испредставлением, что поземлям предѣловъ сего войска, яко то наустѣ Кривого и Казенного Торцовъ и протчих мѣстахъ посторонные команды расположены, актому и розезды проводятся единственно къ помѣшателству правилного владѣния нашихъ земель и что наотвращение тѣхъ покушеній вы признаете скудость вкозачей команде, сего теченія 14 вкошѣ полученъ; и на оной резолюции вамъ непредставляя никакихъ невозможностей, какъ и до сего уже велено въ вашемъ вѣдомстве из выженившихся запорожскихъ козаковъ и зажиляхъ (?) поселянъ всемѣрно употребить ваше старанье избрать сто человѣкъ конныхъ в козаки и стою командою взять конечно вашъ подвигъ прописуемые вами сторонними по запорожских землях розезды дѣлаемые и вгонящихъ скотъ из прокористования и продоволству его недопускать, елико о томъ войско высочайшего монаршего повелѣнія неимѣетъ, апроисходитъ сие отъ соседнихъ войсковимъ землямъ помѣщиковъ иначалниковъ поединому тому чемъ бы латвѣйше запорожскими землями користоватся, завлаживать, когдаж сего вам сокращено небудетъ, ивлазтимуть къ прокористованию иразѣздам старание, то вы неминуемо будете отъветствовать. Наподлинномъ тако: атаманъ кошевой Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXXV.

1775 года, января 17 дня. Росписка, данная жителями Верхняго-Бишкиня запорожскому полковнику, кто сколько и на сколько рублей взялъ сѣна на запорожскихъ лугахъ.

«Слободи Верхнего Бишкина однодворцамъ Лаврентию Новоселцову и Якову Никитову товарищи на 1800 копенъ сена 54 рубля, Афанасу Красискому на 100 копъ 3 рубля, священнику Михаилу Федотову и однодворцамъ Тимофѣю Григорьеву и Степану

Хижу стоварищы на 300 копенъ 9 рублей».—«Записка, кто имелы в дачахъ низового войска запорожского слободи Бишкинскихъ Вершинъ однодворци нанимали сенокосныя луга во время козбы мѣсяца июля 8 числа вгосподина полковныка Ивана Гараджѣ прошлого 1774 году и дано денегъ 54 руб. за тысячу восѣмъ сотъ копенъ и данъ билетъ да и впротчихъ таки жъ билеты имѣютця от полковника Гараджѣ. А какъ стали то накошенное сѣно возить, еще сталъ господинъ полковникъ Иванъ Куликъ за каждою сотню копенъ по два рубли (требовать?) и вторителние билеты даны, о чемъ низовского войска запорожского господину кошовому покорно представляемъ, генваря 17 дня 1775 году. Выборной Лаврентій Новосильцовъ, вмѣсто ево по ево приказу подписалъ зимской писарь Евдокимъ Яковлевъ».

XXXVI.

1775 года, февраля 11 дня. Кошового Петра Калнишевского ордеръ полковнику Ивану Гараджѣ съ предложенiемъ представить въ Кошъ рапортъ, кому и сколькимъ изъ однодворцевъ слободы Бешкинскихъ-Вершинъ дозволено косить сѣно.

Слободи Бешкинскихъ Вершинъ однодворци представили тутъ записку, вкоторой написанно, что вы прошлого лѣта наняли имъ сѣнокоснихъ мѣстъ на тысячу восемъ сотъ копенъ и дано вамъ зато денегъ пять десятъ четири рубли, акакъ де сталы то сѣно возить, то еще господинъ полковникъ Куликъ закаждую сотню по два рубля взялъ и вторителные былети далъ, а хотя однодворци представили вами данное насѣнокосъ дозволение; но что въономъ написани Лаврентій Новоселцовъ и Яковъ Никитовъ стоварищи, а представившій сіе і ищущій за лошады Фотѣй Поликарповъ, которій товарищей, прописанныхъ въ вашемъ дозволеніи какъ зовутъ и прозиваютъ незнаетъ, почему и сумнителность есть; для того споказанной записки дозволения от васъ даннаго кнапамятованию вамъ усего копіи прилагая повелѣваемъ полученіи сего заразъ свашими записними журналами справится, кому именно однодворцамъ Новоселцову стоварищи какимъ именно вы сѣно косить

дозволили и какое ихъ число было и посправке обстоятельнѣйше вкошъ репортовать. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXXVII.

1775 года, марта 2 дня. Ордеръ атамана Петра Калнишевскаго полковому старшинѣ Стефану Роменскому объ опредѣленіи его временно писаремъ въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

Ордеръ господину полковому старшинѣ Стефану Роменскому. Занеимѣніемъ теперь въ Барвѣнковой Стѣнкѣ писара опредѣляетесь вы, и предлагаемъ вамъ прытамошнемъ мѣстѣ писменніе дѣла исправлять и быть потоль, пока съ известного места писарь возвратится, а пока время будетъ вамъ въ Москву готовится, а между симъ зъ господиномъ войсковимъ старшиною Гелехомъ потребованію его по Орели и Торцахъ обехать, по исполненію того, что ему от Коша порученно. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій съ товариствомъ.

XXXVIII.

1775 года, апрѣля 26 дня. Отъ кошевого Петра Калнишевскаго полковому старшинѣ Степану Роменскому съ приглашеніемъ прибыть въ Сичь для поѣздки въ столицу.

Ордеръ господину полковому старшинѣ Степану Роменскому, что уже пысарь Иванъ Неживий отъ изъвѣстнаго въязенья свободился, то онъ на его мѣсто и отъправляется, а вамъ предлагаемъ поприбитии его, какъ на столицу во изъвѣстную вамъ дорогу пора прыбератся; прыбрався совсѣмъ какъ надлежить прыездить сюда, ибо уже и козаки туда назначенние собыраются; прыездомъ же своимъ поспѣшите вы мая къ первому числу. Атаманъ кошовій Петръ Калнишевскій стовариствомъ.

XXXIX.

1775 года, августа 24 дня. Аттестація возному Якову Швыдкому изъ Сичи запорожской.

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской. Прошлого мая 27 дня полтавского повѣту сотни первой полковой возній Яковъ Швидкій поданнымъ въ полковую полтавскую канцелярию доношениемъ представляя о продолженной нимъ всевысочайшему ея императорскаго величества престолу отъ 1750 году безпорочной службѣ, что онъ сначала того 1750 году находясь в'Сѣчи запорожской билъ употребляемъ вразние командированни, тож вразныхъ разездахъ скомандою пограницахъ турецкихъ и полскихъ и в'искорененіи по тѣмъ границамъ шалостниковъ, и посланъ билъ отъ Коша вКримъ и Очаковъ для секретныхъ по интересу ея императорскаго величества развѣдованій, и что въ 1763 году тамже въ Запорожьжѣ будучи во время того года виступления хана кримского звойскомъ его за реку Бугъ по предприятию отъ войска запорожского отътого крѣпкой предосторожности билъ онъ Швидкій по определению коша при командѣ асауломъ и найдовался (=находился) при оной потомъ, поколь ханъ кримскій свойскомъ обратно убрался в Кримъ: такожъ что по виходѣ его Швидкого зСѣчи запорожской на жительство вполкъ полтавскій всемъ полку будучи определенъ значковимъ товарищемъ 1766 году ноября отъ 16 продолжалъ службу первѣе во внутреннихъ разнихъ командированияхъ, а на послѣдокъ билъ и въ военныхъ походахъ во въторой ея императорскаго величества арміи, в'первомъ в 1769, а во второмъ в 1771 годахъ, и в семъ послѣднемъ билже при взятіи перекопской линѣи и города Кефи и неодиножди сражение имелъ снепріятелем, и прилагая онъ Швидкій притомъ два атестата, единъ атамана кошевого Калнишевского зстаршиною, а вторій господина полковника второгранодерского пѣхотного полку и кавалера князя Долгорукова, просилъ тѣмъ доношениемъ к получению ему награждения чиномъ видачи изполковой полтавской канцеляріи атестата; и понеже по онимъ представленнымъ отъ означенного возного Швидкого атестатамъ значитъ, что онъ какъ в войску запорожскомъ служилъ безималѣй-

шого порока и билъ вразнихъ интереснихъ употребленияхъ, такъ и что въ 1771 году при взятіи Перекопа и завладѣніи города Кефи въ дѣйствителнихъ снеприятелемъ сраженияхъ онъ Швидкій билже, господинъ полковникъ и кавалеръ князь Долгоруковъ свидѣтелствуетъ, да и что онже Швидкій въ 1769 году по наряду полтавской канцеляріи билъ во второй ея императорскаго величества арміи на службѣ при козачей полку полтавского командѣ, о томъ полковой полтавской канцеляріи небезизвѣстно, сверхже того онъ Швидкій во все время службы его вполку полтавскомъ значковимъ товарищемъ чрезъ семъ лѣтъ до вибору иопредѣленыя его въ 1772 году ввозние нивкакихъ порокахъ и въ штрафахъ ни зачто небывалъ, для того полковая полтавская канцелярія и опредѣлили об онихъ его Швидкого свидѣтельствуемихъ службахъ къ получению награждения по благоразсмотрению главной команди видать ему сей атестатъ, которой зполковой полтавской канцеляріи за подписомъ и при печати полковой и данъ въ Полтавѣ 1775 году августа 24 дня. Бунчуковый товаришъ Иванъ Кованко, полковій обозній Демьянъ Бенковскій, полковый судья Василій Могилянскій, полковый писарь Өедоръ Яновичъ.

XL.

1775 года, октября дня. Аттестація генерала поручика Петра Текели бывшему запорожскому старшинѣ Степану Роменскому.

По указу ея величества государыни імператрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской и прочая, и прочая, и прочая. Объявитель сего бывшаго войска запорожского полковой старшина Степанъ Роменской имѣющей свое азовской губерніи въ барвенковской паланке пребываніе домовство и економію, препровожденной ко мнѣ отъ его сіятелства господина генералъ аншефа и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Григорія Александровича Потѣмкина при одобреніи, дабы по образу порядочного поведѣнія неоставить по мѣрѣ службы его удовлетвореніемъ противу протчихъ таковыхъ же старшинъ, во уваженіе чего и сообразуясь всемилостивѣйшему ея імператорскаго величества высочайшемъ о всѣхъ генерално жителяхъ того края благоволѣнію, рекомендую всѣмъ

войскъ ея імператорскаго величества чинамъ оному старшинѣ Роменскому и будущимъ снимъ никакихъ обидъ разореніевъ и озлобленій не дѣлать, но по заслугамъ и чину его долженъ между общества признаваемъ быть отменно, на противу же того и онъ Роменской нося сіе преимущество старатся имѣетъ усугубить своего добропорядочного поведѣнія надѣясь впредъ прибудущемъ отъ ея імператорскаго величества воздаяніи и соотвѣтствующаго своему степени награжденія. Шанецъ Новомиргородской октября 1775 году. Ея імператорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моей отъ арміи генерал порутчикъ командующій расположеннымъ в новороссійской и азовской губерніяхъ корпусомъ и войсками к сторонѣ Крыма россійскихъординовъ святыхъ Александра невскаго великомученика побѣдоносца Георгія голштинскаго святыя Анны кавалера Петръ Текели.

XLI.

1776 года, іюля 10 дня. Аттестація бывшаго запорожскаго козака Якова Швидкого со времени поступленія его на службу въ Сичь и послѣ паденія ея.

Его свѣтлости высокопревосходителному господину генералъ аншефу командующему легкою конницею всѣми нерегулярными воисками и санктъ-петербургскою девизиею, сенатору, государственной военной коллегіи вице президенту, новороссійской, азовской и астраханской губерніи, государеву наместнику, войскъ тамо поселенныхъ и днѣпровской линіи главному командиру ея императорскаго величества генералъ адьютанту дѣйствитѣлному камеръ-геру, лейб-гвардіи преображенского полку подполковнику кавалеръ-гардского корпуса порутчику, кирасирского новотроицкого полку шефу и разныхъ ординовъ кавалеру князь Григорью Александровичу Потѣмкину рапортъ. Новороссійская губернская канцелярия по челобитью жительствующего новороссійской губерніи полтавской провинціи въ селѣ Петровцахъ, возного Якова Швидкого, прикоторомъ прилагая даные ему отъ разныхъ командъ атестаты, по коимъ значитъ, что вслужбу вступилъ онъ въ 1750 года и, отъ того времени находясь вбывшей запорожской Сечи, былъ кромѣ

разныхъ командированій употребляемъ въ розезды скомандою пограницамъ турецкимъ и полскимъ вызыскорененіи потѣмъ границамъ гайдамакъ, ктомужъ посыланъ отъ Коша вКрымъ и Очаковъ для секретныхъ разведиваній въ 1763 году во время выступленния хана крымского съвойскомъ его за реку Бугъ въ Кавушаны и Ганкишли при опредѣленной отъ войска запорожского командѣ есауломъ инаходился при ономъ потоль, пока ханъ крымскій обратно свойскомъ его убрался въ Крымъ; по выходѣжъ стой (=съ той) бывшей Сечи нажителство въ полкъ полтавской, въ томъ полку будучи опредѣленъ значковымъ товарищемъ 1766 года ноября отъ 16, продолжалъ службу первѣе во внутренныхъ разныхъ командированнияхъ, какъ-то 1767 октября с 10 1768 годовъ апреля по 30 числа куреного пѣхотного полку спорутчикомъ Усачевымъ у описания по ревизиалной должности полку полтавского всотни полтавской разныхъ владѣльцовъ имений земскимъ старшиною 1768 въ дивизионномъ подъ Полтавою лагирѣ вкозачей командѣ чрезъ пять мѣсяцевъ; а 1769, 1770 и 1771 годовъ военномъ походѣ повторой армии привзятіи перекопской линіи и города Кефы въ действителныхъ снеприятелемъ сраженіяхъ, напослѣдокъ 1772 года декабря отъ 4 за выборомъ владѣлцами и шляхетствомъ вполку полтавскомъ жителствующими въ сотню перву полкову вознымъ отправлялъ ту по ряду его должность маия по 1 число сего 1776 году, а нынѣ какъ городъ Полтава съ его округомъ присоединена подвѣдомство и право новороссійской губерніи и указомъ сей канцеляріи судамъ земскому и градскому дѣл по малороссийскимъ правамъ отъправлять не велено и онъ теперь остается безъ отправленія его должности, просил о уволненіи ево отъ службы съ награждениемъ чина; определили оного возного Швидкого отъ службы уволить на ево собственное пропитание въ домъ его состоящій полтавской провинціи въ селе Петровки спашпортомъ вкоемъ а, онаграждені его запродолженную имъ чрезъ многое время безъпорочную служ спроложениемъ вкопияхъ атестатовъ вашей свѣтлости новорос ская губернская канцелярия представляетъ. На подлинномъ писано тако: генералъ маиор Муромцовъ и др.

XLII.

1776 года, іюля 18 дня. Аттестація асаула Василія Пишмича Степану Роменскому.

Оного предявитель, бывшего запорожского войска старшина Степанъ, Михайловъ сынъ, Роменскій, уроженець малороссійскій, 1757 года ввойско запорожское прышелъ, скоего доныне находясь и отправляя ея императорскому величеству службу, оной и войсковой прыпродолженіи вовнутренные и пограничные посылки употреблялся, и другие порученности указные и войсковые исправлялъ съ успехомъ, за что въ 1764 годе отъ бывшего Коша и вь полковые старшини произведенъ, и посыланъ былъ тогда втурецкую сторону Куялники по деламъ вкомисию; потомъ 1769 года въ розмирное съ турками вьремя поразбытьи запорожскимъ войскомъ прыустѣ Днѣпра неприятелскихъ четирехъ суденъ, полоненныхъ трехъ турковъ къ высочайшему ея императорскаго величества двору доставлялъ. 1770 і 1771 годовъ и вь походахъ вьсторонѣ Очаковской крепости Аджибея, Аджидера понадь Днестромъ и протчіихъ тамошнихъ местъ былъ, где бывая въ партіяхъ розьездахъ инасамихъ сьнепрыятелемъ сраженьяхъ мужественно и соответствено вьнезакритности стоялъ, поступаясь тогда и всегда, такъ какъ долгъ старшины прыличествуетъ чесно и постоянно, не бывая нивкакихъ порокахъ, какие его службы и честные обходителства, а симъ даннымъ ему старшинѣ Роменскому атестатомъ и съвыдетелствую, июля 18 дня 1776 году. Бывшего запорожского войска войсковій асаулъ Василей Пишмичъ сатаманами.

XLIII.

1776 года, марта 22 дня. Указъ объ оставленіи за запорожскими старшинами и козаками ихъ прежнихъ зимовниковъ и хуторовъ до новаго генеральнаго размежеванія и объ отказываніи новымъ просителямъ занятыхъ зимовниковъ.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ азовской губернской канцеляріи барвенкиностенского уезду командиру секундъ маіору Крамину по указу ея императорскаго

величества азовская губернская канцелярія разсматривая изъ подаваемыхъ во оную губернскую канцелярію бывшаго запорожскаго селенія изъ состоящихъ жителствомъ въ азовской губерніи отъ разнихъ старшинъ и козаковъ прошеній ихъ, коими просятъ о даче имъ указовъ о безъпрепятственномъ владеніи построенными ихъ вразныхъ местахъ зимовниками и хуторами и при нихъ темижъ землями и сенокосами, коими они до сего владели и владеютъ, которимъ по темъ ихъ на то и определіи чинены, а какъ таковыхъ просителей отъ времени до времени неумалаетца, но еще прибавляется и темъ доходовъ при той азовской губернской канцеляріи вписменныхъ делахъ приумноженіе, да и онимъ просителямъ отъ разныхъ, а особливо отъ неближнихъ местъ впроездахъ бываетъ не безпрогуловъ и ізлишественныхъ волокитъ, вминованіе того приказали квамъ секундъ маіору послать указъ, по которому велеть втомъ уезде жителствующимъ старшинамъ и козакамъ и жителямъ объявить, чтобъ они имѣющимися ихъ на прежде бывшихъ запорожскихъ земляхъ зимовниками и хуторами и принявъ прежде данными ихъ землями, сенокосными лугамы такъ, какъ напредъ сего владели, впредъ до генералного размежеванія без всякой другъ отъ друга обиды владели; и для чего вамъ иметь навсегда смотреніе, дабы в'томъ никому и ни отъ кого притисненій и помешателствъ быть не могло, чрезъ чтобъ они отъ вышеупомянутыхъ излишнихъ проволочокъ миновали, сверхъ же того вамъ и тово наблюдать, когда кому по прошениямъ даны или впредь даваемы будутъ изъ сей канцеляріи указы на отдаваемыя изнайму порозжія земли по написаннымъ отъ нихъ впрошеніяхъ урочищамъ, а на техъ земляхъ окажутся старшинскіе козацкіе или другихъ тамошнихъ жителей зимовники и хутора со владеемыми ними ихъ землями и хуторами, то отъ нихъ хуторовъ и зимовниковъ впредь до генеральнаго размежеванія не сводить, и владеемихъ принять, земель и сенокосовъ не отбирать и темъ вновь просителямъ не отдавать для такова случая темъ просителямъ порозжихъ земель вданныхъ ихъ указахъ предписуется вте даваемыя имъ изнайму порозжия земли во владеніе вступить, е[illegible] ни отъ кого никакого спору не будетъ; и то предписаніе чи[illegible] (чинится?) во осторожность ту, чтобъ показаннымъ зимовн[illegible] хуторамъ претесненія быть не могло, точно на техъ земл[illegible] были пред'симъ в'ведомстве бывшаго за[illegible]ого селе[illegible]

истехъ, кои заняты были ими изказенныхъ здешней украинской линіи земель, и секундъ маіору Крамину чинить о томъ по сему ея імператорскаго величества указу, марта 22 дня 1776 году Подлѣной подписанъ тако: Григорій Шаховъ, Георгій Герсевановъ.

XLIV.

1776 года, іюня 10 дня. Объявленіе объ утвержденіи за бывшимъ запорожскимъ старшиной Степаномъ Роменскимъ, по представленію генералъ-поручика П. А. Текели и князя Г. А. Потемкина, движимаго и недвижимаго имѣнія въ барвенковостѣнковскомъ уѣздѣ.

По указу ея величества государыни імператрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской. Бервенкиностенскаго уѣзда началникъ, полковой старшина Степанъ Роменской поданнымъ ко мнѣ доношеніемъ, приложа данную ему отъ господина генералъ порутчика и кавалера Петра Аврамовича Текелія о добропорядочной ево службе и хорошемъ поведеніи салвогвардію (sic), просилъ о свободномъ владеніи домомъ ево и хуторомъ, состоящими вбарвѣнкиностенскомъ уѣздѣ, и принадлежащею къ тому землѣю и сѣнокосными угодьи разсмотренія, а какъ втой салвогвардіи явствуетъ, что онъ Роменскій къ означенному господину генералъ порутчику и кавалѣру препровожденъ былъ отъ его свѣтлости господина генералъ аншефа, сенатора, государственной военной коллегіи вице президента, трехъ губерній государева намѣстника и разныхъ орденовъ кавалера князя Григорья Александровича Потемкина при одобреніи, дабы по образу порядочного его поведенія не оставленъ былъ по мѣрѣ службы ево удовлѣтвореніемъ противу протчихъ таковыхъ же старшинъ; то во утвержденіе того домомъ ево къ безпрепятственному и хуторомъ съ принадлежащими къ тому землею и сенокосными угодьи, каковыми онъ и прежде ползовался, впредь до разсмотренія, владенію, и въ воздаяние заслугъ, не только не дѣлать ему Роменскому никакихъ обидъ и озлоблѣній под неупустителнымъ взысканіемъ, но напротивъ того оказывать всякое возможное вспомоществованіе и должное чину ево почтеніе. Во вѣрность чего сія салвогвардія заподписаніемъ и приложеніемъ азовской губернской канцеляріи печати дана при крепости Белѣв-

ской іюня 10 дня 1776 году. Ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни моей отъ арміи генералъ маіоръ азовской губернаторъ, днѣпровской линіи командиръ, луганского пикинерного полку шефъ и ордена святыя Анны кавалѣръ Василей Чертковъ.

PS. Изъ «Выписи изюмскаго уѣзднаго суда» 1800 года, мая 4 дня, видно, что, по опредѣленію 1778 года, мая 5 дня, изъ азовской губернской канцеляріи Степану Роменскому досталось въ торскомъ уѣздѣ (теперь изюмскомъ), по теченію рѣчки Сухого-Торца, 3000 десятинъ земли, смежно съ землей Барвенковой-Стѣнки, наслѣдниковъ Марьи Курочкиной, Пашкова и Герсеванова; имѣніе Роменскаго называлось Михайловской, Гнилушой тожъ, въ урочищѣ Гнилушѣ и состояло изъ пахотной земли, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ угодій; въ немъ числилось ревизскихъ душъ мужескаго пола 36, женскаго—46; въ 1818 году въ объявленіи вдовы умершаго капитана Степана Роменскаго значится, что имѣніе Михайловка стоитъ на балкѣ Бобровой, въ ней считается мужескаго пола ревизскихъ душъ 53.

XLV.

1776 года, іюля 18 дня. Аттестація бывшему запорожскому старшинѣ Степану Роменскому отъ бывшаго запорожскаго асаула Василія Пишмича.

Онаго предъявитель бывшаго запорожского войска старшина Степанъ Михайловъ сынъ Роменскій уроженецъ малороссійскій 1757 года въ войско запорожское пришелъ, скоего донынѣ находясь и отправляя ея императорскому величеству службу оной и войсковой припродолженіи вовнутренные и пограничные посылки употреблялся и другіе порученности указные и войсковые исправлялъ съ успехомъ, за что въ 1764 годе отъ бывшаго Коша и въ полковые старшины произведенъ и посыланъ былъ тогда въ турецкую сторону Куялники по дѣламъ въ комисію, потомъ 1769 года въ розмирное съ турками время по разбитіи запорожскимъ воискомъ при устьи Днѣпра неприятелскихъ четырехъ суденъ полоненныхъ трехъ турковъ къ высочайшему ея императорскаго величества двору доставлял 1770 и 1771 годовъ и въ походахъ въ сторонѣ очаков-

ской крѣпости Аджибея, Аджидера по надъ Днѣпромъ и прочихъ тамошнихъ мѣстъ былъ, гдѣ бывая въ партіяхъ, розъѣздахъ и на самыхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ мужественно и соотвѣтственно въ незакритности стоялъ поступаясь тогда и всегда такъ, какъ долгъ старшины приличествуетъ чесно и постоянно небывая ни-вкакихъ порокахъ, какие его службы и честные обходителства я симъ даннымъ ему старшинѣ Роменскому атестатомъ и свидѣтелствую июля 18 дня 1776 году; подлинной подписалъ бывшаго запорожского воиска войсковой асаулъ Василій Пишмичъ сатаманами.

При семъ прилагается указъ Степану Роменскому о дарованіи ему чина капитана арміи: «Божіею милостию мы Екатерина вторая императрица и самодержица всероссійская и прочая, и прочая, и прочая. Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы бывшаго запорожскаго воиска старшину Степана Роменского для его оказаной къ службѣ нашей ревности и прилежности въ наши отъ арміи капитаны тысяча сѣдмъ сотъ седмъдесятъ седмаго года, декабря двадесятъ пятаго дня всемилостивѣише пожаловали и учредили, яко же мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ помянутого Степана Роменскаго за нашего отъ арміи капитана надлежащимъ образомъ признавать и почитать, напротивъ чего и мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ насъ всемилостивѣйше пожалованномъ новомъ чинѣ такъ вѣрно и прилѣжно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ; восвидѣтельство то мы сіе нашей государственной военной коллегіи подписать и государственною печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ лѣта 1778, генваря 27 дня. На подлинномъ подписались: генералъ порутчикъ Акимъ Апухтинъ, генералъ маиоръ Иванъ Ребиндеръ, генералъ маиоръ Алексѣй Микешинъ, оберъ секретарь Филипъ Ярцовъ, секретарь Алексѣй Кокинъ. У подлѣнного патента его императорскаго величества печать. При запечатаніи въ коллегіи иностранныхъ делъ № 147».

XLVI.

1777 года, января 20 дня. Аттестатъ запорожскому войсковому канцеляристу Герасиму Палѣевскому.

Данъ сей бывшаго Запорожья войсковому канцеляристу Герасиму Палѣевскому въ томъ, что со времени въ ступления моего въ бывшую Сечь прошлого 1775 году июня 6-го въ должность камендапта находился онъ въ коменданской бывшей Сечи канцелярии у пысменнихъ делъ, при каторихъ находясь, велъ себя добропорядочно безважаго подозренія такъ, какъ доброму верному и усердному рабу ея императсркаго величества надлежитъ, въ чемъ свидѣтелствую посправедливосты, генваря 20 дня 1777 году. Подполковникъ Петръ Норовъ.

XLVII.

1777 года, декабря 25 дня. Донесеніе князя Потемкина о производствѣ въ капитаны бывшихъ запорожскихъ козаковъ Ивана Писменскаго, Антона Головатаго и Федора Легкоступа.

Въ государственную военную коллегию отъ генералъ аншефа оной коллегіи вице-президента и кавалера князя Потемкина рапортъ. Сего числа произвелъ я, по представлѣнию господина генералъ порутчика азовскаго губернатора и кавалера Черткова, бывшаго запорожскаго войска старшинъ, впреступленіи кошеваго іего сообщников неучаствовавших, Степана Роменскаго за отличную храбрость і понесенные во время минувшей с Портою Отоманскою войны труды, засвидѣтелствованныя многимъ генералитетомъ отарміи(= отъ арміи) вкапитаны Ивана Писменскаго, Антона Головатаго і Федора Легкоступа за долговременную ибеспорочную службу впорутчики, о че[illegible]ственной военной коллегіи, почтеннѣйше донеся, поко[illegible] ихъ на сіи чины патентами декабря 25 дня, 1[illegible] подписалъ князь Потемкинъ.

XLVIII.

1778 года, ноября 26 дня. Приказъ по поводу прошенія помѣщика бѣлгородскаго села Мурома прапорщика Головина объ отсрочкѣ явки его по дѣлу бывшихъ запорожцевъ Ивана Гараджи и Степана Роменскаго.

По указу ея императорскаго величества учрежденная приславянской провинциальной канцелярии попретенсиямъ на бивших запорожцовъ следственная каммисия, слушавъ доношения изюмской провинціи помѣщика подпоручтика Андрея Заруднева, поверенного белогородской губерніи помѣщика отставного прапорщика Головина, въ коемъ онъ прописал, что верителю ево означенному подпоручтику Зарудневу велѣно для ходатайства отимѣючейся всей каммисіи ево претенсіи явитца сего ноября къ 15 числу, но какъ онъ, Зарудневъ, заприключившеюся ему болезнию самъ воную явитца не могъ, а і ізверил ходатайство о ево иске ему Головину, потому онъ всей коммисіи изявился, и прилагая притомъ доношеніи верующое писмо, данное ему отнего, Заруднева, просил ево, Головина, поделу оного Заруднева въ повереннние допустить икакъ потому ево делу ответчиковъ бившего козачего полковника Гараджи и писаря Роменского въ каммисіи вявке нѣтъ, то ихъ истребовать, откуда следует, будущого 1779 году генваря на 15 число. равно и объ отъпуске его ктому числу въдомъ ево, состоящей въ белогородскомъ уезде вселѣ Муромѣ с разсмотрения приказалы: ево Головина напросимое имъ время будущого 1779 году генваря по 15 число давъ билет вдомъ его отпустить, а что онъ непремѣнно на тот срокъ явится обовязать подпискою стемъ, что когда онъ на тот срокъ не явится, то онъ сверителемъ своимъ Зарудневимъ должни терять весь извереннои ему искъ, очемъ тому верителю его подпоручику Зарудневу и дать знать указомъ, а въ азовскую губернскую канцелярию представить рапортомъ и просить о высилкѣ вышеописаннаго бывшаго запорожского полковника Гараджи и писара Роменского къ вышеописанному 15 числу генваря будущаго 1779 года і коему надлежитъ дать повеление и сию каммисию снабдить врезолюции ея императорскаго величества указомъ.

XLIX.

1779 года, января 17 дня, февраля 22 и 23 дня. Предписаніе бывшимъ запорожскимъ старшинамъ Ивану Гараджѣ и Степану Роменскому явиться въ коммиссію по заявленнымъ на нихъ претензіямъ; указъ объ описаніи ихъ имѣній до окончанія дѣла и о пріисканіи поручителей за цѣльность и сохранность описанныхъ имѣній.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской и азовской губернской канцеляріи земскому коммисару капитану Константинову; по указу ея императорскаго величества азовская губернская канцелярия по рапорту следственной по претензіяхъ на бивших запорожцовъ коммисіи, которыхъ прошено о висилке вонную коммисію бивших запорожских старшинъ полковника Гараджу и писара Роменского сего генваря къ 15 числу, равно и о описаніи ихъ имения вразсужденіи входящихъ на немалую сумму претензей, кому подлежитъ дать повеленіе и оную коммисію снабдить врезолюцию указомъ приказалы: квамъ послать указъ и велеть вышеописаннимъ Гараджe и Роменскому обявить, чтобъ оне впредписанной коммисіи явились непременно сего генваря къ 15 числу, а имение ихъ описавъ иметь в'своемъ ведомстве впредь до повеления, генваря 11 дня 1779 года, подлинной подписано Георгій Герсевановъ, регистраторъ Тимофей Сулима, канцеляристъ Афанасей Сутковой.

По указу ея величества азовская губернская канцелярия слушавъ рапорта полученного сего февраля 19 изследственной по претензияхъ на бившихъ запорожцовъ, коммисіи, в'которомъ по доношению капитана Роменскаго и бившаго запорожскаго полковника Гараджи написано, что по представлению той коммисіи, а всилу повеления сей канцеляріи, все ихъ движимое и недвижимое имение, состоящее въ ведомстве сей губерніи описано, а какъ оне(=они) до окончания производимихъ по претензиямъ въ той коммисіи дѣлъ того именія не расточаютъ, въ томъ могутъ представить по себѣ порукъ, то и просили вразсужденіи сподсеквестра того ихъ именія, почему прошенно тѣмъ рапортомъ о обязаніи ихъ поручителми, стемъ что естли иногда изтого ихъ имения отъ ненаблюдении расточенно и на удоволствие впредь открывшихся

грамотного по его персоналному прошению писецъ Назаръ Покотиловъ руку приложилъ.

L

1779 года, января 30 дня. Распоряженіе коммиссара Константинова объ описи имѣній Ивана Гараджи и Степана Роменскаго и о крѣпкой охранѣ ихъ, въ виду денежныхъ претензій на владѣльцевъ ихъ.

Торского комисара капитана Константинова господину прапорщику и государственныхъ селеній смотрителю Паливодѣ. По указу ея императорскаго величества изазовской губернской канцеляріи отъ 11 сего генваря подномеромъ 38 бывшихъ запорожскихъ старшинъ полковника Гараджи и писаря Роменского вразсужденіи входящихъ вслѣдственную по претензиямъ на бившихъ запорожцовъ коммисию на немалую сумму претензия, имение ихъ описано, которому у сего регистръ препровождаю; и хотя темъ указомъ и велено то имущество иметь введомстве моемъ: но присланнымъ комнѣ изторской воеводской канцеляріи отъ 19 сего генваря подъ № 161 указомъ: по указу азовской губернской канцеляріи, той воеводской канцеляріи присудствующей господинъ коллежской ассесоръ и воевода Еговичъ уволенъ по ево необходимости въ оную губернскую канцелярію, а по отлучкѣ ево, чтобъ вделахъ остановки послѣдовать не могло, препоручить правленіе втой воеводской канцелярии мнѣ до прибытия ево велѣно; а имение оныхъ полковника Гараджи и писаря Роменского, чтобъ куда расточитца немогло, препоручить вашему благородию капитану Грачанову: а потому должному вѣдомству явно требномъ, чтобъ то имущество утратитца немогло и назиранию вашему благородию писаря Роменскаго препоручаю, а полковника Гараджи капитану Грачанову; того ради воисполнение оныхъ указовъ неоставьте, ваше благоридые, повеленное азовской губернской канцелярии указомъ втомъ соблюдении писаря Роменского имущества исполнениемъ не оставить; вкасателномъ же по той описи о [illegible] инокурнѣ вкурении горячего вина и в'употреблен[illegible] и аржаной тожъ их продоволствию служителей, [illegible] описной (=изъ описной) муки отпускать и из[illegible] азовской губернск[illegible] еля-

рии рапортомъ представить, но между тѣмъ свинници(=съ винницы) о гарячемъ вине, также изъ шинковъ, а мельницы о помоле соблюсты должно сведение, сколько чего вприходе, расходе и денегъ вприходѣ будеть; и кдонесению по команде уведомлениемъ неоставить, а кпродаже изтого имущества или издругого описного: ав' случае неокажется ль чего послѣ сверхъ описного какихъ вещей и денегъ неописнихъ, также описавъ уведомить; и до резолюции содержать всмотрении противъ вышеописанного повеления; къ содержанию жъ всехъ техъ вещей всмотрении от'меня в'атаманские правлении о нарядѣ пристойнаго числа назирателей предложено: кРоменскому дому и хутору изкомишеватского, а кГарадже вдомъ и кмельнице состоящимъ при впадающимъ устье реки Береки вДонецъ из Грушеватского, а ксостоящимъ в Барвенковской стенки двумъ домамъ, мельнице и обеихъ оныхъ кшинкамъ, также Гараджи и на речки Большой Терновки дому ево и хутору избарвенковского селениевъ: впрочемъ же неоставляю напомянуть особлюденіи отогня (=отъ огня) крепкой предосторожности, и почасту вторское (=въ торское) комисарство облагополучии попроисходящемъ уведомлять. Изюмской комисаръ Алексей Константиновъ.

LI.

1779 года, марта 16 дня. Извѣщеніе въ Азовскую губернскую канцелярію Ивана Гараджи и Степана Роменского о найденныхъ ими поручителяхъ за сохранность движимаго и недвижимаго имущества.

Въ Азовскую губернскую канцелярию изслѣдственной по претензиямъ на бывшихъ запорожцовъ коммисіи рапортъ. Въ оной коммисіи слушалъ доношения капитана Степана Роменского и бывшого Запорожя полковника Гараджи, вкоемъ оне прописали, что попредставленію сей коммисіи, оная Азовская губерньская канцелярия Торскому комисарскому правлению дала повелѣние ихъ имущество описавъ въ своемъ вѣдомствѣ имѣть впредь доповелѣния, почему то иучинено, а какъ онѣ жителствующихъ азовской губерніи, вмѣстечкѣ Новоселицѣ полковихъ старшинъ надежнихъ людей достаточное число поручителями вдовольной сыли обовязательства сискали стѣмъ, что онѣ то свое имущество содержать будутъ безъ

утратно и всю напхъ претензию, естли дойдетъ заплатить всостоянiи, вслучаѣ же недостатка, то тѣ поручители отвѣчаютъ, кои поручителное обязателство отсебя втой силѣ далѣ ззасвидетельствованиемъ земскаго правления, съ котораго подразсмотрѣние справочную копию притомъ представляя проситъ оразрѣшенiи нотдачи имъ показанного ихъ имущества потемъ порукамъ учинить разсмотрение и куда надлѣжитъ представление тожъ обязателство имъ далѣ порутчикъ Антонъ Головатой, полковие старшины Никита Плакидинъ, и Николай Заславской, полковие хоружие Герасимъ Руденко, Иосифъ Швидкiй, да войсковой товаришъ Илья Плохой, и хотя сия коммисия истой приложенной копии видитъ достаточное поручителство ипосодержанию своему ковзысканию претензiй надежное, однако посправкѣ во оной явилось, что сего году февраля отъ 6 дня от сей коммисiи въ азовскую губернскую канцелярию представлено рапортомъ i пообязанiю оныхъ Роменского и Гараджу тамошними надежными поруками прошенно обязателства врезолюцию указа, а затемъ и обьотдачѣ изсеквестра того ихъ имения предано вразсмотрение тойже азовской губернской канцелярiи, того для и опредѣлено априложениемъ съ оного обязателства. За справкою точной таковой въ оную азовскую губернскую канцелярию представить симъ рапортомъ, иногда въ оной губернской или торской воеводской канцелярiи точно такого содержания какъ сия копия, подлинное отъ означенныхъ старшинъ поручное понихъ обязателство взято, то и проситъ о присилкѣ оного въ сию коммисию врезолюцию указа.

LII.

1779 года, ноября 23 дня. Указъ ея императорскаго величества изъ слѣдственной надъ бывшими запорожцами коммисiи капитану Роменскому по иску о сѣнокосѣ валковскихъ войсковыхъ обывателей.

Указъ ея императорскаго величества [illegible]жицы всероссiйской изслѣдственной попретензиямъ на бы[illegible]орож[illegible] козаковъ коммисiи господину капитану Сте[illegible]ево[illegible]азу ея императорскаго величества оная ком[illegible]ми[illegible]ело по иску Валковскихъ во[illegible]ыхъ обыв[illegible]ти[illegible]на

вольности запорожскихъ [illegible]

и Кондрата Колядовъ, Гаврила Березняка, Осипа Мищенка, Никиты Пипа, Осипа, Прокопа и Константина Харченковъ, Степана Мезаченка, Леонтия Лупиноса, Петра Серенка и Ивана Головченка, въ коемъ между протчимъ изъяснено, что въ 1774 году нанимали оне сенокосъ вбывшихъ запорожскихъ дачахъ приречке Бритае у полковника Гараджи, ценою отъ каждой копны по три капейки, коихъ денегъ онѣ по числу накошеннаго сѣна и уплатили вамъ и ему Гарадже сорокъ пять рублей, того для приказали вторское (=въ торское) камисарское правление послать указъ ивелеть васъ ионого Гараджу для взятья овишеписанномъ показаней внемедлѣнномъ времени выслать всию коммисію и, когда вы и онъ Гараджа высланы будете, рапортовать оную, а естли васъ или ево Гараджу зачемъ выслать будетъ невозможно, то с тово во ономъ комисарстве взять показание, точноль вы и онъ Гараджа вышеписаннымъ истцамъ втомъ 4177 году вбывшихъ запорожскихъ дачахъ приречке Бритае косыть сено дозволялы и зато сорокъ пять рублей денегъ у нихъ взяли, и то дозволение симъ людямъ самы ли собою выдавали или по ордеру бывшаго Коша, и гдѣ тѣ денги вамы подѣты, ксторое показание и прислать всию коммисію при репортѣ, а о немедлѣнной явки втомъ комисарстве особо предлагается вамъ симъ указомъ, предписивая притомъ, что естли вы в семъ ноябрѣ или въ половинѣ наступающего декабря мѣсяцевъ всеи коммисии неявитесь и о вышеписанномъ показаніи изторского камисарства оная не получитъ, то неминуемо сихъ истцовъ во всемъ ихъ иске приговорено будетъ удоволствовать взысканиемъ свашего иего Гораджи именей и господину капитану Роменскому исполныть по сему ея императорскаго величества указу. Покровскъ. Ноября 23 дня, 1779 году. Капитанъ Іванъ Островерховъ.

LIII.

1779 года, декабря 5 дня. Росписка Никиты Донченка о полученіи имъ денегъ за годовую службу отъ запорожскаго старшины Степана Роменскаго.

Я нижеподписавшійся далъ сию росписку в Барвенковской Стенкѣ атаманскомъ правленни господину капитану Степану Роменскому втомъ, что доводячиеся мнѣ загодовую службу от него девятъ руб-

лей тридцат копеекъ денги въономъ атаманскомъ правленіи я принял и что впредь я зато искат нигде недолженъ, въ томъ насемъ росписуюсь. Къ роспискѣ казенный поселянинъ Никита Донченко подписался, а место его неграмотного, по его прошению барвинковский поселянинъ Сидоръ Полтавецъ руку приложилъ.

LIV.

1779 года, декабря 19 дня. Рѣшеніе екатерининской провинціальной канцелярія по жалобѣ отставного поручика Іевлева на бывшихъ запорожскихъ старшинъ Ивана Гараджу и Степана Роменскаго.

По указу ея императорскаго величества комишеватскому жителю Павлу Крамаренку инструкція. Въ указѣ ея императорскаго величества исторской воеводской канцеляріи на имя мое написано: въ указѣ ея императорскаго величества отъ екатерининской провинціальной вту воеводскую канцелярію написано, оная де провинциальная канцелярия, по указу азовской губернской канцеляріи, а в'оную по рапорту следственной по претензиямъ на бившихъ запорожцовъ коммисіи, въ которомъ написано, по иску де отставного порутчика Иевлева сисканние ответчики старшины Иванъ Гараджа и Роменскій показали, что истца Иевлева въ слободе тридцяти избъ онъ Гараджа не разорялъ, а находящиеся въ той слободе поселяне висланни (=ы), равно и вслободе ево Иевлева бившая запорожская команда на винтеръ квартери была разставлена по кошевскимъ повеленіямъ, и какъ из'представленнихъ отъ Гараджѣ кошевскихъ документовъ и доказателно есть, что всему тому причинителству отнятия у него Иевлева слободи, дому и переводу людей не они Гараджа и Роменскій притчиною, но Кошъ войска запорожского, а они толко исполнители повеленій отъ бившей своей команди; еликожъ принадлежитъ до построеннихъ онимъ Иевлевымъ втой деревни хатъ, якобы своимъ коштомъ, тожъ и употребленния для козачихъ лошадей сено и овесъ и за снесенние поселянами ево долговые денги, то и того чрезъ повалной обискъ, на которой съ ответною стороною вообще ссилались, не доказалъ, ибо и в'сей воеводской канцеляріи прошлого июня 13 дня полученъ во оной коммисіи рапортъ съ приложеніемъ бившихъ оного Иевлева подданнихъ малороссіянъ, показаніи коихъ прибѣд-

и Кондрата Колядовъ, Гаврила Березняка, Осипа Мищенка, Никиты Пипа, Осипа, Прокопа и Константина Харченковъ, Степана Мезаченка, Леонтия Лупиноса, Петра Серенка и Ивана Головченка, въ коемъ между протчимъ изъяснено, что въ 1774 году нанимали оне сенокосъ вбывшихъ запорожскихъ дачахъ приречке Бритае у полковника Гараджи, ценою отъ каждой копны по три капейки, коихъ денегъ онѣ по числу накошеннаго сѣна и уплатили вамъ и ему Гараджe сорокъ пять рублей, того для приказали вторское (=въ торское) камисарское правление послать указъ иве-леть васъ ионого Гараджу для взятья овишеписанномъ показаней внемедлѣнномъ времени выслать всию коммисію и, когда вы и онъ Гараджа высланы будете, рапортовать оную, а естли васъ или ево Гараджу зачемъ выслать будетъ невозможно, то с тово во ономъ комисарстве взять показание, точноль вы и онъ Гараджа вышеписаннымъ истцамъ втомъ 4177 году вбывшихъ запорожскихъ дачахъ приречке Бритае косыть сено дозволялы и зато сорокъ пять рублей денегъ у нихъ взяли, и то дозволение симъ людямъ самы ли собою выдавали или по ордеру бывшаго Коша, и гдѣ тѣ деньги вамы подѣты, кторое показание и прислать всию коммисію при репортѣ, а о немедлѣнной явки втомъ комисарстве особо предлагается вамъ симъ указомъ, предписивая притомъ, что естли вы в семъ ноябрѣ или въ половинѣ наступающего декабря мѣсяцевъ всеи коммисии неявитесь и о вышеписанномъ показаніи изторского камисарства оная не получитъ, то неминуемо сихъ истцовъ во всемъ ихъ иске приговорено будетъ удоволствовать взысканиемъ свашего иего Гораджи именей и господину капитану Роменскому исполныть по сему ея императорскаго величества указу. Покровскъ. Ноября 23 дня, 1779 году. Капитанъ Іванъ Островерховъ.

LIII.

1779 года, декабря 5 дня. Росписка Никиты Донченка о полученіи имъ денегъ за годовую службу отъ запорожскаго старшины Степана Роменскаго.

Я нижеподписавшійся далъ сию росписку в Барвенковской Стенкѣ атаманскомъ правлении господину капитану Степану Роменскому втомъ, что доводячиеся мнѣ загодовую службу от него девять руб-

лей триццат копеекъ денги въоно мъ атаманскомъ правленіи я принял и что впредь я зато искат нигде недолженъ, въ томъ насемъ росписуюсь. Къ росписке казенный поселянинъ Никита Донченко подписался, а место его неграмотного, по его прошенію барвинковский поселянинъ Сидоръ Полтавецъ руку приложилъ.

LIV.

1779 года, декабря 19 дня. Рѣшеніе екатеринінской провинціальной канцеляріи по жалобѣ отставного поручика Іевлева на бывшихъ запорожскихъ старшинъ Ивана Гараджу и Степана Роменскаго.

По указу ея императорскаго величества комишеватскому жителю Павлу Крамаренку инструкція. Въ указѣ ея императорскаго величества исторской воеводской канцеляріи на имя мое написано: въ указѣ ея императорскаго величества отъ екатерининской провинціальной вту воеводскую канцелярію написано, оная де провинциальная канцелярия, по указу азовской губернской канцеляріи, а в'оную по рапорту следственной по претензиямъ на бившихъ запорожцовъ коммисіи, въ которомъ написано, по иску де отставного порутчика Иевлева сисканние ответчики старшины Иванъ Гараджа и Роменскій показали, что истца Иевлева въ слободе тридцяти избъ онъ Гараджа не разорялъ, а находящиеся въ той слободе поселяне висланни (=ы), равно и вслободе ево Иевлева бившая запорожская команда на винтеръ квартери была разставлена по кошевскимъ повеленіямъ, и какъ из'представленнихъ отъ Гараджѣ кошевскихъ документовъ и доказателно есть, что всему тому причинителству отнятия у него Иевлева слободи, дому и переводу людей не они Гараджа и Роменскій притчиною, но Кошъ войска запорожского, а они толко исполнители повеленій отъ бившей своей команди; еликожъ принадлежитъ до построеннихъ онимъ Иевлевымъ втой деревни хатъ, якобы своимъ коштомъ, тожъ и употребленния для козачихъ лошадей сено и овесъ и за снесенние поселянами ево долговые денги, то и того чрезъ повалной обискъ, на которой съ ответною стороною вообще ссилались, не доказалъ, ибо и в'сей воеводской канцеляріи прошлого июня 13 дня полученъ во оной коммисіи рапортъ съ приложеніемъ бившихъ оного Иевлева подданнихъ малороссіянъ, показаніи коихъ прибѣд-

ности того ответной сторони взяти присягою, а об истце обявлено, что по тремъ призивамъ не явился, по коимъ значилось, что хати строенны ими в'слободе Иевлева из'вивозимого состоящого в запорожскихъ дачахъ леса, прозиваемаго Осиновего боерака; а отъ Гараджѣ и Роменского на квартери запорожци ставлени были к'хозяину по одному человеку с'парою лошадми, которих лошадей хозяева чрезъ всю зиму кормили заготовленнимъ по приказанию ихъ Гараджи и Роменскаго от каждого хозяина по пятидесяти копенъ сеномъ, а овсомъ не кормили, Иевлева жъ сена ничего употребляемо не было, и кто двацнять пять копенъ овса у него Иевлева взялъ, неведаютъ, все(=ѣ) оне(=и) на обзаводъ конскій когда пришли къ нему Иевлеву, денегъ ничего небрали; того ради на основаніи прописанныхъ в'томъ рапорге законовъ, оная коммисія опредѣлила по недоказателству просителимъ Иевлевымъ своей претензіи и попредставленному ответчиковъ Гараджѣ и Роменского оправданию, во всемъ ево Иевлева иску откаказать, а занапрасную темъ ответчикамъ волокиту, проезди и убитки, щитая со дня призиву ихъ и ответовъ, то есть сего 1779 году февраля отъ 1 по заключеніи всего именія о взисканіи с'виновного истца пробестей (sic) за излишную ево Иевлева вовсе недоказанную претензию, то есть за поселянские изби триста шестьдесятъ, за сено и овесъ четириста и заснесение поселянами ево долговпе денги тридцять пять рублевъ пятдесятъ две копейки, а всего 795 руб. 52 коп., тринихъ (при нихъ?) пошлинъ предано на разсмотреніе главной команде, о чемъ и его превосходителству господину ганералъ маіору новороссійскому губернатору и кавалеру Языкову отрепортовано, а для объявленія ему Иевлеву и ответчикамъ Гараджe и Роменскому оной азовской губернской канцеляріи донесено и тѣмъ указомъ велѣнно об'ономъ предписаннимъ истцу отставному поручику Иевлеву и ответчикамъ Гарадже и Роменскому объявить; и для того принявъ тебѣ сию инструкцію к'вишеписаннимъ чинамъ ехать и по приезде объ ономъ обявить, и что ихъ обявленно требовать на оборотѣ подписатца, а завозвратомъ прислать в'коммисарство обратно, декабря 19 дня 1779 году, на подлинномъ подписался Капитанъ Николай Гречановъ. Представленна мнѣ жителемъ комишеватскимъ Петромъ Швидкимъ декабря 23 дня 1779 году и на оной я подписался; капитанъ Степанъ Роменскій.

LV.

1781 года іюль. Дарственная запись Николаю Свербееву на землю 12 тысячъ десятинъ при рѣчкѣ Ингульцѣ и Висуни на балкѣ Крпнкахъ [1]).

По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержицы всероссійской, и прочая. Изъ Новороссійской губернской канцеляріи господину коллежскому ассесору Николаю Свербееву. По поданному отъ васъ доношенію, которымъ просили объ отводѣ вамъ подпоселеніе вхерсонскомъ уѣздѣ при рѣчке Ингулцѣ справой стороны и устья рѣчки Висуни на балкѣ Кринкахъ, 12 тысячъ десятинъ земли, отъ которой отъказалась госпожа генералъ порутчица Якобіева, сего числа вновороссійской губернской канцеляріи опредѣлено: подъ поселеніе слободы 12 тысячъ десятинъ земли впомянутомъ уѣздѣ и урочищѣ, по силѣ межевой инструкціи отъ здѣшней межевой експедиціи, вамъ отмежевать, и по отмежеваніи дать планъ, о чемъ во оную експедицію послать указъ и планы, сей же ея императорскаго величества отъкрытый указъ вамъ дается стаковымъ предписаніемъ, что естли вами на отводимой вамъ земли по поднесеннымъ на высочайшую апробацію о новороссійской губерніи штатамъ должное число дворовъ изъ заграничныхъ мѣстъ и способными людми отъ сего числа вположенной срокъ населено будетъ, то вто время на вѣчное оною землею владѣніе формалной планъ и межевые книги вамъ даны будутъ, притомъ же когда по формалномъ отмежеваніи при дачи межевыхъ книгъ и плана за приложеніе къ оному государственной печати потребуются свасъ по силѣ межевой инструкціи за всякую обмежеванную десятину единожды по три копейки денги; то оные обязаны вы вказну заплатить. Данъ за подписаніемъ и сприложеніемъ новороссійской губернской канцеляріи печати вв [illegible] іюля 1781 года. Губернаторскій товарищъ..., титуляр[illegible] никъ Иванъ Бродскій, канцеляристъ Иванъ Евѣцкій.

---

[1]) Изъ фамильнаго архива ротмистра [illegible] ус[illegible] херсонской губерніи.

LVI.

1787 года іюня N дня. Просьба бывшаго запорожскаго старшины капитана Степана Роменского о производствѣ его въ штабъ-офицерскій чинъ.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская государыня всемилостивѣйшая. Проситъ екатеринославскаго намѣстничества славянскаго уѣзда помещикъ капитанъ Степанъ Михаиловъ сынъ Роменскій, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты. 1-й. Въ службу вашего императорскаго величества вступилъ я въ бывшее войско запорожское въ 1757 году изъ малороссіянъ, гдѣ будучи за добропорядочную мою и усердную службу награжденъ въ 764 году полковымъ старшиною, а 1769 года врозмирное стурками время, по разбитіи при устьѣ Днѣпра неприятелскихъ суденъ, полоненныхъ трехъ турковъ доставлялъ къ высочайшему вашего императорскаго величества двору. 1770 и 1771 годовъ былъ въ сторонѣ Очаковской крѣпости Аджибея, Аджидера по на-Днѣстромъ впартияхъ, разъездахъ и на самих противу непреятеля сраженияхъ, закаковыя понесенныя мною труды 1777 года декабря 25 дня произведенъ настоящимъ чиномъ, что и изъ прилагаемыхъ у сего вкопіи данныхъ мнѣ отъ бывшаго войска запорожскаго атестата и наозначенной чинъ патента значитъ. 2-е. По уничтоженіи бывшей Сѣчи запорожской находился вбывшей азовской губерніи взаселеніи на вершинѣ речки Солоной вышедшихъ ис Крыма христианъ, въ заготовленіи для зимнего прокормленія втойже губерніи полковыхъ и протчихъ казенныхъ лошадей сѣна, а также и другихъ поручаемыхъ мнѣ отъ губернской канцеляріи коммисіяхъ, исправляя оные до открытія Екатеринославского намѣстничества 1784 года іюня по 16 число, безъималѣйшаго упущенія совсякою ревностію; по открытіи жъ оного остался нивкакую должность неопредѣленнымъ, и далѣе по приключившейся мнѣ болѣзни службы вашему императорскому величеству несть не могу; какже я отъ оной не имѣю настоящей оставки, а сверстники мои и гораздо младшіе службою, получа таковую, награждены отъ вашего императорскаго величества штабъ офицерскими чинами, почему осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить, дабы высочайшимъ вашего императорскаго вели-

чества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять, и меня именованного отслужбы уволить, съ награжденіемъ запонесенные мною во время продолжения оной труды слѣдующимъ штабъ офицерскимъ чиномъ. Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшение учинить. 1787 года июня « » дня къ поданию надлежитъ по командѣ его свѣтлости господину генералъ фелдмаршалу, сенатору, Екатеринославского намѣстничества, и области Таврической генералъ-губернатору, и разныхъ ординовъ кавалѣру, князю Григорію Александровичу Потѣмкиву. Прошеніе писалъ губернской регистраторъ Федоръ Васильевъ сынъ Киселѣвъ. Къ сему прошенію славянскаго уезда помещикъ капитанъ Степанъ Михайловъ сынъ Роменскый руку приложилъ.

LVII.

1790 года, февраля 22 дня. Завѣщаніе статскаго совѣтника Михаила Леонтьевича Фалѣева, извѣстнаго строителя каналовъ на днѣпровскихъ порогахъ [1]).

Азъ нижеподписавшійся статской совѣтникъ и кавалѣръ ордена святого равноапостолного князя Владимира 3 степени Михайло Леонтиевъ сынъ Фалѣевъ, чувствуя приближеніе болѣзненной старости, за потребное разсудилъ сдѣлать распоряженіе недвижимому своему, благоприобрѣтенному, чтобъ потомъ, когда угодно будетъ Богу переселить меня отъ сей временной жизни въ вѣчное блаженство, душа моя стѣломъ безъ мученія раставалась и небыло причины наслѣдникамъ ксорамъ и тяжбамъ, завѣщаю симъ 1-е: племяннице моей, брата моего родного дочери, Авдотьи Петровнѣ Родзянкиной отъдаю посмерти моей село мое Волное [2]) съ деревнею Михайловкою спринадлѣжащими кнему землями и лѣсомъ, значащимся по планамъ, даннымъ мнѣ отъ екатеринославской губерніи, и по купчей, доставшейся мнѣ отъ его свѣтлости великого и пре-

---

[1]) Изъ фамильнаго архива ротмистра Н. Н. Комстадіуса, землевладѣльца херсонской губерніи.

[2]) Екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, при [illegible] ѣ.

милосердого благодѣтеля князя Григорія Александровича Потѣмкина Таврическаго, домъ господской втомъ селѣ Волномъ совсѣми мебелями и серебренымъ сервизомъ, изъ доходовъ сего имѣнія сколко она сама разсудитъ удѣлить сестрамъ своимъ Татьянѣ и Наталье Петровнамъ и честно выдать ихъ замужъ снагражденіемъ, какое она сама за благо признаетъ имъ дать. 2-е: деревню Андреевку съ сѣнокоснымъ буеракомъ, доставшуюся мнѣ по купчей отъ его сіятельства князя Андрея Николаевича Щербатова спринадлежащею к ней землею и лѣсомъ отдаю по смерти моей въ вѣчное и потомственное владѣніе, почтеніе (=ія) достойной вдовице, графинѣ Устиніи Васильевнѣ Сиверсовой крыгсъ ротатендери (?) дщери 3-е: всѣ деревни мои вбахмутскомъ уездѣ состоящіе спринадлежащими книмъ землями и лѣсами, доставшиеся мнѣ по купчей отъ премилосердого благодѣтеля моего свѣтлѣйшаго князя Григория Александровича и господъ генералъ маіоровъ и кавалѣровъ Василья Степановича Попова и Сергѣя Лаврентьевича Львова, и отведенную тамъ мнѣ землю по рѣчке Боровой по уезду екатеринославского намѣстничества совсѣми тамъ живущими подданными отдаю воспитаннику моему Александру Михаиловичу, прижитому съ дѣвицею Авдотьею Васильевной, во вѣчное и потомственное владѣніе, до совершенныхъ же его лѣтъ состоять оному имѣнію и доходамъ въ охраненіи учрежденной высочайшимъ закономъ дворянской опеки и сверхъ того избираю ксему и воспитанію сего моего сына главными опекунами графиню Устинію Васильевну Сиверсову и господина надворнаго совѣтника Петра Веремѣевича Родзянку и коллежского ассесора Николая Игнатьевича Имшенецкаго, которому и жить до возраста вдомѣ графини Устиніи Васильевны Сиверсовой, на содержаніе его и воспитаніе брать ей изъ доходовъ помянутыхъ деревень достаточную сумму денегъ, неотдавая никому въ издержкахъ отчоту. 4-е: какъ всѣ вышеупомянутыя деревни заложены в банке, село Волное всорока пяти тысячахъ, бакмутскія въ екатеринославской губерніи въ университетскую сумму вдватцати трехъ тысячахъ рублей, то почитать ихъ переводомъ на деревни мои никому незаложенные, состоящіе вкостромской губерніи, вбуевскомъ уѣздѣ, купленныя мной вмосковскомъ магистратѣ съ акціона, вкоихъ на послѣдней ревизіи мужеска полу две тысячи триста сѣмьдесятъ пять душъ из оброчной суммы, плотимой мнѣ

крестьянами по двенатцати тысячъ рублей вгодъ, взносить вбанкъ проценты и капиталную сумму уплачивать исподволь старатся вышеупомянутымъ опекунамъ продать за соразмѣрную доходамъ цѣну долгъ уплатить извырученныхъ денегъ вбанкъ и университетскую сумму всего спроцентами до семидесяти тысячъ рублей московскому купцу Рудакову по щетамъ около двадцати тысячъ рублей, господину бригадиру Василію Васильевичу Сулкову десять тысячъ рублевъ, по векселю галанскому купцу Милляру двѣ тысячи рублей, портному Керштену тысячу девятьсотъ рублей, болѣе на себя долгу не имѣю, а ежелибъ кто доказатбы втомъ могъ, чего я однакожъ не припомню, развѣ какую малость забылъ, заплатить удоволствовать таковыхъ претендателей, которые имѣть будутъ на то ясные доказательства; оставшею же за заплатою долговъ моихъ вырученную за костромския мои деревни сумму денегъ, коего я полагаю до ста тысячъ, распредѣляю оною на слѣдующее употребленіе (а ежели менше или болше будетъ, то разчислить по моему надѣянію) 1-е: на церковь каменную, которую я завѣщаю построить веселѣ Волномъ во имя Григорія великія Арменіи 20,000 рублей, на построение церкви каменной вбахмутскихъ моихъ деревняхъ во имя угодника божия Николая чудотворца 10,000 рублей, а другую каменную также построить изъ доходовъ во имя архистратига Михаила, на подаяніе бѣднымъ и неимущимъ моимъ свойственникамъ, живущимъ во гжатской пристани 10,000 рублей, девице Авдотье Васильевнѣ Свиягиной, живущей у меня 20;000 рублей и ейже изъ деревень моихъ дать на услугу дворовыхъ людей потребное число, снабдить ее каретою и лошадьми, а дочь ея отдать на воспитаніе графинѣ Устиніе Васильевнѣ, коя содержать изъ доходовъ бахмутскихъ моихъ деревень и снабдить исъ оныхъ приданымъ, и ежели пожелаетъ замужъ итить, рекомендую ей ксему доброго человѣка Ивана Трофимовича Жездовскаго, коему съдѣлать достойное награжденіе за его службу изъ доходовъ свинницы [illegible] ницы) моей; твердому и непоколебимому моему пріятел[illegible] новичу Вербицкому дать 10,000 рублей, ему ж[illegible] и потомственное владѣніе доставшуюся мнѣ [illegible] Григория Петровича Гагарина деревню Арха[illegible] жащими землями, тремъ [illegible] Ситникові[illegible] ковье и Елисаветѣ Петр[illegible] приданое

=30,000 рублей; дворовыхъ моихъ людей при мнѣ служащихъ и при домѣ моемъ Волнянскомъ всѣхъ отпустить на волю, давъ награжденіе Петру Алферову, Ивану Васильеву, Сергѣю и повару Якиму Косому и Матвѣю при мнѣ живущему по 200 рублей = 1,000 рублей, а протчимъ малчикамъ четыремъ по 100 рублей = 400 рублей, но симъ и поварамъ двумъ остатся въ услуженіи у графини Устиніи Васильевны на пять лѣтъ, а по прошествіи оныхъ отпустить ихъ наволю, на таковомже основаніи позволяю и Авдотье Петровнѣ Родзянкиной оставить служащихъ при Волнянскомъ домѣ людей музыкантовъ всѣхъ, ежели угодны будутъ его свѣтлости вкапелу отдать, дѣвицы Муригиной, воспитывающейся у голанского купца Миляра Елисаветѣ Григорьевнѣ дать вприданое 5,000 рублей, продавъ на сіе вино наличное, состоящее на Ингулской моей дачи 10 тысячъ ведеръ, полагая примерную цену по 3 рубля ведро, выдать 30,000 рублей, изкоторыхъ отпустить также на приданое девице Елисаветъ Григорьевнѣ, оставленной отъ меня на воспитаніи вдомѣ господина статскаго совѣтника Ивана Филиповича Бека, у жены его Анны Андреевны по завѣщанію истинного друга моего Ивана Давыдовича Зоммера 10,000 рублей, а протчею суммою оставшею за вино употребить, ежели кому долженъ я останусь, награжденіемъ за службу и на подаяніе бѣдныхъ. Посему моему завѣщанію прошу убѣдителнѣйше избранныхъ мною апекуновъ, чтобъ вточности благоволи исполнить, объявя оное законнымъ порядкомъ вприсутственномъ местѣ представя прежде сіе мое по доброй воли и склонности моей вполномъ умѣ и памяти завременно здѣланное на случай нечаянной смерти завѣщаніе на апробацію его свѣтлости князю Григорію Александровичу яко отцу толику благодѣтелствующему меня милосердным своимъ взысканіемъ изъ небытія вбытіе приведшему, зачто и вбудущей жизни душа моя не престанетъ у престола божія молить о здравіи и благоденствіи его, и ежели что за потребное признать изволитъ, перемѣнить втомъ да будетъ на волѣ его свято исполнено, ибо я предопредѣлилъ въ жизни и по смерти своей творить волю его. Взаключеніи еще молю прозбу мою исполнить, ежели нечаянно Богъ пошлетъ по душу мою грешную, и я не успею просить его свѣтлости, силного предстателя, объ исходатайствованіи позволенія сыну моему Александру имяноваться моей фамиліей, такъ какъ у меня

родственниковъ сей фамиліи кромѣ престарѣлого отца никого не остается и пожалованнымъ мнѣ дворянствомъ ползоватся, употребить о томъ отъ имени моего прошеніе опекунамъ у его свѣтлости. Я полагаюсь на дружбу Устины Васильевны, что не оставитъ призрѣть сего сироту и сестру его, яко мать чадолюбивая и постарается воспитать его вблагонравіи и законе божіемъ; съ сею надеждою душа моя стѣломъ спокойно будетъ раставатся. Ксему завѣщанію вполномъ уме и твердой памяти статской совѣтникъ и кавалѣръ Михайло Леонтіевъ сынъ Фалѣевъ подписался в Кременчугѣ 22 февраля 1790 года. Забылъ упомнить (=упомянуть) о дачи моей Ингулской, которую отдаю въ вѣчное и потомственное владѣніе давнему приятелю моему Костандиусу, стѣмъ, чтобъ онъ выдалъ служившему у меня прапорщику Митрофану Свягину три тысячи рублевъ. Аглинскую (?) претензію, ежели по ней опредѣлени денги, заплатить отдаю галанскому купцу Андрею Тимофѣевичу Милляру и наслѣдникамъ его. Со всѣхъ тѣхъ, кои должны мнѣ по векселямъ и щетамъ, невзыскивать денегъ, по смерти моей возвратить имъ векселя и щеты уничтожить. На подлинномъ подписано: секундъ маіоръ Иванъ Максимовичъ, николаевской городничей маіоръ Данило Якимовичъ, подъполковникъ Павелъ Ситниковъ, вице адмиралъ Николай Мордвиновъ.

LVIII.

1797 года, мая 27 дня. Письмо Екатеринославскаго губернатора Ивана Яковлевича Селецкаго своей женѣ, Марьѣ Даниловнѣ, рожденной Апостолъ [1]).

Душенька Марія Даниловна. Я сюда пріѣхалъ 18 и здоровъ. Уже я было совсѣмъ сготовилъ нарочного посылать къ тебѣ, но явился и Калиновскій. Хотя мучусь безъ тебя: но полѣчись тамъ хорошо, ежели видишъ надежду, что лѣкарства дѣйствуютъ. Впротчемъ и здѣсь есть преискусный лѣкарь; попроси только Трохимовскаго [2]), чтобъ далъ рецептъ и нас[illegible]ніе, а получа сіе отъ него, можна и сократ[illegible]время. Еж[illegible]олишъ Трохимовскому

---

[1]) Изъ фамил[illegible] ж[illegible] Н. Н. Комстадіуса.
[2]) Въ[illegible]за[illegible]тавской губерніи.

въ Котовку, деревню Ларіона Спиридоныча [1]), незаѣзжать, всѣ здѣсь увѣряютъ, что великій кругъ и дорога прескверная и переправи чрезъ рѣки опасные, также проси Дмитрія Ларіоновича, чтобъ и въ Очеретоватое тебя незавозилъ, ибо кругъ великъ, а лучше всего ѣхать на Петриковку, гдѣ я тебя съ Катериною Павловною и встрѣчу, сія деревня отъ Екатеринослава 35 верстъ, дорогужъ знаетъ теперь Калиновскій. Я здѣсь нашелъ ту страну, гдѣ меня всѣ возлюбили и паны и простые, гдѣ разумѣютъ мою цѣну, и послѣ гордости и ругателствъ бывшихъ губернаторовъ, а особливо Бердяева, коего имя всѣмъ тутъ ненавистно, почитаютъ меня своимъ избавителемъ. Здѣшные чины и дворяне отмѣнно добрые, и ты будешъ довольна. Домъ выгоденъ и богато убранъ казенными мебелями. Вицъ губернаторъ отмѣнный человѣкъ, вѣжливъ, кротокъ и добродушенъ. Я его душевно возлюбилъ и мы всякой день вмѣстѣ. Меня тутъ на рукахъ носятъ; совѣтникъ у меня Гладкой, также доброй человѣкъ, умный и великій мнѣ помощникъ, также секретари и канцеляристи способные и все гораздо лучше, какъ въ томъ городѣ. Съ однымъ Бердяевымъ [2]) съ первого дня у меня неладно стало, и за то, что онъ хотѣлъ быть моимъ начальникомъ и сталъ мѣшатся въ мою должность. Но я неподдался исъ начала всякое дѣлалъ ему списхожденіе и вѣжливость, но онъ такова нрава, что ни съ кемъ тут ужится не могъ, всѣхъ обидилъ ругателствами и всѣми нетерпимъ; всѣ его бросили и ко мнѣ обратились; ему было полюбилось гражданское губернаторство, а теперь кромѣ полиціи въ городѣ ни до чего ему нѣтъ дѣла. Матвѣй Ильичъ весьма имъ обиженъ, то и можешъ судить въ какомъ теперь огорченіи Катерина Павловна, и сколько къ намъ привязана, даже и въ руку меня цалуетъ. Я его представилъ въ сенатъ предсѣдателемъ въ палату, чемъ Катерина Павловна весьма довольна; да и многихъ тѣхъ представилъ на мѣста, коихъ было Бердяевъ бросилъ, невзирая на ихъ достоинства. Сие весьма ко мнѣ привязало всѣхъ. Похвалюсь тебѣ, душенька, что я хозяинъ; домъ найдешъ во всемъ поленъ (=полонъ), даже и ночви и дежки

---

[1]) «Губернаторскій товарищъ» Ларіонъ Спиридоновичъ Алексѣевъ.

[2]) Предшественникъ Селецкаго, генералъ-лейтенантъ, Н. М. Бердяевъ, бывшій Екатеринославскимъ губернаторомъ съ января по май мѣсяцъ 1797 г.

есть, крави (=коровы), волы и овцы, хлѣбъ, сѣно и овесъ. Тутъ теперь ярманка, возлѣ самого дому Катерины Павловны. Мнѣ очень жаль, что тебя нѣтъ. Катерина Павловна подобно тебѣ, все сидитъ на ярманку. Все тутъ хорошо, но дѣлъ много и голова кружится отъ оныхъ, а безъ тебя все меня не веселитъ и въ вѣчной тоскѣ. Какъ будешъ сюда ѣхать, то съ послѣдняго ночлѣгу пришли кого ко мнѣ и скажи, куды къ тебѣ выѣзжать на встрѣчу. Посылаю тебѣ голову сахару, а дѣтямъ апельсинъ 13 и платковъ 6 голанскихъ ярманковыхъ, да кофе 5 фунтовъ. Впротчемъ и то тебѣ скажу, что здѣсь немотовски живутъ. Прости моя жизнь. Мысленно тебя съ милѣйшими моими дѣточками цалую и желаю здоровья и скоро видѣть. Напиши ко мнѣ чрезъ почту, которого дня располагаешь выѣхать изъ Сорочинецъ сюда. Калиновскій пусть при тебѣ ѣдетъ неотлучно, онъ дорогу знаетъ; а Новохацкого изъ дороги прислать ко мнѣ можешъ, чтобъ я встрѣтилъ. Вѣрный другъ Селецкій.

LIX.

1797 года, іюня 9. Письмо того же И. Я. Селецкаго къ женѣ Марьѣ Даниловнѣ [1]).

Душенька Марія Даниловна! Я безъ тебя не нахожу и себя, мучусь душею и теряю умъ, посылаю нарочного навѣдаться о тебѣ. Напиши ко мнѣ, естьли тебѣ лучше, когда кончится твое лѣченіе и когда располагаешъ изъ Сорочинецъ выѣзжать сюда. Сближаясь къ Очеретоватому, пришли ко мнѣ нарочнаго, я къ тебѣ туда пріѣду, а тому вели на половинѣ дороги отъ Екатеринослава заготовить 8 лошадей въ селеніи, попроси также и Потресова, чтобъ послалъ кого заготовить лошадей, гдѣ онъ знаетъ. Посылаю тебѣ чрезъ сего кусокъ парчицы для Трохимовского, голову сахару, 5 фунтовъ кофе, а для дѣтокъ ласощей каштановъ и винныхъ ягодъ, также и изюму. Еще къ удивленію твоему скажу, что я вчера угощалъ обѣденнымъ столомъ митрополита здѣшней епархіи, пріѣхавшаго сюда, который отмѣнно меня возлюбилъ и владыка прелюб-

---

[1]) Изъ фамильнаго архива того же г. ротмистра Н. Н. Комст

Столъ былъ у меня изъ 35 кувертовъ; былъ Бердяевъ, вицъ губернаторъ и первые чины, а хозяйкою была Катерина Павловна. Пѣвчіе пѣли здѣшные за столомъ. Кушанье Антонъ отмѣнно вкусное здѣлалъ, всѣ удивились и вицъ губернаторъ нашего Антона взялъ насемь денъ къ себѣ кушанье стряпать для архіерея, котораго онъ также будетъ угощать. У меня всѣ были веселы и довольни, а Антонъ нашъ лучшій поваръ выходитъ по городу. У меня всего тутъ довольно; но боюсь не великъ ли и расходъ, и не похожоль теперь на хозяйство Ларіона Спиридоновича. Господи, возврати мнѣ поскорѣе тебя съ дѣтками здоровую. Прощай, моя жизнь. Мысленно тебя съ дѣточками цалую. Я здоровъ. Вѣрный другъ.

P. S. Увѣдоми меня, лучшели Варенькѣ сдѣлалось отъ лѣченія, равно и какова наростъ у Сони, кажется скоро не время будетъ лѣчится, и пора сюда пріѣхать. Когда пявки тебѣ припустятъ, то того дня берегись, никуда не ѣзди и не ходи, чтоб раны не открились. На возвратный путь дай сему прогоны. Въ Кременчугѣ 24 іюня славный будетъ ярманокъ и я бы желалъ поѣхать, ежели бы ты къ тому времени сюда пріѣхала. Катерина Павловна проситъ тебя письмо Трохимовскому поручить отъ нея и отвѣтное привезти къ ней.

LX.

«Записка повѣсти покойнаго родителя моего Даніила Апостола, какимъ образомъ покойній дѣдъ Павелъ Апостолъ въ Молдавіи въ Полщу, а съ Полщи въ Малую Россію переселился.»

Павелъ Апостолъ былъ казій [1]) молдавскій, кой, перешедъ въ отечествѣ своемъ въ Полщу, принялъ службу въ полкахъ Рѣчи Посполитой полской, по тамошному нарѣчію назиѳаемыхъ компутовихъ и, служа тамо черезъ многие годы сискалъ у командующаго симъ корпусомъ князя Іеремѣя Вишневецкаго такую къ себѣ милость: что не токмо произведенъ полковникомъ Рѣчи Посполитой, но еще сверхъ того отъ тогожъ князя Вишневецкаго пожа-

[1]) Нужно думать, отъ турецкаго слова «кази», что значитъ судья; отсюда «Кази-Гирей».

лована ему собственная его маетность: якожъ прежде сего за державы полской полки миргородскій, лубенскій и прилуцкій были въ наслѣдственномъ владѣніи князей Вишневецкихъ; за послѣдовавшими же въ Малой Россіи разними революціями, когда здѣланъ гетманомъ Юрій Хмельницкій противъ Виговскаго изъ полской стороны, Павелъ Апостолъ какъ скоро прійшолъ въ Малою Россію съ Польши, тогожъ времени произведенъ онъ въ полкъ миргородскій полковникомъ и въ томъ чину въ статьяхъ переяславскихъ Дорошенкомъ, послѣ того бувшимъ на томъ боку Днѣпра, гетманомъ, подписанъ, въ коемъ дѣяніи служилъ всероссійскому престолу съ непоколебимою вѣрностію, не послѣдуя измѣнѣ Юрія Хмельницкаго, въ турецкую протекцію поддавшагося. По прошествіи же нѣкотораго времени, когда произведенъ въ чинъ гетманскій Бруховецкій, покойній дѣдъ Павелъ Апостолъ, не терпя его безвиннаго на себе гоненія и крайне опасенъ всегда будучи въ своей жизни (якожъ реченній Бруховецкій въ надежду високой къ себѣ монаршей милости и своего кредиту у двора государева, где и титлою ближняго боярина булъ пожалованъ, поступалъ съ необичнимъ самовластіемъ, за что и убитъ отъ своихъ же подкомандниxъ:), принужденъ билъ ради спасенія живота своего ротироваться къ давному своему патрону и милостивцу, князю Іеремею Вишневецкому, за что и пуще озлоблялся Бруховецкій, взявъ покойную мою бабку съ ея синомъ, а моимъ отцомъ Даниломъ Апостоломъ, посадилъ ихъ подъ крѣпкій караулъ въ Годячомъ, где они и содержани были неослабно даже до смерти Бруховецкаго, а покойному дѣду Павлу Апостолу во время его въ полку ретирады князь Іеремій Вишневецкій за многіе и знатніе его прежніе въ Полщи службы исходатайствовалъ у родственника своего короля полскаго Михаила Вишневецкаго индигенатъ, надѣясь чрезъ то удержать его вовсѣ въ полской службѣ. Однакъ покойній дѣдъ Павелъ Апостолъ, не лстясь никакими обнадеживаніями, какъ скоро увѣдалъ о смерти гонителя своего Бруховецкаго, тогожъ времени возвратился паки въ Малую Россію и чинъ полковничества мир-городскаго привержень ему попрежнему, въ которомъ онъ и жи[illegible] свою за гетмана Самойловича окончилъ безъ в[illegible] [illegible] своей порока. Впрочемъ ежелибъ кто зъ недоб[illegible] малъ поносить память покойнаго дѣда вм[illegible]

Украинi въ Полщу въ нарушенiе вѣрности противъ такихъ толковъ сей отвѣтъ: покойнiй дѣдъ какъ былъ нездешнiй родимецъ, но иностраннiй человекъ, такъ и могъ не возвращаться въ Украйну, вовсе остаться въ Полщи безъ всякаго предосужденiя; такимъ примѣромъ какъ я видѣлъ въ роднѣ моей, что и всѣмъ извѣстно и въ свѣжiй есть памяти, коимъ образомъ вишедшiе съ подъ турецкой области въ подданство россiйское зъ господаремъ волоскимъ княземъ Кантимиромъ разнiе знатнiи волоскiи бояре пожалованi были въ слободскихъ полкахъ, а другiе въ Украйнѣ деревнями, въ томъ числѣ первiй по господару волоскомъ бояринъ чиномъ банъ имѣлъ надданiе себѣ маетности въ полку прилуцкомъ, помнится мнѣ, Колюжникъ да и другiе села; но когда ему бану iпрочихъ не понравило здѣшное житiе, то они явно безъ всякого воспещенiя свободно въ свое отечество, оставя жалованнiе имъ деревни, возвратились» 1).

LXI.

1771 годъ. Выписка изъ дѣла Кубанскаго войскового архива о хранившемся при ейскомъ окружномъ дежурствѣ черноморскаго войска знамени съ надписью 1771 года; дѣло это во многихъ мѣстахъ истлѣло.

Въ Ейскомъ... знамя о которомъ... товъ не находится... оста... самъ служившихъ въ к... козаковъ и старшинъ своихъ... показанiе отставного капитана... ритъ, что онъ съ 1787 года во все вр... рецкой и переходѣ на настоящую... мо, служилъ молодикомъ при боку кошев... Алексѣевича Чепиги, пользовался всегдашни... наставленiями и выслушивалъ разсказы и воспоминанiя о бывшемъ запорожскомъ войскѣ, въ числѣ коихъ... ный панъ кошовой о знамени семъ говорилъ... такъ: въ запорожскомъ войскѣ былъ обычай такой, назначаемые старшины и полковники съ командами не менѣе 500 человѣкъ на время получали отъ... опредѣляемые... одни перначи... мись во все время... ремѣною передава... никамъ. Каж-

[1]) Изъ фамильныхъ бумагъ владѣльца м. Котовки, гофмейстера Г. П. Алексѣева.

дый полковникъ... обычаю вступивши въ новую обя... соорудить свое коштное знамя,... время его управленія паланкою на... и предшествовало ему въ объѣздахъ... (округѣ). Оно служило знакомъ до... ва, а перначъ означалъ власть. Если по обстоятельствамъ паланочный полковникъ по волѣ Коша... мѣнился другимъ, то смѣняющійся полковникъ передавалъ новому, на его мѣсто вступающему полковнику, войсковой перначъ, а со знаменемъ отправлялся въ Сѣчь и передавалъ оное въ свой курень атаману; являлся самъ въ Кошъ къ кошевому. Полученное въ куренѣ знамя сохранялось и въ праздничные дни, когда войсковыя знамена у кошевого были распускаемы, то и курени выставляли свои знамена... реня. . на до... На... означено 1771 года... Чепигою и означаетъ... ковникомъ протов... Коша въ бывшемъ запорож... Іюня 20 по 5 іюля 1775 года... Сѣчи Чепига былъ полковнико... паланки и какъ не былъ смѣненъ .. отъ Коша, а сложилъ власть сво... русскихъ военачальниковъ, тоимѣвш... знамя и два войсковыхъ стальныхъ пернача оставилъ у себя и по уничтоженіи запорожскаго войска хранилъ по 1787 годъ, т. е. до возстановленія войска подъ именемъ Черноморскаго, котораго... лавшись кошевымъ атаманомъ, Чепига, по переходѣ на сію Высочайше пожалованную землю, во время учрежденія въ войскѣ окружныхъ паланокъ... немъ два. ику ейской па... Григорьеву... ковскій курѣнь... варищемъ былъ кошевой... принадлежалъ по вѣдомству... того времени, знамя это съ... переходило изъ рукъ въ руки послѣ... никимъ Письменнаго, далѣе въ переоб... тое сыскное начальство, изъ котораго при... настоящаго войскового положенія въ 1842 году... бывшимъ земскимъ начальникомъ есауломъ... Войсковый старшина Ягличетъ въ окружное дежурство ейскаго военнаго округа, гдѣ и нынѣ хранится. Знамя это имѣетъ два поля: первое теперь желтое, но видно, что градетуръ плотный, старинный, вытканъ изъ желтой и красной нитки и имѣетъ отливъ, второе поле голубое. Что означаютъ буквы П. С. р. Н. М. и прочія неизвѣстно. Подписалъ полковникъ Кухаренко, сентября 28 дня, 1845 года. шіеся у Чепиги два пернача принадлежали, одинъ нію протовчанской паланки; а другой, какъ вид замѣтки, тоже истлѣвшей, войсковому табунщику войска, который тоже былъ во в команд

вольности запорожскихъ козаковъ.

сберегавшихъ войсковыхъ козачьихъ лошадей и, какъ полагалъ разсказчикъ Герко, не былъ ли войсковымъ табунщикомъ во время основанія и разоренія русскими запорожской Сѣчи въ протовчанской паланкѣ и когда Сѣчь пала, то онъ сдалъ свою власть, а съ ней и пернachъ, паланочному полковнику Чепигѣ. [1])

---

[1]) Сообщилъ И. П. Короленко, Екатеринодаръ, 1894 года.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

M.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

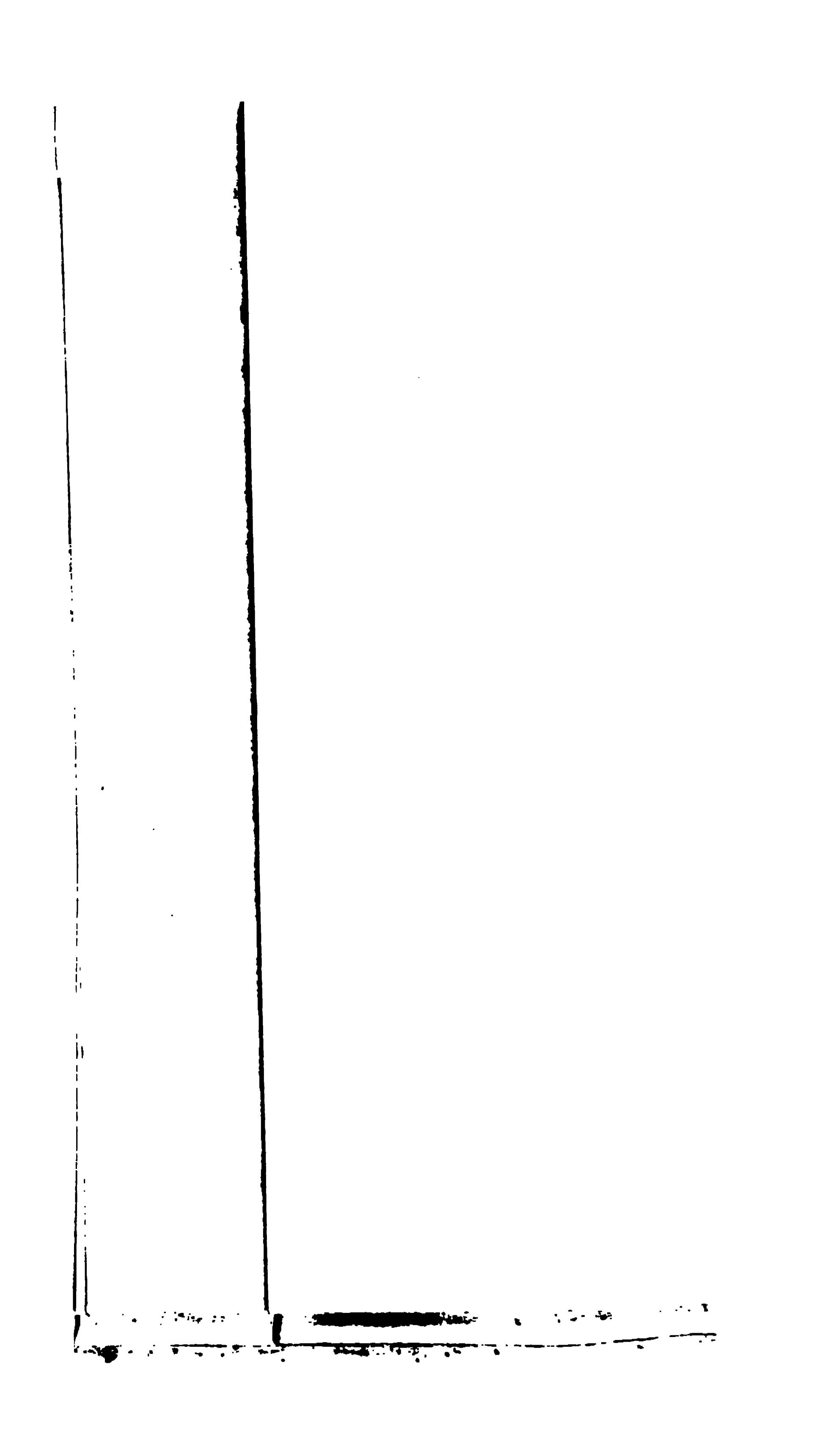
Щ.

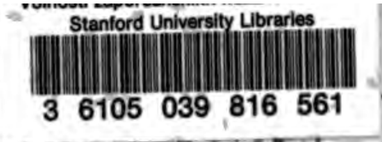
Э.

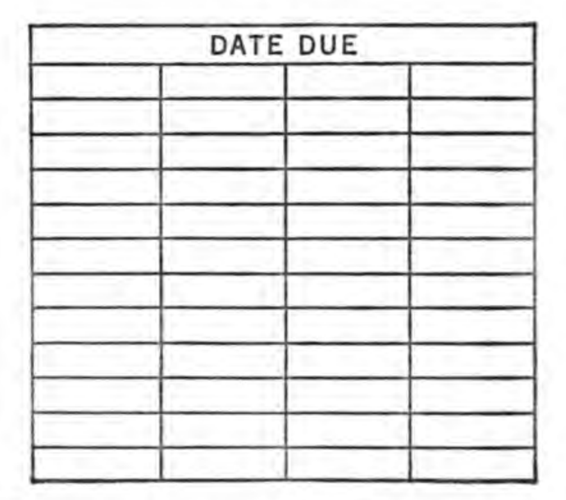
Ю.

Я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.







DATE DUE